

Аналитическая метафизика

Тематический обзор

Аналитическая философия

опубликованы:

- ✓ Аналитическая метафизика. Тематический обзор.

готовятся к публикации:

- ✓ Метаэтика. Теоретический обзор.
- ✓ Аналитическая эпистемология. Тематический обзор.
- ✓ Метаонтология. Теоретический обзор.

Евгений Кононов

Аналитическая метафизика

Тематический обзор

Москва

2023

УДК 11
ББК 87.1
К 64

Научный редактор –
к. филос. н., научный сотрудник Международной лаборатории логики, лингвистики и формальной философии НИУ ВШЭ
К.Г. Фролов

К 64 **Кононов Евгений Александрович**
Аналитическая метафизика. Тематический обзор. – М., 2023. Издание 2-е, исправленное и дополненное – 507 с. (Аналитическая философия).

Книга представляет собой первый на русском языке систематический обзор главных тем аналитической метафизики, ставшей в последние десятилетия одной из центральных и наиболее быстро развивающихся философских дисциплин в аналитической традиции. В ней затронуты проблемы универсалий, возможных миров, причинности, законов природы, материальной композиции, времени, тождества личности, свободы воли и многие другие. По каждой из проблем представлен обзор наиболее известных и влиятельных философских теорий: реализма, номинализма, модальных реализма и абстракционизма, мереологического универсализма, эндурантизма и пердурантизма, компатибилизма и инкомпатибилизма и других. Книга предполагает некоторое первоначальное знакомство с философией и может быть использована в качестве учебного пособия для студентов философских факультетов высших учебных заведений.

ОГЛАВЛЕНИЕ

посвящается С. Т. Р.

Предисловие

«Аналитическая метафизика? Но ведь это же практически оксюморон. Философы-аналитики известны своим отрицанием метафизики как чепухи и бессмыслицы» – примерно так может воскликнуть немного знакомый с аналитической философией читатель, увидев заголовок этой книги. И он был бы во многом прав, если бы дело происходило лет 70 назад. Однако с тех пор многое изменилось. Начиная примерно с 60-х годов 20 века, метафизика постепенно занимает все более важное место в аналитической традиции философствования. Первопроходцами в ее реабилитации были Сол Крипке, Родерик Чизолм и Дэвид Льюис. Вышедшая в 1986 году книга Льюиса «О множественности миров» стала классической и поспособствовала превращению метафизики в одну из центральных дисциплин в аналитической философии. С тех пор появилось множество посвященных разным метафизическим вопросам статей и монографий таких философов, как Майкл Лакс, Дэвид Виггинс, Марк Хеллер, Питер ван Инваген, Дэвид Армстронг, Теодор Сайдер, Трентон Меррикс, Кэтрин Холи, Джон Хейл, Александр Берд, Кэтрин Кослицки, Эми Томассон, Карен Беннетт и многих других. Скорее всего, перечисленные нами имена практически ни о чем не говорят подавляющему большинству

читателей книги, даже тем из них, у кого имеется философское образование. Найти этому причины несложно. Во-первых, российское философское образование больше ориентировано на континентальную традицию. Нельзя закончить философский факультет российского ВУЗа и не знать имен Мишеля Фуко или Жиля Делеза. Однако имен Теодора Сайдера или Питера ван Инвагена студент может ни разу не услышать за все время обучения. Большинство курсов аналитической философии ограничиваются работами почти вековой давности (Рассела, Фреге, Витгенштейна и т. д.). Эта ситуация начала изменяться лишь в последние годы (и лишь в некоторых учебных заведения). Во-вторых, работы всех этих философов не переведены на русский язык. По-русски нет даже упомянутой нами книги Льюиса «О множественности миров». Также отсутствуют переводы учебной и справочной литературы по метафизике. В результате русскоязычному читателю, который захочет получить представление о современной аналитической метафизике, просто некуда обратиться.

Данная книга призвана исправить этот недостаток. В ней дается систематическое изложение основных проблем аналитической метафизики и теорий, призванных эти проблемы решить. Но, прежде чем говорить о содержании книги подробнее, необходимо остановиться на ее названии. Что же такое аналитическая философия вообще и аналитическая метафизика в частности?

Спор об аналитической философии и ее соотношении с континентальной ведется давно, но в задачу нашей работы его разрешение не входит. Мы ограничимся цитатой Майкла Лакса (автора одного из самых известных введений в метафизику), который под аналитической традицией имеет ввиду «в основном англо-американское направление в философии, которое зародилось в начале двадцатого века в работах таких мыслителей, как Джордж Эдвард Мур и Бертран Рассел, и которое продолжается и по сей день; это течение отличается особым стилем философствования, где центральное значение придается логике и философии языка, методологической ясности, а также другим видам философского анализа»[1]. Читатель, желающий погрузиться в этот спор более подробно (и владеющий английским языком), может прочитать пятую главу «Введения в метафилософию» Овергаарда, Гилберта и Бурвода[2]. На русском языке можно

[1] Лакс М. Дж. Метафизика в аналитической традиции // Философский журнал 2015. Т. 8. № 2. С. 5–15

[2] см. Overgaard S., Gilbert P., Burwood S. An Introduction to Metaphilosophy. Cambridge, Cambridge University Press, 2013

обратиться к полемике В. В. Целищева и В. К. Шохина по поводу книги А. Престона «Аналитическая философия: история иллюзии»[3].

Метафизику можно определить, по словам Лакса, как «ту часть философии, которая посвящена наиболее общим вопросам о природе реальности и в которой особое внимание уделяется самым общим категориям, их свойствам и отношениям между ними»[4]. Похожее определение дается в большинстве англоязычных (принадлежащих к аналитической традиции) учебников. Метафизика – это дисциплина занимающаяся «фундаментальной структурой реальности в целом»[5]; она занимается «некоторыми из глубочайших и наиболее экзистенциально важных вопросов относительно человеческих личностей и фундаментальными свойствами реальности»[6]; это «изучение предельной [ultimate] реальности»[7]. Все эти определения страдают от одного явного недостатка – они не слишком информативны. Что из себя представляет предельная, фундаментальная реальность и ее структура? Какие именно ее свойства изучает метафизика? В связи с этим нам кажется, что более плодотворным будет простое перечисление тех проблем, которыми традиционно занимается метафизика в аналитической традиции: это причинность, законы природы, время, материальные объекты, возможные миры и более специальные проблемы, такие как тождество личности во времени или свобода воли. Многие авторы англоязычных учебников дают похожие определения. Метафизика – это «ветвь философии, занимающаяся природой реальности в ее наиболее фундаментальных аспектах: существование, отношение часть/целое, пространство, время, причинность, возможность и необходимость, сходство и несходство»[8], она исследует

---

[3] см. Шохин В.К. Что же все-таки такое аналитическая философия? В защиту и укрепление «ревизионизма» // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 137–148; Шохин В.К. Аналитическая философия: некоторые непроторенные пути // Философский журнал 2015. Т. 8. № 2.С. 16–27; Целищев В.В. Аналитическая философия и ревизионизм без берегов // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 2. С. 138–155; Васильев В. В. Что такое аналитическая философия и почему важен этот вопрос? // Философский журнал. 2019. Т. 12. № 1. С. 144–158

[4] Лакс М. Дж. Метафизика в аналитической традиции // Философский журнал 2015. Т. 8. № 2. С. 5–15

[5] Lowe E. J. A Survey of Metaphysics, Oxford, Oxford University Press, 2002 pp. 2-3

[6] Rea M. Metaphysics: The Basics. London, Routledge, 2014 p. xi

[7] Van Inwagen P. Metaphysics Boulder, CO, Westview Press, 2009 p. 1

[8] Koons R. C., Pickavance T. H. The Atlas of Reality: A Comprehensive Guide to Metaphysics. Malden, Wiley Blackwell, 2017 p. 3

«наиболее общие и повсеместные свойства реальности (напр. существование, пространство, время, причинность, объект, свойство)»[9].

Исходя из такого подхода к определению метафизики и строится структура данной книги. Она разделена на 19 глав, каждая из которых посвящена одной из метафизических проблем: факторам истинности, универсалиям, конкретным партикуляриям, абстрактным объектам, фиктивным объектам, событиям, сущности, базированию, возможным мирам, контрфактическим кондиционалам, диспозициям, причинности, законам природы, материальной композиции и конституции, времени, пребыванию объектов во времени, физикализму, тождеству личности во времени и свободе воли. Содержание глав следует приблизительно одной и той же схеме: вначале дается определение основных терминов, затем излагаются основные, наиболее распространенные среди философов позиции по теме главы. В пользу этих позиций приводятся аргументы и возражения против них. В конце каждой главы дается список литературы, в который включены вводные/обзорные работы по теме, а также статьи/монографии, которые оказались наиболее значительными и влиятельными. Все приводимые цитаты из англоязычных источников даны в авторском переводе.

Следует сказать несколько слов о терминологии. Ни для кого не секрет, что главным языком аналитической философии является английский. Подавляющее количество работ (в том числе и авторов, для которых английский – не родной язык) в аналитической традиции выходят на английском. К сожалению, для многих специальных философских терминов нет устоявшегося русского перевода. Например, первая глава книги посвящена факторам истинности. На английском это truthmakers. Однако в различных русскоязычных работах их называют и делателями истинности, и созидателями истины, и создателями истинности, и истиносозидателями, и просто truthmakers. Ввиду такого хаотичного положения дел автору часто приходилось принимать собственные, произвольные решения о переводе того или иного слова. Во избежание путаницы, для всех наиболее важных терминов в скобках приводится английский оригинал.

После данного предисловия мы приводим два списка литературы. Первый – наиболее известные введения в метафизику на английском, примерным аналогом которых на русском языке и должна стать наша книга. Второй – русскоязычная литература, касающаяся

[9] Garrett B. What is this thing called Metaphysics? London, Routledge, 2006 p. xiii

не только аналитической метафизики, но и аналитической философии в целом. Читатель может обратить внимание на работы таких авторов, как К. Г. Фролов, Н. В. Головко, М. В. Лебедев, А. З. Черняк, В. В. Целищев, В. В. Васильев, Е. В. Борисов, Л. Б. Макеева, Г. Д. Левин, П. С. Куслий и др. Недостаток литературы в последнее время несколько компенсируется появлением интернет-ресурсов, посвя-щенных аналитической философии – сообществ и пабликов в ВКон-такте, YouTube-каналов и так далее (например, LS Philosophy или Insolarance Cult). Сведения о них также включены в список литера-туры.

В заключение следует заметить, что книга предполагает некоторое первоначальное знакомство с философией вообще (базовые представления о логике, истории философии) вообще и аналитической традицией в частности и может вызвать трудности у новичков, хотя автор пытался сделать ее максимально доступной для широкого круга читателей, всех интересующихся современным положением дел в аналитической философии.

Автор выражает благодарность научному редактору книги Константину Геннадьевичу Фролову, без которого второе издание, исправленное и дополненное, было бы невозможно.

Все замечания и пожелания по поводу книги можно отправлять на электронную почту автора evgenykononov1985@yandex.ru.

Списки литературы

1. Carroll J. W., Markosian N. An Introduction to Metaphysics. Cambridge, Cambridge University Press, 2010.
2. Conee E., Sider T. Riddles of Existence. A Guided Tour of Metaphysics. Oxford, Oxford University Press, 2015.
3. Garrett B. What is this thing called Metaphysics? London, Routledge, 2006.
4. Kim J., Korman D. Z., Sosa E. (eds.) Metaphysics. An anthology. Malden, Wiley Blackwell, 2011.
5. Koons R. C., Pickavance T. H. The Atlas of Reality: A Comprehensive Guide to Metaphysics. Malden, Wiley Blackwell, 2017.
6. Loux, M. J. Metaphysics. A Contemporary Introduction. London, Routledge, 2017.

7. Lowe E. J. A Survey of Metaphysics, Oxford, Oxford University Press, 2002.
8. Macdonald C. Varieties of Things metaphysics. Malden, Wiley Blackwell, 2005
9. Manson, N. A., Barnard R. W. (eds.) Companion to Metaphysics. London, Bloomsbury Academic, 2012.
10. McDaniel K. This Is Metaphysics. An Introduction. Malden, Wiley Blackwell, 2020.
11. Rea M. Metaphysics: The Basics. London, Routledge, 2014.
12. Sider T., Hawthorne J., Zimmerman D. W. (eds.) Contemporary Debates in Metaphysics Oxford, Blackwell, 2008.
13. Van Inwagen P. Metaphysics. Boulder, CO, Westview Press, 2009.

1. Фролов К. Г. Горизонты возможного: Очерки аналитической метафизики. Санкт-Петербург, Геликон Плюс, 2018.
2. Аналитическая философия. Под ред. М. В. Лебедева, А. З. Черняка. М., РУДН, 2006.
3. Борисов Е. В. Основные черты постметафизической онтологии. Томск, изд-во ТГУ, 2009.
4. Васильев В. В. В защиту классического компатибилизма: Эссе о свободе воли. М.: ЛЕНАНД, 2017.
5. Волков Д. Б. Проблема свободы воли: обзор ключевых исследований конца XX — начала XXI века в аналитической философии // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 3. С. 175—189.
6. Волков Д. Б. Свобода воли. Иллюзия или возможность. М., Карьера Пресс, 2018.
7. Головко Н. В. Аристотель, Дж. Лэдимен и натурализация метафизики // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, № 3. С. 325–339
8. Драгалина-Чёрная Е. Г. Онтология для Абеляра и Элоизы. М., ВШЭ, 2012.
9. Левин Г. Д. Истинность и рациональность. М., Канон+, 2011.
10. Левин С. М. Сознание, организм и объективация личности // Эпистемология и философия науки. 2013. № 4. С. 104—116.
11. Левин С. М. Физикализм, субъект и метафизическая свобода воли // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия: Философия. 2013. Т. 2. №2. С. 67—77

12. Лолли Г. Философия математики. Наследие двадцатого столетия. Нижний Новгород, НГУ, 2012.
13. Макеева Л. Б. Язык, онтология и реализм. М., ВШЭ, 2011
14. Мишура А. С. Поле битвы: свобода воли // Логос. Т. 26. № 5. 2016. С. 19—57.
15. Никоненко С. В. Аналитическая философия. Основные концепции. СПб, СПбГУ, 2007.
16. Стросон П. Ф. Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики. Калининград, РГУ им. Канта, 2009.
17. Целищев В. В. Философские проблемы семантики возможных миров. М., УРСС, 2010.
18. Чалмерс Д. Сознающий ум: в поисках фундаментальной теории. М., УРСС, 2013.
19. Чирва Д. В. Метафизика имеет значение. Анималистическая и конституционалистская концепции личности // Мысль. 2015. Т. 18. С. 84—93.
20. https://www.youtube.com/c/luckystrikephilosophy LS Philosophy.
21. https://vk.com/analyticphilosophy Аналитическая философия.
22. https://vk.com/philoscafe Философское кафе.
23. http://datepalmcompote.blogspot.com/ Финиковый Компот.
24. https://www.hardproblem.ru/ Московский центр исследования сознания.
25. https://www.youtube.com/c/InsolaranceCult Insolarance Cult.
26. https://philosophy.ru/ Стэнфордская философская энциклопедия: переводы избранных статей.

Глава 1. Факторы истинности

Создание истинности (truthmaking) стало одной из ведущих тем в аналитической метафизике конца XX – начала XXI века. Это понятие нашло широкое применение при обсуждении самых разных метафизических проблем – времени, модальности, физикализма и многих других. В данной главе мы подробно рассмотрим понятие факторов истинности (truthmakers) и различные точки зрения на него. Но прежде следует сказать несколько слов об истине вообще и о носителях истинности в частности.

Начать можно с простого и очевидного положения: в течение своей жизни мы говорим и пишем множество вещей, которые можно оценить с точки зрения их истинности. «Москва – столица России», «два плюс два равно четыре», «солнце вращается вокруг земли» и так далее. Все эти утверждения являются истинными или ложными. Но что же такое истина сама по себе? На протяжении практически всей истории философии философы пытались ответить на этот вопрос. Мы не будем рассматривать все ответы, дававшиеся разными философами, так как это выходит за рамки нашей темы. Скажем лишь, что

одной из наиболее популярных оказалась корреспондентная теория истины. Еще Аристотель в своей Метафизике писал: «Это становится ясным, если мы прежде всего определим, что такое истинное и ложное. А именно: говорить о сущем, что его нет, или о не-сущем, что оно есть, – значит говорить ложное; а говорить, что сущее есть и не-сущее не есть, – значит говорить истинное»[10]. Эту цитату Аристотеля можно понять так, что высказывание или предложение истинно тогда, когда мир таков, каким предложение его представляет. Например, предложение «Снег бел» будет истинным, если и только если снег действительно бел. Отсюда и название теории – корреспондентная: между истинным предложением и миром существует некое соответствие (correspondence). Однако философы расходятся в понимании того, в чем именно это соответствие состоит. Но все согласны с тем, что одна из сторон в этом совпадении – предложение и его содержание, а вторая – сам мир. Именно эту вторую сторону представляют факторы истинности, о которых мы и будем говорить, но сейчас мы кратко охарактеризуем первую сторону, так как с ней должны соотноситься факторы истинности.

Большое число философов предпочитают соотносить с реальностью, миром не сами предложения, а пропозиции (propositions). Пропозиции представляют собой значения утвердительных предложений, а также содержания так называемых пропозициональных установок (мнения, желания и так далее). Сторонники существования пропозиций полагают, что произнесение утвердительного предложения (например, «Москва – столица России») выражает пропозицию *что Москва – столица России*. Эта пропозиция представляет, репрезентирует мир определенным образом и является главным, первичным носителем истинности (предложение истинно/ложно лишь в производном смысле, как выражающее пропозицию). Если мир действительно таков, как представляет его пропозиция, то она будет истинной, и истинным будет соответствующее произнесение предложения. Наши мнения также будут истинными или ложными в зависимости от пропозиций, с которыми они соотносятся.

По общему мнению, две основные характеристики пропозиций – это их репрезентативность и неязыковой характер. Неязыковой характер необходим, чтобы избежать проблем, которые возникают, если сделать языковые предложения первичными носителями истинности. Во-первых, предложения на разных языках могут иметь одно

[10] Аристотель Сочинения в четырех томах т. 1. М., Мысль 1976 С. 141

и то же значение: «Трава зеленая» на русском и «Grass is green» на английском означают то же самое. Без введения пропозиций трудно объяснить этот факт. Сторонник же пропозиций может сказать, что несколько предложений значат то же самое, если они выражают одну и ту же пропозицию. Во-вторых, люди, говорящие на разных языках, могут иметь мысли с одним и тем же содержанием, хотя думают они на разных языках. В этом случае сторонник пропозиций тоже может легко объяснить данный феномен: русский, думающий, что «Снег является белым», и француз, думающий, что «La neige est blanche», думают одно и то же, так как содержанием их мыслей является одна и та же пропозиция. Теперь понятно, почему пропозиции, к которым обращаются для объяснения данных явлений, не могут быть языковыми. Если бы они таковыми были, то не смогли бы объяснить явления: если бы русское предложение выражало некую русскую пропозицию, а английское предложение английскую, то две эти разные пропозиции не смогли бы объяснить тождество значения предложений.

Пропозиции также должны быть репрезентативными, то есть представлять мир обладающим теми или иными характеристиками. Это необходимо для объяснения нашей способности иметь истинные/ложные мнения и высказывать истинные/ложные утверждения. Истинным будет то утверждение, которое выражает пропозицию, представляющую мир таким, каков он на самом деле. Однако репрезентативность пропозиций отличается от репрезентативности, например, фотографий или реалистической живописи в, как минимум, двух аспектах: 1. пропозиции представляют что-либо независимо от намерений, интенций разумных существ, 2. пропозиции представляют что-либо не из-за того, что походят на свой объект.

Данная нами характеристика пропозиций не дает ответа на метафизический вопрос: что именно в онтологическом смысле представляют из себя пропозиции? Причем ответ на него должен в идеале пролить свет на то, почему пропозиции обладают вышеперечисленными свойствами. Философы расходятся во мнениях при ответе на этот вопрос. Некоторые считают пропозиции фундаментальными абстрактными объектами. Часть из этих философов, например Джордж Билер[11] или Трентон Меррикс[12] полагают, что они лишены внутренней структуры, и их репрезентативность является базовой,

[11] Bealer G. Propositions // Mind. 1998. №107(425) pp. 1-32
[12] Merricks T. Propositions. Oxford, Oxford University Press, 2015

примитивной характеристикой. Другие, например, Скотт Сомс[13] и Натан Салмон[14] думают, что пропозиции обладают некоей квази-языковой структурой и представляют мир благодаря ей. Кроме этого, существует мнение, согласно которому пропозиции представляют собой множества возможных миров: например, пропозиция «Москва – столица России» будет просто набором миров, в которых Москва действительно столица России (о возможных мирах см. главу 9). Однако истинность той или иной позиции мало затрагивает тему данной главы – факторов истинности.

Как мы говорили выше, согласно одной из наиболее распространенных теорий истины (корреспондентной), пропозиции для того, чтобы быть истинными/ложными, должны каким-то образом соотноситься с нашим миром, с самой реальностью. Очевидно, что им не нужно соотноситься со всем миром в целом: для истинности пропозиции, выраженной предложением «Земля вращается вокруг своей оси», не нужен целый мир, достаточно лишь определенного фрагмента. Но что именно представляет из себя этот фрагмент?

В аналитической философии, еще в момент ее формирования, получила распространение идея (в том или ином виде ее разделяли Бертран Рассел и Людвиг Витгенштейн), что мир состоит из набора отдельных, независимых фактов или логических атомов. Отсюда и название теории – логический атомизм. Два факта, a и b являются логически независимыми, если возможны все четыре следующие ситуации: 1. a и b оба существуют, 2. ни a, ни b не существуют, 3. a существует, но b нет, 4. b существует, но a нет. Логические атомы являются частями, из которых состоит мир. Именно им должны соответствовать пропозиции. В нашем мире существует логический атом, факт, что Земля вращается вокруг своей оси, и истинная пропозиция, *что Земля вращается вокруг своей оси* должна соответствовать этому факту и только ему. Факт и пропозиция не просто соответствуют друг другу, но пропозиция истинна в силу факта, факт делает пропозицию истинной, то есть является фактором ее истинности. Саму идею создания истинности можно найти уже у Аристотеля, который писал в Категориях так: «В самом деле, если имеется человек, то верна речь о том, что он человек. И это обратимо: если верна речь о том, что есть человек, то человек есть. Но верная речь ни в коем случае не есть причина бытия вещи, однако вещь, по-видимому, есть некоторым

[13] Soames S. Direct Reference, Propositional Attitudes and Semantic Content// Philosophical Topics. 1987. №15 pp. 47-87
[14] Salmon N. Frege's Puzzle. Cambridge, MIT Press/Bradford Books, 1986

образом причина истинности речи: ведь в зависимости от того, существует ли вещь или нет, речь о ней называется истинной или ложной»[15].

Практически все философы согласны с тем, что создание истинности является отношением. Его релятами, то есть вступающими в отношение объектами, являются пропозиции, как носители истины (truthbearers) и факты или положения дел, как факторы истинности. Данное отношение является поэтому кросс-категориальным – оно может связывать сущности (entities), принадлежащие к разным онтологическим категориям: пропозицию и нечто, не являющееся пропозицией, например, факт. Однако, хотя оно может это делать, эта особенность отношения не является обязательной: создание истинности может существовать и между сущностями из одной категории. Например, для пропозиции *что существует по крайней мере одна пропозиция* фактором истинности будет пропозиция *что Москва – столица России* (или любая другая). Кроме этого, отношение создания истинности не является каузальным, то есть некий факт делает соответствующую пропозицию истинной, но не может считаться причиной этой истинности в том же смысле, в каком попадание мяча в оконное стекло является причиной разбивания этого стекла. Дело в том, что пропозиции, по общему мнению, являются абстрактными сущностями (см. главу 4), а абстрактные сущности не могут вступать в причинно-следственные отношения и являются каузально инертными.

Точное взаимоотношение между фактами, как факторами истинности и пропозициями, как ее носителями, трактуется по-разному разными философами. Один из подходов использует понятие логического следования и утверждает, что из самого существования фактора истинности (точнее говоря, из пропозиции, что фактор истинности существует, так как логическое следование связывает пропозиции) логически следует истинность соответствующей пропозиции:

(ЛСФИ) x является фактором истинности для пропозиции p, если и только если x существует, и из пропозиции *что x существует* логически следует пропозиция p.

Из такого определения вытекает невозможность одновременной истинности *что x существует* и ложности пропозиции p. Однако здесь возникает одна серьезная проблема. Она связана с необходимо

[15] Аристотель Сочинения в четырех томах т. 2 М., Мысль, 1978 С. 87

истинными пропозициями. Например, *что квадрат имеет четыре стороны*. В соответствии с определением любой существующий объект будет фактором истинности для такой пропозиции. Невозможно, чтобы одновременно *что Эйфелева башня существует* была истинной пропозицией, а *что квадрат имеет четыре стороны* ложной (поскольку вторая из них вообще не может быть ложной). Но какое отношение имеет Эйфелева башня к квадрату и его четырем сторонам? В результате (ЛСФИ) было отвергнуто большинством философов. Но они так и не пришли к консенсусу о том, каким же определением его следует заменить.

Одни из них предлагают просто немного уточнить определение с помощью понятия релевантности, которое используется в различных системах релевантной логики. Чтобы устранить контринтуитивные следствия, о которых мы только что говорили, было предложено такое определение:

(РЛСФИ) x является фактором истинности для пропозиции p, если и только если x существует, и из пропозиции *что x существует* релевантно следует (relevantly entails) пропозиция p.

Очевидная проблема определения – в неясности понятия релевантности. Сторонникам определения необходимо указать конкретную систему релевантной логики, из которой они хотят взять это понятие. Но оно должно быть таким, чтобы безошибочно связать пропозиции с их факторами истинности и исключить при этом контринтуитивные случаи. Ясно, что это далеко не простая задача.

В связи с данной трудностью некоторые философы решили вообще отказаться от понятия следования и найти другое. Одни из них утверждают, что фактор истинности – это тот факт, в силу которого (in virtue of) пропозиция истина. Тогда мы получим такое определение:

(БФИ) x является фактором истинности для пропозиции p, если и только если p истинна в силу x.

Причем в данном подходе «истинна в силу» (true in virtue of) рассматривается многими философами[16] как фундаментальное и

[16] см. Rodriguez-Pereyra G. Truthmaking, Entailment, and the Conjunction Thesis // Mind. 2006. №115(460) pp. 960-1

далее не анализируемое понятие, хотя многим другим это кажется недопустимым. Алекс Оливер[17], например, считает это понятие слишком темным и мало проясняющим характер отношений между пропозициями и факторами истинности. Поэтому было предложено несколько других определений.

В частности, Эдвард Джонатан Лоу в своей книге 2006 года «The Four-Category Ontology: A Metaphysical Foundation for Natural Science» дал определение факторам истинности, используя понятие сущности:

(СущФИ) x является фактором истинности для пропозиции p, если и только если частью сущности x является то, что p истинна, если x существует[18].

По мнению Лоу, данное определение может легко справиться с необходимо истинными пропозициями. Пропозиция, *что если квадрат имеет четыре стороны, то квадрат имеет четыре стороны* (и любая другая логически истинная пропозиция) будет своим собственным фактором истинности: из самой ее сущности следует ее истинность. Никакие другие объекты или факты не нужны. Но это относится только к логически необходимым истинным пропозициям. У таких метафизически необходимых истин, как пропозиция *что три плюс два равняется пяти* будут отдельные факторы истинности. Ими будут сами числа два, три и пять: из их сущности вытекает указанное в пропозиции соотношение между ними, 2+3=5. Несмотря на эти достоинства, использование понятия сущности оттолкнет многих философов, поскольку оно покажется не менее темным и малопонятным, чем понятие «истинна в силу».

В связи с наличием трудностей у всех предложенных выше определений, некоторые философы[19] решили, что выходом из ситуации будет объединение нескольких из них. Значительную популярность завоевало предложение объединить логическое следование и понятие «истинна в силу». Мы назовем такое определение классическим фактором истинности, так как оно, по мнению его сторонников, восходит к идеям логических атомистов:

---

[17] Oliver A. The Metaphysics of Properties // Mind. 1996. №105. p. 48

[18] Lowe E. J. The Four-Category Ontology: A Metaphysical Foundation for Natural Science. Oxford, Oxford University Press, 2006 p. 203

[19] Koons R. C., Pickavance T. H. The Atlas of Reality: A Comprehensive Guide to Metaphysics. Malden, Wiley Blackwell, 2017 p. 18

(КлФИ) x является классическим фактором истинности для пропозиции p, если и только если (1) необходимо, если x существует, то p истинна, (2) необходимо, если x существует и p истинна, то p истинна, по крайней мере частично, в силу существования x.

В случае пропозиции *что снег бел* таким фактором истинности будет факт белизны снега: необходимо, если существует факт белизны снега (снег действительно является белым), то пропозиция *что снег бел* будет истинной. Также необходимо, что пропозиция истинна в силу данного факта.

Теория классических факторов истинности утверждает, что факторы истинности, определенные в (КлФИ), существуют для всех истин или же большого их подмножества. В пользу теории можно привести множество аргументов, некоторые из которых мы рассмотрим.

Во-первых, кажется, что корреспондентная теория истины естественным образом ведет к признанию факторов истинности. Сама эта теория истины имеет широкое распространение и обладает высокой степенью интуитивной убедительности. Но теория строится на существовании отношения соответствия между пропозициями и реальностью. Факторы истинности очень хорошо подходят на роль того фрагмента реальности, которому должна соответствовать истинная пропозиция.

Во-вторых, без понятия факторов истинности трудно понять, отличаются ли теории (научные или философские) в отношении того, как они описывают мир. Любая теория описывает по крайней мере определенную часть нашего мира, то есть теория будет истинной, если и только если мир характеризуется определенным образом – определенные объекты или существуют, или обладают какими-либо свойствами, или находятся в каких-либо отношениях. Очевидно, что разные теории могут описывать мир по-разному, постулируя существование разных объектов и тем самым противореча друг другу. Проблема в том, что две теории вполне могут описывать мир одинаково, но использовать при этом разную терминологию. То есть теории не просто выражены на разных языках, но использую разные фундаментальные понятия и категории, хотя и говорят о мире одно и то же. В результате может возникнуть иллюзия того, что теории противоречат друг другу, хотя на самом деле этого нет. Избежать такого положения помогают факторы истинности. С их помощью легко

провести различие между онтологически и идеологически отличающимися теориями. Две теории отличаются онтологически (то есть действительно описывают мир по-разному), если и только если для их истинности необходим разный набор факторов истинности. Они различаются лишь идеологически, если и только если для их истинности достаточно существования одного того же набора факторов истинности. Например, одна теория говорит о толпах, а другая только о людях и их пространственных отношениях. Или одна теория утверждает существование холостяков, а другая – неженатых мужчин. В этих (и других, более сложных и запутанных) случаях мы можем понять, что на самом деле теории утверждают одно и то же, так как для их истинности достаточно существования одних и тех же фактов, которые будут для них факторами истинности.

В-третьих, понятие факторов истинности помогает в борьбе с так называемым метафизическим жульничеством (metaphysical cheating). По мнению некоторых философов, без этого понятия трудно бороться с философскими теориями, которые утверждают некоторые пропозиции, но при этом не хотят говорить ничего метафизически существенного о том, каким должен быть наш мир, чтобы данные пропозиции оказались истинными. Очень часто приводится следующий пример метафизического жульничества. В метафизике времени (см. главу 15) существует два основных взгляда на существование прошлого и будущего: презентизм, согласно которому существуют лишь настоящие объекты, а прошлые и будущие – нет, и этернализм, который признает существующими все объекты – прошлые, настоящие и будущие, как одинаково реальные. Презентисты и этерналисты согласны, например, с тем, что динозавры не существуют сейчас, но расходятся относительно того существуют ли они вообще. Этерналисты утверждают, что существуют, а презентисты отрицают это. Здесь и возникает самая трудная для презентистов проблема. Все мы признаем очевидную истинность пропозиции, выраженной предложением «Динозавры существовали в прошлом», где глагол стоит в прошедшем времени. Даже презентисты не могут отрицать эту пропозицию. Но для них сразу же возникает затруднение – нужно найти, что именно в нашем мире делает истинным эту пропозицию. Сейчас никаких динозавров в мире нет (существуют лишь окаменелые останки некоторых из них), а существование прошлых объектов презентисты отвергают. Некоторые из презентистов пытаются уйти от проблемы и решают эту трудность следующим образом. Они утверждают наличие нередуцируемого временного оператора в

английском (русском или любом другом естественном) языке. Сказать: «Динозавры существовали в прошлом» – значит сказать: «(Прош) Динозавры существуют». Однако предложения с данным оператором не содержат никаких онтологических обязательств относительно каких-либо объектов (что важно для презентистов) и похожи в этом отношении на предложения с оператором убеждения: если человек полагает, что Дед Мороз существует, то из этого не следует его реальное существование. Тем не менее большинство презентистов не прибегают к такому решению проблемы, так как, по общему мнению, оно представляет собой метафизическое жульничество: у предполагаемых истин о прошлых или будущих событий при использовании этого решения нет факторов истинности. В результате непонятно, что именно делает эти пропозиции истинными.

В-четвертых, факторы истинности можно использовать в метафизике модальности для объяснения возможных истин. Одна из теорий в метафизике модальности (комбинаториализм), которая восходит к идеям Людвига Витгенштейна, изложенным в «Логико-философском трактате», использует понятие положений дел (states of affairs, в оригинале – Sachverhalten). Положения дел могут рассматриваться как факторы истинности для возможно истинных пропозиций. С их помощью можно объяснить, что значит для пропозиции быть возможно истинной. Предположим, что каждый фактор истинности совершенно отделен и независим от всех других факторов истинности. То есть существование/несуществование одного из них никак не влияет на существование/несуществование любого другого, и мы можем приписывать им значения «существует», «не существует» независимо друг от друга. В этом случае каждая из перестановок или комбинаций этих значений будет представлять реальную возможность, отсюда и название теории модальности – комбинаториализм.

Эти и другие аргументы могут убедить в существовании факторов истинности. Тем не менее, даже если мы признаем их существование, остается целый ряд проблем, которые должна решать любая успешная теория факторов истинности. Прежде всего нужно ответить на вопрос: для всех ли истин существуют факторы? Может показаться, что наиболее естественным и логичным будет утвердительный ответ. Тогда мы получим теорию, называющуюся максимализм факторов истинности или просто максимализм (Truthmaker maximalism).

(МаксФИ) Каждая истина имеет классический фактор истинности.

Данная теория обладает несомненными теоретическими достоинствами – прежде всего большой простотой и объяснительной силой. Она объясняет почему истинна каждая истинная пропозиция и делает это, используя лишь одно единственное понятие – понятие фактора истинности. Тем не менее легко заметить, что теория сталкивается с серьезными трудностями. Одна из них связана с различием между базовыми, фундаментальными истинами и истинами производными от них. Возьмем, например, истинную пропозицию, выраженную предложением «Снег белый, а трава зеленая». Максимализм подразумевает, что у данной истины есть свой собственный фактор, отличающийся от факторов истинности для «Снег белый» и «Трава зеленая». Это представляется контринтуитивным. Разве для истинности сложного, конъюнктивного предложения недостаточно факторов истинности его компонентов? Для решения проблемы сторонник максимализма может внести в формулировку теории небольшие изменения. Теория может утверждать, что для каждой истины существует либо один объект (факт), который делает ее истинной, либо несколько объектов, которые совместно делают ее истинной. В нашем примере факт белизны снега и факт зеленого цвета травы совместно делают истинным сложное предложение.

Такое решение, однако, никак не поможет максимализму справиться с негативными истинами. О собаке Шарике мы можем сказать: «Шарик не кошка», но что делает истинным это предложение? По мнению Рафаэля Демоса[20], факторами истинности для подобных предложений могут быть положительные факты о Шарике (то, что он собака), несовместимые с тем, что он являлся бы кошкой. Бертран Рассел[21] считал это решение проблемы неприемлемым, так как существуют отрицательные предложения, являющиеся чистыми негациями, не предполагающими никаких положительных фактов. Например, «Петр ни о чем не думает» или «Петр не знает теорию относительности Эйнштейна». В данном случае нет никаких положительных фактов о Петре, несовместимых с отрицаемыми свойствами. Решить проблему можно, признав существование отрицательных или негативных фактов как отдельной категории или разновидности

[20] Demos R. A Discussion of Certain Types of Negative Propositions. // Mind. 1917. № 26. pp. 188–196
[21] Russell B. The Philosophy of Logical Atomism. // The Monist. 1919. № 29 pp. 213-215

фактов вообще, но многим философам такой подход кажется слишком контринтуитивным.

Похожая и даже более серьезная проблема для максималистов связана с так называемыми негативными экзистенциалами, то есть утверждениями о несуществовании чего-либо. Есть множество подобных утверждений, которые являются истинными. «Единорогов не существует» или «Санта-Клаус не существует» являются истинными предложениями, для которых максимализм должен найти подходящие факторы истинности. Фактором истинности для этих предложений должно быть нечто, существование чего с необходимостью влечет отсутствие в нашем мире единорогов или Санта-Клауса. Это нечто, в свою очередь, должно с необходимостью существовать, если единороги или Санта-Клаус отсутствуют в нашем мире. Даже если им удастся найти такие факторы, максималисты будут вынуждены постулировать множество необъяснимых, метафизически необходимых связей что для многих философов неприемлемо.

Питер Милн[22] выдвинул еще один аргумент против максимализма. Этот аргумент имеет форму reductio ad absurdum. Рассмотрим следующее предложение:

(1) Эта пропозиция не имеет фактора истинности.

Если (1) имеет фактор истинности, то она является в результате этого (в соответствии с максимализмом) истинной. Но если (1) истинно, то она не имеет фактора истинности, поскольку именно это она и утверждает. То есть, если у (1) есть фактор истинности, то у (1) нет фактора истинности. Мы получаем противоречие, а значит наше предположение неверно и у (1) фактора истинности нет. Максимализм опровергнут. Впрочем, сторонники максимализма могут отказаться признавать, что предложение (1) вообще выражает какую бы то ни было пропозицию. Милн настаивает, что такой ответ максималистов недопустим.

Аргументы приводятся не только против максимализма, но и за него. Один из таких предложил Гонсало Родригес-Перейра. Аргумент, однако, касается не абсолютно всех пропозиций, но весьма важного их класса – истинных синтетических пропозиций, включая

[22] см. Peter Milne Not Every Truth has a Truthmaker // Analysis. 2005. №65 (3). p. 221-4.

негативные экзистенциалы, необходимые истины и др. Аргумент можно представить следующим образом[23]:

1. Истина на чем-то базируется (is grounded).
2. Базирование (grounding) является отношением.
3. Отношения связывают сущности (entities).
4. Следовательно, истина базируется на сущностях.

Этими сущностями, которые упоминаются в выводе, как раз и будут факторы истинности. По мнению Родригеса-Перейры, посылки 1 и 3 являются очевидными и ни у кого не вызовут возражений. Первая утверждает, что пропозиции не могут быть истинными просто так, без всякого на то основания, а должны на чем-то базироваться. В третьей посылке говорится, что отношение – это всегда связь между релятами (relata), то есть некими объектами или сущностями. Одним таким релятом будет пропозиция как носитель истинности, а другим должен быть фактор истинности. Как признает сам Родригес-Перейра, наиболее уязвимой для критиков является вторая посылка. Однако он уверен в ее истинности, так как связь между пропозицией и фактором истинности обладает многими характеристиками отношения базирования.

Тем не менее максимализм влечет за собой еще целый ряд контринтуитивных следствий. Из максимализма следует, что в любом возможном мире всегда существует по крайней мере один контингентный объект. Для примера возьмем одного конкретного единорога, которого назовем Федор. Он является контингентным объектом, то есть существует лишь в некоторых, но не во всех возможных мирах. В нашем мире Федор, как и все другие единороги, не существует, а значит пропозиция, выраженная предложением «Единорог Федор не существует», является истинной. Для нее в соответствии с максимализмом есть некий фактор истинности – какой-то факт или положение дел. Назовем его Не-Федор. Не-Федор также является контингентным фактом – он существует лишь в тех мирах, где не существует Федор, причем это происходит с необходимостью. Теперь, если мы возьмем любой возможный мир, то в нем будет существовать либо Федор, либо Не-Федор. Получается, что в каждом возможном

[23] Rodriguez-Pereyra G. Why Truthmakers? // Beebee H., Dodd J. Truth-makers: The Contemporary Debate. Oxford, Oxford University Press, 2005 p. 25

мире существует один контингентный объект, то есть по крайней мере один контингентный объект необходимо существует.

Другая проблема максимализма – необходимость найти факторы истинности для всех универсальных обобщений. Например, возьмем утверждение (предположим, что оно истинно):

(ДНК) Все живые организмы обладают ДНК.

Каким может быть фактор истинности для (ДНК)? Как кажется, мы можем отождествить его с фактором истинности для пропозиции, утверждающей, что любой объект либо обладает ДНК, либо не является живым организмом:

(ДНК*) (∀x) Или x не живой организм или x обладает ДНК (или и то и другое).

Однако даже фактора истинности для (ДНК*), охватывающего все существующие объекты (назовем его ФИ*), будет недостаточно для истинности (ДНК), поскольку его существование совместимо с существованием еще одного, дополнительного объекта (который в действительности не существует и не подпадает под квантор всеобщности), являющегося живым организмом и не обладающего ДНК. ФИ* запрещает всем существующим объектам одновременно быть живыми организмами и не иметь ДНК, но он никак не исключает существование дополнительных объектов, ему не подчиняющихся: возможен мир, полностью тождественный нашему, за исключением одного дополнительного живого объекта без ДНК. Очевидно, что максималисты должны как-то дополнить ФИ*. К нему необходимо добавить то, что Дэвид Армстронг назвал «фактом тотальности» («the totality fact»), который гарантирует, что помимо актуальных никаких других объектов не существует. Если обозначить множество всех существующих объектов как E, то факт тотальности гарантирует, что кроме E ничего не существует. Для многих философов подобные факты тотальности являются неприемлемыми: как они могут что-либо гарантировать? Такая гарантия просто вводит еще одну необъяснимую метафизическую необходимость. По мнению некоторых сторонников максимализма, такой необъяснимости и произвольности можно избежать, связав все факты тотальности (или даже вообще все факты) с универсалиями (для чего придется признать существование универсалий. О них см. главу 2). В результате мы получим

разновидность максимализма, утверждающую, что все факты – это факты тотальности. Она обладает, по крайней мере, одним преимуществом – экономностью. Если обозначить универсалию как U (принимаются в расчет лишь фундаментальные универсалии), то факты можно будет представить в таком общем виде:

(Ф) Случаи U – ровно (не больше и не меньше) элементы класса C.

Если принять, что *быть живым организмом* и *обладать ДНК* являются фундаментальными универсалиями, то у нас будет два факта тотальности: для живых организмов и для объектов, обладающих ДНК.

(Ф1) Случаи *быть живым организмом* – ровно (не больше и не меньше) элементы класса C1.

(Ф2) Случаи *обладать ДНК* – ровно (не больше и не меньше) элементы класса C2.

Их будет вполне достаточно для истинности (ДНК) и нам не понадобится еще одного, дополнительного факта тотальности для обладающих ДНК живых организмов. (ДНК) будет истинно если, в соответствии с (Ф), класс C1, связанный с *быть живым организмом*, тождественен (или является подклассом) класса C2, связанного с *обладать ДНК*. Более того. Нам будут не нужны отдельные факторы истинности для единичных фактов. Если Петр – некий живой организм, то для истинности пропозиции *что Петр является живым организмом* будет достаточно все того же (Ф1), так как Петр будет одним из элементов C1. Основываясь на данных идеях, мы можем дать следующее определение фактам тотальности:

(ФТ) Факт тотальности – это взаимосвязь между фундаментальным свойством (или универсалией) U и классом объектов C, которая является фактором истинности для пропозиции, что класс C содержит все случаи U.

Разновидность максимализма, использующая определение (ФТ) и признающая существование фактов тотальности, способна, как кажется, решить проблему негативных экзистенциалов, о которой

мы говорили выше. Например, истинность пропозиции «Не существует золотых гор» будет обеспечиваться фактами тотальности для свойств *быть горой* и *быть золотым*: классы, соответствующие этим свойствам, не будут пересекаться, то есть не будут иметь общих элементов. Чуть сложнее с негативными экзистенциалами, в которых фигурирует одно фундаментальное свойство. Предположим, что *быть единорогом* одно из таких свойств. Какой же факт тотальности будет ему соответствовать? Проблема возникает с нахождением класса C, который должен соответствовать свойству *быть единорогом*. Максималистами предлагались разные варианты решения проблемы. Некоторые полагали, что этим классом может быть пустое множество. Однако это будет означать, что факты тотальности неразрывно связаны с абстрактными математическими объектами – множествами. Чтобы быть последовательным, сторонникам этого решения придется признать, что все классы остальных фактов тотальности тоже представляют собой математические множества. Но многим кажется контринтуитивным то, что истинность «Все живые организмы обладают ДНК» и других подобных предложений должна быть хоть как-то связана с математическими объектами. Другой вариант решения проблемы – пойти на уступку и признать наряду с фактами тотальности существование особых негативных фактов. Каждой неинстанцированной универсалии (например, универсалии ЕДИНОРОГ) будет соответствовать подобный факт. При таком решении нам придется признать существование дополнительной необходимой связи между двумя видами фактов: если с универсалией ассоциирован негативный факт, то она с необходимостью не имеет факта тотальности и наоборот. Еще одно решение проблемы – ввести особый факт тотальности для неинстанцированных универсалий, таких как ЕДИНОРОГ. Мы можем утверждать, что существует свойство *быть универсалией первого порядка без каких-либо случаев* (ЕДИНОРОГ обладает этим свойством) и оно связано с особой универсалией второго порядка, которую можно обозначить как U*. С этой универсалией будет связан нужный нам факт тотальности: случаи U* – ровно (не больше и не меньше) элементы класса C (U_1, U_2, U_1 …), где U_1 – ЕДИНОРОГ, U_2 – КЕНТАВР и так далее для всех неинстанцированных универсалий. Данный факт тотальности и будет выполнять роль нужного нам фактора истинности для негативного экзистенциала, отрицающего существование единорогов. Если это и остальные решения кажутся ему неудовлетворительными, сторонник максимализма всегда может сделать исключение и сказать, что для негативных экзистенциалов нет

факторов истинности. Эти пропозиции не так уж часты и большой роли не играют, поэтому такое исключение никак не повлияет на основную теорию максималиста. Впрочем, многим философам такое решение покажется ad hoc и будет выглядеть как недопустимая непоследовательность.

В связи с изложенными нами (и другими) трудностями для максимализма, многие философы предпочли от него отказаться. В качестве альтернативы было предложено несколько других теорий, некоторые из которых мы рассмотрим. Начнем мы с атомарной теории факторов истинности (Atomic Truthmaker Theory). Как мы видели, главная трудность максимализма вытекает из его широты и всеохватности – он требует факторов истинности для абсолютно всех истин, из-за чего и возникают проблемы. Чтобы эти проблемы не возникли и не нужно было изобретать их решения, мы можем с самого начала ограничить нашу теорию – факторы истинности есть не у всех истин, а только у некоторого ограниченного класса. Сторонники атомарной теории именно так и поступают.

(АТФИ) Каждая атомарная (простая и позитивная) истина имеет классический фактор истинности.

Опираясь на это определение, мы без труда можем объяснить истинность не только атомарных, но и других, производных истин. Если p и q являются атомарными истинами, то у каждой из них будет собственный фактор истинности. Их конъюнкция «p и q» не будет иметь отдельного фактора, а будет истинной благодаря тому, что у каждого из конъюнктов имеется фактор. Дизъюнкция «p или q» будет истинной из-за того, что у того или иного из дизъюнктов фактор.

Отрицательные истины (например, не-p) не будут иметь собственных факторов. Но благодаря чему тогда они будут истинными? Если не-p истинно, то p – ложно, а значит у p будет отсутствовать фактор истинности. Именно благодаря этому отсутствию не-p и будет истинным. АТФИ свободна от многих недостатков максимализма, но, как и любая другая философская теория, не лишена собственных. По мнению Трентона Меррикса, эта теория не может ничего противопоставить метафизическим жуликам и тем самым лишена одного из главных преимуществ теории факторов истинности. Если не абсолютно все истины, а лишь некоторые из них имеют факторы, то сторонники некоторых теорий (метафизические жулики) могут сказать,

что неудобные для них истины не входят в категорию имеющих факторы.

В своей книге 2007 года «Истина и онтология» Меррикс называет сторонников АТФИ «робкими теоретиками факторов истинности» («timid truthmaker theorists»)[24] и упрекает их в противоречии интуитивному пониманию факторов истинности. Как утверждает Меррикс, основная интуиция, которой должна соответствовать каждая теория факторов истинности, состоит в том, что любая истина зависти от реальности. Любые исключения контринтуитивны и допустимы лишь в самых крайних случаях. Если мы можем найти хоть какие-нибудь факторы истинности для негативных экзистенциалов и универсальных обобщений, то лучше всего признать их и не отказываться от максимализма в пользу АТФИ. Кроме этого, из корреспондентной теории истины вытекает (как считает Меррикс) необходимость факторов истинности для всех видов истин: если «Единорогов не существует» истинно, то оно должно корреспондировать, соответствовать какому-то фрагменту реальности, то есть иметь свой фактор. В результате АТФИ должна отказаться от корреспондентной теории истинности или модифицировать ее.

Третья из рассматриваемых нами теорий еще дальше отходит от максимализма в попытке избежать его трудностей. Она полностью отказывается от индивидуальных факторов истинности и особых отношений между ними и пропозициями. Вместо этого она использует понятие супервентности (определение супервентности и обсуждение ее различных видов см. главу 17). Эта теория получила название «Истина супервентна бытию» или «Истина супервентна на бытии» (Truth Supervenes on Being).

(ИСБ) Любые два возможных мира, неотличимых друг от друга в отношении того какие сущности (entities) существуют и какие свойства и отношения они инстанцируют, неотличимы в силу этого в отношении того, что в этих мирах истинно.

Одним из наиболее известных приверженцев этой теории был Дэвид Льюис[25]. Как кажется ее сторонникам, она сохраняет основной посыл теорий факторов истинности (истина зависит от реальности), но избегает недостатков других теорий.

---

[24] Merricks T. Truth and Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2007 p. 40

[25] Lewis D. Truth Making and Difference Making. // Noûs. 2001. № 35. pp. 602–15.

По мнению Трентона Меррикса, ИСБ обладает рядом преимуществ, которые могут привлечь философов, не удовлетворенных другими теориями. Во-первых, как мы уже говорили, она отражает интуитивное представление о зависимости истины от реальности: тезис о супервентности как раз и демонстрирует эту зависимость. Причем делает он это нетривиальным образом, то есть существуют взгляды, которые противоречат этому тезису и нарушают его. Например, Дэвид Льюис считает, что такими взглядами являются теория диспозиций Гилберта Райла (Gilbert Ryle), который сводил диспозиции к контрфактическим кондиционалам (см. главу 10 и 11) и презентизм.

Презентисты, как мы говорили выше, утверждают, что только настоящее и содержащиеся в нем объекты существуют. Однако они признают истинность таких предложений, как «Динозавры существовали». В соответствии с ИСБ эта истина должна быть супервентна бытию, то есть в реальности должно существовать нечто, от чего эта истинность зависит. Но для презентистов реальность исчерпывается настоящим, в котором динозавров нет (мы можем также предположить, что от них не осталось никаких материальных свидетельств, наподобие окаменелых костей). ИСБ таким образом противоречит презентизму.

В соответствии с теорией Гилберта Райла диспозиции (он рассматривает прежде всего поведенческие диспозиции) сводятся к кондиционалам:

(РДК) Если Петр раздражен, то он будет ссориться.

По мнению Райла, наличие поведенческой диспозиции у человека полностью исчерпывается истинностью в отношении него кондиционала подобного РДК. Однако об этой истинности ничего содержательного сказать нельзя – кондиционал просто истинен. Мы не можем приписать Петру, его сознанию, телу или мозгу какие-либо категорические (то есть не имеющие форму кондиционалов) характеристики, которые обеспечивали бы истинность РДК. Это значит, что его истинность не является супервентной свойствам Петра и его окружения: мы не можем найти какую-либо сущность, от чьего существования и свойств зависело бы наличие диспозиции. Теория Райла несовместима с истинностью ИСБ.

В результате мы видим, что ИСБ обладает (по мнению Льюиса) одним из важных для любой теории факторов истинности преимуществ – она может бороться с метафизическим жульничеством.

Кроме этого, ИСБ избегает трудностей присущих другим теориям. В частности, она может легко объяснить истинность негативных экзистенциалов, не прибегая к особым негативным фактам, фактам тотальности или отсутствию фактов. Как пишет Теодор Сайдер в своей книге 2001 года «Four-Dimensionalism: An Ontology of Persistence and Time» ИСБ «не требует существования факта, что единорогов не существует; она всего лишь требует, чтобы, поскольку «единорогов не существует» истинно в актуальном мире, оно должно быть истинно в любом мире, в котором существуют те же самые объекты, эти объекты обладают теми же самыми свойствами, и эти объекты состоят в тех же самых отношениях, что и в актуальном мире»[26].

Список литературы

1. Beebee H., Dodd J. Truth-makers: The Contemporary Debate. Oxford, Oxford University Press, 2005.
2. MacBride, Fraser, "Truthmakers", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2021 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/fall2021/entries/truthmakers/.
3. Rodriguez-Pereyra G. Truthmakers // Philosophy Compass. 2006. №1 (2). pp. 186–200.

[26] Sider T. Four Dimensionalism. Oxford, Oxford University Press, 2003 p. 36

Глава 2. Универсалии

Все привычные нам вещи обладают свойствами – массой, цветом, длиной и так далее. Разные объекты могут походить друг на друга в большей или меньшей степени и даже полностью совпадать друг с другом в каком-либо свойстве. Практически любой здравомыслящий человек согласится, что следующие утверждения истинны:

1. Сократ мудр.
2. Оба этих красных мяча являются мячами одного цвета.
3. Белизна – это цвет.

Отталкиваясь от этих привычных нам фактов, метафизика задает вопрос – нуждаются ли эти факты в объяснении и, если да, то как их можно объяснить.

В зависимости от ответа на первый вопрос, философы делятся на тех, кто, давая положительный ответ, постулирует существование неких сущностей (универсалий, тропов, классов объектов и т. д.) и тех, кто вообще отрицает необходимость что-либо объяснять.

Последних традиционно называют страусиными номиналистами (ostrich nominalists).

Тех, кто считает, что объяснение все-таки необходимо, традиционно делят на две группы – реалистов и номиналистов, в зависимости от признания ими существования универсалий.

(Реализм) Универсалии существуют и являются объяснением и основанием (ground) качественного сходства объектов.

(Номинализм) Универсалии не являются объяснением и основанием (ground) качественного сходства объектов.

Каждое из этих учений можно, в свою очередь, подразделить на несколько других, в зависимости от того, как они понимают природу универсалий или (в случае номинализма) как объясняют наличие свойств, не прибегая к универсалиям.

Но, прежде чем рассмотреть каждое из этих учений подробно, необходимо выяснить – что такое универсалии и какой онтологической категории они противопоставляются.

По мнению реалистов, объекты можно разделить на универсалии и партикулярии. Категория партикулярий включает привычные всем нам конкретные объекты – столы, животные, растения и т. д. Их еще называют конкретные партикулярии, чтобы отличить от постулируемых некоторыми философами партикулярий абстрактных (тропов, о которых мы еще расскажем).

В категорию универсалий помещаются свойства (например, красный цвет) и отношения (находиться на расстоянии одного километра, быть старше).

Однако реалисты расходятся между собой, когда пытаются определить, на чем основывается это деление. Тремя наиболее распространенными позициями по этому поводу являются следующие[27]:

1. Универсалии являются повторяемыми (repeatable) сущностями, т. е. могут присутствовать или быть инстанцированными во многих пространственно-временных регионах одновременно. Например, несколько совершенно разных объектов (мяч, пожарная машина, телефонная будка) могут быть одного оттенка красного цвета. Недостаток этого подхода – исключение самой возможности универсалий,

---

[27] Koons R. C., Pickavance T. H. The Atlas of Reality: A Comprehensive Guide to Metaphysics. Malden, Wiley Blackwell, 2017 p. 130

которые с необходимостью инстанцированы только одним объектом. Кроме того, не очевидно, что партикулярии не могут быть в нескольких местах одновременно. Например, если метафизически возможно путешествие в прошлое, то попавший туда объект и его более ранняя версия могут сосуществовать, и один и тот же объект будет находиться в двух местах одновременно.

2. Универсалии могут быть предицированы другим объектам, а партикулярии нет. Эта позиция проводит аналогию между предикатами нашего языка и универсалиями. Так же как предикаты связаны с субъектами в языке, так и универсалии связаны с партикуляриями с помощью так называемой онтической предикации (ontic predication).

3. Любая партикулярия может сосуществовать с неотличимой от нее другой, а универсалия нет. Т. е. в случае с партикулярией, например мячом, может существовать его дубликат, совпадающий с ним во всех его свойствах. В случае универсалий невозможно существование, например, двух абсолютно неотличимых оттенков красного цвета, так как это будет просто один и тот же оттенок. Таким образом универсалии подчиняются принципу Тождества неразличимых, а партикулярии нет.

Выяснив различие между универсалиями и партикуляриями, рассмотрим более подробно различные метафизические позиции по их поводу, начав с реализма. Реалисты приводят несколько аргументов в пользу своей позиции, но наибольшую известность получили четыре из них – три семантических и один онтологический.

Согласно первому аргументу универсалии необходимы для объяснения феномена предикации. Этот аргумент можно сформулировать следующим образом:

(1) Если простое субъектно-предикатное утверждение формы «A есть P» истинно, то P должно иметь семантическое значение (semantic value).

(2) Повседневный и научный дискурс содержат множество истинных утверждений данной формы («Этот мяч является красным», «Электрон является частицей с отрицательным зарядом» и так далее).

(3) Предикаты в этих утверждениях должны иметь семантическое значение.

(4) Только универсалии могут быть значением этих предикатов.

(5) Универсалии существуют.

Основной посыл этого аргумента в том, что мы должны обращаться одинаково как с субъектами, так и с предикатами утверждений. Например, субъект утверждения «Сократ является мудрым» (имя собственное «Сократ») имеет референт, т. е. отсылает к конкретному человеку – Сократу. Реалисты полагают, что наиболее простым решением было бы относиться к предикатам аналогично и считать их также референциальными выражениями. Только в случае предикатов их референтом будет соответствующая универсалия. Словосочетание «является мудрым» отсылает к универсалии МУДРОСТЬ, которую инстанцирует Сократ. Таким образом достигается унификация и все составные части утверждения трактуются одинаково. Более того, такая позиция позволяет легко объяснить как один и тот же предикат может приписываться разным субъектам. «Сократ является мудрым», «Платон является мудрым», «Аристотель является мудрым». В этих утверждениях разные индивиды инстанцируют одну и ту же универсалию МУДРОСТЬ, и поэтому им приписывается один и тот же предикат.

2. Как считают реалисты, без универсалий невозможно объяснить значение общих терминов (general terms), например, «дерево» или «собака», входящих в состав таких утверждений, как «Дерево – это растение», «Собака – это животное». По мнению реалистов, значение этих терминов невозможно свести к содержанию нашего чувственного опыта, поскольку в опыте нам даны лишь отдельные, конкретные деревья или собаки. Невозможно экстраполировать значение общего термина из восприятия конкретных его примеров (очевидно, что номиналисты не согласятся с этим). Поэтому единственным подходящим референтом для этих терминов будут соответствующие универсалии.

3. Реалисты утверждают, что только универсалии могут объяснить значение абстрактных сингулярных терминов (abstract singular terms). К ним относятся такие выражения, как «белизна», «треугольность», «мудрость» и так далее. Они встречаются во многих истинных утверждениях, например, «белизна – это цвет». По мнению реалистов, они функционируют в этих утверждениях аналогично именам собственным. Так, термин белизна является именем соответствующей универсалии БЕЛИЗНА.

4. Четвертый аргумент отталкивается от очевидного для всех нас качественного сходства (qualitative resemblance) разных объектов. Различные объекты могут походить друг на друга своим цветом, размером, массой и так далее в большей или меньшей степени, вплоть до

качественной идентичности (qualitative identity). Наиболее подходящее объяснение этому факту – существование универсалии, которую все эти объекты инстанцируют. Таким образом реалисты придерживаются того, что Майкл Лакс назвал платоновской схемой.

(Платоновская схема): если несколько объектов a....n сходны в каком-либо свойстве, то есть вещь φ и отношение R, такие, что каждый из объектов a....n находится в отношении R к φ, и сходство объектов основывается на этом отношении.

Бертраном Расселом был предложен негативный аргумент, доказывающий необходимость признания универсалий даже теми, кто отрицает их существование. Рассмотрим случай тех философов, которые считают, что свойства являются не универсалиями, а множествами (sets) партикулярий, объединенных отношением сходства (их позиция называется номинализмом сходства).

Например, есть три треугольника a, b и c. Реалист будет утверждать, что все три треугольника инстанцируют универсалию ТРЕУГОЛЬНОСТЬ. Но можно не согласиться с ним и сказать, что эти треугольники просто схожи между собой или с каким-либо другим треугольником d, который можно принять за образец.

Если выразить это более формально, то можно сказать, что каждый из треугольников связан с каждым другим отношением сходства, что дает нам три пары отношений сходства <a, b>, <b, c>, <a, c>. Но теперь перед нами встает вопрос – почему пары отношений <a, b>, <b, c> и <a, c> являются именно отношениями сходства, а не какими-либо другими отношениями? Другими словами – почему они входят в множество отношений сходства (set of resemblance relations). Номиналист вынужден ответить, что эти отношения просто сходны между собой, т. е. в свою очередь связаны отношением сходства, что дает нам три новых пары <<a, b>, <b, c>>, <<b, c>, <a, c>> и <<a, b>, <a, c>>. Но можно спросить вновь – что делает эти пары отношений отношениями сходства? Поскольку такой вопрос можно задавать на каждом этапе, бесконечный регресс становится очевидным. Единственный способ избежать бесконечного регресса сходства – признать существование универсалии СХОДСТВО, которая инстанцируется каждой из этих пар отношений.

Естественно, такой вывод следует только в том случае, если регресса нельзя избежать никаким другим способом (с чем номиналисты, конечно, не согласны).

Хотя все реалисты и признают существование универсалий, но они несогласны между собой в вопросе о нахождении универсалий в пространстве и времени. Одни считают универсалии трансцендентными (находящимися вне пространства и времени или пространства-времени) а другие – имманентными (находящимися полностью в каждом из объектов, которые инстанцируют их). Рассмотрим эти позиции более подробно.

Первая из них восходит к Платону и ее придерживался Бертран Рассел в своих ранних работах. Как полагал Рассел, каждая, например, белая партикулярия расположена в пространстве и времени, а универсалия БЕЛИЗНА в равной мере присуща каждой из них как их общая сущность (essence) или природа (common nature). Пространство-время просто не может содержать инстанцированную много раз универсалию. Рассел подкреплял свое мнение двумя аргументами. Первый утверждает, что универсалии неизменны (immutable) и не вступают в причинно-следственные отношения. Все, что находится в пространстве-времени, в результате этого изменчиво и подвержено возникновению и уничтожению. Но, хотя белые вещи могут быть уничтожены или потерять свою белизну, общая им всем БЕЛИЗНА остается одной и той же.

Второй аргумент отталкивается от возможности (хотя бы в принципе) чувственного восприятия объектов, находящихся в пространстве-времени. Если и универсалии находятся в нем, то они должны быть даны нам в чувственном опыте. Но, по мнению Рассела, только партикулярные объекты могут чувственно восприниматься. Впрочем, номиналист может отрицать как то, что универсалии чувственно не воспринимаются, так и положение о том, что все содержимое пространства-времени может быть дано нам в опыте. Например, смотря на белую вещь мы, по мнению некоторых номиналистов, видим саму универсалию БЕЛИЗНА.

В целом трансцендентные универсалии кажутся странными и контринтуитивными объектами. Трудно вообразить себе объект, который существует, но существует нигде. Более того, особую трудность для таких универсалий представляет проблема инстанцирования: что может связывать конкретные пространственно-временные объекты и находящиеся вне пространства и времени универсалии?

Ввиду этих и других трудностей в последнее время приобрел популярность взгляд на универсалии как имманентные сущности, расположенные во времени и пространстве. Этот взгляд наиболее полно разработан в статьях и книгах Дэвида Армстронга (David

Armstrong). Он полагал, что универсалия находится полностью в каждом из объектов, который ее инстанцирует. В то время как партикулярия может находиться лишь в одном регионе пространства-времени, универсалия может быть целиком в нескольких. При уничтожении одного белого объекта ни сама универслалия БЕЛИЗНА, ни какая-либо ее часть не уничтожаются, так как она продолжает полностью пребывать в остальных белых объектах.

Но представление об имманентных универсалиях тоже не обходится без серьезных проблем.

1. По мнению некоторых оппонентов, само нахождение целиком в нескольких регионах пространства-времени внутренне противоречиво. Э. Дж. Лоу приводит следующий мысленный эксперимент[28]. Возьмем два томата x и y, оба из которых имеют один и тот же оттенок красного цвета и соответственно инстанцируют одну и туже универсалию R. Отношение "находиться целиком в том же самом месте, что и ..." является симметричным (если a находится целиком в том же самом месте, что и b, то b находится целиком в том же самом месте, что и a) и транзитивным (если a находится целиком в том же самом месте, что и b, а b находится целиком в том же самом месте, что и c, то a находится целиком в том же самом месте, что и c). Итак, томат x инстанцирует универсалию R, таким образом, что R находится целиком в том же самом месте, что и x. Томат y инстанцирует R, таким образом, что R находится целиком в том же самом месте, что и y. В соответствии с симметрией y находится целиком в том же самом месте, что и R, а в соответствии с транзитивностью y находится целиком в том же самом месте, что и x. Получается абсурдное следствие, что оба томата целиком находятся в одном и том же месте.

2. Признание универсалий имманентными исключает наличие неинстанцированных универсалий. Т. е. универсалии должны подчинятся Принципу Инстанциации.

(Принцип Инстанциации): для существования какой-либо универсалии необходимо и достаточно чтобы она была инстанцирована по крайней мере один раз (в прошлом, настоящем или будущем).

Но, вопреки этому принципу, интуитивно кажется, что возможны универсалии, которые хотя и могли быть инстанцированы, но по чистой случайности не были. Например, универсалия,

[28] Lowe E. J. Four category ontology. Oxford, Oxford University Press, 2006 p. 24

соответствующая химическому элементу с номером 124. Этот элемент не встречается в природе и может быть получен только в лаборатории, чего может никогда не случиться. Так, вполне возможная универсалия не будет существовать из-за случайных особенностей научно-технического прогресса.

Дэвид Армстронг категорически не согласен с этим ходом рассуждения и проводит аналогию между несуществующими, но возможными партикуляриями и универсалиями. «Философы не рассуждают подобным образом о партикуляриях. Они не говорят, что эмпирически возможно, чтобы современная Франция была монархией и поэтому нынешний король Франции существует, хотя, к сожалению, он не инстанцирован»[29]. Другой возможный ответ – принять модальный реализм и признать реальное существование не только актуальных, но и лишь возможных объектов. Тогда ничто не мешает имманентным универсалиям быть инстанцированными объектами в других возможный мирах.

Какого бы мнения ни придерживались реалисты по поводу имманентных/трансцендентных универсалий, их позиция сталкивается со множеством серьезных проблем, на которые различные философы указывали еще с античности. Мы рассмотрим лишь наиболее известные и актуальные для современной аналитической метафизики.

Одна из самых известных проблем – так называемый регресс Брэдли, названный в честь английского философа Фрэнсиса Герберта Брэдли (Francis Herbert Bradley). Реалисты признают, что объект имеет то или иное свойство или отношение благодаря инстанцированию соответствующей универсалии. Получается, что инстанцирование само является отношением между объектом и универсалией. Тогда реалисты, чтобы быть последовательными, должны считать отношение ИНСТАНЦИРОВАНИЕ тоже универсалией, из-за чего и возникает бесконечный регресс. Говоря более формально: пусть партикулярия a инстанцирует универсалию F. То же самое отношение инстанцирования может связывать и другие партикулярии с другими универсалиями (d и T, e и G и так далее). Т. е. инстанцирование само является универсалией. Таким образом, пара a и F инстанцирует двухместное отношение ИНСТАНЦИРОВАНИЕ (I1) и поэтому должно существовать трехместное отношение ИНСТАНЦИРОВАНИЕ (I2), которое связало бы a, F и I1. Но, чтобы связать a, F, I1 и I2, нужно

[29] Armstrong D. M. Universals. Boulder, Westview Press, 1989 p. 69

четырехместное отношение ИНСТАНЦИРОВАНИЕ (I3) и так до бесконечности.

Реалисты отвечают на этот аргумент по-разному. Некоторые признают наличие бесконечного регресса, но отказываются считать его порочным (vicious). По их мнению, нет ничего абсурдного в существовании бесконечной иерархии универсалий все более высокого порядка (I1, I2, I3, I4 и т. д.). Другие считают, что отношения I1, I2, I3, I4 и так далее на самом деле одно и то же отношение. На первый взгляд это не так, ведь I1 – двухместное, I2 – трехместное, I3 – четырехместное. Но эти философы утверждают, что вместо всех этих отношений следует признать наличие одного переменно полиадического отношения **I** (variably polyadic relation), которое может связывать разное количество объектов.

Еще одно возможное решение проблемы, поддерживаемое Армстронгом, – отказ признавать отношение инстанцирования универсалией. По метафорическому определению Ч. Д. Броуда (C. D. Broad) инстанцирование – «метафизический клей», соединяющий партикулярии с универсалиями и не нуждающийся в другой клейкой субстанции. По мнению Армстронга, инстанцирование – это внутреннее отношение (internal relation), не требующее существования чего бы то ни было, кроме связываемых им объектов. Если a обладает свойством F, то этот факт уже сам по себе гарантирует наличие отношения инстанцирования между ними.

Большинство противников реализма сходятся в мнении, что главная его проблема – онтологическая неэкономность. Реализм вводит новый род сущностей (универсалии), радикально отличающийся от привычных нам конкретных объектов. Тем самым он нарушает принцип Оккама. В итоге, если все соответствующие факты можно объяснить, не прибегая к универсалиям, преимущество будет на стороне противников реализма, позиции которых мы сейчас и рассмотрим.

Все номиналисты сходятся в отрицании существования универсалий, но объясняют наличие свойств у объектов по-разному, в зависимости от чего их можно разделить на целый ряд позиций.

Страусиный номинализм (Ostrich Nominalist) вообще отказывается давать какое-либо объяснение наличию свойств у объектов, их качественному сходству и так далее. Поэтому противники этой позиции и сравнили таких номиналистов со страусами, прячущими голову в песок и уходящими от любой дискуссии. Возьмем, например утверждение:

(ШК) Красный шар и красный куб оба являются красными.

Реалист скажет, что шар и куб инстанцируют одну и ту же универсалию, чем и объясняется их сходство. По мнению же страусиных номиналистов, мы имеем дело с двумя отдельными фактами – шар является красным, куб является красным. Каждый из этих фактов является метафизически фундаментальным и не требует дальнейшего объяснения. Сходство шара и куба в цвете – это просто грубый факт (brute fact). Отсюда сразу можно заметить наиболее существенный недостаток такого номинализма. Экономя на отрицании универсалий, страусиные номиналисты вынуждены признать огромное (и может быть бесконечное) количество грубых фактов. Ведь каждый случай качественного сходства объектов представляет собой для них совершенно отдельный, независимый грубый факт. Несколько объектов красные – грубый факт, имеют массу 1 кг. – грубый факт, обладают одним и тем же электрическим зарядом – грубый факт и так далее. Такая неэкономность сделала страусиный номинализм малопопулярным. Большинство номиналистов пытаются (по-разному) объяснить эти грубые факты.

Следующие две (также не слишком популярные) разновидности номинализма можно рассмотреть вместе, так как они предлагают схожее объяснение качественного сходства и в результате разделяют те же недостатки. Это предикативный (логический) номинализм (predicate nominalism) и концептуальный номинализм (concept nominalism) или концептуализм.

(ПН) Предикативный (логический) номинализм (Predicate Nominalism): качественное сходство объектов объясняется их подпаданием под один общий предикат какого-либо языка.

(КН) Концептуальный номинализм (Concept Nominalism): качественное сходство объектов объясняется их подпаданием под одно общее понятие (концепт).

В данном определении под понятием подразумевается ментальное понятие или предикат языка мышления (language of thought).

Общий недостаток этих позиций – превращение внутренних свойств объекта во внешние отношения с предикатом или понятием. Красный шар красен лишь потому, что он находится во внешнем для

него отношении (extrinsic relation) с языком или сознанием, содержащим соответствующее понятие. Кроме того, обе этих теории переворачивают объяснение с ног на голову. Шар не является красным из-за того, что ему можно приписать соответствующий предикат, но, наоборот, предикат приписывается шару из-за его цвета. Предметы обладали свойствами и до появления человека создавшего понятия и предикаты. Из-за этих недостатков подавляющее большинство номиналистов придерживается той или иной из оставшихся позиций.

Для номиналиста множеств (классов) объяснение качественного сходства вещей сводится к их принадлежности к одному множеству (set) вещей.

(НМ) Номинализм множеств или классов (Class Nominalism): качественное сходство объектов объясняется их принадлежностью к одному множеству объектов.

Эта теория отождествляет свойство и соответствующее множество. Например, белизна – это просто множество всех (существующих, существовавших или будущих существовать) белых объектов. Причем наличие такого множества – грубый факт, не нуждающийся в объяснении. Любое множество объектов соответствует какому-либо свойству. Это приводит к очень контринтуитивному признанию невероятно огромного числа свойств, большинство из которых не имеет названия ни на одном языке. Например, множество, состоящее из Эйфелевой башни и президента США Трампа тоже соответствует особому свойству, присущему только этим двум объектам.

Помимо противоречия здравому смыслу, эта теория сталкивается и с другими трудностями. Можно выделить две наиболее серьезные проблемы.

Первая из них возникает в связи с контингентностью (случайностью) большинства свойств. Кажется интуитивно верным, что сколько бы ни было в нашем мире белых объектов, их могло бы быть на один больше. Здесь и возникает проблема. Математическое множество включает все свои элементы с необходимостью. Отнять или прибавить один элемент – значит превратить данное множество в другое. Поэтому, если бы в нашем мире было бы на один белый объект больше, то привычного нам свойства белизны просто бы не существовало (другое множество – другое свойство).

Вторая трудность – наличие в мире (или хотя бы возможность наличия) коэкстенсивных свойств (свойств, которые присущи одним

и тем же объектам). В философской литературе часто приводят пример с двумя такими свойствами – «наличие почек» и «наличие сердца». В нашем мире все животные, обладающие почками, обладают и сердцем. Получается, что эти два свойства тождественны одному и тому же множеству животных, а значит тождественны между собой. Но очевидно, что это два разных свойства. Номиналисты могут избежать этой проблемы, приняв модальный реализм Д. Льюиса (см. главу 9) и отождествив свойства со множествами всех возможных, а не только актуальных соответствующих объектов. Поскольку в некоторых других возможных мирах есть животные, обладающие сердцем, но не имеющие почек, два множества уже не будут коэкстенсивными.

Последняя рассматриваемая нами разновидность номинализма тоже отождествляет свойства со множествами, но не оставляет этот факт без объяснения, а постулирует отношение сходства, которое и объединяет соответствующие объекты.

(НС) Номинализм сходства (Resemblance Nominalism): качественное сходство объектов объясняется их принадлежностью к множеству (классу), объединенному отношением сходства (resemblance).

Согласно данной теории, свойство – это множество (класс) сходства, классическое определение которого было дано Карнапом.

Множество сходства (resemblance class:) множество объектов X является множеством сходства тогда и только тогда, когда 1. каждый элемент X схож до некоторой степени со всеми другими элементами и 2. ни один объект вне X не схож до той же степени со всеми элементами X.

Это определение было подвергнуто критике Нельсоном Гудменом (Nelson Goodman), который показал, что два заявленных условия не являются ни необходимыми, ни достаточными условиями существования множества сходства. Две проблемы, указанные Гудменом, получили название проблемы компаньонства и проблемы несовершенного сообщества.

Проблема компаньонства (companionship problem) возникает в следующих случаях. Пусть некое свойство F имеется только у тех объектов, которые обладают еще и свойством G. Тогда множество объектов F не будет удовлетворять обоим условиям (хотя,

интуитивно, оно должно быть множеством сходства). Множество F будет частью (подмножеством) множества G и первое условие будет выполняться (каждый элемент F схож со всеми другими элементами), но второе условие выполняться не будет (вне F будет существовать элемент G который будет схож со всеми элементами F до той же степени, что и они схожи между собой, в силу того факта, что каждый элемент F принадлежит и множеству G). Поясним это на примере. Представим, что в нашем мире все белые объекты являются еще и квадратными, но не все квадратные объекты белыми. Получается, что белые объекты не будут множеством сходства, а белизна не будет свойством. То есть множество белых объектов будет удовлетворять первому условию (все белые объекты схожи своей белизной), но не будет удовлетворять второму. Некоторые не белые, но квадратные объекты будут схожи со всеми белыми объектами своей квадратностью (так как все белые объекты являются еще и квадратными).

Кажется, что для этой проблемы есть очевидное решение. Объекты этих множеств схожи в разных отношениях (в первом случае в отношении белизны, а во втором – в отношении квадратности). Но, к сожалению, номиналист не имеет права говорить о сходстве в разных отношениях (in different respects). Ведь, по сути, это означает снова говорить о разных свойствах, тогда как номиналист как раз пытается свести свойства к множествам объектов.

Вторая проблема – проблема несовершенного сообщества (imperfect community) показывает, что вышеупомянутые критерии не являются достаточными. Некое множество может удовлетворять обоим условиям, но не быть множеством сходства. Рассмотрим множество K, состоящее из трех элементов: a (имеющего свойства E и F), b (имеющего свойства F и G) и c (имеющего свойства E и G). Как мы можем видеть, каждый элемент имеет два из трех свойств и условие 1 определения удовлетворяется, так как каждый элемент K схож до некоторой степени со всеми другими элементами. Предположим, что в мире нет других объектов со свойствами E, F, G и объекты a, b и c не имеют других свойств. Тогда условие 2 тоже выполнено (ни один объект вне K не схож со всеми элементами K). По определению, множество K является множеством сходства и должно соответствовать какому-то свойству. Но какому? Мы видим, что нет свойства, которое было бы присуще всем трем элементам множества. Множество K – несовершенное сообщество и не может соответствовать никакому свойству. Следует заметить, что подобный вывод следует лишь при условии признания, что количество свойств в мире является скудным

(sparse) и комбинация свойств не является сама свойством. В противном случае мы могли бы просто указать на свойство «являться E или F или G», которое имеют все элементы нашего множества. Но большинство философов склонно отвергать подобные дизъюнктивные свойства.

Философами были предложены разные решения двух проблем Гудмена. Но наибольшую известность получило предложение Д. Льюиса. Он попытался решить сразу обе проблемы, предложив заменить отношение сходства R другим отношением R! Это новое отношение сходства является контрастивным, переменно полиадическим отношением (contrastive, variably polyadic relation). То есть множество будет множеством сходства, если все его элементы будут коллективно (а не попарно) схожи друг с другом больше, чем со всеми остальными объектами, не входящими во множество.

R! x_1, x_2, x_3, ... схожи друг с другом и не схожи ни с одним y_1, y_2, y_3 …

Количество x и y может быть любым и варьироваться в зависимости от ситуации. Проблема несовершенного сообщества будет решена, так как сходство должно быть коллективным (чего нет в приведенном примере), а проблема компаньонства решена требованием тоже коллективного противопоставления элементов всем объектам, не входящим во множество.

Тем не менее многие философы считают подобное отношение слишком сложным и контринтуитивным, настаивая, что отношение сходства должно связывать лишь пары объектов. Из-за этих и других проблем многие метафизики отвергают номинализм в любой из его разновидностей. Но, не считая реализм подходящим решением, они предлагают остановиться на полпути между реализмом и номинализмом. К их теории (теории тропов) мы теперь и перейдем.

Тропы представляют собой индивидуальные качества отдельных объектов: красный цвет данного мяча, электрический заряд данного электрона и так далее. Свойства, в свою очередь, отождествляются с множествами (классами) соответствующих тропов. Красный цвет представляет собой множество всех отдельных красных цветов всех существующих в мире красных объектов.

(TT) Теория тропов (Trope Theory): качественное сходство объектов объясняется наличием у них тропов, принадлежащих к

одному множеству.

Терминология этой теории не устоялась до сих пор, и разные авторы называют тропы по-разному – моменты у Гуссерля, моды у Лоу, индивидуальные свойства у Хондериха (Honderich), абстрактные партикулярии у Кэмпбелла (Campbell).

Абстрактными тропы названы в данном случае не потому, что они являются результатом операции абстрагирования, а потому что, по словам Дональда Уильямса (Donald Williams), тропы можно охарактеризовать как нечто «частичное, неполное, фрагментарное ... нечто меньшее, чем включающее его целое»[30]. От конкретных объектов тропы отличает неспособность к самостоятельному существованию. Невозможно представить себе красный цвет, свободно «парящий в воздухе» и не принадлежащий никакому объекту (хотя не все метафизики согласны с тем, что невозможность представить что-либо влечет метафизическую невозможность).

Теория тропов может избежать множества трудностей, связанных с номинализмом и реализмом. В отличие от реализма, нет нужды постулировать целиком находящиеся в нескольких местах сущности (каждый отдельный троп находится в том же месте, что и обладающий им отдельный предмет). Регресс Брэдли тоже не представляет угрозы (по мнению большинства сторонников теории тропов, конкретные объекты – это пучок, связка тропов и нет нужды в особом отношении ИНСТАНЦИРОВАНИЯ).

Теория тропов неуязвима и для критики Гудмена. Случаи, описанные им в проблемах компаньонства и несовершенного сообщества, не возникнут. Каждый троп обладает лишь одной характеристикой и поэтому их множества не могут пересекаться (например, красный троп принадлежит только множеству всех красных тропов и никакому другому). А несовершенные сообщества тропов просто не могут существовать (красный троп характеризуется лишь своей краснотой и ничем другим). Следует заметить, что такие цвета, как красный, здесь упоминаются для простоты изложения. Настоящим тропом будет определенный оттенок красного, определенной яркости, насыщенности и т. д., для которого у нас нет отдельного названия. Этот троп рассматривается как обладающий совершенно простым и неразложимым характером.

---

[30] Williams D. C. On the Elements of Being: I // The Review of Metaphysics. 1953. №7 (1). p. 15

По мнению большинства сторонников данной теории, характер каждого тропа (краснота данного красного цвета) является его базовой характеристикой, сущностью и не подлежит дальнейшему объяснению. Из этой сущности вытекает объединение тропов в соответствующие множества, с которыми и отождествляются привычные нам свойства объектов (красный цвет – множество всех красных тропов). Таким образом, тропы объединяются во множества благодаря внутренним, основанным на их сущности отношениям. Внутренние отношения (internal relations) – те, для существования которых достаточно простого наличия самих соотносящихся вещей (например, для отношения «выше на два сантиметра» не требуется ничего, кроме простого существования двух объектов, обладающих соответствующими размерами). Напротив, для наличия внешних отношений (external relations) существования объектов недостаточно. Чтобы быть, например, «состоящими в браке», два человека должны не просто существовать, но и пройти соответствующую церемонию.

Объединение тропов во множества с помощью внутренних отношений избавляет от необходимости постулирования каких-либо дополнительных отношений (вроде отношения сходства).

Но теория тропов не обходится и без собственных трудностей. Первая из них получила название проблемы Хохберга-Армстронга (Hochberg-Armstrong problem). Она исходит из того, что любые логически независимые пропозиции должны иметь собственный фактор истинности. Рассмотрим две пропозиции, касающиеся тропов:

(T1) Троп x_1 абсолютно схож с тропом x_2.

(T2) Троп x_1 нумерически отличен от тропа x_2.

Тропы обычно представляются как абсолютно простые (красный троп исчерпывается своей краснотой), и в результате обе этих пропозиции могут иметь в качестве факторов истинности только сами тропы x_1 и x_2. Но эти пропозиции логически независимы и должны иметь разные факторы истинности. Для решения этой проблемы сторонники тропов должны отказаться либо от их простоты, либо от признания разных факторов истинности для разных пропозиций.

Поскольку тропы представляются как абсолютно простые, возникает другая трудность, связанная с интуитивно правдоподобными принципами насыщения (thickening principles).

Насыщение цвета: каждый цветной объект имеет определенную форму.

Насыщение формы: каждый объект, имеющий форму, имеет определенный размер.

Получается, что красный троп мяча не может исчерпываться своей краснотой, а должен иметь определенную форму и размер (а именно, форму и размер мяча, которому он принадлежит). Обладающий формой и размером красный троп все больше напоминает сам мяч. Сторонник теории тропов может ответить, что, хотя принципы насыщения и кажутся правильными, применимы они только к конкретным объектам, а не к тропам. Цветовой троп красноты не может иметь форму или размер. Он может лишь сосуществовать в пространстве с другими тропами – тропом формы и тропом размера.

Следующая проблема – возможный обмен тропами между объектами. Представим два мяча, имеющих абсолютно одинаковый оттенок зеленого цвета. Согласно теории тропов два этих зеленых цвета – это два совершенно одинаковых, но отдельных и независимых друг от друга тропа. Получается, мы можем представить себе, что мячи обменяются этими тропами. Но этот обмен будет совершенно необнаружимым и не внесет в мир никаких качественных или каузальных изменений. Интуитивно кажется, что такой сценарий не должен быть возможен, он должен быть, по словам Армстронга, «пустой возможностью (empty possibility)», то есть вообще не быть возможным. Тем не менее сторонники теории тропов вынуждены признать такую возможность (подобная трудность не возникает у реалиста, для которого оба зеленых цвета – это нумерически одна и та же универсалия). Данную проблему можно решить, признав, что тропы по своей сущности (essentially) принадлежат соответствующим объектам и не могут переноситься с одного объекта на другой.

Несмотря на эти проблемы, теория тропов (по мнению ее сторонников) обладает одним неоспоримым преимуществом: она самая онтологически экономная из всех альтернатив. Поэтому на основании принципа Оккама ее и следует предпочесть. Как пишет Кэмпбелл, теория тропов может стать полной онтологией всего с одной категорией (one-category ontology), если мы будем рассматривать конкретные объекты как пучки или связки (bundle) тропов. Впрочем, противники теории считают, что ее недостатки перевешивают онтологическую экономию.

Список литературы

1. Armstrong D. M. Universals. Boulder, Westview Press, 1989.
2. Ehring D. Tropes. Properties, Objects, and Mental Causation. Oxford, Oxford University Press, 2011
3. MacLeod M. C., Rubenstein E. M. Universals // The Internet Encyclopedia of Philosophy https://iep.utm.edu/universa/.
4. Maurin A. S. If Tropes. Dordrecht, Kluwer Academic Publishers, 2002.
5. Maurin, Anna-Sofia, "Tropes", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2018 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/tropes/.
6. Moreland J. P. Universals. Chesham, Acumen, 2001.
7. Rodriguez-Pereyra, Gonzalo, "Nominalism in Metaphysics", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2019 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/sum2019/entries/nominalism-metaphysics/.

Глава 3. Партикулярии

В зависимости от принятия той или иной теории свойств, философы по-разному представляют себе и обычные, конкретные объекты. Мы рассмотрим разные возможные ответы на вопрос: являются ли партикулярии метафизически простыми или же состоят (в метафизическом смысле) из каких-либо элементов? Прежде всего следует провести различие между материальными и метафизическими составляющими объекта. Возьмем, к примеру, стол. Он состоит из таких материальных частей, как столешница, ножки или (на более фундаментальном уровне) молекулы и атомы. Их называют материальными частями (вопросы мереологии и материальной композиции будут рассмотрены в главе 14). Метафизически же стол может состоять (по мнению разных философов) из таких элементов как универсалии, тропы и т. д. Например, Бенджамин Куртис (Benjamin Curtis) считает[31] элементами универсалии, а Питер Симонс (Peter Simons) –

[31] Curtis B. The Rumble in the Bundle. // Noûs. 2014 № 48(2) pp. 298-313

тропы[32]. Их принято называть метафизическими частями или конституентами.

Можно выделить[33] два основных подхода к метафизическому строению конкретных партикулярий в связи с их отношением к свойствам. В соответствии с первым подходом (конституентная онтология) свойства – в буквальном смысле являются частями характеризуемых ими партикулярий. Согласно второму подходу (реляционная онтология) свойства – отдельные сущности, лишь внешне связанные с партикуляриями. Реляционная онтология предполагает, что партикулярии и свойства связаны фундаментальным, базовым отношением инстанцирования. В этом плане она менее онтологически экономна, чем конституентная онтология, которой достаточно лишь отношения части и целого. Также реляционная онтология не может свести партикулярии к пучкам свойств и вынуждена признавать фундаментальность как партикулярий, так и свойств.

(РО) Реляционная онтология (relational ontology): инстанцирование является фундаментальным отношением между партикуляриями и свойствами и не сводится к отношению часть-целое.

Данная позиция не завоевала большой популярности в современной философии, поскольку она сталкивается с серьезной проблемой, так называемым возражением от внешнего отношения (extrinsic relation).

Сторонники реляционной онтологии определяют характер вещи через инстанцирование ею набора универсалий, то есть через ее отношение к универсалиям. Однако характер вещи – это ее внутренняя характеристика (intrinsic feature), в то время как нахождение в каком-либо отношении к другой сущности (в данном случае к универсалии) является внешней характеристикой (extrinsic feature). То есть реляционная онтология принимает нечто внутреннее за нечто внешнее.

Сторонники данной позиции могут настаивать, что, вопреки нашей интуиции, партикулярии не обладают в фундаментальном смысле внутренними свойствами и все свойства сводятся к отношению инстанцирования между партикуляриями и универсалиями.

---

[32] Simons P. Particulars in Particular Clothing: Three Trope Theories of Substance. // Philosophy and Phenomenological Research. 1994. № 54(3) pp. 553-575

[33] Koons R. C., Pickavance T. H. The Atlas of Reality: A Comprehensive Guide to Metaphysics. Malden, Wiley Blackwell, 2017 p. 175

Впрочем, большинство философов находят такой ответ крайне контринтуитивным и неудовлетворительным и придерживаются той или иной версии конституентной онтологии. Конституентная онтология полагает, что характер любой вещи всецело определен ее внутренними частями в их взаимной связи. Поскольку каждая партикулярия обладает множеством свойств, каждое из них должно входить в ее состав.

(КО) Конституентная онтология (constituent ontology): отношение инстанцирования между партикулярией и свойством сводится в широком, немереологическом (non-mereological) смысле к отношению целого и его части.

Следствием данной онтологии является вывод о производном, не фундаментальном характере окружающих нас вещей, конкретных партикулярий. Они могут быть полностью редуцированы к своим составляющим частям, хотя философы расходятся в вопросе о необходимости каких-либо других немереологических частей помимо свойств. Мы рассмотрим несколько различных теорий, принадлежащих к конституентной онтологии.

Теория пучка (bundle theory), ТП, полностью редуцирует партикулярии к их свойствам, не вводя каких-либо дополнительных составляющих. Вещи не являются чем-то сверх и помимо (nothing over and above) своих свойств, инстанцированных в одном и том же месте пространства и времени. Например, лежащий на столе красный мяч – это совокупность, пучок таких свойств, как быть красным, быть шарообразным, быть твердым, иметь такое-то положение в пространстве-времени и так далее. Партикулярия как самостоятельная категория становится ненужной. Теорию пучка можно сформулировать по-разному, в зависимости от того, как именно мы будем представлять отношение между свойствами и партикулярией:

(ТПЦ) Партикулярия является целым, состоящим только из инстанцированных свойств в качестве немереологических частей.

(ТПМ) Партикулярия является множеством (set), элементами которого являются только инстанцированные свойства.

Как мы видели в предыдущей главе, свойства можно понимать по-разному, как универсалии или как тропы. В результате мы

получаем еще одно подразделение ТП, что дает нам четыре вида теории: партикулярия – целое, состоящее либо из универсалий, либо из тропов и партикулярия – множество, элементами которого являются либо универсалии, либо тропы. Классической считается версия ТП, в которой свойства представляют собой универсалии. Ее мы и будем рассматривать далее.

К достоинствам теории можно отнести ее экономность. В ее онтологии нет отдельной категории партикулярий. Как свойства, так и конкретные объекты полностью объясняются с помощью одной и той же онтологической категории универсалии. Однако далеко не все философы считают ТП успешной и приемлемой. Против нее был выдвинут ряд возражений, наиболее известные из которых (вместе с возможными ответами сторонников ТП) мы сейчас рассмотрим. Мы будем рассматривать возражения исходя из ТПМ, в которой партикулярия – это множество универсалий, поскольку именно эта версия является самой распространенной.

ТПМ считает вещи множеством свойств, но не всякое такое множество может быть вещью. Например, множество {быть слоном, быть красным, быть шарообразным}, элементы которого инстанцированны разными партикуляриями, само партикулярией не является. Подобных слонов не существует. ТПМ следует дополнить, так как простого инстанцирования оказывается недостаточно.

Второе возражение можно сформулировать следующим образом: если все вещи являются множествами свойств, то они будут вечными, необходимо существующими объектами. Если элементы множества необходимо существуют (как это делают универсалии), то и само множество необходимо. Но это явно абсурдно: красный мяч на моем столе не существует с необходимостью. Он мог бы вовсе не существовать или быть белым и т. д.

Третье возражение исходит из того факта, что вещи обладают свойствами. Мяч является красным. Но может ли быть красным множество двух свойств {быть красным, быть шарообразным}? Может ли вообще какое-либо множество быть красным? Не будет ли это категориальной ошибкой (category mistake)?

Для решения этих трех проблем сторонники ТП могут внести в нее уточнение. Вещами являются не любые множества свойств, но только множества, элементы которых связаны определенным отношением. Разные философы называют его по-разному: отношение совместного инстанцирования (co-instantiation), соприсутствия (compresence), совместности (togetherness) и так далее. Это

отношение связывает свойства, если и только если они совместно образуют одну и ту же вещь. Между элементами множества {быть слоном, быть красным, быть шарообразным} такого отношения нет. Данное отношение является контингентным: если два свойства совместно инстанцированы (как краснота и шарообразность в красном мяче), то происходит это без необходимости (шарообразность могла быть инстанцирована вместе с белизной и мяч был бы белым). Следовательно вещи не являются необходимыми, поскольку в их составе присутствует контингентное отношение. При введении этого отношения ТП может отрицать, что {быть красным, быть шарообразным} является красным. Свойствами (краснота, шарообразность) обладают только те множества, элементы которых связаны отношением совместного инстанцирования и которые являются полными, то есть включают в себя все свойства, необходимые для получения конкретной вещи (цвет и форма без всех остальных свойств не будут полным набором).

Следующая проблема касается возможности изменения вещей. Для всех очевидно, что вещи могут изменяться: приобретать другой цвет или менять форму. Но, если вещи – это множества свойств, то возможность изменений становится проблематичной. Если принять ТП, то изменение – это процесс, в котором некоторое множество, оставаясь самим собой, теряет или приобретает какой-либо элемент. По определению множества это невозможно, оно не может изменять свои элементы на другие, не становясь другим множеством.

Еще одно возражение опирается на признаваемый многими философами факт, что вещи могут иметь как сущностные (о сущности см. главу 7), так и акцидентальные свойства. Мяч можно перекрасить из красного в зеленый, но он останется тем же самым мячом. Цвет для него – акцидентальное свойство. Но у него могут быть и сущностные свойства, которые он потерять не может (например, свойство быть мячом). Если все вещи – множества, то их элементы будут равноправны и данное деление потеряется.

Чтобы решить последние две проблемы ТП можно модифицировать. Некоторые философы, например Питер Симонс[34] (Peter Simons), предложили разделить все множества, которым тождественны вещи, на два подмножества, первое из которых (ядро) будет

[34] Simons P. Particulars in Particular Clothing: Three Trope Theories of Substance. // Philoso-phy and Phenomenological Research. 1994. № 54(3) pp. 553-575

включать сущностные свойства, а второе (периферия) – акцидентальные. В строгом смысле вещь будет тождественна лишь ядру, которое будет неизменным. Периферийные свойства могут возникать и исчезать, не нарушая тождество вещи, а значит изменение станет возможным. Однако у модифицированной теории есть свои трудности. Сущность любой вещи будет, скорее всего, включать не слишком большое число свойств. Например, человек – разумное животное (как его определяли еще с античности) будет тождественен множеству из всего лишь двух свойств: {быть животным, быть разумным}. Но может ли конкретный, живой человек быть множеством двух свойств? Такое представление слишком обедняет конкретные вещи. Кроме того, поскольку все люди имеют одну и ту же видовую сущность (они все – разумные животные), получится, что человечество – это один и тот же человек, обладающий одновременно миллиардами разных наборов акцидентальных свойств. Решением этой проблемы будет признание так называемых индивидуальных сущностей. В таком случае Сократа можно будет отождествить с ядром из трех свойств {быть тождественным Сократу, быть животным, быть разумным}. Правда, не совсем понятно, приемлемо ли свойство *быть тождественным Сократу* для теории пучка. Можно ли назвать его универсалией? Некоторые философы, например Гонсало Родригес-Перейра (Gonzalo Rodriguez-Pereyra), считают, что – нет[35]. *Быть тождественным Сократу* является так называемым нечистым свойством (impure property), то есть свойством, неразрывно связанным с конкретной вещью (в данном случае – Сократом). Оно не может быть присуще более чем одному объекту и не может быть универсалией.

Наиболее серьезной проблемой для ТП, в которой свойства представляют собой универсалии, является ее приверженность крайне спорному принципу тождества неразличимых (ПТН). Его можно сформулировать так:

(ПТН) Если для каждого свойства F, объект x обладает F, если и только если объект y обладает F, то x тождественен y. На языке символической логики: $\forall F\ (Fx \leftrightarrow Fy) \rightarrow x=y$.

Если вещи – это множества универсалий, то двух одинаковых вещей (имеющих одни и те же свойства) существовать не может. Если

[35] Rodriguez-Pereyra G. The Bundle Theory is compatible with distinct but indiscernible particulars. // Analysis. 2004. №64(1) pp. 72-81

два множества состоят из одних и тех же элементов, то на самом деле это одно множество, а не два. ПТН должен быть необходимо истинным в отношении конкретных вещей. Проблема в том, что мы можем придумать гипотетические сценарии, в которых две разных вещи имеют одни и те же свойства. Это будет контрпримером для ПТН, а значит он не будет необходимо истинным. Один из наиболее известных таких сценариев был предложен Максом Блэком (Max Black) в статье 1952 года «Тождество неразличимых» («The Identity of Indiscernibles»): «Не является ли логически возможным, что вселенная могла бы не содержать ничего, кроме двух совершенно похожих сфер? Мы можем предположить, что каждая была сделана из химически чистого железа, имела диметр в одну милю, что они имеют одинаковую температуру, цвет и так далее, и что не существует ничего другого. Тогда каждое качество, реляционная характеристика одной будет также свойством другой. Итак, если то, что я описываю логически возможно, то не является невозможным, что у двух вещей все свойства общие»[36]. Кроме этого, возможный мир Блэка обладает билатеральной симметрией: обе сферы находятся на одинаковом расстоянии от центра вселенной, две половины которой невозможно отличить друг от друга. Как кажется, такой мир вполне логически возможен, он не содержит внутренних противоречий. Сторонники ТП не могут просто отвергнуть этот мысленный эксперимент, им надо искать другое решение проблемы. Было предложено несколько подобных решений.

Как утверждает[37] Джон О’Лири-Хоторн (John O'Leary-Hawthorne), сторонники ТП могут утверждать, что две сферы из мира Макса Блэка – это на самом деле одна сфера, расположенная сразу в двух местах. Универсалии, по мнению многих философов (которые в принципе признают их существование), находятся одновременно во множестве мест. Краснота, например, одновременно расположена во всех тех местах, где есть красные предметы. Если вещи – это множества универсалий, то нет ничего удивительного в том, что они тоже могут быть в нескольких местах одновременно. О сфере из мира Блэка можно сказать, что она находится на некотором расстоянии от самой себя. Для некоторых философов такой ответ неприемлем. По их мнению, он недопустимым образом меняет описание мира, данное

---

[36] Black M. The Identity of Indiscernibles // Mind. 1952. № 61 (242). p. 156

[37] O'Leary-Hawthorne J. The Bundle Theory of Substance and the Identity of Indiscernibles // Analysis. 1995. № 55(3). pp. 191-196

самим Максом Блэком: по условию мысленного эксперимента в мире находятся две сферы, а не одна. Ответ О'Лири-Хоторна просто обходит это условие.

Еще одно возможное решение – признать существование этостей (haecceities) или индивидуальных сущностей, о которых мы уже говорили выше. Сторонники ТП могут настаивать на том, что этости – это универсалии, хотя они и могут быть присущи лишь одному объекту в данном возможном мире. Противники этого решения могут согласиться с признанием этостей универсалиями. Тем не менее они могут сказать, что этости не являются естественными свойствами, то есть на них не основывается реальное сходство между вещами и/или наличие у них каких-либо каузальных сил. Но только естественные свойства могут быть элементами множеств, которыми являются конкретные вещи (сторонники этостей с этим, конечно же, не согласятся).

Проблема Блэка также решается отказом от универсалий и заменой их тропами. Два качественно тождественных шара будут множествами с разными элементами: каждый будет состоять, например, не из шарообразности вообще, а из своей собственной шарообразности. Принцип тождества неразличимых остается в силе: если две вещи – это множества из одних и тех же тропов, то мы имеем дело с одной вещью, а не с двумя.

Для многих философов эти и другие проблемы с теорией пучка (считающей вещи пучком универсалий) делают ее неприемлемой. По их мнению, все попытки свести партикулярии к универсалиям обречены на провал. Во всех вещах присутствует некий субстрат, основа, несводимая к универсалиям. Поэтому теория этих философов и получила название теории субстрата (substratum theory). Как и ТП, она может быть представлена в двух вариантах:

(ТСЦ) Партикулярия является целым, состоящим свойств и субстрата в качестве частей.

(ТСМ) Партикулярия является множеством (set), элементами которого являются свойства и субстрат.

Центральным для ТС является понятие субстрата, с помощью которого сторонники ТС надеются преодолеть трудности присущие ТП. Многие сторонники ТС считают, что субстрат является так называемой чистой партикулярией (bare particular). Чистые пратикулярии

входят в состав всех вещей и являются носителями их свойств. Именно они инстанцируют свойства каждой вещи и обеспечивают ее индивидуальность, выполняя роль аналогичную отношению соприсутствия в ТП. Однако только вещь в целом обладает свойствами, чистые пратикулярии по определению лишены качественного характера (qualitative character). Это помогает ТС обойти многие из трудностей, с которыми сталкивается ТП: чистые партикулярии являются контингентными, именно они превращают множества универсалий в конкретные вещи. Тождество партикулярии при изменении ее свойств обеспечивается тождеством входящей в ее состав чистой партикулярии. Возможный мир Макса Блэка также не создает проблем для ТС: две сферы вполне могут быть одинаковыми по всем своим свойствам, но в их состав входят две разных чистых пратикулярии, поэтому сферы не являются тождественными.

Однако само понятие чистой партикулярии кажется многим проблематичным и неприемлемым. Главная проблема заключается в том, что чистые партикулярии являются носителями всех свойств партикулярий, но сами по себе каких-либо свойств лишены. Не является ли это внутренне противоречивым? Некоторые сторонники ТС не видят в этом ничего необычного. Партикулярии без свойств действительно выглядели бы странно (или были бы невозможны), но чистые партикулярии – не партикулярии, а составные части партикулярий. Отсутствие свойств – их характерная особенность. Густав Бергман (Gustav Bergmann) пишет по этому поводу так: «Это понятие [понятие чистой партикулярии] … состоит из двух частей. Чистые партикулярии не являются и не обладают природами [natures]. Любые две из них различаются не внутренне [intrinsically], а только нумерически. В этом их чистота. Для чистой партикулярии невозможно быть «в» более чем одной обычной вещи. В этом их партикулярность»[38]. Такой ответ не нашел широкой поддержки, поскольку большинству сторонников ТС кажется очевидным, что свойства есть у всего.

По мнению Армстронга, чистые партикулярии (он их называет скудными – thin и противопоставляет насыщенным – thick; совсем лишенные свойств чистые партикулярии Армстронг не признает) являются чистыми не потому, что вовсе лишены свойств, а потому, что не являются тождественными совокупности своих свойств (что отличает их от обычных партикулярий в представлении ТП) и не

---

[38] Bergmann G. Realism: A critique of Brentano and Meinong. Madison, University of Wisconsin Press, 1967 p. 24

имеют их в качестве составных частей (что отличает их от обычных партикулярий в представлении ТС). Армстронг пишет следующее: «Скудная партикулярия – это а, взятая отдельно от своих свойств (субстрат). Она связана со своими свойствами через инстанцирование, но не тождественна им. Она не является чистой, поскольку, чтобы быть чистой, она должна была бы не инстанцировать никакие свойства… Тем не менее это не единственный способ, каким можно представлять партикулярию. Ее можно представить как включающую свойства. На самом деле, это кажется стандартным способом нашего представления партикулярий. Это насыщенная партикулярия. Но насыщенная партикулярия, поскольку она заключает в себе [enfolds] как чистые партикулярии, так и свойства, скрепленные вместе инстанцированием, не может быть ничем иным, как положением дел [state of affairs] … Следовательно, в одном смысле партикулярия лишена свойств. Это скудная партикулярия. В другом смысле она заключает в себе свойства. В последнем случае это насыщенная партикулярия и положение дел. Я думаю, это решает проблему, поднятую антиномией чистых пратикулярий»[39].

Другие философы предлагают различать два способа, каким партикулярия может обладать свойствами. То есть они постулируют два разных отношения инстанцирования (экзеплификации). Уильям Олстон (William Alston) предлагает провести такое различие: «Давайте назовем отношение экзеплификации, которое существует между субстратом и универсалией «подлежанием» [underlying]. Как мы уже сказали, при любом подобном отношении возникнет сложное целое, состоящее из субстрата и одной или более универсалий, которым он подлежит. Это целое – то, о котором мы обычно думаем, как о конкретной определенной [qualified] индивидуальной вещи – подобно камню, человеку или стулу… Этот конкретный индивид также будет поддерживать определенное отношение к каждому из своих свойств, которое будет разновидностью отношения части и целого и которое также может быть верно названо «экземплификацией». Мы определенно могли бы в обычной ситуации сказать, что карандаш экзеплифицирует желтый цвет, в добавок к конечному субстрату карандаша, если он есть, экзеплифицирующему цвет. Давайте назовем этот вид экзеплификации «включением» [inclusion]. Мы теперь можем перейти к проведению нескольких различий между двумя отношениями. Например, первое отношение внешнее, а второе внутреннее.

[39] Armstrong D. M. Universals. Boulder, Westview Press, 1989 p. 95

Субстрат может подлежать совершенно другим свойствам по сравнению с теми, которым он фактически это делает и все же быть тем же самым субстратом; поскольку он не включает никаких свойств, его тождество не зависит от его ассоциации с одним множеством универсалий, скорее чем с другим. Но конкретный индивид не может перестать включать любое из своих свойств и все же быть точно тем же индивидом… В терминах данного различия мы можем охарактеризовать «чистую» партикулярию как то, что подлежит универсалиям, но не включает их»[40].

Многие противники ТС находят такие решения маловразумительными. Для них непонятно, как нечто можно рассматривать в отрыве от тех свойств, которыми оно обладает. Еще одна проблема касается индивидуации чистых партикулярий. Если они лишены качественного характера, то как мы можем различить две разных чистых партикулярии и как они могут служить принципом индивидуации конкретных вещей? Вернемся к качественно тождественным сферам Блэка. ТС полагает, что они отличаются друг от друга благодаря тому, что в их состав входят две нумерически различные чистые партикулярии. Но сами эти партикулярии лишены каких-либо качеств, которые могли бы стать основанием для их различия. Нумерическое различие чистых партикулярий является так называемым грубым фактом, то есть фактом, лишенным какого-либо объяснения.

Последней из рассмотренных нами станет теория, пытающаяся возродить аристотелевский подход к партикуляриям. Мы назовем ее неоаристотелевской (НА), хотя следует сразу заметить, что этот термин используется в других разделах философии (например, в этике) для обозначения совсем иных теорий. ТП и ТС (в своих классических версиях) исходят из того, что свойства представляют собой абстрактные универсалии, которые могут находиться сразу в нескольких местах. Одна и та же, нумерически тождественная универсалия (например, *обладать массой в 31 грамм*) может быть частью многих вещей. В соответствии с ТП вещи исчерпываются такими универсалиями, а ТС добавляет в их состав еще один компонент – субстрат. Сторонники НА полагают, что существует и другой тип универсалий. Первый тип, о котором мы только что сказали, они называют универсалиями свойств (property universals). Кроме них существуют еще субстанциальные универсалии или субстанциальные

---

[40] Alston W. P. Particulars – bare and qualified // Philosophy and Phenomenological Research. 1952. № 15. pp. 257-258

виды (substance kinds). Отдельные случаи (instances) первого вида универсалий являются свойствами партикулярий – *быть красным*, *быть круглым* и так далее. В противоположность этому, отдельные случаи второго вида универсалий являются не свойствами партикулярий, а самими партикуляриями – *быть человеком*, *быть собакой*, *быть яблоком* и так далее. Когда инстанцируется (экземплифицируется) универсалия *быть собакой*, то у нас (в силу особенности самой универсалии) получается отдельная, конкретная вещь – определенная собака. Пользуясь этим различием, Синтия Макдональд (Cynthia Macdonald) предлагает следующую формулировку НА. Свой вариант теории она называет теорией партикулярии как экземплификации свойства (property exemplification account of substances):

(НАМ) Партикулярия является экземплификацией субстанциальной универсалии в конкретном месте и времени.

Красное яблоко, лежащее в данный момент на моем столе, обладает свойством *быть красным*, оно инстанцирует соответствующую универсалию. Вместе с тем это яблоко является (а не обладает) отдельным случаем свойства *быть яблоком*.

Субстанциальные универсалии образуют иерархию, поэтому каждая вещь является случаем более чем одной подобной универсалии. Отдельная кошка будет случаем таких универсалий, как *быть млекопитающим*, *быть животным* и так далее. Однако основной, предопределяющей все остальное, будет принадлежность к так называемой атомарной, то есть фундаментальной субстанциальной универсалии. Для кошки это будет универсалия *быть кошкой* или (если быть более точным) *быть представителем вида Felis catus*. Пользуясь этим уточнением, Макдональд формулирует свою теорию в виде двух условий, которые должны выполняться всеми партикуляриями – условие существования и условие тождества[41]:

Условие существования (existence condition): партикулярия [x, P, t] существует, если и только если атомарное сущностно-видовое свойство (substance-kind property) P экземплифицировано в месте x в момент времени t.

---

[41] Macdonald C. Varieties of Things: Foundations of Contemporary Metaphysics. Oxford, Wiley-Blackwell, 2005 p. 118

Условие тождества (identity condition): необходимо, что партикулярия [x, P, t] тождественна с партикулярией [y, Q, t’], если и только если место x тождественно месту y, атомарное субстанциально-видовое свойство P тождественно атомарному субстанциально-видовому свойству Q, а момент времени t моменту времени t’.

Макдональд подчеркивает, что не следует думать, что партикулярии состоят из свойств, мест и моментов времени как из своих частей. Частями материальной партикулярии могут быть молекулы или атомы, но не свойства или места. Она обозначает партикулярию через [x, P, t], но это (по ее словам) лишь каноническое описание партикулярии, из которого не следует, что она включает в себя или состоит из x или P. В связи с этим теория Макдональд не является редукционистской, она не пытается свести партикулярию к неким более базовым категориям, как это делает, например, ТП, редуцируя ее к универсалиям.

Кроме теории Макдональд было предложено еще множество вариантов НА. Многие из них опираются на аристотелевские понятия материи и формы, то есть пытаются возродить гилеморфизм (ГМ). Разные версии современного гилеморфизма были предложены Робертом Кунсом (Robert Koons), Марком Джонстоном (Mark Johnston), Уильямом Яворски (William Jaworski), Кэтрин Кослицки (Kathrin Koslicki) и другими. Мы рассмотрим некоторые из них.

Все разновидности ГМ сходятся на том, что партикулярии в коком-то смысле (нуждающемся в последующем уточнении) состоят из материи и формы. Кэтрин Кослицки определяет его так: «гилеморфизм – это позиция популярная среди неоаристотелевских метафизиков, в соответствии с которой единые целые [unified wholes] (предположительно такие, как организмы) в каком-то смысле являются соединениями материи (hyle) и формы (morphe)»[42].

(ГМ) Партикулярия является целым, состоящим в некотором смысле из формы и материи.

В каком именно смысле партикулярии состоит из формы и материи, и что именно из себя представляет форма (материя вызывает меньше споров), разные философы представляют по-разному. Марк

[42] Koslicki K. Substance, Independence and Unity // Feser E. (ed.) Aristotle on Method and Metaphysics. London, Palgrave/MacMillan, 2013 p. 169

Джонстон полагает, что форма не является еще одной частью партикулярии в дополнение к ее материальным частям. Форма – это отношение между частями, принцип их единства. Джонстон дает следующую схему для определения любых партикулярий: «*Для*… (здесь называется вещь) … *быть это для*… (здесь указываются некоторые части) …обладать свойством или находиться в отношении… (здесь указывается принцип единства)»[43]. Для пояснения этой общей схемы Джлнстон приводит несколько конкретных примеров: «для этой молекулы соляной кислоты быть – это для этого положительного иона водорода и этого отрицательного иона хлора быть связанными вместе…Для этого конкретного поезда быть – это для данного локомотива и достаточного числа данных вагонов быть сцепленными вместе, причем локомотив присоединен в позиции, из которой он может тянуть или двигать вагоны»[44]. То есть материей партикулярии могут быть те части, из которых она непосредственно составлена: для молекулы ими будут атомы, а для поезда – вагоны и локомотив. Форма – это тот конкретный вид связи, которые объединяет части вместе: химическая связь для молекулы, механическое сцепление для поезда. Джонстон заявляет, что его теория может быть названа гилеморфизмом, поскольку ее главная идея в том, что «каждая сложная вещь допускает реальное определение или утверждение о ее сущности в терминах ее материи, понимаемой как части или компоненты и ее формы, понимаемой как принцип единства. Когда части вещи сами являются сложными, они в свою очередь будут иметь собственные принципы единства (формы) и подлинные части (материю) и так далее и так далее либо ad infinitum, либо заканчивая чем-то неопределимым или простым»[45].

Уильям Яворски понимает под формой структуру, как особый, не редуцируемый к чему-то другому, компонент партикулярии. По поводу ГМ он пишет так: «гилеморфизм утверждает, что структура (или организация, форма, расположение, порядок или конфигурация) является базовым онтологическим и объяснительным принципом. Некоторые индивиды, парадигмально живые организмы, состоят из материалов, которые структурированы или организованы разными способами. Вы и я – не просто количества физических материалов; мы – количества физических материалов с определенной

[43] Johnston M. Hylomorphism. // The Journal of Philosophy. 2006. № 103 (12). p. 658
[44] ibid. p. 658
[45] ibid. p. 658

организацией или структурой. Эта структура отвечает за то, что мы являемся и пребываем людьми, и она ответственна за то, что мы имеем те определенные связанные с развитием, метаболические, репродуктивные, перцептивные и когнитивные способности, которые мы имеем»[46]. Свою разновидность ГМ Яворски называет структурным реализмом.

Структура, по мнению Яворски, является центральным понятием ГМ и играет четыре главных роли:

1. Структура является нередуцируемым онтологическим принципом и отвечает за то, что вещи сущностно такие, какие они есть.

2. Она действует как нередуцируемый объяснительный принцип, который, по крайней мере частично, объясняет на что способны вещи, какими силами они обладают.

3. Структура объясняет единство составных (composite) вещей, включая пребывание одной и той же живой вещи, в то время как она динамически приобретает/теряет материю и энергию.

4. Она дает нам возможность понять место ментальных феноменов в природном мире.

Один из недостатков теории Яворски – ее несовместимость с физикализмом (которого придерживается значительное число философов), поскольку структура является самостоятельным началом, дополняющим постулируемые физикой объекты, свойства и отношения. Сам Яворски признает эту несовместимость, но полагает, что ее достоинства перевешивают этот недостаток. Тем не менее он утверждает, что теория достаточно близка к нередуктивному физиализму, чтобы быть приемлемой для его сторонников.

Близость теории Яворского и других современных гилеморфистов к нередуктивному физикализму приводит их к серьезной проблеме. Настолько ли нередуцируема структура (или форма вообще), насколько они считают? Говард Робинсон в своей статье для Стэнфордской энциклопедии философии приводит такой аргумент:

«1. Понятие структуры существенно для всех или большинства естественных наук.

2. Если что-то существенно для корректного объяснения или

[46] Jaworski W. Structure and the Metaphysics of Mind. Oxford, Oxford University Press, 2016 p. 1

понимания, это стоит рассматривать реалистически.

следовательно

3. В мире есть реальные структуры.

Но верно и следующее:

4. Чтобы понятие структуры можно было применять, достаточно, чтобы элементы были расположены в мире определенным образом, и это расположение можно описать без использования понятия структуры. Это можно сделать, указав место каждого элемента в пространстве и времени и их каузальное влияние друг на друга»[47].

Для многих философов дополнительное начало в виде структуры является ненужным и излишним. Физических объектов и свойств вполне достаточно для полного описания нашего мира. Нередуцируемая структура должна стать жертвой бритвы Оккама.

Список литературы

1. Armstrong, D. M. A world of states of affairs. Cambridge, Cambridge University Press, 1997.
2. Bailey A. M. No Bare Particulars. // Philosophical Studies. 2012. № 158. pp. 31–41.
3. Connolly N. Yes: Bare Particulars! // Philosophical Studies. 2015. № 172. pp. 1355–1370.
4. Hoffman J., Rosenkranz G. S. Substance: Its Nature and Existence. London, Routledge, 1997.
5. Robinson, Howard, "Substance", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2021 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/fall2021/entries/substance/.
6. Van Cleve J. Three Versions of the Bundle Theory // Philosophical Studies. 1985 №47 (1). pp. 95 – 107.

[47] Робинсон, Говард. Субстанция // Стэнфордская философская энциклопедия: переводы избранных статей / под ред. Д.Б. Волкова, В.В. Васильева, М.О. Кедровой. URL=http://philosophy.ru/substance/

Глава 4. Абстрактные объекты

В этой главе мы рассмотрим проблемы, связанные с абстрактными объектами – различие между абстрактным и конкретным, аргументы за и против их существования. Наше внимание будет почти полностью сосредоточено на математических объектах, признаваемых большинством философов абстрактными объектами par excellence.

Различие между абстрактными и конкретными объектами определяется философами по-разному, исходя из разных свойств, присущих абстрактным объектам или отсутствующих у них. Тем не менее большинство метафизиков сходятся во взглядах на само различие между абстрактным от конкретным. Этому делению объектов присуще шесть отличительных черт. Такая характеристика считается стандартной, но существуют заметные исключения.

Деление является исчерпывающим – оно приложимо ко всему существующему и каждый из существующих объектов либо абстрактен, либо конкретен.

Деление является исключительным – ни один объект не может быть одновременно и абстрактным, и конкретным.

Деление является абсолютным – объекты не могут принадлежать к одной из двух категорий в большей или меньшей степени, не могут быть более или менее абстрактными/конкретными.

Деление является безотносительным к чему-либо – оно основывается на внутренних свойствах объектов, а не на их отношении к каким-либо другим объектам.

Деление является постоянным в пространстве-времени – ни один объект не может быть абстрактным в данном месте или времени и конкретным в другом.

Деление является модально неизменным – ни один объект не может сменить свою принадлежность в другом возможном мире; если он абстрактный, то он таким и останется во всех возможных мирах. Лински и Залта с этим несогласны. Они считают[48], что возможны контингентно неконкретные (contingently nonconcrete) объекты (например, Шерлок Холмс), которые абстрактны в одном возможном мире и конкретны в другом.

Примером абстрактных объектов будут пропозиции, свойства, множества, числа и другие математические объекты. К конкретным относятся столы, стулья, планеты, люди и так далее.

Деление абстрактное/конкретное не следует смешивать с делением объектов на универсалии и партикулярии, так как в категорию абстрактных объектов помимо универсалий входят и другие объекты (например, пропозиции).

Несмотря на согласие по поводу самого деления, философы расходятся во взглядах на основание этого деления. Многие пытаются редуцировать деление к какой-то одной черте, характерной только для абстрактных объектов. Рассмотрим эти попытки более подробно.

Первая попытка отталкивается от кажущейся правильной интуиции о том, что, например, числа не могут где-либо находиться. На моем столе может быть пять предметов, но мы не можем сказать, что само число пять лежит на моем столе. Это будет категориальной ошибкой (category mistake), то есть ошибкой, состоящей в приписывании объектам одной категории свойств, присущих лишь объектам из другой. Напротив, относительно конкретного объекта – чашки, мы

---

[48] Linsky B., Zalta E. In defense of the simplest quantified modal logic. // Philosophical Perspectives. 1994. №8 pp. 431–458

с полным правом можем сказать, что она стоит на столе. Поэтому многие философы видят ключевое отличие абстрактных объектов в отсутствии у них пространственно-временного расположения.

(Абст1): x является абстрактным объектом $=_{df}$ x лишен расположения в пространстве-времени.

Сразу же возникает вопрос о самих регионах пространства-времени: не получатся ли они абстрактными (хотя интуитивно они конкретны) согласно этому определению. Все конкретные объекты расположены в том или ином регионе пространства-времени, но сами регионы (как кажется) лишены такого расположения. Эту проблему легко решить, просто определив расположение таким образом, что каждый регион расположен в самом себе.

Но есть и другие, гораздо более существенные проблемы с этим определением. Многие очевидно абстрактные объекты могут в соответствии с ним оказаться конкретными. Например, согласно теории имманентных универсалий Д. Армстронга (см. главу 2), они расположены там же, где и инстанцирующие их объекты. Например, универсалия БЕЛИЗНА целиком находится в каждом из пространственно-временных регионов, занимаемых белыми объектами. Также существуют разногласия по поводу множеств, элементами которых являются конкретные объекты (impure sets). Например, множество всех чашек на моем столе. Одни философы, например, Джерольд Катц[49] (Jerrold Katz) полагают, что такое множество также расположено на столе, хотя другие, такие как Рой Кук[50] (Roy Cook), отрицают это. По их мнению, на столе расположены элементы множества, а само оно не находится в пространстве-времени.

В связи с этими и другими проблемами, определение (Абст1) не нашло всеобщей поддержки и многие метафизики обратились к другим характерным особенностям абстрактных объектов. Одна из таких характеристик – невозможность для абстрактных объектов вступать в причинно-следственные отношения. Свойства, пропозиции, числа не могут быть созданы, уничтожены или изменены. Поскольку они лишены таких физических характеристик, как масса или заряд, эти объекты не могут, в свою очередь, оказать влияние на физический мир. Напротив, конкретные объекты постоянно влияют друг

---

[49] Katz J. Realistic Rationalism. Cambridge, MIT Press, 1998 pp. 117-177

[50] Cook R. Impure Sets Are Not Located: A Fregean Argument // Thought: A Journal of Philosophy. 2012. № 1(3) p. 219-229

на друга. Поэтому, согласно второму определению, абстрактные объекты каузально пассивны.

(Абст2): x является абстрактным объектом $=_{df}$ x каузально пассивен.

В отличие от предыдущего, это определение опирается на гораздо более спорное понятие причинности (по сравнению с ним расположение в пространстве-времени вызывает меньше разногласий). До сих пор в метафизике нет единого устоявшегося понимания причинности (впрочем, то же можно сказать о многих других, если не о большинстве, метафизических понятий).

Даже если сторонники этого определения и смогут остановиться на каком-либо одном определении причинности, останется неясным, является ли каузальная пассивность необходимым условием абстрактности. Такие абстрактные объекты, как свойства или пропозиции, многими считаются вполне каузально активными. Например, причина того, что выроненная из рук чашка разбилась – ее свойство хрупкости. На это можно возразить, что само свойство как абстрактный объект лишь фигурирует в метафизическом объяснении данного события, но не играет никакой реальной каузальной роли. Причина разбития чашки – сама чашка как конкретный объект и ее физическое строение, хотя обладание соответствующими каузальными силами (causal powers) объясняется инстанцированием свойства хрупкости. При таком подходе инстанцирование не является каузальным отношением между свойством и объектом.

Другой пример каузально активных абстрактных объектов – упоминавшиеся выше множества, состоящие из конкретных объектов (impure sets). Возьмем синглетон – множество, состоящее из одного элемента, например, Сократа. {Сократ}, как кажется, возник и исчез вместе со своим единственным элементом – Сократом. Поскольку возникновение и исчезновение – каузальные процессы, то данное множество нарушает определение (Абст2). Защитники определения могут настаивать, что в причинно-следственные отношения вступают не сами множества, а только их элементы.

Также есть опасение, что определение (Абст2) не является достаточным, то есть некоторые конкретные объекты могут быть каузально пассивными. Пример такого возможного объекта приводит Питер Форест (Peter Forrest). Это эпифеноменалон – элементарная частица, не возникающая, не исчезающая и не вступающая ни в какие

отношения с другими объектами (включая другие эпифеноменалоны). Хотя она (скорее всего) и не является реальной, но ее существование вполне возможно. В таком случае у нас будет каузально пассивный конкретный объект.

Поэтому было предложено еще одно возможное определение абстрактных объектов – основывающееся на их необходимом существовании.

(Абст3): x является абстрактным объектом $=_{df}$ x необходимо существует.

Необходимое существование абстрактных объектов объясняется (как правило) их каузальной пассивностью – так как они не могут быть созданы или уничтожены, то их существование не зависит от каких бы то ни было конкретных фактов и поэтому, если они существуют, то существуют с необходимостью. Как и другие определения данное сталкивается с контрпримерами. Например, упоминавшийся выше синглетон {Сократ}. Может показаться, что этот абстрактный объект существует лишь контингентно – только в тех возможных мирах, где существует сам Сократ. Имманентные универсалии (по версии Д. Армстронга) существуют в самих объектах и только при условии существования последних. Свойство МАССА существует лишь в тех мирах, где есть массивные объекты.

Другие примеры показывают, что определение (Абст3) не является достаточным. Бог в традиционном теистическом представлении существует с необходимостью, но не является абстрактным объектом (так как обладает огромными каузальными силами). Также единая и единственная спинозовская субстанция существует (по мнению Спинозы) необходимо и все конкретные модусы «порождаются» ею с необходимостью. Из этого не следует, что все объекты в нашем мире абстрактны.

Еще одна проблема для каузально инертных объектов состоит в трудности их познания. Можем ли мы (и если да, то как) познавать каузально инертные объекты? К этой проблеме мы еще веремся по ходу главы.

Из-за подобных трудностей некоторые философы, например Сэм Коулинг[51] (Sam Cowling), утверждают, что абстрактные объекты не являются ни необходимыми, ни контингентными, а находятся

---

[51] Cowling S. Abstract Entities. London, Routledge, 2017 p. 84

вообще за переделами всякой модальности (подобно тому, как они «находятся» вне пространства-времени).

Как мы видим, ни одному из предложенных определений не удалось избежать серьезных трудностей. В принципе, сторонники любого из предложенных определений могут просто отвергнуть существование абстрактных объектов, представляющих трудность для выбранного ими определения. Но такая позиция выглядит слишком ad hoc. Поэтому некоторые философы (примитивисты), такие как Сэм Коулинг[52], предложили считать деление абстрактное/конкретное базовым (примитивным) и не поддающимся определению. Сделав понятие «абстрактный» базовым, мы на его основании можем объяснить такие черты некоторых абстрактных объектов, как каузальная пассивность, внепространственность, необходимое существование и так далее. Эти черты уже не будут базовыми, а будут объяснены исходя из понятия абстрактности. У примитивистов всегда есть ответ на почти любой вопрос о свойствах абстрактных объектов. Почему числа существуют необходимо? Потому что они абстрактные.

Те из примитивистов, кто признает наличие сущностей (essences), могут утверждать, что абстрактные объекты образуют естественный (или метафизический) вид, в сущность которого (абстрактность) входят все обсуждавшиеся выше свойства.

Независимо от того, как они определяют различие абстрактное/конкретное, философы делятся на два лагеря в зависимости от признания ими существования абстрактных объектов. Сторонников их существования принято называть платонистами, а противников номиналистами или антиплатонистами. Мы будем использовать термин антиплатонизм, чтобы не смешивать эту позицию с номинализмом, отрицающим не абстрактные объекты вообще, а только универсалии.

Мы начнем с платонизма и аргументов в его пользу. Платонисты признают реальное, независимое от человеческого ума (mind-independent) существование таких абстрактных объектов, как числа, пропозиции, свойства и так далее. По их мнению, эти объекты не просто существуют, а играют важную роль в метафизических объяснениях многих феноменов. Например, если человек уверен в правильности теоремы Пифагора, считает ее истинной, то это можно объяснить особым отношением (пропозициональной установкой – propositional attitude) между этим человеком и абстрактным объектом

---

[52] Cowling S. Abstract Entities. London, Routledge, 2017 pp. 92-97

(пропозицией, выражающей эту теорему).

Позицию платонистов можно свести к двум основным тезисам: 1. Такие объекты, как числа, свойства, пропозиции существуют; 2. Эти объекты принадлежат к особой онтологической категории (категории абстрактных объектов). В связи с этим их противники могут отрицать как оба этих тезиса, так и любой из них по отдельности. Например, антиплатонисты могут признавать существование чисел, но относить их к категории конкретных объектов. Но платонисты уверены в истинности и незаменимости обоих тезисов и приводят аргументы в их поддержку, которые мы сейчас и рассмотрим.

Первый аргумент можно назвать семантическим, так как он отталкивается от значения некоторых утверждаемых нами предложений. Несмотря на необычный характер абстрактных объектов, платонисты считают себя сторонниками здравого смысла, поскольку придерживаются наиболее правдоподобной (с их точки зрения) интерпретации многих привычных нам утверждений.

Девятнадцать – простое число.
Львы и тигры имеют много общих биологических свойств.
Все математики признают теорему Пифагора.

Подавляющее большинство людей согласны с этими утверждениями и признают их истинность. По мнению платонистов, из их истинности вытекает существование абстрактных объектов – числа девятнадцать, биологических свойств, теоремы Пифагора. Впрочем, многие платонисты выводят существование абстрактных объектов из простой осмысленности (meaningfulness), то есть способности быть истинными или ложными, этих утверждений. Их аргумент мы и рассмотрим в первую очередь. Его можно сформулировать следующим образом:

1. «Девятнадцать – простое число» является осмысленным.
2. Если «Девятнадцать – простое число» осмысленно, то число девятнадцать существует.
3. Следовательно, число девятнадцать существует.

Противники платонизма сразу же заметят крайнюю сомнительность второй посылки. Она имплицитно исходит из положения о том, что условием осмысленного разговора о каком-либо объекте является существование этого объекта. Но мы можем вполне

осмысленно говорить о Санта-Клаусе, Зевсе, Супермене и так далее. Тем не менее очевидно, что эти объекты не существуют. Сторонники аргумента могут возразить, что посылка показывает лишь существование соответствующих объектов, но не онтологическую категорию, к которой они принадлежат. Число девятнадцать, Санта-Клаус, Зевс и Супермен действительно существуют, но являются абстрактными объектами. Многие философы не удовлетворены данным аргументом, так как он «доказывает» существование слишком большого числа объектов. Все, о чем только мы можем говорить, обретает реальность, и наша онтология становится слишком перенаселенной.

Другой, более приемлемый, семантический аргумент не выводит существование объектов дедуктивно, а строится как вывод к наилучшему объяснению (inference to the best explanation) или абдуктивный вывод. Сторонники данного аргумента считают, что существование абстрактных объектов наилучшим образом объясняет многие привычные нам феномены. Лучше всего это видно на примере пропозиций. Наличие у нас осмысленных мнений (meaningful beliefs) объясняется тем, что мы находимся в особом отношении к внешнему для нас объекту – пропозиции, которая и является содержанием этого мнения. Если я полагаю, что Москва – столица России, то я тем самым связан с абстрактным объектом – пропозицией *что Москва – столица России*.

Пропозиции также (по мнению многих философов) являются первичными носителями истинности и делают осмысленными соответствующие предложения. Предложения «Лондон – столица Великобритании» и «London is the Capital of Great Britain» истинны, так как выражают одну и ту же истинную пропозицию *что Лондон – столица Великобритании.* Признание существования пропозиций значительно облегчает объяснение соответствия между предложениями разных языков. Перевод с одного языка на другой превращается в подбор предложений на разных языках, выражающих одну и ту же пропозицию.

Следующий семантический аргумент (уже упоминавшийся нами) утверждает, что истинность многих высказываний обязывает нас признать существование абстрактных объектов. Данный аргумент использует понятие онтологического обязательства, введенного Уиллардом Ван Орманом Куайном (Willard Van Orman Quine). Согласно куайновской стратегии мы должны осуществить переструктурирование (regimentation) истинных высказываний, выразив их на языке логики предикатов первого порядка. Тогда мы увидим, что эти

высказывания обладают онтологическими обязательствами, то есть вынуждают нас признать существование абстрактных объектов. Например, высказывание

(1) «Девятнадцать – простое число»

можно представить как

(1*) «∃x(Nx∧Dx)»

где N – «быть простым числом», а D – «быть девятнадцатью». Из этого следует, что должен существовать некий объект, являющийся одновременно девятнадцатью и простым числом, то есть по крайней мере одно число существует. Мы можем поэтому сформулировать следующий аргумент:

1. Утверждение (1) истинно.
2. Если утверждение (1) истинно, то существует нечто, являющееся простым числом.
3. Если существует нечто, являющееся простым числом, то числа существуют.
4. Следовательно, числа существуют.

Вторая посылка аргумента опирается на переформулированное на языке логики предикатов первого порядка утверждение о числе девятнадцать (1*). Успех данного аргумента зависти от способности антиплатонистов найти другие переформулировки подобных утверждений, не упоминающие числа (или свойства, пропозиции и другие абстрактные объекты).

Существует еще один, сходный с данным, семантический аргумент в пользу абстрактных объектов. Его сторонники опираются на понятие факторов истинности (truthmaker) (см. главу 1). По их мнению, именно абстрактные объекты являются факторами истинности для соответствующих утверждений. Поэтому они предлагают такой аргумент:

1. Утверждение (1) истинно.
2. Если утверждение (1) истинно, то число девятнадцать является фактором истинности для (1).
3. Если число девятнадцать является фактором истинности

для (1), то оно существует.

4. Следовательно число девятнадцать существует.

Антиплатонисты, естественно, могут отвергнуть всю теорию факторов истинности в целом. Или же, признав эту теорию, утверждать, что (1) является исключением и для него фактора истинности не требуется. Они могут сказать, что факторы истинности есть лишь у высказываний о конкретных объектах. Таким образом, этот аргумент является менее убедительным, так как опирается на более спорные метафизический предпосылки.

Рассмотренные нами аргументы пытаются решить вопрос о существовании абстрактных объектов априорно, исходя из осмысленности/истинности тех или иных утверждений. Такие априорные рассуждения неприемлемы для многих натуралистски настроенных философов. Для онтологических натуралистов наилучшее средство для решения спорных вопросов – современное естествознание. Чтобы установить существование абстрактных объектов, мы должны обратиться к нашим наилучшим на сегодняшний день научным теориям и выяснить, есть ли абстрактные объекты среди их онтологических обязательств. Для натуралистов именно наши научные теории говорят нам о том, что существует в мире. Если числа фигурируют в формулировке этих теорий, то натуралисты (чтобы быть последовательными) должны признать их существование. Именно на этот факт опирается аргумент от неустранимости (indispensability argument) математического языка при формулировке наших научных теорий. Он был сформулирован Куайном и Хилари Патнемом (Hilary Putnam). По мнению большинства философов, этот аргумент является наиболее сильным и убедительным из всех аргументов в пользу платонизма. Ведущий антиплатонист Хартри Филд (Hartry Field) считает[53] аргумент единственным не страдающим от предвосхищения основания (non-question begging). Существует много формулировок данного аргумента, но наибольшее распространение получила следующая:

1. (Онтологический натурализм): поскольку наилучшим источником информации о существовании тех или иных объектов являются наши лучшие научные теории, то мы должны придерживаться их онтологических обязательств.

2. (Критерий Куайна): Онтологические обязательства теории

[53] Field H. Science Without Numbers. Princeton, Princeton University Press, 1980 p. 4

– только те сущности (entities), которые являются значениями связанных переменных (bound variables), встречающихся в этих теориях.

3. (Неустранимость): наши наилучшие научные теории включают неустранимую квантификацию по математическим объектам.

4. (Холизм подтверждения): наши научные теории подтверждаются/опровергаются как единое целое; если мы придерживаемся какой-либо научной теории, мы должны придерживаться всех ее онтологических обязательств.

5. Следовательно, мы должны признать существование математических объектов.

Аргумент от неустранимости нацелен на опровержение широко распространенного взгляда на платонистов как «витающих в облаках» фантазеров. Напротив, каждый последовательный натуралист, предпочитающий эмпирическое естествознание любой априорной метафизике, должен (в соответствии с аргументом) признать существование математических объектов, являющихся абстрактными par excellence. Получается, что в соответствии с онтологическим натурализмом, антиплатонизм не только ничем не мотивирован, но и прямо противоречит авторитету науки, которая повсеместно использует математические объекты в своих теориях.

Мы видим, что данный аргумент коренным образом отличается от предыдущих. Все они были априорными, старавшимися доказать платонизм без обращения к каким-либо научным фактам. Традиционно платонисты считали абстрактные объекты чем-то очевидным, доступным для любого человека через интуицию. Поэтому многие платонисты отвергают данный аргумент, хотя и согласны с его заключением. По мнению Чарльза Парсонса[54] (Charles Parsons), аргумент не учитывает и никак не объясняет самоочевидность элементарной математики.

Кроме того, сторонники традиционных аргументов считают, что данный аргумент доказывает существование далеко не всех математических объектов, с которыми работают математики. Например, сильно недостижимые кардиналы (strongly inaccessible cardinals) в теории множеств могут быть лишены применения в наших лучших научных теориях. С точки зрения Пенелопы Мэдди (Penelope Maddy), аргумент от неустранимости делает онтологический статус этих и подобных им объектов неопределенным, так как он ставит их

[54] Parsons C. Ontology and mathematics // Philosophical Review. 1971. №80 p. 151

существование в зависимость от их применения в научных теориях. Сторонники аргумента должны либо отвергнуть такие объекты (вступив в противоречие с математическое практикой), либо все-таки признать их существование. Но в таком случае получится, что существуют математические объекты, не использующиеся в научной практике для формулирования теорий, и аргумент становится ненужным. Для решения указанной Мэдди проблемы, платонистам следует рассматривать аргумент как демонстрацию того, что количество абстрактных объектов в мире больше нуля. После этого чистая математика может указать, какие именно объекты существуют.

Антиплатонисты по-разному отвечают на аргумент от неустранимости. Самый радикальный и прямолинейный ответ – отвергнуть первую посылку, то есть онтологический натурализм в целом. Можно утверждать, что наука не является подобающим арбитром в вопросах онтологии, либо отвергая некоторые объекты, признаваемые наукой, либо утверждая существование сверхъестественных объектов (например, теистического Бога). В результате аргумент лишится одой из центральных посылок и его можно будет легко опровергнуть.

Первую посылку можно критиковать и не отвергая онтологический натурализм. Например, не совсем ясно, какие именно научные теории имеют в виду сторонники аргумента. Некоторые натуралисты предлагают учитывать при построении онтологии только физику (или даже ограничиться физикой элементарных частиц). Другие натуралисты признают онтологические обязательства всех естественных наук (физики, химии, биологии и так далее). Еще одни не ограничиваются ими и включают в список такие науки, как лингвистика и когнитивная психология (из которых нетрудно вывести существование таких абстрактных объектов, как пропозиции). Сторонники аргумента должны указать на принципиальный критерий отбора подходящих наук, так как в зависимости от этого мы получим разные онтологии. Несмотря на эти трудности, большинство антиплатонистов признают натурализм и сосредотачивают свое внимание на других посылках аргумента.

Один из наиболее влиятельных антиплатонистов предложил отвергнуть третью посылку, утверждающую, что наши наилучшие научные теории включают неустранимую квантификацию над математическими объектами. В своей книге «Наука без чисел» («Science Without Numbers») Хартри Филд утверждает, что на самом деле математические объекты являются устранимыми обязательствами наших

научных теорий. Чтобы продемонстрировать это, Филд формулирует версию ньютоновской теории гравитации, используя только номиналистически допустимые методы. По его мнению, мы можем подобным образом переформулировать и все другие научные теории.

Большинство философов не разделяют оптимизма Филда. Во-первых, многие сомневаются в самой возможности переформулирования. Если Филд смог осуществить его в отношении ньютоновской теории, то из этого еще не следует, что мы можем проделать то же самое и в отношении всех остальных. Кроме того, неизвестно могут ли считаться полученные формулировки «нашими наилучшими научными теориями», как указано в аргументе. Скорее всего они не будут удовлетворять широко используемым при оценке научных теорий критериям простоты и элегантности и будут слишком громоздкими и запутанными из-за необходимости избегать квантифицирования над математическими объектами. Отсюда предложение[55] Джона Берджесса (John P. Burgess) и Гидеона Розена (Gideon Rosen) отправить статью, содержащую номиналистическую переформулировку какой-нибудь современной физической теории, в авторитетный научный журнал по физике, чтобы убедиться, что она (вероятнее всего) будет с недоумением отвергнута. А это означает, что проект Филда не соответствует натуралистическим стандартам, признающим в таких случаях авторитет практикующих ученых. Его переформулирование выглядит ad hoc и лишь ухудшает соответствующие теории (а не выявляет их подлинные онтологические обязательства). Поэтому мало кто из философов согласен с Филдом и отвергает третью посылку аргумента.

Четвертая же посылка кажется гораздо более уязвимой для критики. Холизм подтверждения был выдвинут Куайном в статье «Две догмы эмпиризма» («Two Dogmas of Empiricism»), но многие философы с ним несогласны. По их мнению, успех какой-либо научной теории не должен равномерно поддерживать все ее онтологически обязательства. Как утверждает[56] Эллиот Собер (Elliott Sober) математические объекты упоминаются практически во всех конкурирующих научных теориях в равной мере. Поэтому, когда одна из них подтверждается, это не дает никакого дополнительного подкрепления существованию таких объектов. Кроме того, сами ученые (по

---

[55] Burgess J., Rosen G. A Subject with No Object. Oxford, Oxford University Press, 1997 p. 210

[56] Sober E. Mathematics and indispensability. // Philosophical Review. 1993. № 102 pp. 35–57

замечанию Пенелопы Мэдди) относятся к разным объектам, постулируемым теориями, по-разному. В теориях часто используются идеализированные объекты, которые не воспринимаются как часть реальности. В связи с этим многие натуралистически настроенные философы полагают, что холизм подтверждения прямо противоречит научной практике. Тем не менее противники аргумента должны представить конкретные доводы для отвержения именно абстрактных объектов, чтобы их критика не была голословной. Это и побудило многих антиплатонистов исследовать более пристально ту роль, которую играют математические объекты в научных теориях.

Отсюда возникло достаточно влиятельное опровержение аргумента от неустранимости, утверждающее, что, хотя математические объекты неустранимы, они неустранимы из научных теорий не так, как обычные, конкретные объекты. Их позиция сводится к следующему: квантификация по абстрактным объектам является неустранимой для формулирования, выражения теорий (expressively indispensable), но не является таковой для объяснительной работы, выполняемой теориями (explanatorily indispensable), в отличие, например, от протонов и электронов, без которых многие явления объяснены быть не могут.

При формулировании научных теорий часто используются объекты, в несуществовании которых никто не сомневается. Например, если какая-нибудь астрономическая теория утверждает, что вокруг среднестатистической звезды вращается четыре планеты, то никто отсюда не делает вывод о существовании такого объекта, как «среднестатистическая звезда». Подобные объекты вполне могут быть незаменимы для формулирования теории, но не являются частью онтологических обязательств. Естественно, что придерживающиеся холизма подтверждения платонисты посчитают такое различие (по крайней мере в случае математических объектов) надуманным и отвергнут его. Тем не менее в свете подобной критики платонисты должны показать, что абстрактные объекты неустранимы именно для объяснительной работы научных теорий. Поэтому Аланом Бейкером (Alan Baker) было предложено[57] изменить третью посылку аргумента, превратив ее в следующую:

3*. (Расширенная неустранимость): наши наилучшие научные

[57] Baker A. Mathematical explanation in science // British Journal for the Philosophy of Science. 2009. № 60(3) pp. 611–633

теории включают объяснительно неустранимую квантификацию по математическим объектам.

Также платонисты приводят примеры объяснительно неустранимых математических объектов. Алан Бейкер (Alan Baker) в своей статье 2005 года[58] использует пример жизненного цикла цикад. Эти насекомые проводят 13 или 17 лет под землей в личиночной стадии и выползают из-под земли уже взрослыми. Предлагаемое объяснение такого цикла гласит, что 13 и 17 – простые числа и столько лет, проводимых под землей, уменьшает вероятность встречи цикад с хищниками которые выходят из личиночной стадии каждые 2, 4 или 8 лет. Такое объяснение напрямую обращается к свойствам простых чисел, таким образом числа играют важную и неустранимую объяснительную роль.

Стоит отметить, что даже в случае успеха аргумент от неустранимости вынуждает нас признать лишь существование абстрактных объектов. Но он ничего не говорит об их природе и свойствах. По мнению[59] Кристофера Пинкока (Christopher Pincock), убежденные натуралисты могут дать реалистическое, но антиплатоническое истолкование математических объектов. Неустранимость этих объектов никак не затрагивает многие из их свойств – внепространственность, каузальную инертность и так далее, без которых вполне можно обойтись, даже признавая их существование.

Рассмотренный нами аргумент от неустранимости опирается на научную практику, на незаменимость абстрактных объектов при научном объяснении тех или иных феноменов. Существует схожий с ним аргумент, но основывающийся на неустранимости таких объектов при метафизическом объяснении феноменов. Этот аргумент утверждает, что для метафизического объяснения таких феноменов, как сходство объектов, модальность, законы природы, нам не обойтись без признания существования абстрактных объектов. Поскольку он опирается на метафизическое, а не научное объяснение, данный аргумент не укладывается в рамки натурализма. Например, рассмотренный нами в главе 2 аргумент от качественного сходства в пользу существования универсалий как раз один из таких аргументов. Также большинство метафизических теорий возможных миров (за

---

[58] Baker A. Are there genuine mathematical explanations of physical phenomena? // Mind. 2005. №114. pp. 223–238

[59] Pincock C. Mathematics and Scientific Representation. Oxford, Oxford University Press, 2011 pp. 190–200

исключением модального реализма) не могут обойтись (см. главу 9) без тех или иных абстрактных объектов – пропозиций, множеств, положений дел и так далее. Главная трудность этих и подобных им аргументов – их выход за пределы натурализма. Для многих философов метафизические теории просто не являются наилучшим средством постижения реального мира и того, что в нем существует.

Антиплатонисты, не убежденные вышеизложенными доводами, предложили, в свою очередь, аргументы, отрицающие существование абстрактных объектов. Наиболее очевидный из них ссылается на онтологическую неэкономность любого признания абстрактных объектов. Зачем вводить новую категорию объектов, если можно вполне обойтись только одной (категорией конкретных объектов)? Данный аргумент использует принцип бритвы Оккама, гласящий, что «не следует множить сущее без необходимости». Экономность здесь представляется как теоретическая добродетель, повышающая вероятность истинности более экономной теории. Такое представление об экономности, в свою очередь, можно обосновать по-разному. Одни философы указывают на некий априорный принцип, связывающий экономность и истинность теории. Другие снова обращаются к научной практике, где традиционно отдается предпочтение более простым и экономным теориям. Следует заметить, что в научной практике предпочтение отдается более простой теории лишь в том случае, если она не уступает своим соперницам в других отношениях (например, объяснительной силе). Платонисты, поэтому, могут настаивать, что их теория несравненно лучше объясняет многие факты (ту же неустранимость математических объектов). Даже если предположить равную успешность платонистов и их противников, одно лишь обращение к бритве Оккама не в состоянии разрешить спор между ними. Платонисты могут сделать свою позицию не менее экономной, полностью отказавшись от категории конкретных объектов (то есть признав, что все, на первый взгляд, конкретные объекты на самом деле являются абстрактными).

Другой, более убедительный, антиплатонический аргумент ставит под сомнение возможность нашего знания об абстрактных объектах. Его наиболее известная формулировка принадлежит Полу Бенацеррафу (Paul Benacerraf). Этот аргумент отталкивается от вполне правдоподобного утверждения, что каузальные отношения и связи играют важную роль в нашем познании окружающего мира. Восприятие, память, свидетельствование (testimony) как источники знания включают в себя причинно-следственные связи с

соответствующими объектами и невозможны без них. Практически невозможно себе представить, как человек может узнать что-то о каком-либо объекте без всякой каузальной связи с этим объектом. Эти соображения наводят мысль на так называемое каузальное ограничение (causal constraint) для знания – мы не можем иметь эпистемического доступа к каузально изолированному объекту. Отсюда и возникает возражение против платонизма. Ведь большинство современных платонистов сходятся в признании каузальной инертности абстрактных объектов, но тем не менее претендуют на возможность их познания. Однако, если мы будем придерживаться каузального ограничения, то подобное знание становится невозможным. Поскольку практически все философы признают математическое знание, то нам следует отвергнуть платонизм, то есть математическое знание не должно быть знанием об абстрактных объектах.

Бенацерраф в своей работе 1973 года[60] представил данный аргумент в виде дилеммы для возможного математического знания. В формулировке Бенацеррафа аргумент представляет трудность как для платонистов, так и для их противников. По его мнению, обе альтернативы дилеммы связаны с серьезными трудностями. С одной стороны, платонистский взгляд на математические объекты помещает их за пределы всех доступных людям способов познания и тем самым нарушает требование интеграции нашего математического знания в общую теорию человеческого познания вообще. Эта первая альтернатива опирается на каузальное ограничение для нашего знания, сформулированное Бенацерафом как утверждение, что «знание X что S истинно требует наличия некоторого каузального отношения между X и референтами имен, предикатов и кванторов в S»[61].

С другой стороны, у антиплатонистов есть вынужденная необходимость использовать нестандартную семантику для математического дискурса. Антиплатонисты, отказываясь от абстрактных объектов, не могут воспринимать математические высказывания в буквальном смысле. Все отсылки к числам, множествам и так далее уже не могут быть истолкованы как упоминание соответствующих объектов, в отличие от отсылок к конкретным объектам. В результате происходит нежелательное нарушение аналогии между математическим и другими видами научного дискурса (где упоминание, например, электронов воспринимается буквально).

[60] см. Benacerraf P. Mathematical truth // Journal of Philosophy. 1973. №70. pp. 661–679

[61] Benacerraf P. Mathematical truth // Journal of Philosophy. 1973. №70. p. 671

В итоге, поскольку платонисты не в состоянии объяснить знание абстрактных математических объектов, мы вынуждены принять вторую альтернативу и подыскать новую интерпретацию математического дискурса.

Многие платонисты, в свою очередь, пытаются разрешить дилемму, отказавшись от каузального ограничения для знания. Они приводят контрпримеры – случаи, когда мы можем иметь знание о каузально изолированных от нас объектах. Например, по их мнению, мы можем иметь обоснованные убеждения и знание относительно объектов вне нашего светового конуса, о еще не синтезированных химических элементах и об общих законах, распространяющихся на объекты, с которыми мы каузально не взаимодействуем. В ответ на эти примеры, Бенацерраф пишет, что каузальная связь может быть не только непосредственной, но и (как в этих случаях) косвенной. С полностью каузально неактивными абстрактными объектами мы не можем быть связанными никак, ни прямо, ни косвенно.

Антиплатонистами был сформулирован сходный аргумент относительно нашего знания абстрактных объектов, не использующий каузальное ограничение. Наиболее известный его сторонник – Хартри Филд пишет, что «можно понять вызов Бенацеррафа не как вызов нашей способности обосновать (justify) наши математические убеждения, но как вызов нашей способности объяснить надежность (reliability) этих убеждений»[62]. Аргумент Филда можно представить следующим образом:

1. Математики обладают надежными математическими убеждениями.

2. Если абстрактные математические объекты существуют, они являются каузально инертными и каузально изолированными от математиков.

3. Если математический платонизм истинен, то надежная связь между абстрактными математическими объектами и математическими убеждениями математиков должна быть в принципе объяснимой (explicable).

4. Если абстрактные математические объекты являются каузально инертными и каузально изолированными от математиков, то надежная связь между абстрактными математическими объектами и математическими убеждениями математиков не может быть

[62] Field H. Realism, Mathematics & Modality. London, Blackwell, 1989 p. 25

объяснена.

5. Следовательно, математический платонизм не является истинным.

Самое важное – данный аргумент не использует каузальное ограничение для нашего знания, вместо этого он предъявляет достаточно скромное требование интегрированности математического знания в нашу общую эпистемологию.

Прежде чем рассматривать реакцию платонистов на данный аргумент, следует отметить, что некоторые философы считают сам вопрос о надежности математических убеждений неверным. По мнению Д. Льюиса, убеждения о конкретных, контингентных объектах требуют надежности, так как эти объекты могут меняться и приобретать или терять свойства. В этих случаях надежные убеждения (в отличие от ненадежных) изменяются вслед за изменением объектов. Абстрактные математические объекты существуют и обладают всеми свойствами с необходимостью и меняться не могут. Поэтому между ними и нашими убеждениями о них не может быть систематического соизменения (co-variation), требуемого для надежности убеждений. Сторонники аргумента могут ответить, что он не приравнивает надежность математических убеждений к их соизменению с соответствующими объектами. Независимо от модального статуса этих объектов надежность наших убеждений должна иметь хоть какое-нибудь объяснение. Платонисты предложили три наиболее известных способа обосновать надежность:

1. Через логическое знание: логицизм приравнивает все математические факты к логическим и математическое знание к логическому. Поскольку же мало кто сомневается в том, что мы обладаем логическим знанием, то и математическое становится беспроблемным. Логическое знание не имеет особого отдельного объекта и приложимо к любым объектам вообще. Поэтому оно (и приравненное к нему математическое) не требует объяснения приложимости к абстрактной части реальности, так как оно касается всей реальности в целом. Проблема этого подхода – неудача программы логицизма, выдвинутой в начале 20 века Фреге, Расселом, Дедекиндом и другими. Существующий в настоящее время неологицизм не завоевал всеобщего признания.

2. Через естественное, главным образом научное знание. Для большинства методологических натуралистов сама постановка вопроса Филдом неприемлема. В своем аргументе Филд отдает

приоритет чисто философским стандартам над научными и требует отдельного эпистемического обоснования математического знания. Но с точки зрения натуралистов нам вполне достаточно, что наука использует математику для построения своих теорий. Этого факта хватает для обоснования надежности математического знания. Тем не менее натурализм, хотя и обосновывает математическое знание, ничего не говорит об абстрактной природе математических объектов (в этом отношении он нейтрален). Вызов Филда адресован именно платонистам, считающим математические объекты абстрактными. Поэтому натурализм для них не будет привлекательным выходом из затруднительной ситуации.

3. Через интуицию. Вызов Филда предполагает, что привычные источники знания (чувственное восприятие, память и так далее) не могут дать никакой информации об абстрактных объектах, так как опираются на каузальную связь между объектом и субъектом познания. Поэтому многие платонисты постулируют наличие у нас особой способности, напоминающей чувственное восприятие – математической интуиции. По мнению Курта Геделя (Kurt Gödel), Роджера Пенроуза (Roger Penrose) и других, с помощью интуиции мы проникаем в абстрактную реальность и непосредственно «наблюдаем» математические объекты. Эти объекты непосредственно даны нам (immediately given) в опыте. Естественно, такая позиция вызывает массу вопросов. Какова природа подобной интуиции? Что значит непосредственно «наблюдать» математические объекты? Сторонникам данной позиции также придется объяснить, каким образом эта интуиция настроена так, чтобы давать надежные математические убеждения.

Несмотря на эти трудности, большинство платонистов уверены, что один из этих подходов (или какая-либо их комбинация) вполне способен ответить на вызов Филда.

Другой аргумент против существования абстрактных (главным образом математических) объектов был сформулирован уже упоминавшимся в этой главе Полом Бенацеррафом. Аргумент затрагивает так называемую проблему неуникальности (non-uniqueness) и стремится показать фундаментальную недоопределенность абстрактных объектов.

Источник проблем для платонистов – теоретическое богатство теории множеств. Признав существование гигантской иерархии множеств, мы получаем (по словам Дэвида Гилберта) доступ к «раю математика», позволяющий редуцировать арифметику и другие части

математики к теории множеств. Такая редукция происходит путем отождествления натуральных чисел с определенными множествами и дает тем самым значительную онтологическую экономию. Вместо двух разных категорий (числа и множества) у нас остается только одна. Кроме того, происходит еще и идеологическая экономия – такие отношения между числами, как сложение или возведение в степень, отождествляются с соответствующими отношениями между множествами. Тем не менее возникает значительная проблема, которая может свести на нет все эти преимущества. Дело в том, что подобную редукцию можно осуществить несколькими равноценными способами.

Для иллюстрации этой возможности Бенацерраф приводит два стандартных способа редукции арифметики к теории множеств. Эти способы (предложенные Джоном фон Нейманом и Эрнстом Цермело) идентифицируют натуральные числа с различными теоретико-множественными прогрессиями, то есть множествами множеств, удовлетворяющих аксиомам Пеано. Согласно предложению Цермело, мы отождествляем 0 с пустым множеством Ø и отождествляем любое число n+1 с {n}. Согласно же предложению фон Неймана, мы отождествляем 0 с пустым множеством Ø и отождествляем любое число n+1 с объединением n и {n}, т. е. {n, {n}}. Соответственно начальные сегменты этих двух прогрессий будут выглядеть так:

Цермело: Ø, {Ø}, {{Ø}}, {{{Ø}}} ...
Фон Нейман: Ø, {Ø}, {Ø, {Ø}}, {Ø, {Ø}, {Ø, {Ø}}} ...

Каждый из способов дает успешную редукцию натуральных чисел, но проблема в том, что они несовместимы друг с другом. Противоречие становится очевидным, например, при ответе на вопрос: число 2 тождественно {{Ø}} или {Ø, {Ø}}? Мы сталкиваемся с выбором из двух несовместимых, но одинаково успешных вариантов. Само по себе наличие разных способов редукции не приводит к проблемам для платонистов. Основная трудность в том, что эти способы одинаково приемлемы, у нас нет основания предпочесть один из них другому. Именно эта трудность и является центральным положением аргумента Бенацеррафа против платонизма. Этот аргумент можно представить в следующем виде:

1. (Сингулярность): имена натуральных чисел (например «два») являются сингулярными референциальными терминами

(singular referring terms).

2. (Редукционизм): каждое натуральное число тождественно одному и только одному множеству.

3. (Математическая адекватность): существуют несколько конкурирующих редукций натуральных чисел к множествам, которые в равной степени математически адекватны, то есть в равной степени удовлетворяют всем математическим требованиям.

4. (Общая адекватность): не существует внематематических оснований для предпочтения одной из математически адекватных редукций другой.

5. (Эпистемическая уникальность): если нет вообще никаких оснований предпочитать одну из редукций, то натуральные числа не тождественны множествам.

Сингулярность утверждает, что имена натуральных чисел не являются неявными квантифицированными утверждениями, ссылающимися на несколько объектов. Например, имя «2» не ссылается сразу на {{Ø}} и {Ø, {Ø}}, а ведет себя как обычное имя собственное, то есть ссылается на один-единственный объект. Редукционизм утверждает, что объекты, на которые ссылаются имена чисел, являются множествами, а не какими-либо иными объектами (например числами sui generis). Математическая и общая адекватность утверждают, что нет никаких основания для рационального выбора лишь одной из предложенных редукций. В завершение, эпистемическая уникальность требует для успешной редукции наличия принципиального основания для предпочтения того или иного варианта. В итоге (поскольку такого основания нет) мы должны отвергнуть редукционизм и признать невозможность одного из важных положений многих версий платонизма – отождествления чисел с множествами.

Естественно, платонисты предложили множество вариантов опровержения аргумента, отрицая ту или иную из его посылок.

Во-первых, платонисты могут отвергнуть редукционизм. В таком случае они будут вынуждены согласиться с тем, что проблемы, стоящие перед редукционистской программой непреодолимы. Число 2 существует как абстрактный объект sui generis и не тождественно ни одному из множеств. В принципе, в такой позиции нет ничего противоречивого или непоследовательного, но она не решает проблему недоопределенности абстрактных объектов: платонисты неспособны сказать, на что «больше похоже» число 2, на {{0}} или на {0, {0}}. По своему духу она резко контрастирует с естественными науками,

которые стремятся к редукциям при любой возможности. Кроме того, такая позиция онтологически неэкономна.

Во-вторых, платонисты могут отказаться от эпистемической уникальности, согласно которой произвольность выбора между конкурирующими теориями заставляет нас отвергнуть их все. Мы можем не иметь принципиального основания для выбора варианта редукции, но соображения простоты и экономии могут заставить нас остановиться на одном из вариантов (все равно каком). По замечанию Александра Пасео (Alexander Paseau), сторонники Куайна (Quineans), преследующие цель выбора наилучшей в целом теории, вполне могут пойти на произвольный выбор ради достижения простоты теории. То есть достоинство простоты и экономности перевешивает недостаток, заключающийся в произвольности. Противники платонизма склонны считать такую позицию скорее уходом от проблемы, чем ее решением.

В-третьих, платонисты могут отрицать адекватность и настаивать, что одна из редукций предпочтительнее всех других на каких-то принципиальных основаниях. Наиболее известная версия этой стратегии следует за Дэвидом Льюисом и прибегает к понятию естественности (naturalness). Льюис утверждал, что некоторые множества, свойства или пропозиции являются более естественными, чем другие. Причем это – грубый факт, не подлежащий дальнейшему объяснению. Например, такие фундаментальные физические свойства, как *масса* или *заряд*, являются полностью естественными, а такие, как *быть курицей или березой* – всецело неестественными. Между этими крайностями находится огромное количество свойств, промежуточных по своей естественности. Тем не менее только естественные свойства делят природу на естественные составные части (carve at the joints of nature) и играют ключевую научную и метафизическую роль. Эта естественность и определяет семантическое значение используемых нами слов и выражений. Поэтому имена чисел ссылаются на те множества, которые более естественны. Главная проблема для такого подхода в том, что ни одна из предложенных редукций (в отличие от упомянутых свойств) не выглядит интуитивно более естественной, чем другие. Платонисты вынуждены предполагать некую скрытую на первый взгляд естественность одной из редукций.

В-четвертых, платонисты могут отрицать сингулярность и интерпретировать семантику выражений, ссылающихся на предполагаемые абстрактные объекты, как в корне отличающуюся от семантики выражений, имеющих дело с конкретным миром. Различные попытки

применить подобную стратегию часто обозначают одним термином – «структурализм». Структуралистские теории рассматривают арифметику и другие части математики как имеющие дело не с какими-либо объектами (абстрактными или конкретными), но со структурами, такими как структура натуральных чисел, подчиняющаяся аксиомам Пеано. Имена чисел ведут себя семантически по-другому, чем имена конкретных объектов. Если их интерпретировать правильно, то мы поймем, что они ссылаются на любой объект, играющий определенную роль (например, роль «число 2») в соответствующей структуре. Структуры сами по себе не являются объектами, но некоторые совокупности объектов (как правило те самые множества, с которыми имеют дело предлагаемые редукции) могут реализовывать эти структуры. В результате нам не нужно выбирать между конкурирующими редукциями. Структуралистская программа сталкивается со своими трудностями и далеко не все философы считают ее успешной.

Рассмотренные нами аргументы представляют значительные трудности для любого сторонника платонизма. Несмотря на это, значительное число философов продолжает придерживаться этой теории. Но наиболее популярным является платонизм по отношению к математическим объектам, так как этот вид платонизма поддерживается аргументом, приемлемым для натуралистов. Именно аргумент от неустранимости квантифицирования по абстрактным математическим объектам из наших наилучших научных теорий остается (еще со времен Куайна) наиболее серьезной поддержкой для платонизма.

Список литературы

1. Bueno, Otávio, "Nominalism in the Philosophy of Mathematics", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2020 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/nominalism-mathematics/.
2. Colyvan M. The Indispensability of Mathematics. Oxford, Oxford University Press, 2001.
3. Cowling S. Abstract Entities. London, Routledge, 2017.
4. Falguera, José L., Concha Martínez-Vidal, and Gideon Rosen, "Abstract Objects", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter

2021 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/win2021/entries/abstract-objects/.
5. Hale B. Abstract Objects. Oxford, Blackwell, 1987.
6. Linnebo, Øystein, "Platonism in the Philosophy of Mathematics", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2018 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/spr2018/entries/platonism-mathematics/.
7. Maddy P. Naturalism in Mathematics. Oxford, Oxford University Press, 1997.
8. Shapiro S. Philosophy of Mathematics: Structure and Ontology. New York, Oxford University Press, 1997
9. Wetzel L. Types and Tokens: On Abstract Objects. Cambridge MA, The MIT Press, 2009.
10. Фролов К. Г. Почему я платонист // Vox. Философский журнал. 2019. № 27. С. 283-294

Глава 5. Фиктивные объекты

Большинство из нас знакомы, по крайней мере, с одной из разновидностей фиктивных объектов (fictional objects) – литературными персонажами (fictional characters). Это люди (или животные), о которых рассказывается в произведениях художественной литературы. Эдмон Дантес из «Графа Монте-Кристо», Родион Раскольников из «Преступления и наказания», Наташа Ростова из «Войны и мира», Шерлок Холмс из многочисленных рассказов Артура Конан Дойля являются литературными персонажами, а значит и фиктивными объектами. Хотя все они (или некоторые из них) нам знакомы, являются частью нашей жизни, дороги и важны для нас, мы знаем, что они на самом деле не существуют и придуманы авторами произведений (это является так называемой проблемой несуществования). Тем не менее, как кажется, мы можем высказать много истинных утверждений о них: «Эдмон Дантес был заключен в тюрьму замка Иф», «Родион Раскольников убил старуху-процентщицу» «Наташа Ростова вышла замуж за Пьера Безухова», «Шерлок Холмс жил на Бейкер-стрит». В связи с этим философы задаются вопросами: что представляют собой

фиктивные объекты (ФО)? Являются ли они частью нашей онтологии? Если они на самом деле не существуют, то как можно объяснить высказывания о них? Как можно заметить, проблемы ФО тесно переплетаются с общими вопросами онтологии – что существует, что такое существование и так далее. Поэтому ФО стали предметом пристального внимания многих метафизиков, занимающихся проблемами онтологии. Разные метафизики давали разные ответы на эти вопросы. Было предложено несколько теорий фиктивных объектов (ФО), наиболее известные из которых будут рассмотрены нами в данной главе.

Но, прежде чем рассматривать эти теории, необходимо сказать, что практически все из них используют куайновский подход к метаонтологии, который мы сейчас кратко охарактеризуем. Основные положения этого подхода были сформулированы Питером ван Инвагеном (Peter van Inwagen) в статье 1998 года «Мета-онтология» («Meta-ontology»)[63]. Инваген насчитал пять таких положений:

1. Бытие – не деятельность.
2. Бытие – то же самое, что и существование.
3. Бытие однозначно (унивокально).
4. Бытие адекватно схватывается квантором существования формальной логики.
5. Наши онтологические обязательства выражаются и исчерпываются принимаемыми нами квантификациями существования (existential quantifications).

Лучше всего понять куайновский подход можно путем его противопоставления другому, майнонговскому подходу. Возьмем, например, проблему несуществования, о которой мы уже упоминали. Многие негативные экзистенциалы (negative existentials), то есть отрицающие существование того или иного объекта утверждения, кажутся нам истинными.

(НЭ) Наташа Ростова не существует.

Но это утверждение может, на первый взгляд, показаться весьма странным. О чем (или о ком) именно утверждается, что оно не существует? Очевидный ответ – не существует Наташа Ростова. Но

[63] van Inwagen P. Meta-Ontology // Erkenntnis. 1998. № 48(2/3) pp. 233-250

как мы можем утверждать это, не ссылаясь (referring) на саму Наташу Ростову? Сторонники Алексиуса Майнонга (Alexius Meinong) считают «Наташа Ростова» самым обычным именем собственным, которое ссылается на отдельного индивида – Наташу Ростову. Просто данный индивид не существует. В результате майнонгианцы отвергают положение 2 из списка Инвагена: бытие не исчерпывается существованием, некоторые объекты есть, но не существуют. Из этого вытекает отвержение 4 и 5 положений: одного квантора (для существования) недостаточно, нужен как минимум еще один (для бытия). Еще одной чертой (которую многие полагают крайне проблемной) майнонговского подхода является отрицание таких базовых законов, как закон исключенного третьего. Для майнонговцев этому закону подчиняются лишь существующие объекты. ФО, которые не существуют, не являются «полными» объектами, то есть мы не можем ни утверждать, ни отрицать наличия у них некоторых свойств. Например, в романе Толстого не назван рост Наташи Ростовой, и мы не можем утверждать, что «рост Наташи Ростовой был равен 168 сантиметрам», но также мы не можем утверждать, что «рост Наташи Ростовой не был равен 168 сантиметрам». В результате закон исключенного третьего не действует для ФО (это получило название проблемы неполноты ФО).

В противоположность этому куайновцы отождествляют бытие и существование – если Наташа Ростова существует (есть), то она существует в том же самом смысле (так как бытие однозначно), что и все другие объекты в мире (столы, планеты, люди и так далее), хотя при этом она может быть весьма отличным от столов и людей объектом (например, не конкретным, а абстрактным). Кроме того, для куайновцев все наши онтологические обязательства (то есть все то, что мы должны признать существующим, исходя из признаваемых нами истинными теорий) исчерпываются принимаемыми нами квантификациями существования, то есть утверждениями с квантором существования. Все рассматриваемые нами теории ФО придерживаются данного подхода.

Какой бы взгляд на ФО различные теории ни предлагали, все они должны как-то осмыслить и объяснить целый ряд высказываний о ФО, которые привычны для большинства из нас и принимаются нами как истинные. Их можно подразделить на несколько групп (все приводимые примеры будут касаться одного и того же персонажа – Шерлока Холмса):

1. Критические утверждения:

Холмс впервые появился в рассказе 1887 года «Этюд в багровых тонах».

Шерлок Холмс является одним из самых популярных литературных сыщиков.

2. Фикциональные утверждения:

Холмс любит играть на скрипке.

При расследовании преступлений Холмс пользуется дедуктивным методом.

3. Конативно-аффективные утверждения:

Я всегда восхищался умением Холмса распутывать даже самые трудные дела.

Я хотел бы иметь некоторые из черт характера Холмса.

4. Смешанные утверждения:

В 2002 году Холмс был принят в почетные члены Королевского химического общества.

Конан Дойль верил в паранормальные явления, увлекался мистикой и спиритизмом, являясь противоположностью рациональному и скептично настроенному Холмсу.

5. Утверждения об авторстве:

Шерлок Холмс является созданием сэра Артура Конан Дойля.

Мы считаем истинными эти и подобные им утверждения. Более того, мы можем логически выводить из одних утверждений другие. Например, из «Я восхищаюсь Холмсом» и «Холмс является литературным сыщиком» можно вывести «Я восхищаюсь литературным сыщиком». Также мы часто размышляем не над тем, что произошло с тем или иным героем, но над тем, что могло произойти, но не отражено в самом произведении. Такие контрфикциональные (counterfictional) размышления для нас вполне естественны и допустимы: мы можем предположить, что вступление в брак разрушило бы детективную карьеру Холмса.

Теперь мы можем рассмотреть, как именно различные теории ФО объясняют приведенные нами утверждения. Начнем мы с наиболее радикальной, но не слишком популярной теории – теории ошибки (error theory). Подобно аналогичной теории из метаэтики, теория

ошибки признает утверждения 1-5 подлинными утверждениями, несущими (в случае истинности) онтологические обязательства (то есть признание существования ФО). Однако проблема в том, что ФО не существуют, а значит утверждения 1-5 ложны. Мы ошибаемся, когда утверждаем их. Одна из разновидностей теории ошибки (она касается утверждений из третьей группы) была предложена Колином Рэдфордом в первой части статьи «Как мы можем быть тронуты судьбой Анны Карениной» («How Can We Be Moved by the Fate of Anna Karenina?»). В статье предлагается так называемый парадокс фикции (paradox of fiction) или точнее парадокс эмоциональной реакции на фикцию (paradox of emotional response to fiction), который можно сформулировать следующим образом:

(1) Люди эмоционально реагируют на фиктивные объекты, события, персонажи, о фиктивности которых им известно.

(2) Для эмоциональной реакции на что-либо необходимо верить в его существование.

(3) Никто из тех людей, которые знают о фиктивности объектов, событий, персонажей, не верит в их существование.

Эти три положения не могут быть истинными одновременно, они противоречат друг другу. Но, поскольку все они кажутся нам истинными, возникает парадокс. Следует заметить, что второе положение (наиболее спорное) выражает когнитивизм относительно эмоций: для того, чтобы по-настоящему восхищаться, ненавидеть, переживать за судьбу персонажей, человек должен (как минимум) верить в их существование. В подтверждение этого тезиса Рэдфорд приводит такую ситуацию: нам очень живо и подробно рассказывают о страшном несчастье, случившемся с каким-то человеком (например, он пострадал в ДТП), которого мы лично не знаем. Мы тронуты этим рассказом, расстроены и переживаем за его судьбу. Но некоторое время спустя мы узнаем, что нам солгали: никакого ДТП не было, а якобы попавший в него человек никогда не существовал. Рэдфорд задает вопрос: будем ли мы после этого (зная, что он не существует) по-прежнему расстраиваться и переживать за судьбу этого человека? Очевидным ответом кажется отрицательный. Если мы и будет испытывать какие-либо эмоции, то это будет досада и раздражение на обманувшего нас собеседника. Отсюда Рэдфорд делает когнитивистский вывод – для рациональной (рационально обоснованной, уместной) эмоциональной реакции на людей и события, мы должны считать их

существующими. Но именно этот вывод и приводит к парадоксу: нам хорошо известно о несуществовании фиктивных персонажей, но мы тем не менее переживаем за них и испытываем по отношению к ним сильные эмоции. Рэдфорд, как сторонник теории ошибки, полагает эти эмоции иррациональными и в каком-то смысле ненастоящими. Конативно-аффективные утверждения («Я всегда восхищался умением Холмса распутывать даже самые трудные дела») являются ложными, также «ложны», иррациональны и выраженные в них эмоции. Поскольку я знаю, что Холмс вымышленный персонаж, то на самом деле я не восхищаюсь умением Холмса, мне только так кажется. Испытываемое мной восхищение не было подлинным восхищением. Рэдфорд, однако, не отрицает полностью реальность самих эмоций (он согласен с первым положением парадокса): я действительно эмоционально реагирую на Холмса, но эта реакция иррациональна.

Теория Рэдфорда не нашла широкой поддержки среди философов и большинство из них придерживается той или иной разновидности реализма, но парадокс Рэдфорда продолжает привлекать внимание. Было предложено несколько альтернативных способов его решения, хотя эти решения относятся больше к психологии и эстетике, чем к метафизике. Тем не менее мы очень кратко рассмотрим наиболее известные из них. Кендал Уолтон (Kendall Walton), чья теория будет более подробна рассмотрена в конце главы, отвергает первую из посылок и утверждает, что сами эмоции, испытываемые по отношению к ФО, не являются реальными. Мы только делаем вид, притворяемся, что переживаем, радуемся, боимся за персонажей. Поэтому его теория получила название теории притворства, симуляции (pretend theory). В соответствии с ней, при восприятии произведений искусства (книг, фильмов, спектаклей), мы испытываем не эмоции, но квази-эмоции (квази-радость, квази-страх и так далее). В отличие от реальных эмоций, квази-эмоции не нуждаются в вере в реальное существование своих объектов.

Другие теории отрицают второй тезис, то есть когнитивистскую теорию эмоций. Как утверждает[64] Питер Ламарк (Peter Lamarque), реальные эмоции действительно связаны с верой в реальное существование их объектов, но эмоции по отношению к ФО направлены на ментальные репрезентации ФО (которые реальны), а не на сами объекты. Теория иллюзии (illusion theory) отвергает третье

[64] Lamarque P. How can we fear and pity fictions? // British Journal of Aesthetics. 1981. № 21 (4) pp. 291-308

из утверждений парадокса. В соответствии с ней, во время восприятия произведений искусства мы намеренно приостанавливаем свое неверие в ФО (willing suspension of disbelief) и в каком-то смысле полагаем их реальными. Эта теория оказалась наименее популярной из всех и практически не имеет сторонников. По общему мнению, поведенческие последствия наших эмоциональных реакций на ФО слишком отличаются от поведения в реальной жизни. Например, хотя мы можем бояться монстров из фильмов ужасов, в результате этого страха мы не спасаемся бегством, не пытаемся защититься, из чего следует, что мы все-таки не верим в реальность этих монстров и исходящей от них опасности.

Вернемся к метафизике. Наибольшей популярностью из метафизических теорий ФО пользуются различные реалистические теории. Хотя все из них признают реальное существование ФО, теории не согласны между собой по поводу их природы. Для любой теории важно объяснить природу ФО и истолковать в свете этой природы те высказывания (пп. 1-5), о которых мы говорили выше. Отличить теории друг от друга можно по их ответу на такие вопросы: являются ли ФО абстрактными или конкретными, являются ли ФО токенами или типами, являются ли ФО актуальными, могут ли ФО создаваться и разрушаться?

Первая из рассматриваемых нами теорий – конкретный реализм (concrete realism). По сути, она представляет собой модальный реализм (см. главу 9) Дэвида Льюиса, примененный к ФО. Онтология Льюиса включает в себя не только объекты актуального мира, но и объекты из других возможных миров (non-actual possibilia), которые столь же конкретны и материальны, как и мы сами и окружающие нас вещи. Шерлок Холмс такой же человек из плоти и крови, как и мы, просто он является частью другого возможного мира, а не нашего. Когда мы высказываем истинное утверждение «Шерлок Холмс не существует», мы просто-напросто ограничиваем область применения (домен) квантора существования нашим миром: Холмс не является актуальным человеком, но существует в одном из возможных миров, где все происходит так, как описано в рассказах Дойля. Конкретный реализм, хотя и имеет мало приверженцев, обладает рядом достоинств: он избегает майнонговской проблемы неполноты. Хотя мы можем не знать из рассказов Дойля всех подробностей о Холмсе, сам Холмс в своем возможном мире обладает вполне определенным ростом, весом, числом волос на голове и так далее. Проблема лишь в

том, что существует множество кандидатов на роль Холмса в различных возможных мирах: поскольку Конан Дойль не указывает точный рост Холмса, у нас будет огромное множество миров, в которых будут существовать практически одинаковые люди, имеющие все свойства Холмса из рассказов Конан Дойля, но отличающиеся друг от друга ростом. В одном возможном мире у Холмса будет рост 170 см, в другом 170.1 см, в третьем 170.2 см и так далее. Теория Льюиса может решить эту проблему, обратившись к понятию двойника (counterpart). Каждый из кандидатов будет двойником любого из остальных, причем двойниками друг друга они будут в силу того факта, что со всеми из них мы знакомимся, читая рассказы Конан Дойля. Говоря о Шерлоке Холмсе, мы говорим о неопределенном множестве (потенциально бесконечном) конкретных людей, населяющем множество возможных миров.

Холмс (точнее говоря, каждый из кандидатов) на самом деле инстанцирует все присущие ему свойства. В связи с этим различные конативые установки (conative attitudes) к ФО являются уместными: у Холмса действительно есть умение распутывать даже самые трудные дела, и я по праву могу этим восхищаться. Смешанные (группа 4) и контрфикциональные утверждения в теории Льюиса являются обычным сравнением разных возможных миров, которым мы занимаемся при любом утверждении возможности чего-либо. Но конкретный реализм не лишен серьезных недостатков. Главный из них – признание всех миров такими же реальными и конкретными, как и наш. Для большинства философов это представляется слишком контринтуитивным и невероятным (что признавал и сам Льюис). Кроме того, теория отвергает и признает ложными утверждения об авторстве (5 группа). Писатели, драматурги, сценаристы не создают своих персонажей (эти персонажи – такие же живые люди, как и сами авторы), а лишь выбирают их через создание своих произведений из множества индивидов населяющих огромное (или бесконечное) число возможных миров.

Гораздо более популярным оказался куайновский актуализм – теория, в соответствии с которой ФО представляют собой абстрактные объекты, принадлежащие нашему миру. Существует три главных разновидности этой теории.

Первая из них считает ФО не индивидами, а видами (kinds), к которым в принципе может принадлежать множество индивидов.

Сторонниками этой теории являются Николас Уолтерсторф[65] (Nicholas Wolterstorff) и Грегори Карри[66] (Gregory Currie). Основная идея теории – вымышленные персонажи являются не отдельными индивидами, а типами или видами личностей (kinds of person), которые реально существуют, даже в том случае, если ни одна реальная личность не инстанцирует этот вид. Каждый из таких видов включает в себя набор характерных свойств: вид ХОЛМС будет включать такие свойства, как *быть детективом*, *быть мужчиной*, *быть курильщиком трубки* и так далее. Одно из достоинств теории в том, что виды являются актуальными, то есть принадлежат к нашему возможному миру, а значит (в отличии от теории Льюиса) нет нужды обращаться к возможным объектам из других миров (существование которых для многих сомнительно). Кроме того, поскольку виды являются абстрактными объектами, их неполнота не создает проблем. В вид НАТАША РОСТОВА не входят свойства *обладать ростом 168 см* и *не обладать ростом в 168 см*, но входит лишь более общее свойство *обладать ростом*. Данная теория может успешно объяснить негативные экзистенциалы путем их переформулирования: хотя ФО существуют (как виды), отрицающие их существование негативные экзистенциалы вполне могут быть истинными, надо только правильно их перефразировать.

(НЭХ) Шерлок Холмс не существует.

(НЭХ*) Ничто не инстанцирует все свойства, включенные в ШЕРЛОК ХОЛМС.

Поскольку в нашем мире действительно нет и не было человека, обладающего всеми свойствами, которые приписаны Холмсу в рассказах Конан Дойля, то (НЭХ*) является истинным. Если же мы согласимся с тем, что (НЭХ*) является правильной интерпретацией (НЭХ), то негативный экзистенциал тоже окажется истинным. Для признания этой истинности нам совершенно необязательно отказываться от реализма в отношении ФО или прибегать к майнонговской онтологии, достаточно лишь признать ФО не индивидами, а видами.

Однако данный взгляд не лишен собственных проблем. Имена ФО не ссылаются на отдельных индивидов, что может быть

[65] Wolterstorff N. Worlds and Works of Art. Oxford, Clarendon, 1980

[66] Currie G. The Nature of Fiction. Cambridge, Cambridge University Press, 1990

проблематичным для сторонников куайновского подхода к онтологии. Имена ФО являются подлежащими (субъектами) во многих предложениях, а значит при их переводе в квантифицированную форму (с квантором существования) мы должны, как интуитивно представляется верным, использовать индивидную переменную, которая и будет связана квантором существования. Но в данной теории это невозможно – нет ни одного индивида, который мог бы быть значением этой переменной, так как к ФО, являющемуся видом, никто в нашем мире не принадлежит. Кроме этого, для теории представляют трудность конативно-аффективные утверждения. ХОЛМС не обладает (не инстанцирует) такими качествами, как *ум*, *проницательность* или *умение распутывать преступления*. Отношение между ХОЛМСОМ и этими свойствами следует описать не как обладание, а как включение. Вид ХОЛМС включает в себя множество свойств, в том числе и *умение распутывать преступления* – любой индивид, принадлежащий к данному виду, должен будет обладать им. Но достаточно ли такого включения для того, чтобы я мог восхищаться ХОЛМСОМ? Сторонник теории может попытаться переформулировать утверждение и сказать, что на самом деле оно значит не «я восхищаюсь Холмсом», а «я восхищался бы тем человеком, который обладал бы всеми качествами Холмса». Но для когнитивистов относительно эмоций это будет проблематичным – я знаю, что такого человека на самом деле нет. Другая проблема теории состоит в том, что ФО оказываются необходимыми и абстрактными. Они существуют вечно и неизменно, в связи с чем мы не можем признать людей (писателей, сценаристов и так далее) их авторами, так как ФО вообще не могут быть созданы или уничтожены. Конан Дойля нельзя считать создателем Холмса – в процессе написания рассказов он лишь выбрал один из вечных и необходимых видов, существующих помимо его творчества. Поэтому теория должна признать ложными высказывания об авторстве (5 группа) или, по крайней мере, переформулировать их.

Следующая из рассматриваемых нами теорий считает ФО артефактами, то есть объектами действительно создаваемыми людьми. Она получила название артифактуализм (artifactualism). Эту точку зрения разделяют Роберт Хауэлл (Robert Howell), Джеррольд Левинсон (Jerrold Levinson) и (наиболее известная сторонница теории) Эми Томассон[67] (Amie Thomasson), на чьей позиции мы и сосредоточимся.

По мнению Томассон, ФО являются человеческими

[67] Thomasson A. Fiction and Metaphysics. Cambridge, Cambridge University Press, 1999

артефактами, которые отличаются от столов и телевизоров лишь своей абстрактностью. Таким образом, ключевым для теории является понятие абстрактного артефакта (abstract artifact) – абстрактного объекта, созданного человеком. Причем к данной категории можно отнести не только ФО. Абстрактным артефактом будет, например, игра в шахматы. Игра сама по себе является абстрактной, так как не может быть отождествлена ни с одной из конкретных шахматных партий, когда-либо происходивших на Земле. Но, в отличие от других абстрактных объектов (чисел, геометрических фигур, множеств и так далее), эта игра не существовала всегда и была создана людьми около середины первого тысячелетия нашей эры. Тот факт, что игра была создана людьми не отменяет ее объективной реальности и не делает ее существование (после того как она была изобретена) зависимым от человеческого сознания (mind-dependent): если бы, например, 5 октября 1985 года в мире никто не играл в шахматы и даже не думал о них (то есть не происходило бы никакой связанной с шахматами ментальной активности), то игра продолжала бы существовать и в этот день. ФО являются не единственными примерами абстрактных артефактов. К ним можно отнести футбол, хоккей, институт частной собственности, должность президента США, роман Пушкина «Евгений Онегин» и так далее.

Они не являются необходимыми и вечными объектами (как полагала предыдущая теория), а возникают, когда автор создает свои произведения – рассказы, романы, поэмы, сценарии, пьесы. Более того, ФО зависят от этих произведений, которые сами, в свою очередь, являются абстрактными индивидами, зависящими от конкретных индивидов – рукописей, книг и так далее. Из-за транзитивности отношения зависимости, ФО в конечном счете зависят от конкретных объектов, находящихся в одном с нами пространстве и времени. Если бы Толстой не создал конкретный объект – рукопись «Войны и мира», то Наташа Ростова никогда бы не возникла. А если уничтожить все копии «Войны и мира» (а также все упоминания о книге, ее сюжете и героях в других книгах, статьях, справочниках и так далее и все воспоминания читателей «Войны и мира» об этом), то Наташа Ростова перестанет существовать.

Одно из очевидных достоинств теории – ФО являются индивидами (хотя и абстрактными). Поэтому, при переводе в квантифицированную форму предложений, в которых ФО являются подлежащими, можно использовать индивидные переменные. Индивиды не являются набором свойств (в отличие от видов предыдущей теории),

а значит, некоторые из их свойств не являются для них необходимыми, в результате становятся возможными контрфиктивные утверждения: Холмс мог играть на кларнете, а не на скрипке, но оставаться все тем же Холмсом.

Проблему для теории могут представлять фикциональные утверждения (группа 2). Как может быть истинным утверждение «Холмс любит играть на скрипке»? Холмс является абстрактным объектом и на скрипке играть не может. Однако многие из нас (знакомых с рассказами Конан Дойля) сочтут это утверждение истинным. Большинство сторонников теории пытаются решить эту проблему и сохранить истинность утверждения с помощью его переформулировки. По их мнению, когда мы делаем утверждение о любви Холмса к игре на скрипке, мы на самом деле утверждаем, что «в соответствии с фикцией (или в соответствии с рассказами Конан Дойля) Холмс любит играть на скрипке». Истинность утверждения в таком виде мало у кого вызовет сомнения.

Еще одна трудность для теории вытекает из самой абстрактности ФО. По мнению многих философов (см. главу 4), абстрактные объекты являются каузально пассивными и изолированными от конкретного мира. Но создание авторами своих персонажей предполагает каузальную зависимость – существование ФО является следствием творческой деятельности. Для решения проблемы Томассон предлагает односторонний эпифеноменализм: ФО не могут быть причиной чего-либо, они, как и положено абстрактным объектам, каузально пассивны, но они могут быть и являются следствиями: Наташа Ростова, например, является следствием творческой активности Льва Толстого. Толстой создал Ростову, создав определенный конкретный объект – рукопись «Войны и мира», без которой она никогда бы не возникла.

Даже если теория может разрешить все эти трудности, для многих философов она остается неприемлемой из-за слишком странного и непривычного статуса ФО – они существуют вне пространства, но во времени (могут возникать и исчезать), они не могут быть причиной, но могут следствием, они являются индивидами, но не конкретными, а абстрактными и так далее. В связи с этим некоторые из метафизиков предпочитают оставаться нейтральными в этих вопросах. Ван Инваген, например, согласен с абстрактностью ФО, но не говорит о том, являются ли они индивидами или видами. Рассмотрим его позицию, которая излагается в статье 1977 года «Фиктивные создания» («Creatures of Fiction») более подробно.

В данной статье[68] Инваген пытается прежде всего (еще до выяснения их онтологической категории) доказать само существование ФО, сосредоточив внимание на литературных персонажах. По его мнению, лучше всего это можно сделать исходя из так называемых мета-фиктивных (meta-fictional) утверждений – утверждений о взаимоотношениях между персонажами и реальным миром. Инваген приводит такой пример мета-фиктивного утверждения:

(МФ) В некоторых романах 19 века есть персонажи, описанные с большим богатством физических подробностей, чем любой из персонажей романов 18 века.

Подобные утверждения часто встречаются в работах по истории литературы и литературной критике. Они кажутся нам истинными и влекут за собой определенные онтологические обязательства: чтобы МФ было истинным персонажи должны существовать. Это станет очевидным, если мы переведем утверждение в квантифицированную форму:

(МФ*) $\exists x\ (C(x)\ \&\ \forall y\ (N(y) \rightarrow P\ (x, y))$,

где C(x) – «x – персонаж романа 19 века», N(y) – «y – персонаж романа 18 века», а P (x, y) – двуместный предикат «x описан с большим богатством физических подробностей, чем y». Далее, в соответствии с правилами формальной логики, мы можем вывести из (МФ*) еще одно утверждение:

(МФ**) $\exists x\ C(x)$,

которое непосредственно утверждает существование персонажей. На основании этих фактов можно построить такой аргумент:

1. МФ выражает истинную пропозицию.
2. (МФ*) является правильным переводом (МФ) на язык формальной логики.
3. При выводе одного утверждения из другого по правилам формальной логики истинность сохраняется.

[68] Van Inwagen P. Creatures of Fiction // American Philosophical Quarterly. 1977. № 14. (4). pp. 299-308

4. (МФ**) обязывает нас признать существование персонажей.

5. Поэтому, такие объекты как персонажи существуют.

Далее Инваген задается вопросом: к какой именно онтологической категории следует причислить литературных персонажей и другие ФО? Для любого человека очевидно, что в Лондоне середины 19 века мы не смогли бы встретить детектива Холмса, проживающего на Бейкер-стрит, 221 б. По мнению Инвагена, наиболее разумным (и наименее спорным) будет отнести персонажей к своей собственной, отдельной категории – категории фиктивных созданий (creatures of fiction). К ней относятся не только персонажи, но и такие объекты как лес Броселианд и меч Эскалибур из легенд о короле Артуре, книга Некрономикон из произведений Говарда Лавкрафта, игра квиддич из серии книг о Гарри Поттере Джоан Роулинг и так далее. Фиктивные создания являются частью более широкой категории объектов – они принадлежат к теоретическим объектам литературной критики (theoretical entities of literary criticism), куда входят также сюжет, роман (в противоположность его физическим копиям), поэма, эпизод, стихотворный размер, сонет и так далее. Эти теоретические объекты аналогичны всем известным теоретическим объектам из других наук (физики, химии, биологии и т. д.): кварк, нейтрино, гравитационное поле и другие. В таком случае теория Инвагена предстает как одна из разновидностей научного реализма (scientific realism), согласно которому не поддающиеся непосредственному наблюдению объекты, обозначаемые теоретическими терминами, являются реальными. Однако, в отличие от кварков и нейтрино, персонажи являются не материальными, а абстрактными объектами. Они не обладают теми свойствами, которые приписываются им в самих литературных произведениях – у них нет роста, веса, цвета глаз. У Шерлока Холмса не таких свойств, как *быть курильщиком трубки*, *уметь распутывать даже самые трудные дела*, *пользоваться дедуктивным методом* и других. У него есть лишь те свойства, которые можно приписать теоретическому объекту литературной критики: *быть литературным персонажем*, *быть героем рассказов Конан Дойля*, *быть творением Конан Дойля*, *быть теоретическим объектом* и другие. Кроме этого, Холмс может обладать свойствами, общими для всех существующих объектов (будут ли они конкретными или абстрактными) – ему присуще существование (если оно вообще является свойством), тождественность самому себе (self-identity).

Тем не менее Инваген пытается сохранить фикциональные утверждения (группа 2 из списка в начале главы) путем их интерпретации в соответствии со своей теорией. Когда мы говорим, что «Шерлок Холм был курильщиком трубки», мы действительно говорим о Шерлоке Холмсе – теоретическом объекте литературной критики, но мы в этом высказывании не предицируем (predicate) ему свойство *быть курильщиком трубки*, то есть не утверждаем, что он этим свойством действительно обладает. Вместо предицирования Инваген предлагает интерпретировать фикциональные утверждения с помощью особого отношения приписывания (ascription). Это трехместное отношение: x приписывается y в z. В этой интерпретации «Шерлок Холм был курильщиком трубки» означает «Шерлоку Холмсу приписывается курение трубки в рассказах Конан Дойля». Очевидно, что при таком подходе возникает трудность с конативно-аффективными утверждениями (группа 3) – у Холмса нет умения распутывать даже самые трудные дела, которым я мог бы восхищаться, это умение ему лишь приписывается. Другой очевидный недостаток теории – недостаточная ясность самой категории фиктивных созданий. Многие философы считают эту категорию созданной ad hoc, чтобы как-то решить проблему статуса ФО, но уйти от проблем связанных с другими, более конкретными теориями.

Еще одна реалистическая теория была предложена Альберто Волтолини (Alberto Voltolini). Его подход является синкретическим и пытается соединить достоинства (и избежать недостатков) предыдущих теорий. По мнению Волтолини,[69] ФО являются составными сущностями (composite entities). Каждый из ФО (например, персонаж) состоит из множества (set) свойств и типа процесса рассказывания выдуманной истории (story-telling process-type). Первый компонент включает все те свойства, которые задействует процесс рассказывания истории и которые он приписывает данному ФО. Второй компонент – тип процесса рассказывания истории. По сути, он представляет собой литературное произведение, взятое не как конкретная вещь (рукопись, печатная книга), а как абстрактный тип. Наличие этого второго компонента сближает теорию Волтолини с артефактуализмом, рассмотренным нами выше. ФО являются контингентными объектами, зависящими от активности людей. Человек (автор), который создает первый токен соответствующего типа (рукопись), создает тем

[69] см. Voltolini A. How Ficta Follow Fiction. A Syncretistic Account of Fictional Entities. Dordrecht, Springer, 2006

самым и ФО. Именно поэтому мы можем назвать Конан Дойля автором, создателем Шерлока Холмса, что является одним из очевидных достоинств теории. Процесс создания ФО представляет собой соединение указанных двух компонентов: автор, создавая свое произведение, использует в нем свойства из определенного множества, которые приписывает персонажу. Само множество свойств является абстрактным объектом и существует независимо от людей (например, множество, куда входят такие свойства, как *быть человеком*, *быть мужчиной*, *быть детективом*, *быть курильщиком трубки*). Но именно автор задействует их при написании произведения и тем самым создает ФО (Шерлока Холмса).

Далеко не все философы посчитали такой взгляд на природу ФО приемлемым и обоснованным. По мнению противников теории, ее основная идея (два абстрактных объекта (множество свойств и тип процесса рассказывания истории) существуют независимо друг от друга, и только активность автора объединяет их) слишком странна и контринтуитивна. Каким образом создание человеком определенного конкретного объекта (рукописи), который инстанцирует тип процесса, но не свойства из множества (рукопись не является человеком или детективом), может объединить два абстрактных объекта и создать тем самым новый, фиктивный объект (персонажа)? Кроме этого, поскольку одним из компонентов ФО является множество свойств, то все свойства персонажа становятся для него необходимыми. Холмс не мог курить сигары вместо трубки, а значит все контрфикциональные утверждения ложны.

По мнению некоторых философов, все из рассмотренных нами реалистических теорий обладают серьезными недостатками и должны быть отвергнуты в пользу той или иной антиреалистической теории. Антиреализм сходится с упоминаемой выше теорией ошибки в отрицании существования ФО, но стремится сохранить истинность высказываний о них. Для этого он отрицает, что истинные высказывания о ФО обязывают нас принять их существование, то есть отрицает наличие онтологических обязательств. Антиреалисты предлагают различные переформулировки высказываний для избавления от ненужных, по их мнению, онтологических обязательств.

Наиболее простой путь получения новых формулировок (не содержащих онтологических обязательств) высказываний – введение особого пропозиционального оператора, оператора фикции (fiction operator). В этом случае высказывание «Холмс любит играть на скрипке» превращается в «В рассказах Конан Дойля Холмс любит

играть на скрипке». Формулировка с таким оператором не утверждает, что существует некий Холмс, любящий играть на скрипке. Высказывание говорит нам только о содержании рассказов Конан Дойля. Для его истинности нужно существование лишь самих рассказов и написавшего их Конан Дойля.

Такой подход хорошо справляется с фикциональными утверждениями (группа 2), но подходит не для всех групп. Возьмем, например, критические утверждения (группа 1). Если добавить к одному из них оператор фикции, то получится явно ложное утверждение. «Шерлок Холмс является одним из самых популярных литературных сыщиков» превратится в «В рассказах Конан Дойля Шерлок Холмс является одним из самых популярных литературных сыщиков», что является ложным. В рассказах Конан Дойля Холмс – реальный, а не литературный сыщик. Чтобы справиться с подобными высказывания одного оператора будет недостаточно. Нужна более полная теория, которая могла бы охватить все типы утверждений.

Наиболее известная антреалистическая теория такого рода была предложена Кендаллом Уолтоном[70] (Kendall Walton). Его теория сосредотачивается на роли потребителей произведений искусства – читателей, слушателей, зрителей и так далее. По мнению Уолтона, в процессе восприятия того или иного произведения потребители участвуют в своего рода игре, притворстве (game of make-believe). Само произведение как материальный предмет (книга, кинопленка, холст с нанесенными на него красками и так далее) являются в такой игре вспомогательными средствами. Суть же игры в том, что люди представляют, притворяются, что окружающий их мир действительно таков, каким его описывает произведение. Подобно тому как дети в процессе игры воображают, что их игрушечное оружие – настоящее, так и читатели рассказов Конан Дойля представляют (по крайней мере, на время чтения) Холмса не как выдуманного персонажа, а как реального человека. Отсюда то сопереживание, та эмоциональная вовлеченность, которую вызывают произведения искусства. На самом деле люди понимают, что никакого Шерлока Холмса не существует, но лишь притворяются, что он реален. Как и у всех других игр, у этой игры тоже есть правила. Они задаются текстом (фильмом, картиной) – содержание накладывает определенные ограничение на работу воображения аудитории, санкционирует (authorize) определенные интерпретации и запрещает другие. Если человек, читая

[70] Walton K. Mimesis as Make-believe. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1990

рассказ «Этюд в багровых тонах», будет представлять Холмса балериной в пачке и пуантах, то он окажется неправ, и его соответствующее утверждение будет ложным. Текст не санкционирует такую интерпретацию.

Если мы будем рассматривать произведения искусства и процесс их восприятия как игру и притворство, то объяснить разнообразные высказывания о ФО не составит труда. Когда мы делаем их, то мы только притворяемся, что нечто утверждаем. Фикциональные утверждения (гуппа 2) будут частью одной из игр, напрямую касающейся содержания выдуманного мира и непосредственно санкционированной самим текстом. С одним и тем же текстом возможны разные игры. Например, мы можем сравнить детективные способности Шерлока Холмса и Эркюля Пуаро из произведений Агаты Кристи. Эта игра, хотя и не санкционирована текстами напрямую (в самих рассказах Конан Дойля и романах Кристи нигде не сказано, кто из сыщиков более талантлив), однако не противоречит им и вполне допустима. Когда мы делаем критические утверждения (группа 1), то мы выходим за рамки игры и указываем на их игровой статус. «Шерлок Холмс – литературный детектив» уже не входит в игру, а обращает наше внимание на то, что другие высказывания о Холмсе (фикциональные) носят игровой характер. Сама эта практика тоже может рассматриваться как своего рода игра – игра более высокого порядка.

Уолтон также пытается объяснить и конативно-аффективные утверждения (группа 3), о чем мы кратко упоминали при обсуждении теории ошибки. По его мнению, на самом деле мы не восхищаемся, презираем или переживаем за персонажей. Все наши чувства и переживания являются еще одной составляющей игры и подчиняются ее правилам. Сам текст санкционирует подобные реакции – с помощью различных художественных средств автор пытается вызвать в нас страх или радость за героев произведения. Однако на самом деле мы испытываем квази-страх и квази-радость – чувства аналогичные настоящим, но существующие лишь в рамках игры.

Основная идея Уолтона (рассматривать высказывания о ФО как часть игры) ведет, по мнению некоторых критиков, к неприемлемым результатам. Эми Томассон в своей книге 1999 года «Фикция и метафизика» («Fiction and Metaphysics») отмечает, что Уолтон вынужден интерпретировать сходные и аналогичные высказывания поразному, что является недопустимым. Например, высказывание «*Алая буква* является романом» в соответствии с теорией Уолтона будет самым обыкновенным истинным высказыванием. При его

произнесении мы будем делать настоящее утверждение. Однако высказывание о героине этого романа «Эстер Прин была выставлена к позорному столбу» интерпретируется совсем иначе. Оно принадлежит к определенной игре, и когда мы его произносим, мы лишь притворяемся, что делаем истинное утверждение. Томассон пишет, что «предлагать разные анализы предложений одного типа, находящихся в контекстах одного и того же сорта, только лишь на основании типов объектов, которых они касаются, всегда будет казаться плохим приемом в философии языка»[71]. По ее мнению, такой подход смешивает синтаксические и семантические соображения и привносит метафизику в проблему интерпретации, которая должна оставаться в рамках грамматики.

В заключение можно сказать, что дебаты между различными реалистическими и антиреалистическими подходами к ФО продолжаются. Как и в случае с математическими, модальными и абстрактными объектами в целом, главным препятствием для признания существования ФО является их странность, необычность. Противники ФО, помимо нахождения конкретных проблем у разных реалистических теорий, часто приводят один общий аргумент против всех них. Этот аргумент (подобный ему аргумент приводился Дж. Л. Маки против существования объективных моральных свойств) получил название аргумента от странности (argument from queerness): чем больше предлагаемое теорией описание ФО совпадает с нашими интуициями о них, тем страннее с метафизической точки зрения они становятся. С другой стороны, полное отрицание ФО также сопряжено со значительными трудностями – прежде всего в объяснении фиктивных и критических утверждений о них.

Список литературы

1. Currie G. The Nature of Fiction. Cambridge, Cambridge University Press, 1990.
2. Kroon F., McKeown-Green J., Brock S. A Critical Introduction to Fictionalism. London, Bloomsbury Academic, 2018.

[71] Thomasson A. L. Fiction and Metaphysics. Cambridge, Cambridge University Press, 1999 p. 99

3. Kroon, Fred and Alberto Voltolini, "Fiction", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2019 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/fiction/.
4. Kroon, Fred and Alberto Voltolini, "Fictional Entities", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2018 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/fictional-entities/.
5. Sainsbury R. M., Fiction and Fictionalism. London, Routledge, 2009.
6. Thomasson A. L. Fiction and Metaphysics. Cambridge, Cambridge University Press, 1999.
7. Voltolini A. How Ficta Follow Fiction. A Syncretistic Account of Fictional Entities. Dordrecht, Springer, 2006.

Глава 6. События

В своей влиятельной статье 1970 года «События как партикулярии» («Events as Particulars») Дональд Дэвидсон (Donald Davidson) задается вопросом: «Вещи изменяются; но существуют ли такие вещи как изменения?», где под изменениями он подразумевает события (events). Может показаться, что положительный ответ очевиден. Событиями являются войны, землетрясения, рождения и смерти, выборы, олимпиады и так далее. Эти и подобные им явления происходят постоянно. Вполне возможно, что следует говорить о том, что события не существуют (exist), а случаются (occur). Но сути дела это не меняет, так как случаемость представляет собой разновидность существования. Но, может быть, события можно свести к другим онтологическим категориям и тем самым избавиться от них? Те философы, которые признают события, стремятся показать, что подобное невозможно. Без событий мы не сможем правильно интерпретировать многие наши высказывания и взаимоотношения между ними. Одна из наиболее известных попыток доказать существование событий, отталкиваясь от лингвистических данных, принадлежит только что упомянутому Дэвидсону, чью теорию событий мы сейчас и рассмотрим

(после чего нами будут рассмотрены теории других философов).

По мнению Дэвидсона, наиболее легкий путь для доказательства существования событий лежит через анализ высказываний, которые мы постоянно делаем в нашей повседневной жизни и которые мы считаем истинными. Может показаться, что высказывания, содержащие обозначающие события сингулярные термины (singular terms), лучше всего подходят для доказательства.

(Ц) Убийство Юлия Цезаря произошло 15 марта 44 года до нашей эры.

Термин «убийство Юлия Цезаря» прямо ссылается на событие, а значит мы должны признать события, поскольку считаем данное предложение истинным (то есть предложение содержит онтологическое обязательство). Однако это и ему подобные высказывания слишком легко перефразировать, убрав непосредственные отсылки к событиям.

(Ц*) Юлий Цезарь был убит 15 марта 44 года до нашей эры.

В таком виде высказывание уже не отсылает напрямую к событию (убийству). Тем не менее Дэвидсон стремится показать, что адекватная семантика для (Ц*) и подобных ему высказываний неизбежно приводит к признанию существования событий. Одна из их характерных особенностей – возможность практически неограниченной модификации с помощью различных дополнительных членов предложения. Возьмем простейшее событие из повседневной жизни. Мальчик Петя разбил окно. Мы можем сказать:

(П1) Петя разбил окно.

Данное высказывание может быть модифицировано самыми различными способами:

(П2) Петя разбил окно камнем.
(П3) Петя разбил окно нечаянно.
(П4) Петя разбил окно в доме.

Кроме этого, различные модификации можно объединять:

(П5) Петя разбил окно в доме камнем.

(П6) Петя разбил окно в доме камнем нечаянно.

Никаких принципиальных ограничений на подобные модификации не существует. Интуитивно кажется, что между этими предложениями должны существовать не только грамматические, но и семантические связи. Обычный способ представления скрывает эти семантические взаимосвязи, хотя они существуют. Между П6 и П5, П5 и П4 существует отношение логического следования (entailment relation): мы можем логически вывести П5 из П6 и П4 из П5 и П6. Стандартное представление этих предложений в логике предикатов использует пяти-, четырех- и трехместные предикаты отношений, каждый из которых является семантически примитивным и не может быть разложен на более простые предикаты. При этом отношения логического следования теряются. Мы не можем построить аргумент $P5(x, y, z, v, w) \nvdash P4(x, y, z, v)$, поскольку предикаты P5 и P4 являются примитивными и никак друг с другом не связаны, и мы не можем выводить один из другого, так же как мы не можем вывести «G(x), следовательно F(x)». Это означает, что можно придумать такую интерпретацию предикату P и значениям его аргументов, чтобы P5(x, y, z, v, w) было истинно, а P4(x, y, z, v) было ложно. Например:

Концерт (Битлз, Маккартни, Харрисон, Старр, Леннон) истинно, но

Концерт (Битлз, Маккартни, Харрисон, Старр) ложно.

То есть «Состоялся концерт группы Битлз в составе: Маккартни, Харрисон, Старр, Леннон» истинно, а «Состоялся концерт группы Битлз в составе: Маккартни, Харрисон, Старр» ложно, потому что без Леннона это уже не Битлз.

Для решения этой проблемы Дэвидсон предлагает ввести переменную, чьими значениями могут быть события, причем переменная может быть квантифицирована. В результате мы получим онтологическое обязательство признать существование событий и сможем выразить наличие логического следования между предложениями, в которых описываются события. Предложения П4-П6 в такой интерпретации могут выглядеть так:

(П4*) Произошло событие, оно было разбитием окна, оно

было совершено Петей, оно было совершено в доме.

(П5*) Произошло событие, оно было разбитием окна, оно было совершено Петей, оно было совершено в доме, оно было совершено камнем.

(П6*) Произошло событие, оно было разбитием окна, оно было совершено Петей, оно было совершено в доме, оно было совершено камнем, оно было совершено нечаянно.

По сути, мы имеем дело с предложениями вида (∃x) (Fx & Gx) из которого мы выводим (∃x) (Fx). Например, (П4*) можно представить как (∃x) (Ex & Wx & Px & Hx), из которого мы выводим (∃x) (Ex), где Ex означает, что произошло x, которое было событием, а значит события являются значениями квантифицированной переменной. То есть, если мы считаем (П4*) и подобные ему предложения истинными, мы обязаны признать существование событий.

Одна из важных для Дэвидсона характеристик событий – возможность описать одно и то же событие по-разному, откуда и появляется возможность вывести (П4*) из (П5*) и (П6*) (все эти предложения описывают одно и то же событие). Мы можем сказать об одном и том же событии, что оно представляет собой нажатие кнопки выключателя или включение света в комнате. Дэвидсон в статье 1963 года «Действия, основания и причины» («Actions, Reasons, and Causes») пишет: «Я поворачиваю выключатель, зажигаю свет и освещаю комнату. Не зная об этом, я также оповещаю вора о факте моего присутствия в доме. В данном случае я не делаю четыре вещи, но только одну, четыре описания которой были приведены»[72]. Для Дэвидсона возможность разного описания оного и того же события дает возможность рационализировать и объяснить наши действия (actions), которые для него являются разновидностью событий.

Рассмотренное нами доказательство существования событий является семантическим и опирается на особенности истинных высказываний о событиях (возможность вывести одни из других). Но, даже если мы согласимся с аргументами Дэвидсона и признаем существование событий, остаются серьезные трудности метафизического порядка. Если их не разрешить, то придется признать его семантику ошибочной. Главная из этих трудностей – найти подходящий критерий тождества (criterion of identity) для событий.

Дэвидсон соглашается со знаменитым тезисом Куайна «нет

[72] Davidson D. Actions, Reasons, and Causes // Journal of Philosophy. 1963. №60. p. 686

сущности без тождества» («no entity without identity») и пытается найти критерий тождества для событий. Его поиску посвящена статья 1969 года «Индивидуация событий» («The Individuation of Events»), в которой он рассматривает несколько возможных критериев, останавливаясь в итоге на одном из них. Мы тоже рассмотрим эти варианты.

Как отмечает Дэвидсон, многие события представляют собой изменения в индивидах. Может быть, нам следует выводить критерий тождества отсюда: события a и b тождественны, только если они представляют собой изменения в одном и том же индивиде. Смерть Вальтера Скотта – это смерть автора «Уэверли», поскольку они являются смертью одного и того же человека – шотландского писателя, умершего в 19 веке, то есть эти события происходят в одном и том же индивиде. Однако такой критерий делает события односторонне зависимыми от индивидов: для каждого события нам необходимо точно выявить того индивида, изменением в котором оно является. Дэвидсон отвергает это требование, поскольку для него события и индивиды равноправны.

Возможно, события тождественны, только если они происходят в одном и том же месте. Легче всего определить местоположение события через индивида, в котором оно происходит. Дэвидсон указывает здесь на возможную трудность: мы приписываем событию определенное место через указание на индивида. Но если один индивид является частью другого, то изменение в первом будет изменением также и во втором. Всех индивидов можно назвать частью актуального мира и все их изменения тоже происходят в его пределах. Получается, что все события происходят в одном и том же месте (в актуальном мире), и все события по данному критерию тождественны. Чтобы избежать этой трудности, нам следует считать местом события не всего индивида, а лишь наименьшую его часть, в которой происходит изменение. Еще одна трудность может возникнуть с ментальными событиями: чувствами, воспоминаниями, мыслями и так далее. Где именно они находятся? По мнению Дэвидсона, нам не нужно находить абсолютно точное положение таких событий, достаточно указать положение личности, в которой они происходят.

Тем не менее одного места как критерия тождества явно недостаточно: одни и те же изменения в одном и том же индивиде, находящемся в одном и том же месте, могут произойти несколько раз, но в разное время.

Не является ли в таком случае искомым критерием время, в которое события происходят? Тождественные события занимают

один и тот же промежуток времени. Однако, как отмечает Дэвидсон, этот критерий может вести к парадоксу. Он приводит такой пример. Человек наливает яд в резервуар воды на космическом корабле, пока тот стоит на космодроме. Его цель – убить астронавта, и он ее достигает. При приближении корабля к Марсу астронавт выпивает воду и умирает. Два события легко отличить друг от друга: добавление яда и смерть астронавта. Одно из них предшествует другому и является его причиной. Но когда же происходит событие убийства? Наиболее логичный для Дэвидсона ответ, что убийство тождественно добавлению яда. Но в таком случае, при использовании данного критерия, убийство заканчивается тогда, когда заканчивается добавление яда. Получается контринтуитивный вывод, что убийство астронавта произошло задолго до того, как он умер. Дэвидсон признает, что вывод может казаться парадоксальным, однако он является верным: можно убить человека задолго до его смерти. Для того чтобы убийство было убийством нужно, чтобы оно было причиной смерти, а длина временного промежутка, нужного для причинно-следственной связи, не столь важна. Несмотря на разрешение парадокса, очевидно, что временной критерий сам по себе недостаточен. Очень схожие события, занимающие одно и то же время, не будут тождественны, если происходят в разных местах.

В этом случае наиболее логичным было бы объединить временной и пространственный критерии для получения необходимого и достаточного условия тождества. Два события тождественны, если и только если они происходят в одном и том же месте в одно и то же время. Данный критерий был предложен Джоном Леммоном (John Lemmon). Дэвидсон в своей статье «Индивидуация событий» отвергает этот критерий и приводит такой пример. Мы можем представить два изменения (то есть два события), происходящие с одним и тем же индивидом, затрагивающие его целиком (то есть происходящие в одном и том же месте) и занимающие одинаковый промежуток времени. Например, металлический шар подвергается равномерному нагреванию в течение минуты и одновременно с этим поворачивается на 35 градусов вокруг своей оси. При данном критерии мы вынуждены признать эти изменения одним событием, что, по мнению Дэвидсона, неправильно, хотя он и отмечает, что есть убедительные аргументы в пользу признания. Нагревание шара в течение периода t тождественно сумме движений за период t всех частиц, из которых состоит шар. Этой же сумме тождественно и вращение шара в период t, а значит нагревание и вращение тождественны друг другу. В итоге

Дэвидсон все-таки не соглашается с данным критерием и предлагает другой.

Наиболее подходящим критерием тождества событий, по мнению Дэвидсона в 1969 году, является причинно-следственный критерий. События тождественны, если и только если они имеют одни и те же причины и следствия. Каждое событие имеет уникальное положение в сети причин и следствий, так же как объекты имеют уникальное положение в пространстве-времени. Более формально этот причинно-следственный или каузальный критерий можно выразить следующим образом:

(ПССоб) $x=y \leftrightarrow ((\forall z)$ (z причина $x \rightarrow$ z причина y) и $(\forall z)$ (x причина $z \rightarrow$ y причина z)).

По мнению Дэвидсона, этот критерий объясняет, почему мы часто идентифицируем события с помощью их причин и следствий. Кроме того, он является весьма полезным средством при решении философских проблем. Например, если определенный эпизод боли у одного конкретного человека тождественен определенному нейрофизиологическому событию в головном мозге, то наилучшим свидетельством в пользу этого будет общность причин (удар молотка по пальцу) и следствий (громкий крик) у боли и нейрофизиологического события, а не их положение в пространстве-времени.

Проблема с ПССоб в том, что оно является круговым, причем этот круг в определении невозможно устранить. События в ПССоб индивидуализируются через их причины и следствия, но сами причины и следствия тоже являются событиями. Возьмем два события e и e*. Они тождественны, если имеют одни и те же причины (для простоты опустим упоминание о следствиях). Но эти причины сами являются событиями, и, чтобы определить имеют ли e и e* одни и те же причины, мы должны установить (здесь опустим упоминание о причинах причин) имеет ли каждая из причин e те же самые следствия, что какая-нибудь из причин e*. Однако среди этих следствий находятся сами события e и e*, тождество/различие которых мы пытаемся определить. Наше рассуждение пошло по кругу. Дэвидсон в итоге согласился с этим возражением, отказался от ПССоб и вернулся к ранее отвергнутому им пространственно-временному критерию.

В итоге Дэвидсон приходит к выводу, что тождество событий определяется их положением в пространстве и времени.

(ПВСоб) x=y ↔ x произошло в w, t и y произошло в w, t,

где w – положение в пространстве, t – положение во времени.

Но как же быть с контрпримером самого Дэвидсона с вращающимся и нагревающимся металлическим шаром? Можно попытаться его опровергнуть и доказать, что при использовании ПВСоб вращение и нагревание – разные события. Вращение шара является перемещением составляющих его частиц по определенной траектории, вокруг оси шара. Нагревание же состоит в увеличении скорости случайных, хаотичных движений (или колебаний) частиц шара. Эти движения не тождественны перемещению вокруг оси, занимают разное положение в пространстве-времени, а значит мы имеем дело с двумя разными событиями.

Тем не менее пространственно-временной критерий сталкивается с еще одним серьезным возражением. Дело в том, что большинство философов считает, что объекты следует различать с помощью такого же самого критерия – через их положение в пространстве и времени. В таком случае объекты и события становятся слишком похожими друг на друга. Интуитивно объекты и события являются разными онтологическими категориями, поскольку события представляют собой случаи, происшествия (occurrences), а объекты – нет, но общий критерий тождества их неоправданно сближает. Дэвидсон признавал эту проблему и пытался ее решить. По его мнению, разница между категориями заключается в их отношении к пространству-времени: «события и объекты могут быть связаны с местами в пространстве-времени разными способами; может быть, например, что события случаются во времени в месте (occur at a time in a place) в то время как объекты занимают места во времени (occupy places at times)… Занимая одну и ту же порцию пространства-времени событие и объект различны. Один – объект, который остается тем же самым объектом через изменения, другое – изменение в объекте или объектах. Пространственно-временные области не различают их, но наши предикаты, наша базовая грамматика, наши способы упорядочивания различают»[73]. Такой способ решения проблемы зависит от способности Дэвидсона или его последователей убедительно сформулировать разницу между случаемостью (occurring) в определенном месте событий и занятием (occupying) определенного места объектом. Впрочем, они могут объявить эти понятия базовыми, примитивными

[73] Davidson D. Essays on Actions and Events. Oxford, Clarendon Press, 1980 p. 176

и отказаться от их анализа.

Подводя итог, мы можем сказать, что Дэвидсон рассматривает события как конкретные партикулярии, которые наряду с объектами являются базовыми составляющими окружающего нас мира. События (также как и объекты) различаются между собой местом в пространстве и времени, но в отличие от объектов они случаются в определенном месте, а не занимают его.

Следующей из рассматриваемых нами теорий событий станет теория Джегвона Кима (Jaegwon Kim). По мнению этого философа, события структурированы – они состоят из объекта (или нескольких объектов), свойства (или отношения) и времени (или временного интервала). Для простоты мы будем рассматривать монадические события, то есть события, где один объект обладает одним монадическим свойством в определенный момент времени. Теория событий Кима состоит, по сути, из двух положений, первое из которых дает условия существования событий, а второе – условия (критерий) их тождества. При формулировке этих положений Ким обозначает события [x, P, t], что можно расшифровать как «уникальное событие, x обладает P в момент времени t». Первое положение, дающее условие существования, гласит:

(УС) [x, P, t] существует ↔ объект x инстанцирует n-адическое свойство P в момент времени t.

Второе положение, дающее условие тождества событий, Ким формулирует таким образом:

(УТ) [x, P, t] = [y, Q, t’] ↔ x=y, P=Q и t=t’.

Этот принцип утверждает, что события тождественны, если и только если тождественны составляющие их объекты, свойства и моменты времени. Следует заметить, что указать критерий тождества Киму значительно проще чем Дэвидсону. Это связано с тем, что в его теории события структурированы и их тождество производно от тождества составляющих элементов (объектов, свойств и моментов времени), а приведение критериев тождества самих элементов в задачу теории событий уже не входит.

В соответствии с теорией Кима, события представляют собой неповторяемые (non-repeatable) конкретные партикулярии и включают не только изменения, но и состояния (states and conditions)

объектов. Каждое событие имеет определенное положение в пространстве и времени. Хотя события могут обладать множеством свойств, только одно из них, конститутивное свойство, индивидуализирует событие. Данное конститутивное свойство присуще не самому событию, а составляющему это событие объекту (партикулярии). Ким пишет по этому поводу так: «События сами имеют (экземплифицируют) свойства; закалывание Цезаря Брутом обладало свойством происходить в Риме, оно было преднамеренным, оно привело к смерти Цезаря и вызвало горе Кальпурнии и так далее… Свойства, которые событие экзеплифицирует, следует четко отличать от его конститутивного свойства (которое экзеплифицируется не событием, а конститутивной партикулярией)»[74]. В приводимом Кимом примере этим свойством будет двуместное *заколоть кого-либо*, которое присуще не самому событию закалывания, а Бруту с Цезарем.

В своей теории Ким проводит различие между токенами и типами событий. Каждое событие, обозначенное как [x, P, t], является конкретным, происходящим только один раз явлением. Тем не менее мы можем говорить о типе, к которому данное событие принадлежит: в соответствии с теорией Кима этим типом будет конститутивное свойство P, которое он называет родовым (generic) событием.

Также следует отметить, что кимовские события не являются просто упорядоченными тройками (ordered triples), представленными как [x, P, t]. Такая тройка существует, когда существуют все ее элементы x, P и t, но это еще не гарантирует существование соответствующего события. Например, Петя, *разбить окно* и момент времени t могут существовать, но событие «разбитие окна Петей в t» существовать не будет, так как свойством *разбить окно* в момент t обладал не Петя, а Коля. Поэтому для события необходима связь между тремя элементами, а не простое их существование.

Теория событий Кима была (как это практически всегда происходит в философии) принята далеко не всеми философами. Против нее был выдвинут целый ряд возражений, наиболее известные из которых мы сейчас рассмотрим. Майлс Бранд (Myles Brand) раскритиковал теорию за неспособность адекватно описать события, в которых отсутствует x – конститутивный объект. «Оставляя в стороне спорный случай ментальных событий, существуют изменяющиеся погодные условия, изменяющиеся условия освещенности,

[74] Kim J. Supervenience and Mind: Selected Philosophical Essays. Cambridge, Cambridge University Press, 1993 p. 170

изменяющиеся поля и так далее»[75]. Бранд полагает, что решить эту проблему можно путем модификации самой теории: следует признать составляющими частями событий регионы пространства-времени, а не объекты. Например, если событие связано с вспышкой молнии или усилением электромагнитного поля, то его составной частью не обязательно должен быть какой-то объект x (как в теории Кима), вполне достаточно той порции пространства-времени, в которой событие происходит.

Еще одна проблема теории – неясность онтологического статуса конститутивных свойств событий. Эти свойства не только входят в состав события [x, P, t] наряду с объектом и временем, но и сами являются родовыми событиями. Но что именно они из себя представляют? В своих работах Ким не уточняет, являются ли эти свойства универсалиями, тропами, множествами и так далее (подробнее об этих понятиях см. главу 2). Кроме того, неясно, являются ли эти свойства скудными (sparse), как в теории универсалий Армстронга (который признает реальными лишь самые фундаментальные свойства) или изобильными (abundant), то есть соответствующими практически любому предикату? Хотя Ким не дает прямого ответа на эти вопросы, в его работах можно найти намеки на их возможное решение. В частности, Ким пишет: «Базовые родовые события могут быть лучше всего выбраны в соотношении с научной теорией, независимо от того будет ли это естественная (common-sense) теория поведения объектов среднего размера или крайне изощренная физическая теория. Они относятся к важным по отношению к теории свойствам, посредством которых закономерные регулярности могут быть открыты, описаны и объяснены. Базовые параметры, посредством которых сформулированы законы теории, могли бы, с этой точки зрения, дать нам наши базовые родовые события, а обычные логические, математические и возможно другие типы операций над ними могли бы дать сложные, определяемые родовые события… Я считаю крайне вероятным, что мы не можем отбирать родовые понятия совершенно a priori»[76].

Из приведенной цитаты понятно, что ответ на вопрос «что именно из себя представляют свойства?» является для Кима апостериорным и отвечать на него нужно с привлечением конкретных научных теорий. Однако не все проблемы можно решить таким способом.

[75] Brand M. Identity Conditions for Events // American Philosophical Quarterly. 1997. №14 p. 335

[76] Kim J. Supervenience and Mind: Selected Philosophical Essays. Cambridge, Cambridge University Press, 1993 p.37

Например, теория Кима (как кажется) не исключает свойство *быть равным квадратному корню из девяти*, которое явно не подходит для событий. Обращение к научным теориям эту проблему не решит.

Еще один серьезный недостаток – отсутствие критерия тождества для конститутивных свойств. Поскольку свойства занимают центральное положение в теории Кима и сами являются родовыми событиями, то ему следует этот критерий четко обозначить. Без этого остается неясным тождество/различие многих событий: если свойство *ударить кулаком по столу* является родовым событием, то будет ли *сильно ударить кулаком по столу* тем же самым или другим событием? Однако многим философам требование предоставить критерий тождества для свойств кажется чрезмерным требованием для теории событий. Как пишет Бранд, «решения для целого ряда центральных проблем – например, проблемы сознание-тело, редукции научных теорий и изменения значения – также требуют условия тождества для свойств»[77].

Тем не менее проблема тождества/различия свойств остается. Теория Кима не дает четкого ответа (или дает неверный) на вопрос: если F – предикат, обозначающий некое родовое событие (ударить), а M – модификация предиката (сильно), то будет ли M(F) именем нового родового события (сильно ударить), или модификация всего лишь приписывает свойство (*быть сильным*) тому же самому родовому событию F? Если я ударяю по столу кулаком и делаю это сильно, то является ли мой удар тем же самым событием, что и сильный удар? Интуитивно верным кажется утвердительный ответ. Однако, по всей видимости, теория Кима дает противоположный ответ (к этой проблеме мы еще вернемся).

По мнению многих критиков, проблема теории состоит в том, что она делает события слишком мелкими, подробными (fine-grained). Из-за этого перед ней возникает еще одна трудность. Теория дает неверный ответ на вопрос: если субъект S делает x путем деланья y, то является ли деланье x тем же самым событием, что и деланье y? В теории Кима это разные события, что интуитивно неверно. Чтобы лучше понять эту проблему, рассмотрим часто приводимый в литературе пример. Брут закалывает Цезаря кинжалом и тем самым убивает его. Здесь мы имеем два разных события, поскольку *закалывать* и *убивать* являются разными свойствами. Критики теории указывают,

[77] Brand M. Identity Conditions for Events // American Philosophical Quarterly. 1997. №14 p. 335

однако, что в случае с Брутом и Цезарем убийство произошло путем закалывания, то есть эти свойства были совместно инстанцированы (co-instantiated), чего достаточно (в данном случае) для тождества свойств (токенов свойств), но оказывается недостаточно (в теории Кима) для тождества событий, что противоречит нашей интуиции.

Эту линию критики развивает, в частности, Джонатан Беннетт (Jonathan Bennett). По его мнению, Ким смешивает понятия события и факта. Беннетт пишет: «Ким утверждает, что два выражения (nominals) могут обозначать одно событие только если (грубо говоря) их предикативные части одинаковы: получается, что не может быть истинным, что пинок, который он ей дал, был нападением, которое он на нее совершил. Я доказываю обратное, утверждая, что большая часть кимовских prima facie оснований для этого основывается на смешении событий с фактами. Невозможно оспаривать, что пинок не то же самое, что и нападение, поскольку это разные *факты*»[78]. Сам Ким признает это следствие своей теории, но не видит в нем ничего страшного: «Не будет совершенно абсурдным сказать, что убийство Брутом Цезаря это *не то же самое*, что и закалывание Брутом Цезаря. Более того, объяснение убийства Брутом Цезаря (почему Брут убил Цезаря) не то же самое, что объяснение закалывания Брутом Цезаря (почему Брут заколол Цезаря)»[79]. Дэвидсон на это возражал: «Я перехожу … к замечанию Кима, что не будет совершенно абсурдным сказать, что убийство Брутом Цезаря это не тоже самое, что и закалывание Брутом Цезаря. Его правдоподобность вытекает, я думаю, из того неоспоримого факта, что не все закалывания являются убийствами… Но это не доказывает того, что данное конкретное закалывание не было убийством. Закалывание Брутом Цезаря привело к смерти Цезаря, поэтому оно фактически, хотя и без необходимости, было тождественно с убийством Брутом Цезаря»[80]. По мнению Беннета, Ким говорит правильные вещи о фактах, а Дэвидсон – о событиях. В конечном счете, вопрос сводится к тому, смешивает ли (неправомерно) Ким события и факты или нет. Беннетт считает, что смешивает (в поддержку своей позиции он приводит ряд лингвистических соображений), а Ким с этим не согласен.

Еще одна разновидность излишней подробности (fine-

[78] Bennett J. Precis of Events and Their Names // Philosophy and Phenomenological Research. 1991. №51. p. 626

[79] Kim J. Supervenience and Mind: Selected Philosophical Essays. Cambridge, Cambridge University Press, 1993 p. 232

[80] Davidson D. Essays on Actions and Events. Oxford, Clarendon Press, 1980 p. 171

grainedness) событий, о которой мы уже упоминали выше, связана с модификациями предикатов, фигурирующих в названиях событий. Как кажется, в теории Кима такие модификации порождают новые события, не тождественные первоначальным. Ким приводит такой пример: может показаться, что эта прогулка (the event of Sebastian's stroll) Себастьяна отличается от этой неспешной прогулки (the event of Sebastian's leisurely stroll) Себастьяна. В отличие от убийства и закалывания, Ким признает, что подобное различие является чрезмерным и его следует избежать: «более правдоподобно отрицать тождество в случаях подобных этому (случай закалывания), чем в случаях прогулки Себастьяна и неспешной прогулки Себастьяна (если мы предположим, что Себастьян прогуливался неспешно)»[81]. Ким предлагает два возможных решения этой проблемы, первый из которых называет «официальной позицией», а второй – запасным вариантом. «Официально» Ким утверждает, что подобные события являются разными, но не полностью отличными друг от друга – неспешная прогулка включает в себя прогулку. Однако он не конкретизирует это отношение включения. Ким приводит аналогию с материальными объектами: «Возьмем этот стол: верх стола – это не та же самая вещь, что и стол. То есть имеются две вещи, но конечно же один стол – фактически имеется множество вещей, если вы включите ножки, молекулы, атомы и т. д. составляющие стол»[82]. По мнению многих критиков, такая аналогия не работает. Предлагаемое Кимом включение (неспешной прогулки в прогулку) – это не такое включение, которое существует между событием и его более короткими частями (на что указывает аналогия со столом), когда, например, прогулка включает в себя неспешный проход по парку, быстрый переход дороги, пробежку до дома и так далее. Но для такого случая у Кима имеется запасной вариант решения проблемы. Можно утверждать, что модификации вообще не порождают новых событий, а являются свойствами самих основных событий. Неспешная прогулка Себастьяна – не новое событие, а все та же прогулка, что и раньше. Просто теперь мы приписываем ей свойство *быть неспешной*. Сам Ким считает это решение только крайним и вынужденным (на случай, если его официальная позиция окажется неприемлемой), так как оно сопряжено со значительными потерями: оно подрывает изначальную мотивацию всей

[81] Kim J. Supervenience and Mind: Selected Philosophical Essays. Cambridge, Cambridge University Press, 1993 p. 44
[82] ibid. p. 46

теории событий Кима, в которой события могут входить в причинно-следственные отношения и быть объектами объяснения. По словам Кима: «но очевидно, что мы можем хотеть объяснить не только почему Себастьян прогуливался, т. е. прогулку Себастьяна, но также почему он прогуливался неспешно, т. е. его неспешную прогулку. Но в соответствии с рассматриваемым подходом, второе объяснение будет объяснением того, почему прогулка Себастьяна была неспешной; мы будем объяснять почему определенное событие имело определенное свойство, а не почему определенное событие произошло»[83].

Еще одно возражение против теории Кима обвиняет ее в том, что она делает некоторые характеристики событий сущностными, что идет вразрез с нашими интуитивными представлениями. Возьмем, например, событие смены почетного караула. Могло ли то же самое событие произойти, если один из солдат, участвовавших в смене, был бы другим человеком? Было ли бы событие тем же самым, если бы оно произошло чуть раньше или чуть позже? Ким согласен с тем, что время не является сущностной характеристикой событий: «кажется правильным сказать, что прогулка могла случиться немного раньше или немного позже, чем она актуально случилась»[84]. Однако он отвергает возможность другого конститутивного объекта в том же самом событии, то есть смена караула при участии другого солдата уже не была той же самой сменой. «Тот факт, что кто-то другой чем Себастьян мог совершить прогулку вместо него не приводит к тому, что та самая прогулка, совершенная Себастьяном, могла быть совершена кем-то другим. Если бы Марио выбрали для прогулки той ночью, тогда была бы другая прогулка, а именно прогулка Марио»[85]. Однако, по мнению некоторых критиков, тот факт, что определенное время не является сущностным компонентом события, приводит к внутренней противоречивости теории Кима. Утверждения (1) и (2), как кажется, противоречат друг другу:

(1) Конститутивное время не является сущностным для события.

(2) Оба эти утверждения верны:

Условие существования: [x, P, t] существует ↔ объект x

---

[83] Kim J. Supervenience and Mind: Selected Philosophical Essays. Cambridge, Cambridge University Press, 1993 p. 45

[84] ibid. p. 48

[85] ibid. p. 48

инстанцирует n-адическое свойство P в момент времени t.

Условие тождества: [x, P, t] = [y, Q, t’] ↔ x=y, P=Q и t=t’.

Время задействовано в (2) как в условии существования, так и в условии тождества событий и в результате должно быть частью сущности, что противоречит (1). Однако Ким с этой критикой не согласен. Он пишет, проводя аналогию с обычными физическими объектами: «это по крайней мере респектабельный критерий тождества физических объектов, что они тождественны только в том случае, когда они полностью совпадают в пространстве и времени. Из этого не следует, что физические объекты сущностно там и тогда, где они фактически есть»[86]. В отношении условия существования Ким заявляет следующее: «Есть эссенциалистское следствие, которое я согласен принять: события сущностно являются структурированными комплексами такого рода, о котором говорит теория. Поэтому события не могут быть субстанциями, свойствами и так далее»[87]. То есть условие существования раскрывает структуру событий, без которой оно не может существовать: оно состоит из объекта, свойства и времени. Но условие не запрещает событию включать другое конкретное время, например, t_2 вместо t_1. В итоге, можно сказать, что (1) и (2) не противоречат друг другу.

Последней из рассмотренных в данной главе теорий событий станет теория, предложенная Дэвидом Льюисом. Ее основная идея в том, что события являются свойствами пространственно-временных регионов. Для Льюиса, однако, ни события, ни свойства не являются базовыми онтологическими категориями. По этому поводу он пишет так: «Под свойством я имею в виду просто класс. Иметь свойство – значит принадлежать к классу. Все вещи, которые имеют свойство, будут ли они актуальными или только лишь возможными, принадлежат [к классу] … Свойство, которое соответствует событию, таким образом, является классом всех регионов, самое большее по одному на мир, где событие произошло»[88]. Льюис предлагает, таким образом, следующее необходимое условие для того, чтобы некоторое е было событием:

(ЛСоб) е является событием, только если оно является

[86] Kim J. Supervenience and Mind: Selected Philosophical Essays. Cambridge, Cambridge University Press, 1993 p. 48

[87] ibid. p. 49

[88] Lewis D. On the Plurality of Worlds. Oxford, Basil Blackwell, 1986 p. 244

классом пространственно-временных регионов, как в нашем мире (если оно происходило актуально), так и в других возможных мирах.

Данное условие является лишь необходимым, то есть говорит о том, какие сущности (entities) могут быть событиями – только те, которые представляют собой классы пространственно-временных регионов различных возможных миров. Каждый элемент такого класса (регион) происходит, случается (occurs), как и положено событию, но о самом классе нельзя сказать, что он случается. Это было бы так называемой категориальной ошибкой (category mistake), поскольку классы – абстрактные сущности и не могут случаться, хотя и существуют.

(ЛСоб) в чем-то сходно с теорией Дэвидсона, который, хотя и не отождествлял события с регионами, предлагал положение в пространстве и времени в качестве критерия тождества. При ее обсуждении мы указывали на одно серьезное возражение против данного критерия. Контрпримером был случай с шаром который вращался и нагревался одновременно: в соответствии с критерием получалось, что нагревание и вращение – одно и то же событие. Однако для теории Льюиса этот пример не представляет опасности. В одном из возможных миров вращение шара будет происходить без нагревания (или наоборот), а значит класс регионов, где происходит вращение, не совпадет с классом регионов нагревания.

Можно заметить, что при формулировке (ЛСоб) используется понятие возможного мира. Из-за этого для теории Льюиса может возникнуть проблема. Дело в том, что Льюис был модальным реалистом (см. главу 9), то есть считал возможные миры такими же конкретными сущностями, как и актуальный мир. Этот взгляд на природу миров практически не нашел поддержки у других философов, большинство из которых придерживается той или иной разновидности модального абстракционизма (эрзацизма). Поэтому теория событий, чтобы быть приемлемой для большинства философов не должна быть слишком тесно привязанной к модальному реализму и быть совместимой с абстракционизмом. Если этого не будет, то теория заранее обречена на провал – ее можно будет придерживаться только став реалистом в отношении возможных миров. К этой проблеме мы еще вернемся, а сейчас следует изложить саму теорию Льюиса более подробно.

Во-первых, из (ЛСоб), аксиомы экстенсиональности (утверждающей, что два множества/класса тождественны, если они состоят

из одних и тех же элементов) и правил логики предикатов мы можем вывести так называемый принцип недопущения дублирования: для всех x и y, если x и y являются событиями , то x и y являются разными событиями, если и только если существует по крайней мере один элемент x, который не является элементом y (или наоборот).

Касательно регионов пространства-времени, о которых говорится в (ЛСоб), Льюис пишет следующее: «событие случается в определенном пространственно-временном регионе. Его регион может быть маленьким или большим; есть столкновения точечных частиц и есть конденсации галактик, но даже последние занимают регионы маленькие по астрономическим стандартам»[89]. Тем не менее существуют определенные ограничения: во-первых, ни одно событие не может занимать два разных региона одного мира, а во-вторых, любое событие занимает весь свой регион в целом, то есть оно не может произойти только в собственной части (proper part) своего региона (хотя части события могут). Также Льюис утверждает, что его теория опирается на следующее представление о природе регионов:

(РегЛ) Регионы – это индивиды, которые являются частями возможных миров.

Как мы видим, это определение исходит из модального реализма, для которого возможные миры и регионы в них входящие являются конкретными пространственно-временными сущностями. Именно здесь и возникает трудность для теории событий Льюиса, о которой мы упоминали выше. Возможно ли дать определение регионов, которое было бы совместимо с модальным абстракционизмом? Никаких принципиальных ограничений на такую возможность нет. Для Льюиса регионы – индивиды. Модальный абстракционизм может дать собственное определение индивида. Например, в лингвистическом абстракционизме (одной из разновидностей модального абстракционизма, см. главу 9) возможный индивид представляет собой максимальное и непротиворечивое множество открытых предложений. Например, Александр Сергеевич Пушкин будет таким множеством (назовем его Эрзац Пушкиным): {x родился в 1799 году, x автор романа в стихах «Евгений Онегин», x был убит на дуэли, …}. Это множество является непротиворечивым, то есть возможен x, который обладает всеми приписываемыми ему в данном случае свойствами.

[89] Lewis D. Philosophical Papers. Oxford, Oxford University Press, 1983 p. 243

Оно является максимальным, так как для каждого открытого предложения с x как свободной переменной верно, что множество содержит либо это предложение, либо его отрицание. При таком понимании индивидов мы можем сказать, что регионы пространства-времени не мереологические части конкретных возможных миров, а (на примере лингвистического абстракционизма) подмножества тех множеств предложений, из которых возможные миры состоят.

(РегА) Регионы – это индивиды, которые являются подмножествами возможных миров.

Как мы говорили выше, Льюис считает события свойствами, которые он затем отождествляет с классами регионов. Сторонник абстракционизма может пропустить первый шаг и отождествить события с классами регионов непосредственно (поскольку он, например, не согласен со взглядом Льюиса на свойства).

В своей теории Льюис отвергает точку зрения Кима, согласно которой события – структурированные сущности (entities), состоящие из времени, объекта и свойства. Все эти составляющие не являются сущностными для события, в которое они входят. В той же самой смене караула мог участвовать другой солдат, она могла произойти в другое время, неспешная прогулка Себастьяна вполне могла быть пробежкой и так далее. Однако это не значит, что льюисовские события вовсе лишены сущностных характеристик, просто эти характеристики основываются на сходстве между элементами того класса, который является данным событием. Поясним это на конкретном примере. Например, событие будет сущностным образом связано с изменением, если и только если в каждом регионе, входящем в класс, будет происходить изменение; событие будет сущностным образом включать Сократа, если и только если в каждом регионе, входящем в класс, будет присутствовать Сократ (в теории Льюиса – временной сегмент его двойника). Само событие в целом будет сущностным образом происходить в регионе R, если и только если в класс будут входить лишь сам R и его двойники в других возможных мирах.

По мнению некоторых критиков, теория Льюиса также (как теория Кима) страдает от излишней подробности (fine-grainedness). По мнению самого Льюиса, это необходимо для теории причинности, которую он анализирует в терминах контрфактической зависимости (см. главу 10). Льюис приводит такой пример: Джон здоровается с кем-то, говоря: «Привет!», но по какой-то причине (например, он был

слишком взволнован) делает это излишне громко. Далее он пишет: «можно утверждать, что случается одно событие, которое сущностно является произнесением «привет» и только случайно громко; оно случилось бы, даже если бы Джон сказал это тихо. Можно утверждать, что имеется второе событие, предполагающее, но не предполагаемое первым. Это событие сущностно является громким произнесением «привет», и оно не случилось бы, если бы Джон произнес «привет», но произнес бы его тихо. Оба события актуально произошли, но второе не могло произойти без первого»[90]. Многим такое различие двух событий может показаться излишним и контринтуитивным. Однако Льюис считает, что польза от такого взгляда при построении теории причинности перевешивает его недостатки. «Реальное основание того, почему нам нужны оба события … они различаются каузально. Адекватное каузальное объяснение того, что происходит не может ограничить себя каким-либо одним из них. Первое событие (слабое) заставило Фреда поприветствовать Джона в ответ. Второе из них (сильное) – нет. Если бы второе не случилось – если бы Джон не сказал «Привет» громко – первое все же могло случиться, и тогда Фред все же ответил бы на приветствие Джона. Также есть разница и со стороны причин: второе событие было, а первое не было, вызвано inter alia состоянием взволнованности Джона»[91]. Очевидно, что такое объяснение будет принято лишь теми, кто разделяет теорию причинности Льюиса.

Список литературы

1. Bennett J. Events and Their Names. Oxford, Clarendon Press, 1988.
2. Casati, Roberto and Achille Varzi, "Events", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2020 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/events/.
3. Casati R., Varzi A. C. (eds.) Events. Dartmouth, Aldershot, 1996.
4. Davidson D. Essays on Actions and Events. Oxford, Clarendon Press, 1980.
5. Lombard L. B. Events: a Metaphysical Study. London, Routledge,

[90] Lewis D. Philosophical Papers. Oxford, Oxford University Press, 1983 p. 255
[91] ibid. p. 255

1986.

6. Schneider S. Events // The Internet Encyclopedia of Philosophy https://iep.utm.edu/events/.

Глава 7. Сущности и естественные виды

Основной тезис эссенциализма (Э) относительно индивидуальных объектов можно свести к утверждению о наличии у них сущностных свойств, которые отличаются от их случайных, акцидентальных (accidental) свойств.

(Э) Для любого объекта a, множество (set) свойств, которыми он обладает, представляет собой объединение или сумму двух непересекающихся между собой множеств: множества сущностных свойств и дополнительного (complementary) для него множества акцидентальных свойств.

Однако такое определение мало что нам скажет, пока мы не выясним, какие именно свойства являются сущностными (акцидентальными в таком случае будут все остальные). Наибольшую популярность завоевали два подхода, один из которых мы можем назвать

модальным, а второй дефинициональным (definitional). Если брать в расчет лишь современную философию, то можно сказать, что первый подход восходит к работам Сола Крипке, а второй – Кита Файна. Мы можем сформулировать эти определения сущностных свойств таким образом:

(М) P является сущностным свойством для a ↔ a не может существовать, не являясь P.

(Д) P является сущностным свойством для a ↔ P вносит вклад в ответ на вопрос «что есть a?». Если P является сущностным свойством a, то a не может существовать, не являясь P, но не наоборот (свойства, которыми a обладает с необходимостью, не всегда сущностны для него).

Долгое время, вплоть до появления работы Кита Файна «Сущность и модальность» («Essence and Modality»)[92], определение (М) считалось стандартным. Действительно, может показаться, что оно хорошо улавливает наше интуитивное представление о сущностных свойствах – ими являются те, которыми объект не может не обладать, если он вообще существует. Однако Файном был приведен целый ряд контрпримеров, которые большинство философов посчитало достаточно убедительными. Файн стремился показать, что следование справа налево в (М) не работает, то есть не все свойства, без которых объект не может существовать, являются для него сущностными. Во-первых, в соответствии с (М) свойство *существования* окажется сущностным для всех объектов, так как любой объект тривиально не может существовать, не обладая свойством *существования* (хотя не все философы согласны считать существование свойством), что является неприемлемым результатом. Также Файн приводит такой пример: Сократ не может существовать, не являясь элементом синглетона (множества с единственным элементом) {Сократ}, и то же самое можно сказать о любом объекте вообще. Получается, что свойство *быть единственным элементом синглетона {Сократ}* является сущностным для Сократа. По мнению Файна, это явно абсурдный и неприемлемый результат – данное свойство никак не раскрывает нам сущность Сократа. Более того, аналогичными свойствами (быть

[92] Fine K. Essence and Modality: The Second Philosophical Per-spectives Lecture // Philosophical Perspectives. 1994. №8. pp. 1–16

элементами соответствующих синглетонов) тривиально, в силу своего существования, обладают вообще все объекты в мире. То есть основная претензия Файна к (М) в том, что это определение допускает существование тривиальных сущностных свойств, о которых нам следует сказать несколько слов более подробно. Тривиальными сущностными свойствами будут такие, которыми обладают все объекты в мире; к ним можно отнести свойства *быть самотождественным*, *быть P или не-P*, *быть таким, что 2+2=4* и так далее. В соответствии с (М) они будут сущностными, хотя и тривиальными, свойствами для всех объектов мира, но определение Файна (Д) этого не допускает.

В данном нами определении эссенциализма (Э) утверждалось, что все свойства объекта являются либо сущностными, либо акцидентальными. Этот тезис получил название слабой дополнительности и его можно сформулировать так:

(СлД) Для любого объекта a, разделение свойств на сущностные и акцидентальные является исчерпывающим и исключающим по отношению ко множеству всех его свойств C.

Этот тезис следует отличать от другого, который настаивает на подобном разделении для свойств вообще (а не для свойств каждого отдельного объекта). Его можно назвать тезисом о сильной дополнительности:

(СилД) Для множества всех свойств C, разделение свойств на сущностные и акцидентальные является исчерпывающим и исключающим по отношению к этому множеству.

Следует отметить, что из (СилД) следует (СлД), но не наоборот. (СилД) гораздо более спорен, так как, по мнению некоторых философов, одно и то же свойство P (надо подчеркнуть, что речь может идти не только о типах, но и о токенах) может быть сущностным для одного объекта и акцидентальным для другого. Совпадающие (coincident) объекты являются примером такой ситуации. Пусть a будет статуей с определенной формой s, m будет глыбой материала, из которого эта статуя сделана (например, бронзой); свойством P в такой ситуации может быть свойство *иметь форму s*. В то время как P является сущностным свойством статуи a, для глыбы материала оно таковым не является (из чего и возникают сложности с материальной конституцией, рассмотренные в главе 14). Другими примерами

подобной ситуации могут стать свойства *быть электрически заряженным* (оно будет сущностным для протона, но акцидентальным для человека, если его тело приобретет электрический заряд) или *быть красным* (сущностно для какого-нибудь минерала, но акцидентально для стен квартиры).

Мы дали определение сущностным свойствам, но пока что не сказали о том, какие именно свойства большинством философов (из признающих их существование) считаются сущностными. Наибольшее согласие вызвали три группы свойств: происхождение, сортальные свойства и принадлежность к естественному виду. Каждую из этих групп мы рассмотрим более подробно.

Тезис о сущностности происхождения (essentiality of origins) или эссенциализм происхождения утверждает, что для любого объекта сущностно, из каких других объектов он появился. Например, пусть s и e будут сперматозоидом и яйцеклеткой из которых возник Сол Крипке. По мнению сторонников тезиса, происхождение именно из этих двух объектов является сущностным для Крипке. Тот, кто возник бы из других яйцеклетки и сперматозоида (даже если бы он был зачат теми же родителями и в то же самое время) был бы другим человеком, пусть и максимально похожим на Крипке и носящим точно такое же имя. Для артефактов сущностным может быть тот материал, из которого они были первоначально изготовлены. Например, если стол изначально был изготовлен из определенного материала (например, данного куска дерева), то объект, изготовленный из другого куска дерева (или вовсе из стали), никак не может быть этим столом. Эти две позиции (касающиеся организмов и артефактов) получили название тезиса о сущностности биологического происхождения для живых организмов и тезиса о сущностности материального происхождения для артефактов. Они получили широкое распространение и поддержку среди многих философов после выхода работы Сола Крипке «Именование и необходимость». Многим эта позиция показалось интуитивно правильной, и они согласились со следующим рассуждением Крипке о ее очевидности (в нем он обсуждает возможность того, что королева Елизавета II могла бы быть дочерью президента Трумена и его жены): «Они могли бы иметь ребенка, походящего на нее во многих отношениях. Возможно … даже … ребенка, который действительно стал королевой Англии… Это по-прежнему не было бы ситуацией, в которой эта же самая женщина, которую мы называем «Елизавета II», была бы ребенком мистера и миссис Трумен… Как может личность, происходящая от других родителей, из

совершенно других сперматозоида и яйцеклетки, быть этой же самой женщиной? Можно представить относительно определенной женщины, что разные вещи в ее жизни могли бы измениться … И таким образом возможно, что даже, хотя она была рождена своими родителями, она никогда не стала бы королевой… Но что труднее представить, так это ее рождение от других родителей. Мне кажется, что все, возникающее из другого источника, не будет этим объектом»[93]. Однако ссылки на интуитивную верность позиции для многих оказалось недостаточно. Поэтому разными фидлософами было выдвинуто несколько аргументов в ее пользу. Мы рассмотрим один из наиболее известных – предложенный Натаном Салмоном[94] (Nathan Salmon), который опирался на идеи Крипке. Хотя сам Салмон предложил три версии аргумента (каждая последующая является расширением и уточнением предыдущей), для простоты изложения мы приведем первую из них.

Пусть переменные x и x* пробегают по всем возможным столам, а переменные y и z пробегают по кускам материи, причем подразумевается, что эти куски материи не пересекаются (overlap), если переменные появляются вместе в одном и том же утверждении. Теперь можно сформулировать сам аргумент:

(1) Если стол x изначально (originally) изготовлен из y и для этого стола возможно, что он был изготовлен из z, тогда также возможно, чтобы стол x был изначально изготовлен из y и вдобавок к этому некоторый стол x* был изначально изготовлен из z.

(2) Невозможно, чтобы один и тот же стол x был изначально изготовлен из y и вдобавок изначально изготовлен из z.

(3) Если возможно, что стол x* изначально изготовлен из z, тогда необходимо, что любой стол, изначально изготовленный из z, является именно столом x* и никаким другим.

(4) Следовательно, если некий стол изначально изготовлен из определенного куска материи, тогда необходимо, что этот стол не изготовлен изначально из любого другого непересекающегося куска материи.

Аргумент достаточно сложен для восприятия и нуждается в

[93] Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge MA, Harvard University Press, 1980 p.112-13

[94] Salmon N. Reference and Essence (second edition). Amherst, NY, Prometheus Books, 2005 pp. 193-216

пояснении, что мы и сделаем, воспользовавшись конкретным примером. Возьмем мой компьютерный стол и назовем его Петр. Он изначально был изготовлен из определенного куска материи (комбинации дерева, клея и шурупов), который мы назовем $Кусок_1$. Теперь рассмотрим другой (не пересекающийся с ним, то есть не имеющий общей материи), но похожий на него кусок, из которого также мог быть изготовлен стол и назовем его $Кусок_2$. Эта ситуация удовлетворяет посылке (1) аргумента. Сама эта посылка утверждает, что, поскольку у нас есть Петр, изначально изготовленный из $Куска_1$ и $Кусок_2$, из которого тоже мог быть изготовлен стол, то возможна такая ситуация, в которой присутствует Петр и одновременно с ним еще один стол из $Куска_2$, который мы назовем Павел. Интуитивно кажется верным, что есть такой возможный мир. Посылка (2) утверждает, что в любом подобном возможном мире эти два стола отличаются друг от друга, то есть один и тот же стол не может быть изначально изготовлен из двух непересекающихся кусков материи в одном и том же возможном мире. Посылка (3) говорит нам, что любой возможный стол (стол в любом из возможных миров), изготовленный из $Куска_2$ будет именно Павлом и никаким другим столом. Но из (2) мы знаем, что Петр и Павел отличаются друг от друга, а значит невозможно, чтобы Петр был изготовлен из $Куска_2$ (тогда он был бы Павлом). Из чего и следует вывод аргумента: Петр (и любой стол вообще) не может быть изначально изготовлен из любого другого непересекающегося куска материи (кроме своего собственного). Этот аргумент был затем изменен и уточнен его создателем Натаном Салмоном, и его окончательная версия несколько отличается от приведенной нами, однако суть аргумента осталась прежней.

Было предложено еще несколько аргументов в пользу сущностности происхождения, однако подавляющее большинство из них столкнулись с различными контрпримерами и не получили всеобщего признания. Тем не менее необходимо провести различие между двумя версиями тезиса о сущностности происхождения, вторая из которых оказалась гораздо более популярной. Пусть s будет столом, а m – куском материи, из которого он был изначально изготовлен. Можно представить себе два различных свойства: *быть изначально изготовленным из m* и *быть изначально изготовленным из куска материи, в высокой степени пересекающимся с m*. Если мы будем утверждать сущностность лишь второго свойства, то получим более слабую версию тезиса. Именно она оказалась более популярной и лучше согласуется с нашими интуициями. Представляется, что любой

объект мог бы иметь чуть-чуть другое происхождение: например, стол мог быть изготовлен из куска дерева, отличающегося от того, из которого он на самом деле был изготовлен, несколькими молекулами (или даже чуть больше). Однако тезис в такой форме, по общему признанию, приводит к модальному парадоксу. Чтобы понять это вновь обратимся к нашему столу s и куску материи m, из которого он был изначально изготовлен. Пусть n будет числом молекул (или атомов) в m. В этом случае мы можем представить последовательность кусков материи m, m_1, m_2, … m_n, каждый из которых отличается от предыдущего лишь на одну молекулу, а значит m и m_1 отличаются на одну молекулу, m и m_2 отличаются на две молекулы, а m и m_n вообще не имеют общих молекул и являются двумя непересекающимися кусками. Стол s был изначально изготовлен из m, но согласно слабой версии тезиса о сущностности происхождения, он мог быть изготовлен из m_1, так как разница между ними заключается в одной молекуле. Поэтому существует возможный (относительно нашего актуального мира) мир, в котором данный стол действительно был изготовлен из m_1. Назовем его w_1. Но слабый тезис о сущностности происхождения верен и в w_1, если он вообще верен, так как он представляет собой не контингентную, а концептуальную истину. Из этого следует, что существует возможный (относительно w_1) мир w_2 в котором стол s изначально изготовлен из m_2. Рассматриваемый нами тезис верен также и в этом мире, и мы можем продолжать наше рассуждение пока не достигнем мира w_n, который возможен относительно предыдущего мира w_{n-1}, и в котором стол s изначально изготовлен из m_n, то есть куска материи, не имеющего ничего общего с тем, из которого стол был изначально изготовлен в актуальном мире. Получается, что слабый тезис приводит к отрицанию сущностности происхождения вообще в любом виде (сильном или слабом), то есть отрицает сам себя.

Однако этот вывод действителен только при условии транзитивности отношения *быть возможным относительно*, то есть мир, возможный относительно мира, возможного относительно актуального мира, также возможен относительно актуального мира. В главе о возможных мирах (см. главу 9) мы встретимся с отношением достижимости между возможными мирами. Это отношение может быть рефлексивным, симметричным и транзитивным. Последняя из этих характеристик и приводит к рассматриваемому нами парадоксу, что подсказывает одно из возможных его решений. Некоторые философы (среди них Натан Салмон) просто-напросто отвергают транзитивность отношения достижимости между возможными мирами: то, что

возможно относительно мира w_1 из нашего примера, не будет возможно в силу одного этого факта относительно актуального мира, и цепочка рассуждения оборвется, так и не приведя к парадоксу. Другие, в частности Грэм Форбс[95] (Graeme Forbes), не считают нужным отказываться от транзитивности и считают рассматриваемый нами аргумент одним из примеров стандартного сорита, а значит его традиционные решения должны быть применимы и для данного случая.

Еще одним свойством, признаваемым сущностным значительным числом философов, является сортальная (sortal) или видовая принадлежность. Но, прежде чем говорить о сортальном эссенциализме, необходимо сказать несколько слов о самих сортальных понятиях (sortal concept) или сорталиях. В философской литературе существуют разногласия относительно их определения, однако многие сходятся на том, что сорталии дают критерии тождества (criteria of identity) или принципы индивидуации (principles of individuation) для подпадающих под них объектов. Поэтому мы можем дать им следующую характеристику:

(Сорт) Если «F» является сортальным термином (термином соответствующим сортальному понятию), тогда выражения вида «это F», «то F», «такое-то F» могут быть использованы для выделения индивидуального объекта (принцип индивидуации) таким образом, что появляется возможность определить, что считается тем же самым индивидуальным объектом, который был выделен, а что – нет (критерий тождества).

Тезис о критериях тождества можно более точно сформулировать и таким образом:

(Сорт*) Для любого сортального свойства F существует множество (set) свойств ϕ, такое, что, если оба объекта b и c являются F, то, если b и c инстанцируют одни и те же свойства из ϕ, то b=c.

Применить эти определения к конкретным ситуациям не столь трудно. Например, *красная вещь* не будет сортальным понятием, так как, указывая на стол красного цвета, мы не можем с уверенностью сказать, сколько точно красных вещей у нас имеется: являются ли ножки стола, столешница и сам стол разными красными

---
[95] Forbes G. The Metaphysics of Modality Oxford, Clarendon Press, 1985 pp. 160-169

вещами или одной единственной вещью? Но такие понятия, как собака, кошка, телевизор, будут сортальными, так как, опираясь на определенные свойства (для каждого случая разные), мы без труда сможем указать, сколько собак, кошек или телевизоров присутствует в каком-либо месте.

Тезис о сортальном эссенциализме утверждает, что если k – это фундаментальный вид (fundamental kind) данного объекта o, то для o является сущностной принадлежность к этому виду. Его можно сформулировать и немного по-другому. Сначала дадим определение понятию сущностной сортали:

(СущС) Сортальное понятие S является сущностнойірталией (essential sortal) ↔ объекты, которые подпадают под S, не могут существовать, не подпадая под S.

В таком случае сортальный эссенциализм сводится к признанию существования сущностных сорталий.

Однако к любому объекту можно приложить множество разных сортальных понятий. Как в таком случае выделить из них фундаментальный для данного объекта вид и что он (этот вид) вообще из себя представляет? В своей книге «Тождество и субстанция» («Sameness and Substance») Дэвид Уиггинс (David Wiggins) пишет о необходимости отличать сортальные понятия, применимые к отдельным объектам на всем протяжении их существования (например, *человек*), от неприменимых таким образом (например, *старик* или *министр*). По мнению Уиггинса, только первые из них дают привилегированный и наиболее фундаментальный ответ на вопрос «что есть x?», который мы можем задать по отношению к любому объекту[96]. Именно поэтому такие сортальные понятия раскрывают сущность объекта, а принадлежность к соответствующему сорту или виду является сущностным свойством.

Следует заметить, что тезисы сортального эссенциализма и эссенциализма происхождения независимы друг от друга, то есть можно придерживаться одного из них, не придерживаясь другого. Вернемся к нашему примеру с Солом Крипке: в нем он возник из сперматозоида s и яйцеклетки e. Однако сущностная принадлежность Крипке к виду человек не подразумевает с необходимостью его

[96] см. Wiggins D. Sameness and Substance Renewed. Cambridge, Cambridge University Press, 2001 p. 30

происхождение из данных гамет: он может быть человеком во всех возможных мирах (в которых он вообще существует), но происходить из гамет s* и e* в некоторых из них. Или (как предположил Э. Дж. Лоу) Крипке, оставаясь человеком, в некоторых мирах мог вообще не происходить из гамет, а возникнуть путем сотворения ex nihilo.

В пользу сортального эссенциализма было выдвинуто несколько аргументов. Один из них был предложен Барухом Броуди (Baruch Brody) в книге 1980 года «Тождество и сущность» («Identity and Essence»). На первом этапе построения аргумента (в нашем изложении мы будем следовать реконструкции этого аргумента, предложенной Пенелопой Маки (Penelope Mackie) в книге «Как вещи могли бы быть» («How Things Might Have Been»)) Броуди утверждает, что некоторые сортальные понятия представляют свойства, которые объект должен иметь во все время своего существования, если он имеет его в любой из моментов своего существования. Пример такого свойства – *быть личностью*, так как, по мнению Броуди, если нечто является личностью, то оно должно быть личностью с первого момента своего существования и не может перестать быть ею, не перестав существовать. Такие сорталии называются субстанциальными (substance sortals) и их можно охарактеризовать так:

(СубС) Сортальное понятие S является субстанциальной сорталией ↔ объект, который подпадает под S в любой из моментов своего существования, должен подпадать под S во все время своего существования или более кратко: если F – субстанциальная сорталия, то «однажды F – всегда F».

Если, например, собака – субстанциальная сорталия, то, если нечто хоть в какой-то момент было собакой, то оно должно быть собакой от начала до конца своего существования, оно не может быть ею лишь временно. Однако при внимательном рассмотрении можно заметить, что субстанциальность какой-либо сорталии не влечет за собой ее сущностности, поскольку существует логический зазор между утверждением о том, что объект не может измениться с F на не-F (и наоборот) и утверждением, что объект, актуально являющийся F, не мог полностью просуществовать, не будучи F. Аргумент, который предлагает Барух Броуди, как раз и стремится закрыть этот зазор и показать, что субстанциальные сорталии являются сущностными и, поскольку первые существуют, то существуют и вторые, а значит сортальный эссенциализм истинен. Для этого он предлагает

свою модель контрфактитческих возможностей (counterfactual possibilities). По мнению Броуди, контрфактические возможности для актуальных объектов следует понимать в терминах возможных расширений или продолжений (extensions) определенных порций их актуальных историй. Это помогает установить тождество между объектами из разных возможных миров, что нужно Броуди, который принимает теорию межмирового тождества (см. главу 9), то есть полагает, что один и тот же объект может существовать в разных возможных мирах. Поэтому Броуди утверждает, что, например, Сократ существует в возможном мире – возможный мир содержит Сократа – только если он разделяет с актуальным миром какую-либо порцию актуальной истории Сократа. Как кажется, мы могли бы потребовать, чтобы все возможные варианты Сократа разделяли с актуальным Сократом его первые моменты существования, то есть имели бы то же происхождение: с помощью одного этого требования мы бы получили и сортальный эссенциализм (если актуальный Сократ был личностью с первого момента существования, *личность* – субстанциальная сортлия, и если все возможные жизненные истории Сократа начинаются из одного актуального состояния, то *личность* – сущностная сорталия) и тезис о сущностности происхождения. Проблема в том, что Броуди считает такое требование слишком сильным, а сущностность происхождения – контринтуитивной и ложной позицией. Чтобы разрешить данное затруднение, он предлагает новую модель контрфактических возможностей, которая ведет к сортальному эссенциализму, но не к сущностности происхождения. В соответствии с этой моделью Сократ мог бы быть F (где F – какое-либо свойство) в момент t, если и только если в какой-либо момент его актуального существования у него было возможное будущее, в котором в момент t он был F, или в какой-либо момент его актуального существования у него было возможное прошлое, в котором в момент t он был F. Все возможные, но не актуальные, прошлые и будущие состояния Сократа можно условно представить как ветви, расходящиеся от одного ствола (актуальный Сократ) и направленные либо вверх (возможное будущее), либо вниз (возможное прошлое). В этой модели у Сократа может быть множество возможных прошлых состояний, а значит и множество происхождений, то есть тезис о сущностности происхождения не выполняется.

Если говорить более формально, то нечто является возможным будущим или прошлым, которое Сократ имел в t*, только если оно совозможно (compossible) с его актуальным состоянием в t*, то

есть такое прошлое/будущее, которым Сократ мог бы обладать, обладая одновременно с этим всеми своими свойствами в t*. В дополнение к этому Броуди вводит следующее ограничение: нечто является полной возможной историей Сократа, только если оно включает какую-либо порцию его актуальной истории (все его возможные истории должны пересекаться в какой-нибудь точке с его актуальной историей). Именно из этого ограничения и следует вывод о том, что субстанциальные сорталии являются сущностными. Если, например, *личность* – субстанциальная сорталия, которая приложима к Сократу, то он будет личностью на всем протяжении своего актуального существования. В соответствии с ограничением Броуди, любая возможная полная жизненная история Сократа должна пересекаться с актуальной, а значит включать в себя момент, в котором Сократ будет личностью. Поскольку же *личность* – субстанциальная сорталия, то Сократ будет личностью на всем протяжении всех возможных жизненных историй, то есть он не сможет существовать, не являясь личностью. В итоге получается, что *личность* – сущностная сорталия и тезис сортального эссенциализма истинен. Впрочем, как и следовало ожидать, аргумент Броуди убедил далеко не всех философов и сортальный эссенциализм (как и другие виды эссенциализма) не является популярной доктриной. Наиболее слабым и спорным моментом аргумента является требование о пересечении всех возможных жизненных историй объектов с их актуальными историями; для большинства философов оно оказалось неприемлемым.

Еще одним свойством, которое многие полагают сущностным, является принадлежность объекта к естественному виду, но это свойство, как и вся проблематика естественных видов, будут рассмотрены нами в конце данной главы отдельно.

Все рассмотренные нами до сих пор предполагаемые сущностные свойства обладали одной общей характеристикой – они были необходимы для существования обладающих ими объектов, то есть объект не мог существовать, не обладая этими свойствами. Но существуют ли такие свойства, которых достаточно для того, чтобы быть тем или иным объектом? Некоторые философы полагают, что существуют и предлагают так называемые принципы достаточности (sufficiency principles), то есть принципы устанавливающие достаточные условия для существования объекта. Например, уже упоминавшийся нами Натан Сэлмон предложил такой принцип для существования стола:

(ПД) Если возможно для стола x быть единственным столом, изначально созданным (определенным ремесленником в определенном месте в определенное время) из определенного куска материи y в соответствии с планом P, то необходимо, что любой стол, который будет единственным столом, изначально созданным (тем же самым ремесленником в том же самом месте в то же самое время) из того же самого куска материи y в соответствии с тем же самым планом P, является тем же самым столом x и никаким другим[97].

Подобные этому принципы известны также как принципы межмировой идентификации (cross-world identification), то есть с помощью свойств, указанных в этих принципах, мы можем легко опознать интересующий нас объект в любом из возможных миров, в которых он существует: тот объект, который имеет эти свойства, и будет искомым нами объектом. Принципы достаточности и рассмотренные нами эссенциалистские принципы логически независимы друг от друга, однако в подавляющем большинстве случаев их придерживаются вместе. При совмещении необходимых и достаточных для существования объектов свойств мы получим так называемые индивидуальные сущности (individual essences). Более строго их можно определить так:

(ИС) Если свойство (или множество свойств) ϕ является индивидуальной сущностью A, то A обладает ϕ сущностным образом (essentially), и никакой другой актуальный или возможный объект не обладает ϕ актуально или возможно. На языке возможных миров, если ϕ является индивидуальной сущностью A, то ϕ служит для распознания A во всех возможных мирах, в которых A существует[98].

Также можно дать несколько другое, но сводящееся в итоге к той же самой мысли, определение:

(ИС*) ϕ является индивидуальной сущностью A ↔ ϕ сущностно для A и любой объект x, который обладает ϕ, тождественен A.

Оба данных определения позволяют нам (в случае согласия с

[97] см. Salmon N. Reference and Essence. Princeton, Princeton University Press 1981 p. 229
[98] см. Mackie P. How Things Might Have Been: Individuals, Kinds, and Essential Properties. Oxford, Oxford University Press, 2006 p. 19

ними) признать существование целого ряда свойств (или типов свойств), которые можно назвать ИС. Прежде всего можно сказать, что в соответствии с определениями, могут существовать свойства, которые удовлетворяют всем критериям для ИС, но делают это в тривиальной и неинтересной манере. Например, если принять принцип необходимости тождества, который утверждает, что любой объект необходимо тождественен самому себе $\forall x \forall y$ (x=y → (x существует и y существует → x=y)), то можно утверждать наличие, например, у Сократа такого сущностного свойства, как *быть тождественным Сократу*. Такое сущностное свойство удовлетворяет критериям, предложенным в определениях, а значит является ИС Сократа. Подобными же свойствами будут обладать все существующие объекты. Однако, для многих приверженцев ИС, такие свойства слишком тривиальны. Они хотят пойти дальше и признать наличие гораздо более спорных ИС, которые не сводятся к простому тождеству объекта с самим собой. Но и среди таких нетривиальных свойств могут оказаться такие, которые кажутся сторонникам ИС неинтересными и легко достижимыми. Возьмем любое свойство, которым в нашем актуальном мире обладал лишь Сократ – например, *быть мужем Ксантиппы*. Затем привяжем это свойство к нашему актуальному миру и получим индексированное по миру (world-indexed) свойство *быть мужем Ксантиппы в актуальном мире*. Оно удовлетворяет всем критериям и может считаться ИС, и мы можем получить путем индексирования множество подобных свойств. Для многих приверженцев ИС слишком легкое получение таких свойств делает их неинтересными, хотя тривиальными назвать их нельзя.

Ряд философов полагает, что интересные и заслуживающие внимания ИС можно отождествить с так называемыми этостями. Этость (haecceity или латинское haecceitas) – сущностное свойство (*быть Сократом*), которое делает обладающий им объект именно этим объектом и никаким другим. Оно является нетривиальным, но вместе с тем простым и не поддающимся анализу. Такие свойства явно удовлетворяют критериям и могут считаться ИС, однако некоторым философам и они кажутся слишком бессодержательными. Эти сторонники ИС хотят доказать существование для объектов свойств (или, что более вероятно, некоего множества свойств), которые будут информативными и содержательными индивидуальными сущностями. Следует отметить, что сторонников ИС такого рода не слишком много. Исторически наличие подобных ИС признавал Лейбниц. В соответствии с общепринятой интерпретацией, он полагал, что

любое свойство сущностно для объекта, а принцип тождества неразличимых гарантирует нетривиальное отличие между свойствами любых двух объектов. Из такого взгляда следует, что ни один объект в мире не может иметь другую жизненную историю, чем ту, которую он имеет в актуальном мире. Для большинства философов такое следствие неприемлемо. Поэтому все современные сторонники нетривиальных ИС включают в них лишь определенное подмножество всех свойств объекта, из чего следует, что объект может иметь разные свойства в разных возможных мирах, однако во всех из них (в которых он вообще существует) он сохраняет уникальный для себя набор свойств, которые и составляют его ИС. Наиболее известный современный сторонник этой позиции – Грэм Форбс[99] (Graeme Forbes). По его мнению, если мы интерпретируем модальность de re в терминах межмирового тождества объектов, а не двойников (см. главу 9), то без ИС нам не обойтись. Форбс также утверждает, что для биологических индивидов, ИС может заключаться в определенных свойствах их происхождения.

В пользу рассматриваемой нами позиции приводилось несколько аргументов, но большинство из них слишком сложны и не могут быть рассмотрены нами в рамках данной книги. Однако мы приведем более простой аргумент, предложенный Пенелопой Маки (сама она не является сторонницей ИС) и названный аргументом от неразличимости (indiscernibility argument). По мнению Маки, можно рассуждать следующим образом. Если все объекты имеют ИС, то не может быть нумерического отличия между объектами, без сущностного отличия. С другой стороны, если не у всех объектов есть ИС, то вполне возможна ситуация, в которой два разных объекта тождественны в своих сущностных свойствах, но отличаются в акцидентальных. Предположим, что люди входят в число таких объектов, которые не имеют ИС. Тогда могут существовать два человека, тождественных в сущностных свойствах, но отличных в акцидентальных. Пусть этими двумя людьми будут Сократ и Платон. Естественно, Сократ обладал многими свойствами, которых не было у Платона (и наоборот), но все эти свойства, по нашему предположению, были лишь акцидентальными. Если все их сущностные свойства одинаковы, то всеми теми свойствами, которыми мог бы обладать Сократ (но не обладал в актуальном мире), мог бы обладать и Платон. Любые возможные для Сократа жизни (а они ограничены лишь его

[99] Forbes G. The Metaphysics of Modality Oxford, Clarendon Press, 1985 pp. 99-100

сущностью, которая совпадает с сущностью Платона), возможны и для Платона (и наоборот), в той мере, в какой конкретные детали этой жизни не подразумевают, что это жизнь именно Сократа. Назовем подобное описание жизни безразличным ко владельцу (owner-indifferent) и рассмотрим один из таких сценариев. Пусть в нем Сократ становится рыбаком, а не философом. Назовем этот сценарий жизнью рыбака. В соответствии с нашим предположением, любая жизнь, возможная для Сократа, возможна и для Платона. В результате мы получим два возможных мира w_1 и w_2, в каждом из которых некто ведет жизнь рыбака, но в первом из них эту жизнь ведет Сократ, а во втором – Платон. Однако (и это самое главное) ничем другим эти миры не отличаются, они тождественны по всем своим свойствам и отличаются лишь индивидами, которые играют роль данного рыбака. Мы получили возможные миры, для которых характерно «голое различие» (bare difference) в идентичностях людей, которые ведут жизнь рыбака, то есть различие, которое не супервентно ни на каких других различиях в характере миров. Мы можем пойти еще дальше. По нашему предположению все возможные для Сократа жизни, возможны и для Платона (и наоборот). Но одной из таких возможных жизней будет актуальная жизнь Сократа, та, которую он вел в нашем мире. Мы можем представить себе мир, в котором живет квази-Сократ: он проживает жизнь, неотличимую от жизни нашего Сократа, с той лишь разницей, что является не Сократом, а Платоном. Точно также можно вообразить мир, где есть квази-Платон, то есть человек, ничем не отличающийся от нашего Платона, но являющийся Сократом. Более того, ничто не мешает нам объединить эти миры, в результате получив мир, в котором Сократ и Платон поменялись местами. Этот мир w_3 качественно тождественен нашему актуальному миру и отличается лишь идентичностью людей, которые, так сказать, играют роль Сократа и Платона: в нем Сократ и Платон обменялись своими жизнями. Проблема в том, что такое различие будет голым, то есть не основанным на каком-либо другом различии. Благодаря чему мы можем сказать, что в w_3 именно Сократ проживает жизнь Платона (и наоборот)? Без признания ИС мы не сможем дать содержательный ответ на этот вопрос.

Противники ИС могут оспорить аргумент, отвергнув одну из его ключевых посылок: возможность того, что Сократ и Платон тождествены в своих сущностных свойствах. Например, вслед за Крипке, они могут признать сущностность происхождения и тогда (даже без привлечения ИС) ситуации в w_1, w_2 и w_3 станут невозможны.

Впрочем, аргумент использует Сократа и Платона лишь в качестве примера и основывается на общем положении о возможности для объектов разделять все свои сущностные свойства: если говорить о людях, то такими объектами вполне могут быть однояйцевые близнецы. Естественно, аргумент можно опровергнуть, отказавшись от межмирового тождества объектов и приняв теорию двойников – в этом случае в w_1, w_2 и w_3 не будет никакого Сократа или Платона (и они не смогут обменяться жизнями или прожить жизнь рыбака), а только их двойники. Или можно принять существование голых различий между мирами и отказаться считать их контринтуитивными.

Мы рассмотрели наиболее популярные сущностные свойства – происхождение, сортальную принадлежность (принадлежность к естественным видам мы рассмотрим в конце главы отдельно) и индивидуальные сущности. Но эта популярность лишь относительная: большое число философов вообще отвергают существование сущностей и сущностных свойств. В этом они следуют традиции, заложенной Куайном и его знаменитыми аргументами против сущностей. Именно их мы сейчас и рассмотрим чуть более подробно.

Прежде всего следует отметить, что Куайн дает собственное определение эссенциализма (называя его аристотелевским), несколько отличающееся от приводимого нами. Для него основной чертой Э стала независимость деления свойств объектов на сущностные и акцидентальные от способа нашего описания этих объектов. Поэтому его определение выглядит так:

(ЭК) Некоторые из атрибутов вещи (более или менее независимо от языка, на котором вещь упоминается, или совсем независимо) могут быть сущностными для вещи, а другие акцидентальными.

Получается, что для эссенциалиста есть смысл спрашивать, имеет ли объект то или иное свойство с необходимостью, независимо от того, как именно мы этот объект описываем. Куайн с этим не согласен и приводит в книге «Слово и объект» пример человека, одновременно являющегося математиком и велосипедистом: «О математиках можно осмысленно сказать, что они необходимо рациональны, но не необходимо двуноги; а велосипедисты – необходимо двуноги, но не необходимо рациональны. Но что тогда сказать об индивиде, который числит среди своих занятий как математику, так и езду на велосипеде? Является ли этот конкретный индивид необходимо

рациональным и случайно двуногим или наоборот? Лишь постольку, поскольку мы говорим об объектах референциально, без особого пристрастия к подспудному группированию математиков в противоположность велосипедистам или наоборот, в оценке каких-либо его атрибутов как необходимых, а других – как случайных нет подобия смысла. Да, некоторые его атрибуты считаются важными, а другие – неважными; некоторые – длительными, а другие – приходящими; но никакие не считаются необходимыми или случайными»[100].

Более формально аргумент Куайна можно представить следующим образом:

(1) Все математики необходимо рациональны, но не необходимо двуноги.

(2) Все велосипедисты необходимо двуноги, но не необходимо рациональны.

(3) Петр Иванов одновременно и математик, и велосипедист.

(4) Петр Иванов необходимо рационален, но не необходимо двуног.

(5) Петр Иванов необходимо двуног, но не необходимо рационален.

Утверждения (4) и (5) дважды противоречат друг другу, из чего мы можем сделать вывод о ложности посылок (по крайней мере одной из них). Поскольку существование математика и велосипедиста Петра Иванова нами предполагается (в нашем мире найдется хотя бы один человек, являющийся одновременно и тем и другим), то мы должны отвергнуть либо первую, либо вторую посылки (или обе вместе, что и предлагает сделать Куайн). Однако, после появления работ Сола Крипке, Алвина Плантинги (Alvin Plantinga) и распространения теории возможных миров для объяснения модальности, популярность аргумента Куайна значительно снизилась. По мнению ряда философов, эссенциалист может его опровергнуть, обратившись к разделению модальности на de re и de dicto. Сторонник Э может согласиться с de dicto интерпретацией первой посылки (то же самое можно сказать и о второй), которая будет выглядеть так:

(1*) *Все математики рациональны* необходимо истинно, но *все математики двуноги* не необходимо истинно.

Однако из (1*) не следует, что мы не может утверждать de re

[100] Куайн У. Слово и объект. М., Логос, Праксис, 2000 с. 228-229

о каком-либо человеке, что он необходимо рационален (или двуног). В связи с этими возражениями многие противники Э не предлагают общих аргументов против сущностей, а предпочитают опровергать конкретные эссенциалистские позиции.

Теперь мы можем более подробно рассмотреть естественные виды (ЕВ) и связанную с ними проблематику, не ограничиваясь их связью с эссенциализмом и уделив внимание биологическим видам, как наиболее характерным представителям видов естественных. Но прежде всего необходимо дать определение ЕВ. Виды вообще (kinds) представляют собой категории или таксономические единицы, с помощью которых определенные объекты могут быть сгруппированы на основе некоторых общих характеристик. Естественные (или натуральные) виды – это такие виды, которые не являются произвольными, гетерогенными или преднамеренно скомпонованными. Примерами таких ЕВ могут быть как виды, используемые нами в повседневной жизни (тигр, апельсин, голубь), так и виды, с которыми имеют дело различные естественные науки, такие как физика, химия, биология и так далее (электрон, протон, метан, Panthera leo, Balaenoptera musculus). Такие примеры мало у кого вызывают возражения. Однако существует ряд классификаций объектов, статус которых сомнителен, а философы расходятся по вопросу о причислении таксономических единиц в этих классификациях к ЕВ. Например, являются ли естественными виды, постулируемые псевдонауками (торсионное поле, аура, биорезонанс), религиями (пророк, ангел, бодхисаттва) или естественными науками на пройденных этапах существования (флогистон, эфир)? Можно ли назвать ЕВ группы объектов, поделенные на основании чувственно воспринимаемых качеств – желтые вещи, сладкие вещи и так далее? Из данных примеров можно сделать вывод, что различие между естественными и не естественными видами скорее всего не является четкой, и те или иные виды можно назвать естественными в большей или меньшей степени. Естественность является своего рода спектром, с явными случаями (не)естественности по краям и спорными случаями между ними. Однако, даже в случае современной научной классификации, остается нерешенным вопрос, придут ли науки к одной, уникальной классификации всех объектов на ЕВ или остановятся на нескольких таких классификациях.

Несмотря на наличие сомнительных и спорных случаев, значительное большинство философов (занимающих реалистическую, а не конвенциалистскую позицию, то есть считающих, что

существование ЕВ не зависит от мнения людей) согласны в том, что ЕВ присущ целый ряд отличительных характеристик. ЕВ отличаются по той роли, которую они играют в 1. индукции и предсказании, 2. законах природы, 3. каузальном объяснении.

Первая отличительная черта ЕВ заключается в той особой (по сравнению с другими, менее естественными, таксономическими единицами) легкости, с какой их можно использовать в построении индуктивных умозаключений. Например, из посылки, что все рассмотренные до сих пор образцы меди проводят электричество, мы можем с полным основанием сделать вывод о том, что вообще все образцы меди будут обладать тем же свойством. Причем мы можем сделать этот вывод с полным основанием именно в силу того факта, что все образцы меди образуют не произвольную группу объектов, не имеющих ничего (или мало) общего, а ЕВ. Из их принадлежности к ЕВ следует, что такие предикаты как «проводит электричество» будут (по терминологии Нельсона Гудмена) экстраполируемыми предикатами (projectable predicates) по отношению к членам данного ЕВ, то есть характеристики одних представителей ЕВ можно с полным основанием переносить и на других. Этому можно противопоставить поведение объектов, сгруппированных по случайным и произвольным основаниям. Например, возьмем все объекты, находящиеся на моем столе. Если мы рассмотрим некоторые из них (карандаш и кружку) и обнаружим, что они красные, то мы не сможем сделать никакого вывода о цвете других объектов, расположенных на столе. Невозможность вывода проистекает из того факта, что объекты не имеют других общих характеристик, помимо той, с помощью которой они и были выделены. На это различие между ЕВ и произвольными группировками объектов указывал еще Джон Стюарт Милль в своей «Системе логики»: «В некоторых классах мало или вовсе нет характеристических черт, кроме тех, которые соозначаются самим названием класса: белые вещи, например, не имеют никаких общих свойств, кроме белизны; а если даже такие свойства и существуют, то они непременно так или иначе зависят от белизны или связаны с ней. Напротив, всех общих свойств животных или растений, серы или фосфора не могла исчерпать даже и целая сотня поколений; и мы вовсе не предполагаем этих свойств исчерпанными, а приступаем к новым наблюдениям и опытам — в полной уверенности, что откроем новые свойства, никоим образом не заключающиеся в свойствах, известных ранее. Между тем, если бы кто-нибудь предложил исследовать общие свойства всех вещей, имеющих один и тот же цвет, одну

и ту же форму или один и тот же удельный вес, то нелепость подобного предложения была бы очевидна»[101].

Второй отличительной чертой ЕВ является их присутствие в законах природы. Несмотря на то, что такие таксономические единицы, как стол или стул, могут отражать некоторое реальное сходство объектов причисляемым к ним, практически невероятно, что столы или стулья появятся в формулировках каких-либо законов природы. В противоположность этому, такие естественные виды, как медь или изумруд, фигурируют в утверждениях с универсальным квантором «Все медные объекты проводят электричество» или «Все изумруды зеленые», которые выражают законы природы (хотя и более специфические, чем те, которые обычно используются в научных теориях).

Третья особенность ЕВ – их значительная роль в объяснении и особенно в каузальном объяснении. Реалисты по отношению к ЕВ часто указывают, что непосредственная взаимосвязь нашей классификации объектов на ЕВ и каузальных зависимостей в реальном мире помогает объяснить успешные результаты, к которым приводит наша объяснительная и предсказательная активность. Именно конвергенция между нашей категоризацией мира и его каузальной структурой делает возможным тот вклад, который ЕВ вносят в индукцию и формулирование законов природы. По словам сторонника существования ЕВ Хилари Корнблиза (Hilary Kornblith): «Индуктивные выводы могут работать, если исключить божественное вмешательство, только если в природе есть нечто связывающее вместе свойства, которые мы используем для идентификации видов. Наши индуктивные умозаключения в науке сработали удивительно хорошо и, более того, мы преуспели в идентификации способов, которыми наблюдаемые свойства, которые привлекают наше внимание к видам, связаны вместе в природе. В свете этих успехов, мы едва-ли можем продолжать сомневаться в существовании тех самых видов, которые служат для объяснения того, как такие успехи были вообще возможны»[102]. По мнению Корнблиза, без ЕВ мы просто не сможем объяснить успех нашего познания природы, успех индукции и каузального объяснения. Однако конвенционалисты (отрицающие независимые от человеческой практики ЕВ) с ним не согласятся. Для них мир характеризуется скорее в терминах различных степеней сходства и различия (а

---

[101] Милль Дж. С. Система логики силлогистической и индуктивной. М., Леланд, 2011 с. 138

[102] Kornblith H. Inductive Inference and Its Natural Ground: An Essay in Naturalistic Epistemology. Cambridge, Ma., MIT Press, 1993 p. 42

не четких границ между ЕВ), на основании которых мы и можем разделить объекты на виды. По их мнению, эти виды основываются на так называемых номинальных (в противоположность реальным) сущностях, зависящих от наших концептуальных схем, одни из которых могут быть успешнее чем другие, хотя никакая из схем не будет единственным и истинным отражением реальности. Но для конвенционалистов будет непросто объяснить, почему одни из концептуальных схем успешнее, чем другие – *медные* объекты проявляют гораздо больше единства, чем объекты, *находящиеся на моем столе*.

Прежде чем переходить к соотношению эссенциализма и ЕВ, необходимо сказать несколько слов о семантике терминов, обозначающих ЕВ (natural kind terms), ТЕВ, поскольку именно семантические соображения часто использовались в аргументах сторонников эссенциализма. Традиционная семантика ТЕВ восходит к трудам Джона Стюарта Милля и является дескриптивистской. В соответствии с теорией Милля, имена собственные (например, «Пушкин») обозначают (denote) свои референты (поэта Александра Сергеевича Пушкина), но лишены коннотации, то есть не подразумевают у своего референта какого-либо определенного свойства. В противоположность им, нарицательные имена (например, «зеленый») обозначают тот класс объектов, к которому они приложимы (все зеленые вещи), но также имеют коннотацию – ту характеристику, которую разделяют все обозначаемые ими объекты (зеленый цвет). ТЕВ в соответствии с этой теорией относится ко второй категории имен. Теория Милля предполагает, что с каждым ТЕВ ассоциируется определенное описание (description), то есть определенное множество свойств, а для объекта быть членом естественного вида – значит обладать этими свойствами. Подобные описания составляют значение соответствующих ТЕВ и, если человек понимает термин адекватно, то он знает a priori, что описываемые термином объекты должны обладать свойствами, входящими в описание. Из этого, в частности, следует, что данные свойства должны быть эмпирически наблюдаемыми, их наличие у объекта не должно открываться в результате научного исследования.

Хилари Патнем и Сол Крипке (чья теория со временем стала практически стандартной) предложили альтернативную, недескриптивистскую семантику ТЕВ. Ее основной идеей было уподобление ТЕВ именам собственным (как их представляла семантика Милля), обладающим денотатом, но лишенным коннотата. В соответствии с семантикой Патнема-Крипке, ТЕВ обладают четырьмя основными характеристиками: 1. Они являются жесткими десигнаторами, то есть

они ссылаются (refer) на тот же самый объект/объекты во всех возможных мирах, в которых они вообще на что-либо ссылаются 2. Они не являются дескриптивными, то есть ТЕВ не синонимичны с дескрипцией, которую могли бы с ними ассоциировать компетентные носители языка 3. Они привязываются к определенному множеству объектов (своему денотату) через «первое крещение», то есть акт называния, при котором указывается объект/объекты, которые отныне будут называться данным ТЕВ 4. Утверждения тождества, включающие жесткие десигнаторы (вода – это H_2O), являются необходимо истинными (если они вообще истинны), но их истинность познается апостериорно. Таким образом, в семантике Патнэма-Крипке ТЕВ, например, вода прямо обозначает естественный вид, членство в котором определяется наличием общей природы или сущности (в нашем примере – молекулы, состоящей из двух атомов водорода и одного атома кислорода), которая может быть неизвестна компетентным носителям языка и может быть открыта в ходе научного исследования.

Патнэм и Крипке выдвинули целый ряд аргументов в пользу своей позиции. Их можно разделить на модальные, эпистемологические и семантические. Мы рассмотрим один конкретный аргумент, где используются все эти соображения. Предположим, что традиционная (до появления работ Патнэма и Крипке) дескриптивистская семантика ТЕВ верна. В этом случае такой термин, как «тигр», будет синонимичен с некоторым описанием, примерно таким: «четырехлапое, хищное, полосатое животное, напоминающее большую кошку». Предложение, соединяющее термин с описанием («Тигр – это четырехлапое, хищное, полосатое животное, напоминающее большую кошку»), получится аналитическим, необходимо истинным и познаваемым a priori. Более того, принадлежность конкретных животных к тиграм будет зависеть от наличия у них упомянутых в предложении характеристик. С помощью модальной, эпистемологической и семантической аргументации можно показать неприемлемость подобного результата. Для того, чтобы быть тигром недостаточно и не необходимо обладать всеми упомянутыми свойствами. Некий объект может быть четырехлапым, хищным, полосатым и так далее, но оказаться не тигром, а организмом, искусственно созданным в биологической лаборатории и лишь внешне напоминающим тигра. Также может оказаться, что тигры не обладают одним из свойств, например, лишены полосок и люди ошибочно считали их полосатыми (вследствие массовых галлюцинаций). Такое поведение ТЕВ контрастирует с

другими терминами, обозначающими принадлежность в виду, который не является естественным: если некий объект готовит кофе, то этого достаточно, чтобы назвать его кофеваркой и невозможна ситуация, в которой окажется, что все кофеварки на самом деле никогда не могли готовить кофе (это будет значить лишь то, что эти объекты никогда и не были кофеварками). В результате мы можем утверждать, что предложение, соединяющее ТЕВ с описанием, не будет необходимо истинным, аналитическим и познаваемым a priori. Патнэм и Крипке противопоставили дескриптивизму свою теорию прямой референции, в которой ТЕВ привязываются к объектам путем прямого указания на соответствующие образцы в нашем актуальном мире: вода – это то вещество, которое наполняет наши реки и озера. В такой ситуации многие конкретные свойства воды могут быть неизвестны даже компетентным носителям языка и быть открыты в ходе научного исследования.

Как и любая философская позиция, теория Патнэма-Крике столкнулась с рядом возражений. Например, Эдди Земач[103] (Eddy Zemach) заметил, что большая часть того вещества вокруг нас, которое мы называем «вода», содержит множество примесей (например, растворенных солей и других веществ) и не является чистым H_2O, причем в разных случаях состав воды разный, и мы едва ли сможем найти два одинаковых образца воды. Получается, что денотат термина «вода» может включать не только H_2O, но и многие другие вещества. Если же говорить о таких химических терминах, как «водород» или «кислород», то здесь дело осложняется существованием нескольких изотопов каждого элемента. Денотат этих терминов также выходит неоднородным. По мнению сторонников теории, данное возражение ее не опровергает. Оно лишь показывает, что людям далеко не сразу удается выявить подлинные границы естественных видов в окружающем нас мире: пользуясь каким-либо ТЕВ, мы естественно пытаемся указать на один конкретный вид, но наш мир таков, что нам редко удается полностью избежать неопределенности и необходимости подвергать пересмотру наши концептуальные схемы. Подобное несовершенство является неизбежным и не подрывает основные положения семантики Патнэма-Крипке. Поэтому, несмотря на это и другие возражения, данная теория приобрела огромную популярность и является ведущей теорией в своей области.

---

[103] Zemach E. Putnam's Theory on the Reference of Substance Terms // The Journal of Philosophy. 1976 №73(5) pp. 116-127

Кратко рассмотрев семантику ЕВ, мы можем теперь перейти к теориям, пытающимся их объяснить. Можно выделить три основные теории: эссенциализм, кластерная теория (cluster kinds) и смешанный реализм (promiscuous realism). Рассмотрим каждую из них более подробно.

Прежде всего, нам необходимо отличить эссенциализм как теорию о естественных видах (обозначим ее ЭЕВ) от эссенциализма, как теории, утверждающей наличие сущностей у отдельных объектов (ее мы рассматривали в начале главы и обозначали как Э). Э тоже может рассматривать ЕВ, но сосредотачивает свое внимание не на самих видах, а на отдельных объектах, к ним принадлежащих. Э относительно ЕВ утверждает, что если объект принадлежит к ЕВ, то он обладает сущностным свойством принадлежности к данному виду. В отличие от этого ЭЕВ говорит о самих видах и утверждает наличие сущностных свойств у них, а не у принадлежащих к ним объектов. Два данных тезиса независимы друг от друга и можно придерживаться одного из них, не придерживаясь другого. Чтобы проиллюстрировать их независимость рассмотрим пример. Возьмем конкретный объект – ядро нептуния-239. У него есть свойство *быть нептунием*, то есть принадлежать к ЕВ нептунию. Однако нептуний-239 радиоактивен, и он может пережить бета распад, при котором один из нейтронов излучает электрон и превращается в протон. В результате ядро перестает быть нептунием и становится плутонием. Вполне возможно утверждать, что ядро осталось тем же самым, нумерически тождественным объектом после такого изменения, а значит свойство *быть нептунием* не является для него сущностным и Э в отношении ЕВ ложен. Тем не менее это отрицание совместимо с признанием того, что нептуний как естественный вид, то есть все объекты, принадлежащие к нептунию (но лишь в период своей принадлежности к этому виду), необходимо обладают определенными свойствами (например, для нептуния таким свойством может быть *обладать 93 протонами*), а значит у ЕВ есть сущности и ЭЕВ истинен. Можно сделать вывод, что ЭЕВ и Э относительно естественных видов являются независимыми друг от друга тезисами.

Прояснив взаимоотношение между ЭЕВ и Э, мы теперь сосредоточимся на трех упомянутых выше теориях, начав с эссенциализма (ЭЕВ). Согласно данной теории, ЕВ представляют собой совокупности объектов, разделяющих общую сущность, то есть некий набор внутренних (intrinsic) свойств или внутреннюю структуру, которые присущи всем членам данного вида и только им. Следует пояснить,

что внутреннее свойство – это такое свойство, которое присуще данному объекту независимо от всех других объектов. Сущность, в свою очередь, является причиной и объяснением всех других (в том числе и эмпирически наблюдаемых) свойств, общих для представителей вида. ЭЕВ особенно хорошо применим к таким ЕВ, как химические элементы. Внутренние свойства химических элементов (структура и состав атомов или атомных ядер) вызывают и объясняют наблюдаемые нами их характерные особенности. Возьмем, например, кислород. Состав его атома и особенно ядра предопределяет все его остальные физические и химические свойства (температуру плавления и кипения, наличие/отсутствие цвета и запаха, химические реакции, в которые он может вступать, характер протекания этих реакций и так далее). Для сторонников эссенциализма химические элементы являются прекрасной иллюстрацией того факта, что объекты окружающего мира разделены на ЕВ. В процессе исследования окружающего мира люди открывают различные объекты с многообразными свойствами, но дальнейшее исследование показывает, что они принадлежат к определенным базовым категориям (химическим элементам), четко отделенным друг от друга. Постепенно люди понимают, что это деление основывается на внутренних свойствах объектов и является стабильным и неизменным. Тот факт, что элементы делятся на ЕВ в результате наличия общих для каждого элемента сущностей, объясняет существование научных законов, управляющих поведением элементов и возможность индуктивных обобщений (inductive generalizations). Например, то, что данный элемент является кислородом, дает нам возможность предсказать характер протекания (выделение большого количества тепла и света) его реакций с другими веществами.

ЭЕВ предполагает наличие четких и ясных границ между различными видами. Если бы их не было, а переход между видами был постепенным, с множеством промежуточных ступеней, то границы, отделяющие один ЕВ от другого, стали бы неопределенными и (скорее всего) произвольными. Однако наличие сущностей должно дать нам четкое и объективное деление на виды (любой отдельно взятый объект либо имеет соответствующую сущность, либо нет). Именно поэтому сторонники ЭЕВ чаще всего обращаются к примерам из физики или химии, где границы между видами является наиболее четкими. Примером ЭЕВ в химии можно считать микроструктурализм (microstructuralism) – теорию, утверждающую, что деление всех химических веществ (а не только элементов) на виды основывается

исключительно на их микроструктуре.

Для многих философов ЭЕВ является слишком амбициозной теорией. Она действительно успешно описывает физические и химические объекты, но с биологическими объектами (живыми организмами) возникают большие трудности. Как утверждают противники ЭЕВ, для многих биологических видов не существует свойств, разделяемых абсолютно всеми представителями вида и только ими. Даже если бы такие свойства существовали, механизмы, отвечающие за эволюцию (мутации, генетический дрейф и так далее), легко могут привести к их потере. Эти факты, по мнению Марка Эрешефски (Marc Ereshefsky), свидетельствуют о смерти эссенциализма[104].

Рассмотренные нами трудности побудили многих философов обратиться к более умеренной теории – кластерной (КЕВ). В соответствии с данной теорией объекты, для того чтобы принадлежать к одному и тому же ЕВ, не должны обязательно обладать неким множеством свойств (сущностью), которые необходимы и достаточны для членства в ЕВ, а могут обладать лишь определенным подмножеством из этих свойств, причем каким именно варьируется от объекта к объекту. То есть ни одно отдельное свойство не может быть обязательным для принадлежности к ЕВ (что и отличает данную теорию от ЭЕВ, где входящие в сущность свойства обязательны). Основная идея КЕВ в том, что свойства объектов в окружающем нас мире не распределены между объектами случайно и хаотично, а имеют тенденцию образовывать кластеры, то есть группы, которые, как правило, встречаются вместе и связаны друг с другом. Деление на ЕВ отражает данные кластеры.

По мнению сторонников КЕВ, эта теория наилучшим образом подходит для описания биологических видов. Как мы заметили выше, ЭЕВ была слишком требовательной и строгой теорией для описания видов в биологии, где любое общее свойство может перестать быть общим для вида в процессе эволюции. Это привело к тому, что некоторые философы и биологи предложили считать биологические виды не видами (kinds), а индивидами (individuals), то есть объектами, занимающими определенное положение в пространстве-времени и состоящими из каузально взаимодействующих частей (организмов, принадлежащих к виду). Для сторонников КЕВ, их теория дает возможность спасти традиционный взгляд на биологические виды. Одна

---

[104] Ereshefsky, Marc, "Species", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2017 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/fall2017/entries/species/

из наиболее известных кластерных теорий была предложена Ричардом Бойдом[105] (Richard Boyd). Его версия получила название теории гомеостатического кластера свойств (homeostatic property cluster) или ГКС. Теория ГКС рассматривает ЕВ как кластеры совместно встречающихся свойств, в основании которых лежит особый гомеостатический механизм, который каузально вызывает и поддерживает наличие у принадлежащих к виду объектов свойств, входящих в кластер. По мнению самого Бойда, его теория лучше всего описывает биологические объекты: организмы, являющиеся членами одного и того же вида, разделяют много (но не все) общих свойств, которые вызваны неким механизмом (например, сходным эмбриональным развитием, наличием общего предка, общей экологической нишей и так далее). Такой взгляд позволяет признать возможность того, что даже принадлежащие к одному виду организмы могут обладать разными свойствами, однако имеющиеся у них свойства объединены в кластеры из-за действия общего механизма (в результате чего эти свойства и имеют тенденцию встречаться вместе друг с другом). Основная проблема для ГКС – в постулируемом теорией гомеостатическом механизме. Поскольку биологические организмы одного и того же вида различаются по своим свойствам, то вполне возможно, что они будут обладать разными гомеостатическими механизмами, лежащими в основе этих свойств. Кроме того, главное достоинство ГКС и других кластерных теорий – их меньшая строгость по сравнению с эссенциализмом, может оказаться недостатком. Не вполне понятно скольких свойств, собранных в один кластер, достаточно для получения отдельного ЕВ. В результате наше деление окружающего мира на виды начинает выглядеть слишком произвольным. Впрочем, для многих философов такая произвольность не является чем-то нежелательным. Они, оставаясь реалистами в отношении ЕВ, готовы признать относительность нашего деления объектов на виды и возможность множества разных классификаций. Эти философы придерживаются той или иной разновидности смешанного реализма (СЕВ), который мы сейчас и рассмотрим.

В соответствии с СЕВ существует множество зависящих от наших целей и интересов способов классифицировать объекты на ЕВ. Это теория была создана Джоном Дюпрэ[106] (John Dupré), похожая

[105] Boyd R. How to Be a Moral Realist // Sayre-McCord G. (ed.) Essays on Moral Realism. Ithaca and London, Cornell University Press 1988 pp. 181-229

[106] Dupré J. The Disorder of Things: Metaphysical Foundations of the Disunity of Science. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1993

теория под названием плюралистический реализм (pluralistic realism) была предложена Филипом Китчером[107] (Philip Kitcher). По мнению Дюпре, в мире существует множество различных отношений одинаковости (sameness relations), с помощью которых можно отличать друг от друга разные ЕВ (то есть предлагать разные схемы классификации объектов на ЕВ), причем ни одно из отношений не является привилегированным. Один и тот же объект может быть сходен в чем-то одном с некоторой группой объектов (видом), и сходен в чем-то другом с другой группой. Обе эти классификации в равной мере естественны и основаны на самой реальности, а к какому именно виду мы отнесем объект в данный момент зависит от наших интересов. Теория СЕВ является реализмом, так как отношения одинаковости, на основе которых выделяются ЕВ, являются объективными и не зависящими от наших интересов (от них зависит лишь то, какое из этих отношений будет нами использовано). В связи с этим из ЕВ исключаются группы объектов, соединенные совершенно произвольно, без опоры на какое-либо реальное отношение.

СЕВ избегает многих возражений, выдвинутых против кластерной теории. Как мы писали выше, в теории КЕВ было трудно понять, скольких свойств, собранных в один кластер, достаточно для получения отдельного ЕВ. В противоположность этому, для СЕВ достаточно лишь одного свойства (главное, чтобы оно было объективным и реальным) общего группе объектов, чтобы признать эту группу ЕВ. Все такие ЕВ естественны в минимальном смысле этого слова, но не все из них равны, так как одни более полезны и пригодны для нас, чем другие.

Одна их характерных особенностей СЕВ заключается в том, что она не отдает предпочтения научной классификации объектов перед фолк-классификациями (folk classifications), которые мы используем в повседневной жизни. Дюпре приводит несколько таких примеров, где научные и фолк классификации не совпадают. Например, и в биологии, и в повседневной жизни мы различаем бабочек и молей, но эти классификации отличаются друг от друга. Подобные примеры можно встретить в ботанике, зоологии, минералогии и так далее. По мнению Дюпре, такое несовпадение не означает, что мы должны отказаться от нашего повседневного деления объектов и перейти на научное. СЕВ позволяет сохранить обе системы классификации, так как они опираются на реальное сходство, но обращают внимание на

[107] Kitcher P. Species // Philosophy of Science. 1984. №51 pp. 308-333

разные свойства и могут использоваться для разных целей (например, научная классификация может оказаться слишком подробной и неудобной для повседневной жизни).

По мнению критиков СЕВ, такая либеральность является недостатком теории и противоречит некоторым нашим интуициям. Согласно СЕВ, одного общего свойства достаточно для образования ЕВ, но наше интуитивное понятие о ЕВ представляет их как привилегированные группы, открываемые с помощью научных исследований и превосходящие наши фолк-классификации.

Список литературы

1. Bird, Alexander and Emma Tobin, "Natural Kinds", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2018 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/spr2018/entries/natural-kinds/.
2. Ellis B. Scientific Essentialism, Cambridge Studies in Philosophy. Cambridge, Cambridge University Press, 2001.
3. Fine K. Essence and Modality: The Second Philosophical Perspectives Lecture // Philosophical Perspectives. 1994. №8. pp. 1–16.
4. Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge MA, Harvard University Press, 1980.
5. Mackie P. How Things Might Have Been: Individuals, Kinds, and Essential Properties. Oxford, Oxford University Press, 2006.
6. Magnus P. D. Scientific Enquiry and Natural Kinds: From Planets to Mallards. London, Palgrave Macmillan, 2012.
7. Oderberg D. Real Essentialism. New York and London, Routledge, 2007.
8. Robertson Ishii, Teresa and Philip Atkins, "Essential vs. Accidental Properties", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2020 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/win2020/entries/essential-accidental/.
9. Sidelle A. Necessity, Essence, and Individuation. Ithaca, Cornell University Press, 1989.

Глава 8. Базирование и фундаментальность

В последние годы понятие основания или базирования (grounding) и связанные с ним понятия выдвинулись на передний план и стали центральными во многих работах, посвященных метафизике (а также философии сознания, философии науки, метаэтике и другим философским дисциплинам). Отношение базирования связывается разными философами с такими понятиями, как следование (entailment), супервентность, создание истинности, экзистенциальная зависимость (existential dependence), сущностная зависимость (essential dependence), метафизическое объяснение (metaphysical explanation), тождество (identity), редукция и другими. Ведутся жаркие споры о том, как все эти понятия связаны друг с другом и с базированием, есть ли между ними что-то общее, или же это просто набор разрозненных понятий. Кроме этого, базирование связывается с понятием фундаментальности, когда нечто является фундаментальным, если ни на чем не базируется. Два этих понятия и станут темой данной главы.

Понятия базирования и фундаментальности для некоторых философов стали центральными понятиями всей метафизики. Один из них, Джонатан Шаффер (Jonathan Schaffer), пишет в своей статье «Что на чем базируется» («On What Grounds What») следующее: «Согласно доминирующему сейчас куайновскому взгляду, метафизика [область исследований] того, что существует [about what there is]. Осмысленная таким образом метафизика заинтересована такими вопросами, как существуют ли свойства, существуют ли значения [meanings] и существуют ли числа. Я буду выступать в пользу возрождения более традиционного аристотелевского взгляда, согласно которому метафизика [область исследования] того, что на чем базируется [about what grounds what]. Возрожденная таким образом метафизика не утруждает себя вопросами о том, существуют ли свойства, значения и числа. Конечно же да! Вопрос в том, являются ли они фундаментальными или нет»[108].

Значительное число философов, пишущих о базировании, считает это понятие примитивным и не поддающимся дальнейшему анализу или определению. Понять, что из себя представляет базирование, можно лучше всего через рассмотрение конкретных примеров. Подробный список случаев базирования приводят Фабрис Коррея (Fabrice Correia) и Бенжамин Шнайдер (Benjamin Schnieder). По их мнению, множество утверждений о приоритете одних явлений перед другими, выдвигаемых в философской литературе, следует рассматривать как утверждения о базировании. К таким утверждениям относятся следующие[109]:

1. Ментальные факты имеют место благодаря нейрофизиологическим фактам.
2. Юридические факты базируются на неюридических, то есть социальных фактах.
3. Нормативные факты базируются на естественных фактах.
4. Значение обусловлено несемантическими фактами.
5. Диспозиционные свойства присущи благодаря категориическим свойствам.

---

[108] Schaffer J. On What Grounds What // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds.) Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 347

[109] Correia F., Schnieder B. Grounding: an opinionated introduction // Correia F., Schnieder B. (eds.) Metaphysical Grounding: Understanding the Structure of Reality. Cambridge, Cambridge University Press, 2012 p. 1

6. Существование целого объясняется существованием и порядком расположения частей.

7. Множество (set) объектов менее фундаментально, чем его элементы.

8. Нечто является более красивым, чем что-то другое благодаря определенным фактам относительно их восприятия наблюдателями.

9. Партикулярия первична по отношению к ее тропам (см. главу 3) и модусам.

10. То, *что снег бел* истинно благодаря тому, что снег бел.

Во всех приведенных случаях одна группа фактов в некотором смысле первична, более фундаментальна, чем другая, которая не является самостоятельной, а зависит от первой. Поэтому многие философы связывают понятие базирования с понятием метафизической зависимости (metaphysical dependence). Тогда мы получим следующий тезис:

(БМЗ) ϕ метафизически зависит от ϕ_0, ϕ_1, ϕ_2 …, если и только если ϕ_0, ϕ_1, ϕ_2 … совместно являются базой для ϕ.

Эта взаимосвязь между базированием и зависимостью явно присутствует в 10 пункте списка. По сути, оно представляет собой утверждение о базировании истинности пропозиции на реальном факте нашего мира, то есть факторе истинности, которые были нами рассмотрены в главе 1**.** В этом примере хорошо видна зависимость оной стороны отношения базирования от другой: истинность пропозиции, *что снег бел* вытекает из того факта, что в нашем мире снег действительно является белым.

На данный момент еще нет единого устоявшегося обозначения для базирования, хотя разными авторами применяются такие знаки, как $\to_g$, $\triangleright$ или $<$. По мнению Кита Файна, наиболее подходящим обозначением будет сентенциальный оператор $<$. Он связывает предложения (одно или несколько), выражающие базовые факты с предложением (всегда одно), выражающим факт, который базируется. Например:

(Ш) Шар является красным. Шар является круглым $<$ Шар является круглым и красным.

Таким образом, мы видим, что базирование может быть отношением зависимости между фактами или пропозициями. Но в чем заключается особенность этого отношения? Хотя базирование и является примитивным понятием, мы все-таки можем дать ему определенную характеристику (не все философы согласны относительно этих свойств).

Во-первых, оно является ассиметричным, то есть зависимость при базировании является односторонней: если x базируется на y, то y не базируется на x. То, *что снег бел* зависит от белизны снега, но обратная зависимость невозможна: факт белизны снега никоим образом не основан на истинности соответствующей пропозиции.

Во-вторых, базирование является иррефлексивным, то есть ничто не может базироваться на самом себе. Если факт является фундаментальным, то нельзя сказать, что он базируется на самом себе, скорее, он вообще ни на чем не базируется.

В-третьих, базирование рассматривается большинством философов как транзитивное отношение: если x базируется на y, а y базируется на z, то x базируется на z. Из транзитивности и иррефлексивности вытекает то, что базирование является отношением строгого частичного порядка (strict partial ordering).

В-четвертых, базирование считается немонотонным отношением: если x базируется на y, то из этого (самого по себе) не следует, что x будет базироваться на y вместе с z. Эта особенность базирования видна лучше всего из примера с определимыми и определенными (determinable-determinate) свойствами. В соответствии с установившейся терминологией более общие свойства объектов являются определимыми по отношению к их более конкретным разновидностям, то есть определенным свойствам. Цвет является определимым по отношению к красному, зеленому, синему и другим цветам. Масса по отношению к 1 кг, 2 кг, 10 г или 45 т. Причем обладание одним из определенных свойств с необходимостью влечет обладание соответствующим определимым – все красные объекты являются цветными. Отношения определимых и определенных свойств рассматривается многими как разновидность базирования. Здесь и проявляется с наибольшей очевидностью его немонотонность. Рассмотрим малиновый (малиновый цвет мы будем считать оттенком красного) шар. Этот шар обладает (среди прочих) двумя свойствами – он малиновый и шарообразный. Кроме этого, шар будет красным. В случае нашего шара, его краснота базируется на малиновости. Но нельзя сказать, что она базируется на малиновости и шарообразности. Очевидно, что

форма не имеет никакого отношения к окраске шара.

В-пятых, базирование является фактивным (factive) отношением, то есть оно требует реального существования связываемых им объектов. Реальный факт не может базироваться на чем-то несуществующем, например, на всего лишь возможном факте. Обе стороны должны существовать.

В-шестых, базирование рассматривается как объяснительное отношение. Однако под объяснением здесь имеется ввиду не то объяснение, которое дают, например, научные теории, а чисто метафизическое объяснение. Наука дает эпистемическое объяснение, которое должно прояснять и способствовать пониманию нами объясняемого феномена. Такое объяснение связывает объясняемый объект, являющийся частью реального мира, и созданную нами теорию, которая его объясняет. При метафизическом же объяснении и то, что объясняется и то, что объясняет, являются чем-то существующим в самом мире, некими объектами, фактами или истинными пропозициями: ментальные факты базируются на нейрофизиологических и в силу этого метафизически объясняются ими. Об этой связи базирования и объяснения Кит Файн (Kit Fine) пишет следующее: «Мы полагаем, что базирование является объяснительным отношением: если истинность P базируется на других истинах, то они объясняют [account for] его истинность; P имеет место быть в силу того, что имеют место другие истины. Существует, конечно же, много других объяснительных отношений между истинами. Но отношение базирования отличается от них тем, что является наиболее тесным из таких отношений»[110].

В-седьмых, базирование не является каузальным отношением. Между двумя фактами, один из которых базируется на другом, отношение гораздо более тесное, чем между причиной и следствием. Базирование признается большинством философов метафизически необходимым отношением: если два факта связаны им в нашем мире, то они также связаны и во всех возможных мирах. При каузальной связи этого нет: в других возможных мирах, с другими (или вообще отсутствующими) законами природы, причинно-следственные связи нашего мира вполне могут отсутствовать.

Мы рассмотрели основные характеристики отношения базирования, однако это не дает нам ответа на вопрос – существует ли отношение с такими характеристиками? Какие у нас основания считать базирование реальным? Сторонники этого отношения приводят

[110] Fine K. The question of realism // Philosopher's Imprint. 2001. №1. p. 15

примеры из повседневной жизни, стремясь показать тем самым его интуитивную приемлемость. Например, спортивный комментатор говорит: «Усэйн Болт первым пересекает финишную черту и выигрывает стометровый забег». В данном случае выигрыш забега базируется на пересечении финиша первым. Было бы странным сказать, что пересечение линии стало причиной победы: причинами в данном случае были способности Усэйна Болта, его тренировки, способности его соперников и так далее. Пересечение первым финишной черты (если не было нарушений правил, забег прошел честно и так далее) в соответствии с правилами легкой атлетики и составляет победу. Бегун побеждает благодаря, из-за того, что раньше других пересекает финиш. Победа (один факт) объясняется пересечением финиша (другой факт). Для характеристики этой ситуации нам и необходимо особое отношение – базирование.

Джонатан Шаффер приводит еще несколько подобных примеров[111]. Форма (топологическая форма) куска швейцарского сыра является базой для существования, взаимного положения и количества дырок в этом сыре. Между этими фактами явно существует отношение ассиметричной зависимости. Кусок сыра может существовать и без дырок, но дырки не могут существовать без него. Даже рассматривая дырявый сыр в целом, нетрудно понять, что именно наличие/отсутствие сыра определяет число и место дырок в данном куске. Другой очевидный пример базирования – сложные, комплексные свойства. *Быть сделанным из дерева или алюминия* предполагает существование более простых свойств: *быть сделанным из дерева* и *быть сделанным из алюминия*. Случаем базирования будет зависимость синглетона (множества, состоящего из одного элемента) и его единственного элемента. Множество {2} существует благодаря существованию числа 2, но, очевидно, что обратная зависимость отсутствует.

Джегвон Ким (Jaegwon Kim) также приводит примеры, которые можно считать явными случаями базирования, то есть зависимости без наличия каузальной связи. Один из таких случаев – мереологическая зависимость (mereological dependence). Свойства и само существование сложного целого зависит от существования, свойств и сочетания его частей. Например, стол существует и имеет массу, размеры и другие свойства благодаря тем молекулам и атомам, из

---

[111] см. Schaffer J. On What Grounds What // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds.) Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 375

которых он состоит. Здесь явно прослеживается ассиметричная зависимость, но без каузальной связи – было бы странным сказать, что молекулы и атомы являются причиной стола[112].

По мнению сторонников базирования, это отношение имеет давнюю историю в западной философской традиции и обсуждалось многими известными философами (которые не всегда использовали сам термин «базирование» и не всегда выделяли его в качестве особого отношения). Например, знаменитую дилемму Евтифрона часто связывают с базированием. В диалоге Платона «Евтифрон» Сократ и заглавный герой выясняют сущность благочестия и в ходе беседы приходят к такому вопросу – благочестивое любимо богами потому, что оно благочестиво, или оно благочестиво потому, что его любят боги? Участники диалога согласны, что свойства *быть благочестивым* и *быть любимым богами* экстенсивно эквивалентны: каждое благочестивое действие любимо богами и все любимые богами действия благочестивы. Однако эта эквивалентность не говорит нам какое из двух свойств первично, более фундаментально. Зависит ли благочестивость от любви богов или наоборот? Вопрос не будет решен, даже если свойства окажутся интенсивно эквивалентными, то есть совпадающими с необходимостью во всех возможных мирах. Как кажется, этот вопрос является вопросом о базировании: базируется ли благочестие на любви богов или наоборот?

Помимо бытовых и самоочевидных примеров, а также обращения к истории философии, сторонники базирования защищают это отношение, показывая его плодотворность и возможность определять другие важные философские понятия с его помощью. Джонатан Шаффер приводит несколько таких определений[113]:

Фундаментальность: x является фундаментальным = x не базируется на чем-либо.

Производность: x является производным (derivative) = x базируется на чем-либо.

Интегрированное целое: x является интегрированным целым

---

[112] см. Kim J. Explanatory Knowledge and Metaphysical Dependence // Philosophical Issues. 1994. №5. p. 67

[113] см. Schaffer J. On What Grounds What // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds.) Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 373

(integrated whole) = x является базой для каждой из своих собственных частей (примером такого интегрированного целого может быть окружность в ее отношении к полуокружностям и организм в отношении своих органов).

Простая совокупность: x является простой совокупностью (mere aggregate) = каждая из собственных частей x является базой для x.

Взаимозависимость (Interdependence): x и y являются взаимозависимыми = существует интегрированное целое, собственными частями которого являются x и y.

Поскольку категории фундаментальности и производности являются исчерпывающими и исключающими одна другую, то все в мире является либо фундаментальным, либо производным, а значит мы можем сказать следующее о существовании вообще (по замечанию Шаффера, это не определение существования, которое представляет собой слишком базовое понятие, чтобы быть определимым, а лишь информативная эквивалентность):

Существование: x существует, если и только если x является фундаментальным или x является производным.

Кроме общих соображений в пользу базирования, сторонники этого отношения приводят и более конкретные, формально построенные аргументы. Один из них был предложен Полом Ауди (Paul Audi). Аргумент опирается на упомянутую нами выше разницу между базированием и каузальной связью между фактами. Ауди начинает изложение аргумента в своей статье[114] с понятия объяснения. Объяснение должно отвечать на вопрос почему (why-question). Почему a является F? Один из возможных ответов на подобный вопрос – указать на то, что именно делает a F, то есть что определяет или детерминирует (determines) этот факт. Объяснение, опирающееся на отношение детерминации, говорит нам нечто важное о самом мире и является незаменимым в метафизике, этике и эмпирических науках. Однако ключевой момент здесь – то, что не все подобные объяснения являются

---

[114] см. Audi P. R. Grounding: Toward a Theory of the In-Virtue-Of Relation // Journal of Philosophy. 2012. №109 (12). pp. 685-71

каузальными, то есть объясняющими нечто через указание на его причину. Ауди приводит пример из этики. Мы можем спросить: почему данное действие было обязательным (obligatory)? Один из правильных ответов может быть: потому, что человек обещал выполнить это действие. Но обещание сделать действие φ не является причиной обязательности φ. Кажется весьма вероятным, что *быть обещанным* и *быть обязательным* являются свойствами одного и того же действия, а значит не могут быть связаны как причина и следствие. Другой пример – сферичность шара, которая объясняет его способность катиться. Свойство *быть сферичным* не является причиной свойства *обладать способностью катиться*. Для описания отношения между этими свойствами необходимо понятие базирования. Более строго аргумент Ауди можно представить следующим образом:

1. Если один факт объясняет другой, то он играет роль в его детерминации.
2. Существуют объяснения, в которых объясняющие факты не играют никакой каузальной роли в объясняемых фактах.
3. Следовательно существует некаузальное отношение детерминации.

Это отношение Ауди предлагает считать базированием. Однако он не ограничивается этим обобщенным аргументом. По его мнению, мы вполне способны эмпирически обосновывать конкретные утверждения о базировании. Например, возможно доказать, что свойство *быть электроном* является базой свойства *обладать отрицательным зарядом*. Обоснование будет выглядеть так:

1. Мы вступаем в контакт с электронами (например, наблюдая оставленные ими следы в камере Вильсона) таким образом, который позволяет нам ссылаться (to refer) на свойство *быть электроном*, то есть на внутреннюю сущность (intrinsic nature) электронов.
2. Мы обнаруживаем предрасположенность, диспозицию, связанную с электронами – способность отталкивать определенные объекты и называем это свойство отрицательным (электрическим) зарядом.
3. Мы обнаруживаем, что эта диспозиция связана и с другими объектами, помимо электронов (например, с мюонами).
4. Из этого мы заключаем, что *быть электроном* не тождественно *обладать отрицательным зарядом*.

5. Мы находим основания полагать, что обладание объектом отрицательным зарядом объяснимо с помощью определенных фактов об этом объекте (причем это будут разные факты для электронов и мюонов).

6. Это объяснение не является каузальным.

7. Мы делаем вывод, что свойство *быть электроном* является базой свойства *обладать отрицательным зарядом*.

Приведенные нами доводы и аргументы убедили далеко не всех философов в необходимости признания базирования как особого и незаменимого отношения. Одно из наиболее часто выдвигаемых возражений состоит в указании на невразумительность и малопонятность базирования. По мнению Алекса Оливера (Alex Oliver), «мы знаем, что попали в царство темной метафизики, по присутствию туманных слов «благодаря чему-то»»[115]. С Оливером согласен Томас Хофвебер (Thomas Hofweber), который протестует против так называемой эзотерической метафизики, причисляя к ней и рассуждения о базировании. Хофвебер пишет: «Наиболее распространенный способ быть эзотерическим метафизиком на практике – это … опираться на понятие о метафизическом приоритете: некое понятие, которое утверждает, что определенные факты или объекты являются метафизически более базовыми, чем другие факты или объекты. Эти понятия метафизического приоритета обычно получают названия, знакомые из повседневного языка, но, как предполагается, имеющие отчетливо метафизическое значение. Примеры таких понятий: более фундаментальный, первичный, основной, являющийся базой для и т. д. Сторонники этих версий эзотерической метафизики обычно полагают, что у нас есть некое представление об этих метафизических понятиях. И они пытаются обосновать это, приводя примеры, где мы все интуитивно сказали бы, что А является более базовым, чем В… Они опираются на весьма обыденное понятие о приоритете и приводят пример, где А является более базовым, чем В в этом обыденном смысле, а затем утверждают, что это показывает наше владение [понятием] приоритета в метафизическом смысле»[116]. Из цитаты понятно, что Хофвебер критикует попытки сторонников базирования обосновать это метафизическое понятие с помощью привычных нам из повседневной

[115] Oliver A. The Metaphysics of Properties // Mind. 1996. №105. p. 48

[116] Hofweber T. Ambitious, Yet Modest, Metaphysics // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds.) Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 268

жизни представлений о приоритете, первичности одного явления перед другим. Выше мы приводили один из таких примеров – Усэйн Болт пересекает финишную черту и выигрывает забег. В таком и подобном ему случаях из жизни мы действительно интуитивно полагаем, что одно событие, явление или объект являются более базовыми, чем другие. Болт выиграл забег, потому что пересек финишную черту, а не наоборот. Однако, как утверждает Хофвебер, из этого не следует никаких выводов об особом, метафизическом отношении базирования, обладающим вполне определенными логическими свойствами – асимметричностью, иррефлекивностью, транзитивностью и так далее.

Еще один скептик, Крис Дэйли[117] (Chris Daly), критикует попытки сторонников базирования прояснить данное понятие. По мнению Дэйли, они делают это с помощью уточнения его логических свойств, нахождения связей базирования с другими философскими понятиями и с помощью описания конкретных случаев. Однако, как полагает Дэйли, эти попытки обосновать базирования не достигают своей цели. Во-первых, указанные логические свойства не могут с абсолютной точностью выделить именно базирование и отличить его от других, сходных отношений. Во-вторых, другие философские понятия, с которыми пытаются связать базирование (фундаментальность, метафизическая зависимость), сами не слишком понятны, так что ничего не могут прояснить. А если используемые для прояснения базирования понятия действительно более ясны и лучше проработаны философами (редукция, объяснение), то их связь с базированием является спорной. В-третьих, предполагаемые примеры базирования, поскольку являются примерами спорного и неясного отношения, сами обладают сомнительной ясностью и ничем помочь не могут.

Другой тип скептиков, к которым можно отнести Кэтрин Кослицки[118] (Kathrin Koslicki) и Джесику Уилсон[119] (Jessica Wilson), отрицает необходимость отдельного обобщенного отношения базирования, хотя и признает более конкретные отношения зависимости между фактами или объектами. То есть они отрицают объединяющую силу понятия базирования. По их мнению, приведенный в начале

---

[117] Daly C. Scepticism about grounding // Correia F., Schnieder B. (eds.) Metaphysical Grounding: Understanding the Structure of Reality. Cambridge, Cambridge University Press, 2012, pp. 81-100

[118] Koslicki K. The Coarse-Grainedness of Grounding // Bennett K., Zimmerman D. (eds.) Oxford Studies in Metaphysics 9. Oxford, Oxford University Press, 2015 pp. 306-345

[119] Wilson J. No Work for a Theory of Grounding // Inquiry. 2014 № 57(5-6) pp. 535-579

главы список подтверждает существование множества различных отношений, которые невозможно обобщить и свести каким-то образом к базированию. Все эти отношения вполне могут быть легитимными и полезными для объяснения разных феноменов, но в них нет никакого единства, они слишком разнородны и не поддаются объединению. Сторонники базирования могут возразить, что бросающаяся в глаза разнородность возникает из разнообразия объектов, связываемых базированием, а не из-за отсутствия у него единства. Кроме того, все эти разнообразные отношения сохраняют общие формальные свойства (асимметричность, иррефлексивность, транзитивность и так далее), что может свидетельствовать об их единстве. Противников базирования такой ответ вряд ли удовлетворит. Если мы попытаемся втиснуть все разнообразие отношений, приведенных в начале главы в качестве примеров базирования, в узкие формальные рамки одного-единственного отношения, то мы рискуем потерять из виду множество метафизически важных деталей. Эту мысль лучше всего пояснить на конкретном примере. Пусть у нас будет два факта p и q, один из которых (q) базируется на другом (p). По мнению противников базирования, одно это утверждение мало что прояснит в отношениях между p и q. Оно оставит без ответа целый ряд вопросов, которые может задать метафизик:

1. Является ли p тождественным q?
2. Являются ли p и q реальными или нет и в каком смысле?
3. Можно ли редуцировать q к p и если да, то в каком смысле?
4. Является ли взаимосвязь между p и q нормативно, номологически, метафизически или логически необходимой?
5. Можно ли сказать, что p или его компоненты функционально реализуют q или его компоненты?
6. Состоят ли p и q или их компоненты в отношениях определенного/определимого (determinate/determinable)?
7. Состоят ли p и q или их компоненты в отношениях части/целого?
8. Состоят ли p и q или их компоненты в теоретико-множественных отношениях?

В ответ на это возражение некоторые сторонники базирования (например, Кит Файн[120]) приняли так называемый умеренный плюрализм, то есть позицию, согласно которой действительно существует множество разных типов базирования, которые, однако, имеют общие формальные черты, что и делает их все случаями одного и того же отношения. В противоположность этому, такие скептики, как Кэтрин Кослицки и Джесика Уилсон, являются крайними плюралистами, то есть они отрицают какое бы то ни было единство разных типов базирования. Но они признают множество так называемых отношений базирования с маленькой буквы g (small-g grounding relations), которые выполняют все функции, приписываемые общему понятию базирования. К таким отношениям Джесика Уилсон относит[121] функциональную реализацию, мереологическое отношение части и целого (см. главу 14), отношение членства в математическом множестве, отношение между множеством и его собственным подмножеством (proper subset), отношение определимого и определенного свойств. По мнению Уилсон, когда философы прибегают к понятию базирования в конкретных случаях, им всегда приходится уточнять, какое именно из вышеперечисленных отношений они имеют в виду, то есть они должны ответить на все или некоторые из восьми приведенных выше вопросов. Но в таком случае базирование вообще становится излишним и от него следует отказаться. Сторонник единого понятия базирования Джонатан Шаффер в ответ на такие рассуждения возражает, что понятие базирования вообще необходимо, чтобы показать внутреннее единство всех этих разнообразных отношений. Без него Уилсон не может сказать, почему она перечисляет именно эти, а не другие отношения. Отвечая на аргументацию Уилсон Шаффер пишет: «без родового понятия мы неспособны перечислить виды. Например, теоретик, которая отказывается от общего понятия причинности, не будет иметь ясного способа перечислить ее собственные каузальные отношения с маленькой буквы с [“small-‘c’” causal relations]»[122].

Большинство сторонников базирования полагает, что существует несколько его разновидностей (то есть являются умеренными

---

[120] Fine K. Guide to ground // Correia F., Schnieder B. (eds.) Metaphysical Grounding: Understanding the Structure of Reality. Cambridge, Cambridge University Press, 2012, pp. 37-80

[121] см. Wilson J. M. No Work for a Theory of Grounding // Inquiry. 2014. №57(5-6) p. 540

[122] Schaffer J. Ground Rules: Lessons from Wilson // Aizawa K., Gillett C. Scientific Composition and Metaphysical Ground. London, Palgrave Macmillan UK, 2016 p. 155

плюралистами), которые мы сейчас и рассмотрим. Эти разновидности не нарушают единства понятия и не ведут к отказу от базирования вообще. Во-первых, базирование делится на полное (full) и частичное (partial). Полное базирование – это простое базирование, о котором до сих пор шла речь в данной главе и которое (по мнению большинства философов) является неопределимым базовым понятием. Частичное же базирование можно определить через полное. Кит Файн определяет[123] его так (базирование в определении Файна связывает предложения, выражающие факты). A является частичной базой для B, если A само по себе или вместе другими истинами Г является полной базой для B. То есть A, Г < B (где Г – множество истинных предложений, которое может быть пустым). Например, если предложения A и B являются полной базой конъюнкции A ∧ B, то любое из них (A или B) будет частичной базой A ∧ B. Каждое из этих двух предложений будет релевантно для базирования, но ни одно не будет достаточным само по себе.

Базирование также можно разделить на непосредственное (immediate) и опосредованное (mediate). Непосредственное базирование – то, в котором объекты связываются без всяких промежуточных ступеней. Например, конъюнкция A ∧ B непосредственно базируется на своих конъюнктах A и B. Опосредованное базирование может проходить через ряд промежуточных ступеней. В конечном счете оно может быть сведено к непосредственному, которое поэтому является первичным понятием. Сложное логическое выражение A ∧ (B ∧ C) опосредованно базируется на A, B и C. Непосредственно A ∧ (B ∧ C) базируется на A и B ∧ C, а B ∧ C, в свою очередь, непосредственно базируется на B и C. Эти две разновидности базирования часто применяются для формулировки физикалистской картины мира, в которой используется представление о нередуцируемых друг к другу уровнях нашего мира. Сторонники нередуктивного физикализма могут утверждать, что психическое непосредственно базируется на биологическом, биологическое – на химическом, а химическое – на физическом. В таком случае психологическое все-таки будет базироваться на физическом (что и нужно физикалистам), хотя и опосредованно.

Некоторые философы проводят различие между концептуальным и вне-концептуальным базированием. Концептуальное

---

[123] Fine K. Guide to ground // Correia F., Schnieder B. (eds.) Metaphysical Grounding: Understanding the Structure of Reality. Cambridge, Cambridge University Press, 2012, p. 50

связывает между собой пропозиции: одна из них истинна в силу истинности другой. Причем происходит это благодаря смысловым, концептуальным связям между пропозициями и/или элементами, из которых они состоят (концептами и другими концептуальными элементами). «Квадрат – это четырехугольник с равными сторонами и прямыми углами» > «Квадрат – это ромб с прямыми углами», «Ромб – это четырехугольник с равными сторонами» является примером концептуального базирования. Вне-концептуальное базирование связывает факты, объекты, свойства в самом мире. Например, красный цвет шара базируется на его малиновом оттенке красного.

Еще одно понятие, которое часто считают разновидностью базирования – онтологическая зависимость (ontological dependence). Впрочем, некоторые философы полагают, что базирование является одним из видов онтологической зависимости (ОЗ), а некоторые отождествляют эти два понятия (в таком случае наиболее логично будет отождествить онтологическую зависимость с вне-концептуальным базированием). Однако многие не согласны с этим и считают базирование и ОЗ родственными, но не тождественными понятиями. Например, базирование является иррефлексивным (ничто не базируется на самом себе), а определение ОЗ вполне позволяет объекту зависеть от самого себя. Также базирование более тесно связано с объяснением и приоритетом. Один из участников отношения базирования всегда является более фундаментальным, чем другой и может его объяснить. Онтологическая зависимость, в свою очередь, подразделяется на несколько видов, определения которых мы сейчас приведем (они взяты из книги Туомаса Тахко «Введение в метаметафизику»)[124].

Во-первых, можно выделить два вида экзистенциальной зависимости, при которой существование одного объекта с необходимостью следует из существования другого или нескольких других объектов.

Жесткая экзистенциальная зависимость (ЖЭЗ): a зависит по своему существованию от b $=_{df}$ необходимо, a существует, только если b существует.

ЖЭЗ связывает один отдельный объект (a) с другим отдельным объектом (b). Она именуется жесткой, так как a зависит от

[124] см. Tahko T. E. An introduction to metametaphysics. Cambridge, Cambridge University Press, 2015 p. 96-102

некоторого определенного b. Он не может зависеть от другого объекта, очень похожего на b, принадлежащего к тому же виду, что и b, но не тождественного ему. Примером ЖЭЗ может служит зависимость множеств от их элементов: с необходимостью множество {x, y, z} существует только в случае существования его элементов x, y и z. Причем важно существование именно этих элементов и никаких других. Если мы заменим x на очень похожий на него x_1, то мы получим другое множество.

Тем не менее ЖЭЗ не способно отразить все виды онтологической зависимости, которые нами интуитивно признаются. Например, существование многоклеточного организма явно зависит от существования его отдельных клеток: без клеток не было бы и организма. Но организм постоянно обновляется, то есть он может пережить замену одной (или нескольких) из клеток на другую, которая будет выполнять те же функции. Определение ЖЭЗ не разрешает подобные замены. Нам требуется другой вид ОЗ, не такой строгий как ЖЭЗ.

Общая (generic) экзистенциальная зависимость (ОЭЗ): a зависит по своему существованию от Fs $=_{df}$ необходимо, a существует, только если некоторые Fs существуют.

При ОЭЗ существование a зависит не от существования данного b, а от существования некоторых (неважно каких именно) объектов, обладающих определенной характеристикой. В случае многоклеточного организма, Fs – это отдельные клетки.

Более формально эти два вида ОЗ можно представить следующим образом (☐ – знак необходимости, E – одноместный предикат существования, → – знак материальной импликации):

(ЖЭЗ) $\Box (Ea \rightarrow Eb)$.

(ОЭЗ) $\Box (Ea \rightarrow \exists x Fx)$.

До недавнего времени большинство философов полагало, что ОЗ можно исчерпывающим образом охарактеризовать с помощью ЖЭЗ и ОЭЗ, то есть в модально-экзистенциальных терминах (как необходимое следование существования одного объекта из существования другого). Одной из причин этого было доминирование чисто модального представления о сущности (essence), как о наборе

необходимо присущих объекту свойств (о сущности см. главу 7). При таком подходе сущностная зависимость (о которой мы сейчас расскажем) могла быть сведена к той или иной разновидности экзистенциальной.

Ситуация изменилась с появлением нового (или возрождением интереса к старому) подхода к сущности. В работе «Сущность и модальность» Кит Файн предложил дефиниционную теорию сущности, в которой сущность объекта рассматривалась как совокупность свойств, отвечающих на вопрос «что есть данный объект?». Для сторонников такого понимания сущности ЖЭЗ и ОЭЗ не могли дать адекватного описания всех возможных случаев зависимости. Например, если ОЗ сводится к модально-экзистенциальным представлениям, то все объекты в мире будут зависеть от каждого из необходимо существующих объектов. Согласно определению ЖЭЗ a зависит по своему существованию от b, если, с необходимостью, a существует, только если b существует. Пусть a будет Юлием Цезарем (или любым объектом в нашем мире), а b будет числом 5 (или любым другим). Согласно общераспространенному мнению, числа существуют с необходимостью, а значит необходимо, что Юлий Цезарь существует, только если число 5 существует, то есть Цезарь онтологически зависит от числа 5. Такой вывод явно контринтуитивен. Впрочем, приверженцы модально-экзистенциальной версии ОЗ могут возразить, что ОЗ существует только между контингентными объектами. Их противники возражают, что есть и другие случаи, с которыми эта версия ОЗ справиться не может. Возьмем, например, утверждение «Бог ни от чего онтологически не зависит». Как кажется, оно должно выражать нечто большее, чем простую экзистенциальную независимость. Согласно общепринятому в философии теистическому понятию Бога (философы естественно расходятся в своих представлениях о Боге, но в рамках аналитической традиции распространено вполне определенное понятие о нем, которое включает онтологическую независимость), он должен по самой своей сущности быть независимым от чего либо, обладать так называемой асейностью (aseity). Независимость является его сущностным свойством. Для выражения подобной (не)зависимости и необходима новая разновидность ОЗ. Как и в случае с экзистенциальной, можно выделить два вида сущностной зависимости: жесткую и общую.

Жесткая сущностная зависимость (ЖСЗ): a зависит по своему существованию от b $=_{df}$ в сущность a входит то, что a существует, только если b существует.

Из определения следует, что жесткая сущностная зависимость влечет за собой жесткую экзистенциальную зависимость (но не наоборот).

Общая сущностная зависимость (ОСЖ): a зависит по своему существованию от Fs $=_{df}$ в сущность a входит то, что a существует, только если некоторые Fs существуют.

Кроме приведенных, существуют и другие определения сущностной зависимости. Например, Кэтрин Кослицки (воспроизводя позицию Кита Файна) дает такое определение[125]:

Конститутивная сущностная зависимость (КСЖ): нечто a онтологически зависит от чего-то b только в случае, если b является составной частью (constituent) сущности a.

С помощью понятия сущностной зависимости мы можем успешно описать случаи, не поддающиеся описанию в модально-экзистенциальных терминах. Возьмем, например, Сократа и его синглетон (множество, состоящее из одного элемента, которым в данном случае является Сократ). В сущность синглетона входит то, что он содержит Сократа (поскольку сущность любого математического множества включает то, какие именно элементы в него входят), но в сущность Сократа не входит его членство в синглетоне. То есть между синглетоном и Сократом существует односторонняя (сущностная) онтологическая зависимость.

В последнее время появилось несколько попыток обобщить базирование и родственные ему отношения и объединить их в некую систему. Одна из наиболее известных принадлежит Карен Беннетт (Karen Bennett). В своей книге 2017 года «Создание вещей» («Making things up») она предложила рассматривать базирование и некоторые другие отношения как разновидности отношения построения (building) или, скорее, как принадлежащие к одной группе и

---

[125] Koslicki K. Varieties of Ontological Dependence // Correia F., Schnieder B. (eds.) Metaphysical Grounding: Understanding the Structure of Reality. Cambridge, Cambridge University Press, 2012 p. 190

обладающие некоторыми общими характеристиками (Беннетт не считает нужным вводить некое отдельное, особое отношение построения в добавок к остальным). По мнению Беннетт, мы можем объединить в одну группу следующие отношения:

Композиция (composition) – знакомое нам из повседневной жизни отношение между частями и целым. Двигатель, колеса, кузов и так далее находятся в отношении композиции с автомобилем. Оно исследуется мереологией – наукой о соотношении части и целого (см. главу 14). В терминологии Беннетт, композиция – это отношение между многими и одним объектами (many–one relation), не тождественными друг другу.

Конституция (constitution) – отношение один к одному (one–one relation) между объектами, которые расположены в одном месте (co-located) и принадлежат к разным видам или же отношение между находящимися в одном и том же месте массой вещества и объектом (см. главу 14). В отношении конституции находятся между собой масса глины и изготовленная из нее статуя. Оно не может быть сведено к отношению части-целого, так как масса глины не является мереологической частью изготовленной из нее статуи.

Образование множества (set formation) – отношение, посредством которого один или несколько объектов (или даже 0 объектов при образовании пустого множества) формируют множество.

Реализация (realization) – отношение один к одному между свойствами, отдельными экземплярами свойств (property instances) или положениями дел, опирающееся на идею о том, что свойства могут играть каузальные роли. Для свойства P реализовывать свойство Q означает занимать каузальную роль, характерную для Q. По сути, реализация является отношением между свойствами первого и второго порядков, когда свойства второго порядка представляются как функциональные свойства, то есть свойства, сводимые к определенной каузальной роли. Отношение реализации широко используется в философии сознания для формулировки одного из решений проблемы сознание-тело (mind-body problem) – функционализма. В соответствии с функционализмом любое ментальное состояние, например, боль можно охарактеризовать в терминах его функциональных связей или роли: боль вызывается повреждением тела и вызывает, в свою очередь, такие реакции, как вздрагивание, крик и так далее. Эту каузальную роль могут играть разные физические состояния в представителях разных видов. У человека таким состоянием может быть активизация C-волокон (это чисто условный пример, приводимый в

литературе, но не имеющий отношения к реальной реализации боли нервной системой человека. Очевидно, что настоящая реализация гораздо сложнее). В человеке эта активизация на самом деле вызывается повреждением тела и вызывает, в свою очередь, такие реакции как вздрагивание, крик и так далее. То есть она играет соответствующую роль, а значит реализует боль. Отношение реализации было использовано Эндрю Мелником[126] для формулировки физикализма, эта теория получила название реализационного физикализма (см. главу 17).

Микробазирование (microbased determination) или микрореализация (microrealization). Предыдущее отношение реализации связывало два разноуровневых свойства (ментальное и физическое, например). Микробазирование сходно с ним, однако является отношением между многими и одним объектами (many–one relation), оно связывает свойство объекта со свойствами его частей. Например, масса стола микробазируется на массах элементарных частиц, из которых он состоит, или влажность воды микробазируется на свойства составляющих воду атомов кислорода и водорода. При микробазировании свойство целого полностью определяется, детерминируется свойствами частей и не является чем-то сверх и помимо них (nothing over and above). Этим оно отличается от эмерджентного возникновения (emergence). При нем появляются действительно новые свойства, которые никак не следуют и не выводимы из старых, то есть эмерджентное возникновение отрицает микробазирование и не является (согласно Беннетт) одним из отношений построения.

Базирование (grounding). Его Беннетт характеризует как отношение метафизической детерминации (metaphysical determination), которое позволяет утверждать, что нечто происходит благодаря (in virtue of) чему-то другому: если x является основанием (базой) y, то y существует или имеет место (obtains), или имеет свою природу благодаря x. Базирование является более сильным отношением, чем простое необходимое следование.

По мнению Беннетт, все перечисленные отношения можно объединить в одну группу, поскольку они обладают целым рядом общих характеристик. Отношение R принадлежит к группе отношений построения, если и только если выполняются следующие условия

[126] Melnyk A. A Physicalist Manifesto: Thoroughly Modern Materialism. Cambridge, Cambridge University Press, 2003

(эти условия похожи на свойства, приписываемые базированию другими философами):

1. Для всех x, ~Rxx. То есть отношение R является иррефлексивным, ни один x не может находиться в отношении R к самому себе.

2. Для всех x и y, таких, что x≠y, если xRy, то ~(yRx). То есть отношение R является ассимметричным.

3. Пусть C будет некоторым пока неуточненным множеством фоновых условий, которое не включает ни y, ни что-либо, что полностью строит (fully builds) y. Для всех x и y, если x полностью R y, то □ [(x + C) →y]. Данный пункт утверждает, что построение влечет за собой необходимое следование, но только при учете фоновых условий, в которых это построение происходит. Возьмем уже приводимый нами пример боли и реализующей (реализация – одно из отношений построения) ее активизации С-волокон. Очевидно, что С-волокна без некоторых внешних по отношению к ним условий (как минимум, эти С-волокна должны быть частью функционирующего головного мозга) боль реализовывать не будут. То есть, из активизации самой по себе, боль не следует с необходимостью, но если учесть все условия, то необходимое следование должно иметь место.

4. Для всех x и y, тот факт, что xRy дает нам право делать объяснительные и генеративные утверждения о том, что x существует или имеет место (obtains) благодаря y. Это условие утверждает, что отношение построения должно объяснять, почему тот или иной объект существует или обладает присущими ему свойствами (в начале главы мы уже обсуждали связи базирования с объяснением). То, что в моей комнате есть стол, можно объяснить тем, что в ней находятся элементарные частицы, являющиеся его частями и находящиеся в одном из отношений построения к моему столу (в отношении композиции). Также можно сказать, что элементарные частицы в каком-то смысле порождают стол.

Список литературы

1. Bennett K. Making Things Up. Oxford, Oxford University Press, 2017.
2. Bliss, Ricki and Kelly Trogdon, "Metaphysical Grounding", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2021 Edition), Edward N.

Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/win2021/entries/grounding/.
3. Correia F., Schnieder B. (eds.) Metaphysical Grounding: Understanding the Structure of Reality. Cambridge, Cambridge University Press, 2012.
4. Hoeltje M., Schnieder B., Steinberg A. (eds.) Varieties of Dependence: Ontological Dependence, Grounding, Supervenience, Response-Dependence. Munich, Philosophia, 2013.
5. Raven M. J. Ground // Philosophy Compass. 2015. №10(5). pp. 322–333.
6. Raven M. J. (ed.) The Routledge Handbook of Metaphysical Grounding. New York, Routledge, 2020.
7. Schaffer J. On What Grounds What // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds.) Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 pp. 347–383.
8. Tahko, Tuomas E. and E. Jonathan Lowe, "Ontological Dependence", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2020 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/dependence-ontological/.

Глава 9. Возможные миры

Возможные миры, о которых пойдет речь в данной главе, очень часто используются как полезный инструмент при интерпретации формул модальной логики. Системы модальной логики используют модальные операторы для представления утверждений о возможности и необходимости. Например, утверждение «возможно, что q» можно представить в виде формулы «◇q», в которой символ ◇ является оператором возможности. Соответственно, утверждение «необходимо, что q» можно представить в виде формулы «□q», где символ □ является оператором необходимости. Эти операторы могут повторяться, и таким образом мы можем представить утверждение «Возможно, что возможно, что q» в виде формулы «◇◇q». В системах квантифицированной модальной логики (Quantified Modal Logic или QML) наряду с модальными операторами используются кванторы всеобщности ∀ и существования ∃. Например, утверждение «существует x, такой, что необходимо, что x является F» можно представить формулой ∃x□Fx, а (на первый взгляд сходное, но отличное от

него) утверждение «необходимо существует x, такой что x является F» формулой □∃xFx.

Логиками было создано значительное число формальных аксиоматических систем модальной логики. Некоторые из этих систем «сильнее» чем другие в том смысле, что все аксиомы и теоремы одной из систем могут быть выведены из аксиом другой, в то время как эта другая система (более сильная из двух) содержит аксиомы и теоремы, не выводимые из аксиом первой (более слабой) системы. Наибольшее признание из них получили пять – две (S4 и S5), разработанные Кларенсом Ирвингом Льюисом (Clarence Irving Lewis), одна (B), созданная Лейтзеном Эгбертом Яном Брауэром (Luitzen Egbertus Jan Brouwer), система K, названная в честь Сола Крипке (Saul Kripke), и система T.

Из них S5 – самая сильная, так как все теоремы, выводимые в других перечисленных выше системах, выводимы и в S5, а самая слабая K, так как все ее теоремы выводимы в любой из перечисленных выше систем. К аксиомам логики высказываний и правилу правилу вывода modus ponens система K добавляет одно правило и одну аксиому:

(Правило N): если p является теоремой (любой системы, использующей N), то □p также является теоремой. В соответствии с этим правилом любая теорема логики необходима.

(Аксиома 1): □(p → q) → (□p → □q).

Система T добавляет еще одну аксиому:

(Аксиома 2): □p → p.

Система B содержит еще одну аксиому:

(Аксиома 3): p→□◊p.

Система S4 вместо (Аксиома 3) добавляет к предыдущим другую аксиому:

(Аксиома 3*): □p→□□p.

Система S5 вместо (Аксиома 3) и (Аксиома 3*) добавляет к

изначальным аксиомам свою:

(Аксиома 3**): $\Diamond p \to \Box\Diamond p$.

Для интерпретации этих и других формальных аксиоматических систем модальной логики и интерпретации модальных суждений естественного языка широко используется понятие возможного мира.

Возможный мир – один из вариантов того, каким мог бы быть мир (универсум) в целом. Для успешной интерпретации модальной логики, кроме понятия возможного мира, нам необходимо еще определить отношение достижимости (accessibility relation) между двумя любыми мирами. Это отношение R можно неформально и приблизительно определить так: aRb означает, что мир a возможен относительно (или релевантен) мира b.

Используя это отношение, мы можем дать определения возможности и необходимости. Пропозиция возможно истинна в данном возможном мире, если она истинна по крайней мере в одном возможном мире, достижимом из данного. Пропозиция необходимо истинна в данном возможном мире, если она истинна в каждом из возможных миров, достижимых из данного. Тем не менее само свойство достижимости может задаваться по-разному. Мы можем считать, что это отношение либо обладает тремя свойствами (рефлексивность, симметричность и транзитивность), либо лишено какого-либо из их. Отношение достижимости рефлексивно, если каждый возможный мир достижим из самого себя. Оно симметрично при условии: если мир w_1 достижим из w_2, то w_2 достижим из w_1. Оно транзитивно при выполнении условия: если мир w_1 достижим из w_2 и мир w_2 достижим из w_3, то w_1 достижим из w_3. Разным системам модальной логики соответствуют разные характеристические свойства отношения достижимости и структуры фреймов. Если мы считаем, что оно рефлексивно, то мы получим, как минимум, систему T. Если отношение рефлексивно и симметрично, то получается, по меньшей мере, система B. Когда отношение рефлексивно и транзитивно, получается, как минимум, система S4. А если оно рефлексивно, симметрично и транзитивно, то система S5.

Интерпретация модальности в терминах возможных миров широко распространена, но понимание онтологической природы этих возможных миров сильно варьируется – от конкретных объектов,

подобных нашему миру до фикций, напоминающих литературных персонажей (см. главу 5).

Для удобства и наглядности сравнения различных теорий мы проследим какую интерпретацию они дают предложению «Возможно, что s», где «s» – осмысленное утверждение, наподобие «Москва – столица России», «Трава синяя» и так далее.

Начнем мы с модального реализма. Эту теорию также называют конкретизмом (concretism) или крайним реализмом (extreme realism). Она была создана Дэвидом Льюисом. Впервые он ее сформулировал в книге 1973 года «Контрфактуалы» (Counterfactuals), но наиболее полное изложение теории дано в книге «О множественности миров» (On the Plurality of Worlds) 1986 года, ставшей, пожалуй, наиболее влиятельной и известной книгой в аналитической метафизике за последние полвека (и во многом возродившей интерес к метафизике в аналитической традиции). Несмотря на свое огромное влияние, теория Льюиса нашла мало приверженцев. Практически единственными ее сторонниками из достаточно известных философов являются Такаши Ягисава[127] (Takashi Yagisawa) и Джон Дайверс[128] (John Divers).

Основная идея модального реализма проста – возможные миры точно такие же конкретные объекты, как и мир, в котором находимся мы. Индивиды, населяющие эти миры (люди, планеты, деревья и так далее), не менее реальны, чем мы и окружающие нас предметы.

Основной тезис модального реализма можно предварительно выразить следующим образом:

(МР) Предложение естественного языка «Возможно, что s» выражает существование мира, в котором s.

Чтобы более точно охарактеризовать метафизику модального реализма, следует начать с понятия мира и выяснить какими характеристиками миры обладают согласно этой теории.

Мир, в котором мы обитаем и чьи границы совпадают с границами его пространственно-временного многообразия (spatio-temporal manifold), можно назвать актуальным миром. Как утверждает модальный реализм, наряду с актуальным существует

---

[127] Yagisawa T. Worlds and Individuals, Possible and Otherwise. Oxford, Oxford University Press 2010

[128] Divers J. A Genuine Realist Theory of Advanced Modalizing // Mind. №108(430) pp. 217-239

множество других миров, принадлежащих к той же онтологической категории. Некоторые из них практически абсолютно сходны с нашим за исключением одной-единственной детали (например, в одном из стульев в вашей квартире на один атом меньше), другие настолько отличаются от нашего, что мы не в состоянии их даже вообразить. Есть миры, где существуют только книги Дарьи Донцовой и ничего другого или миры, полностью заполненные фисташковым мороженным. Но каждый из этих миров обладает четырьмя общими свойствами: он принадлежит к онтологической категории конкретных объектов, он является максимальным индивидом (maximal individual), он изолирован от всех других миров и ни он, ни один из других миров, не является метафизически привилегированным по отношению к остальным. Рассмотрим эти особенности подробнее.

1. Миры и большинство их частей относятся к категории конкретных объектов. Мир представляет мереологическую сумму населяющих его объектов (о делении абстрактное/конкретное и характеристиках этих категорий рассказано в главе 4).

2. Миры являются максимальными индивидами. Они являются индивидами, так как, каким бы странным ни был мир, он представляет собой тотальность, совокупность, составленную из его обитателей. Для Льюиса мир – лишь простая совокупность, так как он придерживался мереологического принципа композиции как тождества (см. главу 14), в соответствии с которым целое – это всего лишь его части и ничего сверх этого.

Мир является максимальным индивидом, так как каждая его часть связана в пространстве-времени с каждой из других его частей и только с ними. Другими словами, каждый мир полностью занимает единую сеть внешних отношений (для нашего мира – это пространственно-временные отношения). Мир не может состоять из двух регионов, полностью изолированных в пространстве-времени друг от друга (так как это будут два разных мира, а не один).

3. Миры изолированы друг от друга – ни один индивид не обитает в более чем одном мире, миры не пересекаются. В результате каждый мир имеет своих уникальных обитателей. Следует, однако, заметить, что уникальность касается лишь индивидов и не затрагивает свойства и события. Теория Льюиса допускает, чтобы одно и тоже свойство было инстанцировано, или одно и то же событие произошло в разных возможных мирах. Общие свойства также необходимы в теории Льюиса для установления большего или меньшего сходства индивидов в разных мирах.

4. Ни один из миров не является метафизически привилегированным по отношению к любому другому. Эту особенность миров также можно сформулировать в виде тезиса об индексальности актуальности (actuality is indexical). То есть с точки зрения каждого из возможных миров, именно этот мир является актуальным. Выражения «здесь», «сейчас», «я» являются индексальными: без указания контекста их использования, они не имеют какого-либо определенного значения. Например, мы не можем оценить истинность предложения «Сейчас идет дождь», не зная где и когда оно произнесено. Точно также обстоит дело и с актуальностью. Предложение «В актуальном мире Москва – столица России» может быть истинным или ложным, в зависимости от того, в каком из возможных миров оно утверждается. Многие философы не согласны с индексальностью актуальности миров. По мнению ван Инвагена[129], для нас естественно считать один из миров (наш мир) привилегированно актуальным. Он привилегирован по крайней мере в эпистемическом отношении: мы имеем особый познавательный доступ (например, через органы чувств) только к нашему миру, мы непосредственно знакомы (acquainted) только с ним.

Важное место в теории Льюиса занимает объяснение модальности de re путем введения нового понятия – двойника (counterpart). Это понятие необходимо Льюису, так как его возможные миры изолированы друг от друга и ни один индивид не может находиться более чем в одном мире; индивиды привязаны к одному миру, в котором они обитают (worldbound individuals). В результате Льюис не может проанализировать de re высказывание «Геннадий Зюганов мог бы быть президентом России» как «Существует мир w, в котором Геннадий Зюганов является президентом России» по той простой причине, что Геннадий Зюганов существует только в нашем, актуальном для нас мире. Подобная возможность в модальном реализме может быть выражена с помощью понятия двойника. Мы можем в таком случае утверждать существование возможного мира, в котором не сам Геннадий Зюганов, а его двойник является президентом России. Поэтому Льюис и вводит в свою теорию понятие отношения двойничества (relationship of counterparthood).

[129] van Inwagen P. Two Concepts of Possible Worlds // Midwest Studies in Philosophy. 1986 № 11(1) pp. 185-213

(Двойничество): индивид x_1 обитающий в мире w_1 является двойником в w_1 для индивида x_2, обитающего в мире w_2 том случае, когда в отношении определенного набора свойств $P_1, \ldots, P_n$, в мире w_1 нет индивида более сходного с x_2 чем x_1.

Основными чертами, характеризующими двойничество и отличающими его от тождества, являются:

1. В отличие от нумерического тождества двойничество совместимо с присутствием качественных отличий между объектами, находящимися в этом отношении. Поэтому объект в одном мире может иметь несколько двойников в другом.

2. Подобно нумерическому тождеству двойничество является рефлексивным отношением: каждый объект является двойником самого себя в своем мире. Но двойничество не является транзитивным: из того, что x_1 является двойником x_2 в w_1, а x_2 является двойником x_3 в w_2, не следует с необходимостью, что x_1 является двойником x_3 в w_1.

3. В отличие от нумерического тождества двойничество не является симметричным: если x_1 является двойником x_2 в w_1, то совсем не обязательно, что x_2 является двойником x_1 в w_2. В w_2 вполне может иметься x_3, более похожий на x_1, чем походит на него x_2.

4. В отличие от нумерического тождества двойничество определяется исходя из контекста рассуждения: мы можем выбрать разный набор свойств $P_1, \ldots, P_n$, по которым будем сравнивать объекты.

Когда мы утверждаем, что какой-то человек мог выиграть выборы и стать президентом, наше утверждение не следует понимать (согласно модальному реализму) буквально. На самом деле, речь идет о похожем на него, но нумерически отличном от него, двойнике, который в своем мире действительно выиграл выборы и стал президентом.

Теория двойников используется Льюисом и для решения вопроса о том, какие именно возможные миры существуют. Льюис придерживался принципа полноты возможностей (plenitude of possibility). Коротко говоря, он утверждает, что существует все, что только может существовать, все возможности реализованы в том или ином мире. Но возникает вопрос: а что именно может существовать, какие вообще имеются возможности? Для ответа на него Льюис обращается к так называемому принципу юмовской рекомбинации (principle of humean recombination), который опирается на интуицию о том, что все что угодно может как сосуществовать, так и не сосуществовать с чем угодно. Мы можем соединить разные части разных

возможных миров и получить новый возможный мир. Любой набор индивидов из каких угодно возможных миров может образовать еще один возможный мир. Предварительно мы можем сформулировать принцип рекомбинации для модального реализма так:

(ПРР) Принцип рекомбинации: любая совокупность индивидов $x_1, \ldots, x_n$ может как сосуществовать, так и не сосуществовать с любой совокупностью индивидов $y_1, \ldots, y_n$ в любом пространственно-временном порядке.

Тем не менее в такой формулировке принцип не может быть использован модальными реалистами, так как согласно реализму, индивид не может существовать более чем в одном мире. Чтобы разрешить эту трудность, вновь используется теория двойников. Само понятие двойника не подходит для формулировки принципа, так как набор свойств, которые используются для установления отношения двойничества, не является точно определенным и зависит от контекста. Для решения этой проблемы Льюис обращается к понятию внутреннего свойства (intrinsic property) и производному от него понятию внутреннего дубликата (intrinsic duplicate). Внутренние дубликаты представляют собой объекты, которые разделяют все совершенно естественные (perfectly natural) свойства. Эти свойства обладают двумя главными чертами – во-первых, они служат для объяснения фундаментальных причинно-следственных отношений и являются базой (ground) сходства естественных видов и, во-вторых, каждое из этих свойств является независимым от сопровождения (independent of accompaniment), то есть каждое из них присуще индивиду независимо от того, сосуществует ли с ним какой-либо другой объект или нет. Совершенно натуральные свойства образуют ядро внутренних свойств: внутренние свойства индивида – те, которые он разделяет со своим внутренним дубликатом. Из этого следует, что внутренние свойства также независимы от сопровождения.

Используя понятие внутреннего дубликата, мы можем переформулировать принцип рекомбинации следующим образом:

(ПРР*) Принцип рекомбинации*: для любой совокупности индивидов $x_1, \ldots, x_n$ есть совокупность индивидов $y_1, \ldots, y_n$, таких что: 1. каждый из $y_1, \ldots, y_n$ нумерически отличен от каждого из $x_1, \ldots, x_n$, 2. y_1 является внутренним дубликатом $x_1, \ldots, y_n$ является внутренним дубликатом x_n, 3. $y_1, \ldots, y_n$ образуют мир.

Подводя итоги, мы можем сказать, что модальный реализм сводится к трем основным тезисам (первые два из них метафизические, третий – семантический):

1. Существует бесконечное количество миров, столько, сколько позволяет рекомбинация в соответствии с принципом ПРР*.

2. Ни один из индивидов не обитает более чем в одном мире.

3. Предложения естественного языка, содержащие модальные выражения, представляют собой скрытые сопоставления между индивидами, связанными отношениями двойничества, в модальных контекстах de re и сопоставления конкретных возможных миров в контекстах de dicto.

Основываясь на этих трех принципах, мы можем более точно сформулировать основной тезис модального реализма.

(МР*) Предложение естественного языка «Возможно, что s» выражает существование некоторых миров $w_1, \ldots, w_n$ в которых s^*,

где s^* предложение полученное из s путем замены всех индивидов в s их соответствующими двойниками в мирах $w_1, \ldots, w_n$.

По мнению Льюиса, несмотря на свою контринтуитивность, модальный реализм обладает целым рядом серьезных преимуществ над соперничающими с ним теориями и именно поэтому его следует предпочесть всем остальным альтернативам. Рассмотрим эти преимущества более подробно.

Первое (и для Льюиса самое главное) преимущество – модальный реализм, единственный из всех теорий, стремится полностью редуцировать модальные сущности и понятия к немодальным. То, что возможно (модальное) – это просто то, что существует в одном из миров (немодальное). Необходимо то, что существует во всех мирах. Таким образом, модальный реализм дает нам редуктивный анализ возможности и необходимости в терминах существования. Хотя может показаться, что такой анализ – вещь не слишком выдающаяся, следует заметить, что ни одна из альтернативных теорий (кроме комбинаториализма, который в этом не слишком успешен) даже не пытается такого анализа добиться. Реалист единственный из всех философов, занимающихся модальностью, может заявить, что возможное ничем онтологически не отличается от актуально существующего и, например, единороги реальны в той же мере, что и зебры.

Второе теоретическое преимущество – модальный реализм дает простой и интуитивно правильный анализ контрфактуалов, то есть предложений, описывающих гипотетические сценарии, отличающиеся от актуальных (см. главу 10). Возьмем, например, предложение:

(Кен) Если бы Освальд не стал стрелять в Кеннеди, то Кеннеди 22 ноября 1963 года остался бы жив.

Подобные предложения представляют значительные трудности для философов, отвергающих существование неактуальных сущностей. Предложение (Кен) выражает простую возможность, сценарий, который не был и никогда уже не будет реализован в актуальном мире. Его антецедент ложен, так как на самом деле Освальд выстрелил в Кеннеди. Тем не менее нам интуитивно кажется, что это предложение истинно, в отличие от другого:

(Кен 1) Если бы Освальд не стал стрелять в Кеннеди, то Кеннеди 22 ноября 1963 года был бы похищен и убит марсианами.

Модальный реалист легко может объяснить наши интуиции, проанализировав предложения в терминах возможных миров и двойников:

(Кен*) Во всех мирах, ближайших к нашему из тех, где двойник Освальда не стал стрелять в двойника Кеннеди, Кеннеди 22 ноября 1963 года остался жив.

(Кен 1*) Во всех мирах, ближайших к нашему из тех, где двойник Освальда не стал стрелять в двойника Кеннеди, двойник Кеннеди похищен и убит марсианами.

Для нас не составит труда понять, что мир в (Кен*) действительно наиболее схож с нашим, в отличие от мира в (Кен 1*).

Третье теоретическое преимущество – метафизическое богатство модального реализма. Согласно этой теории, существует намного больше возможностей, чем мы может представить и чем может выразить наш язык. У нас есть актуальный мир; у нас есть все миры, которые мы можем себе вообразить, при условии их внутренней непротиворечивости; у нас есть все миры, которые могут быть

представлены на нашем языке, и у нас есть все дополнительные миры, какие только могут существовать. Именно с последней категорией у многих соперников модального реализма возникают проблемы. Реализм, таким образом, привержен метафизическому смирению (metaphysical humility), согласно которому актуальный мир не содержит всех возможных видов вещей: может существовать намного больше видов объектов, чем мы можем себе вообразить или выразить на языке.

Четвертое теоретическое преимущество – минималистичная онтология. Все, что существует – это миры (и их части) и множества (sets) миров или их частей. С их помощью мы можем дать определение остальным онтологическим категориям. Свойство, например, представляет собой множество частей миров. Белизна – множество всех белых объектов во всех мирах. Пропозиция – множество миров (тех миров, в которых она истинна).

Но, несмотря на все указанные преимущества, подавляющее число философов не приняло модальный реализм. Хотя полная редукция модальных сущностей и понятий выглядит крайне заманчиво, большинство метафизиков сходятся во мнении, что недостатки модального реализма перевешивают достоинства.

Первый (и для многих решающий) недостаток – крайняя контринтуитивность. Для многих противников реализма существование бесконечного числа конкретных, таких же реальных, как и наш, миров просто абсурдно и нелепо. По мнению самого Льюиса, самое сильное возражение против его теории – скептический, недоверчивый взгляд («the incredulous stare»), с каким многие реагируют на нее. Модальный реализм значительно расходится со здравым смыслом и вынуждает нас признать реальное существование кентавров и единорогов.

Второй недостаток – так называемая проблема иррелевантности. По мнению таких метафизиков, как Алвин Плантинга (Alvin Plantinga) и Питер ван Инваген, реализм дает неправильную трактовку истинности модальных утверждений. Существование и содержание конкретных возможных миров, о которых говорит реализм, имеет отношение к тому, что есть, а не к тому, что возможно или необходимо. Для реалиста возможные миры ничем не отличаются от актуального (и сама актуальность мира – лишь индексальное понятие). В таком случае все возможные миры – просто части одной актуальной реальности. И различие между одним из возможных миров и каким-либо другим таким же возможным миром не имеет ничего

общего с различием между актуальным и лишь возможным. Реалисты, естественно, возразят, что конкретные возможные миры являются основанием возможности и необходимости: возможная истинность любой пропозиции основывается на существовании конкретного возможного мира, в котором эта пропозиция истинна. В итоге спор сводится к вопросу о пригодности конкретных миров для роли факторов истинности (см. главу 1) модальных утверждений: по мнению сторонников реализма они подходят для этой роли, по мнению их противников – нет.

Существует еще одна проблема иррелевантности, сходная с только что изложенной. Это так называемое возражение Хамфри (Humphrey Objection), предложенное Солом Крипке. Согласно этому возражению, модальный реализм дает неправильные факторы истинности для модальных утверждений об индивидах. Крипке приводит пример кандидата в президенты США Хьюберта Хамфри, проигравшего выборы 1968 года. Очевидно, Хамфри мог выиграть эти выборы, такая возможность существовала. Но, согласно модальному реализму, «если мы скажем «Хамфри мог выиграть выборы (если бы только он сделал то-то и то-то)», мы будем говорить о чем то, что могло случиться не с Хамфри, а с кем-то еще, с «двойником». Вполне возможно, что Хамфри совершенно безразлично, станет ли кто-то другой, независимо от того насколько он на него походит, победителем в другом возможном мире»[130]. Для Крипке не существует никакой связи между нашими возможностями и тем, что происходит с другими людьми (нашими двойниками, которые, хотя и походят на нас, нами не являются) в других возможных мирах. Для нас эти двойники будут совершенно безразличны, в отличие от наших собственных возможностей. Как утверждает Теодор Сайдер (Theodore Sider), модальные реалисты могут возразить, что расхождение – всего лишь пример парадокса анализа: «разумный человек может заботиться о свойстве под одним описанием («возможно выиграть») и не заботиться о том же самом свойстве под другим описанием («иметь двойника, который выиграет») при условии, что не является очевидным, что эти описания касаются одного и того же свойства»[131]. Согласно модальному реализму, факт наличия у нас какой-либо возможности тождественен факту существования нашего двойника,

[130] Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge MA, Harvard University Press, 1980 p. 45

[131] Sider T. Beyond the Humphrey Objection // https://tedsider.org/papers/counterpart_theory.pdf

реализовавшего эту возможность в своем мире. Но, поскольку далеко не все люди обладают познаниями в метафизике, для них эти факты кажутся различными.

Третий недостаток модального реализма – проблема этического фатализма, к которому приводит модальный реализм по мнению некоторых философов. Любой возможный выбор будет сделан в каком-нибудь возможном мире. Если я сегодня надену синий свитер вместо красного, то мой двойник в одном из возможных миров наденет красный. То же самое касается и морального выбора. Если человек совершил героический поступок и спас ребенка из пожара, то его двойник (или несколько двойников из разных возможных миров) не стал спасать ребенка и дал ему погибнуть. Из этого и следует фатализм – ни одно из наших действий не в состоянии изменить общую сумму добра и зла во всей реальности (во всех возможных мирах в целом); самое большее, мы можем изменить эту сумму для нашего актуального мира. Кроме того, по замечанию Александра Прусса[132] (Alexander Pruss), для реалистов мазохизм становится морально похвальным – причиняя страдания и увечья себе, человек тем самым избавляет от этого какого-нибудь своего двойника. Модальные реалисты могут на это возразить, что этика центрирована на агенте (agent-centered): у нас нет обязательств сокращать общий объем существующего зла и увеличивать общий объем добра, достаточно того, что мы делаем это непосредственно вокруг нас, в актуальном для нас мире.

Четвертый и последний из рассматриваемых нами недостатков модального реализма – проблема изоляции. Если, как утверждают модальные реалисты, все возможные миры одинаково конкретны и реальны, то мы получаем один-единственный мир, состоящий из множества параллельных вселенных. На это сторонники Льюиса могут возразить, что гиперуниверсум не является контингентным и не может рассматриваться как один мир. Эту проблему можно сформулировать в виде вопроса: что делает два объекта частями одного и того же мира (worldmates)? Можно предложить три правдоподобных ответа. Первый – признать принадлежность к одному и тому же миру (worldmate relation) фундаментальным отношением. Но для реалистов такое решение не подходит, так как это фундаментальное отношение является модальным, что подрывает их редукционистскую стратегию (сведение модального к немодальному). Второй вариант – два объекта принадлежат к одному и тому же миру, если они каузально

[132] Pruss A. Actuality, Possibility, and Worlds. New York, Continuum, 2011 pp. 105-106

взаимосвязаны. Третий – два объекта принадлежат к одному и тому же миру, если они связаны в пространстве-времени. Эти два варианта сталкиваются со следующей проблемой – как кажется, может существовать возможный мир, состоящий из нескольких параллельных вселенных, каузально и пространственно изолированных друг от друга. Тогда эти вселенные будут, согласно данным критериям, разными возможными мирами, а не частями одного мира. Реалисты в таком случае будут вынуждены отрицать возможность существования параллельных вселенных.

Из-за вышеописанных недостатков и общей контринтуитивности большинство философов не приняло модальный реализм. Тем не менее сама идея существования возможных миров, их пригодность для формулирования условий истинности модальных контекстов кажется значительному числу метафизиков крайне привлекательной. Поэтому многие из них предпочитают, не отказываясь от возможных миров, просто отнести их к другой онтологической категории. Для них возможные миры являются не конкретными, а абстрактными, отсюда и общее название для этих теорий – модальный абстракционизм. Его иногда еще называют эрзацизм (ersatzism) от немецкого слова ersatz – суррогат, заменитель, так как абстрактные возможные миры являются своего рода суррогатами, заменителями конкретного актуального мира. Существует множество разновидностей абстракционизма, его сторонниками являются такие философы, как Алвин Плантинга, Роберт Сталнакер (Robert Stalnaker) и Дэвид Армстронг. Среди разновидностей абстракционизма, рассмотренных нами, будут лингвистический абстракционизм, комбинаториализм, пикториальный абстракционизм и атомарный абстракционизм. Все они придерживаются интерпретации модальных контекстов с помощью возможных миров, в которых индивиды из разных миров могут быть тождественны (то есть они отвергают теорию двойников). Но эти миры, будучи абстрактными объектами, могут представляться в виде максимально непротиворечивых множеств предложений, абстрактных рекомбинаций элементов актуального мира, репрезентаций (в виде пропозиций или положений дел) возможных состояний актуального мира или просто в виде абстрактных миров, лишенных внутренней структуры.

Первый из рассматриваемых нами подходов – лингвистический абстракционизм (ЛА), отождествляющий миры со множествами (sets) предложений некоторого языка. Разных версий лингвистического абстракционизма придерживались такие основатели семантики

возможных миров, как Рудольф Карнап и Яакко Хинтикка (Jaakko Hintikka). Основной тезис этого подхода можно сформулировать следующим образом:

(ЛА) Предложение естественного языка «Возможно, что s» выражает максимальное и непротиворечивое описание, данное на некотором языке, согласно которому s.

Ключевая идея ЛА сводится к следующему: подобно тому, как предложение:

(1) Буратино был сделан Папой Карло

истинно согласно определенной истории (а именно книге «Золотой ключик, или Приключения Буратино» Толстого), так и предложение

(2) Геннадий Зюганов мог бы быть президентом России

тоже истинно согласно определенной истории, некоторому возможному миру. Подобно книге, возможный мир представляет собой очень длинный (возможно бесконечный) набор предложений. Можно дать более точное определение возможного мира согласно ЛА следующим образом:

(Мир ЛА) Возможный мир – это полное и непротиворечивое описание положения дел, данное на некотором языке.

Поскольку они являются лишь описаниями, возможные миры кардинально отличаются от мира, в котором живем мы. Наш мир конкретен, а они – абстрактны. Но не любой набор предложений может быть возможным миром, он должен удовлетворять, как минимум, двум требованиям, указанным в определении. Множество предложений, составляющих мир должно, во-первых, быть полным (максимальным): для каждого положения дел, которое только *может быть* описано, множество должно включать либо описание этого положения дел, либо описание его отрицания. Во-вторых, множество должно быть непротиворечивым: оно *не может* включать описаний двух положений дел, одно из которых является отрицанием другого. Характеризуя возможные миры таким образом, сторонники ЛА используют модальные понятия полноты и непротиворечивости (слова, указывающие на модальность этих понятий, выделены в определениях курсивом) и, в результате этого, не в состоянии редуцировать модальные понятия к немодальным (в отличие от реалистов). Этот недостаток

искупается (по мнению сторонников ЛА) более интуитивно приемлемым представлением о возможных мирах – достаточно показать, что язык, из предложений которого составлены миры, существует независимо от его использования людьми, из чего следует независимость самих миров. В результате главной задачей для ЛА становится поиск такого независимого языка, обладающего к тому же достаточным количеством слов для генерирования всех возможных миров. Очевидно, что ни один из естественных языков (русский, английский, китайский и так далее) на эту роль не подходит.

Один из наиболее известных способов решения этой проблемы был рекомендован сторонникам ЛА Дэвидом Льюисом. Он предложил использовать так называемый лагадонианский язык (название заимствовано из «Путешествий Гулливера» Джонатана Свифта). В этом языке каждый объект, свойство или отношение являются именем для самих себя. Например, именем Дональда Трампа будет не некий тип звуков или надписей, а сам реальный человек – Дональд Трамп. Предложениями такого языка будет упорядоченное множество из n элементов (n-tuple), содержащее соответствующие объекты, свойства или отношения. <R, a, b> будет предложением, выражающим тот факт, что a и b стоят в отношении R. Такой язык явно независим от существования человечества и его лингвистических и социальных практик. Он обладает достаточно обширным словарем (в который входят все существующие в нашем мире объекты, свойства и отношения), чтобы сгенерировать множество возможных миров. Но достаточно ли этого словаря для описания всех существующих возможностей?

Многие философы считают, что нет. Отсюда возникает наиболее значительная трудность для ЛА – проблема инородных возможностей (alien possibilities). Сторонникам ЛА не хватает необходимых лингвистических средств (даже при использовании лагадонианского языка) для успешной репрезентации всех возможностей, а именно, возможностей, включающих в себя неактуальные объекты или свойства. Возьмем, например, мир, предложенный Максом Блэком и состоящий из двух неразличимых стальных шаров, ни один из которых не существует в актуальном мире. Предложения, репрезентирующие этот мир, не могут быть на лагадонианском языке, поскольку в нашем мире просто не существует этих шаров, которые могли бы быть именами для самих себя. Значит, нам необходимо будет ввести какие-нибудь абстрактные объекты, которые будут служить именами для шаров. Но в таком случае связь между этими именами и их референтами

(самими шарами) будет абсолютно произвольной. Как мы можем быть уверены, что имена ссылаются (refer) на разные шары, а не на один и тот же (в ведь в нашем мире эти шары отсутствуют)? Следовательно, мы не можем быть уверены, какую из разных возможностей описывает истинное предложение, содержащее одно из этих имен. В итоге, абстракционисты смешивают то, что кажется нам разными возможностями.

То же самое происходит и со свойствами. В других возможных мирах могут быть свойства, отсутствующие в нашем мире (например, третий электрический заряд, наряду с положительным и отрицательным). Для них не найдется имен в лагадонианском языке, и сторонники ЛА будут вынуждены прибегать к абстрактным объектам в качестве имен этих свойств.

Лингвистические абстракционисты могут предложить несколько решений для этой проблемы. Во-первых, они могут постулировать для каждого инородного объекта или свойства существование неинстанцированных в нашем мире «этостей» (haecceity). Эти свойства (например, *быть Сократом* или *быть Петром 1*), в случае их инстанцирования, гарантируют, что вещь тождественна некоторому определенному объекту (например, любая вещь, инстанцирующая этость Сократа, необходимо будет Сократом). Поскольку этости существуют необходимым образом, в нашем мире будут существовать неинстанцированные этости всех инородных объектов, свойств и отношений. Они и будут служить уникальными именами для этих объектов. Во-вторых, абстракционисты могут утверждать, что наш актуальный мир занимает привилегированное положение – все de re возможности включают вещи, существующие в актуальном мире. Эту позицию отстаивают Кит Файн[133] (Kit Fine) и Роберт Адамс[134] (Robert M. Adams). По их мнению, наш мир – самый изобильный, но могут существовать онтологически более бедные возможные миры, в которых может не хватать объектов для репрезентации всех de re возможностей. В таком случае инородных объектов и свойств (не представленных в нашем мире, но существующих в других) просто не будет. Лагадонианский язык, использующий объекты нашего мира, сможет описать все возможности. Хотя эта позиция решает проблему

[133] Fine K. Plantinga on the Reduction of Possibilist Discourse // Tomberlin J., van Inwagen P. (eds.) Profiles: Alvin Plantinga Dordrecht, D. Reidel, 1985 pp. 145–186

[134] Adams R. Primitive thisness and primitive identity // Journal of Philosophy 1979 № 76(1) pp. 5-26

инородных возможностей, очень трудно поверить в то, что мы живем в таком уникальном и привилегированном мире.

Согласно другой абстракционистской позиции, возможные миры – не лингвистические сущности, но сущности, составленные из компонентов нашего собственного мира. Эта позиция называется комбинаториализмом (combinatorialism) и ассоциируется с именем Дэвида Армстронга[135], развившего в своих работах ее наиболее полную и продуманную версию, хотя восходит она еще к идеям Людвига Витгенштейна. Название этой теории отражает тот факт, что возможные миры представлены в ней как различные рекомбинации элементов актуального мира. Поскольку миры – всего лишь комбинации, они являются абстрактными объектами и теория комбинаториализма (К) поэтому относится к модальному абстракционизму.

На метафизическом уровне К опирается на понятие положения дел (states of affairs), разработанное Дэвидом Армстронгом. Для прояснения этого понятия рассмотрим предложение:

(Э) Эйфелева башня находится в Париже, а собор Василия Блаженного находится в Москве.

Согласно К данное предложение выражает наличие положения дел – сложного, структурированного целого, компонентами которого являются Эйфелева башня, собор Василия Блаженного, Париж, Москва и отношение нахождения. Эти компоненты соединены в особом, специфическом порядке. Поэтому предложение:

(Э1) Эйфелева башня находится в Москве, а собор Василия Блаженного находится в Париже.

будет выражать другое положение дел (в нашем мире не реализованное). Впрочем, не все положения дел имеют структуру: положение дел, выраженное предложением «Идет дождь» («It rains»), структуры не имеет. Согласно Армстронгу, все положения дел состоят из двух основных типов компонентов: индивидов (партикулярий) и универсалий (см. главу 2): Эйфелева башня – индивид, а отношение нахождения – универсалия. Если у нас имеется достаточный запас индивидов и универсалий, мы можем дать полноценный

[135] Armstrong D. M. A Combinatorial Theory of Possibility. Cambridge, Cambridge University Press, 1989

метафизический анализ понятия мира. Актуальный мир представляет собой огромный массив индивидов, инстанцирующих различные универсалии (свойства и отношения). Комбинаториализм, в дополнение к этому, утверждает, что компоненты реального мира могут быть перегруппированы и соединены по-новому. В таком случае ложное предложение (Э1) тем не менее выражает возможное положение дел, и мы можем получить истинное предложение, переформулировав его так:

(Э1*) Возможно, что Эйфелева башня находится в Москве, а собор Василия Блаженного находится в Париже.

Таким образом, К утверждает истинность следующего метафизического тезиса:

($К_{мет}$) Положение дел является возможным, только и если только оно получено посредством допустимой рекомбинации элементов по крайней мере одного актуального положения дел.

Чтобы понять этот принцип, нам необходимо рассмотреть более подробно элементы положений дел, а затем способ их рекомбинации.

Элементы, о которых говорится в тезисе, это индивиды и универсалии, среди которых нам необходимо провести различие между атомарными и неатомарными элементами. Атомарные индивиды не имеют собственных частей (proper parts), а атомарные универсалии не являются сложной структурой, составленной из других универсалий. В нашем примере (Э) мы можем условно принять, что элементы «Эйфелева башня», «находиться» будут атомарными, а элемент «Эйфелева башня находится в Париже» – неатомарным. Наиболее простая модель миров, предложенная Армстронгом и похожая на витгенштейнианскую, предполагает, что все миры в конечном счете состоят из атомарных элементов. В этой модели мы имеем набор атомарных индивидов и атомарных универсалий, таких, что: 1. каждый индивид инстанцирует некоторую универсалию, 2. каждая универсалия инстанцирована некоторым индивидом. Согласно модели, актуальный мир удовлетворяет этим условиям, а каждая рекомбинация его атомарных элементов дает нам новый возможный мир. Набор всех возможных рекомбинаций будет, таким образом, набором всех

возможных миров. Актуальный мир в этой модели был назван Армстронгом «Витгенштейновым миром» («Wittgenstein world»).

Серьезное затруднение для К заключается в том, что наш реальный актуальный мир, скорее всего, не является Витгенштейновым миром. Насколько мы знаем, многие важные элементы нашего мира (физические, химические или биологические виды) имеют сложную структуру и не являются атомарными. Непонятно, как в таком случае осуществлять рекомбинацию структурированных элементов. В случае, например, молекулы воды непонятно – будет ли фигурировать в рекомбинации только молекула целиком или ее составные части (атомы кислорода и водорода) тоже. Сам Армстронг соглашается с тем, что К наиболее успешен при предположении атомарных миров.

Помимо описания возможных элементов, сторонникам К необходимо сформулировать принцип, по которому они будут комбинироваться для создания набора миров. Но прежде нужно дать определение рекомбинации.

(Р) Положение дел S является рекомбинацией некоторых положений дел S*, если и только если: 1. все элементы S принадлежат к по крайней мере одному положению дел из S* или получены путем интерполяции или экстраполяции из элементов, принадлежащих к по крайней мере одному положению дел из S*, 2. S отличается от всех положений дел S*.

Положение дел, чтобы быть рекомбинацией других положений дел, должно обладать другим порядком соединения элементов или связывать элементы, не связанные в изначальных положениях дел. Обращение к интерполяции и экстраполяции позволяет К отступить от актуального мира. Например, универсалия будет получена путем интерполяции какой-либо другой универсалии, когда некоторые ее аспекты изменены: представим, что гравитационная константа имеет немного другое значение. Экстраполяция предполагает удаление некоторых аспектов изначальной универсалии: представим электрон, не имеющий электрического заряда.

Теперь мы можем сформулировать принцип, по которому возникают рекомбинации в К.

(ПРК) Любой набор индивидов $x_1, \ldots, x_n$ и универсалий $U_1, \ldots, U_n$ может как сосуществовать, так и не сосуществовать с любым набором индивидов $y_1, \ldots, y_n$ и универсалий $V_1, \ldots, V_n$ в любом

пространственно-временном порядке при условии, что комбинация может быть положением дел.

Этот принцип отличается от рассмотренного выше принципа рекомбинации для модального реализма (ПРР*) двумя аспектами: 1. он комбинирует не только индивидов, но и универсалии, 2. он требует, чтобы в итоге рекомбинации получилось положение дел. Комбинация будет положением дел, если она имеет правильную структуру. Например, комбинация «Петр выше Павла» (два индивида и универсалия отношения) будет положением дел, а комбинация «Петр выше старше» (индивид и две универсалии отношений) – нет. В остальном же, каждый из атомарных элементов совместим с любым другим.

Главное достоинство К – редукция модальных сущностей и понятий к немодальным. Все возможности коренятся, в конечном счете, в актуальном мире и его элементах. К достоинствам К можно отнести его экономность в отношении существующих в мире метафизически необходимых связей: он сводит их к минимуму. Для К нет необходимых связей между отдельными индивидами или свойствами, любая их комбинация возможна согласно ПРК. Но отсюда же и возникает одна из серьезных проблем. К не может исключить некоторые положения дел, которые интуитивно кажутся нам невозможными. Например, ни один объект не может быть одновременно синим и красным по всей поверхности. Ни одна элементарная частица не может одновременно иметь положительный и отрицательный заряды. Но в К нет места для этих необходимых связей между разными свойствами. Кроме того, К сталкивается с рассмотренной выше проблемой инородных возможностей, так как использует для построения набора возможных миров элементы актуального мира.

Пикториальный (pictorial) абстракционизм[136] (ПА) утверждает, что возможные миры являются сложными, структурированными объектами. Они репрезентируют различные возможные состояния мира благодаря тому, что их части изоморфны частям того, что они представляют. В этом смысле они подобны изображениям, картинам: портрет репрезентирует человека, так как существует изоморфизм между участками холста с нанесенной на него краской и частями человека. Но, в отличие от картин, возможные миры являются абстрактными объектами, не воплощенными ни в каком

[136] Lewis D. On the Plurality of Worlds. Oxford, Basil Blackwell, 1986 pp. 165-174

материальном носителе. Миры, согласно ПА, состоят из частей, имеющих определенные свойства и соединенных друг с другом определенным образом, причем эти части, свойства и их соединение соответствуют конкретным объектам, которые существовали бы, если бы эти миры были актуальными. Мало кто из философов придерживается данной теории, так как она сталкивается с крайне трудноразрешимой проблемой, касающейся детализированности, с какой миры репрезентируют возможности. Сторонникам ПА необходимо, чтобы их миры репрезентировали каждую деталь возможной ситуации наиболее полно и подробно. Проблема в том, что в таком случае абстрактные миры все больше будут походить на конкретные миры модальных реалистов. Для репрезентации размеров, расстояний, цветов возможных объектов, части пикториальных миров, как кажется, сами должны быть четырехмерными (как наш мир) и обладать этими свойствами. Но в таком случае точная и полная репрезентация будет неотличима от самого конкретного репрезентируемого объекта. Единственное отличие таких миров в том, что они обладают свойством «быть абстрактным», но при этом неотличимы от конкретных миров. Это кажется весьма контринтуитивным и ad hoc.

Кроме того, любое изображение для того, чтобы что-либо значить, должно быть интерпретировано. Мир, таким образом, должен быть интерпретированным изображением и тогда основной тезис ПА будет выглядеть так:

(ПА) Предложение естественного языка «Возможно, что s» выражает интерпретированное изображение, которое репрезентирует s, и изображение, согласно интерпретации, является максимальной и непротиворечивой репрезентацией.

Проблема заключается в неясности самого понятия интерпретированного изображения: непонятно, что оно из себя представляет, каким образом оно соотносится с репрезентируемой конкретной реальностью, и каким образом оно может быть нами познано.

Пропозициональный абстракционизм[137] (propositional abstractionism) (ПрА) предлагает один из наиболее интуитивно приемлемых взглядов на онтологический статус возможных миров. Они являются множествами пропозиций. Поскольку у нас есть независимые от вопросов модальности основания для признания существования

[137] Adams R. M. Theories of Actuality // Noûs. 1974 №8 pp. 211–31

пропозиций, теория ПрА выглядит гораздо менее спорной, чем ее соперники. Поэтому многие авторы называют теорию спокойным, умеренным реализмом (quiet moderate realism), в отличие от крайнего модального реализма Дэвида Льюиса. Поскольку в философии уже есть подробно разработанные теории пропозиций, их применение в метафизике возможных миров требует лишь небольших изменений. Можно выделить четыре основных изменения:

1. Пропозиции, из которых строятся миры не должны быть неполными и противоречивыми (как пропозиции, выражаемые предложениями «Сократ думает о» или «Сократ является и не является учителем Платона»). Некоторые философы вообще отрицают существование подобных пропозиций, но нам достаточно лишь исключить их из построения миров.

2. Пропозиции должны существовать независимо от любых актуальных объектов и от языка, с помощью которого они выражены. Это изменение позволит нам утверждать, что пропозиции о кентаврах, например, могут быть истинными или ложными независимо от актуального существования самих кентавров. Кроме того, это позволяет сторонникам ПрА утверждать существование настолько инородных для нас возможностей, что их невозможно выразить ни на каком существующем языке (но пропозиции о них существуют).

3. Нам следует определить мир как конъюнкцию непротиворечивых пропозиций. В таком случае мы получим и каждый из конъюнктов: в соответствии с одним из правил натурального вывода

A & B

A, B

из конъюнкции следует каждый из ее конъюнктов по отдельности. В результате миры как множества пропозиций всегда замкнуты относительно логического следования (closed under logical consequence).

4. Необходимо определить отношение «истинно в» существующее между предложением и максимальным и непротиворечивым множеством пропозиций, образующих возможный мир. Предложение «Возможно, что трава синяя» истинно в том случае, если существует максимальное и непротиворечивое множество пропозиций, и пропозиция, выраженная предложением «Трава синяя», истинна в

этом множестве. Она истинна в этом множестве тогда, когда включена в него.

Основной тезис ПрА можно сформулировать следующим образом:

(ПрА) Предложение естественного языка «Возможно, что s» выражает пропозицию p и является истинным, если и только если существует максимальное и непротиворечивое множество полных и непротиворечивых пропозиций, в котором p истинно.

Таким образом, теории нужно лишь три базовых метафизических понятия: пропозиция, множество и отношение «истинно в». Но ПрА приходится утверждать, что пропозиции существуют независимо от актуальных объектов и являются структурированными сущностями, что для многих философов неприемлемо.

Еще одна абстракционистская теория (ПДА – абстракционизм положений дел) представляет возможные миры в виде множеств положений дел. Наиболее известный ее сторонник – Алвин Плантинга[138]. Положения дел уже встречались нам при обсуждении другой теории – комбинаториализма. Хотя обе теории используют одно и то же ключевое метафизическое понятие, их не следует смешивать друг с другом. Два главных различия между ними касаются отношения между актуальными объектами и элементами положений дел, а также природы самих этих элементов. В то время как К опирается на принцип рекомбинации, использующий актуальные индивиды и универсалии для построения возможных миров, ПДА не нуждается в актуальных объектах: согласно ПДА, элементы положений дел, составляющих возможные миры, могут быть неактуальными. Поэтому ПДА может без особых затруднений признать существование инородных возможностей.

По вопросу о природе элементов положений дел ПДА также отличается от К: он утверждает, что все элементы положений дел существуют необходимо (necessary existents) и обладают индивидуальными сущностями (individual essences). Согласно определению Плантинги, индивидуальная сущность – это такое свойство индивида a, которое: 1. сущностно для a, то есть a не может существовать, не обладая этим свойством, 2. необходимо уникально для a, то есть необходимо, что a – единственный объект, обладающий этим свойством.

[138] Plantinga A. Actualism and possible worlds // Theoria. 1976. № 42(1-3) pp. 139-160

Следует заметить, что упоминавшаяся выше «этость» (haecceity) будет согласно этому определению индивидуальной сущностью.

Основной тезис ПДА можно сформулировать следующим образом:

(ПДА) Предложение естественного языка «Возможно, что s» выражает положение дел S и истинно, если и только если существует максимальное и непротиворечивое положение дел, в которое включено S.

Очевидно, что ПДА не может редуцировать модальное к немодальному, так как опирается на понятия максимальности и непротиворечивости. Кроме того, многим философам кажутся крайне подозрительными индивидуальные сущности и необходимо существующие элементы положений дел.

Последней из рассмотренных нами абстракционистских теорий будет атомарный абстракционизм[139] (АА). Эта теория стремится избежать затруднений других абстракционистов, предлагая очень упрощенное представление о возможных мирах. Согласно АА, возможные миры – простые, атомарные, лишенные всякой внутренней структуры абстрактные объекты. Они репрезентируют разные возможности, но механизм этой репрезентации не уточняется. В связи с этим АА еще называют магическим абстракционизмом, так как, по словам Льюиса, они репрезентируют возможности неким непонятным, словно магическим, образом. Такие возможные миры лишены частей, каждый из них – максимальный простой объект, который просто существует. Тем не менее они отличаются друг от друга тем, что репрезентируют разные возможности.

Мы можем сформулировать основной тезис АА следующим образом:

(АА) Предложение естественного языка «Возможно, что s» выражает максимальный абстрактный атомарный объект S и этот объект репрезентирует возможность, выраженную предложением s.

---

[139] Denby D. A. In Defense of Magical Ersatzism. // The Philosophical Quarterly. 2006. №56. pp. 161–74

Для большинства философов, однако, неприемлемо отсутствие объяснения механизма репрезентации, и АА остается крайне малопопулярной позицией.

Несмотря на разное представление о возможных мирах (которые могут быть комбинациями, пропозициями, положениями дел и так далее), все абстракционистские течения сходятся на том, что возможные миры – абстрактные объекты. Но, кроме этого, все они обладают еще двумя отличительными особенностями – их объединяет приверженность актуализму и межмировому тождеству индивидов (transworld identity).

(A) Все, что есть, существует актуально.

Таким образом, для модальных абстракцианистов наш, актуальный мир охватывает всю реальность. Возможные миры в этом случае будут также частями актуального мира. Сами миры – это актуальные абстрактные объекты, а вот репрезентируемые ими возможности будут всего лишь возможностями (mere possibilities) и не будут существовать реально.

Противоположная точка зрения называется поссибилизмом (possibilism) и утверждает, что лишь возможные объекты не менее реальны, чем актуальные. Модальный реализм Дэвида Льюиса – один из возможных вариантов поссибилизма.

Абстракционистские теории также утверждают, что один и тот же индивид может присутствовать в нескольких разных возможных мирах, то есть межмировое тождество индивидов возможно. Многие философы считают это преимуществом абстракционизма перед модальным реализмом, который вынужден прибегать к понятию двойника для объяснения de re модальности. Для абстракционистов такое объяснение не представляет проблемы: возможные миры состоят не из конкретных индивидов, а из их абстрактных репрезентаций. Поэтому одна и та же репрезентация (имя, элемент пропозиции или положения дел) может входить в состав многих миров и можно утверждать, что, если бы какой-либо возможный мир стал актуальным, тот же самый индивид обладал бы какими-либо другими (отличными от актуальных) свойствами. Это дает абстракционизму возможность избежать проблемы Хамфри, о которой мы говорили выше. Однако межмировое тождество также не лишено собственных трудностей. Оно влечет за собой возможность миров, которые полностью качественно тождественны, но отличаются друг от друга лишь

этостями индивидов (haecceitistic diferences). Представим, например, мир, совершенно неотличимый от нашего по всем своим свойствам, но в котором человек, имеющий этость Дональда Трампа, обладает всеми свойствами Эммануэля Макрона (физическими, психологическими и так далее) и наоборот. Впрочем, для этого возражения не требуется существования этостей, так как можно провести следующий мысленный эксперимент. Поскольку индивиды могут существовать в разных мирах и обладать в них разными свойствами, мы можем представить себе цепочку миров, в которых рост Трампа изменяется и становится равным росту Макрона. То же самое происходит и со всеми другими свойствами, до тех пор, пока Макрон и Трамп полностью не обменяются свойствами. Интуитивно кажется, что подобная ситуация невозможна. Мир, в котором Трамп и Макрон обменялись всеми свойствами, будет просто нашим миром. В итоге мы видим, что каждая из теорий (межмирового тождества и двойников) связана со своими трудностями.

Еще одна теория, модальный фикционализм (МФ), стремится получить всю выгоду от использования возможных миров при интерпретации модального дискурса, не платя при этом высокую онтологическую цену в виде признания реального существования этих миров. В последние годы фикционалистские теории получили широкое признание в самых разных областях философии: в философии науки, математики, в этике и так далее. Отличительная особенность МФ в том, что он принимает интерпретацию модального дискурса в терминах возможных миров, но, в отличие от модального реализма или абстракционизма, считает эти миры всего лишь удобной и полезной выдумкой, фикцией. Предложения, содержащие отсылки к возможным мирам, будут (если понимать их буквально) в таком случае ложными.

Необходимо сразу же заметить, что МФ не считает лишенной истинности фикцией сами модальные утверждения, но только их интерпретацию в терминах возможных миров. Предложение

(ТС) Возможно, что трава синяя.

является в буквальном смысле истинным, но предложение

(ТС*) Есть возможный мир, в котором трава синяя.

будет в буквальном смысле ложным. Только в рамках фикции, истории (story) возможных миров его можно назвать истинным.

Приняв это во внимание, мы можем сформулировать основной тезис МФ таким образом:

(МФ) Предложение естественного языка «Возможно, что s» истинно, если и только если его анализ в терминах возможных миров истинен (согласно фикции возможных миров).

Предложение (ТС) истинно, если и только если истинно (в рамках фикции возможных миров) предложение (ТС*).

МФ пытается примирить два интуитивно правильных утверждения: 1. модальные предложения нуждаются для своего объяснения в некоей теории, и лучшая на сегодняшний день такая теория использует понятие возможного мира, 2. теории, принимающие всерьез существование возможных миров, сталкиваются со значительными трудностями при попытке объяснить природу этих миров. МФ использует наилучшую из теорий возможных миров, но не принимает ее в буквальном смысле, а трактует как выдуманную историю, фикцию, наподобие таких художественных произведений, как «Анна Каренина» или «Сто лет одиночества».

В определении основного тезиса МФ не указано, согласно какому именно представлению о возможных мирах истинен анализ предложений. В принципе возможно выбрать любую из изложенных выше теорий. После взвешивания всех за и против, основоположник МФ Гидеон Розен,[140] а вслед за ним и многие другие фикционалисты, остановил свой выбор на модальном реализме. По его мнению, это теория с наибольшим потенциалом – она способна обосновать существование наибольшего числа возможностей, в том числе и инородных. Тогда основной тезис МФ должен быть изменен, чтобы включить явную отсылку к соответствующей теории. Розен считает, что это можно сделать, использовав выражение «согласно истории рассказанной в» («according to the story told in») и добавив ссылку на нужную книгу. В итоге тезис МФ будет выглядеть так (строчная р – отсылка к модальному реализму, s* – перевод предложения s на язык модального реализма):

(МФр) Предложение естественного языка «Возможно, что s» истинно, если и только если согласно истории, рассказанной в книге Дэвида Льюиса 1986 года «О множественности миров», s* истинно.

---

[140] Rosen G. Modal Fictionalism. // Mind. 1990. №99 pp. 327–54.

Основной тезис МФ можно сформулировать и по-другому, рассматривая как отдельные истории сами возможные миры. Как заметил Дэвид Армстронг, можно полагать, что фикция в МФ имеет как бы два слоя: внутри одной главной истории (представленной самой книгой Льюиса) существует множество более мелких историй (отдельных возможных миров). В таком случае основной тезис МФ будет выглядеть следующим образом:

(МФр*) Предложение естественного языка «Возможно, что s» истинно, если и только если согласно истории, рассказанной в книге Дэвида Льюиса 1986 года «О множественности миров», существует такое собрание историй, что согласно по крайней мере одной из них s* истинно.

Главное достоинство МФ в том, что он позволяет воспользоваться всеми преимуществами модального реализма, но избежать при этом его онтологических обязательств. Тем не менее многие противники МФ убеждены, что его недостатки перевешивают достоинства. Во-первых, возникает проблема релевантности. Какое отношение имеет история, сочиненная Льюисом к определению того, что возможно (или невозможно) в реальном мире? Разве возможность того, что трава синяя зависит от какой бы то ни было фиктивной истории? А если бы никто из философов таких историй не написал, то все модальные факты исчезли бы? Но сторонники МФ могут просто продолжать настаивать на том, что, несмотря на видимую контринтуитивность, факты о фикциях действительно объясняют модальные факты. Для несведущего в медицине человека объяснение того, почему у него болит живот, отсылающее к таким понятиям как бактерии, энзимы и так далее, может также показаться нерелевантным. Тем не менее оно может быть правильным.

Следующее возражение[141], предложенное Даниелом Ноланом (Daniel Nolan), затрагивает вопрос об онтологическом статусе самих фикций. Что именно они из себе представляют? Являются ли они фикциями, подобными Шерлоку Холмсу или подобными неевклидовой геометрии, то есть подобными артефактам (которые создаются

---

[141] см. Nolan D. Three Problems for «Strong» Modal Fictionalism // Philosophical Studies. 1997. №87. pp. 259–75

конкретными авторами) или подобными абстрактным и вечным объектам?

Поскольку модальные факты кажутся независимыми от людей и создаваемых ими фикций, нам следует выбрать второй вариант. Но в таком случае МФ рискует превратиться в разновидность абстракционизма, так как будет непонятно, как такие лишенные авторства фикции могут называться фикциями.

Если мы выберем первый вариант, то возникнет проблема авторского произвола. Авторы привычных нам фикций – художественных произведений вольны вкладывать в свои творения любое содержание, но возможные миры должны (чтобы быть возможными) быть максимальными и непротиворечивыми сущностями. Впрочем, сторонники МФ могут возразить на это, что многие художественные произведения определенных жанров подчиняются вполне определенным правилам: сонет должен состоять из 14 строк, а текст, занимающий половину страницы, не может быть романом-эпопеей. Тем не менее само наличие автора у фикций возможных миров вызывает много вопросов. Дэвид Льюис (если мы придерживаемся МФр) создал фикцию возможных миров, но он никак не может быть создателем самих модальных фактов: Льюис не создавал возможность существования синей травы. Фикционалисты могут ответить на это, проведя различие между причиной или базой (ground) какого-либо модального факта и его объяснением. Само наличие какого-либо модального факта никак не зависит от творчества Льюиса, но существование объяснения этого факта зависит. Если бы Льюис не написал свою книгу, модальные факты по-прежнему существовали бы, но у нас не было бы их объяснения.

Список литературы

1. Armstrong D. M. A Combinatorial Theory of Possibility. New York, Cambridge University Press, 1989.
2. DeRosset L. Possible Worlds I: Modal Realism. // Philosophy Compass. 2009. № 4(6). pp. 998–1008.
3. DeRosset L. Possible Worlds II: Non-reductive Theories of Possible Worlds. // Philosophy Compass. 2009. №4(6). pp. 1009–1021.

4. Divers J. Possible Worlds. London, Routledge, 2002.
5. Lewis D. On the Plurality of Worlds. Oxford, Basil Blackwell, 1986.
6. Mackie, Penelope and Mark Jago, "Transworld Identity", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2017 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/win2017/entries/identity-transworld/.
7. Melia J. Modality. Chesham, Acumen Publishing Company, 2003.
8. Menzel, Christopher, "Possible Worlds", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2021 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/fall2021/entries/possible-worlds/.
9. Plantinga A. The Nature of Necessity. Oxford, Oxford University Press, 1974.
10. Yagisawa T. Worlds and Individuals, Possible and Otherwise. New York, Oxford University Press, 2010.

Глава 10. Контрфактические кондиционалы

Контрфактический кондиционал, КК или контрфактуал (counterfactual conditional) – это кондиционал, то есть условное выражение, находящееся в сослагательном, а не изъявительном наклонении. Различие в наклонениях приводит к различию условий истинности (truth-conditions) соответствующих высказываний. Рассмотрим два высказывания, которые приводились Дэвидом Льюисом для иллюстрации этого различия.

(1) Если не Освальд убил Кеннеди, то это сделал кто-то другой.

(2) Если бы Освальд не убил Кеннеди, то это сделал бы кто-то другой.

Первое из этих высказываний находится в изъявительном наклонении, а второе в сослагательном, что приводит к разным условиям истинности и (в данном случае) к разному истинностному значению. Предположим, что комиссия Уоррена была права, и Освальд действовал в одиночку. В таком случае мы, несомненно, посчитаем

(1) истинным, так как сам факт убийства Кеннеди очевиден, и если уж его убил не Освальд, то это сделал кто-то другой. Но (2) мы посчитаем ложным, так как, поскольку Освальд действовал один и не был частью большого заговора, то, если бы он не совершил успешного покушения, это покушение вообще не состоялось бы, и Кеннеди не был бы убит. Ложность (2) свидетельствует о том, что его нельзя воспринимать как стандартный материальный кондиционал (material conditional), который по-русски часто называют материальной импликацией. В стандартной логике такое утверждение формы «если p, то q» истинно в случае ложности p или истинности q, то есть его истинность/ложность зависит от актуального истинностного значения его частей (то есть его «материи», откуда и идет слово материальный в названии), но не от их содержательной взаимосвязи. Поскольку же антецедент (2) ложен (Освальд все-таки убил Кеннеди), то само утверждение должно быть истинным. Но для нас интуитивно очевидно, что оно ложно, а значит КК отличается от материального кондиционала.

КК также следует отличать от строгих кондиционалов, строгой импликации (strict conditional), введенной К. И Льюисом[142]. Строгий кондиционал формы «если p, то q» истинен, если и только если невозможно, чтобы p было истинным, а q ложным. Примером такого утверждения будет, например, следующее:

(3) Если этот мяч желтый и шарообразный, то он желтый.

Очевидно, что желтый и шарообразный объект не может не быть желтым. Но КК не являются строгими в этом смысле. Мы считаем истинным такой КК:

(4) Если бы Геннадий Зюганов набрал большинство голосов во втором туре выборов 1996 года, то он стал бы президентом России.

Хотя это утверждение рассматривается нами как истинное, но его консеквент следует из антецедента не с необходимостью. Мы вполне способны представить себе (пусть и маловероятную) ситуацию, когда Г. Зюганов набрал большинство голосов, но не стал

[142] Lewis C. I. The Calculus of Strict Implication. // Mind, New Series. 1914. № 23(90). pp. 240-247

президентом (например, он мог неожиданно умереть после оглашения результатов и до вступления в должность президента).

Но что именно в таком случае представляют из себя КК? Здесь и начинаются семантические и метафизические трудности. Куайн назвал эти кондиционалы «созданиями тьмы» («creatures of darkness»), поскольку, как мы видели, они не подчиняются правилам классической экстенсиональной логики. Истинностное значение КК не является функцией истинностного значения его частей. Обе части (2) ложны, но мы полагаем его истинным, хотя есть много КК с ложными частями, которые мы посчитаем ложными:

(5) Если бы Освальд не убил Кеннеди, то Солнце бы взорвалось.

Разными философами было предложено несколько версий семантики этих кондиционалов, проясняющих их особенности и нестандартное поведение, а также был введен ставший общепринятым символ для обозначения КК: □→. Одними из первых свой вариант семантики предложили Родерик Чизом[143] и Нельсон Гудмен[144]. Основная их идея сводится к следующему положению.

($ЧГ_1$) Контрфактический кондиционал формы p□→ q истинен, если и только если существует валидный аргумент такой формы: из $p, L_1, ..., L_n, C_1, ..., C_m$ логически следует q.

В этой формулировке p – антецедент кондиционала, а q его консеквент, L – законы природы, а C – фоновые условия (background conditions).

Почему Чизом и Гудмен обратились именно к законам природы? Лучше всего это будет видно из примера. Рассмотрим такой (упрощенный) КК из научной практики: «если этот электрон встретил бы на пути своего движения магнитное поле, то он бы двигался по криволинейной траектории». Этот КК интуитивно кажется истинным из-за того, что существует закон природы (см. главу 13), по которому заряженные частицы движутся по кривым в магнитном поле. Но, очевидно, что одного закона в большинстве случаев будет недостаточно. В нашем примере необходимо добавить закон, гласящий, что

[143] Chisholm R. The contrary-to-fact conditional. // Mind. 1946. № 55(220). pp. 289–307
[144] Goodman N. The Problem of Counterfactual Conditionals // The Journal of Philosophy. 1947. № 44(5) pp. 113-118

электроны являются заряженными частицами. Поэтому в (ЧГ) указано несколько таких законов L_1, ..., L_n. В итоге мы можем составить такой аргумент:

1. Этот электрон встречает на пути своего движения магнитное поле (p).
2. Все электроны отрицательно заряжены (L_1).
3. Все отрицательно заряженные частицы, которые встречают на пути своего движения магнитное поле, движутся по криволинейной траектории (L_2).
4. Этот электрон движется по криволинейной траектории (q).

Очевидно, что утверждения о законах природы должны быть истинными, мы не можем просто придумать произвольный закон природы и использовать его в аргументе. Но почему нам нужны именно законы природы, а не просто истинные общие утверждения (general truths)? Предположим, что следующее утверждение истинно: «все денежные банкноты в моем кошельке являются рублевыми банкнотами». Будет ли истинным в этом случае такой КК: «если бы я поместил эту банкноту (лежащую сейчас на столе) в мой кошелек, то она была бы рублевой»? Ведь мы можем составить такой валидный аргумент: «Эта денежная банкнота находится в моем кошельке. Все денежные банкноты в моем кошельке являются рублевыми банкнотами. Следовательно, эта денежная банкнота является рублевой». Но, очевидно, что такой аргумент, вторая посылка которого всего лишь истинное общее утверждение, а не закон природы (номологически истинное утверждение), не будет поддерживать соответствующий КК. Ведь если банкнота, лежащая на столе, является долларовой, то при помещении ее в мой кошелек, она не превратится в рублевую. Скорее, общее утверждение о банкнотах в моем кошельке из истинного станет ложным. Это утверждение слишком нестабильно и легко изменяет истинность на ложность, в отличие от законов природы, которые гораздо более устойчивы.

В формулировке Чизома и Гудмена, кроме законов природы (L_1, ..., L_n) присутствуют еще некие C_1, ..., C_m. Это фоновые условия, необходимые для действия законов природы. Почему Чизом и Гудмен включили их в свою формулировку, станет яснее из примера.

Возьмем такой КК, приводимый самим Гудменом[145]: «если бы я чиркнул этой спичкой, то она бы загорелась» (здесь имеется ввиду спичка, загорающаяся при трении о любую поверхность). Предположим, что в данный момент эта спичка уже уничтожена (растворена в кислоте) и я уже никогда ей не чиркну, то есть антецедент КК уже навсегда ложен. Тем не менее мы утверждаем, что если бы я все-таки чиркнул этой спичкой (p), то она загорелась бы (q). То есть по теории Чизома и Гудмена, есть валидный аргумент с использованием законов природы, связывающий p с q. Давайте попробуем представить такой аргумент. Во-первых, мы сразу поймем, что нет законов природы (как они сформулированы в различных научных дисциплинах) связывающих чирканье спичкой и возгорание этой спички. Тем не менее есть более фундаментальные законы о том, как трение (чирканье) вызывает нагревание, вызывающее в свою очередь химические реакции в веществе, покрывающем спичечную головку и так далее. Для простоты примем, что есть закон о чирканье спичек и их возгорании. Но даже этого закона не хватит для построения валидного аргумента. Такой закон не может утверждать, что любая спичка загорится при чирканьи. Спичка должна быть сухой, качественно изготовленной из дерева и серы, окруженной достаточным количеством кислорода для того чтобы загореться. Именно эти фоновые условия C_1, ..., C_m необходимы для построения полного валидного аргумента от p к q. Если мы обозначим все необходимые законы одним символом L, а фоновые условия как C, то мы получим более краткую формулировку теории Чизома и Гудмена (где |= знак семантического следования):

(ЧГ$_2$) p□→q истинно, если и только если существуют истинные L и C, такие, что p, L, C |= q.

Тем не менее и такая формулировка нуждается в доработке. Необходимы ограничения на то, какие (пусть даже истинные) утверждения могут входить в C. Возьмем, например, ¬p, то есть отрицание антецедента КК. Ведь по самому своему названию КК является контрфактическим, то есть его антецедент ложен, мы только представляем, что было бы, будь он истинен. Значит отрицание антецедента является истиной и, в принципе, может быть включено в фоновые условия. Но тогда мы сможем сделать истинным абсолютно

[145] Goodman N. The Problem of Counterfactual Conditionals // The Journal of Philosophy. 1947. № 44(5) p. 115

любой КК. Если одним из C будет ¬p, то мы получим p, L, ¬p, C |= q. Но из противоречия следует все, что угодно, любое q. Поэтому в C могут быть включены только те истины, которые логически совместимы с p. К сожалению, такой совместимости также недостаточно. Как указывает в своей статье[146] на эту тему сам Гудмен, C должны быть не только логически, но и номологически совместимы с p. Некое C* может не противоречить p логически, но быть несовместимым с ним номологически, то есть C* вместе с каким-либо законом природы может подразумевать ¬p. Такие C* должны быть исключены. Кроме того, Гудмен, вводит еще одно требование: C должны быть соприемлемы (cotenable). У нас нет возможности остановиться подробнее на длинном и сложном для восприятия обосновании этого требования. Мы дадим лишь краткое определение соприемлемости (вернее отсутствия таковой): два предложения S_1 и S_2 не соприемлемы, если и только если S_2 не будет истинным, если истинным будет S_1. Теперь мы можем дать окончательную формулировку условий истинности КК:

(ЧГ$_3$) p□→q истинно, если и только если существует валидный аргумент p, L, C |= q, где L – актуальные законы природы, а C – те актуально истинные фоновые условия, которые логически и номологически совместимы и соприемлемы с p.

Но у этого определения есть существенный (и неустранимый) недостаток – оно круговое. Круг скрывается в определении соприемлемости – оно использует КК, ведь оно говорит о том, какое значение истинности было бы у S_2, если бы истинным было S_1. Такой результат был признан (с большим сожалением) самим Гудменом. По его словам, «мы можем объяснить один контрфактуал только в терминах других, так что проблема контрфактуалов должна оставаться нерешенной»[147]. Тем не менее предложенная теория обладает некоторой ценностью: из нее, например, видна связь КК с законами природы и с актуальными фактами в виде фоновых условий.

Однако наличие такого решающего недостатка вынудило философов искать другую, более приемлемую семантику для КК. Наиболее успешной стала теория, предложенная Робертом

[146] см. Goodman N. The Problem of Counterfactual Conditionals // Journal of Philosophy. 1947. №44 (5). pp. 113–28

[147] Goodman N. The Problem of Counterfactual Conditionals // Journal of Philosophy. 1947. №44 (5). p. 121

Столнейкером[148] и Дэвидом Льюисом. Для определения условий истинности КК эта теория прибегает к понятию возможных миров, которые рассматривались нами в предыдущей главе. Напомним, что мы можем определить в терминах возможных миров такие модальные понятия, как необходимость и возможность. В частности, необходимость можно определить так (если опустить упоминание достижимости):

(НИ) p необходимо истинно ($\Box p$), если и только если p истинно во всех возможных мирах.

Именно эти понятия возможных миров и истинности в них использует Дэвид Льюис при изложении теории КК в книге 1973 года «Контрфактуалы» («Counterfactuals»). В начале книги он рассматривает (чтобы потом отвергнуть) возможность отождествить КК со строгими кондиционалами, о которых мы уже упоминали в начале главы. Тогда КК был бы истинен, если бы во всех мирах, в которых истинно p, было бы истинно и q.

(СК) $p \Box\!\!\rightarrow q$ iff $\Box(p \rightarrow q)$.
$p \Box\!\!\rightarrow q$ iff $(p \rightarrow q)$ истинно во всех возможных мирах.

Тем не менее Льюис отвергает подобное отождествление, так как, по его мнению, строгие кондиционалы не способны передать некоторые важные черты КК. Он приводит такой пример. Рассмотрим следующие КК, все из которых мы хотим считать истинными: «Если бы Отто пришел [p_1], то это была бы веселая вечеринка[q]; но если бы пришли Отто и Анна вместе [$p_1 \wedge p_2$], то это была бы грустная вечеринка[$\neg q$]; но если бы пришел еще и Уодло [$p_1 \wedge p_2 \wedge p_3$], то это была бы веселая вечеринка[q]; но …»[149].

То есть мы признаем истинными все следующие КК: $p_1 \Box\!\!\rightarrow q$ и $p_1 \wedge p_2 \Box\!\!\rightarrow \neg q$ и $p_1 \wedge p_2 \wedge p_3 \Box\!\!\rightarrow q$ и так далее с чередованием q и $\neg q$. Но эта особенность КК не может быть реализована, если мы отождествим их со строгими кондиционалами. Возьмем, например, два первых КК. Если они действительно тождественны со строгими, то мы получим $\Box(p_1 \rightarrow q)$ и $\Box(p_1 \wedge p_2 \rightarrow \neg q)$, то есть $(p_1 \rightarrow q)$ и $(p_1 \wedge p_2 \rightarrow \neg q)$ будут

---

[148] Stalnaker R. A Theory of Conditionals. // Rescher N. (ed.) Studies in Logical Theory. Oxford, Basil Blackwell, 1968 pp. 98-112
[149] Lewis D. K. Counterfactuals. Cambridge MA, Harvard University Press, 1973 p. 10

истинны во всех возможных мирах. Но тогда мы должны сделать вывод, что в одном из таких миров (это рассуждение приложимо к любому миру), например в нашем, $p_1 \wedge p_2$ просто не может быть истинным, то есть Отто и Анна не могут прийти вместе на вечеринку. Ведь если бы были истинными p_1 и p_2, то из первого кондиционала мы могли бы через modus ponens вывести q, а из второго ¬q. То есть у нас получалось бы логическое противоречие, а значит два разных человека не могут посетить одну вечеринку по чисто логическим основаниям, что явно абсурдно. Поэтому КК не могут быть приравнены к строгим кондиционалам, истинным во всех возможных мирах.

Столнейкер и Льюис (независимо друг от друга) сделали из этого один и тот же вывод: КК должны быть истинными не во всех возможных мирах, а только в некоторых из них. То есть нам нужно выделить группу релевантных для определения истинности/ложности КК миров. Но как именно мы можем группировать миры? Для ответа на этот вопрос и была выдвинута ключевая идея теории СЛ (Столнейкера-Льюиса): группировать возможные миры по степени их сходства друг с другом. Представим, например, мир, который отличается от нашего только наличием дополнительного волоса на вашей голове. Очевидно, что два таких мира будут весьма сходны друг с другом. Еще один мир, в котором на вашей голове два дополнительных волоса, будет чуть менее схож с нашим. А мир, в котором планета Земля вообще не образовалась, гораздо менее сходен с актуальным. Теперь нам легко представить себе возможные миры, упорядоченные в абстрактном пространстве в отношении их сходства: они могут отстоять друг от друга на большее или меньшее расстояние, в зависимости от степени сходства.

Однако различные аспекты мира могут быть сходны друг с другом в большей или меньшей степени, из-за чего могут возникать конфликтные ситуации. Эту ситуацию можно сравнить с расположением книг на полке: мы можем выстроить их слева направо по цвету обложки, по количеству страниц, по фамилии автора и так далее. Результаты будут разными. То же самое может произойти и с мирами – их упорядочение будет зависеть от того аспекта сходства, который для нас более важен. Поэтому при оценке КК следует помнить об этой зависимости от контекста. Но, предположим, мы определили контекст и интересующий нас аспект сходства миров. Как именно мы будем оценивать истинность КК? Рассмотрим пример, приводимый самим Дэвидом Льюисом. «Если бы кенгуру не имели бы хвостов, то они опрокинулись бы». Теперь представим ряд возможных миров

(или множеств возможных миров): множество миров почти во всем сходных с нашим, но в которых кенгуру в среднем чуть меньше по размеру (но хвост у них есть); множество в которых у кенгуру нет хвостов; множество, в котором у кенгуру также нет хвостов, но где в процессе эволюции кенгуру научились пользоваться искусственными орудиями и теперь используют для передвижения костыли вместо хвоста; множество, в котором у кенгуру нет хвоста, но есть крылья, и они летают по воздуху и так далее. Когда мы говорим «если бы кенгуру не имели бы хвостов, то они опрокинулись бы», то мы не имеем в виду, что абсолютно во всех мирах, где они лишены хвостов, они бы опрокидывались. Нас не интересуют миры, где кенгуру летают или пользуются костылями, так как они слишком непохожи на наш. Нам нужно выбрать то множество, которое как можно меньше отличается от нашего мира, но в котором антецедент КК истинен, то есть кенгуру не имеют хвостов. Тогда мы можем оценить данный КК как истинный: наши знания об анатомии кенгуру позволяют сказать, что в мирах, где у них нет хвоста, они опрокинутся.

Мы видим, что для истинности КК необходимо, чтобы консеквент был истинен в наиболее близких к актуальному возможных мирах, в которых истинен антецедент. Теперь мы можем дать более точное определение условий истинности КК согласно теории Дэвида Льюиса:

(ККЛ) В мире @ контрфактический кондиционал $p \Box\!\!\rightarrow q$ является:

1. бессодержательно истинным (vacuously true), если нет возможных миров, в которых p истинно;
2. содержательно истинным (non-vacuously true), если среди миров, в которых p истинно, некоторые миры, где q истинно, ближе к @, чем любой мир, где q не истинно;
3. ложным во всех других случаях.

Первый из вариантов говорит о тех p, которые предполагают логическое противоречие, а значит нет таких миров, в которых они могли бы быть истинными. Получится, что q будет истинно во всех мирах (то есть в пустом множестве таких миров), в которых истинно p, и мы можем признать КК бессодержательно истинным. Второй и третий из вариантов рассматривают множество возможных миров, в которых (в отличие от актуального) антецедент КК, то есть p, истинен. Если из всех этих миров те из них, в которых q также истинно,

ближе к актуальному (более сходны с ним), чем те, в которых q ложно, то и сам КК истинен. В противном случае КК ложен.

Для удобства мы можем сформулировать эту теорию более просто (и менее строго) таким образом:

(ККЛ*) Контрфактический кондиционал p□→q является истинным, если и только если q истинно во всех ближайших возможных мирах, в которых истинно p.

Мы видим, что в отличие от теории Чизома и Гудмена, данное определение совсем не упоминает законы природы. Но интуитивно кажется, что они важны при определении истинности КК. Например, истинность КК «если я брошу этот мяч из окна, то он упадет на землю» очевидным образом зависит от действия закона всемирного тяготения. Куда же пропали законы природы из теории Столнейкера-Льюиса? На самом деле они никуда не пропали, а присутствуют в скрытом виде, как один из критериев сходства миров. Возможные миры, в которых не действует закон всемирного тяготения, будут сильно отличаться от актуального и (при прочих равных условиях) не будут рассматриваться при оценке КК. Но какие именно критерии (помимо действия законов природы) используются в данной теории для оценки сходства миров между собой? Рассмотрим их более подробно. Сам Льюис в своей статье 1979 года «Контрфактическая зависимость и стрела времени» («Counterfactual Dependence and Time's Arrow»)[150] дает четыре принципа, расположенных в порядке убывания их важности:

1. Избегать больших, широкомасштабных чудес, то есть разнообразных нарушений законов природы.
2. Максимизировать пространственно-временной регион, на протяжении которого господствует полное совпадение отдельных фактов.
3. Избегать даже небольших, локализованных, простых нарушений законов, то есть чудес.
4. Практически не имеет значения обеспечивать приблизительное сходство отдельных фактов.

[150] Lewis D. K. Counterfactual Dependence and Time's Arrow. // Noûs. 1979. № 13(4) pp. 455-476

Мы видим, что Льюис не исключает небольших чудес, нарушений законов природы (их избеганию отводится лишь третье место) при оценке сходства возможных миров. С чем это связано? Согласно Льюису более важным, чем избегание чудес, является максимальное увеличение участка пространства-времени, где происходит полное совпадение отдельных фактов. А чтобы его достичь (и одновременно сделать p истинным, что необходимо для оценки КК) иногда приходится ввести небольшое нарушение законов природы. Чтобы лучше понять это, рассмотрим конкретный пример. Предположим, вы играете в казино на рулетке. Шарик выпал на черное, но вы поставили все деньги на красное и проиграли. Тогда вы говорите себе: «Если бы шарик выпал на красное, я был бы богат». Интуитивно это кажется истинным. Согласно теории Льюиса, чтобы оценить истинность произнесенного вами КК, следует посмотреть на ближайшие к нашему миры, в которых антецедент КК истинен (шарик действительно выпал на красное). Предположим, что наш мир (по крайней мере на макроуровне) детерминистичен. В таком случае, если мы откажемся даже от небольших чудес, то прошлая история ближайших к нашему миров, где шарик выпадает на красное должна быть другой: крупье должен бросить шарик с чуть меньшей или большей силой, или колесо рулетки должно крутиться немного медленнее или быстрее из-за большего или меньшего трения, для чего оно должно было быть произведено немного по-другому и так далее. Эти небольшие изменения будут накапливаться тем больше, чем дальше мы уходим в прошлое. В детерминистичном мире нам, скорее всего, придется идти в прошлое вплоть до Большого Взрыва. Получается просто огромное расхождение миров, хотя по условию теории мы должны брать миры, наиболее близкие к нашему. Но теперь давайте рассмотрим такой вариант развития событий. Возьмем мир, который абсолютно идентичен нашему за всю свою историю вплоть до броска шарика в казино. В этот момент случается небольшое чудо: законы природы (незаметно для всех присутствующих) немного нарушаются, шарик попадает на красное, вы выигрываете огромную сумму денег и становитесь богатым. Какой из двух миров будет больше похож на наш: мир с идентичным прошлым и небольшим чудом или мир без чуда, но с небольшими изменениями на протяжении всей истории? Льюис полагает, что следует предпочесть мир с чудом. Поэтому он поместил избегание небольших чудес лишь на третье место.

До сих пор мы рассматривали теории Столнейкера и Льюиса как единое целое. Но, несмотря на действительно большое сходство,

между их теориями существует и различие. По мнению Столнейкера[151], если мы применим все необходимые критерии сходства, то получим один-единственный мир, наиболее близкий к актуальному, в котором антецедент КК истинен. Именно от того, истинен ли в этом мире и консеквент КК, зависит истинность самого КК. Говоря более строго, существует функция выбора миров (world-selection function), которая берет пропозицию и выдает возможный мир. Если мы обозначим эту функцию как f, то получим такую формулировку теории Столнейкера:

(ККС) Контрфактический кондиционал p□→q истинен, если и только если q истинно в мире f(p),

где f(p) единственный возможный мир, выбранный функцией. Критерии выбора в теории Столнейкера примерно такие же, как и у Льюиса: сохранение законов природы, в отличие от случайно истинных обобщений, наименьшее из возможных изменение отдельных фактов и так далее.

Из предположения возможности найти самый ближайший к данному возможный мир, удовлетворяющий определенным критериям (в котором, например, истинно p), вытекает и другое важное различие между теориями Столнейкера и Льюиса. Первая признает, а вторая отрицает закон условного исключенного третьего, то есть известный закон исключенного третьего классической логики для КК. Этот закон гласит:

(КИТ) (p□→q) ∨ (p□→¬q).

Рассмотрим такой пример этого закона:

(M) Или (а) если бы эта монета была подброшена минуту назад, то выпала бы решка или (б) если бы эта монета была подброшена минуту назад, то не выпала бы решка.

Это утверждение должно быть истинным в теории Столнейкера. В ней мы можем найти один ближайший к актуальному мир, в котором данная монета действительно была подброшена минуту

---

[151] Stalnaker R. A Theory of Conditionals. // Rescher N. (ed.) Studies in Logical Theory. Oxford, Basil Blackwell, 1968 p. 104

назад. В этом мире событие (выпадение решки) должно было произойти, либо не произойти. Третьего не дано. Но в теории Льюиса у нас имеется (как правило) множество миров с истинным атецедентом КК, каждый из которых одинаково близок к нашему. В некоторых из них действительно выпадет решка, а в некоторых это не произойдет. Тогда по определению (ККЛ*) ни q, ни ¬q не будет истинным во всех ближайших к актуальному мирах, где истинно p. А значит оба варианта из утверждения (М) будут ложными. Закон исключенного третьего не работает. В свою очередь, из этого следует, что КК формы p□→q не эквивалентен ¬(p□→¬q). Тем не менее, по мнению Льюиса, существует еще одна разновидность КК, эквивалентная выражению «¬(p□→¬q)». Это так называемые контрфактуалы возможности (might counterfactuals): «если было бы p, то могло бы быть (might have been) q». Для них был предложен специальный знак ◊→. Теперь мы можем дать такое определение этой разновидности КК:

(ККВ) p◊→q↔¬(p□→¬q).

Примером такого КК будет «если бы эта монета была подброшена минуту назад, то могла бы выпасть решка». Он говорит только лишь о возможности какого-либо события (выпадение решки) при определенном условии (бросок монеты). Тогда, по данному нами определению, этот КК возможности будет эквивалентен обычному КК: «неверно, что если бы эта монета была подброшена минуту назад, то не выпала бы решка».

В обеих теориях (и Столнейкера и Льюиса) КК обладают рядом характерных особенностей чисто логического порядка, отличающих их от обычных, материальных импликаций. Дело в том, что логические законы, имеющиеся в случае материальных импликаций, не действуют для КК. В частности, в случае КК мы не имеем транзитивности, а также законов контрапозиции и усиления, то есть:

(ТР) p□→q, q□→r ⊭ p□→ r.
(КП) p□→q ⊭ ¬q□→¬p.
(УС) p□→q ⊭ (p∧r)□→q.

На примерах можно лучше понять, почему эти правила не действуют. Если говорить об услилении, то можно привести такой: из истинного кондиционала «Если я чиркну спичкой[p], то она

загорится[q]», не следует его усиленная версия – «Если я чиркну спичкой и в тот же момент опущу ее в воду[p∧r], то она загорится[q]».

Для транзитивности наиболее известный контрпример был приведен самим Робертом Столнейкером. В нем упоминается Джон Эдгар Гувер (John Edgar Hoover), директорр ФБР с 1924 по 1972 годы. Интуитивно кажется правильным, что мы не можем сделать следующий вывод: «если Джон Эдгар Гувер родился бы в Советском Союзе, то он был бы коммунистом; если бы Джон Эдгар Гувер был коммунистом, то он был бы предателем; следовательно, если Джон Эдгар Гувер родился бы в Советском Союзе, то он был бы предателем». Посылки, взятые сами по себе, кажутся истинными: можно предположить, что в ближайшем к нашему мире/мирах Гувер, родившийся в 1895 году (его настоящем году рождения) в Российской Империи, ставшей впоследствии Советским Союзом, действительно стал коммунистом. Вторая посылка тоже интуитивно истинна: в ближайшем мире/мирах, где Гувер коммунист, он, как и в актуальном мире, является американцем и директором ФБР, но одновременно и коммунистом, что для директора ФБР времен холодной войны и маккартизма практически равнозначно предательству. Но при истинности посылок заключение кажется ложным: совсем не обязательно, что в ближайшем мире, где Гувер рождается в России, он становится предателем (по отношению к этой своей родине). Впрочем, не все философы согласны с таким рассуждением. По мнению, например, Э. Дж. Лоу, истинность посылок и ложность заключения лучше объясняется не нарушением транзитивности у КК, а ошибкой эквивокации в приводимом примере. Как утверждает Лоу[152] в первой посылке на самом деле имеется в виду, что «если Джон Эдгар Гувер родился бы в Советском Союзе, то он был бы *советским гражданином и коммунистом*», а во второй посылке «если бы Джон Эдгар Гувер был *коммунистом и американским гражданином*, то он был бы предателем». Тем не менее опровержение одного примера не дает само по себе оснований отвергать нарушение транзитивности для КК.

Помимо рассмотренных, можно выделить еще одну особенность (или, скорее, недостаток) теории Столнейкера-Льюиса. Она не видит разницы между КК, которые интуитивно кажутся различными. Речь идет о КК с невозможными антецедентами. Предположим, что число 5 существует с необходимостью и рассмотрим два КК:

---

[152] Lowe E. J. A Survey of Metaphysics Oxford, Oxford University Press, 2002 p. 144

(Ч5) Если бы числа 5 не существовало, то число 4 все равно имело бы того же самого преемника (successor) в ряду натуральных чисел, что и сейчас.

(Ч5) Если бы числа 5 не существовало, то число 4 не имело бы преемника в ряду натуральных чисел или имело бы другого преемника, чем сейчас.

Поскольку нет возможных миров, где отсутствует число 5, то по теории Столнейкера-Льюиса оба КК являются истинными, а именно – бессодержательно истинными (vacuously true). Тем не менее интуитивно кажется истинным, что первый из КК ложен. То есть мы можем оценивать per impossibile кондиционалы как содержательно истинные или ложные, чего данная теория не позволяет.

Список литературы

1. Bennett J. A Philosophical Guide to Conditionals. Oxford, Oxford University Press, 2003.
2. Chisholm R. The contrary-to-fact conditional. // Mind. 1946. № 55(220). pp. 289–307
3. Goodman N. The Problem of Counterfactual Conditionals // The Journal of Philosophy. 1947. № 44(5) pp. 113-118
4. Kvart I. A Theory of Counterfactuals. Indianapolis, Hackett, 1986.
5. Lewis D. K. Counterfactual Dependence and Time's Arrow. // Noûs. 1979. № 13(4) pp. 455-476
6. Lewis D. K. Counterfactuals. Cambridge MA, Harvard University Press, 1973.
7. Starr, William, "Counterfactuals", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2021 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/counterfactuals/.

Глава 11. Диспозиции

Нам всем знаком такой обычный факт – сахар-рафинад начинает постепенно растворяться, если мы положим его в чашку с горячим чаем. Кубик сахара предрасположен (disposed to) к растворению в воде. Его способность к этому, то есть его растворимость, принадлежит к числу его свойств. О бензине мы скажем, что он воспламеняем или даже легко воспламеняем. О медной проволоке можно сказать, что она является проводником, то есть предрасположена к проведению электрического тока. Но что значит иметь предрасположенность к чему-либо или иметь соответствующую диспозицию? Об этом будет рассказано в данной главе.

Что же общего между объектами, которым мы приписываем различные диспозиции? Все они реагируют или ведут себя определенным образом, когда они помещены в определенные условия. До момента попадания в эти благоприятные условия (до срабатывания соответствующего триггера) диспозиция объекта может внешне никак не проявляться. До контакта с водой растворимость сахара не проявляется, поэтому при объяснении диспозиции мы обычно упоминаем именно доступную наблюдению реакцию (растворение), наступающую при воздействии определенного стимула (помещение в воду). Из этого видно, что диспозициям присущи три главных черты:

ненаблюдаемость (non-observability), модальность (modality) и порождение или продуцирование (production) определенных эффектов.

Именно в связи с первой из этих черт (ненаблюдаемостью) были связаны первые попытки объяснить диспозиции и свести их к чему-нибудь более понятному. Эти попытки были предприняты еще в первой половине 20 века логическими эмпиристами и, в частности, Карнапом. Для логических эмпиристов невозможность непосредственно наблюдать такие черты объектов, как растворимость, хрупкость или воспламеняемость, представляла серьезную трудность, так как, по их мнению, все наше знание о внешнем мире сводится в конечном счете к показаниям органов чувств, чувственному опыту. Более того, они придерживались верификационного критерия осмысленности предложений: предложение является осмысленным, когда мы можем указать на феномены, наблюдение которых с помощью наших органов чувств может подтвердить истинность (или ложность) предложения. Но что делать в таком случае с ненаблюдаемыми диспозициями? Отказаться от них совсем невозможно, так как они играют значительную роль не только в повседневной жизни, но и в науке. Очевидно, что следует свести их к чему-нибудь наблюдаемому. Одна из первых таких попыток была предпринята Рудольфом Карнапом в работе 1936 года «Проверяемость и значение» («Testability and Meaning»). Как отмечает Карнап, самым простым выходом из проблемы может показаться отождествление диспозиций с материальной импликацией. Тогда мы получим простой условный анализ диспозиций:

(ПУАД) Если предикат D значит «растворимо в воде», «Tx» значит «тело x помещено в воду», «Rx» значит «тело x растворяется», то «растворимо в воде» мы можем определить таким образом: «x растворимо в воде» значит «если x помещено в воду, то x растворяется». То есть $Dx =_{def}. Tx \rightarrow Rx$.

Впрочем, с самого начала Каранап дает понять, что такой анализ неудовлетворителен. Проблема заключена в свойствах самой материальной импликации, а конкретно в том, что она истинна в случае ложности антецедента. При анализе диспозиций это ведет к проблеме тривиального соблюдения (void satisfaction). Представим себе спичку a, которая де-факто никогда не контактировала с водой и никогда не сможет уже этого сделать, так как будет в данный момент зажжена и полностью сгорит. Как отмечает Карнап, нам легко убедится, что

предложение «Tx→Rx» (являющееся согласно ПУАД определением диспозиции растворимости в воде) будет истинно в отношении этой спички. «Ta→Ra» будет истинным, так как его антецедент «Ta» ложен – был, есть и будет навсегда ложным, поскольку наша спичка сгорит, так никогда и не побывав в контакте с водой. Более того, спичка также будет обладать диспозицией нерастворимости, так как кондиционал «Ta→¬Ra» тоже будет истинным.

В результате Карнап отверг данный анализ. Проблема была в том, что он не мог передать вторую из упоминавшихся характерных черт диспозиций – их модальный характер. В отличие от материальной импликации, диспозиции указывают не на некие факты, а на возможные (не соответствующие реальным фактам) положения дел. Растворимость должна быть независима от того, будет ли обладающий ею объект когда-нибудь реально помещен в воду или нет, она указывает на то, что случилось бы (что является возможным), если бы это произошло. Этот модальный характер напрямую связан и может служить объяснением первой характерной черты диспозиций – их ненаблюдаемости. Еще со времен Дэвида Юма широко распространена точка зрения, что мы не можем напрямую наблюдать модальные факты – возможность или необходимость. Карнап прекрасно понимал это, в связи с чем и предложил другой анализ диспозиций в своей работе. Но, так как Каранп принадлежал к логическому эмпиризму, для него было важным сохранить материальную импликацию, являющуюся истинностно-функциональной (то есть ее истинность зависит от, является функцией истинности ее компонентов). Поскольку же истинность компонентов (антецедента и консеквента) можно установить с помощью наблюдения, то в результате истинность всей импликации становилась наблюдаемой. Для избегания указанных выше трудностей импликацию пришлось усложнить. Карнап предложил анализ диспозиций, опирающийся на так называемые предложения редукции (reduction sentences).

(ПРАД) Диспозиция Dx может быть проанализирована с помощью следующего предложения редукции: Tx→(Dx↔Rx) или менее формально «если x помещен в воду, то, если x растворим в воде, то x растворяется и, если x не растворим в воде, то x не растворяется».

Такой анализ способен избежать проблемы тривиального соблюдения. Вспомним спичку a, которая так никогда и не будет зажжена. «Ta» есть и будет ложным. Но новое определение дает нам

право называть объект растворимым, только когда он был реально помещен в воду (в ПРАД нет второго предложения редукции, начинающегося с ¬Tx→). Поэтому нашу спичку мы не сможем назвать растворимой. Определение умалчивает о случаях, в которых проверка диспозиции никогда не проводилась. Это и является его главным недостатком – оно представляет собой лишь частичное определение (partial definition). Представим себе кубик сахара b, который никогда не будет помещен в воду. Согласно ПРАД, мы не можем приписать ему растворимость и должны воздержаться от суждения.

Карнап далее предлагает два улучшения для нового определения. Во-первых, он замечает, что мы можем для одной и той же диспозиции сформулировать несколько разных предложений редукции с разными тестовыми ситуациями и реакциями объекта. Например, для диспозиции хрупкости можно предложить такие: «T*(x)→(D(x)↔R*(x))», «T**(x)→(D(x)↔R**(x))» или «если x ударить, то x является хрупким, если и только если x ломается», «если x уронить, то x является хрупким, если и только если x разбивается» и так далее. Чем больше мы сформулируем предложений редукции, тем вероятнее, что объект прошел или пройдет один из упомянутых в них тестов, а значит нам не придется воздерживаться от суждения о соответствующих диспозициях объекта.

Во-вторых, Карнап предлагает неформально дополнить предложения редукции указанием на законы природы, которые связывают диспозиции и определенные виды объектов: например, «деревянные объекты не растворимы в воде», «плутоний радиоактивен». Из подобных корреляций можно вывести диспозиции тех объектов, которые никогда не попадали в тестовые ситуации.

Несмотря на эти дополнения, ПРАД обладает существенным недостатком – он не дает явного определения диспозиции. Можно заметить, что в отличии от ПУАД, новый анализ не начинается с $Dx =_{def.}$, символ диспозиции Dx как бы скрыт внутри формулы предложения редукции; определение получилось только имплицитным, неявным. Кроме этого, существует еще одна серьезная проблема для ПРАД – случайное совпадение. Возьмем еще одну спичку a* и поместим ее в воду, где она (неожиданно для нас) растворяется. Дело в том, что рядом с сосудом, в которой мы ее поместили, находится источник сильной направленной радиации, под действием которой структура спички разрушается, и она растворяется в воде. В итоге мы вынуждены признать истинность «Tx» (x помещён в воду) и «Rx» (x растворяется) в отношении a*, то есть согласно предложению редукции

«$Tx \rightarrow (Dx \leftrightarrow Rx)$», наша спичка действительно обладает диспозицией растворимости. Но очевидно, что это не так – спичка, хотя и растворилась, сделала это по нетипичной причине. Растворимость в воде должна зависеть от взаимодействия внутренней структуры объекта с водой, а не от влияния таких внешних факторов, как радиация. Для решения проблемы необходимо сделать две вещи. Первое – более строго сформулировать антецедент кондиционала и исключить все посторонние факторы (в нашем случае – радиацию). То есть антецедент должен выглядеть примерно так: «$Tx \land \neg F_1x \land \ldots \land \neg F_nx$», где F_i – те факторы, которые должны отсутствовать при правильном проведении теста. Второе – каким-то образом указать на реальную каузальную связь между тестовыми условиями, структурой объекта и проявленной реакцией. То есть необходимо учесть третью из отмеченных в начале главы черт диспозиций – порождение, продуцирование эффектов. Объекты, обладающие диспозициональными свойствами, способны вызывать (быть причиной) соответствующих явлений – ядовитый объект (синильная кислота, например) вызывает отравление или смерть, взрывоопасный объект (динамит) – взрыв. Поэтому мы должны включить в определение диспозиции упоминание о том, что объект осуществляет свою каузальную силу для проявления соответствующего эффекта. Тогда мы сможем решить проблему случайного совпадения. Для эмпиристски настроенных философов эта задача оказалась крайне сложной, но (как мы увидим в конце главы) определение диспозиций Дэвида Льюиса справляется с ней более успешно.

Кроме Карнапа еще целый ряд философов предпринимал попытки проанализировать диспозиции. Одна из таких попыток принадлежит финскому философу-эмпиристу Эйно Кайло[153] (Eino Kaila). Его анализ опирается на понятия естественных видов и законов природы, что позволяет избежать проблем тривиального соблюдения и случайного совпадения. Определение диспозиций выглядит следующим образом:

$$(\text{ЭК})\ Dx =_{def.} \exists F[Fx \land \exists y(Fy \land Ty) \land \forall z((Fz \land Tz) \rightarrow Rz)].$$

Здесь утверждается, что объект x имеет диспозицию D в случае, когда истинны следующие положения: 1. есть некое свойство F,

[153] Kaila E. Human knowledge: A Classic Statement of Logical Empiricism. Chicago, Open Court, 2014 pp. 143-179

которым обладает объект x, 2. существует по крайней мере один объект y, который тоже обладает свойством F и который уже был подвергнут тесту, 3. для всех объектов z, имеющих свойство F и подвергнутых тесту, истинно, что они проявляют реакцию R. Основная идея в том, что объект обладает диспозицией, когда у него есть некое свойство (например, внутренняя структура), и все объекты, имеющие это свойство, реагируют соответствующим образом (например, растворяются) на обстоятельства теста (помещение в воду). Кажется, что это определение избегает проблемы тривиального соблюдения, так как для объекта, чтобы обладать диспозицией, недостаточно никогда не попадать в тестовую ситуацию, должны существовать еще другие объекты, обладающие теми же свойствами и позитивно реагирующие на тест. Деревянная спичка, растворившаяся от радиации, не будет считаться растворимой, так как другие деревянные объекты (которые действительно были помещены в воду) не выказали подобного поведения. Но возникает трудность со свойством F. Дело в том, что логические эмпиристы являются номиналистами в отношении свойств: свойства для них – это всего лишь множества объектов (о номинализме см. главу 2). Тогда мы можем, например, придумать такое произвольное свойство F_1: объект обладает F_1, если он принадлежит к множеству, состоящему из спички и кубика сахара, лежащих сейчас на моем кухонном столе (в мире всего два обладающих F_1 объекта). Теперь представим, что я растворил этот кубик сахара в стакане с водой. По определению Кайло спичка получится тоже растворимой. Как раз здесь на помощь приходят упомянутые выше понятия естественных видов и законов природы. Нам необходимо включить в анализ ограничение для F – оно должно быть естественным свойством, свойством фигурирующем в законах природы, а не просто произвольным множеством разнородных объектов. Тогда утверждение $\forall z((Fz \wedge Tz) \rightarrow Rz$ будет выражать не обычное истинное обобщение, а закон природы (о разнице между ними см. главу 13).

Подводя итог, можно сказать, что логические эмпиристы, несмотря на значительные успехи в анализе диспозиций, смогли достичь более-менее приемлемых определений лишь с помощью таких понятий как причинность, законы природы, естественные виды. Поскольку же целью эмпиристов было сведение диспозиций к чему-нибудь непосредственно наблюдаемому, то такие результаты трудно признать успешными. В результате эти попытки анализа не получили широкой поддержки среди современных философов. Наиболее популярными стали другие, предложенные позднее теории диспозиций,

которые будут сейчас нами рассмотрены. Но прежде мы остановимся на различии диспозициональных и категорических свойств, а также на теории диспозиционализма.

После разочарования в логическом эмпиризме и его верификационистском критерии осмысленности, активность философов сосредоточилась на онтологических вопросах, касающихся диспозиций. В частности, велись (и ведутся до сих пор) споры о соотношении диспозициональных и категорических свойств. Многие философы убеждены, что объекты не могут просто так обладать диспозициями, у этих диспозиций должен быть некий категорический базис (categorical basis). Например, Дэвид Армстронг в своей книге 1968 года «Материалистическая теория сознания» («A Materialist Theory of the Mind») писал: «Разговор об обладании объектом диспозициональным свойством подразумевает, что объект находится в некоем недиспозициональном состоянии, или что он имеет некое свойство (существует «категорический базис»), которое отвечает за проявление объектом определенного поведения в определенных обстоятельствах»[154]. Вернувшись к нашему примеру с сахаром, мы можем утверждать, что его растворимость в воде объясняется наличием у его молекулы ($C_{12}H_{22}O_{11}$) определенной структуры, которая при взаимодействии с молекулами воды приводит к растворению. Это и будет категорическим базисом.

Но в чем же состоит различие между категорическими и диспозициональными свойствами? Эти двум типам свойств давались разные определения. Одно из них было предложено Андреасом Гутеманом (Andreas Hüttemann): «диспозициональное свойство – это свойство, которое при инстанцировании его объектом, проявляется только при определенных условиях. В противоположность этому, категорическое свойство – это свойство, которое при инстанцировании его объектом, проявляется при любых условиях»[155]. Растворимость, например, проявляется только при помещении в соответствующую жидкость, но молекулярная структура $C_{12}H_{22}O_{11}$ проявляется сахаром постоянно, при любых условиях (к этому определению мы еще вернемся).

Другое определение (которое будет для нас основным) опирается на понятие каузальной силы свойства, то есть совокупности его

[154] Armstrong D. A Materialist Theory of the Mind London, Routledge, 1993 p. 86

[155] Hüttemann A. Dispositions in Physics // Damschen G., Schnepf R., Stueber K. (eds.) Debating Dispositions Berlin, DeGruyter, 2009 p. 225

способностей к производству тех или иных следствий. В таком случае диспозициональные свойства обладают своей каузальной силой с необходимостью, а категорические – нет. Яд с необходимостью должен обладать способность к отравлению (хотя бы кого-нибудь), иначе он просто не будет ядом. Для категорических свойств определяющим будет не каузальная сила (они обладают ей только контингентно), а внутренняя квалитативная, качественная природа (intrinsic qualitative nature), которую иногда еще называют чтойность (quiddity).

Теперь, опираясь на это определение, мы можем сформулировать две онтологические позиции по вопросу соотношения свойств и их каузальных сил.

(Д) Диспозиционализм: все свойства, которые имеют каузальные силы, имеют их с необходимостью (являются диспозициями), категорических свойств не существует или, если они существуют, то являются каузально инертными (вариант теории, полностью отрицающий существование категорических свойств, называют пандиспозиционализмом).

(К) Категорикализм: все свойства (или, по крайней мере, наиболее фундаментальные из них) имеют свои каузальные силы контингентно (являются категорическими), а диспозиции редуцируемы к ним.

Для Д молекулярная структура $C_{12}H_{22}O_{11}$ с необходимостью характеризуется теми каузальными силами (растворимость в воде, определенные химические реакции и так далее), которые она придает обладающему этой структурой сахару. Для К, напротив, каузальные силы присущи структуре $C_{12}H_{22}O_{11}$ лишь при наличии соответствующих законов природы (то есть контингентно).

Теперь мы рассмотрим аргументы, приводимые сторонниками этих позиций, начав с аргументов в пользу Д.

Сторонниками Д было предложено два метафизических аргумента, опирающихся на наши интуиции о модальной силе каузальных взаимодействий и о контрфактических кондиционалах, поддерживаемых законами природы (см. главу 10). Нам кажется очевидным, что если алюминий плавится при 660 °C, а кипит при 2518,82 °C, то он *должен* это делать; если бы алюминий нагрели до такой температуры, то он бы расплавился (при прочих равных условиях). На этих интуициях можно построить два аргумента.

Первый из них будет выглядеть так (пример с зарядами может быть заменен на любой другой):

1. Если свойства имеют свои каузальные силы контингентно, то тогда возможно, чтобы одноименные электрические заряды притягивались.
2. Одноименные заряды должны отталкиваться.
3. Следовательно, свойства не имеют свои каузальные силы контингентно.

Во втором аргументе используется положение, гласящее, что если законы природы поддерживают контрфактические кондиционалы, то свойства, о которых идет речь в этих законах, должны каузально вести себя в ближайших возможных мирах так же, как и в актуальном. Тогда мы можем сформулировать этот аргумент следующим образом:

1.Если свойства имеют свои каузальные силы контингентно, то ничто не гарантирует, что одноименные электрические заряды отталкиваются в любом из возможных миров.
2. Одноименные заряды должны отталкиваться в ближайших к актуальному возможных мирах.
3.Следовательно, свойства не имеют свои каузальные силы контингентно.

Тем не менее эти аргументы навряд ли убедят категорикалистов. Они могут указать на смешение в них двух типов возможности: мы можем утверждать, что одноименные электрические заряды должны отталкиваться лишь с номологической необходимостью, а не с метафизической (то есть во всех мирах с теми же законами природы, что и в актуальном). По мнению категорикалистов, все наши интуиции отражают именно эту необходимость, не затрагивая метафизической, а значит все-таки возможны миры, где заряды притягиваются, просто это миры далекие от нашего, где актуальные законы природы не действуют. Необходимо помнить, что данный ответ категорикалистов имеет силу только в случае, если на самом деле номологическая необходимость не совпадает с метафизической, то есть законы природы метафизически контингентны.

Другая группа аргументов в пользу диспозиционализма фокусируется на неприемлемых эпистемических последствиях

категорикализма. Ведь в соответствии с ним, отношение между свойством и тем, что оно делает (его каузальной ролью) – контингентно, то есть может варьироваться в разных возможных мирах. Само же свойство по своей сущности – чисто квалитативно. Обладание массой или электрическим зарядом в другом возможном мире может придать объекту вкус клубники или поддерживать нулевую температуру по шкале Кельвина вокруг него. Этим и пользуются эпистемические аргументы. Они генерируют так называемые скептические сценарии, в которых мы не можем отличить одну ситуацию от другой и лишаемся в результате знания о нашем мире. Можно выделить три основных сценария.

Удвоение (duplication) – возможно, что существует два объекта a и b в одном и том же мире, которые имеют абсолютно одинаковые эффекты на наблюдателей и все окружающие объекты, но при этом имеют разные категорические свойства (Pa и ¬Pb, а также ¬Qa и Qb). Просто P и Q, будучи разными свойствами, имеют одинаковые каузальные роли.

Замена (replacement) – хотя свойство P играет каузальную роль C в актуальном мире, другое свойство R, не встречающееся в актуальном мире (инородное свойство – alien property), может играть роль C. Роль, играемая массой в нашем мире, может играться шмассой (schmass) в других мирах.

Перестановка (permutation) – категорические свойства P и Q могут глобально (то есть по всему миру) обменяться каузальными ролями в другом возможном мире. Категорическое свойство, играющее роль массы, может получить роль электрического заряда и наоборот.

Из-за этих возможных сценариев категорикализм неизбежно приводит (как кажется его противникам) к скептицизму. Мы никогда не сможем сказать с уверенностью и вообще узнать, каким именно свойством обладает конкретный объект – поскольку любое воздействие на нас, наши приборы, окружающие объекты и так далее, производимое одним свойством, может быть вызвано совершенно другим (сценарий удвоения). Также, поскольку мы не знаем, в каком именно из возможных миров мы находимся (в мире, где есть масса или шмасса), мы не можем использовать научные методы (или любые

другие) для того, чтобы понять, какие категорические свойства существуют в нашем мире (сценарий замены).

Если такой скептицизм для нас неприемлем (мы уверены, что более-менее знаем о свойствах окружающего мира), то мы должны признать диспозиционализм (каузальные роли сущностны и неотделимы от свойств). Тем не менее для многих философов такие последствия категорикализма вполне приемлемы. Например, согласно Дэвиду Льюису, категорикализм заставляет нас быть скромнее и не переоценивать наши способности к познанию мира. Категорические свойства в каком-то смысле подобны кантовским вещам в себе – их подлинная квалитативная сущность, чтойность, непознаваема для нас. В нашем мире вполне может существовать огромное количество таких чтойностных (quiddistic) свойств или (как называл их Льюис) бездельников (idlers), которые вообще не имеют каузальных ролей, никак на нас не воздействуют и недоступны для познания.

Категорикалисты, например Дэвид Армстронг[156] и Джонатан Шаффер[157], в свою очередь, также выдвинули несколько метафизических аргументов. Мы рассмотрим четыре наиболее известных.

Аргумент рекомбинации (recombination) опирается на теорию возможных миров, предложенную Дэвидом Армстронгом, под названием комбинаториализм (см. главу 9). В соответствии с этой теорией различные возможные ситуации (положения дел) основываются на рекомбинации свойств (универсалий) и индивидов. Диспозиционализм, с его необходимой связью между свойствами и их каузальными ролями, запрещает некоторые комбинации свойств, которые должны быть возможны (по теории Армстронга). Этот аргумент можно сформулировать таким образом (взяв для примера массу и ускорение тел):

1. Если взаимосвязь между свойствами и их каузальными ролями существует с необходимостью, то некоторые комбинации массы и ускорения должны быть отвергнуты.
2. Любые комбинации массы и ускорения возможны.
3. Следовательно, взаимосвязь между свойствами и их каузальными ролями существует контингентно.

Диспозиционалисты просто не примут вторую посылку. Масса и ускорение не являются отдельными, изолированными

---

[156] Armstrong D. A world of states of affairs. Cambridge, Cambridge University Press, 1997 pp. 69-84

[157] Schaffer J. Quiddistic Knowledge. // Philosophical Studies. 2005. № 123 (1/2) pp. 1-32

свойствами, а связаны в соответствии с законами природы. То же самое можно сказать о многих других свойствах. Все это накладывает обоснованные ограничения на возможности для комбинации.

Аргумент от представимости (conceivability) утверждает, что мы способны представить привычные нам свойства с другими каузальными ролями, из чего делается вывод, что такая ситуация возможна. Этот аргумент аналогичен аргументу в философии сознания от представимости зомби (существ, физически и функционально эквивалентных нам, но лишенных феноменального сознания) к их возможности. По мнению авторов аргумента, мы легко можем представить, что одинаковые заряды притягиваются. Из этого делается вывод о неверности Д:

1. Представимо, что одноименные заряды притягиваются.
2. Если свойства и их каузальные роли связаны с необходимостью, то непредставимо, что одноименные заряды притягиваются.
3. Следовательно, свойства и их каузальные роли связаны контингентно.

Диспозиционалисты в ответ на это могут воспользоваться одним из двух возражений, ставших стандартными в философии сознания при обсуждении аргумента зомби. Они могут отрицать либо представимость таких сценариев, либо возражать против взаимосвязи между представимостью и возможностью. В первом случае нам только кажется, что мы представляем подобную ситуацию, во втором мы действительно ее представляем, но из этого не следует реальной возможности. Мы в состоянии представить логически возможные ситуации (то есть внутренне непротиворечивые), которые тем не менее метафизически невозможны, так как метафизическая возможность ограничена не только законами логики, но и (например) природой, сущностью объектов и их свойств. Поскольку же эти сущности нам до конца неизвестны, мы можем представить невозможные в реальности ситуации.

Еще один аргумент в пользу К отталкивается от наличия осмысленных пропозиций о ситуациях, упоминаемых в предыдущем аргументе. Мы можем отождествить пропозицию с множеством возможных миров, в которых она истинна. Хотя одноименные заряды отталкиваются, тем не менее существует осмысленная, содержательная пропозиция (в которую некоторые люди могут ошибочно верить) о том, что они притягиваются, и должен быть путь для возникновения

содержания этой пропозиции. Но если связь между свойствами и их каузальными ролями необходима, то множество миров, отождествляемое с такой пропозицией, будет пустым, а сама пропозиция (вопреки нашему предположению) бессодержательной и бессмысленной. Сам аргумент будет выглядеть так:

1. Если свойства и их каузальные роли связаны с необходимостью, то не существует содержательной пропозиции, *что одноименные заряды притягиваются*.

2. Пропозиция, *что одноименные заряды притягиваются* не лишена содержания.

3. Следовательно, свойства и их каузальные роли связаны контингентно.

Диспозиционалисты в ответ на это могут отрицать наличие подобной содержательной пропозиции. Но более выгодно для них отвергнуть отождествление пропозиций с множествами возможных миров, где они истинны. Они могут привести примеры необходимо ложных пропозиций, которые кажутся осмысленными, и в которые люди могут верить. Например, несведущие в математике люди вполне могут быть убеждены в ложности гипотезы Пуанкаре (истинность, а значит необходимая истинность которой была доказана) или ложности последней теоремы Ферма. Эти необходимо ложные пропозиции имеют разный смысл и поэтому не могут быть отождествлены с множествами возможных миров, в которых они истинны – тогда бы им соответствовало одно и то же пустое множество и выходило бы, что эти пропозиции имеют один и тот же смысл. Диспозиционалисты могут предложить другую теорию пропозиций, которая была бы гиперинтенсиональной, то есть способной провести различие даже между необходимо коэкстенсивными пропозициями (необходимо тождественными одному и тому же множеству возможных миров).

Другой аргумент в пользу категорикализма опирается на семантику Столнейкера-Льюиса для контрфактических кондиционалов (см. главу 10). В главе 10 мы рассматривали критерии Льюиса для оценки сходства возможных миров между собой. Льюис поместил избегание небольших, локализованных нарушений законов природы (то есть чудес) лишь на третье место по важности. Нами было показано, что для оценки некоторых КК следует выбрать мир полностью идентичный нашему вплоть до момента описываемого события, но в котором в этот момент происходит небольшое чудо, необходимое для

истинности антецедента. Выходит, что такие чудеса (например, притяжение одноименных зарядов) должны быть по крайней мере возможны. Диспозиционалисты в ответ на это могут просто отвергнуть детерминистический характер законов природы. В момент описываемого события не происходит никакого чуда – просто соответствующий закону результат не наступает. Это не является нарушением закона, поскольку закон не предопределяет событие, а лишь говорит о его вероятности.

Диспозиционалисты, готовые признать существование упоминавшихся выше инородных свойств, способны с большей легкостью ответить на аргументы от представимости и от наличия осмысленных пропозиций. Используя эти инородные свойства, они могут объяснить кажущуюся возможность представить привычные нам свойства с другими каузальными ролями. Представляемая нами ситуация (или осмысленная пропозиция из другого аргумента) на самом деле касается не привычных нам свойств, а инородных свойств, которые только напоминают (похожи по своим внешним проявлениям) привычные. В результате мы неправильно описываем эти ситуации – притягиваются не одноименные заряды, а похожие на них одноименные шмаряды. Данная стратегия диспозиционалистов напоминает подход Сола Крипке[158]. Согласно этому философу, такие утверждения, как «вода – это H_2O», являются необходимыми, истинными во всех возможных мирах, несмотря на то что познаются лишь апостериорно (на основании опыта). Однако нам кажется, что мы легко можем представить воду тождественной другому химическому веществу. Крипке решает эту проблему так: то, что мы представляем себе в таких случаях как воду, на самом деле не вода, а лишь похожая на нее жидкость – без цвета, без запаха, прозрачная, содержащаяся в реках и озерах и так далее. Именно она может иметь другую химическую формулу, а не вода.

Категорикалисты часто указывают на еще одну серьезную проблему для пандиспозиционализма, который вообще отрицает наличие категориальных свойств. Для этой теории все свойства – чистые силы (pure powers), то есть диспозиции, полностью лишенные квалитативного, качественного аспекта (далее ЧС). По мнению противников теории, например Дэвида Армстронга[159], она ведет к

[158] Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1980 p. 128

[159] Armstrong, D. M. A world of states of affairs. Cambridge, Cambridge University Press, 1997. p. 80

неприемлемому бесконечному регрессу. Аргумент начинается с утверждения о том, что подобные чистые силы существуют и в дремлющем (dormant) состоянии, когда они не проявляют каузальной активности, не манифестируют себя – кубик сахара обладает растворимостью и в то время, когда он не растворяется в воде. Но возникает проблема – каким образом хотя бы одна ЧС может стать активной? Если все свойства в мире – это ЧС, то активизация любой из них должна быть вызвана активизацией какой-нибудь предыдущей во времени. Но эта предыдущая ЧС не может активизироваться сама, а должна, в свою очередь, быть активизированной еще одной предыдущей ЧС. И так до бесконечности. В окружающем нас мире многие свойства активны, а значит какое-то свойство в мире должно было быть не ЧС. На этот аргумент можно ответить, сравнив его с известным в истории философии аргументом в пользу существования первой причины: если все в мире имеет причину, то либо должна существовать первая причина, не являющаяся следствием чего-то другого, либо цепь причин и следствий уйдет в бесконечность. Такие доводы мало кого убедили в существовании первой причины, а значит пандиспозиционализм в этом смысле выглядит (по крайней мере) не хуже многих других метафизических теорий.

На фоне всех этих аргументов и контраргументов многие философы стали сомневаться в самом существовании резкого разделения свойств на категорические и диспозициональные. Например, в соответствии с упоминавшимся выше определением Андреаса Гутемана, разница между ними скорее количественная, чем качественная. Оба вида свойств должны проявляться, манифестировать себя, только категорические делают это постоянно, а диспозициональные лишь при определенных условиях. Кубик сахара растворяется лишь при помещении в воду (или другую подходящую жидкость), а прямоугольная крышка стола проявляет свою прямоугольную форму постоянно. Это определение легко избегает проблемы бесконечного регресса – мы можем утверждать, что некоторые из чистых сил проявляют себя постоянно и не нуждаются в активизации со стороны другой силы.

Другие философы, среди которых можно назвать Чарльза Мартина[160] и Джона Хейла[161], полагают, что все свойства имеют диспозициональный и квалитативный аспект одновременно. Они согласны с тем, что свойства имеют свои каузальные роли с

[160] Martin C. B. On the Need for Properties: The road to Pythagoreanism and back // Synthese. 1997. №112 pp. 193–231

[161] Heil J. The Universe as We Find It. Oxford, Oxford University Press, 2012. pp. 53-83

необходимостью (как утверждает диспозиционализм), но одновременно с этим у каждого свойства есть качественный аспект, чтойность, не сводимая к каузальным ролям. Этим и объясняются противоположно направленные интуиции: мы обращаем внимание лишь на один аспект свойств, забывая о другом.

Еще одна группа философов, таких как Дэвид Хью Меллор (David Hugh Mellor), идет дальше и утверждает, что различие категоричности и диспозициональности касается не самих свойств, а используемых нами предикатов. Меллор пишет: «диспозициональность – это черта не свойств, но предикатов… Свойства в нашем смысле не должны быть сами по себе или диспозициональными или категорическими: те, которые существуют, могут просто существовать»[162]. Когда мы говорим, что сахар растворим, мы ссылаемся на то же самое свойство, как и в случае приписывания сахару молекулярной структуры $C_{12}H_{22}O_1$, просто мы хотим обратить наше внимание на возможное поведение сахара в воде, поэтому и выбираем соответствующий предикат. Тем не менее вопросы онтологического характера остаются – что именно представляют из себя в таком случае сами свойства, в противоположность предикатам? Являются ли они полностью нейтральными (нейтральный монизм) или обладают одновременно двумя аспектами (тогда получится предыдущая теория)? Меллор не дает ответа на эти вопросы.

Обсудив различие между диспозициональными и категорическими свойствами, мы можем приступить к изложению наиболее известной и успешной (хотя и сталкивающейся с серьезными проблемами) теории диспозиций. Она была предложена Дэвидом Льюисом[163] и опирается на его теорию контрфактических кондиционалов, КК (см. главу 10).

Мы можем попытаться дать такой анализ диспозиций (возьмем опять наш пример с растворимым кубиком сахара) с помощью КК: объект x растворим ↔ если бы его поместили в воду, то он бы растворился. То есть в ближайших, наиболее похожих на наш, возможных мирах, в которых x действительно был помещен в воду, он растворился. Могут существовать другие, менее похожие на наш, возможные миры, где этого не произошло, но их не следует принимать в расчет. Такой анализ с легкостью избегает упоминавшихся выше проблем тривиального соблюдения (никогда не контактировавшая с

---

[162] Mellor D. H. The Semantics and Ontology of Dispositions // Mind. 2000. №109 (436) pp. 768-9

[163] Lewis D. Finkish Dispositions // Philosophical Quarterly. 1997. №47 (187) p. 143-158

водой спичка не будет считаться растворимой, так как в ближайших возможных мирах ее поместят в воду, и она не растворится). Многим философам казалось, что анализ избегает также проблемы случайного совпадения, а значит является полностью успешным.

Сам Льюис писал так: «Все мы думали, а многие из нас думают до сих пор, что утверждения о том, как объекты предрасположены реагировать на стимулы, могут быть проанализированы непосредственно в терминах контрфактических кондиционалов»[164]. Эти надежды не оправдались. В 1994 году Чарльз Мартин (Charles Martin) опубликовал свою (ставшую чрезвычайно влиятельной и изменившую весь ход дискуссии) статью «Диспозиции и кондиционалы» («Dispositions and Conditionals»), в которой показал, что данный анализ неуспешен[165]. Простой КК анализ, опровергнутый Мартином, можно сформулировать следующим образом:

(ДКК) x обладает диспозицией D ↔ если бы x был подвергнут тесту T, то x проявил бы реакцию R.

Контрпример, приводимый Мартином, касается провода под напряжением (быть под напряжением – диспозиция, которой обладает провод). Но к проводу подсоединена специальная машина – прибор, названный Мартином электро-финк (electro-fink). Этот прибор вырубает ток всякий раз, когда до провода что-нибудь дотрагивается.

В соответствии с простым кондициональным анализом диспозицию провода можно определить так:

(НАП) x под напряжением ↔ если бы до x дотронулся проводник, то электрический ток потек бы от x к проводнику.

Но в случае с нашим проводом анализ оказывается неадекватным: диспозиция у провода есть (он действительно находится под напряжением), но соответствующий КК неверен: если до провода дотронется проводник, то в актуальном и во всех ближайших возможных мирах сработает электро-финк и вырубит ток, так что он не потечет от провода к проводнику. Более того, мы можем представить себе обратный случай – обычный, не находящийся под напряжением

---

[164] Lewis D. Finkish Dispositions // Philosophical Quarterly. 1997. №47 (187) p. 143

[165] см. Martin C. B. Dispositions and Conditionals // The Philosophical Quarterly. 1994. №44 (174). pp. 1–8

провод, к которому подсоединен обратный электро-финк (reverse electro-fink). Это прибор делает все наоборот – подает электрический ток, как только что-нибудь коснется провода. В этом случае КК относительно провода будет верен, но диспозицией он явно не обладает. Этот последний случай похож на упоминавшееся выше случайное совпадение – объект проявляет требуемую реакцию (спичка растворяется в воде под действием радиации), но делает это из-за вмешательства внешних факторов.

С первого взгляда может показаться, что устранить предложенные контрпримеры нетрудно – достаточно лишь добавить в анализ фразу «при нормальных обстоятельствах» или «ceteris paribus». Мартин предвидит подобную реакцию и утверждает, что она порождает, в свою очередь, новую проблему, так как у нас есть два пути для точной формулировки такой фразы (по его мнению, мы не можем просто написать ceteris paribus). В первом случае мы перечисляем все возможные помехи – к проводу не должен быть подключен электро-финк, рядом не должно быть человека готового перерезать провод, если до него что-нибудь дотронется и так далее. Проблема с таким решением ясна – существует потенциально бесконечное число возможных помех, и перечислить их все мы не в состоянии. Во втором случае мы можем попытаться найти общий признак всех таких помех и добавить его в формулировку анализа. Но каким может быть этот признак? По мнению Мартина, единственный действительно общий признак превратит анализ в порочный круг: все помехи обладают свойством «приводить к тому, что провод не находится под напряжением в определенный момент времени», то есть свойством лишать объект его диспозиции. С подобной поправкой анализ станет таким:

(ДКК*) x обладает диспозицией D ↔ в условиях, где нет событий, приводящих к тому, что x не обладает диспозицией D: если бы x был подвергнут тесту T, то x проявил бы реакцию R.

Такое определение явно идет по кругу. Сам Мартин на основании провала анализа пришел к выводу, что диспозиции являются нередуцируемыми свойствами объектов и не подлежат анализу. Естественно, что многие философы не захотели соглашаться с таким пессимистическим выводом. Среди них был и Дэвид Льюис, выпустивший в 1997 году статью «Финковые диспозиции»[166]. В ней он

[166] Lewis D. Finkish Dispositions // Philosophical Quarterly. 1997. №47(187) p. 143-158

предложил переформулировать простой кондициональный анализ таким образом, чтобы избежать контрпримеров Мартина, но при этом не использовать фразу ceteris paribus. Ключевая идея Льюиса – добавить указание на то, что любой объект с диспозицией должен иметь базу для нее – категорическое (внутреннее, intrinsic) свойство, которое каузально ответственно за соответствующую реакцию на стимул, то есть за проявление этой самой диспозиции. Например, поваренная соль обладает диспозицией растворимости, так как ее химическая структура (категорическое свойство) $Na^{+}Cl^{-}$ является причиной (или частью причины) растворения соли в воде. Опираясь на эту идею, Льюис дает диагноз тому, что происходит в контрпримерах Мартина. Диспозицию провода с подсоединенным к нему электро-финком Льюис называет финковой (finkish) диспозицией или диспозицией с финковой базой. Особенность такой диспозиции в том, что объект теряет базовое свойство (в примере Мартина им может быть движение электронов по проводу) в тот момент, когда диспозиция должна сработать и проявить себя (когда что-нибудь дотрагивается до провода), причем он теряет это свойство настолько быстро, что никакого проявления не происходит. Используя эти ключевые идеи, Льюис дает такое определение диспозиции:

(ДЛ) x предрасположен (disposed) в момент времени t проявить реакцию r на стимул s ↔ для некоторого внутреннего свойства B, которым x обладает в момент времени t, и для некоторого момента времени t* после t, если бы x был подвергнут стимулу s и сохранил бы свойство B вплоть до t*, то s и обладание x свойством B были бы совместно x-полной (x-complete) причиной проявления x реакции r.

X-полная причина может быть определена в данном случае таким образом:

(ХПП) x-полная причина: s и обладание x свойством B совместно являются x-полной причиной реакции r ↔ 1. s является причиной реакции r, 2. обладание x свойством B является причиной реакции r, 3. если какие-либо другие внутренние свойства x (за исключением B) были бы другими, то x все равно проявил бы реакцию r.

Это дополнение нужно Льюису, чтобы показать, что именно категорическая база диспозиции, то есть свойство B, независимо от

других внутренних свойств объекта, является причиной его реакции на стимул.

Каким же образом определение Льюиса избегает контрпримера Мартина? Все дело в фразе «сохранил бы свойство B вплоть до t*». Для оценки истинности этого кондиционала мы берем те ближайшие к актуальному миры, в которых категорическая база (внутреннее свойство B) сохраняется хотя бы на некоторое время после применения стимула, и именно эта категорическая база (а не какой-нибудь посторонний объект как в случае с обратным электро-финком) становится причиной реакции. Как раз этого не происходит у Мартина – электро-финк в момент стимула уничтожает категорическую базу, а значит, в соответствии с определением Льюиса, этот возможный мир (и подобные ему другие) в расчет не принимается.

Но почему Льюис использует понятие причинности? Почему в консеквенте не написать просто «x проявил бы реакцию r» вместо «s и обладание x свойством B совместно были бы x-полной (x-complete) причиной проявления x реакции r»? Это необходимо для избегания встречавшейся нам ранее проблемы случайного совпадения. В приводимом нами примере деревянная спичка сохраняла все свои внутренние свойства некоторое время после применения стимула s (помещения ее в воду), но растворялась в воде не из-за них, а из-за внешнего источника сильной радиации. Требование причинной связи в определении Льюиса предотвращает эту проблему. Кроме того, оно отражает одну из характерных черт диспозиций – производство, продуцирование эффектов, с чем не могли справиться эмпиристы.

Может показаться, что Льюис достиг полного успеха – дал определение диспозиций через контфактические кондиционалы и избежал при этом всех проблем и трудностей, с которыми не могли справиться его предшественники. К сожалению, определение Льюиса тоже не свободно от трудностей. Александр Берд (Alexander Bird) в свой статье 1998 года «Диспозиции и антидоты» («Dispositions and antidotes») приводит пример антидотов – нового класса факторов, способных подорвать определение Льюиса[167]. Берд предлагает представить массу урана, которая обладает диспозицией начинать катастрофическую цепную реакцию при превышении критической величины. Но данная масса находится в реакторе атомной станции,

[167] Bird A. Dispositions and Antidotes // The Philosophical Quarterly. 1998. №48. pp. 227-34

которая оснащена стандартным предохранительным механизмом – АРК (аварийными регулирующими кассетами), содержащими атомы бора, которые поглощают избыток радиации, если ее уровень начинает увеличиваться сверх установленного предела. АРК таким образом предотвращают цепную реакцию. Внутренняя структура B, категорическая база диспозиции массы, при этом никак не изменяется. Тем не менее, даже при превышении критической величины (стимул s), цепной реакции и взрыва (реакция r) не происходит. Согласно определению Льюиса, уран в реакторе не обладает диспозицией к цепной реакции. Однако очевидно, что это не так – диспозиция никуда не исчезает, ее категорическая база тоже остается на месте, но проявление диспозиции предотвращается внешним фактором – АРК. Действие таких факторов сходно с действием антидотов (отсюда и название) – яд имеет диспозицию вызывать отравление, но в присутствии антидота реакция (отравление) не проявляется. На эту проблему философы реагируют по-разному. Сам Льюис склонялся к тому, чтобы отрицать само наличие диспозиции в присутствии антидотов – масса урана в присутствии АРК не имеет диспозиции к цепной реакции. Другой вариант – переформулировать саму диспозицию: диспозиция урана не «начинать катастрофическую цепную реакцию при превышении критической величины», а «начинать катастрофическую цепную реакцию при превышении критической величины при отсутствии вмешивающихся внешних факторов». Очевидной трудностью для такого ответа будет уже встречавшаяся нам дилемма: перечислять все возможные антидоты по одному (а их число потенциально бесконечно) или найти их общий признак, что может привести к порочному кругу в определении (так как единственным общим признаком станет препятствование проявлению диспозиции).

Практически все упоминавшиеся до сих пор затруднения были связаны с воздействием на объект каких-либо внешних факторов (либо изменявших его внутреннюю структуру, либо нет). Может показаться, что, если мы все-таки сумеем подкорректировать наше определение таким образом, чтобы их исключить, все наши проблемы разрешатся. К сожалению, это не так. В своей статье 2009 Энтони Эверетт (Anthony Everett) привел примеры так называемых внутренних финков (intrinsic fink), которые без вмешательства извне препятствуют проявлению характерной для диспозиции реакции[168]. Один из его примеров касается некоего вещества, обладающего

[168] Everett A. Intrinsic Finks, Masks, and Mimics // Erkenntnis. 2009. №71. pp. 191-203

диспозицией хрупкости, но неспособного проявить ее. Упрощая ситуацию, можно сказать, что хрупкости соответствует такой КК: если бы объект x сильно ударили, то он бы разбился. Теперь представим себе радиоактивное вещество S, обладающее очень слабой кристаллической решеткой, соответствующей типичным хрупким веществам. Но это вещество имеет крайне короткий период полураспада, в результате чего оно почти мгновенно превращается в вещество M, которое обладает очень прочной кристаллической решеткой и не является хрупким. Таким образом, вещество S является хрупким, но КК ложен по той простой причине, что во всех ближайших к нам возможных мирах (где продолжают действовать наши законы природы) оно радиоактивно распадется, прежде чем успеет разбиться. Причем такая его особенность предопределена внутренними свойствами и не зависит от вмешательства внешних факторов.

В результате этих и других проблем в последнее время набирают все большую популярность теории, делающие диспозицию базовым понятием. В таком случае оно само не нуждается в анализе и определении, но, напротив, через него мы можем определить многие другие важные для метафизики понятия – причинности, контрфактических кондиционалов, необходимости и возможности, законов природы и так далее.

Например, Андреа Боргини (Andrea Borghini) и Нил Уильямс (Neil E Williams)[169] предлагают использовать понятие диспозиции для определения таких модальных понятий, как возможность и отказаться от возможных миров. Они определяют возможность таким образом:

(ВД) Ситуация s возможна ↔ существует по крайней мере одна диспозиция, чья манифестация включает s.

В этой теории существует только один, актуальный мир и все возможности, в конечном счете, основываются на потенциально бесконечном числе диспозиций, которыми обладают объекты нашего мира.

[169] Borghini A., Williams N. A Dispositional Theory of Possibility // Dialectica. 2008. №62 pp. 21–41

Список литературы

1. Bird A. Dispositions and Antidotes // The Philosophical Quarterly. 1998. №48. pp. 227–234.
2. Choi, Sungho and Michael Fara, "Dispositions", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2021 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/spr2021/entries/dispositions/.
3. Cross T. What Is a Disposition? // Synthese. 2005. №144. pp. 321–341.
4. Ellis B., Lierse C. Dispositional Essentialism // Australasian Journal of Philosophy. 1994. №72. pp. 27–45.
5. Everett A. Intrinsic Finks, Masks, and Mimics // Erkenntnis. 2009. №71. pp. 191–203
6. Heil J. Dispositions // Synthese. 2005 №144 pp. 343–356.
7. Lewis D. Finkish Dispositions // The Philosophical Quarterly 1997. №47. pp. 143–158.
8. Mumford S. Dispositions. Oxford, Oxford University Press, 1998.
9. Tugby M. Categoricalism, Dispositionalism, and the Epistemology of Properties // Synthese. 2014. №191. pp. 1147–1162.

Глава 12. Причинность

Феномен причинности хорошо знаком нам из повседневной жизни: многочисленные объекты вокруг нас практически непрерывно причинно взаимодействуют друг с другом: мяч, попавший в оконное стекло, разбивает его; горящая спичка, поднесенная к конфорке включенной газовой плиты, ее зажигает; нажатие кнопки с буквой «н» приводит к появлению изображения этой буквы в окне текстового редактора на компьютерном мониторе и так далее. Все наше взаимодействие с окружающим миром, от приготовления завтрака до общения с коллегами на работе, построено на огромном числе причинно-следственных связей. Даже поддержание жизни в нашем организме невозможно без постоянных химических реакций, которые тоже являются разновидностью причинности.

Несмотря на такое близкое знакомство с феноменом, ответить на вопрос «что такое причинность?» оказывается совсем не просто. Метафизиками было выдвинуто значительное число теорий причинности, наиболее известные из которых и будут рассмотрены в данной главе. Но вначале нам необходимо выяснить несколько наиболее общих характеристик причинности. Прежде всего следует отметить, что

причинность является отношением (relation), то есть она связывает две или более вещи (здесь «вещь» берется в самом широком смысле, она может принадлежать к самым разным онтологическим категориям). Но что именно из себя представляют реляты (relata) причинности (то есть вещи, связанные этим отношением)? Философы отвечают на этот вопрос по-разному. Для примера возьмем случай, когда мальчик бросает мяч в окно, и стекло в нем разбивается. Этот случай можно описать разными способами:

(1) Бросок вызвал разбитие стекла.
(2) Мальчик вызвал разбитие стекла.
(3) Бросок мяча мальчиком вызвал разбитие стекла.
(4) То, что мальчик бросил мяч, вызвало разбитие стекла.

В первом случае причина рассматривается как событие, во втором – как личность или агент, в третьем – как положение дел, а в четвертом – как пропозиция или как факт, то есть истинная пропозиция. Некоторые метафизики утверждают, что эти примеры отражают существование отдельных, отличающихся друг от друга причинных отношений – агентная причинность (agent causation) не является тем же самым отношением, что и событийная причинность (event causation). Другие полагают, что речь идет об одном и том же отношении, которое может связывать вещи из разных онтологических категорий. Но наиболее распространена позиция, согласно которой релятами причинного отношения являются события. Ей мы и будем следовать в данной главе.

Но прежде, чем говорить о теориях причинности, необходимо установить, не является ли данная категория ненужной или устаревшей и не следует ли вообще отказаться от ее использования. Некоторые философы утверждают, что следует, и приводят следующие аргументы в поддержку своей точки зрения[170].

Причинность не нужна в фундаментальной физике и является научно устаревшим понятием. Например, еще Бертран Рассел в своей статье 1913 года «О понятии причины» («On the Notion of Cause») указывал на то, что современные научные теории, наподобие максвелловской электродинамики или специальной и общей теорий относительности Эйнштейна, описывают мир с помощью математических

[170] Koons R. C., Pickavance T. H. The Atlas of Reality: A Comprehensive Guide to Metaphysics. Malden, Wiley Blackwell, 2017 pp. 578-583

функций и уравнений. Термины «причина» и «следствие» не появляются ни в одном фундаментальном законе природы. Рассел делает вывод, что философии не следует прибегать к понятиям, отсутствующим в наиболее успешных современных научных теориях.

Этот аргумент восходит к трудам Дэвида Юма, британского философа 18 века. Он отвергает причинность (в традиционном представлении), так как она требует существования необходимой связи между отдельными, независимыми объектами. Юм отмечает, что сама идея причинности, как кажется, включает в себя понятие неслучайной, необходимой связи между причиной и следствием. Но, кроме того, причина и следствие полагаются разными объектами (ничто не может быть причиной самого себя). Из этого и возникает трудность. Для Юма невозможны никакие необходимые связи между отдельными объектами. Мы всегда в состоянии представить один объект (причину) без другого (следствия). Из этой представимости следует возможность существования одного без другого, то есть отсутствие необходимой связи. Впрочем, на это можно возразить, что представимость какой-либо ситуации не всегда влечет ее возможность: мы можем представить себе существование Марка Твена без существования Самуэля Клеменса, хотя они необходимым образом тождествены (поскольку Твен – это псевдоним Клеменса).

В поддержку существования причинности и необходимости этого понятия в философии также было выдвинуто немало аргументов.

Обращение к здравому смыслу. В повседневной жизни мы постоянно сталкиваемся с объектами или событиями, воздействующими друг на друга. По мнению Элизабет Энском[171], мы можем непосредственно наблюдать причинность в таких событиях, как разбивание посуды, зажигание плиты, игра в футбол и так далее. Кроме того, наиболее ясное восприятие причинности происходит в момент наших собственных действий – мы делаем некоторые вещи (нажимаем на кнопку выключателя света в темной комнате) и видим их следствия (комната освещается). Само обдумывание и принятие решений предполагает каузальную эффективность нашего выбора – мы не можем рационально принять решение об увеличении продолжительности суток, так как не можем быть причиной подобного события, но решение

---

[171] Anscombe G. E. M. Causality and Determination. // Metaphysics and the Philosophy of Mind (The Collected Philosophical Papers of G. E. M. Anscombe, Volume 2) Minneapolis, University of Minnesota Press, 1981 pp. 133-148

налить себе чашку кофе – совершенно рационально и допустимо именно потому, что для нас возможно стать причиной этого события.

Практика естественных наук, особенно специальных – медицины, биологии, геологии и других. По мнению некоторых философов, даже современная физика (вопреки утверждению Бертрана Рассела) не может обойтись без понятия причинности. В формулировке самих физических теорий, законов физики понятие причины действительно не упоминается, но, по выражению Нэнси Картрайт[172], законы физики просто лгут. Картрайт утверждает, что, когда мы абстрагируем законы природы, отделяем их от реального контекста и превращаем в абстрактные математические формулы, мы тем самым переносимся в выдуманный, фантастический мир. Законы непосредственно описывают идеализированные ситуации. Именно поэтому для применения их к окружающей нас реальности приходится делать поправки на многочисленные вмешательства посторонних факторов. В соответствии с законом всемирного тяготения, два тела должны двигаться друг к другу с ускорением пропорциональным произведению их масс и обратно пропорциональным квадрату расстояния между ними. Но в реальности этого, как правило, не происходит из-за вмешательства притяжения других тел, сил трения или вязкости и так далее. Все эти факторы являются ничем иным, как причинами, следствием которых может стать отклонение реального поведения объектов от предсказанного законом физики. Картрайт также указывает, что поиск причинных факторов тех или иных явлений является одной из главных задач многих специальных наук. Например, медицина занята поиском причин заболеваний, экономика – причин инфляции или безработицы и так далее.

Причинность необходима для адекватного анализа эмпирического знания. Если причин не существует, то чувственное знание и память становятся невозможны. Причинная взаимосвязь с объектом знания рассматривается многими философами как решение проблемы Геттиера. Эта проблема, названная по имени Эдмунда Геттиера (Edmund Gettier), ставит под сомнение адекватность традиционного анализа знания. Как полагали до выхода в свет в 1963 году его статьи («Является ли знанием истинное и обоснованное мнение?» – «Is Justified True Belief Knowledge?») знание является обоснованным истинным мнением (justified true belief). Но Геттиер привел случаи, в которых человек обладает обоснованным истинным мнением, но

[172] Cartwright N. How the Laws of Physics Lie. Oxford, Oxford University Press, 1983

знания, как нам интуитивно кажется, у него нет. Рассмотрим один из таких случаев. Человек с хорошим зрением и в хорошую погоду, смотря на поле, видит в отдалении очень похожий на овцу объект и формирует убеждение «На поле есть овца». Однако то, что он видит является большой длинношерстной собакой, издали очень похожей на овцу. Тем не менее на поле на самом деле есть овца, только она скрыта за холмом и не видна этому человеку. Его убеждение удовлетворяет требованиям традиционного анализа – оно обоснованно и истинно, но знанием оно не является. Одним из предложенных выходов было включение в определение требования причинной связи между наличием убеждения и его объектом. В нашем случае такая связь отсутствует и поэтому убеждение не может быть знанием.

Согласно одному из подходов, причинность необходима для успешной семантической теории. В своей классической книге 1980 года (по лекциям, прочитанным в 1970 году) «Именование и необходимость» («Naming and Necessity»)[173] Сол Крипке выдвинул теорию, согласно которой референт имени собственного определяется реальными причинными связями между нашим использованием имени и событием «крещения», то есть событием получения имени. По мнению Крипке, при использовании имени, например «Курт Гедель», мы можем ошибочно думать, что он был знаменитым физиком или вообще практически ничего о нем не знать. Тем не менее наше употребление имени будет связано именно с Куртом Геделем – австрийским логиком и математиком, автором теорем о неполноте. Это происходит как раз благодаря наличию реальной цепочки из причин и следствий, связывающей событие употребления нами его имени с событием получения имени самим Куртом. Как мы видим, причинность играет значительную, можно сказать центральную роль в семантике Крипке.

Даже если мы убеждены этими аргументами в необходимости понятия причинности для философии, остается ответить на самый главный вопрос – что именно из себя представляет отношение причинности? Возможно ли дать ее адекватный и успешный анализ? Философами было предложено огромное количество вариантов, одни из них более популярны чем другие, но полного единодушия (впрочем, как и по подавляющему большинству философских проблем) достигнуто не было. Мы рассмотрим наиболее известные теории

[173] Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge MA, Harvard University Press, 1980

причинности, начав с наиболее простой теории регулярности, восходящей еще к Дэвиду Юму.

Эта теория, родоначальником которой можно считать Дэвида Юма, пользовалась значительной популярностью, и раньше ее придерживались многие философы (например, Джон Стюарт Милль) эмпиристской направленности.

Наиболее простая формулировка теории может выглядеть следующим образом:

(РЕГП) Событие c является причиной события e ↔ 1. c смежно с e в пространстве-времени (смежность – contiguity), 2. e происходит во времени после c (преемственность – succession), 3. за всеми событиями того же типа, что и c регулярно следуют события того же типа, что и e (регулярность – regularity).

В качестве примера мы можем представить движущийся бильярдный шар (событие c – движение шара), который ударяется о другой шар, после чего тот также приходит в движение (событие e – движение второго шара), причем движение шаров, похожих на первый, всегда вызывает при столкновении движение шаров, похожих на второй.

Мы видим, что в этой теории причинность редуцируется к таким непричинным понятиям, как пространствнннно-временная смежность, преемственность и регулярность. Из этого вытекает отсутствие необходимой связи между причиной и следствием, которая выходила бы за рамки их регулярного соединения. Эта теория восходит к трудам Дэвида Юма, как можно увидеть из следующего отрывка: «На столе лежит бильярдный шар, а другой шар движется к нему с известной скоростью. Они ударяются друг о друга, и шар, который прежде был в покое, теперь приобретает движение. Это наиболее совершенный пример отношения причины и действия, какой мы только знаем из чувств или из размышления. Давайте поэтому исследуем его. Очевидно, что перед тем, как было передано движение, два шара соприкоснулись друг с другом и что между ударом и движением не было никакого промежутка времени. Пространственно-временная *смежность* является, следовательно, необходимым условием действия всех причин. Подобным же образом очевидно, что движение, которое было причиной, первично по отношению к движению, которое было действием. *Первичность во времени* есть, следовательно, второе необходимое условие действия каждой причины. Но это не все.

Возьмем какие-либо другие шары, находящиеся в подобной же ситуации, и мы всегда найдем, что толчок одного вызывает движение в другом. Здесь, следовательно, имеет место третье условие, а именно *постоянное соединение* причины и действия. Каждый объект, подобный причине, всегда производит некоторый объект, подобный действию. Помимо этих трех условий смежности, первичности и постоянного соединения, я не могу открыть в этой причине ничего»[174]. Впрочем, неясно придерживался ли сам Юм теории РЕГП. Раньше подавляющее большинство историков философии было убеждено, что придерживался, но после появления трудов Джона Райта «Скептический реализм Дэвида Юма» («The Sceptical Realism of David Hume»)[175] и Галена Стросона «Секретная связь» («The Secret Connexion»)[176] многие пересмотрели свое мнение. Райт доказывал, что Юм на самом деле был каузальным реалистом – он не редуцировал причинность к непричинным факторам и верил в реальное существование необходимой связи между причиной и следствием. Однако он был скептическим реалистом – то есть придерживался скептической позиции относительно нашего познания и понимания таких необходимых связей. Следует заметить, что далеко не все историки философии разделяют мнение Райта и Стросона, и споры по поводу правильной интерпретации Юма идут до сих пор.

Но мы будем рассматривать саму теорию РЕГП (называя ее юмовской), вне зависимости от того, был ли Юм ее сторонником или нет. Против нее было выдвинуто большое число возражений и контрпримеров. Еще Томас Рид (Thomas Reid)[177] приводил пример, доказывающий недостаточность наличия постоянного соединения событий для наличия причинной связи между ними. Мы видим, как ночь неизменно следует за днем, но никто не станет утверждать, что день есть причина ночи. С таким же правом мы можем сказать, что ночь есть причина дня, так как день постоянно следует за ночью и у нас получится, что одно и то же событие одновременно и следствие, и причина другого. Еще один подобный пример приводился Куртом

---

[174] Юм Д. Сочинения в двух томах. т. 1 М., Мысль, 1996 с. 663

[175] Wright J. P. The Sceptical Realism of David Hume. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1983

[176] Strawson G. The Secret Connexion: Causation, Realism and David Hume. Oxford, Oxford University Press, 1989

[177] Reid T. Essays on the Active Powers of Man Edinburgh, Edinburgh University Press, 2010 p. 249

Дюкассом[178]. Дюкасс резюмирует юмовское определение причинности так – «причинность не означает ничего иного кроме постоянного соединения объектов в опыте». Теперь он предлагает представить себе человека с рождения заключенного в тюремную камеру, который постоянно слышит бой двух часов, расположенных недалеко от камеры. Одни часы идут немного быстрее, и в результате заключенный регулярно слышит, как бой одних часов предшествует бою других. Но отсюда абсурдно (даже для самого заключенного) полагать одно событие причиной другого.

Джон Стюарт Милль[179] предложил свою версию РЕГП, которая должна была быть неуязвима для подобных примеров. Для этого ему необходимо было отделить случаи причинности от случайных, но регулярных соединений событий. Прежде всего Милль указал, что причинность крайне редко связывает только два события. Как правило, несколько факторов, назовем их C, D, F и так далее, вызывают следствие E. Эти факторы Милль назвал позитивными условиями (positive conditions). Для появления следствия E кроме этого необходимо отсутствие определенных факторов, которые могли бы помешать его появлению. Их Милль назвал негативными условиями (negative conditions). Возьмем, например, пожар в доме, вызванный, как могли бы сказать пожарные или проводившие расследование полицейские, коротким замыканием проводки. На самом же деле причиной пожара одна только проводка быть не могла. В его возникновении участвовало несколько позитивных и негативных факторов – само короткое замыкание, наличие кислорода, присутствие в доме вещей из горючего материала, а также отсутствие автоматической системы пожаротушения, отсутствие в доме жильцов, которые могли бы вызвать пожарных и так далее. Если бы некоторые позитивные факторы отсутствовали (в доме вообще не было бы ничего горючего) или негативные факторы присутствовали (была бы исправная система пожаротушения), то событие пожара не наступило бы. Милль считает недопустимым выделять в качестве причины только один какой-нибудь фактор, причина для него – это все предшествующие факторы в целом. Поскольку в полную причину входят и негативные условия, то указать эту причину полностью мы никогда не сможем, так как число таких условий будет неопределенным и потенциально бесконечным. По мнению Милля, мы можем обозначить все

---

[178] Ducasse C. J. Causation and Types of Necessity. New York, Dover, 1969 p. 16

[179] Милль Дж. С. Система логики силлогистической и индуктивной. М., Леланд, 2011 с. 265-297

негативные условия одной фразой – «отсутствие предупреждающих или противодействующих причин». Если все условия (как позитивные, так и негативные) наличествуют, то следствие должно появляться не просто регулярно, но и неизменно, без исключений. Именно эта оговорка должна отделить причинность от случайных, но регулярных, соединений событий и ответить на возражения Томаса Рида о дне и ночи и других философов против юмовской теории. Милль пишет: «… с точки зрения нашего понимания слова «причина» необходимо, чтобы мы были уверены не только в том, что за предыдущим всегда следовало последующее, но и в том, что оно всегда будет следовать за ним, пока будет существовать современный строй вещей. А этого нельзя сказать относительно дня и ночи. Мы уверены в том, что за ночью будет следовать день не при всех вообразимых обстоятельствах, а лишь до тех пор, пока солнце будет восходить над горизонтом. Если бы солнце перестало восходить, что, насколько мы знаем, вполне совместимо с общими законами материи, то настала бы или могла бы настать вечная ночь»[180]. Можно сказать, что для Милля связь причины и следствия должна определяться законами природы.

Идеи Милля были подхвачены и развиты современным философом Джоном Мэки[181]. Основная идея его теории причинности такова – тип события C должен являться INUS условием типа события E для того, чтобы считаться причиной E. Чтобы понять, что такое INUS условие, нам следует изложить теорию Мэки более подробно, что мы сейчас и сделаем. Во-первых, Мэки отмечает, что одно-единственное событие практически никогда само по себе недостаточно для возникновения следствия. То есть один причинный фактор является недостаточным условием для следствия. Во-вторых, Мэки указывает на то, что вся совокупность определенных причинных факторов, хотя и будет достаточным условием для следствия, как правило не будет условием необходимым: несколько совершенно разных таких совокупностей могут вызвать следствие. В использованном нами ранее примере с пожаром одна из совокупностей факторов включала короткое замыкание, и ее было достаточно для возгорания. Но, очевидно, что для пожара именно такая совокупность не является необходимой – другой набор факторов, в котором вместо короткого

---

[180] Милль Дж. С. Система логики силлогистической и индуктивной. М., Леланд, 2011 с. 274

[181] Mackie J. L. Causes and Conditions. // American Philosophical Quarterly. 1965. № 2(4) pp. 245-264

замыкания присутствует, например, брошенный окурок сигареты, тоже мог бы стать достаточным для его появления.

Остановимся теперь на какой-нибудь одной совокупности, например, на той, где присутствует короткое замыкание. В ее рамках этот отдельный причинный фактор уже будет необходим (necessary) – без короткого замыкания данная совокупность к пожару не приведет.

Короткое замыкание в терминологии Мэки является INUS условием пожара (а значит и его причиной), что сводится к следующему набору характеристик:

1. само по себе замыкание является недостаточным (**I**nsufficient) элементом для возникновения пожара,

2. тем не менее оно – необходимый (**N**ecessary) компонент некоторого целого набора условий (само замыкание плюс присутствие горючих материалов, кислорода, отсутствие системы пожаротушения и так далее),

3. этот набор условий является достаточным (**S**ufficient) для возникновения пожара,

4. тем не менее набор не является необходимым (**U**nneccessary), так как пожар может быть вызван аналогичным, но другим набором условий.

Начальные буквы этих характеристик (на английском языке) и образуют аббревиатуру INUS, которую Мэки использует для определения причинности: причина для него необходимая, но недостаточная часть достаточного, но не необходимого набора условий появления следствия или его INUS условие. Более формально мы можем определить причину C следствия E с помощью формулы:

$$((ABC) \vee (DFG) \vee ...) \leftrightarrow E$$

То есть C само по себе может быть недостаточным для E, но оно необходимая часть набора ABC, который может быть достаточным для E, но не необходим для него, так как существуют другие наборы (DFG), достаточные для E.

Теперь мы можем сформулировать определение причинности в соответствии с теорией Мэки следующим образом:

(INUS) C является причиной E ↔ C является как минимум INUS условием E.

Необходимо отметить, что заглавные буквы C и E использованы здесь для обозначения типов событий (отдельные события, токены обозначаются строчными буквами – c и e). Теория Мэки утверждает, что короткие замыкания вообще (тип событий C) являются причиной пожаров (тип события E), если они являются их INUS условием. Из этого следует наличие универсальных регулярностей (universal regularities) в нашем мире: конкретное событие e типа E никогда не происходит без событий abc или dfg и так далее. Именно это делает теорию Мэки продолжением и развитием РЕГП, юмовской теории причинности. Читатель может заметить, что в определении написано «является как минимум INUS условием». Это фраза нужна Мэки, поскольку он не исключает, что в некоторых случаях C само по себе может оказаться достаточным для E: такое может происходить, например, при взаимодействии фундаментальных элементарных частиц (одного присутствия положительного заряда достаточно для притяжения электрона).

Несмотря на наличие термина «необходимый», теорию Мэки можно считать юмовской по своему духу, то есть теорией, отрицающей наличие необходимой связи между причиной и следствием. Это возможно благодаря различию между необходимым (necessary) для появления события фактором и фактором, который необходимо вызывает (necessitates) это событие. Необходимый фактор – это просто условие, без которого событие не произойдет, то есть conditio sine qua non события. Фактор, необходимо вызывающий событие – это производящая, продуктивная сила (productive power), существование которых в юмовской теории причинности отрицается.

Как можно видеть, в теории Мэки один фактор практически никогда не является достаточным для появления следствия. Это может приводить к некоторым контринтуитивным результатам – помимо короткого замыкания INUS условиями (а значит и причинами) пожара будет присутствие кислорода, горючих материалов и так далее. Но в повседневной жизни мы, как правило, выделяем лишь короткое замыкание в качестве причины и едва ли скажем, что «причиной пожара в доме было присутствие кислорода». Может ли теория Мэки это объяснить? Для решения проблемы Мэки вводит понятие каузального поля (causal field). По его мнению, при поиске причин мы заранее предполагаем наличие некоторых факторов, которые

составляют своего рода фон, на котором наш поиск и разворачивается. При определении причины пожара ищут тот фактор, который отличал бы сгоревший дом от остальных домов, где пожара не случилось. В нашем примере таким фактором была неисправная проводка, которую мы и склонны считать подлинной причиной, в то время как кислород и горючие материалы есть и в тех домах, где пожара не случилось. Поэтому они, хотя и являются INUS условиями пожара, но его причинами не считаются. Совокупность таких факторов Мэки и называет каузальным полем. Причем различие между причиной и каузальным полем носит прагматический характер, то есть зависит от ситуации и интересов ищущих причины события людей. Например, мы можем спросить: «что вызвало смерть данного человека?». Ответом может, например, быть «воздействие сильной радиации», что будет верно, так как радиация действительно была в данном случае INUS условием, а значит и причиной. Но мы можем посмотреть на ситуацию по-другому и спросить: «почему умер именно этот человек, ведь вместе с ним радиации подверглась целая группа людей, все из которых остались живы?». При такой постановке вопроса радиация, фактор общий для всей группы людей (как для умершего, так и для тех, у кого эффект смерти не наступил), перемещается в каузальное поле и становится фоновым условием смерти. Оно по-прежнему является INUS условием, но причиной мы его называть не станем, а будем искать другую. Это причиной, отличающей умершего от остальных, может стать, например, пожилой возраст или наличие хронических заболеваний. Тем не менее причинность не становится субъективным феноменом, зависящим от интересов людей: при данном, фиксированном каузальном поле определенный фактор можно совершенно объективно назвать причиной события, его статус определяется объективно существующими в природе универсальными регулярностями, а не нами.

Другая известная и популярная теория причинности также восходит к трудам Дэвида Юма. В одном месте своей работы «Исследование о человеческом познании» он приводит определение причины через регулярность: «Мы можем поэтому определить причину как объект, за которым следует другой объект, причем все объекты, похожие на первый, сопровождаются объектами, похожими на второй», но затем добавляет другую формулировку, использующую понятие контрфактического кондиционала (см. главу 10): «Иными словами, если бы не было первого объекта, то никогда не существовало

бы и второго»[182]. Сам Юм, по-видимому, считал обе формулировки эквивалентными. Однако вторая из них привела к возникновению отдельной теории причинности – контрфактуальной теории (КТ), которая была создана Дэвидом Льюисом. В отличие от теории Мэки, теория Льюиса касается токенов событий, а не типов, то есть в ней рассматриваются причинно-следственные отношения между отдельными, конкретными событиями. Кроме того, хотя Льюис признает прагматическое различие между каузальным полем и собственно причиной, его теория касается причин вообще, независимо от того, выделяются ли они как основные или считаются фоновыми.

Первый вариант КТ Льюис формулирует в два этапа – сначала он определяет понятие причинной зависимости, ПЗ (causal dependence) и лишь затем само понятие причинности (causation). Причинную зависимость Льюис определяет следующим образом:

(ПЗ) событие e причинно зависимо от события c ↔ верно как c □→ e, так и ¬c □→ ¬e.

Коротко говоря, ПЗ сводится к утверждению, что «произойдет ли e или нет зависит от того, произойдет ли c или нет»[183]. То есть Льюис сводит причинную зависимость к контрфактуальной. Поясним это на нашем примере с пожаром. Предположим, что произошел пожар (событие e) и короткое замыкание (событие c) тоже действительно случилось. Существует ли причинная зависимость между этими событиями? Для ответа на этот вопрос нам необходимо установить, есть ли между ними зависимость контрфактуальная. Она будет существовать, если истинны два контрфактических кондиционала (КК): 1. если бы короткое замыкание случилось, то произошел бы пожар, 2. если бы короткого замыкания не случилось, то пожар бы не произошел. Поскольку в нашем примере и замыкание и пожар действительно имели место, то первый КК будет тривиально истинным. Таким образом, все зависит от второго КК. Интуитивно кажется, что он тоже истинен: для его оценки (в соответствии с теорией Льюиса) следует рассмотреть, что происходит в ближайших к нашему возможных мирах, где короткого замыкания не было. Поскольку эти миры практически ничем не отличаются от актуального (кроме отсутствия замыкания), то пожар в них не произошел, а значит второй КК тоже

[182] Юм Д. Сочинения в двух томах. т. 2 М., Мысль, 1996 с. 65-66
[183] Lewis D. Causation // Journal of Philosophy. 1973. №70(17). p. 563

истинен. На основании этого мы можем утверждать существование причинной зависимости между пожаром и замыканием.

Итак, мы определили понятие ПЗ. Но почему нам просто нельзя отождествить ее с причинностью? Чем различаются эти понятия? Во-первых, ПЗ связывает как актуальные, так и лишь возможные события, в то время как причинность (по мнению Льюиса) может существовать только между актуальными событиями. Но не можем ли мы по крайней мере приравнять ПЗ к причинности для актуальных событий? Как утверждает Льюис, ПЗ в этих случаях действительно влечет за собой причинность: «если с и е это два актуальных события, таких, что е не произошло бы без с, то с является причиной е»[184]. Но мы не можем их отождествить, так как неверно обратное – причинность не всегда влечет за собой ПЗ. Чтобы увидеть это рассмотрим такой пример. В 17:00 Сьюзи бросает камень в пустую стеклянную бутылку (событие с), камень ударяет ее, и бутылка разбивается (событие е) две секунды спустя. Очевидно, что это случай причинности – бросок камня разбил бутылку. Но не все так просто. В момент броска рядом присутствовал также друг Сьюзи Билли, и они договорились о следующем: если Сьюзи не бросит камень в 17:00, то Билли бросит свой камень с большей силой в 17:01. Получится, что этот более быстрый камень ударит бутылку в тоже самое время, что и камень Сьюзи (в 17:02), и бутылка разобьётся. То есть бросок Сьюзи имеет своего рода подстраховку: если он не произойдет, то произойдет другой бросок, который приведет к тому же самому событию – разбитию бутылки в 17:02. В философской литературе это называется случаем упреждения (preemption) – бросок Билли был упрежден, опережен броском Сьюзи. В данной ситуации это было так называемое раннее упреждение (early pre-emption), до того, как событие (бросок Билли) произошло. Теперь мы видим, что одно событие может быть причиной другого без наличия причинной зависимости: бросок Сьюзи был причиной разбития бутылки, но причинной зависимости в данном случае нет, так как неверен второй КК из двух, указанных в определении ($\neg c \Box\!\!\rightarrow \neg e$). Если бы бросок Сьюзи не произошел, то бутылка все равно бы разбилась, так как ее разбил бы бросок Билли, то есть событие е все равно бы произошло и в случае ¬c, а значит причинная зависимость отсутствует.

Однако критик Льюиса мог бы сказать, что разбитие бутылки броском Билли – это уже другое событие (е*): оно могло бы

[184] Lewis D. Causation // Journal of Philosophy. 1973. №70(17). p. 563

произойти на несколько долей секунды раньше или позже, осколки упали бы по-другому и так далее. Поэтому мы можем утверждать лишь кондиционал $\neg c \; \Box\!\!\rightarrow e^*$, а кондиционал $\neg c \; \Box\!\!\rightarrow \neg e$ остается верен, и причинная зависимость все-таки имеется. Но Льюис с этим не согласен. По его мнению, события не являются модально хрупкими (modally fragile) сущностями. В терминологии Льюиса, событие было бы модально хрупким, если бы даже небольшое изменение превращало его в другое. Но это не так, небольшие изменения в событиях вполне возможны: научная конференция, например, может быть перенесена на день или два вперед и остаться тем же событием. Поэтому е и е* – это одно и то же событие, а значит ПЗ отсутствует, несмотря на наличие причинности. Поэтому Льюису, чтобы свести причинность к контрфактуальной зависимости, необходимо сначала как-то связать причинность с ПЗ.

Каким же образом Льюис решает эту проблему? Как он связывает понятия причинности и причинной зависимости? Вернемся снова к нашему примеру. Нам интуитивно ясно, что бросок Сьюзи был причиной разбития бутылки, хотя контрфактуальной зависимости (а значит и ПЗ) между ними нет, так как без броска Сьюзи бутылка все-равно была бы разбита (броском Билли). Однако между броском Сьюзи и разбитием бутылки существует цепочка промежуточных событий: нахождение камня в ее руке, нахождение камня в воздухе на полпути к бутылке в точке 1, нахождение камня в воздухе на пути к бутылке в точке 2 и так далее (для простоты предположим всего три события – камень в руке Сьюзи, камень на полпути к бутылке и само разбитие бутылки). И для каждого звена в этой цепочке существует соответствующая контрфактуальная зависимость: если бы Сьюзи не бросила из руки камень, то он не находился бы на полпути к бутылке; если бы камень не находился на полпути к бутылке, то она не была бы разбита. Такую последовательность $\neg c \; \Box\!\!\rightarrow \neg p_1, \ldots \neg p_n \; \Box\!\!\rightarrow \neg e$ Льюис называет причинной цепью (causal chain). По мнению Льюиса, все контрфактуалы в этой цепи истинны даже в присутствии Билли, готового бросить свой камень, если этого не сделает Сьюзи. Именно это и делает бросок Сьюзи причиной разбития бутылки. Теперь мы можем сформулировать определение причинности согласно теории Льюиса:

(ПЛ) Событие с является причиной события е ↔ существует причинная цепь, ведущая от с к е.

В соответствии с этим определением причинность является транзитивным отношением, хотя некоторые философы, например, Нед Холл[185], подвергают это сомнению. По их мнению, существуют случаи причинности без транзитивности. Например, человек укушен ядовитой змеей (событие c). Из-за этого он вводит себе антидот (событие c*) и в результате остается в живых (событие e). c является причиной c*, а c* – причиной e. Если бы причинность была транзитивной, то c стало бы причиной e, но это явно абсурдно – мы не можем считать укус ядовитой змеи причиной выживания человека.

Вернемся к нашему примеру с камнями. Можно усомниться в истинности всех контрфактуалов, связывающих звенья цепи событий. Возьмем второй из них: если бы камень не находился на полпути к бутылке, то она не была бы разбита. Мы можем сказать, что если бы камень не находился на полпути к бутылке, то это значило бы, что Сьюзи его не бросала, но если бы она его не бросила, то это сделал бы Билли и бутылка была бы разбита. Значит этот контрфактуал ложен. Льюис предвидел эту проблему и предложил ее решение. Ключевая часть возражения – это контрфактуал, в котором временной порядок антецедента и консеквента противоположен обычному: антецедент (отсутствие камня на полпути к бутылке) находится в будущем по отношению к консеквенту (отсутствие броска Сьюзи). Такой контрфактуал называется возвратным контрфактуалом (backtracking counterfactual). Льюис предлагает простое решение проблемы – он отрицает правомерность таких контрфактуалов. Их недопустимость вытекает из предложенных Льюисом критериев для оценки сходства миров между собой (см. главу 10). Второй пункт этих критериев требует от нас «максимизировать пространственно-временной регион, на протяжении которого господствует полное совпадение отдельных фактов». Теперь возьмем два упоминавшихся выше контрфактуала: 1. если бы камень не находился на полпути к бутылке, то она не была бы разбита, 2. если бы камень не находился на полпути к бутылке, то Сьюзи его бы не бросала. При оценке их истинности нам надо взять те возможные миры, в которых отдельные факты максимально совпадают с актуальными вплоть до момента расхождения антецедента контрфактуала и актуальной ситуации (камень на полпути к бутылке). Но тогда среди этих фактов будет и бросок Сьюзи, а значит

[185] Hall N. Causation and the Price of Transitivity //Journal of Philosophy. 2000. № 97(4) p. 201

консеквент второго контрфактуала будет ложным. Поэтому все подобные возвратные контрфактуалы также ложны.

Выше мы назвали историю Сьюзи и Билли ранним упреждением (early pre-emption) и, как мы увидели, теория Льюиса успешно справляется с такими случаями путем постулирования причинных цепей и запрета на возвратные контрфактуалы. К сожалению, наряду с ранним упреждением существует и позднее (late pre-emption). Немного изменим нашу историю: Сьюзи и Билли бросают свои камни одновременно, но Сьюзи делает чуть более сильный бросок и именно ее камень разбивает бутылку на доли секунды раньше, чем это мог бы сделать камень Билли. В этом случае решение Льюиса не работает. Причинной цепи между броском Сьюзи и разбитием бутылки здесь не существует и запрет на возвратные контрфактуалы делу не поможет. Возьмем, например одно из последних звеньев такой цепи (если бы она существовала). Если бы камень Сьюзи не был в полете в миллиметре от бутылки, то она бы не разбилась. При оценке этого контрфактуала мы, в соответствии с критериями Льюиса, берем возможные миры, максимально совпадающие с нашим вплоть до момента антецедента. Но тогда мы должны включить и такой факт: на небольшом расстоянии позади камня Сьюзи летит камень Билли. Получается, что наш контрфактуал ложен – если бы камень Сьюзи не был в полете в миллиметре от бутылки, то она все-равно бы разбилась (камнем Билли). Теория Льюиса не справляется с такими случаями.

Еще одна разновидность трудностей для Льюиса – случаи так называемого превосходства (trumping). Представим, что сержант и майор одновременно выкрикивают группе солдат команду «Вперед!» и группа действительно начинает бежать вперед. Солдаты знают, что команда майора превосходит (trump) команду сержанта, так как майор выше сержанта по званию, поэтому вперед они бегут из-за команды майора. Превосходство можно рассматривать как крайний случай упреждения – у нас имеются две практически одинаковые причинные цепи, одна из которых непосредственно перед наступлением события-эффекта как бы превосходит, берет верх над второй и становится причиной. Читателю не составит труда увидеть проблематичность таких случаев для ПЛ. Льюис пытался дополнить и изменить ПЛ, чтобы объяснить случаи превосходства, но потерпел неудачу. Это заставило его более радикально пересмотреть ПЛ и сформулировать новую теорию, в которой понятие каузальных цепей уже не фигурирует. Эту теорию он изложил в статье 2000 года

«Причинность как влияние»[186]. Чтобы лучше ее объяснить воспользуемся таким сравнением. Представьте, что вы столкнулись с неизвестным вам механизмом, состоящим из многих деталей – пружин, шестеренок, рычагов и так далее. Вы не знаете, как одни детали связаны с другими, и с какими именно деталями связана каждая из них. Для того, чтобы узнать это, вы немного покачиваете, дергаете первую деталь и смотрите, какие другие детали начинают двигаться. Также вы поступаете со второй и со всеми остальными деталями и в итоге устанавливаете взаимосвязь между ними. То же самое происходит и с причинностью, только место покачивания и дерганья занимают контрфактические ситуации. Немного изменяя характеристики какого-либо события в разных возможных мирах, мы смотрим, характеристики каких именно других событий тоже меняются. Тем самым мы устанавливаем наличие причинного влияния (causal influence) между этими событиями. Теперь Льюис определяет причинность с помощью понятия причинного влияния (вместо причинной зависимости).

Само причинное влияние можно определить следующим образом:

(ПВ) Если c и e разные актуальные события, то c влияет на e ↔ есть существенный диапазон c_1, c_2 ... различных, но не слишком далеких друг от друга возможных вариантов c (включая актуальный вариант, само c), есть диапазон e_1, e_2 ... возможных вариантов e, по крайней мере некоторые из которых отличаются друг от друга, таких, что если бы произошло c_1, то произошло бы e_1, если бы произошло c_2, то произошло бы e_2 и так далее.

Тогда причинность в соответствии с этой новой теорией Льюиса будет определятся следующим образом:

(ПЛ*) Событие c является причиной события e ↔ существует цепь последовательного причинного влияния от c к e.

Такое определение может справиться со случаями позднего упреждения и превосходства. В первом случае небольшие изменения именно броска Сьюзи немного изменят событие разбития бутылки

[186] Lewis D. Causation as Influence // The Journal of Philosophy. 2000. № 97(4) pp. 182-197

(например, осколки упадут чуть-чуть по-другому). В случае превосходства, изменения в команде майора («назад!» вместо «вперед!») изменят поведение солдат, подобные же изменения в команде сержанта (при условии, что команда майора останется прежней) ни к чему не приведут. Тем не менее существует еще один тип проблем, решить которые не так просто и для новой теории. Эта разновидность случаев получила название сверхдетерминации (overdetermination). Вспомним пример с пожаром из-за короткого замыкания, но добавим к замыканию еще один действующий фактор – горящую спичку, упавшую на легко воспламеняемый ковер. Если бы короткого замыкания/горящей спички не было, то пожар все равно произошел бы из-за второго фактора, то есть он является сверхдетерминированным. Более того, небольшие изменения в характеристиках одного из факторов совершенно не влияют на пожар, так как второй фактор действует в неизменном виде. Согласно новой теории Льюиса ни один из факторов не будет причиной пожара, что противоречит нашим интуитивным представлениям о данном случае. Рассматривая такие случаи, Дэвид Льюис указывает на неясность и противоречивость наших интуиций – многие люди, по его мнению, откажутся считать оба фактора причиной. Но, поскольку интуиции неясны, то мы не можем требовать от теории каких-либо однозначных и совпадающих с нашими интуициями (которые сами неясны) ответов.

И первый и второй варианты теории Льюиса опираются в конечном счете на контрфактическую зависимость, то есть на нечто, происходящее в гипотетических ситуациях, в других, отличных от актуального, возможных мирах. Но не является ли такая зависимость слишком эфемерной, не отражающей полноценную, реальную связь между причиной и следствием? В примере с бутылкой, как кажется, мы можем указать на более существенное отличие между бросками Сьюзи и Билли: камень Сьюзи, и только он, реально перенес такие физические величины, как энергия или импульс на бутылку. Именно это и делает его причиной разбития данной бутылки. На эту интуицию опирается группа теорий причинности, получившая название теорий переноса (transfer theories). В эту группу входят: теория процесса Джона Мэки[187], теория переноса метки (mark transfer) Уэсли

[187] Mackie J. L. The Cement of the Universe: A Study of Causation. Oxford, Clarendon Press, 1974

Сэлмона[188], теории сохраняющихся величин (conserved quantity) Фила Доува[189] и Макса Кистлера[190].

Все эти теории являются натуралистическими по своему духу, то есть они пытаются найти природный феномен (описываемый естественными науками и, прежде всего, физикой), который соответствовал бы нашим интуитивным представлениям о причинности. К этому призвал философов Уэсли Сэлмон: «Давайте воспримем вызов Юма серьезно: давайте попытаемся найти физическую связь между причиной и следствием»[191]. Эти теории в каком-то смысле являются антиюмовскими по своему духу – они пытаются найти реальную природную связь межу причиной и следствием, наличие которой Юм отрицал (по крайней мере, в соответствии с классической интерпретацией). Однако это верно лишь отчасти – связи, постулируемые теориями переноса, являются эмпирически верифицируемыми, а не вводимыми a priori подобно скрытым силам (hidden powers), против которых протестовал Юм. Кроме того, эти связи лишены модальной силы, не являются необходимыми – по сути мы можем сказать, что есть простая, фактическая регулярность переноса неких физических величин. Таким образом, хотя теории переноса отклоняются от РЕГП, они не порывают с ней полностью.

Первые две теории (Джона Мэки и Уэсли Сэлмона) меняют сущности, вступающие в причинно-следственные отношения, с событий на процессы. Сэлмон, в частности, пишет: «одно из фундаментальных изменений, предлагаемых мной при рассмотрении причинности – взять процессы скорее, чем события в качестве базовых сущностей»[192]. Далее Сэлмон приводит пример таких процессов, противопоставляя их событиям: «Бейсбольный мяч, сталкивающийся с окном, будет считаться событием; бейсбольный мяч, путешествующий от биты к окну, будет составлять процесс»[193]. В нашем примере камень Сьюзи, летящий из ее руки к бутылке, тоже будет процессом. Однако не все процессы одинаковы, только некоторые из них создают условия для наличия причинности. Поэтому Сэлмон предлагает

---

[188] Salmon W. Scientific Explanation and the Causal Structure of the World. Princeton, Princeton University Press, 1984

[189] Dowe P. Physical Causation. Cambridge, Cambridge University Press, 2000

[190] Kistler M. Causation and Laws of Nature. London, Routledge, 2006

[191] Salmon W. Causality and Explanation New York, Oxford University Press, 1998 p. 16

[192] Salmon W. Scientific Explanation and the Causal Structure of the World Princeton, Princeton University Press, 1984 p. 139

[193] ibid. p. 139-140

критерий для различения причинных процессов и псевдо-процессов, не приводящих к причинности. Этим критерием является способность переносить метку (mark transmission). По словам Сэлмона: «базовый метод для различения причинных процессов и псевдо-процессов – это критерий переноса метки. Причинный процесс способен переносить метку; псевдо-процесс – нет»[194]. Но что представляет собой перенос метки? Сэлмон разъясняет это с помощью примера. Если движущийся автомобиль (причинный процесс) задевает о стену и царапает крыло, то это отдельное, локальное взаимодействие оставляет постоянную метку (царапину) на движущемся автомобиле. Но если, например, тень от автомобиля бежит по стене и пересекает окно с выступом, то тень на какое-то мгновение меняет свою форму (метка), но это изменение в дальнейшем не сохраняется, и тень вновь принимает свою прежнюю форму (метка не переносится). Движение тени по стене является псевдо-процессом.

Собственно причинное взаимодействие происходит согласно данной теории, когда процессы взаимодействуют между собой, а взаимодействуют они тогда, когда оставляют метки друг на друге. Камень Сьюзи, обладающий определенным импульсом, сталкивается с бутылкой, обладающей внутренними химическими связями между атомами. В результате причинного взаимодействия эти процессы оставляют метки друг на друге – камень теряет импульс, многие химические связи разрушаются.

Эта теория Сэлмона была принята и модифицирована многими другими философами. В частности, Доув[195] и Кистлер[196] предложили дополнить ее положением о том, что каузальные процессы переносят сохраняющиеся величины. Это дополнение было принято и самим Сэлмоном. Он пишет об этом так: «Доув подчеркнул, что причинные процессы переносят сохраняющиеся величины; и благодаря этому факту, они являются причинными. Я подошел близко к этому тезису упоминанием применимости законов сохранения к причинным взаимодействиям»[197]. В этой модификации теории сохранение метки заменяется сохранением определенных величин в соответствии с законами природы. По мнению Доува, это касается таких физических величин, как масса, энергия, импульс, электрический заряд

[194] ibid. p. 142
[195] Dowe P. Physical Causation. Cambridge, Cambridge University Press, 2000 pp. 89-123
[196] Kistler M. Causation and Laws of Nature. London, Routledge, 2006 p. 26
[197] Salmon W. Scientific Explanation and the Causal Structure of the World Princeton, Princeton University Press, 1984 p. 303

и так далее. Метки, используемые Сэлмоном, являются слишком неустойчивыми и поверхностными в сравнении с более фундаментальными физическими величинами.

Теперь мы можем дать более формальное определение причинности в соответствии с процессуальной теорией:

(ПРП) 1. Причинное взаимодействие (causal interaction) является пересечением мировых линий (world lines), которое включает в себя обмен сохраняющейся величиной.

2. Причинный процесс (causal process) – это мировая линия объекта, которая переносит сохраняющуюся величину.

Из этого определения мы видим, что подлинные причинные взаимодействия включают в себя не просто перенос неких меток, но обмен определенной физической величиной, причем обмен управляется законами природы. Наличие такой сохраняющейся величины отличает причинные процессы от псевдо-процессов, что исключает, например, движущиеся тени из списка причинных процессов. Мировая линия объекта в данном определении означает его траекторию через пространство-время.

Естественно, что и процессуальная теория не обходится без собственных трудностей. Одной из наиболее серьезных являются случаи так называемой негативной причинности (negative causation), в которых причиной выступает отсутствие чего-либо. Рассмотрим такой пример. Некоторые виды огнестрельного оружия устроены приблизительно следующим образом. Ударник в них соединен с боевой пружиной, находящейся под механическим напряжением, но пружина (пока еще) не толкает ударник вперед, поскольку она сдерживается предохранительной шпилькой. Если это сдерживание прекратится, то ударник поразит капсюль, что вызовет взрыв заряда пороха и вылет пули из дула. Казалось бы, такой механизм идеален для иллюстрации передачи физических величин от одной детали оружия к другой. Но, к сожалению, выстроить цепь передачи физических величин от нажатия пальцем на курок до вылета пули не представляется возможным, так как нажатие просто убирает предохранительную шпильку, сдерживающую пружину. Нет никакой передачи энергии или какой-либо другой физической величины. Таким образом, причинность через отсутствие (causation by absences) крайне трудно вписать в данную теорию. Однако такая причинность без труда описывается INUS теорией Мэки или контрфактуальной теорией Льюиса, в

которых передача физических величин не требуется. Эта ситуация навела некоторых философов на мысль о многообразии самого феномена причинности. Случаи, где осуществляется реальный перенос физических величин, то есть где происходит каузальное порождение эффекта причиной (случай Сьюзи и Билли), лучше всего описываются теориями переноса. Для случаев, где причинность сводится к контрфактуальной зависимости (огнестрельное оружие), больше подходят теории Мэки или Льюиса. Именно на эту противоречивость наших интуиций указал в своей статье 2004 года «Два понятия причинности» («Two Concepts of Causation») Нед Холл[198]. Другой философ, Статис Псиллос[199], пошел еще дальше и выдвинул теорию причинного плюрализма (causal pluralism) – тезис о том, что сам феномен причинности неоднороден, и существует несколько его типов.

К вышеизложенным процессуальным теориям примыкает еще одна группа теорий причинности, получивших название механистических (mechanistic theories), которые являются более анти-юмовскими по своему духу. Некоторые философы предложили определять причинность через существование реальных, материальных механизмов, с помощью которых и происходит взаимодействие причин и следствий. Эти механизмы могут быть как естественными (сердце животных, корневая система растений и так далее) или искусственными (ударно-спусковой механизм в огнестрельном оружии). Именно механизмы будут осуществлять перенос определенных сохраняющихся величин. Наиболее известный вариант теории был предложен Стюартом Гленнаном (Stuart Glennan) в статье 1996 года «Механизмы и природа причинности» («Mechanisms and the Nature of Causation»). Как пишет Гленнан, механизмы представляют собой реальные, структурированные объекты с взаимосвязанными частями, которые все вместе участвуют в едином процессе, каждая из частей которых может, в свою очередь, быть механизмом: «механизм, обусловливающий поведение – это комплексная система, которая производит это поведение с помощью взаимодействия ряда частей в соответствии с прямыми причинными законами… Две из множества подсистем человеческого тела – это кардиоваскулярная и дыхательная системы. Каждая из этих систем обладает механизмами для

---

[198] Hall N. Two concepts of causation //Collins J., Hall N., Paul L. (eds.) Causation and Counterfactuals. Cambridge, Mass., The MIT Press, 2004 pp. 225-276

[199] Psillos S. Causal Pluralism // Randerbeeken R., D'Hooghe B. (eds.) Worldviews, Science and Us: Studies of Analytical Metaphysics. Singapore, World Scientific Publishing Company, 2010, pp. 131-152

выполнения определенных вещей (перекачивание крови, вдыхание кислорода и выдыхание углекислого газа)»[200].

Используя понятие механизма, мы можем дать такое определение причинности в соответствии с механистической теорией:

(МЕХП) Событие с является причиной события е ↔ событие с является активацией механизма, части которого взаимодействуют таким образом, что механизм производит поведение е.

Как и все другие, механистическая теория не лишена собственных недостатков. Упоминавшаяся выше негативная причинность (причинность через отсутствие) тоже может вызвать затруднения, хотя МЕХП справляется с некоторыми случаями более успешно. Например, нажатие на курок, приводящее к убиранию предохранительной шпильки, все-же будет считаться причиной, так как действует в рамках единого механизма и неважно, есть ли непосредственная передача энергии от одной части к другой или нет. Однако главная проблема для МЕХП – причинность на фундаментальном уровне. Когда мы рассматриваем взаимодействие привычных нам макрообъектов, мы практически всегда можем быть уверены, что найдем тот или иной материальный механизм, обеспечивающий это взаимодействие. Но на фундаментальном уровне мы рано или поздно столкнемся с простыми, не имеющими частей объектами (например, современная физика рассматривает такие фундаментальные частицы, как кварки, электроны, нейтрино и другие в качестве простых). Здесь мы уже не можем указать на какой-либо механизм, ответственный за их взаимодействие. Сторонники МЕХП осведомлены об этой проблеме, и большинство из них просто признает ограниченность своей теории. Стюарт Гленнон, в частности, пишет: «полная теория причинности требует теории фундаментальных причинных взаимодействий»[201]. По его мнению, для фундаментального уровня подходит контрфактуальная теория.

Существует еще одна группа теорий причинности. Она также является антиюмовской, антиэмпиристской по своему духу и отталкивается от понятия агентности. Как пишут ее сторонники Питер Мензиес (Peter Menzies) и Хью Прайс (Huw Price): «эмпиристам

---

[200] Glennan S. Mechanisms and the Nature of Causation // Erkenntnis. 1996. №44 (1) p. 52

[201] Glennan S. Mechanisms // Psillos S., Curd M. (eds.) Companion to the Philosophy of Science London, Routledge, 2013 p. 381

нужно помнить, что человеческие субъекты обладают доступом к миру двумя путями: несомненно, как наблюдатели, но также и как агенты, способные вмешиваться в мировые процессы произвольно»[202]. Опираясь на это положение, Мензиес и Прайс сформулировали такое определение причинности:

(ПРА) «событие А является причиной отдельного события В в том случае, если способствование осуществлению А будет являться эффективным средством, с помощью которого свободный агент может способствовать осуществлению В»[203].

Сразу же может возникнуть вопрос – не является ли это определение круговым? Может показаться, что такие понятия как «способствование осуществлению» и «эффективное средство» могут быть определены лишь с использованием понятия причины. Но Мензиес и Прайс отвергают это обвинение, поскольку, по их мнению, мы имеем непосредственный и прямой доступ к этим понятиям в нашем повседневном опыте совершения действий. Этот опыт никак не связан с (и независим от) понятия причинности, чем и избегается круг в определении. Вот что они пишут по этому поводу: «Основная посылка – то, что с детских лет у нас всех есть непосредственный опыт действия в качестве агентов. То есть у нас есть непосредственный опыт не просто юмовской преемственности событий во внешнем мире, но особого класса таких преемственностей: таких, в которых более раннее событие – это наше собственное действие, выполненное в обстоятельствах, в которых мы одновременно желаем более позднего события и полагаем, что оно более вероятно при условии нашего действия, чем без него. Проще говоря, у нас есть непосредственный личный опыт делания некоей одной вещи и достижения тем самым другой»[204] . Тем не менее для критиков теории ее зависимость от нашего опыта действий в мире является недопустимо антропоцентричной. Как может такое фундаментальное явление, как причинность, зависеть от человеческого опыта – ведь причинность существовала задолго до появления разумных агентов, и причинно-следственные связи могут существовать без их ведома (например, между еще неизвестными элементарными частицами)? Сторонники теории на это отвечаю так:

---

[202] Menzies P., Price H. Causation as a Secondary Quality // The British Journal for the Philosophy of Science. 1993. № 44(2). pp. 194-5

[203] ibid. p. 187

[204] ibid. p. 194

зависимость причинности от деятельности агента является лишь эпистемической и концептуальной, но не онтологической: с помощью нашей деятельности мы узнаем о существовании причинности и формируем ее понятие, но само существование причинности от этого не зависит. Более того, по их мнению, разумные существа, которые были бы лишь пассивными наблюдателями, лишенными способности к деятельности, вообще не смогли бы сформировать понятие о причинности.

Идеи агентных теорий были подхвачены и развиты последней из рассматриваемых нами теорий причинности – интервенционистской. Эта теория была разработана Джеймсом Вудвардом (James Woodward). Кратко ее можно сформулировать так:

(ИНТП) «X является причиной Y ↔ существует возможное идеальное вмешательство в X, которое изменяет Y»[205].

Мы можем сделать это определение более понятным, пояснив его с помощью примера. Предположим, что нам нужно провести клинические испытания нового лекарственного препарата. Мы даем этот препарат большой группе людей, страдающих от заболевания, которое он предположительно излечивает, но часть группы получает не сам препарат, а плацебо. Если пациенты, получающие лекарство, выздоравливают быстрее, чем получающие плацебо, то препарат эффективен. Но это лишь приблизительное описание подобных испытаний. При их реальном проведении необходимо учитывать множество факторов, которые могут повлиять на результат: возраст, пол, общее состояние здоровья пациентов из обеих групп должны, по возможности, быть одинаковыми, что предотвратит вмешательство побочных факторов в результаты исследования. Можно описать данное исследование в терминах теории Вудварда так: у нас есть группа пациентов и мы проводим вмешательство, давая одним из них лекарство, а другим плацебо. По словам Вудварда, мы можем «представить лечение, получаемое индивидуальным субъектом u_i с помощью бинарной переменной T, которая принимает одно из двух значений 1 и 0, в зависимости, соответственно, от того, получает ли u_i лекарство или нет»[206]. Цель лечения, то есть выздоровление, может быть

[205] Woodward J. Making Things Happen: A Theory of Causal Explanation. Oxford, Oxford University Press 2003 p. 45
[206] ibid. p. 94

представлена переменной R, принимающей значения 1 или 0 в зависимости от того, выздоровел пациент или нет. Само вмешательство, то есть решение давать ли пациенту лекарство или плацебо, можно представить в виде переменной I, приводящей к тому, что T принимает значения 1 (лекарство) или 0 (плацебо). Теперь возможно сформулировать основной вопрос исследования с помощью этих переменных: приведет ли вмешательство I, которое придает T значение 1 для индивида u_i, к значению 1 переменной R, а также приведет ли I, дающее T=0 к R=0 (следует заметить, что T является X – причиной, а R является Y – следствием из краткого определения причины Вудвардом). Выше мы уже отмечали, что при проведении процедуры необходимо соблюдение определенных условий, без которых нам не получить правильного результата. Отталкиваясь от этой интуиции, Вудвард формулирует ряд ограничений для своего идеального вмешательства, с помощью которого он определяет причинность. Он насчитывает четыре таких условия для вмешательства I:

1. I должно быть статистически независимо от любых других переменных Z, которые могут стать причиной Y. В нашем примере вмешательство (выдача лекарства/плацебо) не должно зависеть от таких факторов как пол, возраст, общее состояние здоровья, которые сами непосредственно влияют на выздоровление.

2. I должно влиять на Y только через X, все остальные пути влияния необходимо исключить. Сама процедура выдачи лекарства/плацебо должна влиять на выздоровление только через эффективность самого лекарства. Мы не можем, например, давать плацебо в приятных на вкус таблетках, а лекарство вводить с помощью крайне болезненных инъекций. Такая болезненность может напрямую, в обход действия самого лекарства, повлиять на выздоровление.

3. I должно исключать все остальные переменные, которые могут повлиять на значение X. В медицинских испытаниях недопустима неофициальная выдача лекарства – если медсестра тайно дает одному из получателей плацебо дозу лекарства (меняя значение T с 0 на 1), то это исказит результаты.

4. I должно быть реальной причиной X. Это достаточно тривиальное требование – от процедуры выдачи лекарства должно зависеть, получит ли пациент лекарство или плацебо.

При соблюдении этих четырех условий вмешательство I будет тем идеальным вмешательством, которое фигурирует в определении причинности, которое мы теперь можем сделать более полным и адекватным.

(ИНТП*) X является причиной Y ↔ 1. есть возможное идеальное вмешательство, которое так изменяет значение X, что 2. если бы это вмешательство было реально осуществлено и все другие переменные, кроме X и Y, оставались неизменными на определенных значениях (возможно, благодаря другим вмешательствам), то значение Y (или вероятность некоторого значения Y) изменилось бы.

Мы видим, что в определении используется понятие идеального вмешательства, которое, в свою очередь, определяется через только что изложенные нами четыре условия. Однако одно из условий гласит, что вмешательство должно быть причиной X. Это превращает ИНТП* в круговое определение, что, по мнению многих философов, недопустимо, поскольку успешное определение должно давать редуктивный анализ причинности. Однако Вудвард отвергает такое требование к определениям. По его словам: «существует очень распространенная в философских дискуссиях причинности и объяснения тенденция предполагать, что любая интересная теория этих понятий должна быть «редуктивной»… Теория, которую я представляю, не редуктивная, и я являюсь скептиком в отношении того, что любая редуктивная теория окажется адекватной…Теория причинности и объяснения может быть стоящей и информативной, не будучи редуктивной»[207].

В определении ИНТП* говорится о возможном вмешательстве. Следует подчеркнуть, что возможность, подразумеваемая здесь, **не** является технологической возможностью, достигнутой на нынешнем уровне развития человеческой цивилизации. Как подчеркивает Вудвард, эта возможность вообще не связана с людьми и их цивилизацией, что позволяет ИНТП* избежать недопустимого антропоцентризма. Мало того, чтобы быть полным и всеохватывающим определением, ИНТП* должно иметь в виду наиболее широкую метафизическую возможность, которая допускает нарушение законов природы.

Мы рассмотрели в этой главе множество самых разных теорий причинности и, в заключение, необходимо сказать несколько слов о том, как эти теории соотносятся друг с другом и можно ли их каким-либо образом классифицировать. В современной философии

[207] Woodward J. Making Things Happen: A Theory of Causal Explanation. Oxford, Oxford University Press 2003 pp. 20-1

широко распространены три дихотомических разделения теорий причинности: на юмовские и неюмовские, на редуктивные и нередуктивные, на внутренние и внешние. Рассмотрим подробнее каждое из них.

Наиболее известная и традиционная классификация делит теории на юмовские и неюмовские. Для первой группы характерно стремление свести все причинные понятия и выражения к непричинным, лишенным всяких отсылок к силам, способностям и диспозициям. Для эмпиристов это означает сведение к терминам наблюдения, а для пост-эмпиристских сторонников юмовских теорий (таких как Дэвид Льюис) – избавление от использования модальных терминов. В этом последнем смысле к юмовским можно отнести INUS теорию Джона Мэки. Как мы упоминали при обсуждении его теории, использование им понятий необходимых и достаточных условий не является признанием антти-юмовского отношения, делающего наступление эффекта необходимым (necessitating relation). Теория Льюиса также избегает использования модальных терминов и ее тоже можно считать юмовской. Хотя Льюис использует модальное понятие контрфактической зависимости при анализе причинности, необходимо вспомнить (см. главу 10), что сами контрфактические кондиционалы Льюис анализирует в терминах возможных миров, которые, в свою очередь, он редуцирует к немодальным понятиям в своей теории модального реализма (см. главу 9).

Юмовскми по своей общей направленности можно считать и процессуальные теории, теории переноса метки и сохраняющихся величин. Они, как правило, постулируют некоторую реальную связь между причиной и следствием (например, поток энергии), но эта связь является эмпирически наблюдаемой (то есть ее можно выразить в терминах наблюдения) и лишенной модальной силы.

Механистическую и агентную теории следует считать антиюмовскими – первая из них признает необходимое наличие реальных связей (механизмов) между причинами и следствиями, а сторонники второй утверждают в своих работах, что простой регулярности недостаточно для наличия причинности.

Теории причинности также можно разделить на редуктивные или нередуктивные – в первых осуществляется редукция понятия причинности (то есть это понятие или производные от него не используются в формулировке определения), а во-вторых – нет. Нередуктивные теории пытаются показать, что неизбежно возникающий в их определениях круг не является порочным и определения остаются информативными. Все юмовские теории будут редуктивными.

Примером нередуктивной теории может служить интервенционистская теория Вудварда, в которой понятие идеального вмешательства (используемое для определения причинности) определяется через понятие причины.

Еще одна классификация теорий причинности делит их на внутренние (intrinsic) и внешние (extrinsic). Сторонников первого типа теорий часто называют сингуляристами (singularists), а сторонников второго – генералистами (generalists). Внутренние теории представляют причинность как нечто ограниченное и внутреннее для отдельного, конкретного причинного взаимодействия. Например, для признания столкновения двух каких-нибудь бильярдных шаров причинным взаимодействием, нам нужно рассматривать только это данное столкновение, не обращая внимание на любые внешние по отношению к нему события или процессы. Юмовские теории, например РЕГП, будут внешними, так как признание причинности в отдельных случаях зависит в этой теории от наличия регулярной связи между подобными случаями (третье условие в определении РЕГП – «за всеми событиями того же типа, что и с регулярно следуют события того же типа, что и е»). Глядя на столкновение бильярдных шаров, мы не можем сказать, является ли движение одного из них причиной движения другого, так как нам нужно знать, происходит ли это во всех остальных похожих случаях. Примером внутренних теорий может быть механистическая теория, поскольку в ней наличие соответствующего механизма в конкретном случае достаточно для причинного взаимодействия.

Список литературы

1. Broadbent A. Causation // The Internet Encyclopedia of Philosophy https://iep.utm.edu/causatio/.
2. Mackie J. L. The Cement of the Universe. Oxford, Oxford University Press, 1974.
3. Menzies, Peter and Helen Beebee, "Counterfactual Theories of Causation", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2020 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/win2020/entries/causation-counterfactual/.

4. Paul L. A., Hall N. Causation: A User's Guide. Oxford, Oxford University Press, 2013.
5. Schaffer, Jonathan, "The Metaphysics of Causation", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2016 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/fall2016/entries/causation-metaphysics/.
6. Tooley M. Causation: A Realist Approach. Oxford, Clarendon Press, 1987.
7. Woodward, James, "Causation and Manipulability", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2016 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/causation-mani/.
8. Woodward J. Making Things Happen: A Theory of Causal Explanation. Oxford, Oxford University Press 2003.

Глава 13. Законы природы

Нахождение законов природы всегда рассматривалось как одна из главных задач естественных наук. В связи с этим объяснить, что такое закон природы, эксплицировать это понятие – важная задача метафизики. Но, прежде чем изложить основные теории и определения законов природы, нам необходимо дать их общую характеристику, указать на те черты законов, с которыми согласно подавляющее большинство философов, независимо от утверждаемых ими теорий. К таким чертам относятся: истина, объективность, универсальность, контингентность, поддержка контрфактических кондиционалов, подтверждаемость индукцией, обладание объяснительной ценностью, возможность совершать предсказания. Однако далеко не все философы согласны относительно конкретных деталей этих характеристик законов. Истинность кажется очевидным требованием – ложные утверждения о законах природы могут лишь ошибочно считаться выражением этих законов, а не быть ими. Но возникает вопрос – можно ли считать истинными законы, использующие идеализации, которые в реальном мире выполняются лишь при прочих равных

условиях, ceteris paribus? Означает ли объективность абсолютную и полную независимость от человеческих мнений, целей и нужд? Как именно понимать универсальность: законы имеют силу по всему пространству и времени или для всех объектов, или для любых обстоятельств? Подобные вопросы возникают в связи с каждой из характеристик.

Первой из рассмотренных нами теорий станет теория логических эмпиристов, которую можно считать разновидностью регулярностной теории (regularity theory). В данном случае мы не будем рассматривать теории отдельных философов, принадлежавших этому направлению, а дадим обобщенное и несколько упрощенное представление об их взглядах на законы природы. При определении законов природы эмпиристы сосредоточили свое внимание на их воплощении в языке, их лингвистической формулировке. При этом они отталкивались от простого наблюдения – многие формулировки законов в естественных науках имеют форму универсальных обобщений: «Все одноименные заряды отталкиваются», «Все металлы электропроводны», «Все газы расширяются при нагревании при неизменном давлении» и так далее. Эти обобщения отражают наличие регулярностей в мире и подавляющим большинством современных философов считаются необходимым условием законов природы, хотя и не считаются достаточным.

Из подобных парадигмальных случаев («Все электроны являются электрически заряженными») эмпиристы вывели необходимую универсальность лингвистического воплощения законов природы и заявили, что предложение должно быть названо законоподобным, если оно имеет форму универсального утверждения. Логическая форма таких предложений начинается с квантора всеобщности: $\forall x\ (Ex \rightarrow Cx)$, где E – быть электроном, а C – быть электрически заряженным. Очевидно, что многие утверждения, не являющиеся законами, могут быть законоподобными. Например, «Все коровы являются насекомыми» – одно из таких утверждений. Поэтому, для того чтобы быть законами природы, утверждения должны быть не только законоподобными, но и истинными.

Мы можем теперь дать определение законов природы согласно теории логических эмпиристов:

(ЭЗП) для любого утверждения L, L является законом природы, если и только если L является законоподобным и истинным.

Эти две характеристики удачно отражают разделение труда между философами и учеными: философы будут определять, обладает ли L первой характеристикой, а ученые будут отвечать за вторую. К сожалению, данное определение слишком просто и поэтому не учитывает многих нюансов. Во-первых, под текущее определение подпадают все универсальные аналитические утверждения, являющиеся логическими истинами: «Все коровы являются коровами». Они лишены эмпирического содержания, для определения их истинности нам не нужно обращаться к экспериментам или наблюдениям. Но законы природы должны касаться фактических обстоятельств и иметь эмпирическое содержание, поэтому аналитически истинные утверждения следует исключить. Второе затруднение касается универсальности. Возьмем, например, утверждение «Все монеты в моем кармане медные». Хотя оно содержит квантор всеобщности, его всеобщность недостаточна для настоящего закона природы – утверждение содержит ссылки на конкретных индивидов (меня) и конкретный участок пространства (мой карман). Подлинные законы природы должны действовать на протяжении всего пространства и времени и для всех членов некоторого достаточно общего класса объектов – например, для всех электронов, а не для всех монет в моем кармане. В результате, нам следует добавить еще одно дополнительное требование к формулировкам законов природы – запрет на имена собственные и вообще любые сингулярные термины или индексикальные выражения, такие как «*мой* карман». Не должно быть и ссылок на конкретные местоположения в пространстве и времени.

К сожалению, этих требований также недостаточно для выделения подлинных законов природы. Даже соблюдая их, мы можем скрыть сингулярные и индексикальные термины в псевдо-универсальных предикатах. Например, мы определим класс M как класс всех объектов, которые тождественны монете в моем кармане. Тогда мы получим утверждение, выглядящее при поверхностном взгляде как настоящий, универсальный закон природы: все M являются медными или $\forall x\ (Mx \rightarrow Cx)$. Чтобы избежать этого результата, нам следует добавить еще одно требование к формулировкам законов – все общие термины в законе должны ссылаться лишь на естественные свойства и естественные виды (natural kinds), такие как вода, медь, слон, тигр и так далее. Следует заметить, что само существование естественных видов/свойств является спорным и признается далеко не всеми философами (см. главу 7). Однако, даже если мы признаем это требование, его по-прежнему будет недостаточно для выявления подлинных

законов. Знаменитый контрпример был предложен Хансом Райхенбахом (Hans Reichenbach) в книге 1947 года «Элементы символической логики» («Elements of Symbolic Logic»). Рассмотрим утверждение «Все золотые сферы меньше 100 метров в диаметре». Предположим, что оно истинно и наша вселенная на протяжении всей своей истории действительно не содержит золотых сфер больше 100 метров (количество метров можно произвольно увеличить, чтобы получить действительно истинное утверждение). Это утверждение соответствует всем нашим критериям – оно по-настоящему универсально, ссылается на естественные виды (золото) и кроме этого содержит только математические термины (сфера и диаметр). Тем не менее очевидно, что отсутствие таких сфер во вселенной дело простого случая, а не закона природы: они вполне могли существовать, в отличие, например, от сфер урана 235, в котором при достижении определенной массы начинается цепная реакция, в результате чего происходит взрыв. Кажется, что проблему можно решить добавлением модального оператора «необходимо», и мы сможем отличить настоящие законы от псевдо-законов: «Необходимо, что все золотые сферы меньше 100 метров в диаметре» окажется ложным. Но такое решение совершенно неприемлемо для эмпиристов, оно признает анти-юмовскую объективную необходимость в нашем мире, чего логические эмпиристы своей регулярностной теорией как раз и стремились избежать. Многие эмпиристски настроенные философы вообще решили отказаться от объективных законов природы. По их мнению, нет реального различия между случайно истинными (о золотых сферах) и номологически истинными (о сферах урана 235) универсальными обобщениями. Гилберт Райл в своей книге 1949 года «Понятие сознания» назвал законы природы проездными билетами (inference-ticket/season ticket), позволяющими двигаться от одного фактуального утверждения к другому. Вот что пишет Райл: «Утверждения законов бывают истинными или ложными. Но их истинность и ложность принадлежит иному типу, нежели истинность и ложность фактуальных предложений, к которым должен применяться этот закон. Они выполняют разные задачи. Принципиальное различие можно сформулировать следующим образом. Стремление установить закон предполагает, по меньшей мере, желание найти способ, позволяющий из одних фактов выводить другие факты, объяснять одни факты с помощью других фактов, вызывать или препятствовать появлению определенных положений дел. Закон – это, так сказать, проездной билет, позволяющий его обладателю двигаться от одного фактуального

утверждения к другим. Он также позволяет получать объяснения данных фактов и добиваться реализации желательных положений дел, отталкиваясь от уже существующего»[208]. Такая позиция в каком-то смысле может выглядеть как признание поражения в поиске реальных, объективных законов природы в рамках эмпиризма.

Однако далеко не все философы этого направления были готовы капитулировать. Была предложена еще одна версия регулярностной теории, которая должна была справиться со случаями наподобие золотой сферы. Данная версия является холистской в том смысле, что статус единичных суждений (являются ли они законами природы или нет) зависит от их членства в системе подобных утверждений. Первые попытки ее сформулировать можно найти еще у Джона Стюарта Милля. Его идеи были затем подхвачены и развиты Фрэнком Рамсеем и Дэвидом Льюисом, поэтому теория получила название теории Милля-Рамсея-Льюиса, но иногда ее называют еще теорией наилучшей системы (best system account). Милль в 1843 году в своей работе «Система логики силлогистической и индуктивной» писал: «Вопрос: каковы законы природы? можно выразить еще таким образом: каковы наименьшие по числу и простейшие положения, из допущения которых должен вытекать весь существующий порядок природы? Другое выражение этого вопроса таково: каковы наименьшие по числу общие предложения, из которых можно дедуктивным путем вывести все существующие во Вселенной единообразия?»[209]. Милль здесь предлагает рассматривать законы не по одиночке, но в рамках целостной системы, которая способна наилучшим образом объяснить все явления природы. Сходная мысль была высказана Франком Рамсеем в статье 1928 года «Универсальность закона и факта», в которой он писал так: «…мы все же хотим систематизировать наше знание как дедуктивную систему, и в этой системе общие аксиомы были бы фундаментальными законами природы. В некоторой степени выбор аксиом неизбежно произволен, но если должна сохраняться какая-то простота, то наименее правдоподобно, что произвольной является структура фундаментальных обобщений, где некоторые рассматриваются как аксиомы, а другие – производны. Какие-то другие истинные обобщения можно было бы тогда вывести из этих с помощью отдельных фактов существования»[210]. Однако наиболее

[208] Райл Г. Понятие сознания. М., Идея-Пресс, 2000 с. 127

[209] Милль Дж. С. Система логики силлогистической и индуктивной. М., Леланд, 2011 с. 261

[210] Рамсей Ф. Философские работы. Томск, Изд-во Том. ун-та, 2003 с. 203

полно и продуманно теория наилучшей системы была развита Дэвидом Льюисом, впервые представившим свои мысли по этому поводу в книге 1973 года «Контрфактуалы». Следует напомнить, что Льюис является сторонником принципа юмовской супервентности (см. главу 16), в соответствии с которым мир является своего рода четырехмерной мозаикой из точек пространства-времени, инстанцирующих те или иные фундаментальные свойства. Все объекты в мире в конечном счете составлены из подобных «пикселей». На этом фоне Льюис и строит свою теорию причинности. Для начала представим, что вы знаете все о прошлом, настоящем и будущем, все факты, все события, все положения дел и вообще все. Предположим далее, что вы захотели записать все это знание (или какую-то значительную его часть) наиболее экономным способом. Очевидно, что вам не следует просто перечислять все известные факты – электрон был в такой-то точке пространства в такое-то время, эти точки пространства-времени занимал динозавр и так далее. Необходимо эти факты обобщить – вместо огромного набора утверждений об отрицательных зарядах всех электронов во вселенной вам можно просто записать, что все электроны отрицательно заряжены. После такого общего утверждения необходимость упоминать про заряд каждого электрона в отдельности отпадает, и запись всего вашего знания значительно упрощается. Подобные обобщения можно сделать и обо всех других разделах вашего знания, в результате чего запись знания станет систематичной. Более того, высока вероятность, что эти общие утверждения окажутся связанными друг с другом – из одних мы сможем вывести другие. Например, из утверждений, что все электроны отрицательно заряжены, а одноименные заряды отталкиваются, можно вывести, что все электроны отталкиваются друг от друга. Запись нашего знания может быть упрощена еще одним способом – одни утверждения могут быть редуцированы к другим. Если молекула воды – это определенное соединение атома кислорода с двумя атомами водорода, то все упоминания воды в записи нашего знания можно заменить на упоминания водорода и кислорода, соединенных определенным образом. Таким образом, мы можем представить наше знание в виде целостной системы утверждений, которую Льюис называет дедуктивной системой из-за наличия многочисленных дедуктивных связей между различными утверждениями в ее составе.

Подобную систематизацию знания можно провести несколькими разными способами, различающимися по элегантности и простоте: например, если сформулировать положения системы в

терминах макроскопических объектов, то мы упустим много информации о микрофизических фактах. Наоборот, формулировка в терминах элементарных частиц вполне может содержать всю информацию о макроскопических объектах (при допущении, что последние действительно могут быть редуцированы к первым). Из всех возможных систем Льюис предлагает выбрать лучшую и дает такой критерий для выбора: лучшей будет та система, которая успешнее остальных сочетает простоту и силу, где сила – способность описать реальность как можно более полно (она прямо пропорциональна количеству информации, передаваемому системой), а простота – способность сделать это наиболее экономным способом (задействуя наименее возможное число фундаментальных утверждений и терминов). К сожалению, увеличения простоты или силы тянут систему в разных направлениях – чем полнее мы описываем реальность, тем сложнее становится наша система. Поэтому Льюис требует не максимизировать простоту и силу по отдельности, а попытаться найти наилучший баланс между ними. Но каким образом все это связано с законами природы? Опираясь на понятие дедуктивной системы, Льюис дает такое определение (назовем его теорией самой лучшей системы):

(ТСЛС) контингентное обобщение является законом природы, если и только если оно присутствует в качестве теоремы (или аксиомы) в истинной дедуктивной системе, которая сочетает простоту и силу самым лучшим образом.

В этом определении Льюис говорит о контингентных обобщениях, чтобы исключить аналитически истинные обобщения, так как законы природы должны иметь эмпирическое содержание. Аксиомами системы будут те обобщения, которые нельзя вывести в рамках системы из других аксиом – их можно назвать фундаментальными законами природы. Теоремы – обобщения, выводимые из других, тоже считаются законами природы, но менее фундаментальными. Признавая существование подобных законов, система сможет включить в себя законы таких специальных наук, как химия, биология, психология и так далее, даже в том случае, если они могут быть редуцированы к законам физики.

Чтобы лучше понять льюисовскую теорию, рассмотрим такой упрощенный пример. Пусть у нас будут три конкурирующих системы контингентных обобщений, претендующих на статус законов природы. Первая система будет представлять собой гигантскую таблицу,

где для каждой точки пространства-времени по отдельности будет указано какое качество в ней инстанцировано – электрический заряд в точке $<x_1, y_1, z_1, t_1>$, масса в точке $<x_2, y_2, z_2, t_2>$ и так далее. Эта система будет самой сильной, так как она описывает мир в мельчайших деталях, но совершенно не будет простой, поскольку будет являться неимоверно гигантской (возможно бесконечной) таблицей. Она не будет содержать непосредственно никаких отдельных обобщений, которые можно было бы назвать законами. Вторая система будет содержать всего лишь одно утверждение «все электроны имеют отрицательный электрический заряд». Она крайне проста, но сильно проигрывает в силе – она говорит только об электронах и упускает всю остальную реальность. Третьей системой будет современная физика. Очевидно, что из трех систем она добивается наилучшего баланса силы и простоты, хотя и уступает в силе первой, а в простоте второй из систем. Впрочем, реальная современная физика еще далека от идеала, но, возможно, что по мере ее развития будет создана идеальная система, которую уже нельзя будет улучшить в отношении силы и простоты. Ее обобщения и будут подлинными законами природы.

Теория Льюиса стала значительным шагом вперед по сравнению с прежними регулярностными теориями и может справиться с трудными для них контрпримерами. Утверждение Райхенбаха о сфере из золота (все золотые сферы меньше 100 метров в диаметре) не будет законом в ТСЛС. Оно вполне может быть истинным, но это слишком маргинальная и незначительная истина, чтобы быть включенной в систему, которая сочетает силу и простоту наилучшим образом: его добавление явно уменьшило бы простоту, почти ничего не добавив к силе. Напротив, утверждение о такой же сфере урана 235 можно непосредственно вывести из более фундаментальных утверждений о самом уране и его радиоактивных свойствах.

В своей теории Льюис (как и эмпиристы до него) поднимает вопрос о тех свойствах, которые могут фигурировать в формулировках законов. При обсуждении предыдущей теории мы признали необходимость ограничения этих свойств свойствами естественными. В 1973 году Льюис утверждал, что для его теории это требование излишне – он полагал, что наилучшая система будет включать лишь те из свойств, которые можно назвать естественными. Системы, включающие неестественные свойства, просто проиграют конкуренцию. Но, как оказалось, это было неверным, что и признал сам Льюис – он стал считать, что природа сама по себе (еще до нахождения

наилучшей системы) разделена классы, одни из которых являются естественными свойствами (Льюис был номиналистом классов, см. главу 2), а другие – нет. Такое деление является базовым, грубым фактом и не подлежит дальнейшему объяснению.

Тем не менее, даже если деление свойств, фигурирующих в лучшей системе, на естественные и неестественные является объективным, перед теорией Льюиса встает другая проблема, угрожающая сделать выбор лучшей системы слишком субъективным. Она касается понятий силы и простоты. Ведь их стандарты устанавливаются людьми и могут изменяться с течением времени. Не делает ли это лучшую систему, а значит и сами законы природы, слишком произвольными? Льюис отвечал на этот вызов следующим образом. Если природа сама по себе упорядочена и единообразна, то неизбежно будет существовать система, которая будет настолько хороша, что далеко обгонит все другие в силе и простоте, независимо от используемых критериев. Но что будет, если мир слишком хаотичен и не упорядочен? В таком случае может не быть лучшей системы, а лишь множество посредственных систем, примерно равных по силе и простоте. Но, по мнению Льюиса, в таком мире не будет и законов природы. Получается, что наличие лучшей системы и наличие в мире законов природы идут рука об руку, как и должно быть в соответствии с теорией Льюиса.

Еще одна проблема для теории Льюиса – модальный статус законов природы. При обсуждении предыдущей теории мы указывали на то, как трудно обойтись в формулировке законов природы без модального оператора «необходимо». Именно наличие такого оператора отличает утверждение о сфере урана 235 от утверждения о золотой сфере. Только о первой из них мы можем сказать – «необходимо, что все сферы урана 235 меньше 100 метров в диаметре». Критики Льюиса сетуют, что, хотя его теория может исключить утверждение о золотой сфере из законов природы, она делает это по неправильным основаниям. Это утверждение не является законом не потому, что не входит в наилучшую систему, а потому, что не является необходимым. Сторонник Льюиса может возразить на это, дав свое собственное определение необходимости, совместимое с теорией. Например, можно ввести понятие номологической (связанной с законами природы) необходимости и определить его следующим образом: утверждение p номологически необходимо, если и только если p следует из законов природы, являющихся аксиомами лучшей системы. Поскольку каждое утверждение следует из себя самого, то законы

природы также будут номологически необходимыми. Впрочем, не все философы согласятся с таким определением.

Противниками теории была замечена еще одна серьезная проблема. По мнению многих антиюмовски и антиэмпиристски настроенных философов, теория Льюиса слишком привязана к фактам, в то время как настоящие законы природы должны выходить за их рамки. Майкл Тули (Michael Tooley) приводит пример, который должен показать недостаточность льюисовской теории для полного описания всех законов природы. Представим себе небольшую вселенную, состоящую из 10 типов фундаментальных элементарных частиц. Самые разные виды реакций постоянно происходят между ними, и результаты этих реакций подчиняются явным и простым регулярностям: например, при взаимодействии частиц типа A и B всегда возникают частицы типа C и так далее. Предположим, однако, что два типа частиц (X и Y) из существующих десяти никогда друг с другом не взаимодействовали за всю историю нашей воображаемой вселенной. Как кажется, наилучшая система, требуемая теорией Льюиса, не будет содержать никаких обобщений, касающихся этих двух типов частиц – добавление подобного обобщения уменьшило бы простоту системы, но ничего не добавила к ее силе, поскольку оно не описывало бы никаких фактов (ведь таких фактов просто не существует, X и Y никогда друг с другом не взаимодействовали). Тем не менее нам интуитивно кажется, что закон, касающийся X и Y, должен существовать – если бы они все-таки столкнулись и стали бы взаимодействовать, то это происходило бы упорядочено и в соответствии с каким-нибудь законом природы. Но этот закон теорией Льюиса не учитывается. Защитники теории могут отреагировать по-разному. Во-первых, утверждать, что подобные пустые обобщения (vacuous generalisations) могут появиться в лучшей системе, если, например, они переплетены с другими (не пустыми) обобщениями, касающимися X и Y частиц, а значит добавляют системе дедуктивную силу за счет небольшого уменьшения простоты. Или они могут просто выводиться из других обобщений, уже присутствующих в системе. При таком решении проблемы сторонники Льюиса должны признать, что X-Y обобщение является законом природы и должно быть включено в систему. Но они могут этого не делать. Они могут заявить, что не разделяют интуитивное суждение своих оппонентов в приведенном примере и не считают пустые обобщения настоящими законами.

Последнее из рассмотренных нами возражений приложимо к любой разновидности теории Милля-Рамсея-Льюиса, да и вообще к

любой регулярностной теории. Некоторые критики указывают на слишком малую (или отсутствующую) объяснительную силу законов в рассматриваемой теории. Например, мы можем спросить: «Почему этот электрон движется по данной траектории»? Ответом будет: «Потому, что в соответствии с законом природы все электроны так движутся в электромагнитном поле». Но, по теории Милля-Рамсея-Льюиса, сам закон природы, с помощью которого мы объясняем поведение электрона, является лишь наиболее успешной систематизацией (точнее, ее частью) всех реальных фактов, в том числе и того факта, который мы хотим объяснить. Получается, что мы объясняем движение нашего электрона с помощью (по крайней мере частично) самого этого движения, то есть движемся по кругу. Для многих философов регулярностная теория в любой ее разновидности и модификации не будет давать подлинного объяснения окружающего нас мира. Следующая из рассматриваемых нами теорий претендует на то, чтобы избежать подобной проблемы.

Некоторые философы попытались сформулировать теорию, которая обладала бы реальной объяснительной силой и более точно отражала широко распространенную интуицию о необходимом характере законов природы (имея в виду номологическую необходимость). Среди её сторонников были Дэвид Армстронг[211], Фред Дрецке[212] и Майкл Тули[213]. Однако наибольшую известность приобрела версия Дэвида Армстронга, которую мы и рассмотрим более подробно. Армстронг полагал, что при определении законов природы нельзя обойтись без антиюмовского понятия номологической необходимости (за отсутствие которой многие критиковали теорию Льюиса), но хотел отклоняться от эмпиристского идеала как можно меньше – он признавал ведущую роль естественных наук в познании мира и считал, что все в нашем мире (все химические, биологические, ментальные и так далее факты), в конечном счете, конституированно физическим веществом и его свойствами. Также как и Льюис, Армстронг признает объективное существование естественных свойств, без признания которых невозможно создать теорию законов природы. Однако для Армстронга свойства – это не множества объектов (как для номиналиста Льюиса), а универсалии, которые существуют в самих вещах, обладающих этими свойствами (см. главу 2). Именно с

[211] Armstrong D. What is a Law of Nature? Cambridge, Cambridge University Press, 1983
[212] Dretske F. Laws of Nature // Philosophy of Science. 1977. №44 pp. 248–68
[213] Tooley M. The Nature of Laws. // Canadian Journal of Philosophy. 1977. №7 pp. 667–98

помощью понятия универсалий Армстронг и пытается определить законы природы. В соответствии с его теорией, закон природы представляет собой специальное отношение номологического вынуждения (nomological necessitation), обозначаемое N, которое существует между двумя или более универсалиями. Например, утверждение «*все электроны отрицательно заряжены* – это закон природы» может быть сведено к утверждению, что существует отношение номологического вынуждения между такими универсалиями, как БЫТЬ ЭЛЕКТРОНОМ (E) и БЫТЬ ОТРИЦАТЕЛЬНО ЗАРЯЖЕННЫМ (C), то есть N (E, C). Само отношение N тоже является универсалией, но универсалией второго порядка, то есть отношением, связывающим между собой универсалии первого порядка. Следует обратить внимание на отход теории Армстронга от эмпиристской традиции – она переносит акцент с утверждений, выражающих законы, на реальные положения дел и их составные части – универсалии. Мы можем дать такую формулировку теории Армстрога-Дрецке-Тули:

(ТАДТ) Утверждение, что все F есть G, является законом природы, если и только если существует отношение номологического вынуждения N (F, G) между свойствами (универсалиями) F и G, такое, что все F есть G.

Одно из главных преимуществ теории заключается в ее соответствии интуитивному представлению о необходимом характере законов природы, с которым были трудности у регулярностных теорий. Если между двумя свойствами (универсалиями) существует отношение N, то объект, имеющий первое свойство, **должен** иметь и второе. Теория без труда отделяет случайные истинные обобщения от подлинных законов природы, то есть справляется с корнтрпримером золотой сферы – свойство БЫТЬ ЗОЛОТОЙ СФЕРОЙ 100 МЕТРОВ ИЛИ БОЛЬШЕ В ДИАМЕТРЕ не находится в отношении N к свойству ВЗОРВАТЬСЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ ЦЕПНОЙ РЕАКЦИИ, но свойство БЫТЬ СФЕРОЙ УРАНА 235 100 МЕТРОВ ИЛИ БОЛЬШЕ В ДИАМЕТРЕ в таком отношении находится. Кроме того, теория дает интуитивно верный ответ в контрпримере Майкла Тули о взаимодействии частиц: хотя частицы X и Y никогда не взаимодействовали, между соответствующими им универсалиями и некоторой реакцией R (тоже универсалией) может существовать отношение N, то есть N (X и Y, R).

Но, как и все остальные теории, теория Армстронга не лишена своих трудностей и проблем. Первая из них прямо вытекает из ее анти-эмпиристской направленности: в отличие от регулярностей в поведении объектов, связь N между универсалиями невозможно наблюдать непосредственно. Но как мы тогда можем узнать, какие в мире существуют законы природы? Не придется ли нам занять агностическую позицию по этому поводу? Армстронг дает довольно простой ответ – наилучшим путем для установления законов природы является естественнонаучное исследование. По его мнению, существует высокая вероятность, что законы природы, открываемые физикой, химией, биологией и так далее, совпадут, в конечном итоге, с реальными отношениями между универсалиями в окружающем нас мире. С этим вполне можно согласиться. Однако остается нерешенной более общая проблема: как мы можем узнать, что отношение N вообще существует? Может быть, в мире есть только регулярности в следовании одних событий за другими как утверждают эмпиристы, но никакого номологического вынуждения, связывающего одни универсалии с другими. Армстронг признает эту проблему и соглашается с эмпиристами в том, что существование отношения N нельзя установить ни a priori, ни через непосредственное наблюдение. Но есть еще один путь – абдукция или вывод к наилучшему объяснению (inference to the best explanation). Общая структура этой разновидности вывода такова: если некий феномен P нуждается в объяснении, и наилучшее по определенным критериям объяснение P предполагает существование некоей сущности, то нам следует признать ее существование. Армстронг утверждает, что его теория дает самое лучшее объяснение законов природы и наших интуитивных о них представлениях. Она показывает почему то, чего требуют законы природы, должно происходить с необходимостью, почему законы могут покрывать даже никогда не происходившие события и так далее. Поскольку же эта наилучшая теория постулирует наличие отношения N, то мы должны с ней согласиться и также признать его существование, несмотря на то что его невозможно установить ни a priori, ни эмпирически.

Но, даже если мы согласимся с теорией Армстронга и признаем существование отношения N, мы столкнемся (по мнению критиков) с еще одной и, пожалуй, самой серьезной для теории проблемой. Она получила название проблемы вывода (inference problem). С одной стороны, у нас есть непосредственно воспринимаемая регулярность в объектах и событиях окружающего мира – мы видим, что все наблюдаемые F являются G, то есть $\forall x\ (Fx \rightarrow Gx)$. С другой стороны,

теория Армстронга постулирует наличие отношения N между соответствующими универсалиями – N (F, G). Однако для критиков непонятно, каким образом из N (F, G) можно вывести ∀x (Fx→Gx). Проблему можно еще сформулировать немного по-другому. Пусть верно, что N (F, G) и у нас имеется объект a, который является F. Каким именно образом из этого будет следовать, что a также является G? Может быть, мы можем использовать логический вывод наподобие modus ponens, когда из p и p→q мы выводим q? Однако modus ponens работает постольку, поскольку материальная импликация p→q определена таким образом, что истинность p и p→q гарантирует истинность q. Если мы хотим подобным образом из F и N (F, G) вывести G, нам следует дать такое определение для N (F, G), которое бы это гарантировало. Как кажется, наиболее простым способом будет сказать, что из N (F, G) логически следует ∀x (Fx→Gx) и с помощью этого промежуточного шага мы сможем наконец из F и N (F, G) вывести G. Но здесь и возникают проблемы. Во-первых, в таком случае остается необъясненным почему из N (F, G) вытекает ∀x (Fx→Gx). Мы, конечно, можем сказать, что это мы дали такое условное определение N (F, G), что из него следует ∀x (Fx→Gx). Но проблемы этим не решить – непонятно, как благодаря такому произвольному определению из N (F, G), то есть из отношения между универсалиями, будет реально (в самом окружающем нас мире) следовать ∀x (Fx→Gx), то есть регулярность. Даже если мы обойдем эту проблему, теория Армстронга рискует превратиться в разновидность регулярностной теории, так как ключевую роль в выводе G из F будет играть сама регулярность ∀x (Fx→Gx).

Поэтому, вместо того чтобы пытаться вывести G на основании F, стороннику теории следует попытаться найти реальный механизм, отвечающий за связь G из F. Тогда мы сможем сказать, что, благодаря N (F, G), любой объект, являющийся F, инстанцирует данный механизм, который и приводит к тому, что объект становится G. Раскрыв данный механизм, мы попутно решим и еще одну проблему – так называемую проблему идентификации, то есть ответим на вопрос: что именно из себя представляет отношение N, какова его природа?

Армстронг решает проблему, обратившись к понятию причинности. Именно она, с его точки зрения, является искомым механизмом. Более подробно решение Армстронга можно представить следующим образом. У нас есть прямое, не выводное знание о причинности, когда происходят отдельные причинные события: например, при ударе рукой о твердый предмет, мы чувствует давление на

руку и боль. Знание это опирается на непосредственное восприятие отдельных причинно-следственных событий. Такие отдельные причинно-следственные события, как правило, подпадают под определенные закономерности, когда причины одного и того же типа F порождают следствия одного и того же типа G. Из этого мы делаем вывод о существовании универсалий F и G, объясняющих существование подобных закономерностей. То есть чтобы объяснить почему все F есть G, почему в мире есть такая регулярность, мы утверждаем, что в таких случаях совместно инстанцированы (co-instantiated) универсалии F и G. Далее, для объяснения совместного инстанцирования, мы постулируем существование отношения номологического вынуждения N между двумя нашими универсалиями, то есть N (F, G), которое и гарантирует совместное инстанцирование. Это отношение N Армстронг называет причинным. То, что N (F, G) связывает универсалии ненаблюдаемо и является гипотезой, но это же самое отношение можно непосредственно воспринимать в отдельных причинно-следственных событиях.

Предложенное Армстронгом решение, которое фактически приравнивает N к причинности, не лишено проблем. Во-первых, оно неприемлемо для эмпиристски настроенных философов, так как использует не-юмовское (non-humean) понятие причинности, то есть причинность у Армстронга не сводится к простой регулярности, а является проявлением номологического вынуждения N. Во-вторых, даже согласные с не-юмовской позицией философы указывают на недопустимо узкое, по их мнению, представление о законах природы, следующее из приравнивания N к причинности. Ведь существуют законы природы, где причинно-следственные отношения никак не задействованы – принцип исключения Паули, законы сохранения импульса, электрического заряда, энергии и так далее. Кроме того, некоторые законы, хотя и являются причинными, тем не менее не вынуждают (necessitate) свои следствия, то есть отношение N в них присутствовать не может: например, «курение вызывает рак». Хотя курение действительно может быть причиной рака, оно не влечет его за собой с необходимостью. Закон указывает лишь на увеличение вероятности возникновения рака вследствие курения. Армстронг отвечает на эту критику так: он пишет[214], что используемое им понятие причинности является самым широким из возможных. Причина для него

---

[214] Armstrong D. What is a Law of Nature? Cambridge, Cambridge University Press, 1983 pp. 111-157

– это нечто одно, вызывающее нечто другое, даже если не происходит какого-либо конкретного причинного события (causal event). Также Армстронгом была разработана теория вероятностных законов, изложить которую более подробно у нас нет возможности.

Две рассмотренные нами теории, Милля-Рамсея-Льюиса и Армстрога-Дрецке-Тули, являются наиболее известными и влиятельными. Однако многие философы несогласны ни с одной из них и предлагают собственные теории, некоторые из которых мы сейчас рассмотрим, хотя и менее подробно, чем предыдущие.

В своей влиятельной статье 1992 года «Реализм о законах» Джеймс Вудвард предложил связать законы природы с понятием инвариантности[215]. По мнению Вудварда, его теория предлагает третий путь в осмыслении законов природы. Юмовцы стремятся избежать любого понятия необходимости при определении законов природы, а не-юмовцы защищают понятие необходимой связи. Вудвард же считает, что можно создать не-юмовскую теорию, которая избегала бы ненужных метафизических обязательств (необходимости) и оставалась близка к реальной научной практике. Такая теория должна обратиться к понятию инвариантности или стабильности. Возьмем, например, закон математического маятника. Период малых собственных колебаний маятника длины L, подвешенного в поле тяжести, равен $T= 2\pi \sqrt{L/g}$. Сказать, что это уравнение выражает закон природы – это значит сказать, что отношения между периодом T и длиной L останутся инвариантными, то есть стабильными при целом ряде возможных изменений или вмешательств. Указанное в формуле соотношение останется прежним, если мы переместим маятник в другое место, изменим материал, из которого он изготовлен, поменяем длину и так далее. Если же мы будем иметь дело лишь со случайным обобщением, то оно, в отличие от настоящего закона, не переживет таких изменений и перестанет быть верным. В последующих своих работах Вудвард развил эти идеи далее и связал понятие инвариантности с понятием возможного вмешательства, с помощью которого он определял причинность (теорию причинности Вудварда мы рассматривали в главе 12). По его мнению, некоторое отношение является инвариантным, если оно будет продолжать свое существование и оставаться неизменным при множестве возможных вмешательств. Например, закон всемирного тяготения Ньютона останется неизменным, даже если наши (или некоего идеального агента) вмешательства изменят

[215] Woodward J. Realism About Laws // Erkenntnis. 1992. №36. pp. 181–218

значения масс притягивающихся тел или расстояние между ними. Этим решается проблема золотой сферы – мы можем представить такое возможное вмешательство, в результате которого будет создана золотая сфера с диаметром большим, чем 100 метров, но создать подобную сферу урана 235 не получится из-за цепной реакции. Естественно, теория Вудварда не обходится без своих проблем. Многие критики указывают, что ее центральное понятие – возможного вмешательства – делает определение закона круговым. Согласно теории, мы проверяем, является ли то или иное обобщение законом, с помощью некоторого множества возможных вмешательств. Но какие именно вмешательства допустимы? Например, мы можем захотеть проверить, как будет вести себя маятник (сохранится ли соотношение $T= 2\pi\sqrt{L/g}$) на космическом корабле, двигающемся быстрее скорости света. Но из известных нам законов природы следует, что такой корабль невозможен – ничто не может двигаться быстрее скорости света. Получается, что нам нужно ограничить число возможных вмешательств теми, которые допустимы в соответствии с *законами природы*: мы определили закон через вмешательство, а вмешательство через закон. Наше определение идет по кругу. Сам Вудвард пытается решить проблему, объяснив и законы, и инвариантность через понятие объективно существующих способностей (capacities), то есть он сводит их к диспозициям объектов (см. главу 11). Другое возражение касается способности теории отличить законы от случайных обобщений. Как признает Вудвард, многие обобщения, которые нельзя назвать законами природы (особенно обобщения в специальных науках – биологии, геологии и так далее), оказываются инвариантными при целом ряде возможных вмешательств. Более того, даже некоторые случайные обобщения могут оказаться инвариантными в некоторых обстоятельствах. Например, «все такси в Нью-Йорке желтые» очевидно является случайным обобщением, поскольку традиция и соответствующие правила могли бы предписывать другой цвет. Но и оно инвариантно при определенных изменениях – когда новый человек получает лицензию, он будет вынужден перекрасить свой автомобиль (если он был другого цвета) и обобщение сохранит свою истинность. С другой стороны, многие законы инвариантны не при всех возможных изменениях и допускают исключения. В ответ на эти возражения, Вудвард утверждает, что на самом деле разница между законами и другими обобщениями не является абсолютной. Существует лишь различие в степени инвариантности между: 1. законами природы (самые инвариантные), 2. обобщениями, имеющими

объяснительную силу, но не являющимися законами (менее инвариантные), 3. случайными обобщениями, проявляющими наименьшую инвариантность.

Некоторые философы, видя с какими трудностями сталкиваются попытки проанализировать понятие закона природы, предлагают считать это понятие примитивным, базовым и не нуждающимся в дальнейшем анализе. Одна из таких теорий была предложена Тимом Модлиным (Tim Maudlin)[216]. Может показаться, что такая позиция представляет собой простое признание нашего бессилия и неспособности дать полноценный анализ законов природы. Модлин с этим несогласен. Он утверждает, что любая метафизическая позиция будет иметь свои базовые и примитивные понятия, и понятие закона вполне может быть одним из них. Затем это примитивное понятие может быть использовано для анализа таких важных понятий, как контрфактические кондиционалы, причинность, диспозиции и так далее. Такое мнение Модлин высказывает в рамках своей общей позиции по вопросу о взаимоотношениях метафизики и физики – он пишет, что задачей метафизики должна быть интерпретация и прояснение физических теорий, поскольку физика дает нам наилучшее знание об окружающем нас мире. Далее Модлин утверждает, что в физике ничто не указывает на возможность анализа понятия закона природы, а значит это понятие должно стать нашим онтологическим фундаментом. Модлин не останавливается на простой констатации этого факта: хотя законы нельзя проанализировать, о них можно высказать несколько важных и содержательных положений и прояснить их природу. Во-первых, он критикует сторонников регулярностной теории и указывает на то, что большинство современных физических законов нельзя представить в форме утверждения с квантором всеобщности $\forall x (Fx \rightarrow Gx)$. Например, крайне трудно (и бессмысленно) свести к такому виду уравнение Шредингера $ih(\partial\psi/\partial t) = H\psi$. Из этого Модлин делает вывод, что законы не должны быть абсолютно универсальными и выполняться при любых условиях. Представимо, что законы могут действовать лишь в некоторых частях пространства и времени или только при некоторых специфических условиях. Упоминаемый выше закон маятника $T= 2\pi \sqrt{L/g}$ действует лишь при малых амплитудах колебания. Однако почти у всех законов есть другая особенность, являющаяся для них центральной – все они управляют

---

[216] см. Maudlin T. The Metaphysics within Physics. New York, Oxford University Press, 2007

эволюцией системы/частицы сквозь время в случае физики или изменением объектов в более широком смысле (растений, животных, экосистем, планет) в случае специальных наук. Поэтому физические законы Модлин называет Фундаментальными Законами Временной Эволюции (Fundamental Laws of Temporal Evolution или FLOTE), а законы специальных наук – Специальными Законами Временной Эволюции (Special Laws of Temporal Evolution или SLOTE). В его теории SLOTE являются производными и зависящими от FLOTE и с большей вероятностью сталкиваются с исключениями.

Теория Модлина является анти-юмовской, так как в ней законы обеспечивают реальную необходимую связь в природе – закон управляет эволюцией системы во времени и обеспечивает необходимое следование ее более позднего состояния из более раннего. Его теорию также можно охарактеризовать как реалистическую (законы существуют объективно, независимо от нас), примитивистскую (законы являются онтологически базовыми и неанализируемыми) и физикалистскую (Модлин полагает, что единственными объективными и примитивными законами являются законы физики).

Используя понятие закона как примитивное, Модлин с его помощью определяет многие из тех понятий, которые мы рассматривали в предыдущих главах. Например, он определяет причинность следующим образом. Для начала, он делает различие между двумя типами законов. Инерциальные законы (inertial laws) описывают поведение системы, когда на нее не действуют никакие внешние факторы, а законы отклонения (laws of deviation) говорят о поведении системы под воздействием внешних возмущений. Причину можно определить как управляемое законом внешнее возмущение инерциального поведения системы, а следствие как возникающее в результате отклонение этой системы.

Контрфактические кондиционалы также определяются им через законы. Согласно Модлину, $p \Box\!\!\rightarrow q$ истинно, если и только если FLOTE произведут из состояния мира, где истинно p, такое состояние мира, в котором истинно q. Диспозиции также могут быть сведены к законам. Например, объект растворим в воде тогда, когда его внутренняя структура совместно с законами гарантирует, что он растворится при помещении в воду.

Подводя итог, можно отметить, что понятия, рассмотренные нами в этой и предыдущей главах, тесно взаимосвязаны между собой. Поэтому философы выбирают, как правило, одно из них (контрфактические кондиционалы, диспозиции, причинность, законы природы)

и делают его базовым, а остальные понятия из этой группы (или некоторые из них) определяются через него. Модлин делает базовым понятие закона природы, Нэнси Картрайт[217] через понятие диспозиции или способности (capasity) определяет законы природы, а Дэвид Льюис сводит диспозиции к контрфактическим кондиционалам.

Список литературы

1. Armstrong D. What Is a Law of Nature? Cambridge, Cambridge University Press, 1983.
2. Carroll, John W., "Laws of Nature", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2020 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/win2020/entries/laws-of-nature/.
3. Carroll J. Laws of Nature. Cambridge, Cambridge University Press, 1994.
4. Cartwright N. How the Laws of Physics Lie. Oxford, Oxford University Press, 1983.
5. Lange M. Laws and Lawmakers. New York, Oxford University Press, 2009.
6. Mumford S. Laws in Nature. London, Routledge, 2004.

[217] Cartwright N. Where Do Laws of Nature Come From? // Dialectica. 1997. № 51(1) pp. 65-78

Глава 14. Материальная композиция и конституция

Проблема материальной композиции касается вопроса, когда именно два или более объекта составляют новый, составной объект. Например, если прикрепить четыре ножки к плоской квадратной доске, то возникнет ли новый объект – табуретка? Материальная конституция (material constitution) занимается вопросом – в каком случае один объект конституирует другой, отличный от него объект, и происходит ли такое вообще? Для решения этого вопроса философы рассматривают конкретные примеры, которые при внимательном анализе могут казаться парадоксальными. Например, может показаться, что кусок бронзы и отлитая из него статуя Геракла, это просто один и тот же объект, ведь статуя – тот же самый кусок бронзы, которому придали человеческую форму, однако статуя не может пережить переплавку обратно в бесформенную глыбу металла, а кусок бронзы может. Мы имеем дело с противоречивыми интуициями, которые и пытаются распутать философы, занимающиеся проблемой материальной конституции.

При исследовании проблем материальной конституции и композиции философы используют специальную терминологию и принципы мереологии – раздела логики, исследующего соотношение целого и части. Первая современная мереологическая теория была предложена Станиславом Лесневским в работе 1916 года «Основания общей теории множеств»[218], а затем развита Гудменом и Леонардом в статье 1940 года для Журнала Символической Логики «The Calculus of Individuals and Its Uses»[219]. Они предложили набор базовых аксиом для отношения часть-целое. Это отношение является рефлексивным, антисимметричным и транзитивным. Рефлексивное отношение – такое, в котором каждый объект состоит к самому себе. Антисимметричным является такое отношение, что, если A состоит в этом отношении к B, а B к A, то A является B, A и B тождественны. Транзитивное отношение – такое, что, если A состоит в нем к B, а B к C, то A состоит в этом отношении к C.

Таким образом были сформулированы три аксиомы для отношения части к целому:

Мереологическая рефлексивность: каждый объект является частью самого себя.

Мереологическая антисимметрия: если y часть x, а x часть y, то x=y.

Мереологическая транзитивность: если x часть y, а y часть z, то x часть z.

Положение мереологической рефлексивности расходится с обычным словоупотреблением, так как мы не называем объект частью самого себя. Для более привычного нам понятия части в мереологии существует специальный термин – собственная часть (proper part), то есть часть, не являющаяся целым (далее под частью подразумевается собственная часть).

Собственная часть: x является собственной частью y, если и только если x часть y и $x \neq y$.

---

[218] Leśniewski S. Collected Works (ed. by S. J. Surma et al.) Dordrecht, Kluwer, 1992, Vol. 1, pp. 129–173

[219] Leonard H. S., Goodman N. The Calculus of Individuals and Its Uses // The Journal of Symbolic Logic. 1940. № 5(2) pp. 45-55

Антисимметрия делает отношение части похожим на математическое отношение ≥ «больше, чем или равно». Если x ≥ y и y ≥ x, то x=y. Два разных объекта просто не могут быть частью друг друга.

Транзитивность кажется, на первый взгляд, более проблематичной. Мы можем легко представить случаи, когда она не соблюдается. Например, правая нога является частью вратаря, вратарь – частью футбольной команды, но его правая нога не будет частью команды. На это можно ответить, что здесь мы употребляем часть не в строгом, философском смысле. Когда мы говорим о частях футбольной команды, мы имеем в виду лишь явные и бросающиеся в глаза части (в данном случае – самих игроков), но в строго мереологическом смысле части игроков – тоже части команды.

Нам следует также определить мереологическое пересечение. Два объекта пересекаются, если они имеют хотя бы одну общую часть. Это отношение является рефлексивным и симметричным, но не транзитивным.

Мереологическое пересечение (mereological overlap): x пересекает y, если есть такой z, что z является частью x и z является частью y.

Следующий принцип мереологии – принцип слабого дополнения. Предположим, что один объект – собственная часть другого. Например, моя рука – часть моего тела. Как кажется, из этого следует, что у моего тела есть другая собственная часть, не пересекающаяся с рукой. Именно это и утверждает принцип слабого дополнения.

Слабое дополнение (weak supplementation): если x собственная часть y, то y имеет собственную часть z, которая не пересекает y.

Существует еще и принцип сильного дополнения. Представим нечто, не являющееся частью моего тела. Я стою ровно посередине комнаты. Ее северная половина не является частью моего тела, хотя и пересекает (overlap) его. В таком случае северная половина комнаты, должна иметь часть, не пересекающуюся с моим телом (иначе мое тело включало бы в себя всю северную половину комнаты).

Сильное дополнение (strong supplementation): если x не часть

y, тогда x имеет часть z, которая не пересекает y.

Последний принцип утверждает наличие произвольных сумм: если S не пустое множество, тогда существует нечто, что имеет в качестве своих частей все элементы S и только их. Но прежде дадим определение суммы.

Сумма: x является суммой множества S, если и только если S не пустое множество и для всех z, z пересекает x, если и только если z пересекает один из элементов S.

Принцип произвольных сумм утверждает:

Произвольные суммы: если S не пустое множество, тогда существует по крайней мере одна сумма S.

Данный принцип приводит к весьма контринтуитивным следствиям – существуют объекты, состоящие из любых других произвольных объектов. Например, есть объект, состоящий из Эйфелевой башни и правого уха Дональда Трампа. Очевидно, что многие философы не соглашаются с этим принципом и признают только ограниченную композицию. Их взгляды мы сейчас и рассмотрим.

Широкий интерес философов к проблеме композиции начался с публикации в 1990 году книги Питера ван Инвагена «Материальные объекты»[220]. В ней он сформулировал два вопроса о композиции – общий и специальный.

Общий вопрос о композиции (General Composition Question): что значит для одной вещи быть частью другой?

Специальный вопрос о композиции (Special Composition Question): в каком случае некоторые вещи составляют другую вещь?

Именно второй вопрос привлек наибольшее внимание, и в зависимости от ответа на него философы разделились на несколько групп. Можно выделить три наиболее распространенных подхода: мереологический нигилизм, мереологический универсализм и мереологический рестриктивизм.

[220] Van Inwagen P. Material Beings. Ithaca, Cornell University Press,1990

Мереологический нигилизм отвечает на специальный вопрос о композиции так: ни в каком случае. В мире существуют лишь простые, не имеющие частей, мереологические атомы.

(МН) Мереологический нигилизм: для любых материальных объектов $x_1 \ldots x_n$, никогда не существует другого материального объекта, составленного из $x_1 \ldots x_n$.

Какие же аргументы могли привести философов к такому контринтуитивному выводу? Рассмотрим некоторые из них.

Наиболее очевидным является ссылка на бритву Оккама, то есть онтологическую экономность. Нигилисты постулируют существование значительно меньшего количества материальных объектов в мире, исключаются все привычные нам объекты – столы, стулья, животные, растения, планеты и так далее вплоть до составных элементарных частиц, например, протонов, которые состоят из кварков. Останутся лишь подлинные мереологические атомы – простые элементарные частицы.

Теодор Сайдер утверждает[221], что нигилизм экономен не только онтологически, но и идеологически (то есть он вводит меньшее количество базовых, неопределяемых понятий). Например, нигилисту не нужно понятие «часть», так как, по его мнению, составных объектов и их частей просто не существует.

Другой известный аргумент отталкивается от каузальной сверхдетерминации. По мнению нигилистов, составные объекты нарушают признаваемый многими философами запрет на сверхдетерминацию.

Запрет сверхдетерминации: не существует систематической сверхдетерминации физических действий.

Нигилисты уверены, что мы можем объяснить причинно-следственное взаимодействие материальных объектов, используя только составляющие их простые элементарные частицы. Наиболее известная версия аргумента приводится Трентоном Мерриксом в книге 2001 года «Объекты и личности»[222]. Он использует пример бейсбольного мяча, разбивающего окно, и делает вывод о том, что

---

[221] Sider T. Against Parthood // Bennett K., Zimmerman D. Oxford Studies in Metaphysics 8. Oxford, Oxford University Press, 2013 pp. 237-294

[222] Merricks T. Objects and Persons New York, Oxford University Press, 2001 p. 56

действия составляющих мяч элементарных частиц достаточно для объяснения данного события. Вот этот аргумент:

(1) Бейсбольный мяч, если он существует, каузально иррелевантен при ответе на вопрос: разбили ли окно составляющие мяч атомы или нет.

(2) Разбивание окна вызвано совместным действием этих атомов.

(3) Разбивание окна не является сверхдетерминированным.

(4) Следовательно, если бейсбольный мяч существует, он не был причиной разбивания окна.

Получается, что мяч является каузально нерелевантным во всех своих действиях, и нам достаточно составляющих мяч атомов для объяснения всех причинно-следственных связей мяча. Наиболее последовательный вывод из этой ситуации (по мнению Меррикса) – признать мереологический нигилизм (следует заметить, что сам Меррикс не является последовательным нигилистом и признает существование личностей).

Существует еще один аргумент в пользу так называемого «условного мереологического нигилизма» (conditional mereological nihilism), предложенный Питером Унгером (Peter Unger). Его вывод гласит: если составные объекты и существуют, то они не удовлетворяют привычным нам сортальным терминам. Сортальные термины (сорталии) – это слова, описывающие принадлежность объекта к тому или иному виду (стол, мяч, животное и так далее). Таким образом, не существует привычных нам объектов (столов, стульев, животных), а составные объекты, если и существуют, являются просто «физическими объектами».

Как утверждает Унгер, три следующих положения ведут к противоречию:

(1) Существует по крайней мере один камень.

(2) Если что бы то ни было является камнем, оно состоит из многих (но конечных по количеству) атомов.

(3) Для чего бы то ни было, являющегося камнем, удаление одного или нескольких атомов при самых благоприятных для этого условиях никак не повлияет наличие камня в данной ситуации.

Унгер утверждает, что если мы будем в соответствии с (3)

последовательно удалять по одному атому, то придем к ситуации, когда атомов не останется, хотя положение (3) утверждает, что у нас в такой ситуации по-прежнему будет камень. Но это противоречит положению (2), которое требует, чтобы камень состоял из многих атомов. Из этого Унгер заключает о необходимости отвергнуть положение (1) и отрицать существование камней и других подобных объектов.

Неуязвимы перед подобным аргументом лишь объекты с точными условиями существования, такие как «физический объект», поскольку удаление одного атома всегда оставляет нам либо составной, либо простой физический объект. В последнем случае, удаление еще одного атома приводит к исчезновению какого-либо объекта вообще.

В итоге аргумент приходит к выводу: если составные объекты и существуют, они не являются привычными для нас объектами.

Несмотря на эти аргументы, большинство философов не спешит принимать мереологический нигилизм. Главным препятствием для этого является противоречие здравому смыслу. По мнению Майкла Ри (Michael Rea), «является просто очевидным, что существуют столы, стулья, компьютеры и автомобили. Тот факт, что некоторые философские аргументы утверждают обратное, просто свидетельствует о том, что с этими аргументами не все в порядке»[223].

Нам кажется истинным утверждение «На этом столе находится компьютер», а нигилисты вынуждены его отрицать. Впрочем, многие нигилисты пытаются сохранить истинность этих утверждений, перефразируя их. Например, вышеупомянутое утверждение можно перефразировать так: «На этих организованных столообразно атомах находятся атомы, организованные компьютерообразно». Нигилисты полагают, что, отрицая существование привычных нам материальных объектов, они не отрицают существование материи, из которой состоят эти объекты.

Другая трудность для нигилистов – возможное существование эмерджентных свойств (свойств составного целого, несводимых к свойствам частей). Например, влажность воды не присуща каждой молекуле воды в отдельности.

Серьезное возражение против мереологического нигилизма – возможное существование безатомной жижи.

[223] Rea M. In Defence of Mereological Universalism // Philosophy and Phenomenological Research. 1998. №58 (2). p. 348

Безатомная жижа (mereological gunk) – x является безатомной жижей, если и только если x не имеет атомарных частей.

Согласно нигилизму, реально существуют только мереологические атомы, но в подобной жиже каждая часть имеет в свою очередь другие части и так до бесконечности. Если нигилизм верен, то безатомная жижа не просто не существует, но и метафизически невозможна. Противники нигилизма утверждают, что мы можем представить себе такую жижу, из чего, в соответствии с принципом «представимость влечет возможность (conceivability entails possibility)», она является, по крайней мере, возможной.

Другой возможный ответ на специальный вопрос о композиции дает мереологический универсализм. Он признает упоминавшийся в начале главы принцип произвольных сумм. Согласно этой позиции, любые два объекта составляют третий объект.

(МУ) Мереологический универсализм (mereological universalism): для любых материальных объектов x существует отличный от них объект y, который они составляют.

Данная позиция подразумевает существование огромного (и потенциально бесконечного) количества контринтуитивных объектов. Например, есть материальный объект, состоящий из правой ноги президента Трампа, вашего носа и Эйфелевой башни. Тем не менее многие философы, например, Теодор Сайдер[224] и Майкл Ри[225], придерживаются такой, странной на первый взгляд позиции, поскольку, по их мнению, она способна разрешить многие метафизические трудности.

Преимущество универсализма – отсутствие неопределенности и сомнений при ответе на вопрос: когда несколько объектов составляют другой объект? Он дает простой ответ – всегда.

Некоторые философы считают, что тезис о композиции как тождестве влечет за собой универсализм.

(КТ) Композиция как тождество (composition as identity): отношение композиции является отношением тождества. Составной объект O коллективно тождественен своим частям o_1, o_2, o_3 … o_n.

---

[224] Sider T. Parthood. // The Philosophical Review. 2007. №116(1) pp. 51-91

[225] Rea M. In Defense of Mereological Universalism. // Philosophy and Phenomenological Research. 1998. №58(2) pp. 347-60

Противники данного тезиса, например Крис Макданиел[226], утверждают, что он противоречит принципу неразличимости тождественных.

Неразличимость тождественных (indiscernibility of identicals): $(\forall x)(\forall y)((x = y) \rightarrow (\forall F)(Fx \leftrightarrow Fy))$)) или для любых объектов x и y, если x тождественен y, то для любого свойства F, x обладает F, если и только если y обладает F.

Тождественные объекты обладают одними и теми же свойствами. В случае композиции этого не происходит. Например, возьмем объект, состоящий из 10 частей. Его части коллективно имеют свойство «являться десятью», а сам объект лишен такого свойства, но обладает свойством «являться одним». Закон Лейбница очевидно нарушен.

На этот аргумент сторонники тезиса могут (по мнению Льюиса[227]) ответить, модифицировав свою позицию. Композиция лишь аналогична отношению тождества, но не является им. Разница как раз в том, что композиция не подчиняется закону Лейбница.

Основной довод противников универсализма – обвинение его в онтологической неэкономности. Он постулирует просто астрономическое количество объектов. Универсалисты отвергают подобные обвинения. Как утверждает Д. Армстронг[228], все составные объекты – это «онтологический бесплатный завтрак (ontological free lunch)», то есть число и разнообразие постулируемых теорией составных объектов никак не сказывается на ее простоте. Как пишет А. Варци «целое и части охватывают одно и то же количество реальности и поэтому не должны перечисляться по отдельности в описании мира»[229]. Противники универсализма считают такой довод неудовлетворительным: если и стол, и составляющие его атомы реально существуют, то при описании мира они должны быть упомянуты на равных правах.

Х. Комесана[230] предложил еще один аргумент, основывающийся на интуитивно правильной идее о том, что мир мог бы

[226] McDaniel K. Against Composition as Identity. // Analysis. 2008. №68(2) pp. 128-133
[227] Lewis D. Parts of Classes. Oxford, Basil Blackwell, 1991 pp. 84-5
[228] Armstrong D. A World of States of Affairs. Cambridge, Cambridge University Press, 1997 pp. 12-13
[229] Varzi A. C. Mereological Commitments // Dialectica. 2000. №54 (4). p. 285
[230] Comesaña J. Could there be exactly two things? // Synthese. 2008. № 162(1) pp. 31-35

содержать определенное количество вещей. По его мнению, мы можем утверждать истинность принципа примитивного кардинального числа.

Принцип примитивного кардинального числа (primitive cardinality): для любого числа n, могло бы существовать в точности n материальных объектов.

В соответствии с этим принципом возможен, например, мир, состоящий только из двух объектов. Но универсалисты вынуждены отвергнуть подобную возможность, так как согласно их позиции, если у нас есть два объекта, то всегда существует как минимум еще один, составленный из них. Исключается сама возможность мира с двумя материальными объектами. Универсалисты, конечно же, могут отвергнуть принцип или заменить его на похожий, но не противоречащий универсализму, например, принцип примитивного кардинального числа для мереологически простых объектов.

Принцип примитивного кардинального числа для мереологически простых объектов: для любого числа n, могло бы существовать в точности n мереологически простых материальных объектов.

Многие философы не удовлетворены ни нигилизмом, ни универсализмом и пытаются дать принципиальный и содержательный ответ на специальный вопрос о композиции. Такая позиция известна как мереологический рестриктивизм. Сам автор этого вопроса Питер ван Инваген в своей книге «Материальные объекты»[231] предложил (чтобы затем отвергнуть в пользу органицизма) несколько таких ответов. Рассмотрим их более подробно.

Первый ответ утверждает, что новый материальный объект возникает при контакте других объектов.

Контакт: для любых материальных объектов x, составленный из них объект y существует тогда и только тогда, когда объекты x находятся в контакте друг с другом.

Этот принцип ведет к очевидно неприемлемым (по мнению ван Инвагена) следствиям: когда два человека пожимают друг другу

---

[231] van Inwagen P. Material Beings. Ithaca, Cornell University Press, 1990 pp. 56-61

руки возникает новый, составленный из них материальный объект. Следующий возможный принцип – принцип скрепления.

Скрепление (fastenation): для любых материальных объектов x, составленный из них объект y существует тогда и только тогда, когда объекты x скреплены друг с другом. Объекты x скреплены друг с другом в случае, когда существует очень немного способов разъединить их, не сломав или не деформировав некоторые из них.

Этот принцип также ведет к неприемлемым результатам – представим, что вышеупомянутых людей при рукопожатии поразил паралич, и их руки оказались скреплены так, что без применения грубой силы расцепить их невозможно. Интуитивно кажется, что при такой ситуации новый материальный объект не должен возникать.

Другие два принципа, предложенные ван Инвагеном – принцип спаянности и принцип объединения.

Спаянность (cohesion): для любых материальных объектов x, составленный из них объект y существует тогда и только тогда, когда объекты x спаяны друг с другом. Объекты x спаяны друг с другом в случае, когда невозможно их разъединить, не сломав некоторые из них.

Объединение (fusion): для любых материальных объектов x, составленный из них объект y существует тогда и только тогда, когда объекты x объединены (fuse) друг с другом. Объекты x объединены друг с другом в случае, когда они спаяны друг с другом без всякой видимой границы.

По мнению ван Инвагена, эти принципы тоже неудовлетворительны. Если во время рукопожатия руки двух людей соединить суперклеем, тем самым спаяв их, новый материальный объект не возникнет. Более того, если некий безумный ученый объединит этих двух людей наподобие сиамских близнецов, мы не получим нового материального объекта, у нас по-прежнему останутся лишь двое людей, но не составленный из них еще один объект.

Сам ван Инваген полагает, что по-настоящему объединить разрозненные части в единое целое может их общее участие в одном и том же жизненном процессе, то есть единственными составными объектами могут быть живые организмы. В этом состоит суть

предложенного им органицизма.

(Орг) Органицизм (Organicism): для любых материальных объектов x, составленный из них объект y существует тогда и только тогда, когда активности объектов x составляют единую жизнь.

Один неопровержимый по мнению ван Инвагена аргумент в пользу органицизма – наше собственное существование. Если я существую и являюсь живым организмом, то, по крайней мере, один живой организм существует. Такой аргумент можно отвергнуть, лишь отождествив как дуалисты человеческую личность с простой нематериальной субстанцией или, как это сделал Родерик М. Чизолм, с простой элементарной частицей. По мнению Чизолма, каждый из нас реально тождествен какой-то одной из простых элементарных частиц в нашем головном мозге, и эта думающая и волящая частица взаимодействует с остальными частицами мозга и через это со всем остальным телом.

Органицизм опирается также на научные (биологические) доводы. Для поддержания единого жизненного процесса, гомеостаза, обмена веществ, питания между частями организма происходят многочисленные и постоянные взаимодействия (чего не наблюдается в случае других привычных нам объектов – столов, стульев и так далее).

Поскольку один из основных аргументов в пользу органицизма – наше собственное существование, некоторые философы предложили ограничить составные объекты личностями. Согласно этой позиции (ее придерживается Т. Меррикс[232]), материальные части образуют по-настоящему новое целое лишь в случае обладающей самоопределяющейся свободной волей личности.

(МП) Мереологический персонализм: для любых материальных объектов x, составленный из них объект y существует тогда и только тогда, когда активности объектов x составляют единую жизнь личности, обладающей самоопределяющейся свободной волей.

Какого бы принципа ни придерживались рестриктивисты, все они сталкиваются с целым рядом серьезных трудностей. Наибольшую известность получил так называемый аргумент от нечеткости

[232] Merricks T. Objects and Persons New York, Oxford University Press, 2001 pp. 85-117

(vagueness argument), утверждающий, что если рестриктивизм прав, то могут быть случаи, когда неясно, произошла ли композиция или нет, то есть неясно, существует ли составной объект или нет. По мнению сторонников этого аргумента (Льюиса[233], Сайдера[234] и других), в мире не может быть онтической нечеткости (ontic vagueness), то есть неясности в отношении того, сколько объектов существует в мире. Понятие «существует» не может быть нечетким. Сам аргумент выглядит следующим образом:

1. Если композиция ограничена (restricted), то есть если рестриктивизм прав, то результат композиции в некоторых случаях неясен.
2. Если результат композиции в некоторых случаях неясен, то в некоторых случаях неясно, существует ли нечто или нет.
3. Если некоторых случаях неясно, существует ли нечто или нет, то «существовать» является нечетким.
4. «Существовать» не является нечетким.
5. Следовательно ложно то, что композиция ограничена.

Первую посылку аргумента можно подкрепить так называемыми соритами (сорит – цепочка силлогизмов, в которой заключение предыдущего силлогизма служит одной из посылок следующего) для составных объектов. Возьмем любой составной объект, например, человека и молекулы, из которых составлен его организм, и будем постепенно удалять все молекулы друг от друга до тех пор, пока человек совершенно определенно не перестанет существовать. Мы будем иметь цепочку случаев, на одном конце которой композиция происходит, а на другом конце – нет. Но мы не в состоянии с точностью указать тот момент, где композиция перестает происходить и составной объект прекращает свое существование. Таким образом, рестриктивизм ведет к онтической нечеткости, которую многие философы считают неприемлемой.

Так как все принципы композиции, предложенные рестриктивистами, сталкиваются с трудностями, некоторые философы, не удовлетворенные ни одной из них и не желающие признавать нигилизм или универсализм, считают факт материальной композиции грубым фактом, не требующим дальнейшего объяснения. Наш мир просто

---

[233] Lewis D. On the Plurality of Worlds. New York, Blackwell, 1986 pp. 212-13
[234] Sider T. Four-Dimensionalism: An Ontology of Persistence and Time. New York, Oxford, 2001 pp. 120-132

устроен таким образом, что в некоторых случаях составные материальные объекты существуют, а в некоторых – нет. Такая позиция, предложенная Недом Маркозианом[235], получила название теории грубой композиции (brutal composition). По его мнению, композиция – фундаментально явление, не поддающееся анализу, из-за чего, собственно, и обречены на неудачу все попытки рестриктивистов сформулировать нетривиальный, содержательный принцип композиции. Сталь и бетон составляют Останкинскую телебашню, но сама телебашня и Собор Василия Блаженного нового материального объекта не образуют. Таковы факты композиции в нашем мире. Эта позиция дает нам решение для соритов декомпозиции – в реальности есть точный момент, кода составной объект прекращает свое существование, просто мы не в состоянии на него указать. Подобная позиция сохраняет привычные для нас интуиции о существовании столов, стульев и так далее, но уклоняется от какого-либо метафизического объяснения данных фактов. Именно поэтому большинство философов считают такую позицию ad hoc и специально подогнанной под наши интуиции.

В связи с указанными проблемами большинство философов отвергают рестриктивизм и придерживаются либо универсализма, либо нигилизма.

Проблемы материальной конституции вырастают из размышлений над соотношением объектов и материалов, из которых они состоят. Мы возьмем два таких случая и подробно рассмотрим возможные метафизические решения проблем, возникающих при размышлении над ними.

Первый случай – бронзовая статуя Голиафа. В момент времени t_1 мы имеем бесформенную глыбу бронзы (назовем ее Глыба). Некоторое время спустя (в момент t_2), скульптор отливает из нее статую Голиафа (назовем ее Статуя). Некоторое время спустя (в момент t_3), недовольный своей работой скульптор переплавляет статую обратно, в результате чего вновь получается бесформенная глыба бронзы. Поразмыслив над этой простой ситуацией, спросим себя – являются ли Глыба и Статуя одним и тем же материальным объектом? Поначалу может показаться, что очевидный ответ – да. Скульптор работает все время с одним бронзовым объектом, которому сначала он придаёт человеческую форму, а затем возвращает в

[235] Markosian N. Brutal Composition. // Philosophical Studies. 1998. №92 pp. 211–49

первоначальный вид. Более того, в период времени между t_2 и t_3, когда глыба бронзы имеет человеческую форму, Статуя и Глыба состоят из одних и тех же атомов и имеют одинаковые свойства – массу, форму, объем, положение в пространстве и так далее. Но размышляя дальше, мы можем заметить и некоторые различия между ними. Наиболее очевидное – в периоды времени до t_2 и после t_3 Статуя вообще не существует. И, поскольку тождественные объекты не могут отличаться даже в одном свойстве (например, в свойстве *существовать в момент времени* t_1), Статуя никак не может быть Глыбой. Получается, что два объекта, состоящие из абсолютно одинаковой материи (между t_2 и t_3 все атомы Статуи также являются атомами Глыбы), являются все-таки двумя объектами, а не одним. Отсюда и возникает проблема соотношения между материальным объектом и конституирующей его материей.

Второй случай – кот Тибблс, который является самым обычным домашним котом. Имя «Тибблс» ссылается (refer) на кота в целом, но мы можем назвать именем «Тиб» его собственную часть (proper part), а именно всего кота, за исключением хвоста. Очевидно, что объекты, названные этими именами, не тождественны между собой – Тибблс весит немного больше, имеет больший объем и так далее. Теперь представим, что с Тибблсом в момент t_1 произошел несчастный случай, и он лишился своего хвоста. Очевидно, что кот Тибблс не перестал существовать после такого небольшого происшествия, но и Тиб тоже его пережил (поскольку Тиб – это весь кот за исключением хвоста, подобное происшествие его вообще не затронуло). Теперь у нас есть два совершенно совпадающих по своей материи бесхвостых кота. Причем они имеют разные свойства. Например, у Тибблса есть свойство *обладать хвостом до момента* t_1. Если же мы посчитаем, что Тибблс не пережил потерю хвоста – получится контринтуитивный вывод, что объект не может пережить потерю небольшой, несущественной для себя собственной части.

Философы, размышлявшие над этими проблемами, выработали несколько подходов к их решению. Их мы и рассмотрим более подробно, начав с позиции, ставшей стандартной.

Сторонники ортодоксальной позиции, например Дэвид Виггинс[236] или Линн Бейкер[237], утверждают возможность двух разных, но

[236] Wiggins D. On Being in the Same Place at the Same Time. // Philosophical Review. 1968. № 77 pp. 90–95

[237] Baker L. Persons and Bodies: a Constitution View. Cambridge, Cambridge University Press, 2000

совпадающих по своей материи объектов. Статуя и Глыба, Тибблс и Тиб (после несчастного случая) – разные, но состоящие из одних и тех же атомов объекты. Они, несмотря на нетождественность, соприсутствуют в одном и том же месте (nonidentically colocated).

Сторонники данной позиции вынуждены отвергнуть интуитивно правильное предположение о тождестве объектов, составленных из одинаковых частей:

(∀x)(∀y)(∀p)(∀t)[(p составляют x в момент t & p составляют y в момент t) → x=y], где p означает части объекта.

Утверждая возможность нетождественных, но совпадающих объектов, эти философы должны объяснить, какое отношение существует между ними. Что оно из себя представляет, если не тождество? Ответом на этот вопрос стало постулирование нового отношения – конституции (constitution). В отличие от тождества, это отношение ассиметрично – если a тождественно b, то и b тождественно a, но если a конституирует b, то b не может конституировать a. Глыба конституирует Статую, но не наоборот. Но в чем же причина отсутствия тождества между Глыбой и Статуей, если они составлены из одной и той же материи? По мнению ортодоксов – в их принадлежности к разным видам (kinds). Статуя – произведение искусства, Глыба – просто кусок бронзы, чем и объясняется тот факт, что первый из этих объектов не в состоянии пережить переплавку, а второй – в состоянии. Каждый из них обладает разными сортальными свойствами, то есть свойствами, зависящими от принадлежности к определенному виду: Статуя инстанцирует свойство *являться произведением искусства*, но не свойство *являться бесформенным куском бронзы*, а Глыба – наоборот. Членство в разных видах также объясняет разные модальные и темпоральные свойства: например, Глыба имеет свойство *быть способным пережить переплавку* и *существовать в момент времени* t_1.

В итоге получается, что Статуя и Глыба не тождественны, хотя и состоят из одной и той же материи, так как они обладают разными сортальными, модальными и темпоральными свойствами. Подобный подход сталкивается со многими трудностями, три из которых мы рассмотрим более подробно.

Первая трудность возникает при внимательном рассмотрении таких сортальных свойств, как *являться произведением искусства*. На чем основано обладание такими свойствами? На первый взгляд кажется, что, в конечном счете, все подобные свойства должны

базироваться на материи, из которой состоит объект. В таком случае возникает проблема: Статуя и Глыба состоят из одних и тех же элементарных частиц, обладают одинаковым положением в пространстве и так далее. В чем же тогда заключено основание того, что Статуя обладает свойством *являться произведением искусства*, а Глыба нет. Эта проблема была названа Карен Беннетт[238] проблемой базирования (the grounding problem). Она же предложила одно из возможных решений – считать подобные сортальные, а также модальные и темпоральные свойства примитивными – обладание ими не основано ни на каких других свойствах и является фундаментальным. Другими философами были предложены альтернативные решения. По мнению Линн Бейкер[239], подобные свойства основаны на свойствах реляционных (relational properties), то есть на отношении объекта к чему-то для него внешнему. Например, свойство *являться произведением искусства* основано на отношении Статуи к миру искусства, то есть Статуя, в отличие от Глыбы, создается скульптором, она выставляется в музеях, обсуждается критиками и так далее.

Вторая трудность опирается на стандартный мереологический принцип тождества объекта и суммы его частей. Этот принцип прямо исключает возможность множества объектов, занимающих одно и то же место (colocated objects).

(ПМЭ) Принцип мереологической экстенсиональности: $(\forall x)(\forall y)[x=y \leftrightarrow (\forall z)(z \text{ часть } x \leftrightarrow z \text{ часть } y)]$.

Из этого принципа вытекает эквивалентность объекта и всех его частей, взятых в целом. Поскольку Статуя и Глыба состоят из одних и тех же частей, у нас просто нет оснований для проведения различия между ними. Сторонниками стандартной позиции были предложены разные решения этой проблемы, одно из которых опирается на указание двусмысленности термина «часть» в формулировке принципа. Из того факта, что объекты разделяют все материальные части, не следует их тождество, так как они могут различаться в своих нематериальных частях. По мнению Майкла Ри[240], называющего свое

[238] Bennett K. Spatio-Temporal Coincidence and the Grounding Problem. // Philosophical Studies. 2004. № 118 pp. 339–371

[239] Baker L. Persons and Bodies: a Constitution View. Cambridge, Cambridge University Press, 2000 pp. 35-46

[240] Rea M. Sameness without identity: An aristotelian solution to the problem of material constitution. // Ratio. 1998. № 11(3) pp. 316-328

решение проблемы аристотелевским, материальные объекты являются гилеморфными (см. главу 3) сочетаниями материи и формы, и поэтому одной из частей объекта будет его форма. В таком случае Статуя и Глыба не тождественны, так как Статуя, в отличие от Глыбы, наделена формой «произведение искусства» в качестве своей нематериальной части. Сходное решение было предложено Лори Полом[241], который полагал, что объекты мереологически составлены из своих свойств. В любом случае, подобные решения могут вызвать неприятие у философов, считающих, что такие объекты как статуи и кошки состоят исключительно из материальных частей.

Третья трудность, на которую указывают Эрнест Соса[242] и Тед Сайдер[243], получила название проблемы произвольности (arbitrariness problem). Как утверждают критики, ортодоксальный взгляд не содержит какого-либо принципиального ограничения на количество объектов, могущих занимать одно и то же место. Например, Глыба конституирует Статую, но мы можем предположить, что совокупность элементарных частиц, из которых они состоят – тоже особого рода сущность. Тогда мы будем иметь уже три разных объекта (Частицы, Глыба, Статуя), каждый из которых конституирует следующий, причем мы можем продолжать данный процесс и дальше, придумывая новые и более странные сущности.

Философы, признавшие из-за этих проблем ортодоксальный взгляд неудовлетворительным, предложили другие решения проблемы материальной конституции. Одним из таких решений стала теория доминирующих видов (dominant kinds), предложенная Майклом Берком[244]. Он подверг сомнению утверждение ортодоксов о том, что глыба бронзы может сосуществовать со статуей. Все проблемы будут устранены, если мы предположим, что, когда глыбе бронзы придали форму статуи, она просто перестала существовать как Глыба. В период времени с t_1 по t_2 присутствует только Статуя, а до и после этих моментов – только Глыба. Сразу же возникает вопрос: как придание бронзе формы статуи способно уничтожить Глыбу? Интуитивно кажется, что бронзовая Глыба вполне способна пережить

[241] Paul L. Logical Parts. // Noûs. 2002 № 36. pp. 578–596
[242] Sosa E. Subjects among Other Things. // Philosophical Perspectives. 1987 № 1 pp. 155–187
[243] Sider T. Four-Dimensionalism. Oxford, Oxford University Press, 2001 pp. 156–8
[244] Burke M. Preserving the Principle of One Object to a Place: A Novel Account of the Relations among Objects, Sorts, Sortals and Persistence Conditions. // Philosophy and Phenomenological Research. 1994. № 54 pp. 591-624

придание ей человеческой формы. Для разрешения этой трудности Берк вводит понятие доминирующего вида. Каждый материальный объект подпадает под один или несколько видов (в нашем случае видами будут «произведение искусства» и «глыба бронзы»), с которыми ассоциируется наличие или отсутствие соответствующих модальных и других свойств. Причем, когда объект подпадает под несколько видов, один из них начинает доминировать. Доминировать будет тот вид, который предполагает обладание наибольшим количеством свойств. В связи с этим Глыба бронзы после отливки в человеческую форму не исчезает совсем, а становится Статуей и перестает быть глыбой. Вид «произведение искусства» связан с большим количеством свойств (объекты этого вида обладают не только физическими, но и эстетическими свойствами), чем вид «глыба бронзы».

У теории доминирующих видов есть и свои критики. Джонатан Лоу[245], например, находит крайне контринтутивным, что такой прочный объект, как глыба бронзы, могущий пережить почти бесконечное число перераспределений своих атомов, не способен пережить придание этим атомам формы статуи. Другое возражение фокусируется на самом понятии доминирования. По мнению критиков, оно получается слишком неясным. Возьмем, например, металлическую сушилку для бутылок. Очевидно, что вид «сушилка» будет доминировать над видом «кусок металла», так как первый связан с большим числом свойств (например, у него будет дополнительное свойство «быть пригодным для сушки бутылок»). Но представим, что художник Марсель Дюшан берет именно эту сушилку и выставляет ее в качестве произведения искусства. В таком случае очень непросто определить какой из видов («сушилка» или «произведение искусства») ассоциируется с большим числом свойств и должен доминировать. Сам Берк признает нечеткость своего критерия доминирования, но настаивает на его пригодности для подавляющего большинства случаев. Не все сторонники доминирующих видов согласны с таким ответом. Майкл Ри[246], например, предлагает свой критерий доминирования, учитывающий существенные свойства объектов. Его критерий выглядит следующим образом:

(КД) Для всех x, K является доминирующим видом в случае, если 1. x по своей сущности (essentially) принадлежит K; 2. для

---

[245] Lowe E. Coinciding objects: in defense of the ‘standard account’. // Analysis. 1995. №55 pp. 171-178

[246] Rea M. Constitution and kind membership. // Philosophical Studies. 2000. №97 p. 187

любого вида K_1, такого, что x по своей сущности принадлежит K_1, принадлежность x к K влечет за собой принадлежность к K_1.

То есть доминирующим будет тот вид, из сущностной принадлежности к которому следует принадлежность ко всем остальным. По мнению Ри, данный критерий дает правильные ответы во всех затруднительных случаях и не страдает от неопределенности, хотя далеко не все философы с ним согласны.

Еще один подход к разрешению проблем материальной конституции был предложен Родериком Чизолмом[247]. По его мнению, ни один составной материальный объект не в состоянии приобрести или потерять ни одну из своих частей. Все части принадлежат любому материальному объекту неизменно и во всех возможных мирах. Свою позицию он назвал мереологическим эссенциализмом. Ее можно выразить в следующем принципе:

(МЭ) Мереологический эссенциализм: для любого целого x, если y – одна из его частей, то y является частью x во всех возможных мирах, где x существует.

Из этого принципа следует другой – принцип мереологической неизменности.

(МН) Мереологическая неизменность: если y когда-либо является частью x, то y является частью x во все время его существования.

Если материальный объект теряет какую-либо (пусть и небольшую) часть, то данный объект просто перестает существовать и возникает новый. Это открывает возможность разрешения проблемы с котом Тибблсом. Когда Тибблс теряет свой хвост, он перестает существовать (возникает новый объект, который можно назвать $Тибблс_2$), и у нас нет двух совпадающих материальных объектов: $Тибблс_2$ и Тибб абсолютно идентичны во всех своих свойствах, это один и тот же объект.

Хотя эссенциализм успешно решает проблемы, у него нашлось мало сторонников, так как многие последствия этой позиции

[247] Chisholm R. Parts as Essential to their Wholes. // Review of Metaphysics. 1973. № 26 pp. 581–603

выглядят крайне контринтуитивными. Например, привычные для нас материальные объекты (столы, стулья и так далее) не могут пережить потерю даже одного атома и тем самым уничтожаются. Стол, прослуживший нам несколько лет, на самом деле не один объект, а множество (несколько миллиардов или триллионов) объектов, сменяющих друг друга при потере любой его части. Для разрешения этого затруднения Чизолм предложил считать, что привычные бытовые предметы на самом деле – entia successiva, то есть последовательности множества отдельных мереологических сумм. При каждой потере атома стол превращается (в строгом, философском смысле) в новый объект, но мы в повседневной жизни продолжаем считать его тем же самым и соответственно к нему относимся.

Совершенно другой подход к разрешению проблем материальной конституции сосредотачивается не на самих материальных объектах, а на понятии тождества и пересматривает свойства этого отношения. В формулировке проблем и во всех предыдущих попытках их решения подразумевалось, что отношение тождества является абсолютным, постоянным и необходимым. Невозможность тождества Статуи и Глыбы, Тибблса и Тибба опиралась также на принцип неразличимости тождественных, так как им приписывались разные модальные, темпоральные и сортальные свойства. Получается, проблем можно будет избежать, пересмотрев этот принцип или характеристики отношения тождества. Разными философами было выдвинуто три варианта этой стратегии: а) тождество – контингентное отношение, б) тождество никогда не является абсолютным, но всегда относительным, в зависимости от вида, к которому принадлежит объект, в) тождество может быть временным отношением. Рассмотрим эти варианты подробнее.

Тезис о контингентном тождестве был выдвинут Аланом Гиббардом[248], который утверждал, что два объекта могут быть тождественными в нашем мире, но в одном из других возможных миров быть отличными друг от друга.

(КТ) Контингентность тождества $\exists x \exists y[(x = y) \,\&\, (\Diamond x \neq y)]$

Как кажется, подобная не необходимость тождества нарушает принцип неразличимости тождественных, из которого следует, что

[248] Gibbard A. Contingent Identity. // Journal of Philosophical Logic. 1975. №4 pp. 187–221

если объекты тождественны, то они тождественны с необходимостью. Это можно увидеть из следующего аргумента. Предположим, что a тождественно b.

1. a=b.
2. Любой объект с необходимостью самотождественен.
3. a обладает свойством «быть необходимо тождественным с a» (то есть самотождественным).
4. b обладает свойством «быть необходимо тождественным с b» (то есть самотождественным).
5. $(\forall x)\ (\forall y)\ (\forall F)\ [x = y \rightarrow (F(x) \leftrightarrow F(y))]$.
6. a обладает свойством «быть необходимо тождественным с b».
7. b обладает свойством «быть необходимо тождественным с a».
8. $\Box(a=b)$.

Кроме того, необходимость тождества следует из теории имен собственных Сола Крипке[249]. Согласно его теории, имена собственные являются жесткими десигнаторами, то есть ссылаются на одни и те же объекты во всех возможных мирах, в которых эти объекты существуют. Если в нашем мире имена ссылаются на один объект (a=b), то они будут ссылаться на этот же объект во всех возможных мирах, то есть a=b с необходимостью.

Получается, что если принцип неразличимости тождественныхверен, то тезис КТ ложен. Но Гиббард стремился показать, что могут существовать контингентные тождества, не подпадающие под этот аргумент. Для этой цели он немного модифицирует пример со статуей и глыбой бронзы. В его примере Статуя и Глыба в нашем мире полностью совпадают во все время своего существования. Мы, например, можем предположить, что верхняя и нижняя половина статуи были отлиты по отдельности, а затем соединены вместе. Таким образом Статуя и Глыба возникли одновременно. После некоторого времени статуя была распилена на несколько кусков, что положило одновременный конец существованию и Статуи, и Глыбы. В таком случае, по мнению Гиббарда, Статуя и Глыба явно тождественны. Они полностью совпадают во все время своего существования. Как

[249] Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge MA, Harvard University Press, 1980 pp. 3-4

пишет Гиббард: «они имеют одну и ту же форму, местоположение, цвет и так далее в каждый момент своей истории; все, что произошло с одним, произошло и с другим; актом, который уничтожил одного, был уничтожен и другой»[250]. Тем не менее их тождество контингентно. В одном из возможных миров скульптор решает переплавить статую в бесформенную глыбу (как это и было в изначальном примере) – в этом мире, утверждает Гиббард, Статуя и Глыба не тождественны. Сторонники ортодоксального взгляда сразу же заметят, что и в актуальном мире свойства Статуи и Глыбы не совпадают полностью. Хотя они и разделяют все внутренние (intrinsic) и темпоральные свойства, их модальные свойства отличны. Глыба имеет свойство *быть способным пережить переплавку*, а Статуя – нет. В этот момент Гиббард и предлагает свое главное новшество. По его мнению, объекты не обладают модальными свойствами (*быть способным пережить переплавку* или *быть самотождественным*, которое используется в аргументе, доказывающем необходимость любого тождества) просто так, но всегда в зависимости от вида, к которому они принадлежат. Имена собственные функционируют в модальных контекстах не так, как представлял это Крипке, а тоже в зависимости от видовой принадлежности объекта. Имя «Статуя» ссылается не на один и тот же объект во всех возможных мирах, а на одну и ту же статую. Получается, что, хотя «Статуя» и «Глыба» ссылаются на один объект в актуальном мире, в возможном мире, где статуя не тождественна глыбе, эти имена могут ссылаться на разные объекты, так как в том мире те же самые «Статуя» и «Глыба» не один и тот же объект. Таким образом тождество может быть контингентным.

Были предложены и другие способы изменить свойства тождества для устранения проблем материальной конституции. Один из них – провести разграничение между строгим нумерическим тождеством и тождеством врeменным. В первом смысле статуя и глыба, Тибблс и Тибб действительно друг другу не тождественны. Но во втором смысле они будут тождественны в те периоды времени, когда они полностью совпадают. После потери хвоста Тибблс временно тождественен Тиббу, хотя в строгом смысле они друг от друга отличны. Такое понимание тождества было предложено Джорджем Миро[251] и Андрэ Галуа[252], хотя многие философы выдвинули возражения

[250] Gibbard A. Contingent identity // Journal of Philosophical Logic. 1975. №4 (2). p. 191
[251] Myro G. Time and essence. // Midwest Studies in Philosophy. 1986. № 11 (1) pp. 331–41
[252] Gallois A. Occasions of Identity Oxford, Oxford University Press, 1998

против их позиции.

Другой подход базируется на работах Питера Гича[253]. Этот философ отверг принцип неразличимости тождественных, так как, по его мнению, отношения тождества вообще не существует. Есть лишь тождество по отношению к виду объекта. Тождество не является простым отношением, выражаемым формулой a=b, которая в таком виде неполна. Она должна быть дополнена сортальным термином, по отношению к которому будет утверждаться тождество. X то же самое F, что и Y ($x =_F y$), но X не то же самое G, что и Y ($\sim x =_G y$), где F и G – сортальные термины, выражающие принадлежность к какому-либо виду. Эти два утверждения можно объединить, не впадая при этом в противоречие:

(ОТ) Относительное тождество: ◊ (x и y одно и то же F, но разные G).

С точки зрения сторонников данной позиции (релятивистов), традиционные проблемы материальной конституции сформулированы неправильно. Не имеет смысла утверждать или отрицать простое тождество Статуи и Глыбы, Тибблса и Тибба. Если же мы будем утверждать их относительное тождество – проблемы исчезнут. Статуя и Глыба обладают разными темпоральными и модальными свойствами в момент своего совпадения, так как Статуя является в период между t_2 и t_3 той же самой статуей, что и Глыба (в этот период Глыба отлита в форму статуи), но не той же самой глыбой бронзы. Подобным образом Тибблс (после потери хвоста) и Тибб – один и тот же кот, но разные индивиды. Впрочем, большинство философов не поддержало релятивистов, предпочитая то или иное из вышеописанных решений.

Наряду со всеми рассмотренными нами подходами есть еще одна группа решений, опирающихся на одну из теорий пребывания объектов во времени – 4-дименсионализм, в соответствии с которым материальные объекты четырехмерны: они протяжены во времени так же, как и в пространстве и имеют временные части наряду с пространственными. Эта теория и ее решение проблем конституции будет подробно рассмотрена в главе 16.

[253] Geach P. Identity. // Review of Metaphysics. 1967. № 21 pp. 3–12

Список литературы

1. Baker L. R. Persons and Bodies: a Constitution View. Cambridge, Cambridge University Press, 2000.
2. Gibbard A. Contingent Identity. // Journal of Philosophical Logic 1975 № 4 pp. 187–221.
3. Korman D. Objects: Nothing Out of the Ordinary. Oxford, Oxford University Press, 2015.
4. Korman, Daniel Z., "Ordinary Objects", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2020 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/ordinary-objects/.
5. Markosian N. Brutal Composition. // Philosophical Studies. 1998. № 92 (3). pp. 211–249.
6. Merricks T. Objects and Persons. Oxford, Oxford University Press, 2001.
7. Rea M. (ed.) Material Constitution: A Reader. Oxford, Rowman & Littlefield, 1997.
8. Unger P. There Are No Ordinary Things. // Synthese. 1979. № 41. pp. 117–154.
9. Van Inwagen P. Material Beings. Ithaca, Cornell University Press, 1990.
10. Wallace M. Composition as Identity, parts I and II. Philosophy Compass. 2011 № 6 (11) pp.804–827.
11. Wasserman, Ryan, "Material Constitution", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2021 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/fall2021/entries/material-constitution/.

Глава 15. Время

Начало современным дискуссиям о времени, ведущимся в аналитической метафизике, положила статья Мак-Таггатра 1908 года «Нереальность времени» («The Unreality of Time»). Значительная часть современной научной литературы в данном разделе метафизики имеет дело с проблемами и аргументами, затронутыми в этой статье.

Как следует из названия, Мак-Таггарт отстаивает позицию, утверждающую нереальность времени (время – всего лишь иллюзия) и приводит аргументы в пользу этой позиции. Мы сначала дадим формулировку основного аргумента, а затем рассмотрим более подробно каждую из его посылок. Аргумент Мак-Таггарта можно сформулировать следующим образом:

1. Если время существует, то изменения должны происходить.
2. Если изменения происходят, то позиции во времени (то есть моменты времени) должны образовывать некую конкретную последовательность, а именно А-последовательность.

3. А-последовательность внутренне противоречива, и поэтому моменты не могут сформировать такую серию.

4. Следовательно, время не существует.

Первая посылка утверждает, что наличие изменений – необходимое условие реальности времени. В своей статье Мак-Таггарт пишет так: «Я полагаю, что все согласятся с тем, что время предполагает изменение. Отдельная вещь, в самом деле, может существовать неизменной сквозь любое количество времени. Но когда мы зададимся вопросом, что мы имеем в виду, говоря о том, что существуют различные моменты времени или определенная протяженность времени, сквозь которое вещь была той же самой, мы обнаружим, что она осталась той же самой, в то время как прочие вещи изменились. Вселенная, в которой ничто не меняется (включая мысли разумных существ в ней), будет вселенной без времени»[254].

Кажется очевидным, что для Мак-Таггарта изменение – это то, что происходит с конкретными объектами: столами, стульями, кошками и так далее. Именно такие изменения и предполагают наличие времени. В таком случае мы можем сформулировать принцип изменения так:

(ПИ1) Принцип изменения 1: необходимо, если время существует, то некоторый объект претерпевает изменение.

Но изменяться объект может только теряя или приобретая какие-либо свойства, и тогда принцип можно переформулировать таким образом:

(ПИ2) Принцип изменения 2: необходимо, если время существует, то для некоторого объекта x, x обладает свойством F в момент времени t_1 и не обладает свойством F в момент времени t_2.

Однако такая интерпретация Мак-Таггарта ошибочна, как видно из его реакции на теорию изменения Бертрана Рассела. По мнению Бертрана Рассела, изменения происходят всякий раз, когда пропозиция вида «во время t_1 a является F» истинна, а пропозиция вида «во время t_2 a является F» ложна, то есть он придерживался (ПИ2). Но

[254] МакТаггарт Дж. Э. Нереальность времени // Эпистемология и философия науки 2019. Т. 56. № 2. С. 213

Мак-Таггарт решительно отверг подобную позицию. «Следует заметить, что мистер Рассел ищет изменение не в событиях временной последовательности (events in the time-series), но в вещи (entity), с которой эти события случаются или состояниями которой они являются. Если моя кочерга, например, является горячей в определенный понедельник, но ни до, ни после этого, событие, состоящее в том, что кочерга является горячей, не изменяется. Но кочерга изменяется, поскольку есть время, когда это событие случается с ней и время, когда оно с ней не случается. Но это не приводит к изменениям в качествах кочерги. Кочерге всегда присуще свойство являться горячей в определенный понедельник. Кочерге также присуще свойство не являться горячей в любое другое время. Оба этих качества присущи кочерге в любое время – в то время, когда она горяча и в то время, когда она холодна. И поэтому кажется ошибочным говорить о каком бы то ни было изменении в кочерге»[255]. Из этой цитаты становится ясным, что для Мак-Таггарта изменение – это то, что происходит с событиями, но не с вещами. Поэтому принцип изменения, которого Мак-Таггарт придерживался, следует сформулировать таким образом:

(ПИ3) Принцип изменения 3: необходимо, если время существует, то некоторое событие претерпевает изменение.

Когда Мак-Таггарт говорит, что вселенная без изменений была бы вселенной без времени, он подразумевает вселенную статичную в отношении событий, такую, где события не изменяют своих свойств и отношений, хотя в такой вселенной объекты могут меняться по гипотетическому временн**о**му измерению. Однако такое временное измерение не будет подлинным временем, так как изменения в событиях будут отсутствовать.

Но что же из себя представляют для Мак-Таггарта события и какие именно изменения в их свойствах и отношениях возможны? Событие для него – это содержимое (content) позиции во времени (position in time), то есть момента. При этом Мак-Таггарт колеблется по вопросу о тождестве событий и моментов, но они остаются тесно взаимосвязанными – отношение между событием и моментом, в который оно происходит, не изменяется. Под этим подразумевается, что отношение меду событием и моментом зафиксировано навечно и не

---

[255] McTaggart J. M. E. The Nature of Existence Vol. II. Cambridge, Cambridge University Press, 1927 pp. 14-15

изменяется с течением времени: если во время t событие e является содержанием момента m, то и во все остальные времена оно будет содержанием этого момента.

Во второй посылке Мак-Таггарт раскрывает нам свое понимание того, какие именно изменения возможны в свойствах событий. Для этого он проводит различие между A последовательностью и B последовательностью. Моменты времени расположены в B последовательности, если они упорядочены отношениями «*раньше, чем*» и «*позже, чем*». Каждый момент в такой серии либо раньше, либо позже любого другого на некоторое определенное количество времени, причем это отношение зафиксировано раз и навсегда. Поскольку же события являются содержанием моментов времени, то и отношения между ними фиксированы и неизменны, из чего следует неизменность B-свойств событий. Например, событие Полтавской битвы обладает B-свойством *произойти на 152 года раньше отмены крепостного права в России*. Это свойство не изменяется со временем, событие Полтавской битвы всегда обладало, обладает и будет обладать этим свойством. Поэтому Мак-Таггарт утверждает, что изменения в свойствах событий не могут быть изменениями их B-свойств.

Моменты времени расположены в A последовательности, если они упорядочены в терминах прошлого, будущего и настоящего. Каждый момент в такой последовательности является либо настоящим, либо отстоит от настоящего на определенное количество времени в прошлое или будущее. В этой серии положение моментов и соответствующих им событий не является неизменным. В момент написания этой главы событие Полтавской битвы находится на 312 лет в прошлом, но через сто лет оно будет находится на 412 лет в прошлом. Соответственно A-свойства событий не фиксированы и изменяются со временем. Сейчас событие Полтавской битвы обладает свойством *находиться на 312 лет в прошлом*. Через год оно это свойство утратит и приобретет другое свойство – *находиться на 313 лет в прошлом*. В таком случае изменения в свойствах событий могут быть изменениями в их A-свойствах, что и нужно для аргумента Мак-Таггарта. Мак-Таггарт идет дальше и утверждает, что изменения в A-свойствах единственные, которые вообще могут случаться с событиями. Все остальные их свойства так или иначе привязаны к B-свойствам и остаются неизменными с течением времени, поэтому единственная возможность изменения для события – стать из будущего настоящим или из настоящего прошлым (а также из более отдаленно

будущего стать менее отдаленным и так далее). Отсюда и выводится вторая посылка аргумента: если изменения происходят, то позиции во времени, то есть моменты времени, должны образовывать некую конкретную последовательность, а именно А-последовательность.

Третья посылка утверждает внутреннюю противоречивость А-серии. Для доказательства противоречивости Мак-Таггарт прежде всего замечает, что каждое из событий должно обладать тем или иным из следующих свойств: *быть прошлым*, *быть настоящим* или *быть будущим*. Далее он утверждает несовместимость этих свойств друг с другом – ни одно из событий не может обладать всеми тремя. То, что событие настоящее, подразумевает, что оно не есть прошлое или будущее. Если событие обладает всеми тремя свойствами, никакого подлинного изменения в этих свойствах быть не может, а значит не существует А последовательности и нет никакого изменения, а вместе с ним нет и времени. Мак-Таггарт утверждает, что события все-таки обладают всеми тремя свойствами: «Если М есть прошлое, то оно было настоящим и будущим. Если оно будущее, то оно будет настоящим и прошлым. Если оно настоящее, то оно было будущим и будет прошлым. Таким образом, все три несовместимых термина можно приписать каждому событию, что, очевидно, противоречит их несовместимости и тому, что изменение зависит от них»[256].

Уже упоминавшееся событие Полтавской битвы является прошлым, но оно было (в 1709) настоящим, а также (до 1709) будущим, то есть оно обладает всеми тремя несовместимыми свойствами. Это противоречие делает невозможным существование А последовательности, что и дает нам третью посылку аргумента. Может показаться, что Мак-Таггарт совершает здесь легко заметную и нелепую ошибку: любое событие обладает этими свойствами не одновременно, а последовательно. Событие или есть настоящее, было будущим и будет прошлым, или есть прошлое и было настоящим и будущим, или есть будущее и будет настоящим и прошлым. Но ни одно событие не есть, было и будет настоящим (или прошлым или будущим). Мак-Таггарт прекрасно осведомлен об этом возражении и отвечает на него следующим образом. Возражение утверждает, что каждое из событий обладает этими свойствами последовательно, но нам нужно в таком случае охарактеризовать эту последовательность в А терминах (только так мы можем утверждать, что наша

[256] МакТаггарт Дж. Э. Нереальность времени // Эпистемология и философия науки 2019. Т. 56. № 2. С. 222

последовательность является А последовательностью и сохранить реальность изменений и самого времени). Мы можем сказать, что событие, являющееся будущим в настоящем моменте времени, является настоящим в будущем моменте времени и является прошлым в более отдаленном будущем моменте времени. Но сами моменты тоже участвуют в течении времени: каждый момент, подобно событию, является будущим, настоящим и прошлым. Снова, мы можем попытаться избежать противоречия, утверждая, что моменты обладают этими свойствами не одновременно, а последовательно, и вновь нам нужно будет охарактеризовать эту последовательность в А терминах: момент, являющийся будущим в настоящем моменте времени, является настоящим в будущем моменте времени и является прошлым в более отдаленном будущем моменте времени. Очевидно, что перед нами бесконечный регресс, который доказывает противоречивость и несостоятельность возражения, а значит наш вывод остается в силе, А последовательность внутренне противоречива.

Аргумент Мак-Таггарта приобрел широкую известность и стал отправной точкой для многих дебатов в современной метафизике времени. Тем не менее подавляющее большинство философов не согласны с заключением аргумента и убеждены в реальности времени, поэтому они вынуждены отвергнуть ту или иную из посылок. Философские теории в метафизике времени можно разделить по двум основаниям на несколько категорий, причем одна теория может принадлежать нескольким категориям: в зависимости от признания/непризнания существования времен помимо настоящего, теории можно разделить на презентизм, этернализм и теории растущего блока; в зависимости от признания/непризнания существования привилегированной позиции во времени теории можно разделить на А-теории и В-теории. Мы рассмотрим каждую из них более подробно, начав с деления на А и В теории.

Все мы непосредственно воспринимает течение времени: мы воспринимаем как проходят секунды, минуты, часы. Дни, недели, месяцы и годы сменяют друг друга. Время представляется нам рекой, потоком, который никогда не останавливается. Но насколько наше восприятие соответствует действительности? Сторонники А-теории (или группы А-теорий) времени считают наше восприятие правильным, для них время обладает поистине динамической природой. Противоположный взгляд, согласно которому все разговоры о потоке времени, его движении носят лишь метафорический характер, а наши представления о нем иллюзорны, получил название В-теории

времени. Для его сторонников время является статичным. Из этого следует, что для А-теории существует привилегированное положение в потоке времени (настоящий момент), а для В-теории такой позиции нет.

Но прежде, чем говорить об этих двух разновидностях теорий, нам необходимо дать определение трем онтологическим теориям, предлагающим разные взгляды на реальность прошлого, настоящего и будущего.

(ПР) Презентизм (Presentism): только настоящее существует (прошлое и будущее нереальны).

(ЭТ) Этернализм (Eternalism): прошлое, настоящее и будущее в равной мере реальны.

(РБ) Теория растущего блока (growing block view): только прошлое и настоящее реальны (будущее не существует).

Между этими теориями и рассматриваемыми нами (А и В теориями) существует тесная взаимосвязь. Например, В-теория подразумевает этернализм, все ее сторонники этерналисты. А-теория в принципе совместима с любым онтологическим взглядом и, путем комбинирования каждого из них с динамическим представлением о времени, мы получим несколько ее разновидностей.

Теория движущегося прожектора (moving spotlight view), наиболее известным сторонником которой является Росс Кэмерон[257]: эта версия А-теории совмещает динамический взгляд на время с этернализмом. Согласно этой теории, моменты времени упорядочены в В-последовательность и состоят в навечно зафиксированных отношениях *раньше, чем* и *позже, чем* друг с другом. Но, кроме этого, существует привилегированный момент времени – настоящее, причем все моменты состоящие с ним в отношении *раньше, чем* являются прошлым, а в отношении *позже, чем* – будущим. Вместе с течением времени изменяется и то, какой именно момент является привилегированным, то есть настоящее движется по В последовательности моментов, освещая один момент за другим подобно прожектору; эти моменты последовательно приобретают и теряют свойство *быть*

[257] Cameron R. The Moving Spotlight: An Essay on Time and Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2015

настоящим. Из этого следует, что все А-свойства (*быть настоящим*, *быть прошлым*, *быть будущим*) являются подлинными.

Теория чистого становления (pure becoming view), сторонником которой является Ч. Д. Броуд[258]: существует две разновидности данной теории. Первая из них совмещает А-теорию и презентизм: не существует таких А-свойств как *быть прошлым* и *быть будущим*; новые положения дел, события постоянно возникают, заменяя прежние в качестве единственно реально существующих. Вторая разновидность соединяет А-теорию и теорию растущего блока: *быть прошлым* и *быть настоящим* являются инстанцированными свойствами, а *быть будущим* – нет; новые положения дел и события постоянно возникают, но не заменяют предыдущие, а присоединяются к ним.

Теории движущегося прожектора и чистого становления являются онтологическими, но существует еще одна разновидность А-теории, которая сосредотачивается главным образом на отношении языка и реальности. Она получила название тенсизм (tensism). Согласно этой теории, к сторонникам которой принадлежит Питер Ладлоу[259], овремененные (tensed) факты, а также истины и языковые выражения несводимы к неовремененным. Многие предложения, используемые нами, содержат временн**ы**е индексальные выражения (temporal indexicals) – сейчас, завтра, в прошлом году и так далее. Мы говорим, например, «Сейчас жарко, но вчера было холодно». Тенсизм воспринимает эти факты всерьез и утверждает, что, поскольку есть временные выражения, неустранимые из нашего языка, сами факты и положения дел должны быть овремененными (tensed). Prima facie тенсизм совместим с любой из онтологических теорий.

В-теория отвергает все только что рассмотренные варианты А-теории и утверждает, что время в нашем мире имеет структуру В последовательности, в которой все моменты одинаково реальны. Из этого следует, что А-свойства (*быть настоящим*, *быть прошлым* и *быть будущим*) не являются фундаментальными и могут быть редуцированы к отношениям В-теории – *быть раньше, чем* и *быть позже, чем*.

Рассмотрим все эти теории более подробно, начав с теории движущегося прожектора. Именно эта теория должна быть истинной по представлению Мак-Таггарта, если время реально существует. Моменты времени упорядочены как в А, так и в В

---

[258] Broad C. D. Scientific Thought. London, Kegan Paul, Trench, Tubner, 1923 pp. 53-85
[259] Ludlow P. Tensism. // Jaszczolt K., de Saussure L. (eds.) Time: Language, Cognition & Reality. Oxford, Oxford University Press, 2013 pp. 175-193

последовательность таким образом, что моменты один за другим приобретают и теряют свойство *быть настоящим* с течением времени. Одно из главнейших достоинств теории заключено в той легкости, с которой она может объяснить воспринимаемое нами течение времени. Почему нам кажется, что время течет? Потому что оно течет на самом деле, независимо от нас. То, что дано нам в опыте – это движение объективно существующего настоящего момента вдоль B последовательности. Тем не менее теория не считает настоящее некоей независимой вещью, движущейся вдоль этой последовательности: движение происходит благодаря тому, что моменты приобретают и теряют одно и тоже свойство (свойство *быть настоящим*). Несмотря на такую интуитивную привлекательность и соответствие нашему опыту, теория движущегося прожектора имеет мало сторонников из-за двух серьезных проблем.

Первая проблема получила название проблемы гипервремени (hypertime problem). Все изменения происходят во времени и требуют некоторого времени чтобы произойти. Поэтому, если происходит изменение в отношении того, какой именно из моментов B последовательности обладает свойством *быть настоящим*, то должно существовать некое время второго порядка или гипервремя, в котором будет происходить это изменение. Но кажется, что будет существовать изменение и в отношении того, какой из моментов гипервремени является настоящим. Тогда для этого потребуется время третьего порядка – гипер-гипервремя. Перед нами встает угроза бесконечного регресса времен все более высокого порядка. Такая бесконечная иерархия времен абсурдна и не может существовать. Тем не менее данная проблема не доказывает внутренней противоречивости теории движущегося прожектора, она лишь вынуждает ее сторонников принять на себя неприятные онтологические обязательства – существование бесконечной иерархии времен. Впрочем, по мнению некоторых сторонников теории, например, Джона Данна[260], эти обязательства не являются чем-то необычным и неприемлемым, так как многие вполне респектабельные метафизические теории имеют подобные обязательства. Возьмем, например, реалистическую теорию универсалий (см. главу 2). Конкретные объекты, согласно этой теории, обладают свойствами, которые являются универсалиями. Но сами универсалии, в свою очередь, тоже могут обладать свойствами, универсалиями второго порядка, которые, в свою очередь, имеют свойства –

[260] Dunne J. An Experiment with Time. London, A&C Black, 1929

универсалии третьего порядка и так далее до бесконечности. Реалисты утверждают, что такая иерархия не недостаток их теории, а просто одна из черт нашей реальности; так уж устроен мир. Тем более что такое онтологическое обязательство не увеличивает число видов вещей, но лишь число вещей одного и того же вида (число универсалий, которые все принадлежат к одной онтологической категории). Другие сторонники теории утверждают, что бесконечная иерархия времен не нужна, достаточно лишь двух – обычного и гипервремени. Джордж Шлезингер писал, что моменты времени первого порядка изменяют свою позицию по отношению к моментам времени второго порядка, а моменты времени второго порядка изменяют позицию относительно моментов первого порядка. Два времени изменяются по отношению друг к другу, и нам не нужно третьего и всех последующих времен[261].

Вторая проблема для теории движущегося прожектора связана с вопросом о скорости течения времени. Если что-либо изменяется, то вопрос о скорости этого изменения должен быть осмысленным, то есть изменение должно иметь определенную скорость. Рассмотрим, например, обычное пространственное перемещение. Когда мы говорим, что объект движется со скоростью 50 км/ч, мы подразумеваем определенное соотношение между пройденным путем и временем, которые выражены в некоторых единицах измерения. Но в теории движущегося прожектора изменение в свойствах моментов (свойстве *быть настоящим*) не является пространственным перемещением, и его скорость не может быть выражена как соотношение пройденного пути и времени. Но как вообще ее можно определить, в каких единицах измерения? На первый взгляд, скорость течения времени должна быть выражена как столько-то единиц времени в единицу времени. Но что это может означать? И какая именно скорость будет у времени? В принципе, эту проблему можно решить подобно первой, обратившись к понятию гипервремени. В таком случае скорость будет выражена как столько-то единиц времени первого порядка в единицу времени второго порядка. Тем не менее некоторые философы утверждают, что можно решить проблему без обращения к гипервремени. Один из таких философов – Нед Маркозиан пишет: «во всех разговорах о скорости изменения фигурирует сравнение между двумя изменениями. Когда мы говорим, например, что автомобиль движется со скоростью 30 миль/ч, под этим имеется в виду,

[261] Schlesinger G. N. Aspects of Time. Indianapolis, Hackett Publishing, 1980, pp. 30-32

что автомобиль претерпевает изменение в своем пространственном положении на 30 миль, в то время как момент времени претерпевает изменение в своем временн**о**м положении [in its temporal position] на 1 час. Но не существует ограничений на то, какие виды изменений можно сравнивать, и мы можем даже сравнивать изменения во времени с изменениями во времени. Поэтому не является бессмысленным спрашивать, как быстро течет время, но вопрос допускает только тривиальный ответ…время течет со скоростью одна единица времени в одну единицу времени»[262]. Тим Модлин также пишет, что время течет со скоростью одна единица времени в одну единицу времени, только он обосновывает это тем, что такое утверждение является необходимой априорной истиной. Многие философы не удовлетворены таким решением проблемы. По их мнению, такая скорость, как одна единица времени в одну единицу времени, просто невозможна, что показывает следующий аргумент, среди сторонников которого Питер ван Инваген[263] и Эрик Олсон[264]:

1. Если время течет, то время должно течь со скоростью одна единица в одну единицу (например, одна секунда в секунду).
2. Не существует скорости одна секунда в секунду (это будет просто число).
3. Следовательно, время не предполагает никакого буквального течения или движения.

Вторая посылка аргумента подкрепляется следующим простым рассуждением: «одна секунда в секунду» означает «одна секунда, разделенная на одну секунду», но разделив одну секунду на одну секунду, мы получим просто число один, которое не является скоростью. Впрочем, противники аргумента утверждают, что со скоростью нельзя обращаться как с обычной дробью и делить числитель на знаменатель.

Третья проблема для теории движущегося прожектора получила название эпистемической. Согласно данной теории, все времена существуют, но только один момент объективно является настоящим. В любом из моментов, в котором существует сознающий себя субъект, он будет полагать (подобно нам), что существует в объективном

---

[262] Markosian N. How Fast Does Time Pass? // Philosophy and Phenomenological Research. 1993. №53 (4). pp. 842-3
[263] van Inwagen P. Metaphysics. Boulder, Westview Press, 2002 p. 59
[264] Olson E. The Rate of Time's Passage. // Analysis. 2009. № 69 pp. 3–8

настоящем, но подавляющее большинство субъектов будет ошибаться, так как только один момент объективно настоящий. Поэтому существует высокая вероятность, что мы также ошибаемся в этом вопросе: вполне возможно, что объективное настоящее находится в 15000 году или в 330 году до н. э., а мы живем в объективном прошлом или будущем. Но такой вывод абсурден и, следовательно, теория движущегося прожектора ложна. Эту проблему сформулировали для теории растущего блока Крэйг Борн[265] и Дэвид Брэддон-Митчелл[266], а Тед Сайдер[267] показал, что она стоит и перед теорией движущегося прожектора. В философской литературе было предложено несколько вариантов решения, один из которых мы опишем более подробно после рассмотрения теории чистого становления, так как проблема касается и ее.

Согласно теории чистого становления вселенная в целом пребывает в состоянии постоянного изменения: с течением времени возникают новые события. Разные версии теории расходятся по вопросу о том, что происходит с событиями, которые становятся прошлыми – согласно презентизму, прошлые события вообще перестают существовать, а согласно теории растущего блока, они продолжают свое существование. Обе версии сходятся на существовании объективного настоящего момента и несуществовании будущих моментов. Главное достоинство теории (как и предыдущей теории движущегося прожектора) заключено в ее соответствии нашему опыту – воспринимаемое нами движение времени действительно происходит, так как постоянно возникают из небытия и становятся настоящими новые события. Мы как раз находимся в этой точке возникновения нового, то есть в настоящем моменте. Теория чистого становления также может с легкостью объяснить направление движения времени: оно совпадает с порядком возникновения объектов, находящихся во времени.

Одна из разновидностей рассматриваемой теории, теория растущего блока, обладает еще одним, дополнительным преимуществом – она способна объяснить интуитивно принимаемое нами убеждение об асимметрии между будущим и прошлым. Будущее кажется нам открытым, не фиксированным, на него можно повлиять, а прошлое неизменным и фиксированным. Это легко можно объяснить в рамках

---

[265] Bourne C. When am I? A Tense Time for Some Tense Theorists? // Australasian Journal of Philosophy. 2002. № 80 pp. 359–371

[266] Braddon-Mitchell D. How Do We Know it is Now Now? // Analysis. 2004. № 64 pp. 199–203

[267] Sider T. Writing the Book of the World. Oxford, Oxford University Press, 2011 p. 261

теории растущего блока тем, что прошлое существует, а будущее нет, и мы можем повлиять на то, каким оно будет. Тем не менее данная теория уязвима перед эпистемической проблемой: если прошлое не менее реально, чем настоящее и содержит мыслящие существа, для которых оно кажется настоящим, откуда мы знаем, что живем в настоящем, а не прошлом? Питер Форрест[268] предложил следующее решение проблемы, названное Гипотезой Мертвого Прошлого (Dead Past Hypothesis). По его мнению, только те существа обладают сознанием, которые находятся на передней грани растущего блока. Поэтому прошлое содержит существа практически во всем подобные нам, но за исключением одного факта – они не обладают сознанием и не могут поэтому полагать, что находятся в настоящем (они обладали сознанием тогда, когда находились на передней грани временного блока). Если мы примем гипотезу Форреста, то перед нами встанет проблема факторов истинности (см. главу 1) для утверждений, приписывающих сознание людям прошлого. Например, предложение «Юлий Цезарь обладает сознанием» ложно, так как Юлий Цезарь сейчас не существует и сознанием обладать не может. Утверждение же «Юлий Цезарь обладал сознанием» истинно, но что может делать его истинным, кроме самого прошлого Цезаря? Здесь и возникает проблема: согласно гипотезе Форреста, прошлый Юлий Цезарь, хотя и существует, но сознанием не обладает. Подобного рода трудности встают и перед теорией презентизма, которую (вместе с возможными решениями данной проблемы) мы рассмотрим далее.

Еще одна разновидность А-теории – тенсизм – сосредотачивается на овремененных предложениях (tensed sentences) нашего языка. Что именно значат эти предложения? Каким должен быть реальный мир, чтобы эти предложения были истинными? Предложения, имеющие грамматическое время, употребляются повсеместно.

(1) Петр счастлив.
(2) Петр был счастлив.
(3) Петр будет счастлив.

Грамматическое время выражается не только с помощью глаголов в разном времени, но такими словами и фразами, как «вчера»,

[268] Forrest P. The real but dead past: A reply to Braddon-Mitchell // Analysis. 2004. № 64(4) pp. 358-362

«завтра», «три недели назад» и так далее. Если воспринимать их буквально, то предложения 1-3 выражают А-факты, то есть факты о том, как обстоят дела в настоящем времени, как они обстояли в прошлом и будут обстоять в будущем. Если эти предложения истинны, то сама реальность должна быть овремененной (tensed).

(ТЕНС) Тенсизм: для того, чтобы овремененные предложения были истинны, сама реальность должна быть, некоторым образом, овремененной.

На первый взгляд, теория касается лишь семантики, взаимоотношений между языком и миром, но она имеет и серьезные метафизические следствия. Если тенсизм истинен и овремененные факты действительно существуют, то должна существовать привилегированная позиция во времени (настоящее), в соответствии с которой эти факты имеют место. Возьмем, например, предложение «Черчилль был премьер-министром». Согласно тенсизму, оно выражает овремененный факт, *что Черчилль был премьер-министром*. Этот факт имеет место сейчас, но не имел место двести лет тому назад. Поэтому настоящее время должно быть в отношении этого факта привилегированно по отношению к прошлому. Из этого, в свою очередь, следует, что одна из изложенных ранее А-теорий времени должна быть истинной. Артур Прайор[269] комбинирует тенсизм с презентизмом, Майкл Тули[270] с теорией растущего блока, а Росс Кэмерон[271] с теорией движущегося прожектора.

Именно существование овремененных фактов стало одной из главных тем спора между А и В теориями времени. В-теоретики пытаются по-своему, без привлечения овремененных фактов, интерпретировать предложения с грамматическим временем. Существует два В подхода к их интерпретации: один из них (старая В-теория) утверждает, что овремененные предложения можно успешно перевести в неовремененные, то есть подобрать для каждого овремененного предложения синонимичное ему неовремененное. Но все попытки такого рода оказались (по общему мнению) безуспешными. Поэтому возникла так называемая новая В-теория, утверждающая, что перевод невозможен, но это не имеет никакого значения, так как факты,

---

[269] Prior A. N. Papers on Time and Tense. Oxford, Oxford University Press, 1968 pp. 1-15
[270] Tooley M. Time, Tense, and Causation. Oxford, Oxford University Press, 1997
[271] Cameron R. The Moving Spotlight: An Essay on Time and Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2015

являющиеся факторами истинности для овремененных предложений, сами являются неовремененными.

Защитники старой B-теории предлагали такой аргумент:

1. Если предложение S1 синонимично с другим предложением S2 и S2 не требует A-фактов для того, чтобы быть истинным, то не требует их и S1.
2. Неовремененные предложения не требуют существования A-фактов для того, чтобы быть истинными.
3. Для каждого овремененного предложения существует неовремененное, которое с ним синонимично.
4. Следовательно, овремененные предложения не требуют существования A-фактов для того, чтобы быть истинными.

Ключевое положение старой B-теории заключено в третьей посылке аргумента, поэтому сторонники теории пытались показать ее истинность и продемонстрировать на конкретных примерах, как можно перевести овремененные предложения в неовремененные. Существует два основных подхода к переводу предложений: первый использует дату произнесения соответствующего предложения, а второй – так называемые токен-рефлексивные (token refexive) выражения.

Первый подход (его сторонники – Бертран Рассел[272] и Готлоб Фреге[273]) утверждает, что неовремененные предложения, используемые при переводе, должны содержать указание на дату произнесения соответствующего предложения. Рассмотрим вновь три предложения (1)-(3) о Петре. Отдельные произнесения могут различаться в своих значениях истинности. Если Петр счастлив 5 октября 2021 года и несчастлив 2 ноября 2021 года, произнесение предложения (1) 5 октября 2021 будет истинным, а 2 ноября 2021 – ложным. Сторонники подхода используют данный факт и пытаются показать, что различные произнесения овремененных предложений имеют разное истинностное значение и поэтому перевод овремененных высказываний надо осуществлять с учетом темпорального контекста их произнесений. Тогда перевод предложений (1)-(3) будет выглядеть следующим образом. Для начала предположим, что предложения (1)-(3) были

[272] Russell B. An Inquiry into Meaning and Truth. London, George Allen & Unwin, 1940 pp. 108-116
[273] Frege G. The Thought: A Logical Inquiry // Mind. 1956. №65 pp. 289–311

произнесены Павлом 5 октября 2021 года в 13.00. В этом случае предлагаемый перевод будет таким:

(1*) Петр счастлив 5 октября 2021 года в 13.00.
(2*) Петр счастлив в некоторое время раньше, чем 5 октября 2021 года в 13.00.
(3*) Петр счастлив в некоторое время позже, чем 5 октября 2021 года в 13.00.

Павел мог произнести предложения (1*)-(3*) вместо (1)-(3), но сказал бы он то же самое, так как эти предложения синонимичны. Поскольку предложения (1*)-(3*) не содержат никаких А-свойств, а только В-свойства *раньше, чем* и *позже, чем*, мы получаем успешный перевод, требуемый третьей посылкой аргумента.

Однако, несмотря на кажущуюся убедительность, данный подход был отвергнут большинством философов, которые посчитали, что предложения на самом деле не являются синонимичными. Чтобы убедиться в этом рассмотрим предложения (1) и (1*):

(1) Петр счастлив.
(1*) Петр счастлив 5 октября 2021 года в 13.00.

Согласно старой В-теории (в ее первой разновидности) Павел мог произнести оба этих предложения 5 октября 2021 в 13.00 для выражения одного и того же смысла. Предположим, вы услышали, как Павел произносит в то время предложение (1) и узнали, что это предложение истинно. Теперь зададимся вопросом: можете ли вы из этой информации понять, что предложение (1*) тоже истинно. Ответом будет – нет, не можете, по той простой причине, что вы можете не знать время и дату произнесения предложения (1) Павлом (в тот день, например, вы просто забыли какое тогда было число). По этой же причине, услышав предложение (1*) вы не сможете из его истинности вывести истинность предложения (1). Кроме того, в случае незнания вами даты произнесения предложений, только на основании предложения (1) вы можете, например, принять решение зайти в гости к Петру, зная, что он счастлив и будет в хорошем настроении. Поэтому предложения (1) и (1*) не могут выражать одно и то же, то есть они не являются синонимами.

Сторонники старой В-теории предложили и другие варианты перевода. Один из этих вариантов (его сторонниками были Ханс

Райхенбах[274] и Джон Смарт[275]) использует токен-рефлексивные выражения. Как и в предыдущем варианте теории предлагается переводить не сами предложения, а их произнесения. Согласно этому подходу, произнесение выражения «сейчас», сделанное в некоторый конкретный момент времени, можно перевести как «одновременно с этим произнесением». Перевод предложения (1), произнесенного в какой-либо конкретный момент, будет выглядеть так:

(1**) Петр счастлив одновременно с данным произнесением.

Выражение «одновременно» совершенно приемлемо с точки зрения B-теории, а значит перевод успешно устраняет проблематичное «сейчас». Тем не менее данная попытка перевода также неуспешна с точки зрения подавляющего большинства философов. По мнению Квентина Смита,[276] некоторые подобные переводы внутренне противоречивы, в отличие от непереведенных высказываний, а значит они не могут быть синонимичны. Мы можем мысленно произнести утверждение «Я ничего не произношу сейчас» и оно будет истинным. Но утверждение, переведенное по правилам данного варианта B-теории («Я ничего не произношу одновременно с данным произнесением»), внутренне противоречиво и не может быть истинным, а значит не является синонимом изначального утверждения.

В связи с подобной критикой старая B-теория была повсеместно признана несостоятельной и отвергнута. Приверженцы B-теории создали новый ее вариант. Они согласны с тем, что произнесения овремененных предложений не поддаются переводу в неовремененные, но утверждают, что, несмотря на это, существование овремененных фактов не требуется для истинности овремененных предложений. Одна из ранних версий новой B-теории была предложенна Дэвидом Меллором[277] в книге 1981 года «Реальное время» («Real Time»). Его позицию можно выразить с помощью такого аргумента:

1. Если произнесение t предложения S истинно, если и только если некоторые определенные обстоятельства имеют место, и эти

[274] Reichenbach H. Elements of Symbolic Logic New York, The Free Press, 1966 pp. 287-299

[275] Smart J. J. C. Philosophy and Scientific Realism. London, Routledge & Kegan Paul, 1963 pp. 131-148

[276] см. Smith Q. Language and time. Oxford, Oxford University Press, 1993 p. 79

[277] Mellor D. H. Real Time. Cambridge, Cambridge University Press, 1981 p. 5

обстоятельства можно определить в неовремененных терминах, то t не требует существования овремененных фактов для того, чтобы быть истинным.

2. Все произнесения овремененных предложений истинны, если и только если имеют место обстоятельства, которые можно определить в неовремененных терминах.

3. Ни одно из произнесений овремененных предложений не требует существования овремененных фактов для того, чтобы быть истинным.

В первой посылке идет речь об условиях истинности овремененных предложений. Именно это понятие вызвало больше всего критики: оппоненты B-теории заявили, что понятие условий истинности слишком туманно и неопределенно. По мнению Уильяма Лейна Крейга, даже если сторонники B-теории уточнят это понятие, оно не сможет выполнить возложенную на него задачу, так как условие истинности является семантическим понятием, а необходимо онтологическое: «Можно дать семантические условия, которые позволят определить для любого предложения, является ли это предложение истинным или нет, не говоря вообще ничего об онтологических фактах, которые делают предложение истинным»[278]. Из-за этих и других трудностей сторонники новой B-теории в большинстве своем отказались от термина «условия истинности» и предпочитают теперь формулировать свои аргументы в онтологических терминах. В новой редакции своей книги, названой теперь «Реальное время II», Меллор тоже переформулировал свой аргумент, использовав термин «фактор истинности» (см. главу 1). Аргумент теперь можно представить так:

1. Если произнесение t предложения S имеет фактор истинности, являющийся B-фактом, то t не требует существования овремененных фактов для того, чтобы быть истинным.

2. Все произнесения овремененных предложений имеют факторы истинности, являющиеся B-фактами.

3. Ни одно из произнесений овремененных предложений не требует существования овремененных фактов для того, чтобы быть истинным.

[278] Craig W. L. Tense and the New B-Theory of Language // Philosophy. 1996. №71. p. 22

Например, если произнесение предложения «Петр был счастлив» сделано в некоторое время t и является истинным в это время, то истинным его делает тот B-факт, что Петр был счастлив в какое-то время до t. Эта версия новой B-теории гораздо более успешна и имеет сторонников, к которым помимо Меллора относится Натан Оаклендер[279], в настоящее время, в отличие от старой B-теории.

Тем не менее существует известное возражение, создающее проблемы для любой B-теории, старой или новой. Оно было сформулировано Артуром Прайором и получило название «Слава Богу все закончилось!» («Thank goodness that's over!»). Возражение опирается на разницу в наших установках по отношению к овремененным и неовремененным фактам или пропозициям. Предположим, что человека 25 ноября 2021 года вплоть до 11.20 мучала сильная головная боль, но в этот момент она прошла. Он восклицает: «Слава Богу все закончилось!». Этот человек имеет пропозициональную установку по отношению к пропозиции *что головная боль закончилась сейчас*, причем эта установка определяется тем, что боль закончилась именно сейчас, а не вчера или завтра. У человека, как предполагает Прайор, не будет такой же установки по отношению к пропозиции *что головная боль закончилась 25 ноября 2021 года в 11.20*, несмотря на то что головная боль действительно прошла в этот момент. Из-за очевидной разницы в установках мы можем сделать вывод, что A-факты или A-пропозиции нередуцируемы к их B вариантам.

Сторонниками B-теории были предложены разные ответы на возражение Прайора. Один[280] из наиболее ранних и распространенных указывает на тот факт, что контекст пропозициональных установок является интенсиональным, то есть в нем выражения, ссылающиеся на один и тот же объект, не взаимозаменяемы. Например, человек может быть убежден, что Марк Твен – великий писатель, но не быть убежденным, что Сэмюэл Клеменс – великий писатель, хотя Твен и Клеменс – это один и тот же человек. То же самое происходит и в случае овремененных фактов и пропозиций. Несмотря на то, что пропозиция *что головная боль закончилась сейчас* содержательно эквивалентна в данном контексте пропозиции *что головная боль закончилась 25 ноября 2021 года в 11.20*, человек может иметь по отношению к ним разные установки.

---

[279] Oaklander N. The Ontology of Time. Amherst, New York, Prometheus Books, 2004 pp. 265-294

[280] Garrett B. 'Thank Goodness That's Over' Revisited. // The Philosophical Quarterly. 1988. № 38(151) pp. 201-205

Теперь мы перейдем к рассмотрению двух онтологических теорий, то есть теорий о том, что существует. Первая из них (презентизм) утверждает, что существует только настоящее, вторая (этернализм) признает также существование прошлого и будущего. Существует еще и третья теория – теория растущего блока, которая признает реальными настоящее и прошлое. Но, по мнению большинства философов, она представляет собой не слишком удачный гибрид первых двух теорий, в связи с чем она не получила широкого распространения и почти не обсуждается в философской литературе.

Прежде всего нам следует рассмотреть такой вопрос: не является ли спор между презентизмом и этернализмом лишь вербальным, не затрагивающим серьезных онтологических разногласий? Как кажется, скептик, считающий их спор лишь вербальным, может рассуждать следующим образом. Возьмем любое предложение, которое сторонники этих теорий должны оценить по-разному.

(П1) Динозавры существуют.

Презентисты будут отрицать истинность П1, а этерналисты утверждать. Тем не менее можно предположить, что презентисты и этерналисты просто вкладывают разный смысл в П1. Мало того, то, что презентисты отрицают согласно своей интерпретации, будут отрицать и этерналисты, а то, с чем согласны этерналисты в соответствии со своей интерпретацией, с тем согласятся и презентисты. Если это так, то на самом деле теории согласны друг с другом. Две упомянутые интерпретации касаются слова «существуют». Его можно интерпретировать овремененным (tensed) образом – тогда оно будет означать «существуют сейчас» и неовремененным (tenseless) образом – в таком случае оно означает «существуют сейчас, или существовали, или будут существовать». В итоге мы получим два варианта П1:

(П1*) Динозавры существуют сейчас.

(П1**) Динозавры существуют сейчас, или существовали, или будут существовать.

Презентисты, отрицая П1, понимают его как П1*, а этерналисты, утверждая П1, понимают его как П1**. Тем не менее представители обеих позиций согласятся, что П1* ложно, а П1** истинно.

Выходит, что все разногласие между ними касается того, какая из интерпретаций правильнее, а по всем существенным вопросам (о том, что реально существует, или существовало, или будет существовать) они согласны друг с другом.

Тогда сами формулировки теорий презентизма и этернализма будут или тривиально истинными или очевидно ложными.

(ПРЕЗ) Только существующие в настоящий момент объекты существуют.

Две возможные интерпретации будут такими (причем первая тривиально истинна, а вторая – ложна):

(ПРЕЗ*) Только существующие в настоящий момент объекты существуют сейчас.

(ПРЕЗ**) Только существующие в настоящий момент объекты существуют сейчас, или существовали, или будут существовать.

(ЭТЕР) Прошлые, настоящие и будущие объекты существуют.

Тут тоже возможны две интерпретации, при первой из которых этернализм ложен, а при второй – очевидно истинен.

(ЭТЕР*) Прошлые, настоящие и будущие объекты существуют сейчас.

(ЭТЕР**) Прошлые, настоящие и будущие объекты существуют сейчас, или существовали, или будут существовать.

Большинство философов, однако, не согласны с такой скептической позицией. По их мнению, возможна еще одна интерпретация смысла предложений, которая избегает выдвинутой скептиком дилеммы. Большинство согласно с тем, что у нас есть возможность говорить об абсолютно всех существующих объектах, независимо от того, где, когда и каким образом они существуют. Мы можем неограниченно квантифицировать по всему существующему. В этом случае «существовать» будет означать «существовать simpliciter», просто существовать, без каких-либо ограничений. Такой смысл слова можно

противопоставить используемым выше толкованиям, так как эти толкования используют ограниченную квантификацию: например, «существовали» имеет в виду лишь существовавшие в прошлом объекты. Предложение П1 в этой интерпретации будет выглядеть так:

(П1***) Динозавры существуют simpliciter.

Оно означает, что если мы возьмем всю реальность вообще (все существующие объекты), то динозавры окажутся среди них. Именно здесь и проявляется существенная разница между теориями презентизма и этернализма: первый отрицает П1***, а второй утверждает его истинность. Мы можем сформулировать эти теории таким образом, что становится очевидным противоречие между ними.

(ПРЕЗ***) Только существующие в настоящем объекты существуют simpliciter.

(ЭТЕР***) Прошлые, настоящие и будущие объекты существуют simpliciter.

Теперь мы рассмотрим эти теории более подробно, начав с презентизма. Поскольку он признает существование лишь настоящих (present) объектов, то для него возникает вопрос: как интерпретировать предложения, содержащие упоминание прошлых или будущих объектов? Возьмем, например, утверждение о холоднокровности динозавроы (хотя мнения биологов расходятся, мы предположим его истинность):

(П2) Все динозавры были холоднокровными.

При такой формулировке презентисты должны будут признать истинность этого предложения. Но возникает проблема его интерпретации. Если прошлые объекты не существует, то какой смысл может иметь это истинное предложение?

Для этерналистов ответ на этот вопрос не составит труда. Предложение всего лишь использует ограниченную квантификацию по прошлым объектам, для выражения которой мы можем использовать нижний индекс «$_{\text{прош}}$»:

(П2*) $\forall_{\text{прош}}$ x(Динозавр(x) → Холоднокровный(x)).

Для этерналистов из П2* естественно следует то же самое утверждение с неограниченной квантификацией:

(П3) ∀x(Динозавр(x) → Холоднокровный(x)).

Презентисты не могут согласиться ни с П2*, ни с П3 и должны найти другой ответ. В зависимости от ответа на этот вопрос их можно разделить на две группы. Первая группа использует при интерпретации примитивные временн**ы**е операторы (primitive tense operators) и их называют примитивистами или нередуктивными презентистами. Вторая группа интерпретирует предложение сходным с этерналистами образом – как квантификацию по объектам, только в данном случае это будут не прошлые, а некие абстрактные объекты. Этих философов можно назвать редуктивными презентистами или эрзацистами. Мы по очереди рассмотрим теории этих двух групп, начав с примитивистов.

Эта теория была впервые детально разработана Артуром Прайором[281]. По его мнению, все высказывания о прошлом, настоящем или будущем при правильной интерпретации используют примитивные временн**ы**е операторы. Грубо говоря, оператор — это термин, присоединяемый к высказыванию для получения нового высказывания. Если он является концептуально базовым и его нельзя определить в более фундаментальных терминах, то такой оператор называется примитивным. Существует множество разных операторов, например оператор отрицания «неверно, что» превращающий предложение в его отрицание: «Динозавры существуют» – «Неверно, что динозавры существуют». Но в данном случае нам интересны временн**ы**е операторы, используемые для указания на прошлое, настоящее или будущее: «было то, что» или «будет то, что». Согласно примитивистам, предложение П2 использует не ограниченную квантификацию по прошлым объектам (как думают этерналисты), а примитивный временной оператор «было то, что», который мы обозначим как P. В таком случае правильная интерпретация П2 будет выглядеть так:

(П2**) P ∀x(Динозавр(x) → Холоднокровный(x)).

[281] Prior A. Past, Present, and Future. Oxford, Clarendon Press, 1967

Подобным образом интерпретируются и предложения, касающиеся будущих событий и объектов. Например, для этерналистов предложение «На Марсе будут жить люди» предполагает квантификацию по вполне реальным людям – тем будущим людям, которые будут жить на Марсе (если такие люди будут существовать). Примитивисты вновь используют примитивный временной оператор, но на этот раз оператор будущего времени «будет то, что», который можно обозначить как F. В таком случае логическая форма высказывания о людях на Марсе имеет следующий вид:

F(∀x(Человек(x) → Живет_на(x, Марс))).

Другой вариант интерпретации предложений о прошлом и будущем был предложен редуктивными презентистами или эрзацистами. Их теория во многом сходна с теорией модального абстракционизма (см. главу 9), который иногда тоже называют эрзацизмом. Его сторонники стремятся избежать неприятных онтологических обязательств модального реализма, пользуясь одновременно всеми его выгодами. Поэтому они признают существование возможных миров, квантификацию по ним, но утверждают, что возможные миры – лишь абстрактные объекты, наподобие чисел и других математических объектов. Редуктивный презентизм похожим образом признает прошлое и будущее абстрактными объектами: для каждого прошлого/будущего времени существует множество (set) пропозиций, которые дают полное описание того, что в этих временах происходило или будет происходить. Эти множества пропозиций тождественны состояниям актуально мира в соответствующий момент времени. В таком случае истинная пропозиция p, утверждающая, что нечто имело место в прошлом, выражает тот факт, что p – элемент некоторого множества пропозиций, являющегося этим прошлым состоянием актуального мира. Но для временн**ы**х эрзацистов (в отличие от модальных) сразу возникает одна серьезная трудность. В модальном случае может существовать бесконечное множество абстрактных возможных миров, лишь бы соответствующие множества пропозиций были максимальными и внутренне непротиворечивыми. Но наш мир имеет только одно актуальное прошлое, и поэтому каждое из прошлых состояний должно быть тождественно только одному из большого числа возможных множеств. Эрзацисты должны придумать как отличить действительное прошлое от всех остальных возможных. Для этого они вводят специальное примитивное отношение – «раньше,

чем» (РЧ-отношение), которое упорядочивает именно те множества пропозиций, которые представляют, каким наш мир был/будет на самом деле. Среди этих множеств есть одно привилегированное, представляющее мир, каким он является в настоящий момент. Используя это примитивное отношение и множества пропозиций, эрзацисты в состоянии дать свою интерпретацию таких предложений как П2:

(П2***) Существует$_{simpliciter}$ состояние t_x и состояние t_y (то есть максимальные, непротиворечивые множества неовремененных пропозиций), такие что t_x представляет мир таким, каков он в настоящее время, t_y содержит пропозицию *что все динозавры холоднокровные* и t_y связано РЧ-отношением с t_x.

Все рассмотренные нами разновидности презентизма сталкиваются с одним серьезным возражением – проблемой факторов истинности. Она может быть сформулирована в виде простого вопроса к презентистам: что именно делает истинными овремененные предложения (пропозиции) о прошлом и будущем? Принцип факторов истинности гласит – то, что истинно сделано истинным тем, что существует$_{simpliciter}$, у него должно быть онтологическое основание. Но в случае прошлых и будущих истин найти такое основание для презентистов представляется проблематичным. Аргумент их противников можно сформулировать так (где индекс «$_{наст}$» обозначает объекты, существующие в настоящем времени):

1. То, что истинно, сделано истинным тем, что существует$_{simpliciter}$.
2. Существуют прошлые и будущие овремененные истины.
3. Прошлые и будущие овремененные истины не сделаны истинным тем, что существует$_{наст}$.
4. Презентизм утверждает, что только то, что существует$_{наст}$, существует$_{simpliciter}$.
5. Следовательно, презентизм ложен.

Особенно остро проблема факторов истинности стоит перед примитивистами, так как они, в отличие от эрзацистов, не могут воспользоваться даже абстрактными объектами в качестве факторов истинности. Были предложены разные способы решения проблемы:

некоторые примитивисты, например Т. Меррикс[282], отвергают первую посылку, то есть сам принцип факторов истинности. Другие предлагают не отвергать принцип, а внести в него изменения, чтобы сделать приемлемым для себя. Например, Андре Галлуа предложил дизъюнктивную версию принципа:

(СИ$_{д}$) То, что истинно, сделано истинным тем, что существует$_{simpliciter}$, или тем, что существовало$_{simpliciter}$, или тем, что будет существовать$_{simpliciter}$.[283]

Впрочем, большинство философов отвергает такие решения, и, по общему мнению, принцип в его изначальной формулировке является истинным. Поэтому наиболее перспективным для примитивистов будет отрицание второй посылки аргумента: прошлые и будущие временные истины все-таки сделаны истинным тем, что существует$_{наст}$. Остается только найти в настоящем времени подходящие объекты. Были предложены самые разные версии. Некоторые философы, например У. Крейг[284], предположили существование в настоящем времени примитивных, неструктурированных овремененных фактов о прошлых и будущих событиях, хотя многим такие факты кажутся слишком загадочными и странными. Джон Бигелоу[285] предложил считать таким объектом весь мир в целом, так как он существует непрерывно и может быть носителем соответствующих свойств. Фактор истинности для таких предложений как «Все динозавры были холоднокровными» или «Петр I был императором России» — это сам мир, инстанцирующий такие свойства, как *некогда быть таким, что все динозавры холоднокровные* или *некогда быть таким, что Петр I является императором России*. То есть факт прошлой холоднокровности динозавров не является примитивным и неструктурированным, а содержит в себе объект (мир) и свойство, которым этот объект обладает (*быть таким, что все динозавры холоднокровные*).

282 Merricks T. Truth and Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2007 pp. 137-142

283 см. Gallois A. Comments on Ted Sider: Four Dimensionalism // Philosophy and Phenomenological Research. 2004. №68. p. 649

284 Craig W. In Defense of Presentism // Jokic A., Smith Q. (eds.) Time, Tense, and Reference. Chicago, MIT Press, 2003 pp. 391–408

285 Bigelow J. Presentism and Properties // Philosophical Perspectives. 1996. № 10 (Metaphysics). p. 46

Симон Келлер[286] предложил свое решение проблемы, опирающееся на понятие этости (haecceity). Такие свойства как, например, *быть Сократом*, могут существовать, когда их носители уже исчезли, то есть они могут быть неинстанцированными. В таком случае фактором истинности для предложения «Все динозавры холоднокровные» будут существующие в настоящее время объекты – неинстанцированные этости этих динозавров. Более сложные факты, по мнению Келлера, тоже могут быть сведены к этостям. Например, фактор истинности для «Анна Болейн была казнена» будет включать этости самой Анны, меча, которым ей отрубили голову, казнившего ее палача, плюс некое отношение между этостями, отражающее реальное отношение, некогда существовавшее между самой Анной, палачом и мечом. Келлер также представил еще одно возможное решение. Оно начинается с предложения считать факторами истинности для настоящих предложений некие конфигурации элементарных частиц. Например, предложение «Кот сидит сейчас на коврике» имеет в качестве фактора истинности тот факт, что элементарные частицы, организованные «котообразно», расположены на элементарных частицах организованных «коврикообразно». Далее Келлер утверждает, что мы можем использовать этот факт для установления факторов истинности прошлых предложений: так как в настоящее время существуют элементарные частицы, которые в прошлом входили в состав динозавров, то они могут стать факторами истинности для предложений об этих динозаврах. Тот факт, что ныне существующие частицы обладают в настоящее время свойством *некогда составлять холоднокровных динозавров*, и будет искомым фактором истинности.

Другой вариант презентизма – эрзацизм – по мнению его сторонников защищен от рассматриваемой нами проблемы. Для эрзацистов прошлые и будущие времена составлены из абстрактных объектов (пропозиций), которые вполне могут быть существующими в настоящем времени факторами истинности для соответствующих предложений. Например, для предложения «Петр I был императором России» фактором истинности будет тот нынешний факт, что пропозиция *что Петр I был императором России* входит в состав являющегося множеством пропозиций прошлого времени, которое связано РЧ-отношением с настоящим временем.

[286] Keller S. Presentism and Truthmaking // Zimmerman D. (ed.) Oxford Studies in Metaphysics Vol. 1. Oxford, Oxford University Press, 2004 p. 97

Для противников презентизма (то есть этерналистов) все рассмотренные варианты решения проблемы страдают одним существенным недостатком – выдвигаемые ими кандидаты на роль факторов истинности являются слишком странными и экзотичными объектами, радикально отличающимися от факторов истинности для предложений настоящего времени, которыми являются окружающие нас конкретные объекты. Впрочем, презентисты могут возразить, что признаваемые этерналистами прошлые и будущие конкретные объекты не менее экзотичны.

Следует еще кратко остановиться на нескольких других возражениях против презентизма. Первое из них обращается к понятию сингулярных пропозиций (иногда их называют расселовскими пропозициями – russellian propositions, в честь философа Бертрана Рассела), которые касаются отдельных конкретных объектов. Многие предложения, в том числе прошлого и будущего времени, выражают такие сингулярные пропозиции: например, предложение «Сократ был мудр» касается конкретного человека – Сократа – существовавшего в Древней Греции. Главная особенность таких пропозиций – они включают в себя непосредственно сами объекты, о которых они высказываются. Перед презентистами встает проблема объяснения тех из них, которые касаются прошлых объектов: Сократ уже не существует и не может входить в состав пропозиции *что Сократ был мудр*.

Другое возражение указывает на существование так называемых межвременных отношений (cross-temporal relations). Автор этой книги, например, восхищается Дэвидом Юмом, а значит между мной и великим философом существует бинарное отношение восхищения. Но для такого отношения является a priori истинным, что объекты, которые оно связывает, должны существовать. Для этого необходимо не только мое существование, но и существование Дэвида Юма, что для презентистов невозможно.

Кажется, что единственный выход для презентистов – отрицать само существование подобных пропозиций и отношений, что ослабляет их теорию, так как многие философы признают их существование. Но презентисты могут просто модифицировать наше представление о сингулярных пропозициях и подобных бинарных отношениях – в них участвуют не сами объекты, а их этости. В состав упомянутой выше пропозиции входит не сам Сократ, а его существующая в настоящее время этость; отношение восхищения связывает меня не с Юмом, а его этостью. Противники презентизма могут

возразить, что такое решение слишком экзотично и неоправданно расширяет нашу онтологию.

Мы рассмотрели основные трудности, с которыми приходится сталкиваться презентизму, но и этернализм не обходится без своих проблем. Основное возражение, которое часто выдвигается против этернализма – его превращение времени в некое подобие простанства. Противники теории утверждают, что этернализм превращает время в просто еще одно измерение пространства и не может отразить динамическую природу времени. Впрочем, мы уже видели, что этернализм может сочетаться с динамической А-теорией времени, в результате чего получается теория движущегося прожектора. Хотя до недавнего времени она была не слишком популярна, сейчас появляются работы в поддержку этой разновидности этернализма[287]. Другое, часто выдвигаемое против этернализма возражение, обвиняет его в том, что он не совместим с одной из популярных метафизических теорий существования объектов во времени – эндурантизмом. Рассмотрению этой теории, ее недостатков и преимуществ будет посвящена следующая глава.

Список литературы

1. Cameron R. P. The Moving Spotlight: An Essay on Time and Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2015.
2. Dainton B. Time and Space. Chesham, Acumen, 2010.
3. Emery, Nina, Ned Markosian, and Meghan Sullivan, "Time", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2020 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/win2020/entries/time/.
4. Le Poidevin R., Travels in Four Dimensions: The Enigmas of Space and Time. Oxford, Oxford University Press, 2003.
5. Mellor D.H. Real Time II. London, Routledge, 1998.

[287] см. Cameron R. P. The Moving Spotlight: An Essay on Time and Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2015

6. Power S. E. Philosophy of Time. A Contemporary Introduction. London, Routledge, 2021.

Глава 16. Пребывание объектов во времени

Здравый смысл, с которым согласно подавляющее большинство современных философов, утверждает, что обычные материальные объекты могут существовать дольше одного момента, то есть они пребывают во времени (persist through time). Но то, как именно это происходит, вызывает ожесточенные споры между метафизиками. Философов, занимающихся данной проблемой, можно поделить на два основных лагеря в зависимости от их приверженности эндурантизму (endurantism) или пердурантизму (perdurantism) – двум основным теориям пребывания объектов во времени. Есть еще одна теория – эксдурантизм (exdurantism), которую некоторые рассматривают как вариант пердурантизма, но другие считают эти две теории разновидностями другой, более общей теории – 4-дименсионализма (four-dimensionalism), а эндурантизм в этом случае называют 3-дименсионализмом. Все эти теории будут рассмотрены в данной главе. Но сначала нам нужно прояснить запутанную терминологию и более подробно выяснить разницу между этими взглядами.

Все упомянутые теории признают, что объекты пребывают во времени, но расходятся при ответе на вопрос, как именно они это делают. То есть они предлагают разные объяснения явлению пребывания во времени. Пердурантисты считают, что объекты пребывают во времени, имея разные временн**ы**е части (temporal parts) или стадии в разные моменты времени. Это походит на пребывание в пространстве – когда объект находится в каком-либо регионе пространства, он не находится полностью в каждой его части, но части объекта находятся в соответствующих частях пространства. Пердурантизм отождествляет привычные нам конкретные объекты с совокупностью их временных частей, то есть объекты на самом деле являются четырехмерными сущностями, расположенными в пространстве-времени. Отсюда и другое название пердурантизма – 4-дименсионализм. Эксдурантизм почти полностью согласен с этим объяснением, но отождествляет конкретные объекты с отдельными временными частями (стадиями), а не с их совокупностью. Получается, что все объекты – привычные нам столы, стулья, дома и так далее, включая нас самих – существуют не дольше одного мгновения, а затем исчезают и заменяются очень похожими, но все-таки нумерически отличными объектами.

Для эндурантизма объекты трехмерны, отсюда название 3-дименсионализм. Они пребывают во времени, целиком и полностью находясь в каждом из моментов своего существования. Эндурантисты отрицают существование, а иногда и саму возможность временных частей объектов. По их мнению, такие части могут быть только у событий, и приписывать их объектам является категориальной ошибкой.

Опираясь на данные рассуждения, мы можем дать следующие определения двух основных теорий пребывания объектов во времени:

(ЭНД) Обычные материальные объекты пребывают во времени путем присутствия полностью в каждом из моментов. Они являются трехмерными сущностями.

(ПЕР) Обычные материальные объекты пребывают во времени, обладая разными временными частями в разные моменты. Они являются четырехмерными сущностями.

В данной главе будут подробно рассмотрены эти теории, их достоинства, недостатки и аргументы за и против каждой из них.

Начнем мы с эндурантизма, взгляда наиболее привычного нам и близкого к здравому смыслу.

Эндурантизм утверждает, что обычные объекты пребывают во времени благодаря тому, что присутствуют полностью в каждом мгновении своего существования. Они имеют три пространственных измерения и плюс к этому движутся сквозь время. Может показаться, что эндурантизм просто повторяет то, что говорит нам здравый смысл: естественно, что объекты в каждое из мгновений находятся в них полностью; когда мы смотрим на себя в зеркало в полный рост, например, мы видим себя целиком, а не какую-то часть. Поэтому большинство эндурантистов, как правило, не приводят непосредственных аргументов в пользу своей теории. По их мнению, она истинна по умолчанию, достаточно лишь опровергнуть аргументы в пользу соперничающих с ней теорий. Но подобная приверженность здравому смыслу скрывает за собой целый ряд метафизических трудностей, главная из которых вытекает из эндурантистского понятия «присутствовать полностью» в каждом из мгновений существования. Ни у кого не вызывает сомнений, что с течением времени объекты меняются – они приобретают новые и теряют старые свойства, многие из которых несовместимы друг с другом. Возьмем, например, синий резиновый мячик, который затем перекрасили в красный цвет. В один из моментов своего существования – t_1, он обладает свойством *быть синим*, а в один из последующих моментов (после перекраски) – t_2, несовместимым с ним свойством *быть красным*. Именно здесь и появляется проблема для эндурантистов: согласно их взгляду, мяч присутствует полностью в каждом из моментов t_1 и t_2 и целиком является синим и красным. Но один и тот же, нумерически тождественный объект, не может обладать несовместимыми свойствами. Это будет нарушением принципа неразличимости тождественных (indiscernibility of identicals):

$(\forall x)(\forall y)((x = y) \rightarrow (\forall F)(Fx \leftrightarrow Fy))$ или для любых объектов x и y, если x тождественен y, то для любого свойства F, x обладает F, если и только если y обладает F.

Принцип нарушается, даже когда объект просто теряет или приобретает какое-либо свойство. Эта проблема получила название проблемы врeменных внутренних свойств. Внутренние (intrinsic) свойства – те, которыми объект обладает сам по себе, независимо от чего бы то ни было другого (цвет, длина, возраст и так далее) – *быть*

синим является таким свойством, а *быть младшим ребенком в семье* – нет. Некоторые из таких свойств являются временными, то есть объекты обладают ими в какой-то момент своего существования, а потом их лишаются, приобретая другие, зачастую несовместимые с первыми, свойства. Проблему можно представить в виде двух предложений, оба из которых истинны, но говорят о несовместимых друг с другом свойствах:

(1) а есть F в t_1.
(2) а есть G в t_2.

где F и G – несовместимые друг с другом внутренние свойства.

Может показаться, что проблема имеет простое и очевидное решение: объекты обладают несовместимыми свойствами в разное время, а не одновременно, так что никакого противоречия просто не возникает. Но такое решение будет слишком поспешно – одна из задач теорий пребывания во времени как раз и состоит в объяснении того, как объекты могут обладать разными и/или несовместимыми свойствами в разное время, почему не происходит нарушения принципа неразличимости тождественных. Для эндурантизма, по мнению его противников, проблема стоит особенно остро, так как в разных временах целиком находится один и тот же объект. Для пердурантистов эта проблема стоит менее остро и легко разрешима с помощью основных положений теории, без привлечения каких-либо дополнительных. Мы кратко остановимся сначала на этом решении, а потом рассмотрим попытки эндурантистов решить проблему.

Согласно пердурантизму объекты существуют в разные времена, имея разные временные части в каждом из них. Поэтому его сторонники могут сказать, что непосредственным носителем свойств являются разные, нумерически не тождественные объекты, а именно временные части. Сам пребывающий во времени объект можно назвать носителем свойств лишь опосредованно, благодаря наличию у него соответствующих временных частей. Если мы обозначим ту часть объекта а, которая существует в момент t_1 как а-в-t_1, а в момент t_2 как а-в-t_2, то наши два предложения будут выглядеть так:

(1*) а-в-t_1 есть F в t_1.
(2*) а-в-t_2 есть G в t_2.

Никакого противоречия и нарушения принципа неразличимости тождественных не возникает. Похожая ситуация имеет место с разными пространственными частями, где никому не придет в голову говорить о каком-либо противоречии: в использованном нами примере резиновый мячик может в одно и то же время иметь одну половину синюю, а другую – красную. Носителями цвета являются разные объекты (две половины) и противоречие не возникает. Для пердурантизма время в данном отношении подобно пространству, поэтому его и относят к 4-дименсионализму (время – просто еще одно измерение, в котором находится объект).

Эндурантистам для решения данной проблемы необходимо тем или иным образом дополнить свою теорию. Наиболее простым выходом может показаться обращение к презентизму. Если настоящим моментом является t_2, то наш объект a обладает свойством G, а все его прошлые и будущие свойства, как впрочем и сам прошлый или будущий объект a, не существуют. Все противоречия устраняются. Тем не менее многие философы находят такое решение неудовлетворительным. По мнению Дэвида Льюиса, это решение не годится, так как «оно идет против того, во что мы все верим. Ни один человек, за исключением момента своей казни, не полагает, что он не имеет будущего, еще меньше того кто-либо полагает, что он не имеет прошлого»; это решение «отвергает пребывание [во времени] всецело»[288]. То есть Льюис утверждает, что разговор о пребывании объектов во времени вообще не будет иметь смысла, если реально лишь одно мгновение настоящего, а прошлое и будущее не существуют. Впрочем, это является возражением самому презентизму вообще, а не данному решению проблемы несовместимых свойств. Если вы готовы принять презентизм со всеми его достоинствами и недостатками, то решение для проблемы найдено. Те эндурантиты, которые не хотят принимать презентизм, вынуждены искать другое решение проблемы.

Одним из таких решений стал индексикализм (indexicalism). Его основная идея заключается в темпорализации (temporalizing), индексации по времени свойств, которыми объект обладает в разные времена: какому-либо одному свойству приписываются разные временн**ы**е индексы, тем самым превращая одно свойство в множество различных свойств. Наши два предложения будут в таком случае выглядеть следующим образом:

[288] Lewis D. On the Plurality of Worlds. Oxford, Basil Blackwell, 1986 p. 204

(1**) a есть F-в-t_1 в t_1.
(2**) a есть G-в-t_2 в t_2.

Свойства F-в-t_1 и G-в-t_2 не противоречат друг другу, в отличие от простых F и G. Резиновый мячик не может быть полностью синим и полностью красным, но вполне может быть полностью синим-в-t_1 и полностью красным-в-t_2. Но у такого решения тоже есть свои трудности. На одно из них указал Дэвид Льюис. Он согласен с тем, что объекты могут обладать индексированными по времени свойствами, но возникает проблема: куда пропали обычные, привычные для нас свойства? Ни в один из моментов своего существования наш мячик не был синим или красным simpliciter. О человеке нельзя сказать, что у него, например, голубые глаза, мы можем только утверждать, что глаза у него голубые-в-10:04-14.12.2021. Другая серьёзная проблема – превращение свойств в отношения. Цвет мячика (синий, красный, зеленый и так далее) является его монадическим внутренним свойством, то есть мячик обладает им сам по себе, независимо от чего бы то ни было внешнего. Но о свойстве быть синим-в-t_1 этого уже сказать нельзя – по сути это уже не свойство, а особое отношение между мячиком и определенным моментом времени. Получается, что эндурантисты просто отказались от внутренних свойств и заменили их на отношения.

Другое возражение против индексикализма было выдвинуто Марком Джонстоном[289]. Как утверждает Джонстон, индексикализм приводит к контринтуитивному результату: для него невозможно существование в разное время двух дубликатов. Дубликаты в метафизике – это качественно тождественные объекты, которые обладают одними и теми же внутренними свойствами. Интуитивно кажется, что два таких объекта вполне способны существовать в разное время. Возьмем, например, два абсолютно одинаковых (по размеру, массе, цвету, материалу и так далее) желтых мяча, один из которых существует в 1985 году, а другой – в 2021. С точки зрения индексикализма у них нет ни одного общего свойства! Первый мяч является, например, желтым-в-1985-году, а второй желтым-в-2021-году, то есть они не совпадают по цвету. Такой же контринтуитивный результат индексикализм дает, по мнению Джонстона, и в случае одного неизменного

[289] Johnston M. Is there a problem about persistence? // Proceedings of the Aristotelian Society Supplementary. 1987. №61. pp. 107–35

объекта. Пусть наш желтый мяч спокойно лежит на столе в течение получаса. Нам кажется, что мяч никак не меняется в отношении своих внутренних свойств, с ним ничего не происходит. Он может меняться в своих отношениях с другими объектами, поскольку, например, мы можем передвинуть стоящие рядом с ним вещи, но по внутренним свойствам мяч остается тем же самым. Для индексикализма это совершенно не так. За эти полчаса мяч теряет и приобретает огромное (возможно бесконечное) количество свойств: желтый-в-t_1, желтый-в-t_2, желтый-в-t_3 и так далее в каждое из мгновений получаса. Любой объект просто не может оставаться тем же самым, он постоянно меняется во всех своих свойствах с течением времени.

Эндурантистами был предложен еще один вариант решения проблемы временных внутренних свойств. Он получил название адвербиализм (adverbialism). Главная идея адвербиалистов, которым относится Э. Д. Лоу[290], в том, что они предлагают модифицировать не сами свойства (как индексикалисты), а обладание свойствами. Временной индекс добавляется не к названию свойства, а к глаголу-связке «есть». Наши два предложения будут согласно этой теории выглядеть таким образом:

(1***) a есть-в-t_1 F.
(2***) a есть-в-t_2 G.

Поскольку объект a обладает этими свойствами по-разному, в разной манере, то противоречия между ними не возникает. По мнению Джонстона, адвербиализм легко справляется с проблемой дубликатов – два качественно тождественных мяча, существующих в разное время, действительно обладают одними и теми же свойствами, хотя и в разной манере. Но и эта теория не обходится без своих проблем. Согласно ей объекты не могут обладать никакими свойствами simpliciter, а только в той или иной временной манере. Мяч не может просто быть желтым, а должен быть им в-t_1, в-t_2, в-t_3 и так далее. Дэвид Льюис[291] считает, что в таком случае свойства как бы отчуждены от обладающих ими объектов. Но сторонники теории с ним не согласны: по их мнению, обладать simpliciter каким-либо свойством на самом деле означает обладать им в то или иное время или временной

---

[290] Lowe E. J. The Problems of Intrinsic Change: Rejoinder to Lewis // Analysis. 1988. № 48(2). pp. 72-77

[291] Lewis D. Rearrangement of Particles: Reply to Lowe // Analysis. 1988. № 48(2). pp. 65-72

промежуток. Например, Питер ван Инваген пишет так: «Сказать, что Декарт обладал свойством быть человеком, значит сказать, что он обладал этим свойством в каждый момент времени, в котором он существовал»[292] . То есть мы можем утверждать, что

(3) Декарт был человеком

тождественно

(3*) Декарт был-с-1596-по-1650 человеком.

Рассмотренные нами два решения (индексикализм и адвербиализм) совместимы с этернализмом, для которого прошлое, настоящее, будущее и в них находящиеся объекты одинаково реальны. Один и тот же объект, если его существование не длится одно мгновение, существует в разные моменты времени, и в каждом из них он не менее реален, чем во всех остальных. Именно поэтому данные теории вынуждены модифицировать либо сами свойства, либо манеру обладания ими для того, чтобы избежать нарушения принципа неразличимости тождественных. Но, несмотря на все их усилия, многие философы продолжают считать предлагаемые решения крайне контринтуитивными. Как могут быть нумерически тождественны объекты, существующие в разные времена и обладающие разными свойствами, как утверждает индексикализм, или одним свойством, но в разной манере? В связи с этим многие метафизики, такие как Трентон Меррикс[293] и Майкл Лакс[294], полагают, что единственный выход для эндурантистов заключается в принятии презентизма со всеми его недостатками.

Согласно пердурантизму объекты пребывают во времени, имея временн**ы**е части в каждый интервал и момент своего существования. Поэтому рассмотрение этой теории следует начать с определения ключевого для нее понятия – понятия временной части (их иногда

[292] van Inwagen P. Ontology, Identity, and Modality. Cambridge, Cambridge University Press, 2001 p. 116

[293] Merricks T. Persistence, Parts, and Presentism // Noûs. 1999. №33(3) pp. 421-433

[294] Loux M., Crisp T. Metaphysics. A Contemporary Introduction. London, Routledge, 2017 pp. 223-249

называют еще стадиями). Теодор Сайдер дает[295] следующее определение:

(ВЧ) x является времен**н**ой частью (temporal part) y в течение интервала T $=_{df}$ (1) x является частью y в каждый момент в течение T; (2) x существует в течение и только в течение T; (3) для любого субитервала t из T, x перекрывает (overlap) каждую часть y в t.

Отсюда следует, что мгновенная временная часть будет временной частью, которая существует в течение одного момента, мгновения времени.

В литературе также встречаются и другие, более простые определения временных частей. Эрик Олсон, например, приводит такое[296]:

(ВЧ*) x является времен**н**ой частью y $=_{df}$ x существует в какое-либо время и x совпадает мереологически с y в каждое время, в которое x существует.

Временн**ы**е части позволяют пердурантистам провести аналогию между пребыванием объектов во времени и пространстве: благодаря наличию временн**ы**х и пространственных частей все объекты на самом деле четырехмерны, они распростерты как в пространстве, так и во времени. По сути, время лишь еще одно добавочное измерение – отсюда название 4-дименсионализм. Этот взгляд также называют теорией червя (the worm theory), поскольку для него объекты представляются своего рода пространственно-временными червями, протяженными в четырех измерениях. Давайте рассмотрим эту онтологию более подробно.

Для 4-дименсионализма мир представляется четырехмерным целым, наполненным мгновенными объектами, каждый из которых онтологически фундаментален и существует лишь одно мгновение. Если же признается существование пребывающих вещей, то они рассматриваются как составленные из этих мгновенных объектов как из своих частей – временн**ы**х частей. Но тогда возникает вопрос, аналогичный специальному вопросу композиции (см. главу 14) – в каком случае некоторые мгновенные вещи составляют пребывающую

[295] см. Sider T. Four Dimensionalism. Oxford, Oxford University Press, 2003 p. 53-62

[296] см. Olson E. T. Temporal Parts and Timeless Parthood // Noûs. 2006. №40 (4) p. 744

вещь? Наиболее простой ответ – во всех случаях (эта позиция аналогична мереологическому универсализму). Такой ответ придерживается принципа временной полноты.

(ВП) Для каждого множества мгновенных временных частей S, содержащего только один мгновенный объект для каждого момента времени из некоторого конечного интервала T, существует пребывающая вещь, которая пребывает в течение интервала T и имеет в качестве своих временных частей все части из множества S и только их.

Этот принцип можно выразить с помощью уже упоминавшегося понятия червя. ВП утверждает существование произвольных червей для любых, самых разнородных множеств временных частей. Это приводит к признанию множества очень странных объектов. Например, совершенно реальным будет объект, состоящий из какой-нибудь коалы до 9:52 04.01.2022 и Спасской башни Московского Кремля после. Будут существовать похожие на автомобиль объекты, которые возникают всякий раз, когда автомобили заезжают в гараж и исчезают при выезде и так далее. Любая цепочка временных частей, даже самых разнородных и рассеянных в пространстве, будет образовывать пребывающую вещь. Более ограниченная и приближенная к здравому смыслу версия этого принципа признает существование только непрерывных произвольных червей, чью «траекторию» через пространство и время можно проследить без скачков и разрывов. Тем не менее для многих сторонников теории такая произвольность неприемлема. Поэтому были предложены ограничительные принципы, позволяющие определить в каком случае произвольному червю соответствует пребывающая вещь, а в каком – нет. Но прежде нужно дать определение такому соответствию червя и вещи.

(ЧВ) Если x является пространственно-временным червем, а y пребывающей вещью, то x соответствует y, если и только если x и y имеют одни и те же временные части.

Мы можем утверждать, что подобное соответствие имеет место не для всех червей, но лишь для тех, которые удовлетворяют определенным условиям. По мнению Теодора Сайдера, можно предложить условие, аналогичное условию для определения закона природы

в теории Рамсея-Льюиса (см. главу 13). Тогда мы получим такой вариант пердурантизма:

(ПРЛ) Пространственно-временной червь S, существующий во временном интервале T, соответствует существованию вещи, пребывающей в течение T, если и только если простейшая и наиболее мощная научная теория актуального мира отождествляет пребывающую вещь с червем S.

Для пердурантизма обычные объекты тождественны четырехмерным червям. Но существует еще одна разновидность 4-дименсионализма, ставшая популярной в последнее время – эксдурантизм или теория стадий. Наиболее известные ее сторонники – Теодор Сайдер[297] и Кэтрин Холи[298]. Согласно этой теории, обычные объекты тождественны не агрегатам мгновенных временных частей, а самим этим частям (стадиям). Например, стол, который мы видим в момент t_1, существует в течение только этого момента, а затем он исчезает и заменяется похожим на него, но нумерически отличным объектом, другим столом. То же, что мы в повседневной жизни именуем столом, на самом деле представляет собой цепочку из огромного количества таких мгновенных объектов. Может возникнуть вопрос: если объекты существуют лишь мгновение, то о каком их пребывании во времени вообще может идти речь? По мнению эксдурантистов, исчезающие и возникающие один за другим столы, хотя и не тождественны друг с другом, но тем не менее связаны определенным уникальным отношением. По аналогии с двойниками в модальном реализме Льюиса (см. главу 9) они являются временн**ы**ми двойниками (temporal counterparts). Согласно теории Льюиса, мы можем утверждать, что Геннадий Зюганов мог бы стать президентом России в 1996 году, так как в одном из конкретных возможных миров есть модальный двойник Зюганова, который действительно выиграл выборы и стал президентом. Подобным же образом мы можем сказать о мгновенном столе в t_1, что он будет существовать завтра или послезавтра, в моменты t_2 и t_3, так как в этих будущих мгновениях у него будут существовать временн**ы**е двойники.

---

[297] Sider T. Four-Dimensionalism. Oxford, Oxford University Press, 2001
[298] Hawley K. How Things Persist. Oxford, Oxford University Press, 2001

Теперь мы можем рассмотреть основные аргументы, приводимые в защиту как пердурантизма, так и эксдурантизма разными философами.

Поскольку пердурантизм кажется контринтуитивной позицией (одним из его следствий, например, будет то, что, смотря в зеркало, мы видим себя не целиком, а лишь одну небольшую часть), то его сторонники приводят многочисленные аргументы, стремясь показать, что теоретические достоинства теории значительно перевешивают ее контринтуитивность.

Как мы уже упоминали выше, пердурантизм легко может разрешить проблему временных внутренних свойств: противоречие принципу неразличимости тождественых устраняется, так как носителями свойств является не один, нумерически тождественный себе в разные времена объект, а разные объекты – временные части. В целом же объект представляет собой четырехмерного червя, различные сегменты которого обладают разными свойствами. Тем не менее такое решение проблемы сразу же столкнулось с серьезной трудностью. По мнению противников пердурантизма, при таком подходе в нашем мире не останется места для подлинного изменения. Как утверждает Питер Симонс «четырехмерная альтернатива является не объяснением изменения, а его элиминацией, поскольку ничто не переживает изменения, что имело бы противоположные свойства»[299]. Изначальной задачей для нас было объяснение как один объект может в разное время иметь разные/несовместимые/противоположные свойства, но пердурантизм просто уходит от ее решения и рассказывает нам о том, как разные объекты (временные части) имеют разные свойства. Если определенная мгновенная временная часть мяча желтая, то она желтая во все время своего существования и совершенно не изменяется. Поэтому онтологию 4-дименсионализма часто называют статичной. Чтобы оценить правоту такой критики, нам следует прежде всего дать определение изменения. Джудит Джарвис Томсон дает, например, такое: «вещь изменяется тогда и только тогда, когда она имеет свойство в более раннее время, которого лишена в более позднее»[300]. Берит Брогаард определяет изменение так: «изменение имеет место, когда одна вещь [single entity] находится в двух несовместимых состояниях

[299] Simons P. Continuants and occurrents // Proceedings of the Aristotelian Society. 2000. №74. p. 64

[300] Thomson J. J. Parthood and identity across time // The Journal of Philosophy. 1983. №80 pp. 210-211

в разное время»[301]. Оба этих определения увязывают изменение с обладанием разными свойствами в разные моменты времени. В таком случае пердурантисты могут утверждать, что их теория вполне способна признать и объяснить наличие в мире изменения. Ведь четырехмерные объекты, которыми являются для пердурантистов все пребывающие во времени объекты, поистине обладают разными свойствами в разное время, просто делают они это благодаря наличию у них временн**ы**х частей. Сами мгновенные временн**ы**е части не меняются, но ведь нас интересуют не они, а целые объекты, которые из этих частей состоят. В этом отношении четырехмерные «черви» похожи на обычного полосатого червя, который будет изменяться в отношении своей окраски, если мы пробежим его взглядом от одного конца до другого. Тем не менее большинство критиков вряд ли удовлетворится таким объяснением. В мире 4-дименсионализма не происходит по их мнению самого главного – объекты не теряют и не приобретают свойства, пусть они и обладают разными свойствами в разное время. Это действительно так: если мяч желтый в t_1, то есть имеет желтую мгновенную временную часть в t_1, то он обладает ею всегда и неизменно. На это перурантисты могут возразить, что эта особенность присуща не пердурантизму самому по себе, а проистекает из этернализма, утверждающего реальность прошлого и будущего наравне с настоящим. Даже если мы примем точку зрения эндурантизма, то в сочетании с этернализмом получим то же самое: мяч, например, будет вечно и неизменно обладать свойством желтый-в-t_1.

Для эксдурантизма эта проблема гораздо более серьезна. Они не могут указать на четырехмерные объекты, имеющие разные свойства в разное время. Обладающие свойствами обычные объекты существуют лишь одно мгновение, а затем исчезают. Единственное решение для сторонников этой теории – семантическое. Они могут сказать, что желтый объект (стадия) в t_1 будет синим в t_2, так как он будет иметь соответствующего временн**о**го двойника, который будет синим в прямом смысле. Многие философы находят такое решение неудовлетворительным. Ведь с онтологической точки зрения эти две стадии – разные, не тождественные друг другу объекты. А по словам Меллора «изменение нуждается в тождестве так же, как и в различии»[302].

[301] Brogaard B. Presentist four-dimensionalism // The Monist. 2000 №83. p. 341
[302] Mellor D.H. Real Time II. London, Routledge, 1998 p. 89

4-дименсионализм также обвиняли в уподоблении изменения во времени изменению в пространстве. Но для его сторонников это не возражение против их теории, а одна из ее особенностей. Для них время в этом отношении действительно подобно пространству и материальные объекты обладают протяженностью как в пространстве, так и во времени.

Одно из наиболее очевидных достоинств пердурантизма – в той легкости, с какой он справляется с проблемными случаями (хотя и не всеми) материальной конституции. Возьмем, например, случай статуи и куска бронзы, из которого она отлита (см. главу 14). Для пердурантизма и Статуя, и Глыба являются четырехмерными объектами, протяженными как во времени, так и в пространстве и состоящими из временных частей. Решение проблемы конституции в таком случае становится очевидным: эти два четырехмерных объекта просто обладают одним общим участком, они состоят из одних и тех же, нумерически тождественных временных частей с момента t_2 по момент t_3 (а если говорить точнее, то сама Статуя является участком Глыбы с t_2 по t_3). Этот случай не более затруднителен, чем случай двух разных дорог, имеющих какой-либо общий отрезок. Пердурантизм, опираясь только на свои собственные базовые положения, способен решить проблему, для решения которой эндурантизму приходится прибегать к дополнительным и зачастую крайне спорным теориям: теории конституции, доминирующих видов и так далее. В этих случаях эндурантизму приходится признавать крайне контринтуитивное положение о том, что в одном и том же месте могут находиться два совпадающих, но нумерически различных объекта.

Многие другие проблемы материальных объектов и проблемы их тождества без труда, как думают его сторонники, разрешаются пердурантизмом. Один из наиболее показательных случаев – проблема разделения (fission). Представим себе такой случай (мы еще вернемся к нему в главе 18): в момент t_1 капитан Жан-Люк Пикар, персонаж из научно-фантастического телевизионного сериала «Звёздный путь», входит транспортное устройство, чтобы телепортироваться на поверхность планеты. В своем нормальном состоянии это устройство дезинтегрирует Пикара на корабле, а затем вновь «собирает» его на планете. Но в нашем случае в устройстве произошел сбой, в результате которого на поверхности планеты были «собраны» две абсолютно одинаковые копии Пикара. То есть в момент t_2 из транспортного устройства вышло два нумерически разных человека, каждый из которых имеет одинаковое с другим право называться

Жан-Люком Пикаром (назовем одного из них Жаном, а другого Люком). Перед нами возникает вопрос о судьбе капитана Пикара, и на него возможны четыре варианта ответа: 1. Жан-Люк не пережил сбоя, а Жан и Люк совершенно новые личности, появившиеся в момент телепортации, 2. Жан-Люк выжил в качестве Жана, а Люк случайно возникшая новая личность, 3. Жан-Люк выжил в качестве Люка, а Жан случайно возникшая новая личность, 4. Жан-Люк выжил в качестве обоих, Жана и Люка вместе. Первые три варианта представляются пердурантистам крайне непривлекательными. Проблема со вторым и третьим вариантами в невозможности сделать принципиальный выбор между ними: Жан и Люк имеют совершенно одинаковые основания считаться капитаном Пикаром, любое предпочтение одного другому будет ad hoc. Первый вариант тоже неудачен: ведь не будь второй копии (например, из устройства вышел бы только Жан) Пикар, как кажется, пережил бы транспортировку. Если Пикар действительно тождествен Жану, то существование/несуществование каких-либо других объектов никак не может повлиять на этот факт. Даже с точки зрения самого Пикара, будет абсурдным приравнивать ситуацию с двумя копиями самого себя, каждая из которых обладает всеми его характеристиками и его памятью, к ситуации, когда устройство совсем сломалось и Пикар был полностью уничтожен (в таком случае он несомненно не пережил телепортацию). Наиболее привлекательным, хотя и несколько контринтуитивным, будет единственный оставшийся вариант – четвертый. Как раз здесь проявляется преимущество пердурантизма. Для эндурантистов каждый из трех человек (Пикар в t_1, а Жан и Люк в t_2) присутствует полностью во всех моментах своего существования. В момент t_2 Жан и Люк явно не тождественны друг с другом (с этого момента психическая жизнь каждого из них идет своим ходом, они занимают разное положение в пространстве и так далее), но в соответствии с четвертым вариантом каждый из них тождественен Пикару в t_1. Проблема в том, что отношение тождества транзитивно, то есть если $a=b$ и $b=c$, то $a=c$. Если Жан тождественен Пикару и Люк тождественен Пикару, то они будут тождественны друг другу. Но, как мы видели, это не так. Возникает очевидное противоречие. Для пердурантистов же никакой особой трудности в этом нет. Жан, Люк и капитан Пикар являются четырехмерными объектами, «червями», протянувшимися в пространстве-времени и состоящими из временн**ы**х частей. Два разных четырехмерных червя (Жан и Люк) имеют один общий сегмент вплоть до момента t_1, а затем расходятся. Пикар до телепортации является временн**о**й частью сразу

двух четырехмерных целых. В этом и проявляется контринтуитивность пердурантистского решения: глядя на Пикара, мы видим не одного, а сразу двух человек. Также, когда Пикар говорит «я» о самом себе, то это местоимение, звучащее в его устах, имеет сразу два значения: оно ссылается на два четырехмерных целых, одно из которых включает в будущем Жана, а другое – Люка. Несмотря на это, по мнению сторонников пердурантизма, их теория намного превосходит своих соперников во всех остальных отношениях, что компенсирует недостаток интуитивности.

Тем не менее эксдурантсты утверждают, что в данном случае их собственная теория еще более успешна и позволяет избежать контринтуитивных выводов. Согласно ей, когда мы смотрим на Пикара до телепортации в момент t_1, мы видим лишь одного человека (мгновенную стадию). Просто эта стадия имеет сразу двух двойников в момент t_2 после телепортации. В t_1 цепочка мгновенных стадий, связанных отношением двойничества, как бы разделяется на две новые и именно поэтому все стадии до t_1 имеют по два двойника после этого момента. В связи с таким решением перед эксдурантизмом встает новая серьезная проблема, аналогичная возражению Хамфри против модального реализма, предложенному Солом Крипке (см. главу 9). Возражение можно сформулировать следующим образом. Предположим, что капитан Пикар говорит в t_1: «завтра я навещу своего друга Ворфа». И действительно, на следующий день в t_2 он его навещает (в данном сценарии никакого разделения нет). Но в соответствии с эксдурантизмом такая ситуация просто невозможна. Тот, кто произносит эти слова, является мгновенной стадией, существующей лишь одно мгновение, а затем исчезающей. Навещать же друга будет уже совсем другая стадия, нумерически отличная от данной. Конечно, следует признать, что навещать друга будет не просто некая временная стадия, а двойник того, кто произносит фразу. Тем не менее, чем бы ни был двойник объекта, самим этим объектом он не является. Теория сталкивается с непреодолимой трудностью, так как в соответствии с ней вообще нет пребывающих во времени объектов, все объекты существуют лишь мгновение. Для пердурантизма же такой проблемы нет – мгновенные объекты являются частями четырехмерных целых, червей. Сторонник эксдуранизма Теодор Сайдер отвечает на данное возражение так. Эксдурантизм на самом деле не отрицает никаких интуитивно признаваемых нами утверждений: капитан Пикар действительно обладает в момент произнесения фразы свойством *навестить в* t_2 *своего друга Ворфа*. Только это свойство

анализируется эксдурантизмом особым образом: Пикар из t_1 обладает этим свойством, так как в t_2 у него есть двойник, который и наносит визит Ворфу. Объекты поистине пребывают во времени, но благодаря обладанию соответствующими двойниками в прошлых или будущих моментах.

Еще одно преимущество пердурантизма заключается в легкости, с какой он дает приемлемые решения в случаях нечеткости (vagueness). Тот или иной термин является нечетким, когда он имеет пограничные случаи, в которых невозможно однозначно решить, применим ли данный термин или нет. В нашей повседневной жизни мы постоянно имеем дело с такими терминами: высокий, низкий, лысый, облако и так далее. Существует несколько теорий, объясняющих нечеткость, но, по мнению многих философов, наиболее привлекательна из них одна – семантическая. Пердурантисты полагают, что если мы ее примем, то неизбежно будем вынуждены принять и их теорию. Их тезис можно сформулировать так:

(НП) Если мы полагаем, что нечеткость представляет собой семантическую нерешительность (semantic indecision) и если мы не признаем совпадающих в пространстве объектов (coincident entities), то мы должны принять пердурантизм/4-дименсионализм.

Чтобы оценить правильность данного тезиса, нам следует более подробно рассмотреть разные теории нечеткости. Для этого обратимся к конкретному примеру. Рассмотрим лужу на асфальте улицы. Из-за жаркой погоды лужа постепенно испаряется. Поскольку она испаряется медленно, неясно, когда именно она перестает существовать. Этой нечеткости можно дать три объяснения:

(1) Нечеткость – это семантическая нерешительность. Понятие «лужа» не имеет точного и четко определенного объема, его значение (meaning) нечетко.

(2) Нечеткость – это метафизическое явление. Лужи и другие материальные объекты являются нечеткими сами по себе. Сама реальность, а не наш язык, нечеткая.

(3) Нечеткость – это эпистемическое явление. Понятие «лужа» имеет точный объем, просто мы его не знаем.

Если мы хотим выбрать первый вариант, то нам следует утверждать не то, что существует один объект (лужа), чьи границы во

времени неясны, но несколько объектов с совершенно точными временными границами, которые прекращают свое существование (испаряются) в немного разные моменты друг за другом. Здесь можно провести аналогию с пространственным случаем: облако не имеет четких границ в пространстве, но согласно теории семантической нерешительности существует множество объектов с вполне определенными границами (какие-то из них чуть больше, а какие-то чуть меньше), каждый из которых может быть назван облаком. Нечеткость укоренена не в самом объекте, а в значении слова облако, чей объем нам неясен. Вернемся вновь к нашему примеру с лужей и предположим, что она неизменно существует в период с t_1 по t_2, и только затем температура начинает подниматься, лужа постепенно испаряется, и к моменту t_{10} она исчезает полностью. Рассмотрим двух кандидатов из огромного множества претендентов на позицию референта выражения «эта лужа»: лужа$_1$, которая существует в период с t_1 по t_5 и лужа$_2$, существующая с t_1 по t_7. Сторонник эндурантизма будет вынужден утверждать, что лужа в t_1 нумерически тождественна луже в t_5 и точно также лужа в t_1 нумерически тождественна луже в t_7, но лужа$_1$ и лужа$_2$ не тождественны друг другу (так как прекращают свое существование в разные моменты времени). Но в момент t_1 они присутствовали обе, из чего следует, что в одном месте в одно время находились два совершенно одинаковых материальных объекта. Многим философам такой вывод кажется неприемлемым. Пердурантизм может легко справиться с затруднением: лужа$_1$ является всего лишь временной частью лужи$_2$. Любой из кандидатов в референты выражения «эта лужа», который существует меньше другого, будет его временной частью. Мы можем избежать совпадающих объектов.

Сторонниками пердурантизма было предложено еще множество аргументов в пользу этой теории, помимо указывающих на ее успешность в решении проблемных случаев существования материальных объектов во времени. Одним из наиболее известных стал аргумент, предложенный Дэвидом Льюисом в постскриптуме к статье «Survival and Identity»[303]. Аргумент опирается на два принципа: принцип юмовской рекомбинации (он был нами рассмотрен в главе 9) и принцип юмовской супервентности (humean supervenience), который мы рассмотрим сейчас более подробно. Этот принцип (по словам Льюиса) сводится к утверждению, что все, что существует в мире –

[303] Lewis D. Survival and identity // Rorty A. (ed.) The Identities of Persons. Berkeley, CA: University of California Press, 1976 pp. 17-40

это огромная мозаика локальных, отдельных фактов. Более строго его можно сформулировать так:

(ЮС) В любых двух мирах, в которых одинаково пространственно-временное распределение фундаментальных свойств, одинаковы и все контингентные факты.

Содержание принципа можно раскрыть более подробно с помощью следующих трех тезисов:

1. Истина супервентна на бытии (truth supervenes on being). Вообще все контингентные факты о мире супервентны на фактах о том, какие конкретные индивиды инстанцируют какие фундаментальные свойства и отношения. Упоминание контингентности необходимо, чтобы исключить необходимые факты (например, математические), которые одинаковы во всех возможных мирах и ни отчего не зависят. То есть мы можем полностью охарактеризовать мир, используя только фундаментальные свойства и отношения. Наилучшими кандидатами на такую фундаментальность будут базовые физические свойства.

2. Отрицание этостей (anti-haecceitism). Все факты о мире супервентны на распределении квалитативных фундаментальных свойств и отношений, никаких этостей не существует. Этость (haecceity) – это неквалитативное свойство (например, *быть Сократом*), которое, в случае его инстанцирования, гарантирует, что вещь идентична некоторому определенному объекту. Например, любая вещь, инстанцирующая этость Сократа, необходимо будет Сократом. По мнению Льюиса, принятие таких свойств приводит нас к признанию ложных и абсурдных возможностей. Например, мы можем представить мир, который качественно неотличим от нашего, но в котором «роль» Юлия Цезаря «играет» Дональд Трамп и наоборот (то есть их этости поменяны местами). В этом мире Трамп обладает всеми психическими и физическими свойствами Цезаря, живет в 1 веке до н.э., совершает все поступки Цезаря вплоть до мельчайших деталей и так далее, но все-таки остается Трампом. Но почему в таком случае Трамп из того мира будет Трампом (двойником нашего Трампа, а не нашего Цезаря)? На самом деле такой мир будет копией нашего, а значит нам следует отвергнуть существование этостей.

2. Спатиотемпорализм (spatiotemporalism). Только те фундаментальные отношения актуально инстанцированы, которые являются чисто пространственно-временными. Это касается в том числе

и каузальных отношений. Все фундаментальные свойства – это свойства точек пространства или объектов точечного размера, занимающих эти точки. Для Льюиса все фундаментальные свойства – это внутренние свойства, а мир характеризуется распределением этих свойств по точкам пространства-времени. В этом отношении мир похож на гигантский монитор: все, что изображено на мониторе, можно свести к свойствам отдельных пикселей плюс их распределению по поверхности монитора; единственное отличие в том, что мир четырехмерен, а не двухмерен как поверхность монитора.

Рассмотрев принцип юмовской супервентности, мы можем теперь лучше понять льюисовский аргумент в пользу пердурантизма. Этот аргумент доказывает существование временных частей (ключевого положения пердурантизма), отталкиваясь от возможности существования объектов квалитативно тождественных таким временным частям. Его можно представить следующим образом:

(1) Возможно, что временная часть объекта существует. Представим, что объект (резиновый мяч) внезапно возник в t_1 и просуществовав мгновение исчез. Такой объект вполне может обладать всеми внутренними свойствами, которыми обладает обычный, «долгоживущий» мяч в t_1, то есть всеми свойствами его мгновенной временной части в t_1.

(2) Возможно, что два таких мгновенных, «короткоживущих» объекта существуют во времени непосредственно друг за другом, но без пересечения. Кроме того, свойства и расположение в пространстве второго при его появлении точно совпадают со свойствами и положением первого при его исчезновении. Именно в этой посылке Льюис использует принцип юмовской рекомбинации (все что угодно может как сосуществовать, так и не сосуществовать с чем угодно).

(3) Возможно, что существует целый мир, состоящий из таких мгновенных объектов, который в своих внутренних свойствах и их распределении в пространстве-времени неотличим от нашего. Он будет также неотличим и с точки зрения фундаментальных отношений (спатиотемпорализм).

(4) Такой мир будет неотличим от нашего во всех своих контингентных фактах (это следует из супервентности истины на бытии).

(5) Наш мир и есть такой мир (из принципа отрицания этостей). Миры, тождественные в распределении квалитативных фундаментальных свойств, тождественны simpliciter. То есть в нашем мире существуют такие мгновенные объекты.

(6) Но в нашем мире существуют (как очевидно) и обычные, долгоживущие объекты. Значит, мгновенные объекты являются их частями, стадиями.

(7) Следовательно, временные части существуют, наш мир на самом деле таков, каким его описывает пердурантизм.

Несмотря на все эти аргументы, значительное число философов не убеждено в правоте 4-дименсионализма и полагает, что его недостатки перевешивают достоинства. Этими философами было выдвинуто несколько аргументов против данной теории, некоторые из которых мы сейчас рассмотрим. Одними из наиболее популярных стали аргументы, указывающие на противоречие 4-дименсионалистской картины мира здравому смыслу. Прежде всего, это относится к понятию временн**ы**х частей. Д. Х. Меллор, например, пишет так: «Никто другой [кроме 4-дименсионалистов] не сказал бы, что только части сэра Эдмунда Хиллари и Тенцинга Норгея покорили только часть Эвереста в 1953. Все остальные думают, что те два целых человека покорили ту одну целую гору»[304]. Соглашаясь с Меллором, Питер Симонс настаивает, что «вне философских семинаров 4-дименсионалист никогда не скажет: «Двухчасовая фаза меня прошлой ночью была бодрствующей фазой»; он скажет вместе со всеми нами: «Я не спал два часа прошлой ночью»»[305]. Сторонники теории отвечают на эти обвинения по-разному. Некоторые, как Марк Хеллер[306], признают, что 3-дименсионализм действительно является нашей интуитивной, дотеоретической позицией, но не видят в этом ничего проблематичного. Пусть 4-дименсионализм противоречит здравому смыслу, но после того, как мы поразмыслим над ним, увидим все его неоспоримые достоинства, мы признаем превосходство этой теории над ее соперниками, которые сами страдают от контринтуитивных следствий (например, признание эндурантистами совпадающих объектов для решения проблемы материальной конституции). Другие, как Робин Ле Пойдевин[307], утверждают, что вообще не имеет значения, что именно мы склонны говорить в повседневных ситуациях. По мнению Пойдевина, взгляд, что мы должны строить нашу

---

[304] Mellor D.H. Real Time II. London, Routledge, 1998 p. 86

[305] Simons P. Continuants and occurrents // Proceedings of the Aristotelian Society. 2000. №74 p. 62

[306] Heller M. The Ontology of Physical Objects: Four-Dimensional Hunks of Matter. Cambridge, Cambridge University Press, 1990 p. 2

[307] Le Poidevin R. Continuants and Continuity // The Monist. 2000. № 83(3). p. 383

метафизику, опираясь на обыденный язык, уже устарел и не имеет прежней силы. Кроме того, при желании, мы можем парафразировать, пересказать любое обычное предложение, используя язык временных частей, что мы и видим в примерах Меллора и Симонса. 4-дименсионализм не отрицает никаких обычных предложений, просто он понимает их по-своему.

Еще одно распространенное обвинение в адрес 4-дименсионализма принадлежит Джудит Джарвис Томсон, которая в одной из своих работ назвала данную теорию «безумной метафизикой» (crazy metaphysics). По словам Томсон: «Эта метафизика приводит к выводу, что если я держала только один кусок мела в руке в течение последнего часа, то в моей руке находится нечто белое, примерно цилиндрическое по форме и пыльное, нечто имеющее вес, нечто являющееся мелом, которое не было в моей руке три минуты назад и на самом деле такое, что ни одна его часть не была в моей руке три минуты назад. Пока я держу кусок мела в моей руке, новое вещество, новый мел продолжает постоянно возникать ex nihilo. Это кажется мне очевидно ложным»[308]. Мгновенные временн**ы**е части постоянно возникают и, просуществовав одно мгновение, исчезают. Получается, что в руке Томсон постоянно возникает из ничего новое вещество, новый мел. Ответ на это возражение был дан Марком Хеллером[309] и Теодором Сайдером[310]. Основная идея ответа в том, что временные части не возникают ex nihilo, как утверждает Томсон. Это означало бы, что они начинают свое существование совершенно независимо от предыдущих событий или объектов. Но это не так, ведь согласно 4-дименсионализму временные части объектов каузально зависят друг от друга – предыдущие временные части являются причинами существования последующих. Кроме того, 4-дименсионализм придерживается этернализма (см. главу 15), согласно которому прошлое и будущее не менее реальны, чем настоящее. Кусок мела является (для пердурантизма) четырехмерным целым, все части которого существуют. Поэтому мы не можем сказать, что новый мел постоянно возникает ex nihilo.

Еще одна группа возражений касается неограниченной мереологической композиции, то есть мереологического универсализма,

---

[308] Thomson J. J. Parthood and identity across time // The Journal of Philosophy. 1983. №80, p. 213

[309] Heller M. The Ontology of Physical Objects: Four-Dimensional Hunks of Matter. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. pp. 16-19

[310] Sider T. Four Dimensionalism. Oxford, Oxford University Press, 2003. pp. 216-218

которого придерживаются большинство сторонников 4-дименсионализма. Выше, при обсуждении принципа временной полноты, мы уже упоминали о странных и необычных объектах к существованию которых ведет этот принцип. По мнению Акилле Варци[311], это приводит к признанию истинности некоторых явно абсурдных (с точки зрения здравого смысла) утверждений. Для пердурантизма, например, будет истинным утверждение «Некоторый философ был столом». При принятии мереологического универсализма вполне возможен пространственно-временной червь, состоящий из мгновенных частей какого-нибудь стола до 1 января 2022 года и мгновенных частей самого Акилле Варци после. В этом смысле у эксдурантизма проблем меньше, так как он не признает четырехмерных целых, а отношение двойничества, существующее между стадиями только стола/только философа, не будет существовать между стадиями стола и философа. Большинство пердурантистов предпочитают тем не менее признать универсализм со всеми его контринтуитивными последствиями. Строго говоря, действительно существуют философы, которые были столами, а также все бесчисленное множество странных объектов. Просто мы в повседневной жизни не обращаем на них внимание и выделяем из всего многообразия объектов только нужные нам – они и являются объектами здравого смысла. Эти объекты отвечают дополнительным критериям – пространственно-временной непрерывности, сходства, каузальной зависимости и так далее. Пердурантисты также могут ограничить универсализм определенными условиями, как мы это видели выше в тезисе (ПРЛ).

Эксдурантизм или теория стадий сталкивается со своими, дополнительными трудностями. Одну из таких приводит Теодор Сайдер, сам являющийся сторонником этой теории. По его мнению, эксдурантизм приводит к некоторым контринтуитивным выводам. Рассмотрим, например, высказывание: «Меньше, чем два миллиарда человек побывало в Северной Америке за всю историю». Наши знания об истории человечества позволяют нам утверждать истинность этого предложения. Но с точки зрения эксдурантизма, оно ложно: даже один человек в течение своей жизни представляет собой цепочку многих миллиардов стадий, связанных отношением двойничества. Поскольку же эксдурантизм отождествляет обычные объекты (в том числе и людей) с отдельными стадиями, а не четырехмерным целым, то мы можем сказать, что в Северной Америке побывало гораздо

[311] Varzi A. Naming the stages. // Dialectica. 2003. № 57. pp. 387-412.

больше человек, чем два миллиарда. Сайдер признает справедливость этого возражения, но утверждает, что достоинства эксдурантизма перевешивают этот недостаток.

Другое контринтуитивное следствие эксдурантизма – неспособность объектов выполнять привычные для них активности. Поскольку люди и собаки являются лишь мгновенными стадиями, то человек, например, не может произнести ни одного предложения или даже слова целиком, а собака пробежать по дороге, поскольку эти активности длятся дольше мгновения и соответствующие стадии успевают исчезнуть и смениться новыми. Эксдурантисты могут прибегнуть к стандартной схеме и сказать, что не отрицают способности объектов к таким активностям, а лишь понимают их по-своему: человек может произнести предложение, поскольку его двойники из последующих мгновений продолжают произнесение начатого предложения.

Список литературы

1. Gallois, Andre, "Identity Over Time", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2016 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/identity-time/.
2. Gallois A. The Metaphysics of Identity. London, Routledge, 2016.
3. Gallois A. Occasions of Identity: The metaphysics of Persistence, Change, and Sameness. New York, Oxford University Press, 1998.
4. Hawley, Katherine, "Temporal Parts", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2020 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/temporal-parts/.
5. Hawley K. How Things Persist. Oxford, Oxford University Press, 2001.
6. Heller M. The Ontology of Physical Objects. Cambridge, Cambridge University Press, 1990.
7. Hirsch E. The Concept of Identity. Oxford, Oxford University Press, 1982.
8. McGrath M. Temporal Parts. // Philosophy Compass. 2007. № 2 (5). pp. 730–46.
9. Noonan H. Objects and Identity. The Hague, Nijhoff, 1980.

10. Oderberg D.S. The Metaphysics of identity Over Time. London, Macmillan, 1993.
11. Sider T. Four Dimensionalism. Oxford, Oxford University Press, 2003.

Глава 17. Физикализм и натурализм

Последние несколько десятилетий в аналитической философии значительное число философов именуют себя приверженцами физикализма или натурализма. Во многих разделах философии (философии сознания, языка, математики и так далее) выходят работы, которые пытаются дать натуралистическое/физикалистское истолкование центральных для этих областей понятий (сознание, значение, число и так далее). Тем не менее само понятие натурализма/физикализма не имеет однозначного и общепризнанного содержания. По его поводу ведутся горячие споры и предлагаются самые разные определения. Некоторые из них, а также доводы за и против истинности натурализма/физикализма, будут рассмотрены в данной главе. Но прежде всего коснемся терминологии. Некоторые философы употребляют термины физикализм (Ф) и натурализм (Н) как взаимозаменяемые. Другие делят натурализм на эпистемический (методологический) и метафизический (их различие будет рассмотрено далее). В таком случае физикализм часто отождествляют с метафизическим

натурализмом, хотя многим кажется, что Ф более сильный тезис, чем Н, поскольку может существовать дуалистический натурализм (к нему себя относит Чалмерс), но дуалистический физикализм большинством признается абсурдным.

Начнем мы с натурализма. В своей книге «Философский натурализм» Дэвид Папино пишет: «Что такое философский «натурализм»? Сейчас этот термин является привычным, но существует мало согласия по его значению. Для одних философов определяющая характеристика натурализма – это утверждение преемственности между философией и эмпирической наукой. Для других отказ от дуализма является решающим требованием… Я подозреваю, что главная причина терминологической неясности в том, что почти каждый в наши дни хочет быть «натуралистом», но претенденты на это звание тем не менее значительно расходятся по важным вопросам философской доктрины»[312]. Однако, несмотря на всю разницу подходов, большинство философов согласны с разделением Н на эпистемический и метафизический.

Эпистемический Н можно свести к двум главным тезисам:

(1ЭН) Не существует так называемой первой философии.

(2ЭН) Философия является продолжением эмпирической науки.

Первый пункт утверждает, что философы не должны пытаться достичь a priori неких содержательных выводов, которые затем могли бы использоваться, чтобы оценивать, ограничивать или регулировать нефилософские (в том числе и научные) исследования. Второй тезис признает, что у философии может быть своя, легитимная роль, но она должна быть продолжением эмпирической науки, то есть не существует неких особых и специальных философских методов. Эти положения часто воспринимались как полный запрет на использование априорных методов и как отрицание чисто кабинетной философии (armchair philosophy). Одним из самых известных их приверженцев был Куайн, который в своей статье 1969 года «Натурализованная эпистемология»[313] рекомендовал использовать достижения эмпирической науки при оценке отношений между теорией и свидетельствами в ее пользу. Одновременно с этим Куайн призвал

---

[312] Papineau D. Philosophical Naturalism. Oxford, Blackwell1, 1996 p. 1

[313] Quine W. V. O. Epistemology Naturalized. // Quine W. V. O. Ontological Relativity and Other Essays, New York, Columbia University Press, 1969 pp. 69-90

отказаться от использования философских аргументов для легитимации научных исследований и их результатов. Философия должна перестать считать себя исследованием некоего высшего уровня, отказаться от роли судьи в чисто научных вопросах. Из этого и вытекает отказ от априорного знания, которое его критики считают «оккультной», загадочной способностью, не вписывающейся в современную научную картину мира.

Метафизический Н стремится исключить существование неестественных или сверхъестественных сущностей, тех, которые не вписываются в естественнонаучную картину мира. Его основной тезис можно сформулировать следующим образом:

(МН) Каждая сущность является естественной сущностью.

Однако, для понимания этого тезиса, мы должны выяснить, какие именно сущности можно считать естественными. Многие философы, пишущие о Н, не дают точного определения, а предпочитают указывать на отдельные примеры тех сущностей, которые не могут быть названы естественными. Например, Джон Дюпре пишет, что под натурализмом следует понимать «отрицание того, что есть сущности, лежащие вне нормального хода природы. Легче указать на некоторые из вещей, которые, по общему мнению, лежат вне нормального хода природы, чем охарактеризовать нормальный ход природы. Характерными случаями таких исключений будут нематериальные умы [minds] или души, жизненные флюиды [vital fluids] и божества»[314]. Марио де Каро перечисляет духовные сущности, разумные создатели (intelligent designers), нематериальные и бессмертные души, энтелехии и неподвижные перводвигатели[315]. Тем не менее де Каро отмечает, что эти и подобные примеры слишком очевидны и почти не вызывают возражений. Но они нам мало помогут определить, противоречат ли натурализму такие сущности, как ценности, абстрактные объекты, модальные понятия или феномены сознания. Барри Страуд пытается дать более общее определение. Он пишет: «Под супернатурализмом я понимаю обращение к агенту или силе, которая тем или иным образом стоит вне привычного природного мира, и чьи

[314] Dupre J. The miracle of monism // De Caro M., Macarthur D. (eds.) Naturalism in Question. Cambridge, Ma., Harvard University Press, 2004 p. 36

[315] см. De Caro M. Varieties of naturalism // Koons R. C., Bealer G. (eds.) The Waning of Materialism. Oxford, Oxford University Press, 2010 p. 367

действия не могут быть поняты как его часть»[316]. Но опять все упирается в понятие «привычного природного мира». Что он из себя представляет и что ему противоречит? Многие философы, не удовлетворившись подобными размытыми определениями, предложили более конкретные. Например, Дэвид Армстронг[317] полагал, что Н можно свести к представлению о мире как о единой пространственно-временной системе. Тогда мы получим такую формулировку метафизического Н:

(МН1) Каждая сущность принадлежит к единой пространственно-временной системе.

При этом Армстронг отличает таким образом определенный натурализм от материализма (физикализма), для которого характерно утверждение, что мир может быть полностью описан в терминах физики.

Против МН1 можно возразить, что далеко не все сущности (или предполагаемые сущности), расположенные в пространстве-времени, интуитивно совместимы с натурализмом. МН1, например, не может отсеять существование привидений, какими их традиционно представляют в книгах и фильмах – они состоят из «эктоплазмы» или другого «нематериального вещества», но находятся в нашем пространстве-времени и могут восприниматься органами чувств. Натурализм должен отрицать подобные сущности как сверхъестественные.

Другие сторонники Н указывают, что характеристика всех сущностей как пространственно-временных является лишь производной, а главное для Н – возможность исследовать все сущности с помощью научных методов. Тогда у нас будет следующее определение:

(МН2) Каждая сущность принадлежит к такому виду, что принадлежащие к нему вещи в принципе могут успешно изучаться наукой.

Слово «успешно» в определении нужно, так как мы можем попытаться изучить с помощью науки даже предполагаемые

---

[316] Stroud B. The charm of naturalism // De Caro M., Macarthur D. (eds.) Naturalism in Question. Cambridge, Ma., Harvard University Press, 2004 p. 23

[317] Armstrong D. Naturalism, materialism, and first philosophy. // Philosophia. 1978. № 8(2-3). pp. 261-276

сверхъестественные объекты. Главная трудность для этого определения заключена в отсутствии однозначного понятия науки. Какая именно наука имеется в виду: имеется ли в виду любое рациональное и аргументированное исследование или только эмпирическая наука? Следует ли понимать под наукой лишь современное естествознание? Ведь многие неестественные сущности – энтелехии, субстанциальные формы, теплород и так далее вполне успешно (как им казалось) изучались представителями естествознания прошлых эпох. Самым очевидным решением проблемы кажется ограничение науки современным естествознанием – физикой, химией, биологией и так далее. Но мы можем ссылаться либо на методы этих наук, либо на теории и получим два новых варианта определения Н:

(МН3) Каждая сущность принадлежит к такому виду, что принадлежащие к нему вещи в принципе могут успешно изучаться с помощью методов современного естествознания.

(МН4) Каждая сущность может быть полностью описана, используя теории, созданные современным естествознанием.

Эти определения также не лишены трудностей и неясностей. Что значит «в принципе» в МН3, какие именно теории имеются в виду и что подразумевается под «полностью описана» в МН4?

Совершенно другой подход отталкивается от традиционного разделения наук на естественные и гуманитарные. Такие науки, как физика, химия и геология изучают естественные сущности, то есть такие, которые могут быть поняты без отсылок к человечеству и созданной им культуре. Гуманитарные же науки (история, языкознание, искусствоведение и так далее) изучают явления, которые не могли бы существовать без человека и его активности. Как кажется, это подразумевает, что человечество, общество, культура занимают некое особое, отдельное место в нашей вселенной и отделены от природы. Отсюда и традиционное противопоставление культуры природе. Однако натурализм можно понять как отрицание такого специального, привилегированного положения человека. Человечество не представляет собой ничего специального, а является такой же частью природы, как и другие естественные сущности. Из этого понимания Н вытекает отрицание таких сверхъестественных явлений как боги, духи, призраки и так далее. Все они, если бы существовали, были бы разумными и свободными агентами, похожими на людей личностями, а значит

существовало бы глубокое разделение между людьми (или похожими на людей существами) и остальной природой. Это определение Н перекликается с представлением о физикалистской программе в философии, которую Дэниел Столджар считает доминирующей, стандартной в современной аналитической философии. К рассмотрению физикализма мы сейчас и переходим.

В каком-то смысле можно сказать, что Ф стал стандартной и ортодоксальной позицией. Более того, саму философию и стоящие перед ней задачи часто видят через призму Ф. Даниел Столджар назвал такую позицию (хотя сам он ее не разделяет) стандарной картиной. По его мнению, она состоит из пяти основных тезисов[318].

1. Физикализм истинен – основной тезис.

2. Физикализм выражает картину мира, мировоззрение, имплицитно содержащееся в естественных науках – интерпретативный тезис.

3. Наиболее рационально соглашаться с картиной мира, мировоззрением, имплицитно содержащимся в естественных науках – эпистемологический тезис.

4. Физикализм, на первый взгляд, несовместим со многими предположениями нашей повседневной жизни – тезис о конфликте.

5. Единственный способ решить этот конфликт – это предложить такие интерпретации предположений нашей повседневной жизни, при которых они не будут конфликтовать с физикализмом – тезис о разрешении.

Именно философии и предстоит выполнить задачу из пятого пункта. Но чтобы лучше понять, в чем именно состоит эта задача, необходимо сказать несколько слов о пункте четвертом. Какие же именно предположения из нашей повседневной жизни противоречат Ф? Столджар в своей книге приводит следующие[319]: люди воспринимают вещи и имеют телесные ощущения (боль, зуд и так далее), люди говорят о разных вещах и их речь наделена смыслом, люди иногда говорят и действуют свободно, люди действуют и совершают поступки, для которых у них есть основания (reasons), существуют математические и логические истины и так далее. Действительно, большинству (даже сторонникам Ф) на первый взгляд может показаться,

---

[318] см. Stoljar D. Physicalism. New York, Routledge, 2010 p. 164

[319] см. ibid. p. 14

что совместить эти явления с физикалистским восприятием мира достаточно трудно, а как думают противники Ф и вовсе невозможно. Какое место может найтись в физикалистском мире для квалиа (qualia), значения (meaning), оснований, свободной воли, математических объектов? Разрешением этого противоречия и должна заняться философия. Тем не менее, несмотря на наличие стандартной картины, среди философов нет согласия по поводу того, как именно надо определять физикализм. Самые известные определения мы сейчас рассмотрим.

Наиболее кратким образом Ф можно охарактеризовать как тезис о том, что все является физическим.

(Ф0) Всё является физическим.

Очевидно, что в таком виде тезис слишком неопределенен и расплывчат (и, скорее всего, ложен, если понимать его буквально). По меньшей мере следует уточнить, что именно значат слова «всё», «является» и «физическим». Тогда мы получим более полную и точную формулировку, которая может претендовать на истинность. Начнем мы со слова «всё» и попытаемся определить объём физикализма.

Подавляющее большинство сторонников Ф признает, что эта теория не может и не должна утверждать, что физическим является абсолютно всё существующее. Такие сущности, как Организация Объединенных Наций, Россия, число 5 или пустое множество мало кто посчитает физическими. Конечно, физикалисты могут отрицать их существование вообще, но эта стратегия слишком контринтуитивна и сопряжена со значительными трудностями. Поэтому кажется, что нам следует иметь в виду не все существующее вообще, но лишь конкретные (о различии между абстрактным и конкретным см. главу 4), находящиеся в пространстве-времени объекты, то есть конкретные партикулярии.

(Ф1) Все конкретные партикулярии являются физическими.

Это определение позволит физикалистам признать существование чисел и других математических объектов, так как они являются абстрактными и не подпадают под действие Ф1. Определение, однако, уязвимо перед некоторыми контрпримерами. Многие современные дуалисты отвергают существование нематериальных партикулярий, таких как души. Вместо этого они утверждают, что некоторые

физические объекты, организованные особым образом (например, человеческие тела или части тела, такие как мозг), обладают наряду с физическими еще и особыми ментальными свойствами, которые отличны от и не сводимы к физическим. Их позиция получила название дуализма свойств и в настоящее время стала гораздо популярнее старого субстанциального дуализма. Определение Ф должно эту позицию исключить. Поэтому, возможно, ее следует сформулировать в терминах свойств, а не партикулярий. Тогда мы получим такой тезис:

(Ф2) Все свойства являются физическими.

Но и это определение нуждается в уточнении. Какие именно свойства имеются в виду? Например, даже в полностью физическом, материальном мире могут существовать фундаментально ментальные свойства. Просто они будут неинстанцированы (очевидно, что признание такой возможности зависит от взглядов на сущность свойств). Поскольку Ф не должен предрешать вопросы метафизики свойств и отвергать существование неинстанцированных свойств, его формулировка должна быть скорректирована.

(Ф3) Все инстанцированные свойства являются физическими.

Но достаточно ли такого определения? Физикалист в любом случае должен будет говорить не только о свойствах, но и о партикуляриях, событиях и так далее. Многие современные философы отрицают возможность сведения конкретных партикулярий к пучку свойств (см. главу 2). Поэтому определение Ф не может ограничиться только одними свойствами. Известный сторонник Ф Эндрю Мелник предлагает[320] включить в определение не только свойства, но и объекты (конкретные партикулярии) и события. При этом в определении должны упоминаться актуальные токены, принадлежащие к этим трем категориям – актуальные отдельные свойства (actual property instances), индивидуальные объекты и индивидуальные события. Если же мы признаем еще какие-нибудь онтологические категории, нередуцируемые к данным трем (процессы, положения дел, силы и так далее), то мы можем тоже включить их в определение. Все эти токены должны, по мнению Мелника, удовлетворять двум условиям:

---

[320] Melnyk A. A Physicalist Manifesto: Thoroughly Modern Materialism. Cambridge, Cambridge University Press, 2003 p. 9

они должны быть контингентными и играть какую-либо каузальную роль (хотя бы в качестве следствий). При таких ограничениях Бог, который существует необходимо, абсолютно никак не взаимодействует с миром и не находится в причинно-следственных отношениях с другими объектами, не будет нарушением физикализма, хотя Бог традиционного теизма (сотворивший мир и активно в него вмешивающийся) будет его нарушать. Также нарушением Ф будут даже эпифеноменальные ментальные свойства или события, так как они являются следствием физических свойств или событий. При таких ограничениях мы получим следующее определение физикализма:

(Ф4) Все актуально существующие, контингентные и каузально активные токены объектов, свойств, событий являются физическими.

Такое определение наиболее успешно сможет отразить наши интуитивные представления об области применения Ф, включив в неё весь окружающий нас мир, но исключив такие абстрактные объекты, как числа, поскольку они являются необходимыми и каузально пассивными.

Следующая наша задача – уточнить, что представляет из себя «физическое», которым являются объекты, свойства и события. Кажется, что наиболее простым решением будет приравнять физическое к материальному, которое традиционно наделялось целым рядом отличительных черт, таких как протяженность, непроницаемость и так далее. Мы получим такое определение физического (материального) объекта:

(Физ1) объект x является физическим ↔ x обладает большинством таких свойств, как размер, форма, протяженность в пространстве, способность к движению, непроницаемость, плотность, то есть способность сопротивляться давлению со стороны других физических объектов.

На протяжении столетий эти черты считались большинством ученых и философов неотъемлемыми признаками материальных объектов. Однако с развитием естествознания в 19-20 веках эти взгляды подверглись пересмотру. Если мы будем по-прежнему их придерживаться, то нам придется отказать в статусе физических объектов электромагнитному полю, кваркам, суперструнам и другим объектам,

занимающим центральное место в современной физической картине мира. Кроме того, Физ1 определяет лишь объекты, но не касается свойств и событий. Предложенные характеристики явно не подойдут для их определения – мы не можем приписать форму и плотность событию или свойству. Поэтому был предложен ряд других определений, пытающихся преодолеть эту трудность. Например, Пол Мил и Уилфрид Селларс предложили[321] два таких определения.

(Физ2) объект или событие x является физическим ↔ x принадлежит к пространственно-временному континууму.

(Физ3) объект или событие x является физическим ↔ x определим с помощью примитивных теоретических терминов, адекватных для полного описания всех актуальных состояний вселенной до появления жизни.

Как мы видим, Физ2 и Физ3 определяют не только объекты, но и события, хотя свойства по-прежнему не упомянуты. Первое из них перекликается с определением натурализма МН1 и подвержено тем же проблемам – далеко не все возможные пространственно-временные объекты мы готовы признать физическими. Физ3 фактически приравнивает физическое к неорганическому, то есть тем объектам и событиям, которыми исчерпывалась наша вселенная до появления жизни. Но какими именно объектами исчерпывалась наша вселенная до появления жизни? Ведь, если окажется, что она включала в себя объекты из эктоплазмы, то физикализм должен быть отвергнут, чего данное определение сделать не позволяет. Физ3 получается слишком широким и неопределенным.

Многие философы предложили сосредоточится на определении физических свойств, полагая, что через них мы потом сможем определить объекты и события (например, чисто физический объект – тот, который обладает только физическими свойствами). В своей книге 2010 года «Физикализм» Дэниел Столджар предположил, что физическое свойство представляет собой кластерное понятие. Для определения такого понятия мы обращаемся к представлениям социальной группы, использующей данное понятие, и из этих представлений извлекаем набор свойств, которые ему приписываются. В итоге

[321] Meehl P. E., Sellars W. The concept of emergence. // Feigl H., Scriven M. (eds.) The Foundations of Science and the Concepts of Psychology and Psychoanalysis. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1956 pp. 239-252

мы получаем его характеристику, хотя и без необходимых и достаточных условий для его применения. Социальной группой в данном случае будут философы. По мнению Столджара, физическое свойство в представлении философов обладает пятью основными характеристиками[322]:

1. Физические свойства являются отличительными свойствами интуитивно физических объектов. Такими будут те объекты, которые мы интуитивно, в повседневной жизни признаем физическими – столы, стулья, камни и так далее. Они обладают размером, формой, протяженностью в пространстве, то есть свойствами из определения Физ1.

2. Физические свойства – это те свойства, которые выражены предикатами физической теории.

3. Физические свойства являются объективными или интерсубъективными. О том, что они инстанцированы можно узнать с более чем одной точки зрения, их могут познавать существа с разной психологией и разными способностями к восприятию окружающего мира.

4. Физические свойства – это те свойства, которые можно познавать через применение характерных для естественных наук методов.

5. Физические свойства не являются характерными признаками таких объектов, как души, призраки и так далее.

Из этих мнений философов мы можем извлечь такое определение физического свойства[323]:

(Физ4) F является физическим свойством ↔ a. F одно из отличительных свойств физических объектов ∨ b. F выражено предикатом физической теории ∨ c. F объективно ∨ d. F является свойством, познаваемым с помощью научных методов ∨ e. F не является отличительным свойством душ, призраков и так далее.

Одним из преимуществ кластерных определений является возможность исключить или добавить те или иные характеристики в определение, поскольку они не являются необходимыми условиями

[322] см. Stoljar D. Physicalism. New York, Routledge, 2010 p. 56
[323] см. ibid. p. 57

для данного понятия, как это бывает при полноценном анализе. Легко заметить, что при современном развитии естественных наук мы не можем больше приписывать физическим свойствам первый из упомянутых в определении признаков. Такие свойства, как очарование или изоспин невозможно назвать отличительными свойствами интуитивно физических объектов. Поэтому Физ4 нуждается в модификации. Значительное число философов (как сторонников Ф, так и его противников) считают, что главной характеристикой в определении Физ4 является b, то есть физические свойства – это те свойства, которые фигурируют в физической теории. Сразу же возникает проблема – какая именно физика должна иметься в виду в определении? Эта проблема была наиболее отчетливым образом выражена в так называемой дилемме Гемпеля, названной по имени немецко-американского философа Карла Густава Гемпеля (Carl Gustav Hempel). В определении мы можем ссылаться либо на текущую физику (те теории, которые приняты научным сообществом в данный момент), либо на некую идеализированную (теории, которые будут приняты в будущем, когда физика будет завершена). Оба этих решения имеют неприятные последствия. Джефри Хелман пишет о них следующее: «Текущая физика наверняка неполна (даже в её онтологии), а также неаккуратна (в её законах). Это приводит к дилемме: либо физикалистские принципы основаны на текущей физике, и в этом случае есть все основания полагать, что они ложны; либо нет [основаны не на текущей, а на идеализированной физике] и в этом случае их, как минимум, трудно интерпретировать, поскольку они основываются на «физике», которая не существует – при этом у нас нет никакого общего критерия «физического объекта, свойства или закона», сформулированного независимо от существующей физической теории»[324]. Получается, что Ф либо ложен (при опоре на текущую физику, которая скорее всего окажется ложной и будет пересмотрена в будущем), либо бессодержателен (при опоре на завершенную, идеальную физику, о которой мы в данный момент ничего не знаем). Дилемму можно сформулировать в виде следующего аргумента:

1. Если физические свойства по определению являются теми свойствами, которые фигурируют в современных физических теориях, то физикализм ложен.

[324] Hellman G. Determination and Logical Truth // Journal of Philosophy. 1985. №82. p.609

2. Если физические свойства по определению являются теми свойствами, которые фигурируют в идеальных физических теориях, то физикализм бессодержателен.

3. Или верно, что физические свойства по определению являются теми свойствами, которые фигурируют в современных физических теориях, или верно, что физические свойства по определению являются теми свойствами, которые фигурируют в идеальных физических теориях.

4. Следовательно, или физикализм ложен, или физикализм бессодержателен.

Первая из посылок подкрепляется простым индуктивным аргументом. Все физические теории, выдвинутые за несколько последних веков (или тысячелетий, если мы будем считать, что естествознание возникло в древности, а не в 17 веке, когда произошла так называемая научная революция), оказались либо ложными, либо неполными и были пересмотрены последующими поколениями ученых. У нас нет никаких оснований считать, что современная физика является окончательной и уже не подвергнется пересмотру в будущем. Следовательно, высока вероятность того, что нынешние физические теории либо ложны, либо неполны, как и их предшественники. Следует сразу же заметить, что мы можем говорить лишь о высокой вероятности того, что современная физика окажется ложной. Поскольку на данный момент она не опровергнута (тогда она просто не была бы современной физикой), мы не можем знать наверняка о её ложности. То же самое мы можем сказать и о Ф, если он будет базироваться на современной физике. Вторая посылка аргумента исходит из интуитивно истинного соображения о том, что мы не знаем, какой будет физика (какие свойства и объекты она будет постулировать в качестве фундаментальных), когда она достигнет своего завершения, то есть станет идеальной и полной. Обращение к такой физике создает еще одну проблему (кроме бессодержательности) для физикалистов. По словам Джессики Уилсон[325], ее можно назвать проблемой неподобающего расширения (inappropriate extension). Если мы будем определять физическое, исходя из будущих, идеальных физических теорий, то это позволит считать интуитивно нефизические свойства физическими. Предположим, что существуют фундаментальные ментальные

[325] Wilson J. On Characterizing the Physical. // Philosophical Studies. 2006. № 131(1). pp. 61-99

события, которые могут каузально влиять на физические элементарные частицы. Будущая идеальная физика должна будет дать полное описание таких частиц и всех их возможных причин (без этого она не была бы завершенной физикой), а значит она должна постулировать существование ментальных событий, влияющих на частицы. В итоге получится, что фундаментальные ментальные события будут признаны физическими, с чем должен будет согласиться Ф. Это явно недопустимый результат: фундаментально ментальное является самым очевидным, можно сказать парадигматическим, примером нефизического.

Одно из решений дилеммы, получившее широкую известность, было выдвинуто Эндрю Мелником. Мелник[326] предлагает определять физическое, ссылаясь на современною физику, но это, по его мнению, не означает ложности физикализма. Он утверждает, что Ф представляет собой такую же научную гипотезу, как и гипотезы эмпирических наук. Из этого следует, что мы должны относиться к Ф точно так же, как ученые относятся к гипотезам в своих науках. Если говорить более точно, мы должны придерживаться по отношению к Ф такой позиции, которой придерживаются научные реалисты по отношению к наилучшим на сегодняшний день научным теориям. Научный реалист может согласиться, что текущие наилучшие теории, скорее всего, ложны, однако это не мешает их принятию. Принятие заключается в признании того, что теория лучше (имеет большую вероятность истинности), чем все её релевантные конкуренты. Мелник называет такое отношение к теории НР-отношением (SR attitude), где НР – научный реализм и определяет его так:

(НР-отношение) Иметь НР-отношение к гипотезе значит 1. считать гипотезу истинной или ложной в силу того, каким является независимый от нашего сознания (mind-independent) мир 2. приписывать гипотезе более высокую вероятность, чем вероятности всех её релевантных соперников.

Далее он поясняет, что релевантными соперниками будут актуально сформулированные гипотезы, которые стремятся достичь те же теоретические цели, что и данная гипотеза и не являются ее нотационными вариантами (то есть той же теорией, но сформулированной

[326] Melnyk A. A Physicalist Manifesto: Thoroughly Modern Materialism. Cambridge, Cam-bridge University Press, 2003 pp. 226-227

по-другому). Из определения мы видим, что при НР-отношении сторонник физикализма не обязан считать принимаемую им физикалистскую гипотезу вероятной, то есть приписывать ей вероятность больше 0.5. Достаточно лишь того, что Ф более вероятен, чем все его релевантные соперники. В данном случае этими соперниками будут различные варианты дуализма, эмерджентизма, креационизма и так далее. Это отношение неуязвимо, по мнению Мелника, для первой посылки дилеммы Гемпеля. Сторонник Ф может признать, что Ф вероятно ложен (то есть вероятность его ложности больше 0.5), но при этом иметь НР-отношение к Ф, то есть считать его более вероятным, чем все релевантные соперники и принимать Ф на основании этого.

Не все философы оказались удовлетворены подобным решением. Некоторые из них, например А. Смит[327], посчитали дилемму Гемпеля неразрешимой и решили отказаться от определения физического через физические теории. По их мнению, достаточно лишь отрицательного определения: физическое – это то, что не является ментальным. Однако сразу же возникает проблема. Одна из известных разновидностей Ф утверждает тождество (либо типов, либо токенов) ментального и физического, а значит, согласно этой теории одно и тоже свойство (объект, событие) может быть одновременно и ментальным, и физическим. Например, если воспользоваться классическим примером из философии сознания, боль – это стимуляция С-волокон мозга. Но отрицательное определение физического (как нементального) заведомо исключит эту теорию, что является недопустимым. Кроме того, возможно существование нементальных свойств, которые никто не признает физическими: например, vis vitalis или жизненная сила, постулируемая виталистами. Ввиду этих трудностей некоторые из философов, например Д. Уилсон[328], решили объединить отрицательное определение и ссылку на будущую идеальную физику. Физическими будут те объекты, свойства, события, которые фигурируют в идеальной физической теории, но не являются душами, привидениями и так далее или их характерными свойствами (хотя и в это определение необходимо внести поправки, позволяющие признать возможное тождество физического и ментального).

Подводя итог, мы можем сказать, что философы не достигли единодушия по вопросу о наилучшем и свободном от проблем

[327] Smith A. D. Non-reductive physicalism? // Robinson H. (ed.) Objections to Physicalism. Oxford, Clarendon Press, 1993 p. 245

[328] Wilson J. On Characterizing the Physical. // Philosophical Studies. 2006. № 131(1). pp. 61-99

определении физического, но некоторые из вариантов приобрели большую популярность, чем другие. Чаще всего Ф определяют через ссылку на физические теории, пытаясь при этом обойти указанные нами трудности.

Теперь мы рассмотрим более подробно в каком именно смысле все объекты, свойства и события являются физическими. Как кажется, наиболее простым решением будет рассматривать «является» как выражение тождества. Тогда все объекты, свойства и события будут тождественны физическим объектам, свойствам и событиям. Такой способ определения Ф является, по сути, продолжением и расширением теории тождества сознания и мозга (mind-brain identity theory), просто в данном случае утверждается тождество не только ментальных, но и всех других свойств с физическими. Этот вариант Ф можно сформулировать так:

(Ф5) Каждое свойство тождественно физическому свойству.

Ф5 утверждает то, что принято называть тождеством типов (type identity) – каждый из типов свойств тождественен тому или иному типу свойств физических. Например, боль вообще, боль как тип – то есть боль у всех людей, животных, инопланетян, роботов (если таковые существуют или будут существовать) – тождественна какому-то одному определенному физическому свойству. Однако теория тождества, хотя у нее и остаются сторонники, не приобрела большой популярности ни в философии сознания, ни при формулировке Ф. По широко распространенному мнению, она сталкивается с серьезной и даже фатальной проблемой – проблемой множественной реализации (multiple realization). Интуитивно кажется, что одно и то же ментальное свойство (боль) может быть реализовано совершенно разными физическими свойствами, будь то стимуляция С-волокон у человека или некое состояние кремниевых микрочипов у робота-андроида (который вполне может быть создан). Из этого следует, что боль как тип не может быть тождественна одному определенному физическому свойству как типу. Сторонниками теории тождества были предложены разные способы обойти это возражение. Некоторые, например Д. Ким[329], предложили отказаться от тождества типов и остановиться лишь на тождестве токенов: хотя боль вообще не

[329] Kim J. On the Psycho-Physical Identity Theory. // American Philosophical Quarterly. 1996. №3. pp. 227-235

тождественна стимуляции С-волокон, боль у данного конкретного человека в определенный момент (токен боли) тождественна ей, а боль у рядом стоящего робота (другой токен боли) может быть тождественна некоторому состоянию кремниевых микрочипов. Известной разновидностью теории тождества токенов является в философии сознания аномальный монизм Дональда Дэвидсона[330]. Еще один выход для сторонников тождества – утверждать тождество нефизических свойств не с одним каким-либо физическим свойством, но с их дизъюнкцией. Тогда боль будет тождественна «стимуляции С-волокон или особому состоянию кремниевых чипов или …». Но сразу же возникает вопрос: является ли дизъюнкция физических свойств сама физическим свойством (или даже свойством вообще), ведь объекты, обладающие таким дизъюнктивным свойством, не будут иметь ничего общего в результате наличия у них этого свойства. Кроме того, исчезнет психология (а возможно и другие специальные науки) как единая наука, и у нас останется лишь психология людей, психология осьминогов, психология роботов и так далее для всех видов существ, обладающих болью и другими ментальными свойствами.

Гораздо большую популярность завоевало предложение определить Ф через отношение супервентности между нефизическими (химическими, биологическими, ментальными) и физическими свойствами. Но, прежде чем рассказывать об этой версии Ф, необходимо остановиться более подробно на этом отношении. Строго говоря, это не одно отношение, а целая группа сходных, но отличающихся друг от друга отношений. Супервентность вообще можно определить следующим образом:

(С) Множество свойств А супервентно на другом множестве свойств В $\leftrightarrow$ никакие два объекта не могут отличаться в отношении А-свойств, не отличаясь также в отношении их В-свойств.

То есть не может существовать А-отличий без В-отличий. Чтобы лучше понять определение, рассмотрим пример: у вас имеются две совершенно одинаковые в физическом смысле картины. Предположим, что они совпадают вплоть до последнего атома и обе являются копиями картины Эдвада Мунка «Крик». Мы можем сказать, что все свойства картин (их внешний вид, размещение красок на

[330] Davidson D. Mental Events // Davidson D. Essays on Actions and Events. Oxford, Clarendon Press, 1980. pp. 207-225

холсте, их эстетические свойства) супервентны на физических свойствах – если бы одна из картин отличалась от другой внешним видом (на определенном участке холста краска была бы не синей, а зеленой), то она неизбежно должна была бы отличаться и физическими свойствами (на этом участке находилась бы другая конфигурация элементарных частиц). Точно также, одна из картин никак не может быть более красивой, чем другая (то есть отличаться своими эстетическими свойствами) – если физически они точные копии, то разнице в красоте просто неоткуда взяться. Понятие супервентности является одним из важнейших и широко используемых в аналитической философии. Часто утверждается, что эстетические, этические и ментальные свойства супервентны на физических. Но, несмотря на это, о самом понятии идут жаркие споры, разные философы обращаются к разным вариантам этого понятия, которые мы сейчас и рассмотрим.

Супервентность можно разделить на индивидуальную и глобальную: первая из них относится к отдельным объектам, а вторая – к возможным мирам в целом. По мнению Джегвона Кима[331], индивидуальную супервентность можно далее подразделить на слабую и сильную, которые он определяет следующим образом:

(ИС-Слаб) А-свойства слабо супервентны на В-свойствах ↔ для любого возможного мира w и любых индивидов x и y, если x и y В-неразличимы в w, то они А-неразличимы в w.

(ИС-Сил) А-свойства сильно супервентны на В-свойствах ↔ для любых возможных миров w_1 и w_2 и любых индивидов x в w_1 и y в w_2, если x в w_1 В-неразличим от y в w_2, то x в w_1 А-неразличим от y в w_2.

Слабая супервентность связывает два вида свойств лишь в пределах одного мира, то есть она допускает возможность того, что в другом возможном мире эти же самые свойства уже не будут связаны. Сильная утверждает связь свойств во всех возможных мирах – даже объекты из разных миров не могут отличаться в своих А-свойствах, если они тождественны в В-свойствах. Философы активно используют обе разновидности супервентности в своих теориях. Например, Дональд Дэвидсон, разъясняя свой аномальный монизм, утверждал,

---

331 Kim J. Concepts of Supervenience. // Philosophy and Phenomenological Research. 1984. № 2. pp. 153-176

что из этой теории следует лишь слабая супервентность, поскольку в ней отвергается существование психофизических законов[332]. Однако обращение к слабой супервентности создает проблему объяснения – почему два объекта из разных миров могут отличаться по А-свойствам, будучи тождественными в В-свойствах, но такие же два объекта из одного мира – не могут. Что именно им препятствует? В результате большинство использующих супервентность философов предпочитают обращаться к сильной её разновидности.

Как мы уже упоминали, суперветность в целом делится на глобальную и индивидуальную. Глобальная распространяет отношение между свойствами на возможные миры в целом. Ей можно дать такую формулировку:

(ГС) А-свойства глобально супервентны на В-свойствах ↔ для любых возможных миров w_1 и w_2, если w_1 и w_2 имеют абсолютно одинаковый общемировой паттерн (world-wide pattern) распределения В-свойств, то они имеют абсолютно одинаковый общемировой паттерн распределения А-свойств.

ГС может решать задачи, которые не под силу индивидуальной супервентности. В частности, она способна учитывать реляционные свойства, такие как *быть рублевой купюрой* или *быть работой Пауля Клее*. Также ГС может охватить не только свойства, но и другие явления. Например, согласно юмовской регулярностной теории законов природы, законы представляют собой общие факты (регулярности), вытекающие из частных фактов. Эту теорию крайне трудно сформулировать с использованием только индивидуальной супервентности, а ГС с ней легко справится. В связи с этими преимуществами именно ГС используют[333] при определении физикализма, получая следующий тезис:

(Ф6) Любой возможный мир w, который является физическим дубликатом нашего мира, является его полным дубликатом.

(Ф6) утверждает, что любой мир, имеющий точно такой же общемировой паттерн распределения физических свойств, как и у

---

[332] см. Davidson D. Thinking Causes // Heil J., Mele A. (eds.) 1993 Mental Causation. Oxford, Clarendon Press, 1993 p. 4

[333] Jackson F. From Metaphysics to Ethics: A Defense of Conceptual Analysis. Oxford, Clarendon, 1998 p. 11

нашего мира (являющийся физической копией нашего мира), будет иметь такой же общемировой паттерн распределения всех других свойств (химических, биологических, ментальных и так далее). Это определение сразу же сталкивается с серьезным возражением. Прежде чем его рассматривать, следует заметить, что для подавляющего большинства его сторонников Ф является контингентным тезисом, он не является метафизически необходимым – могут существовать возможные миры, где Ф нарушается, и существуют такие сущности, как души или привидения. Отсюда и происходит проблема для Ф6. Рассмотрим такое ментальное свойство как *быть самой счастливой личностью в мире* и предположим, что в нашем мире им обладает како-либо один человек. Даже если все ментальные свойства таковы, какими их представляет Ф (они супервентны на физических свойствах), нет никакой гарантии, что мир, являющийся физическим дубликатом нашего, будет его дубликатом в отношении этого свойства. Чтобы убедиться в этом, представим возможный мир w, который действительно есть полный физический дубликат нашего. Но в этом мире дополнительно присутствует еще одно сознание, каузально никак не взаимодействующее с физической частью мира (то есть эпифеноменальное сознание), и оно обладает чистым переживанием счастья, большим, чем какое-либо другое сознание. Этот мир нарушает Ф6, хотя физикалисты не могут отрицать его существование, поскольку Ф является контингентным и подобный мир явно метафизически возможен. Это возражение иногда еще называют проблемой эпифеноменальной эктоплазмы. Из него следует, что Ф6 нуждается в исправлении или дополнении. По общему мнению, к определению нужно добавить так называемый факт полноты или тотальности, то есть утверждение о том, что физический дубликат нашего мира не содержит каких-либо дополнительных сущностей, вроде эпифеноменального сознания, и совокупность физических фактов является полной и исчерпывающей. Наиболее известная попытка это сделать принадлежит Фрэнку Джексону, предложившему следующее определение[334]:

(Ф7) Любой возможный мир w, который является минимальным физическим дубликатом нашего мира, является его полным дубликатом.

[334] Jackson F. From Metaphysics to Ethics: A Defense of Conceptual Analysis. Oxford, Clarendon, 1998 p. 12

Под минимальным физическим дубликатом подразумевается мир, тождественный нашему по всем физическим параметрам, но при этом не содержащий ничего сверх этого, никаких дополнительных сущностей, таких как эпифеноменальное сознание. Только такие миры должны быть полными дубликатами нашего, а значит проблема исчезает, так как рассмотренный выше мир w, помимо всех физических сущностей нашего мира, содержит и нечто сверх этого – дополнительное эпифеноменальное сознание. Это решение проблемы эпифеноменальной эктоплазмы убедило далеко не всех философов. Джегвон Ким, например, в своей статье 1987 года «Еще раз о «сильной» и «глобальной» супервентности» приводит такое возражение: «С этой версией материализма совместимо существование мира, который отличается физически от нашего мира в некотором самом незначительном отношении (скажем, кольца Сатурна в этом мире содержат на одну молекулу аммиака больше), но который совершенно лишен сознания или имеет радикально другое, возможно совершенно беспорядочное, распределение ментальных характеристик среди его обитателей (скажем, создания с мозгами не имеют сознания, в то время как камни обладают им). Пока этот мир отличается от нашего в некотором физическом отношении, сколь угодно незначительном или по-видимому иррелевантном, он может быть насколько вам угодно отличающимся в любом психологическом аспекте по вашему выбору»[335] . Действительно, миры не являющиеся минимальными физичекими дубликатами (пусть даже из-за наличия одной лишней молекулы аммиака), могут в соответствии с Ф7 не быть его полными дубликатами, то есть сколь угодно сильно отличаться в распределении всех нефизических свойств. Сторонники определения могут ответить, что подобный возможный мир, хотя и не отвергается самим определением Ф, тем не менее невозможен из-за известных нам характеристик ментального и физического: ментальные свойства, насколько мы знаем, являются внутренними свойствами и их наличие/отсутствие у какого-либо организма на Земле никак не зависит от состава колец Сатурна. Если же они окажутся внешними, тогда подобный мир действительно будет возможен, но не будет проблемой для Ф, так как эта ситуация покажет не ошибочность Ф, а ошибочность наших нынешних представлений о ментальном – ментальные свойства зависят от

---

[335] Kim J. «Strong» and «Global» Supervenience Revisited // Philosophy and Phenomenological Research. 1987. №48(2). p. 321

физических очень странным образом, и молекула аммиака в кольцах Сатурна влияет на сознание людей на Земле.

Несмотря на указанные трудности, супервентный физикализм остается одним из наиболее популярных, и той или иной его формулировки придерживается значительное число философов. Однако были предложены и альтернативные определения Ф, не использующие понятие супервентности. В частности, Дэниел Столджар[336] предложил использовать понятие вынуждения или необходимого следования (necessitation). Причем необходимость, о которой говорится в его определении – это необходимость метафизическая, то есть распространяющаяся на все возможные миры. Одно свойство метафизически необходимо следует из другого, если во всех возможных мирах, где инстанцировано одно, инстанцировано и другое. Например, *быть цветным* метафизически необходимо следует из свойства *быть синим*. В итоге Столджаром было предложено следующее определение (он определяет Ф не для нашего мира, как предыдущие теории, а для любого возможного мира вообще):

(Ф8) Физикализм истинен в мире w ↔ для каждого свойства F, инстанцированного в w, есть некоторое физическое свойство G, инстанцированное в w, такое, что для всех возможных миров w*, если G инстанцированно в w*, то F инстанцированно в w*.

Это определение сводится к существованию отношения метафизически необходимого следования между физическими и всеми остальными свойствами в любом мире, где Ф истинен.

Другая известная формулировка Ф была предложена Эндрю Мелником в его книге 2003 года «Физикалистский манифест»[337]. По его мнению, лучше всего физикалистский тезис можно сформулировать с помощью понятия реализации, из-за чего свою версию Ф он назвал реализационным физикализмом (realization physicalism). Если говорить кратко, то его теория сводится к утверждению, что всё существующее (все контингентные и каузально активные токены объектов, свойств и событий) является либо физическим, либо реализовано чем-то физическим. Отношение реализации по Мелнику – это отношение между двумя токенами различных типов, будь то объекты, свойства или события. Реализуемый токен должен быть токеном

[336] см. Stoljar D. Physicalism. New York, Routledge, 2010 p. 112

[337] Melnyk A. A Physicalist Manifesto: Thoroughly Modern Materialism. Cambridge, Cambridge University Press, 2003

функционального типа, то есть типа более высокого порядка (higher-order type), такого, что его токен существует, если и только если существует токен того или иного типа более низкого порядка (lower-order type), который играет определенную роль или же просто отвечает определенным условиям. Такие условия для какого-либо функционального типа Мелник называет ассоциированными условиями и обозначает как С. Необходимо, что если существует токен какого-либо типа, удовлетворяющий условиям С, то существует токен функционального типа, с которым эти условия связаны. В результате функциональные типы будут различаться между собой в зависимости от этих условий. Теперь мы можем дать такое определение отношению реализации:

(Р) токен x реализует токен y ↔ (i) y является токеном некоторого функционального типа F, такого что необходимо существует токен типа F ↔ существует токен того или иного типа, который отвечает условиям С, (ii) x – токен какого-либо типа, который действительно отвечает условиям С, (iii) токен типа F, чьё существование логически гарантировано выполнением условия (iv), нумерически тождественен с y.

Мелник замечает, что, хотя определение (Р) использует понятие нумерического тождества, из него не следует, что x тождественен y, то есть теория Мелника не является разновидностью физикализма тождества: x не тождественен, но лишь реализует y. Кроме того, реализующий токен (то есть x) сам, в свою очередь, может быть токеном какого-либо функционального типа и реализовываться другим токеном z, представляющим тип более низкого порядка. Такая особенность определения позволяет утверждать возможность многоступенчатой физической реализации определенных свойств или объектов: ментальное свойство реализовано биологическим, биологическое – химическим, а химическое уже физическим. Поскольку же реализация – транзитивное отношение, мы можем утверждать, что ментальное свойство реализовано физически. Для физической реализации Мелник дает отдельное определение:

(ФР) токен x функционального типа F физически реализован ↔ (i) x реализован токеном некоторого физического типа T, (ii) T отвечает ассоциированным условиям F исключительно в силу

логического следствия распределения в мире физических токенов и выполнения физических законов.

Условие (ii) необходимо для исключения такой ситуации, когда, например, стол реализует ментальные свойства, поскольку это было бы чудом и нарушало законы природы, а значит Ф должен исключать такую возможность. Кроме того, (ii) исключает такие нефизические ассоциированные условия как «присутствие в Австралии двух ангелов», что тоже несовместимо с Ф.

Понятие физической реализации позволяет Мелнику дать следующее определение физикализма:

(Ф9) Каждый случай свойства (property instance) является случаем либо физического свойства, либо физически реализованным случаем некоторого функционального свойства; каждый объект является либо объектом некоторого физического вида, либо физически реализованным объектом некоторого функционального вида; каждое событие является либо событием некоторого физического вида, либо физически реализованным событием некоторого функционального вида событий.[338]

Основная идея определения заключается в том, что физические токены свойств, объектов, событий и те функциональные токены, которые они реализуют – это все, что содержит наш мир, ничего другого в нем нет. Кроме того, мы можем отождествить виды, упоминаемые в таких специальных науках, как химия, биология, психология с функциональными видами (метан, гемоглобин, ДНК, рибосомы, киты и дельфины окажутся тождественными с теми или иными функциональными видами, имеющими чисто физические условия реализации). Тогда Ф не нужно будет отрицать или подвергать элиминативной редукции всё, о чем говорят эти науки. Такое тождество Мелник считает метафизическим, но открываемым лишь апостериорно, в ходе научного исследования. Накопленные современной наукой знания, как кажется, поддерживают его утверждение – ДНК, гемоглобину и так далее действительно можно дать функциональное описание в физических терминах, хотя для ментальных свойств и событий

---

[338] см. Melnyk A. A Physicalist Manifesto: Thoroughly Modern Materialism. Cambridge, Cambridge University Press, 2003 p. 26

сделать это гораздо труднее, или, по мнению некоторых философов (противников функционализма), вовсе невозможно.

Как полагает Мелник, его определение обладает целым рядом преимуществ. Во-первых, оно отражает интуитивно правильное представление от том, что Ф подразумевает существование физических факторов истинности для всех истинных описаний нашего мира (о факторях истинности см. главу 1). Мелник называет это представление Интуицией о Факторах истинности (Truthmaker Intuition) и формулирует его так: если Ф истинен, то мы можем утверждать, что в каком-то смысле все истинные описания мира, данные в терминах специальных наук, делаются истинными распределением в мире физических токенов (при учёте физических законов). Ф9 раскрывает в каком смысле мы можем это утверждать – объекты и свойства, упоминаемые в специальных науках, реализованы физическими объектами и свойствами. Во-вторых, определение Ф9 не требует существования необъяснимых и фундаментальных законов, связывающих объекты и свойства специальных наук с объектами и свойствами физики (наиболее известная разновидность таких законов – психофизические законы, связывающие ментальное и физическое). Все подобные законы объясняются опять-таки через реализацию.

Независимо от того, как именно мы формулируем Ф, за и против его истинности можно выдвинуть целый ряд аргументов, наиболее известные из которых мы рассмотрим, начав с аргументов в его пользу.

Значительное число физикалистов считает Ф эмпирической и контингентной теорией, истинной в нашем мире, но могущей быть ложной в других метафизически возможных мирах. В связи с этим они полагают, что и аргументы должны быть эмпирическими и опираться на данные современной науки. Например, Эндрю Мелник посвятил несколько глав своей книги «Физикалистский манифест» обзору сведений из химии, биологии и других наук, подтверждающих Ф. Рассматривать подробно все эти конкретные данные у нас нет возможности, однако мы можем привести общую схему аргументов, почерпнутых из эмпирической науки. Такие аргументы представляют собой разновидность абдукции или заключения к наилучшему объяснению. Предполагается, что физикалистское объяснение тех или иных фактов окажется лучше, чем все его конкуренты – дуалистические, идеалистические, эмерджентистские и другие объяснения. Эти аргументы мы можем обобщенно представить в следующем виде:

1. Сущности Ts, о которых идет речь (ДНК, гемоглобин и так далее) обладают характеристиками C_1, C_2, ... C_n.

2. Ts имеют физические системы Ps (физические сущности, соединенные определенным образом) в качестве составных частей или полностью с ними совпадают.

3. Можно ожидать на основе чисто физических соображений, что Ps будут обладать C_1, C_2, ... C_n.

4. Поэтому гипотеза, что Ts тождественны/супервентны/реализуются (в зависимости от того, какого определения Ф придерживаться) Ps, дает объяснение тому, что Ts обладают характеристиками C_1, C_2, ... C_n.

5. Гипотеза, что Ts тождественны/супервентны/реализуются Ps, более экономна чем ее антифизикалистские соперники и не страдает от теоретических недостатков.

6. Поэтому гипотеза, что Ts тождественны/супервентны/реализуются Ps, дает наилучшее объяснение тому, что Ts обладают характеристиками C_1, C_2, ... C_n.

7. Поэтому тот факт, что Ts обладают характеристиками C_1, C_2, ... C_n, свидетельствует в пользу того, что Ts тождественны/супервентны/реализуются Ps.

Опираясь на эту общую схему и используя данные разных эмпирических наук, мы можем сформулировать множество аргументов в пользу физикалистского истолкования значительного числа (или даже большинства) явлений окружающего нас мира. Подавляющее большинство современных философов сходятся на том, что химическим и биологическим явлениям можно дать физикалистское объяснение. Трудность для Ф представляют ментальные явления, относительно которых гораздо меньше консенсуса, хотя и здесь большинство философов придерживается той или иной разновидности Ф.

Другой известный аргумент в поддержку Ф получил название аргумента от каузальной закрытости или замкнутости (causal closure) физического. Его основная идея заключается в том, что физический мир каузально замкнут, то есть каждое физическое событие имеет достаточную физическую причину, и нам не нужно обращаться к каким-либо внешним для физики факторам для его полного каузального объяснения. Это не значит, что у физических событий не может быть других объяснений в терминах специальных наук, но подразумевает лишь наличие у каждого из них полного объяснения в терминах физики (если событие вообще может быть объяснено). Истинность

каузальной замкнутости может быть подкреплена фактами из самой физики – все обсуждаемые в физике события, как правило, успешно объясняются другими физическими событиями, физика не нуждается в обращении к химическим или биологическим теориям. Используя каузальную замкнутость, мы можем дать примерно такую общую схему аргумента в пользу Ф:

1. События типа А (где А – те или иные химические, биологические или ментальные события) систематически являются причинами некоторых физических событий.
2. Все физические события имеют достаточные физические причины.
3. Систематическая каузальная сверхдетерминация невозможна.
4. Следовательно, события типа А тождественны/супервентны/реализуются физическими событиями.

Первая из посылок подтверждается эмпирически – из данных науки (и из повседневного опыта) нам известны многочисленные случаи, когда биологические или ментальные события вызывают физические следствия. Вторая посылка – это сам принцип каузальной замкнутости физического. Третья – широко известный и поддерживаемый многими (хотя и не всеми) запрет на систематическую сверхдетерминацию. Но что именно в ней плохого и недопустимого? Чтобы это понять, рассмотрим такой пример. Два снайпера (каждый из которых не подозревает о существовании другого и никак с ним не связан) одновременно выстреливают и успешно попадают в одного и того же человека, который погибает, причем оба ранения одинаково смертельны. Практически любой согласиться с тем, что такая ситуация, хотя и возможна, но крайне маловероятна – две независимые причины приводят к одному и тому же результату. В виде исключения подобные ситуации могут происходить, но представить, что они случаются постоянно очень трудно – как если бы все люди, умирающие от снайперских покушений, гибли от пуль двух независимых друг от друга убийц. Это потребовало бы существования в нашем мире огромного количества невероятных и необъяснимых постоянных совпадений. То же самое происходит, когда у физического события две независимых (как должны думать антифизикалисты) причины – физическая плюс химическая/биологическая/ментальная. Именно поэтому многим философам систематическая

сверхдетерминация кажется неприемлемой. В итоге из трех посылок мы можем вывести физикалистский тезис. Из него следует, что никакой сверхдетерминации нет – химические (биологические, ментальные) события не являются независимыми от событий физических – они им тождественны или ими реализованы. Подобный же аргумент можно привести относительно свойств. В этом случае утверждается каузальная замкнутость физического относительно того, какие свойства каузально релевантны в причинно-следственных связях – все физические события имеют достаточные физические причины, в действии которых релевантны лишь физические свойства. Вместе с утверждением о релевантности химических/биологических/ментальных свойств при возникновении физических следствий и запретом на сверхдетерминацию, мы получим аналогичный аргумент, касающийся свойств.

Противники Ф также выдвинули ряд аргументов, стремящихся опровергнуть данную теорию. Поскольку наибольшую трудность для Ф (что признают и его сторонники, хотя они считают эту трудность преодолимой) представляют ментальные свойства, большинство анти-Ф аргументов нацелено именно на них и пытаются показать отсутствие тождества/супервентности/реализации между ментальным и физическим. Самый известный из этих аргументов – аргумент от представимости (conceivability argument). Мы уже упоминали, что Ф (по мнению большинства его сторонников) является контингентным тезисом – метафизическая возможность миров, не подчиняющихся Ф, не отрицается; есть возможные миры с призраками или душами. Однако Ф утверждает метафизически необходимую связь (существующую во всех возможных мирах) между физическими свойствами (объектами, событиями) и всеми остальными свойствами (объектами, событиями) в нашем мире. То есть метафизически невозможен объект физически тождественный какому-либо другому объекту нашего мира, но отличный от него в каких-то других свойствах. Именно это ставит под вопрос аргумент от представимости. В частности, один из вариантов аргумента предлагает нам представить зомби (этот зомби несколько отличаются от образа зомби в массовой культуре и поэтому часто называется философским зомби) – то есть существо, тождественное нам по всем своим физическим свойствам, в том числе поведению, но с одной существенной разницей – он полностью лишен сознания, каких-либо ментальных свойств. Если Ф истинен, то такие зомби метафизически невозможны. Однако аргумент от представимости стремится показать, что это не так –

зомби все-таки возможны. Более строго его можно сформулировать следующим образом:

1. Представимо, что существует некто, полностью тождественный мне во всех физических свойствах, но отличающийся от меня ментально (в случае зомби ментальные свойства у него отсутствуют полностью).

2. Если представимо, что существует некто, полностью тождественный мне во всех физических свойствах, но отличающийся от меня ментально, то это также и возможно.

3. Следовательно, возможно, что существует некто, полностью тождественный мне во всех физических свойствах, но отличающийся от меня ментально.

4. Если возможно, что существует некто, полностью тождественный мне во всех физических свойствах, но отличающийся от меня ментально, то физикализм ложен.

5. Следовательно, физикализм ложен.

Как нетрудно заметить, аргумент является валидным, и его выводом является ложность Ф. Но истинны ли его посылки? Сторонник Ф должен согласиться с четвертой, но может поставить под вопрос первую или вторую. Начнем со второй из них. Многие философы просто-напросто отвергают тесную связь представимости и возможности чего-либо. Они утверждают, что представимость – это эпистемическое понятие, а возможность – метафизическое, и вторая далеко не всегда следует из первой. В этом они опираются на идеи Сола Крипке о существовании апостериорных необходимых истин. Например, известно, что Сэмюэл Клеменс выпускал свои литературные произведения под псевдонимом Марк Твен. В этом случае утверждение, что «Марк Твен – это Сэмюэл Клеменс» (фактически оно утверждает, что человек по имени Сэмюэл Клеменс тождественен самому себе) является необходимо истинным. Однако его истинность невозможно знать априори – просто размышляя над именами Твена и Клеменса, мы не поймем, что они ссылаются на одного и того же человека. Поэтому вполне возможно (не зная истории литературы) представить, что Твен не является Клеменсом, хотя это метафизически невозможно, так как никто не может быть нетождественным самому себе. Аналогично, люди, не обладающие соответствующими эмпирическими знаниями, могут представить, что вода не является H_2O, а Утренняя звезда Вечерней звездой (хотя обе они – планета Венера).

На основании этих соображений мы можем заключить, что из представимости не следует метафизическая возможность, а значит вторая посылка аргумента ложна. Сторонники данного возражения являются приверженцами так называемого апостериорного физикализма. Один из них, Эндрю Мелник, полагает[339], что узнать о тождестве специальнонаучных типов (ген, митохондрия и так далее) с теми или иными функциональными типами, которые физически реализованы, мы можем лишь в ходе эмпирического исследования, то есть апостериорно.

Вторую посылку некоторые отвергают, исходя из представления о феноменальных понятиях или концептах. По их мнению, мы можем представить идентичного нам физиически, но лишенного сознания человека из-за того, что наши феноменальные понятия (понятия таких состояний сознания, как боль, желтизна и так далее) не включают в себя представления о чем-либо физическом. Представляя ощущение боли, мы не думаем о каких-либо процессах в нашем мозге, а сосредотачиваемся лишь на самом ощущении. В результате возникает концептуальный разрыв между ментальным и физическим, и у нас может появиться представление о зомби. Однако из него не следует наличие онтологического разрыва. В отличие от понятий, ментальные и физические свойства вполне могут быть связаны так, как это утверждает Ф, то есть тождеством/супервентностью/реализацией.

Противники аргумента также могут отвергнуть первую из его посылок (хотя этот ход оказался несколько менее популярным). Например, Дэниел Деннет полагает, что сторонники представимости зомби представляют их недостаточно подробно и отчетливо, из чего и возникает иллюзия их представимости. Деннет, как сторонник функционализма, считает, что ментальные состояния определимы через их каузальные отношения с сенсорными стимуляциями, другими ментальными состояниями и поведением. Но у зомби подобные отношения должны сохраняться, так как по своему поведению и внутреннему физическому устройству он ничем от нас не отличается. Если мы подумаем об этом более внимательно, то мы поймем, что зомби внутренне противоречивы и представить их невозможно.

Нетрудно заметить, что большинство антифизикалистских аргументов касаются ментальных свойств, человеческого сознания. Физикалистское объяснение всех остальных свойств (химических,

339 Melnyk A. A Physicalist Manifesto: Thoroughly Modern Materialism. Cambridge, Cam-bridge University Press, 2003 pp. 266-278

биологических) мало у кого вызывает сомнение. Данные, накопленные современным естествознанием, позволяют убедительно показать объяснимость химических, биологических свойств через физические. Популярные вплоть до середины 20 века теории, которые это отрицали, вроде витализма, постепенно сошли на нет (хотя до сих пор есть отдельные ученые и философы, продолжающие это отрицать). Отталкиваясь от такого успеха физики в объяснении явлений, которыми занимаются остальные естественные науки, сторонник Ф может предложить простой индуктивный аргумент, заключение которого утверждает физическую объяснимость вообще всех явлений. Если ограничиться ментальными свойствами, как представляющими наибольшую трудность, то аргумент может выглядеть примерно так: все явления (объекты, свойства, события) которые раньше казались физически необъяснимыми (например, процессы в живых организмах), были в конце концов физически объяснены, а значит велика вероятность, что и остальные явления (сознание) также будут объяснены физически. Разумеется, поскольку аргумент не дедуктивен, его заключение не следует с необходимостью и вполне может оказаться, что сознание не поддается физическому объяснению. Однако успехи наук (нейробиологии, вычислительной биологии, нейрохимии и других) привели к тому, что на сегодняшний день большинство философов придерживается той или иной разновидности физикализма.

Список литературы

1. Chalmers D. The Conscious Mind. New York, Oxford University Press, 1996.
2. Dowell J.L. Formulating the Thesis of Physicalism. // Philosophical Studies. 2006. № 131 (1). pp. 1–23.
3. Gillet C., Loewer B. Physicalism and Its Discontents. Cambridge, Cambridge University Press, 2001.
4. Horzer G. M. Understanding physicalism. Berlin/Boston, de Gruyter, 2020.
5. Melnyk A. A Physicalist Manifesto: Thoroughly Modern Materialism. Cambridge, Cambridge University Press, 2003.

6. Morris K. Physicalism Deconstructed. Levels of Reality and the Mind-Body Problem. Cambridge, Cambridge University Press, 2019.
7. Papineau, David, "Naturalism", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2021 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/naturalism/.
8. Papineau D. Philosophical Naturalism. Oxford, Blackwell1, 1996.
9. Poland J. Physicalism: The Philosophical Foundations. Oxford, Clarendon, 1994.
10. Stoljar, Daniel, "Physicalism", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2021 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/physicalism/.
11. Stoljar D. Physicalism. New York, Routledge, 2010.

Глава 18. Тождество личности во времени

Вопросами о личности задается множество разных наук: психология, социология и другие. Философия практически с самого зарождения также интересовалась различными моральными, познавательными и другими аспектами проблемы личности. В данной главе мы расскажем о метафизических аспектах этой проблемы.

Главным вопросом, интересующим метафизику, является тождество личности во времени (далее – просто тождество). Речь идет о нумерическом, а не о качествнном тождестве. Два объекта (например, два совершенно одинаковых красных мяча) качественно тождественны, если они обладают одними и теми же свойствами. Но они не будут тождественны нумерически – мы имеем дело именно с двумя, пусть и одинаковыми объектами, а не с одним. Метафизики ищут критерии тождества – необходимые и достаточные условия того, что личность в один определенный момент времени тождественна личности в другой определенный момент времени. Здесь сразу же следует провести различие между эпистемическими и метафизическими критериями тождества. Эпистемичиеские критерии – те, по которым мы

можем узнать, имеем ли мы дело с одной и той же личностью. Такими критериями могут быть, например, отпечатки пальцев или характеристики радужной оболочки глаза. Тем не менее очевидно, что тождество личности не может состоять в одинаковости отпечатков пальцев: мы являемся той же личностью, что и год назад не потому, что сохранили те же самые отпечатки пальцев. Метафизические критерии должны определять, конституировать тождество. Личность тождественна во времени именно потому, что выполняются эти критерии. Поиском таких критериев и занимается метафизика.

Философами было предложено несколько различных теорий тождества личности, наиболее известные из которых мы сейчас рассмотрим. Прежде всего, следует заметить, что критерии тождества личности неразрывно связаны с вопросом о ее метафизическом (онтологическом) статусе. Предложенные философами критерии зависят от того, как они отвечают на вопрос: что есть личность? Поэтому мы будем рассматривать эти проблемы совместно друг с другом.

Начнем с исторически весьма влиятельной, но сейчас уже несколько устаревшей теории памяти (ТП) Джона Локка. Многие связывают начало обсуждения проблемы тождества личности именно с его трудами. Локк определяет личность как «разумное мыслящее существо, которое имеет разум и рефлексию и может рассматривать себя как себя, как то же самое мыслящее существо, в разное время и в различных местах только благодаря тому сознанию, которое неотделимо от мышления»[340]. То есть для Локка личность – это прежде всего обладание разумом и способность к рефлексии, самосознанию. Из этого вытекает и принимаемый Локком критерий тождества личности во времени – критерий памяти. Локк пишет, что «поскольку сознание всегда сопутствует мышлению, и именно оно определяет в каждом его Я и этим отличает его от всех других мыслящих существ, то именно в [сознании] и состоит тождество личности, т. е. тождество разумного существа. И насколько это сознание может быть направлено назад, к какому-нибудь прошлому действию или мысли, настолько простирается тождество этой личности; эта личность есть теперь то же самое Я, что и тогда, и действие было совершено индивидуальностью, тождественной с теперешним Я и в настоящее время размышляющей об этом действии»[341].

[340] Локк Дж. Сочинения в трех томах М., Мысль, 1985 т. 1 с. 387

[341] Локк Дж. Сочинения в трех томах М., Мысль, 1985 т. 1 с. 387-388

Упоминаемое Локком направленное назад сознание – это и есть память. Однако память бывает разной. Её можно разделить на память о фактах и память об опыте. Я помню множество разных фактов – Санкт-Петербург был основан в 1703 году, Нил является самой длинной рекой и так далее. Подобная память не может быть основой тождества личности. Если я и некая личность год назад помним одни и те же факты, то это не делает нас тождественными. Важен другой вид памяти – память об опыте. Причем воспоминание должно быть от первого лица (first-person), о чем-то непосредственно воспринятом. Я помню о множестве пережитых мной событий, о своих мыслях и чувствах. Именно этот вид памяти и делает меня тождественным той прошлой личности, о чьем опыте я имею воспоминания. Более формально теорию памяти (в ее первоначальной формулировке) можно представить так:

(ТП1) Л2 в момент времени t_2 является той же самой личностью, что и Л1 в момент времени t_1 ↔ Л2 помнит об опыте Л1.

Однако подобная версия ТП сталкивается с явной проблемой, замеченной еще современником Локка Томасом Ридом. Он приводит следующий пример, сводящий ТП1 к абсурду. Рассмотрим храброго офицера, одержавшего значительную военную победу. В момент победы он помнит, как в детстве украл яблоки из соседского сада. Прошло много лет, офицер состарился и стал генералом. Генерал помнит, как он одержал победу много лет назад, но уже не помнит воровство яблок. В соответствии с ТП1 генерал тождественен офицеру, а офицер тождественен ребёнку, укравшему яблоки. Однако генерал, из-за отсутствия воспоминаний о яблоках, не тождественен ребенку. Получается, что ТП1 нарушает принцип транзитивности тождества: если a тождественно b, a b тождественно c, то a тождественно c. ТП1 явно неудовлетворительна и нуждается, если мы хотим ее сохранить, в изменении. Придумать такое изменение нетрудно. ТП1 требует слишком много – наличия прямых, непосредственных воспоминаний о прошлом опыте. Но, возможно, следует говорить о преемственности воспоминаний. Между генералом и ребенком подобная преемственность есть: промежуточным звеном выступает здесь офицер. Генерал помнит об опыте офицера, а офицер об опыте ребенка. В итоге мы получаем модифицированную версию ТП:

(ТП2) Л2 в момент времени t_2 является той же самой личностью, что и Л1 в момент времени t_1 ↔ между Л2 и Л1 существует преемственность памяти об опыте.

Однако и у этой версии ТП есть серьезная проблема. Она касается определения памяти. Дело в том, что, по мнению критиков ТП2, невозможно определить, что такое память, не прибегая к понятию тождества личности. В результате есть риск превращения ТП2 в круговое определение: мы определяем тождество через память, а память через тождество. Проиллюстрируем эту трудность на примере, рассмотрев двух друзей – Петра и Павла. Петр провел свой отпуск, путешествуя по Франции. От этого путешествия у Петра остались самые приятные воспоминания. У Павла не было денег на подобную поездку, и он сильно завидует Петру. Он хочет обладать такими же приятными воспоминаниями. В результате Павел обращается к знакомому гипнотизеру, чтобы тот с помощью гипноза наделил его этими воспоминаниями. Теперь Павлу кажется, что он действительно был во Франции, он вспоминает посещение Парижа, Лувра и так далее. Как же нам отличить псевдо-память Павла от настоящей памяти Петра. Кажется, что главная разница не в содержании и качестве воспоминаний, а в том факте, что Петр, в отличие от Павла, реально был в Париже. В таком случае память можно определить таким образом:

(ПАМ) Принадлежащая Л кажущаяся память П о событии Е является подлинной памятью о Е, только если Е было реально пережито Л.

Проблема в том, что ПАМ предполагает понятие тождества личности: Л должен реально пережить событие Е, то есть быть той же самой личностью, которая его пережила. Поскольку в ТП2 используется понятие памяти, эта теория дает лишь круговое определение тождества личности. Задача защитников теории – дать определения памяти, не прибегая к понятию тождества личности. По мнению многих философов, например Сидни Шумейкера[342], такое определение должно опираться на понятие причинности. Тогда у нас получится следующее определение:

---

[342] Shoemaker S. Persons and Their Pasts. // American Philosophical Quarterly. 1970. № 7(4). p. 272

(ПАМ1) Принадлежащая Л кажущаяся память П о событии Е является подлинной памятью о Е, только если П каузально связана с Е.

То есть само событие должно быть причиной (одной из причин) подлинной памяти о нем. Поскольку здесь речь идет об отношении причинности, которое связывает между собой события, то рассматривается отношение прошлого события с текущим воспоминанием, как метальным событием. Воспоминания Павла никак каузально не связаны с Францией, их причиной было воздействие гипнотизера. Значит память Павла не является подлинной. Но это определение тоже не свободно от проблем. Они касаются каузальной связи между событием и памятью. Дело в том, что возможны случаи, когда такая связь присутствует, но воспоминание не является подлинным. Представим, что Петр через много лет совершенно забыл свою поездку во Францию, но до этого подробно описал её в своем дневнике. Петр идет к гипнотизеру, и тот по дневнику восстанавливает его воспоминания. Воспоминания Петра не являются подлинными (подлинные он забыл), но они каузально связаны через посредство дневника и гипнотизера с поездкой. Определение нуждается в переработке. Большинство философов полагают, что каузальная связь должна быть правильной, исключающей девиантные случаи. С такой поправкой теория будет выглядеть так:

(ПАМ2) Принадлежащая Л кажущаяся память П о событии Е является подлинной памятью о Е, только если П правильным образом каузально связано с Е.

Несложно догадаться, что главная трудность для сторонников ПАМ2 – определить, что значит «правильным образом». Сделать это весьма трудно и по мнению некоторых[343] невозможно. Различные варианты предлагаются[344] до сих пор, но ни один из них не нашел всеобщего признания.

---

[343] Elliot R. Personal Identity and the Causal Continuity Requirement. // The Philosophical Quarterly. 1991 № 41(162). pp. 55-75

[344] Perry J. Personal Identity, Memory, and the Problem of Circularity. // Perry J. (ed.) Personal Identity. Berkley, University of California Press, 2008, pp. 135-158

Несмотря на проблемы, многие[345] признают роль памяти в тождестве личности, однако считают ее лишь одним из нескольких критериев. Существуют вполне реальные случаи полной потери памяти. После серьезных травм или перенесенной инфекции люди могут практически полностью потерять воспоминания о прошедшей жизни. Тем не менее они сохраняют многие психологические особенности, черты характера, привычки и склонности. Мы не считаем, что потерявшие память стали другими людьми. В связи с этим некоторые философы дополняют память другими особенностями психологии людей. Получается психологическая теория тождества личности.

(ТПС) Л2 в момент времени t_2 является той же самой личностью, что и Л1 в момент времени t_1 ↔ между Л2 и Л1 существует психологическая преемственность.

Эта теория вытеснила теорию памяти и является наряду с биологической одной из двух наиболее популярных. Как было сказано, ее сторонники (среди них – Дерек Парфит[346], Сидни Шумейкер[347], Джон Перри[348] и другие) признают роль памяти в тождестве, но многие из них предпочитают вместо понятия памяти использовать новое техническое понятие квазипамяти. Его определение не предполагает тождества личности, что помогает избежать круга в определении.

(КВАЗИП) Л обладает квазипамятью о событии Е, если (1) Л кажется, что она помнит опыт события Е, (2) кто-то действительно обладал этим опытом, (3) кажущаяся память Л правильным образом каузально зависит от прошлого опыта.

Квазипамять более широкое понятие, чем просто память – любая память является квазипамятью, но не наоборот. Для избегания круга можно использовать не только квазипамять, но и различные другие «квази-» аналоги психологических черт людей.

---

[345] Shoemaker S. Personal Identity: a Materialist Account. // Shoemaker S., Swinburne R. Personal Identity. Oxford, Blackwell, 1984, pp. 67-132

[346] Parfit D. Reasons and persons. Oxford, Oxford University Press, 1984

[347] Shoemaker S. Persons and their pasts. // American Philosophical Quarterly. 1970. №7. pp. 269–285.

[348] Perry J. Personal Identity, Memory, and the Problem of Circularity. // Perry J. (ed.) Person-al Identity. Berkley, University of California Press, 2008, pp. 135-158

Для обоснования своей теории сторонники ТПС прибегают к распространенному в аналитической философии методу мысленных экспериментов. В данном случае они должны показать, что при сохранении психологической преемственности, но отсутствии биологической (главный конкурент ТПС – биологическая теория), мы склонны считать личность той же самой, что и раньше. Один из таких гипотетических сценариев касается пересадки головного мозга. Представим, что в будущем стало возможным пересаживать мозг из одного тела в другое. Происходит автомобильная авария, в которой пострадали два пассажира, которых мы назовем Петр и Павел. У первого из них все тело, кроме головного мозга, пострадало настолько сильно, что вскоре полностью откажет, а второй получил лишь травму головы и его мозг скоро умрет. В больнице врачи решают сделать все, что в их силах и проводят трансплантацию мозга Петра в тело Павла. Организм Петра (всё его тело) в итоге погибает, а мозг перемещается в тело Павла, чей мозг гибнет. Человек с телом Павла и мозгом Петра приходит в себя после операции. Трансплантация прошла весьма успешно, и этот человек не замечает практически никаких изменений. Самое важное, что он считает себя Петром (чей мозг выжил), имеет память Петра, все его психологические черты. По мнению сторонников ТПС, выжившая личность и есть Петр, хотя его биологический организм погиб в аварии. Представьте себя на месте Петра. Вы очнулись в больнице с новым телом. Но вы – по-прежнему вы, ваши воспоминания, характер и так далее никак не изменились. Тождество личности основано на психологии. Конечно, противники ТПС могут не разделять этот вывод и настаивать на том, что очнувшийся пациент – Павел, чье тело сохранилось. В результате операции память и характер Павла сильно изменились, но он все равно остался Павлом.

Еще один излюбленный философами мысленный эксперимент, доказывающий ТПС, основан на фантастическом сериале Звёздный путь (Star Trek). В мире сериала, описывающего далекое будущее, существует транспортер – устройство для почти мгновенного переноса, телепортации человека из одного места в другое. Транспортер сканирует вошедшего в устройство, записывает эту информацию и уничтожает тело человека. Информация затем передается в транспортер на месте прибытия, который воссоздает точную копию перемещаемого. Сам путешественник практически ничего не замечает: он заходит в устройство в одном месте и выходит в другом, никак при этом не меняясь. Однако организм человека погибает, воссоздается

лишь его копия. Но личность остается, как кажется, той же самой. Сторонники ТПС делают вывод, что их теория верна.

Мысленные эксперименты используются не только сторонниками ТПС, но и ее противниками. Одним из наиболее известных экспериментов, стремящихся опровергнуть ТПС, стал случай редупликации или удвоения (reduplication). Бернард Уильямс в статье «Тождество личности и индивидуация»[349] предлагает рассмотреть случай некоего Чарльза, который в один прекрасный день просыпается, обладая памятью и всеми психологическими характеристиками Гая Фокса – британца, жившего в 16-17 веках и принимавшего участие в знаменитом пороховом заговоре. Окружающие поначалу скептически относятся к его заявлениям, но постепенно убеждаются в правдивости Чарльза. Затем то же самое происходит с братом Чарльза Робертом. Если такое случилось с одним из них, то вполне могло случиться и с другим. Все утверждения Роберта о том, что он – Гай Фокс не менее убедительны. Проблема для ТПС в том, что Роберт и Чарльз не могут быть оба тождественны Гаю Фоксу. Если бы это было так, то в связи с транзитивностью тождества, они должны были бы быть тождественны друг другу. Но это явно невозможно, ведь они – два разных человека, занимающих разное место в пространстве и времени. В сценарии Уильямса есть один изъян – в нем не объясняется, как именно два человека получили сознание Гая Фокса. Это может уменьшить интуитивную привлекательность сценария. Однако тот же самый вывод можно получить, прибегнув к другой истории.

Дерек Парфит в своем мысленном эксперименте возвращается к примеру с телепортацией[350]. Мы уже приводили этот пример при рассмотрении пребывания объектов во времени в главе 16. Но сейчас мы сосредоточимся на вопросе тождества личности. В главе 16 был описан такой сценарий: в момент t_1 капитан Жан-Люк Пикар (персонаж из научно-фантастического телевизионного сериала «Звёздный путь») входит транспортное устройство, чтобы телепортироваться на поверхность планеты Марс. В своем нормальном состоянии это устройство дезинтегрирует Пикара на корабле, а затем вновь «собирает» его на планете. В нашем случае в устройстве произошел сбой, в результате которого на поверхности планеты были «собраны» две абсолютно одинаковые копии Пикара. То есть в момент t_2 из транспортного устройства вышло два нумерически разных человека,

---

[349] Williams B. Personal Identity and Individuation. // Proceedings of the Aristotelian Society. 1957. № 57. pp. 229-252

[350] Parfit D. Reasons and Persons. Oxford, Clarendon Press, 1984. pp. 200-201

каждый из которых имеет одинаковое право называться Жан-Люком Пикаром. Назовем одного из них Жаном, а другого Люком. Для сторонников ТПС вновь возникает проблема. Жан и Люк обладают одинаковой психологической преемственностью с Пикаром, но не могут быть ему тождественны, так как не тождественны между собой. Конечно, можно сказать, что Жан тождественен Пикару, а Люк – нет. Но такое утверждение будет совершенно произвольным. С равным правом можно утверждать противоположное. Вариант, в котором ни один из них не тождественен Пикару (капитан гибнет), тоже проблематичен для ТПС. Ведь они соответствуют всем психологическим критериям тождества. Кроме того, если бы устройство сработало без неполадок и из него вышел лишь один человек, то сторонник ТПС не колеблясь признал его Пикаром. Получается, что простое добавление еще одной копии убило капитана. Это кажется контринтуитивным: создание нашей копии не может нас убить. Последний вариант – утверждать, что в данном случае нет объективного факта о том, кто тождественен Пикару. Для многих это также неприемлемо: «тождественен», в отличие от таких предикатов, как «высокий» или «лысый», не может быть нечетким (vague). Парфит пишет по этому поводу (хотя сам он эту интуицию потом отвергнет): «Большинство из нас склонны полагать, что в любом вообразимом случае вопрос «Умру ли я?» должен иметь ответ. И мы склонны полагать, что этот ответ должен быть просто да или нет. Любая будущая личность должна быть либо мной, либо кем-то другим»[351].

Сторонники ТПС предложили несколько решений проблемы редупликации, из которых мы рассмотрим три наиболее известных. Во-первых, ТПС можно объединить с 4-дименсионализмом и пердурантизмом (см. главу 16), для которых объекты, в том числе и личности, являются четырехмерными сущностями. Для сторонников такого подхода Жан и Люк существовали до поломки транспортера, просто они вплоть до t_2 обладали одной общей временн**о**й частью – Жан-Люком Пикаром. Нас не удивляет, что сиамские близнецы могут обладать одним сердцем и не должно удивлять, что, смотря на Пикара до телепортации, мы видим временную часть сразу двух личностей. Сторонники теории также часто приводят аналогию с дорогой: автострада через несколько километров после своего начала может разделиться на две части, которые затем разойдутся. Получается, что мы имеем дело с двумя дорогами, имеющими общий начальный отрезок.

---

[351] Parfit D. Reasons and Persons. Oxford, Oxford University Press, 1984 p. 214

Самое главное, что психологический критерий можно сохранить: Жан и Люк сохраняют психологическую преемственность на всем протяжении своего существования. Их отличие от «обычных» людей лишь в том, что от рождения до t_2 у них общая временная часть. Вследствие этого, вплоть до t_2 никто не знал о существовании двух разных людей, и все считали их одним человеком – Жан-Люком Пикаром. Для противников этой теории здесь возникает серьезная проблема – проблема перенаселенности (problem of overpopulation). До поломки устройства в одном месте в одно время присутствуют две личности вместо одной. Более того, возможно и еще большее перенаселение. Представим, что сломавшийся транспортер создал 10 или 100 или 1000000 копий Пикара. Получается, что, проходя мимо и здороваясь с входящим в устройство капитаном, мы общаемся с миллионом или миллиардом разных людей (их разница скрыта до момента поломки). Еще менее приемлемо это выглядит при рассмотрении ситуации от первого лица. Поставьте себя на место Пикара накануне поломки. Когда вы думаете про себя: «Я должен завтра телепортироваться на Марс», то если транспортер сломается и создаст 1000 копий, эту мысль думает одновременно 1000 человек и непонятно, кто именно является референтом местоимения «я». В итоге все сводится к тому, готовы ли вы пожертвовать интуитивной приемлемостью ради более или менее успешного решения метафизической проблемы.

Еще одно решение проблемы редупликации – добавить к ТПС специальное условие. Этим условием должно стать отсутствие у преемника для данной личности конкурентов на право называться этой личностью. Причем не должно быть конкурентов, обладающих равным правом на тождество. То есть Жан (Люк) будет Пикаром, только в случае нормальной работы транспортера и отсутствия Люка (Жана). Мы получим вариант психологической теории, требующий отсутствия разветвления (non-branching):

(ТПСОР) Л2 в момент времени t_2 является той же самой личностью, что и Л1 в момент времени t_1 $\leftrightarrow$ между Л2 и Л1 существует психологическая преемственность и не существует другой личности, имеющей равную психологическую преемственность с Л1.

При поломке устройства капитан Пикар гибнет, поскольку требование отсутствия разветвления не выполняется. Для многих это будет казаться крайне странным. Чтобы показать это еще нагляднее, мы можем немного изменить мысленный эксперимент. Представим,

что Жан-Люк Пикар входит в транспортер, все работает нормально, он (назовем его Жан) благополучно появляется на Марсе в t_2 и идет по своим делам. Сторонники ТПСОР не колеблясь признают тождество транспортированной личности: психологическая преемственность есть, разветвление отсутствует. Однако через час после этого (в t_3) неисправность устройства все-таки проявляется, и оно создает еще одну копию Пикара – Люка. Теперь, в связи с наличием разветвления, сторонники ТПСОР вынуждены сказать, что капитан погиб и ни одна из копий им не является. Чтобы увидеть странность этого утверждения сосредоточимся на первой копии – Жане. В t_2 он выходит из транспортера и целый час занимается тем, для чего прилетел на Марс – встречается с людьми, отдает распоряжения и так далее. Но через час, без всяких видимых перемен, он вдруг перестает быть капитаном Пикаром, то есть капитан умирает. Это выглядит очень контринтуитивно. Наше интуитивное неприятие результата проистекает по мнению противников[352] ТПСОР из нарушения принципа, получившего название «только x и y». Он гласит: является ли некоторая сущность x тождественной некоторой сущности y должно зависеть только от фактов, касающихся x и y. Никакие посторонние сущности на это повлиять не могут. Но в мысленном эксперименте принцип «только x и y» нарушается: будет ли Жан капитаном Пикаром зависит от того, появится ли из транспортера еще одна копия или нет.

Дерек Парфит предложил[353] еще более радикальное решение проблемы редупликации, хотя многим кажется, что он не решает проблему, а обходит ее. Парфит согласен с требованием ТПСОР об отсутствии разветвления. Но, в добавок к этому, он утверждает, что тождество не имеет никакого значения для нас, оно неважно. Его тезис может показаться абсурдным: как может быть для нас неважным умрем ли мы или нет, будет ли через час (день, год) существовать кто-то тождественный нам? Чтобы понять теорию Парфита, вернемся еще раз к случаю с транспортером, но рассмотрим её от первого лица. В далеком будущем телепортация стала привычным способом путешествий по миру. Она функционирует так же, как было описано выше: тело сканируется, уничтожается, а копия создается на новом месте. Вы, находясь в Москве, входите в устройство и через короткое время выходите в Лондоне. Вы ничуть не изменились, путешествие прошло для вас мгновенно. Однако, без вашего ведома, происходит поломка,

352 Noonan H. The Only X and Y Principle. // Analysis. 1985. № 45(2). pp. 79-83
353 Parfit D. Reasons and Persons. Oxford, Oxford University Press, 1984. pp. 245-280

и еще одна ваша копия выходит из транспортера в Париже. Конечно, из этого могут произойти чисто практические трудности: эта копия будет считать себя вами, претендовать на ваше имущество и так далее. Для чистоты эксперимента предположим, что фирма, предоставляющая услуги телепортации, сразу же замечает неисправность и вашу копию мгновенно погружают в постоянную кому и отправляют на секретный склад, где она хранится многие десятилетия, пока не умрет естественной смертью. Фирма умеет хранить секреты, и вы обо всем этом даже не подозреваете. В соответствии с ТПСОР, при предыдущих перемещениях (без создания копий) вы сохраняли тождество и выживали. Но сегодня личность после телепортации не тождественна (в связи с появлением копии) вам до телепортации, то есть вы погибли. Однако же вы совершенно ничего не заметили, всё прошло как обычно. У вас сохранилась вся память, все черты характера, все родственники и друзья считают вас тем же человеком. Парфит делает вывод, что тождество для нас не имеет значения, главное – чтобы оставалась личность, связанная с нами психологически. Такую личность стали называть Парфитовский Выживший (Parfitian Survivor). Если у него нет никаких конкурентов, то Парфитовский Выживший тождественен предыдущей по времени личности. Для нас, как существ, заботящихся о своем выживании, на самом деле важно не наше будущее существование, а существование Выжившего. Ошибка происходит из-за того, что в обычной жизни, в отличие от научно-фантастических историй, Парфитовский Выживший тождественен нам, эти два понятия не расходятся между собой. Для многих такой взгляд может казаться (это признают и сторонники теории[354]) крайне контринтуитивным, но он решает проблему редупликации.

Как мы видим, для Парфита наше выживание не равнозначно тождеству личности. Кроме того, Парфит полагал, что (вопреки нашей интуитивной убежденности) выживание может быть частичным. Чтобы в этом убедиться, рассмотрим еще одну фантастическую историю с телепортацией. На этот раз представим два устройства – в Москве и Санкт-Петербурге. Почти в одно и то же время в них входят два человека, Петр и Павел. Оба они хотят попасть в одно и тоже место в Лондоне, то есть они должны будут выйти из одного и того же лондонского устройства. При их телепортации происходит поломка. Как говорилось выше, транспортеры передают лишь информацию, по

[354] Belzer M. Self-conception and personal identity: Revisiting Parfit and Lewis with an eye on the grip of the unity reaction. // Social Philosophy and Policy. 2005. № 22(2). p. 127

которой на новом месте воссоздаются точные копии людей. Но в этот раз информация о Петре и Павле была случайно объединена и перепутана. Устройство в попытке исправить ошибку подкорректировало информацию так, чтобы в пункте назначения из него появился обычный человек, с двумя ногами, двумя руками, одной головой, более-менее цельной психикой и так далее. В результате в Лондоне из транспортера выходит объединенная личность; назовем ее ПП. Часть воспоминаний, психологических черт, внешних характеристик у него от Петра, а часть – от Павла. Он сам не понимает, кем из них себя считать. Очевидно, что ПП не тождественен сразу обоим, поскольку тогда Петр и Павел были бы тождественны друг другу. Но ПП не тождественен и кому-то одному, так как у него нет полноценной психологической преемственности ни с Петром, ни с Павлом. По мнению Парфита, в данной ситуации Петр и Павел выжили, но выжили лишь частично. Более того, ситуация в мысленном эксперименте не так уж далека от нашей обычной жизни, как может показаться. В течение жизни, под влиянием разных обстоятельств мы можем измениться до неузнаваемости: сравним пятилетнего ребенка и столетнего старика. Да, в соответствии с ТПСОР между ними есть психологическая преемственности, и они тождественны друг другу. Но ребенок и старик очень непохожи друг на друга. Нетрудно представить, что с развитием технологий продолжительность жизни человека может быть увеличена в несколько раз. Будет ли личность в 50 лет той же самой, что и в 300? Парфит утверждает, что не всегда можно ответить на этот вопрос точно. В трехсотлетнем человеке может остаться нечто от пятидесятилетнего, но в остальном он будет личностью с совершенно другими чертами. Это означает, что личность в 50 лет выжила в виде личность в 300 лет только частично. Чем больше будущая личность походит на нынешнюю, тем в большей степени нынешняя личность выживет.

Для многих философов, например Джудит Джарвис Томсон[355], эти выводы Парфита и вся психологическая теория в целом выглядят не слишком привлекательно. По их мнению, это должно стать поводом для отказа от нее. Критерий тождества личности должен быть физическим (биологическим). Существует целая группа теорий, отдающих предпочтение этому типу критерия.

---

355 Thomson J. People and their bodies. // Dancy J. Reading Parfit. Oxford, Blackwell, 1997. pp. 202-230

Одна из теорий этой группы – телесная. Она утверждает, что тождество личности конституируется тождеством тела.

(ТТ) Л2 в момент времени t_2 является той же самой личностью, что и Л1 в момент времени t_1 ↔ Л2 имеет то же самое тело, что и Л1.

Но что значит иметь то же самой тело? По сути, теория не видит разницы между тождеством личности и тождеством любого другого материального объекта. Биологический организм (береза, собака, майский жук) или артефакт (стол, телевизор, молоток) существуют в течение некоторого промежутка времени. В период своего существования они не сохраняют ту же самую материю, что и в начале: дерево растет и осуществляет обмен веществ с окружающей средой, стол изнашивается и теряет часть своего материала и так далее. Однако, несмотря на это, данные объекты остаются самими собой. Тождество предполагает не сохранение той же самой материи, но лишь ее постепенное изменение. В таком случае личность Л2 будет тождественна более ранней личности Л1, если тело Л2 возникло из тела Л1 путем небольших, поэтапных изменений, то есть если сохраняется преемственность между телами.

Сторонники теории подчеркивают ее интуитивную приемлемость. В нашей повседневной жизни мы не задумываясь считаем обладателя того же самого тела той же самой личностью. Исключения можно найти лишь в фантастических романах или психиатрической практике. Во многих ситуациях мы склонны отождествлять себя с нашим телом: удар по нашему телу – это удар по нам, рост нашего тела – это наш рост и так далее.

Но как же быть с противоположными интуициями? Противники ТТ (как правило они одновременно являются сторонниками того или иного психологического подхода) приводят несколько сценариев, где выводы данной теории не совпадают, как кажется, с нашими интуитивными представлениями. В научно-фантастических произведениях сознание и личностные характеристики человека переносятся, загружаются в компьютер или искусственное тело. При этом автор и читатели/зрители не рассматривают это как гибель человека, хотя его прежнее, биологическое тело уничтожается. Еще большую трудность для ТТ представляет уже упоминавшийся нами случай пересадки мозга. Организм донора, его тело гибнет, а значит, в соответствии с ТТ, должна гибнуть и личность, но многие из нас интуитивно

полагают, что мы можем выжить после подобной операции. Сторонники ТТ настаивают, что эти интуиции ошибочны: после пересадки мозга мы будем лишь ошибочно считать, что остались прежней личностью. Все наши воспоминания о прежней жизни будут иллюзорны, так как мы погибли вместе с телом.

Чтобы показать ошибочность психологических интуиций Бернард Уильямс в своей статье 1970 года «Субъект и будущее»[356] предложил свой собственный мысленный эксперимент, точнее два эксперимента. Цель Уильямса показать, что психологические интуиции могут исчезать/возникать в зависимости от того, как представлены факты в сценарии, а значит доверять им не стоит. Если описать ту же самую ситуацию по-другому, то возникнут другие (биологически-телесные) интуиции.

В первом сценарии (мы приводим сокращенную версию) нам следует представить эксперимент, проходящий в далеком будущем, когда уровень технологий значительно вырастет. Два человека А и В заходят в машину обмена, которая «скачивает» их психологию и сознание в компьютер, а затем «загружает» ее обратно. Однако в процессе психологии двух людей меняются местами. Из машины выходят двое: А-тело с психологией, сознанием, памятью и так далее личности В и В-тело с психологией личности А. После обмена этих двух людей ожидает совершенно разная участь: один из них получит 100000 долларов, а другой будет подвергнут пыткам. Перед началом эксперимента каждого из участников спрашивают, кому какая участь должна достаться. Как кажется, самым рациональным для А будет пожелать, чтобы А-тело (его тело в данный момент) было подвергнуто пыткам, а В-тело, куда будет перенесено его сознание, получило награду. Участник В должен желать обратное. Если А пожелает, чтобы А-тело получило деньги, а В-тело подвергнуто пыткам, то, когда В-тело с сознанием А начнут пытать, оно выразит, скорее всего, раскаяние в своем неверном выборе. Как мы видим, нам интуитивно кажется, что личность следует за сознанием и воспоминаниями. То есть данный сценарий вызывает у нас психологические интуиции.

Теперь рассмотрим другую ситуацию. Опишем ее от первого лица. Я нахожусь в плену у некоего злодея. Он сообщает, что завтра меня подвергнут пыткам. Естественно, я буду напуган, буду сильно переживать за свое будущее, ожидать его со страхом и так далее.

---

[356] Williams B. The Self and the Future. // Philosophical Review. 1970. № 79(2). pp. 161-80

Затем ученый объясняет, как именно он будет меня пытать: перед пыткой он полностью сотрет мои нынешние воспоминания, черты характера, привычки, склонности и так далее. Затем он «запишет» в мой мозг новые воспоминания, черты характера и так далее. Только после этого он будет меня пытать. Как мне следует реагировать на эти угрозы ученого? По мнению Уильямса, я должен начать бояться еще сильнее: мало того, что меня будут пытать, так еще и лишат всех воспоминаний и психологических особенностей. Самое главное, что в этой ситуации не должно возникать сомнений, что пытки будут происходить именно со мной, а не с каким-то другим человеком. То есть мое тело даже с другой психологией – это я сам. Этот сценарий вызывает у нас биологические интуиции.

Однако, если присмотреться ко второму сценарию повнимательнее, то можно заметить, что он абсолютно аналогичен первому (точнее, части первого). Участь пленника ученого ничем не отличается от участи участника эксперимента, чье тело в итоге будут пытать. Нам просто не сообщают, что новые воспоминания будут принадлежать уже существующему человеку, а мои воспоминания будут, в свою очередь, записаны в его мозг. Но принципиально ситуации не отличаются. Разные интуиции возникают только в зависимости от того, как эти ситуации описываются.

Даже если Уильямсу удастся добиться цели и подорвать наши психологические интуиции, это не избавит телесную теорию от всех трудностей. Как указывают многие философы[357], наши представления о теле и его тождестве являются нечеткими. Представим человека, одномоментно потерявшего обе руки и ноги в автомобильной аварии. Является ли его тело нумерически тем же самым? А как быть с искусственными органами? Как кажется, один такой орган (например, сердце) не мешает тождеству. Но вполне возможно, что в будущем люди смогут создавать искусственные аналоги почти всех органов. Будет ли после замены сердца, печени, почек и так далее тело человека тем же самым? Замена скольких процентов (10, 30 или 50) тела на искусственные материалы нарушит его тождество? Еще труднее разобраться с воображаемыми, фантастическими случаями: когда герой комиксов Брюс Баннер превращается в Халка, сохраняется ли тождество его тела (а значит и личности)?

[357] Olson E. The Human Animal: Personal Identity Without Psychology. New York, Oxford University Press, 1997. p. 149

Кроме мысленных экспериментов, есть и случаи из реальной жизни, которые опровергают ТТ. Возьмем, например, случай дицефалии сестер Эбигейл и Бриттани Хенсел. Это редчайший случай сиамских близнецов, при котором у них одни тело и разные головы. Часть органов (сердце, легкие) имеется в двух экземплярах, а часть (печень, кишечник) лишь в одном. В соответствии с ТТ мы имеем дело с одним телом, а значит и личность должна быть одна. Тем не менее очевидно, что сестры – это две разных личности, с разными характерами, склонностями и так далее.

В последнее время ТТ была потеснена другой, сходной с ней теорией – анимализмом (А). До сих пор нет устоявшегося мнения о точной связи между ТТ и А, ясно только, что они близки друг к другу и вместе противостоят психологическим подходам. Первая из теорий утверждает, что мы – тело, а вторая, что мы – животные (отсюда и название).

(А) Человеческие личности являются животными, организмами вида Homo sapiens.

В определении фигурируют лишь человеческие личности, поскольку не исключена возможность существования личностей, не являющихся людьми, а значит не являющихся животными: личностями могут быть нематериальные духи (если они возможны) или роботы. По мнению одного из наиболее известных сторонников А, Эрика Олсона, данная теория обладает высокой интуитивной привлекательностью. В своей книге 2007 года «Кто мы? Исследование по личностной онтологии» он пишет, что А «… обладает некоторой непосредственной привлекательностью. Мы *кажемся* животными. Когда вы едите или спите, или говорите, человеческое животное ест, спит или говорит… Большинство обычных людей полагают, что мы животные…идея, что мы животные выглядит как обычный здравый смысл»[358]. Сторонники А на этом не останавливаются и предлагают аргументы в защиту своей теории. Один из наиболее известных – аргумент мыслящего животного (thinking animal argument), который иногда еще называют проблемой слишком многих мыслителей (too many thinkers problem). Аргумент призывает нас взглянуть на самих себя, сидящих на стуле:

[358] Olson E. What Are We? A Study in Personal Ontology. New York, Oxford University Press, 2007 p. 23

(1) Существует человеческое животное, сидящее на вашем стуле.

(2) Человеческое животное, сидящее на вашем стуле, мыслит.

(3) Вы являетесь мыслящим существом, сидящем на вашем стуле.

(4) Единственное мыслящее существо, сидящее на вашем стуле, является никем иным как вами.

(5) Следовательно, вы являетесь человеческим животным[359].

Этот аргумент называют проблемой слишком многих мыслителей, поскольку противникам аргумента необходимо отвергнуть одну из его посылок, что и приводит к признанию слишком многих мыслителей. Посылки (1)-(3) кажутся несомненными, поэтому приходится отвергать посылку (4). На стуле сидит как минимум два мыслящих существа – вы и человеческое животное (противники А не считают вас человеческим животным). Мыслящих существ слишком много. Конечно, противники А не утверждают совершенно абсурдную вещь, что вы сидите у кого-то на коленях или кто-то сидит на коленях у вас. Для них на стуле находятся два разных, но совпадающих, занимающих одно и то же место в пространстве-времени объекта. Эта проблема аналогична проблеме перенаселенности, которую мы уже встречали. Олсон считает подобное следствие отрицания А неприемлемым: нужно отвергнуть психологический подход и признать А.

Еще один аргумент в поддержку А получил название проблемы человеческого зародыша или плода (the fetus problem). В соответствии с психологическим подходом, между мной настоящим и мной прошлым должна существовать психологическая преемственность. Пусть это будет не полная психологическая идентичность, но непрерывная цепочка постепенных психологических изменений необходима. Проблема в том, что у зародышей, по крайней мере до определенного периода, нет вообще никаких психологических черт. Однако все мы знаем, что в определенный период времени от зачатия до рождения находились в утробе матери и были эмбрионами. На основе этих рассуждений можно сформулировать такой аргумент:

[359] см. Olson E. An Argument for Animalism // Martin R., Barresi J. (eds.) Personal Identity. Oxford, Blackwell, 2003 p. 325

1. Когда-то я был зародышем.

2. Если психологическая теория верна, то какое-то отношение психологической преемственности существует между мной и каким-либо зародышем, существовавшим ранее.

3. Никакого отношения психологической преемственности не существует между мной и любым зародышем, существовавшим ранее.

4. Следовательно, психологическая теория неверна.

Сторонники психологической теории вынуждены отвергнуть посылку 1. Мы никогда не были зародышами, не находились в утробе матери и возникли, скорее всего, через какое-то время после рождения, когда у новорожденного начали формироваться первые психологические характеристики. Аналогичная проблема возникает не только в связи с началом нашей жизни, но и с ее окончанием. Человек, впавший в перманентное вегетативное состояние, тоже лишен какой-либо психологии, преемственности между ним и его прежними состояниями быть не может. Тем не менее многие люди не считают своих родственников в подобном состоянии умершими, навещают их в больнице и так далее. Они могут представлять, что будет с ними в такой же ситуации и думать: «Если *я* окажусь в таком положении, то я хотел бы…». Психологисты могут просто признать эти контринтуитивные следствия своей теории и продолжать ее поддерживать.

Но вернемся к критериям тождества. По этому вопросу А можно разделить на два течения, одно из которых Стефан Блатти[360] называет органическим анимализмом (organic animalism), а второе – соматическим анимализмом (somatic animalism). Первое из этих течений связывает тождество личности с продолжением того же самого жизненного процесса:

(ОА) Если имеется человеческое животное x, существующее в один из моментов времени t_1 и нечто y, существующее в последующий момент времени t_2, y тождественен x, если и только если y продолжает жизненный процесс, ранее переживаемый x.

Сторонниками данного подхода являются Эрик Олсон, Питер ван Инваген и другие. В соответствии с ним смерть является

[360] см. Blatti, Stephan, "Animalism", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2020 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/animalism/

прекращением нашего существования, и такого объекта, как мертвое животное не существует, так как с момента смерти оно перестает быть животным.

Второе течение отрицает, что пребывание в живом состоянии является необходимым условием тождества животного. С точки зрения его сторонников, животные обладают определенной функциональной организацией. Их видовая принадлежность зависит от происхождения и структуры, которые могут сохранятся и после смерти, если смерть не слишком повредила их тело, нарушив тем самым его структуру. По словам Дэвида Маки: «Пребывание биологических организмов зависит от сохранения ими (достаточной доли) организации частей, которая является продуктом их естественного биологического развития и которая делает их пригодными для жизни, но не говоря о том, что сама жизнь необходима»[361].

(CA) Если имеется человеческое животное x, существующее в один из моментов времени t_1 и нечто y, существующее в последующий момент времени t_2, y тождественен x, если и только если y сохраняет в значительной степени пригодную для жизни структуру составных частей, принадлежавшую ранее x[362].

Сторонниками этого течения являются Дэвид Маки, Майкл Айерс[363], Уильям Картер[364] и другие. Спор между OA и CA сводится, по сути, к вопросу о жизни: является ли жизнь сущностным свойством животных или нет? Дэвид Маки полагает, что CA имеет некоторое преимущество перед OA, так как позволяет сформулировать аргумент в поддержку A в целом и против психологического подхода – так называемый Аргумент Смерти (Death Argument). Он направлен против тезиса о том, что психологическая преемственность необходима для тождества личности:

---

[361] Mackie D. Personal Identity and Dead People. // Philosophical Studies. 1999. № 95(3). с. 236

[362] см. Blatti, Stephan, "Animalism", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2020 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/animalism/

[363] Ayers M., Locke 2 vols. London, Routledge, 1991, vol. 2 pp. 216-229

[364] Carter W. Will I Be a Dead Person? // Philosophy and Phenomenological Research. 1999. № 59(1). pp. 167-171

(1) В некоторых случаях смерти, то, что остается после смерти, является мертвой личностью.

(2) По крайней мере в некоторых таких случаях, мертвая личность не обладает психологической преемственностью с более ранней живой личностью.

(3) В таких случаях мертвая личность тождественна более ранней живой личности.

(4) Следовательно, психологическая преемственность не необходима для тождества личности[365].

Как видно из аргумента, он опирается на ключевое для СА положение: для того, чтобы быть личностью, быть живым необязательно. Личность может быть (в случаях, когда после смерти сохраняется структура организма) мертвой личностью, которая, естественно, не обладает психологической преемственностью с живой личностью. Отсюда и следует вывод аргумента.

А как и другие теории сталкивается с проблемами. Он уязвим перед большинством из проблем, характерных для телесного подхода: трансплантация мозга, дицефалия и так далее. Сценарий с пересадкой мозга побудил некоторых философов пересмотреть ТТ и А, не отказываясь при этом полностью от телесно-биологического подхода. Они предположили, что личность является не телом целиком, а лишь его определенной частью – головным мозгом. Это кажется логичным и интуитивно правильным: наше сознание, психология, личностные характеристики зависят не от всего организма, а конкретно от головного мозга. Даже частичное повреждение этого органа может привести к глубоким личностным изменениям (что надежно подтверждено эмпирически). При этом мы получим интуитивно верный вывод в случае пересадки мозга: человек с мозгом Петра и телом Павла будет тождественен Петру.

Один из вариантов теории мозга был сформулирован Джефом Макмаханом[366]. Он назвал его теорией воплощенного ума (embodied mind theory). По мнению Макмахана, наше пребывание во времени зависит от существования того же самого сознания или ума (mind). Однако наш ум является воплощенным (embodied) в мозге, а значит, именно его существование и функционирование необходимо для

[365] см. Mackie D. Personal Identity and Dead People // Philosophical Studies. 1999. №95 (3) p. 219

[366] McMahan J. The Ethics of Killing: Problems at the Margins of Life. Oxford, Oxford University Press, 2002

нашего выживания в качестве той же самой личности. В итоге у нас получается следующий критерий тождества:

(ВУТ) Л2 в момент времени t_2 является той же самой личностью, что и Л1 в момент времени t_1 ↔ существует не разветвляющаяся (non-branching) физическая и функциональная преемственность между мозгом Л2 и мозгом Л1, достаточная чтобы сохранить определенные базовые психологические способности, особенно способность к сознанию.

Как подчеркивает Макмахан, главным является сохранение психологических способностей, а не содержания наших психологических состояний. При таком подходе можно будет говорить о тождестве личности с ее самыми ранними (младенчество) или поздними стадиями, когда преемственность содержания отсутствует, но мозг поддерживает преемственность функциональную. Кроме функциональной ВУТ требует и физическую преемственность: сохранение той же самой материи не требуется (ткани мозга обновляются в течение жизни), но замена материи должна быть постепенной.

ВУТ и другие варианты теории мозга способны решить проблему мыслящего животного. Вторая посылка аргумента утверждала, что «человеческое животное, сидящее на вашем стуле, мыслит». Однако, согласно теориям мозга, человеческое животное мыслит лишь в производном смысле. Строго говоря, мыслит только головной мозг. Остальное тело нужно для поддержания жизни, но в мышлении оно не участвует. Тем самым проблема слишком многих мыслителей избегается: мыслит головной мозг, который и является нами.

Также ВУТ дает интуитивно верные выводы в трудных для других биологических подходов случаях: при трансплантации мозга личность «следует» за мозгом, а не телом. Сиамские близнецы с одним телом и двумя головами являются разными личностями, так как у них два головных мозга. Но в сценарии телепортации ВУТ согласна с остальными теориями биологической группы: при телепортации личность погибает (ее мозг уничтожается), и из устройства выходит уже другая, пусть и очень похожая, личность. Для представителей психологического подхода это является существенным недостатком теории.

Сторонники других биологических теорий также критикуют идею о том, что мы – это наш мозг. По мнению анималиста Олсона, теория является слишком неопределенной и лишенной

принципиальности. Доказывает он это следующим способом. Теория мозга опирается на принцип минимализма думающего субъекта (thinking-subject minimalism), который гласит:

(МДС) Если x мыслит в самом строгом смысле в момент t, то y в момент t будет частью x, если и только если y напрямую вовлечен в мышление x в момент t.

Если принять МДС, то можно прийти к выводу, что мы как мыслящие существа не являемся нашими телами, так как большая часть нашего тела не вовлечена напрямую в наше мышление. Только мыслящий головной мозг является нами. Проблема в том, что, согласно Олсону, из МДС следует слишком много неприемлемого и контринтуитивного. Если принять этот принцип, то следует сказать, что у нас нет рук, ног, сердца и так далее. Наш вес будет составлять 1-2 кг. Если после удара по голове 10% мозга перестали мыслить, то нам следует сказать, что простой удар уменьшил нас на одну десятую. Но ампутация рук и ног нисколько нас не уменьшит. Трудности возникают и с фразой «напрямую вовлечен в мышление». Если строго ей следовать, то мы будем не мозгом, а только некоторыми его частями. Ведь в мозг входят кровеносные сосуды, мозговые оболочки и так далее. Может быть мы – только совокупность нейронов мозга, а не весь мозг? Но и здесь нет определенности: вовлечены ли в мышление все нервные клетки мозга? Мыслят ли нейроны ствола головного мозга, мозжечка и так далее? Скорее всего нет. Кто же мы в таком случае? Может быть нейроны коры головного мозга? Но ведь в мышление могут быть вовлечены не все нейроны целиком: какие-то части нервных клеток занимаются питанием, восстановлением повреждений и так далее. Возможно, нам придется спуститься на уровень отдельных молекул или атомов. Для Олсона это доказывает отсутствие принципиальности в теориях мозга. Они не в состоянии провести четкую границу между тем, что мыслит и тем, что не участвует в мышлении. Как сторонник анимализма Олсон полагает, что этих проблем достаточно для отказа от теорий мозга и принятия А. Живой организм обладает гораздо более определенными границами в пространстве и времени.

Мы рассмотрели два наиболее известных подхода к тождеству личности во времени – психологический и биологический. Однако существуют другие, хотя и менее популярные теории, о которых мы сейчас кратко расскажем.

Одна из таких теорий – теория добавочного факта, ТДФ (Further Fact View). Как мы видели, обе основных теории являются редукционистскими: они сводят факт тождества к какому-либо другому факту или фактам. Тождество личности представляет собой тождество (преемственность) психологии или тождество биологического организма. Как только мы выяснили факт преемственности психологии между двумя личностями в разное время, мы можем смело делать вывод, что эти личности на самом деле – одна и та же личность. Никаких других фактов выяснять не надо. ТДФ с этим не согласна. Наличие или отсутствие тождества – это дополнительный, добавочный факт, не сводимый к другим фактам. Даже если мы установим все релевантные психологические или биологические факты, мы не сможем ответить на вопрос о тождестве личности. Оно не редуцируемо и не поддается анализу.

Один из вариантов ТДФ считает добавочным фактом факт тождества души – нематериальной субстанции, являющейся носителем личности. Эта теория (теория души – ТД) имеет давнюю историю, ее придерживались, среди многих других, оппоненты Локка в споре о тождестве личности Джозеф Батлер и Томас Рид. Среди ее современных сторонников можно назвать таких философов, как Ричард Суинберн[367] и Джеффри Маделл[368]. Следует сразу заметить, что многие сторонники этого взгляда придерживаются его не столько по философским, сколько по религиозным причинам. Тем не менее они приводят и философские доводы в его пользу. Одним из таких доводов является строгость и определенность ТД, в отличие от всех других теорий. Только она может гарантировать тождество личности в строгом и философском смысле этого слова. Мы видели, что все варианты психологического и биологического подхода не требуют наличия полного тождества психологии или тела. Достаточно существования преемственности. Тело человека в 20 лет состоит из совсем другой материи, чем тело 60-летнего человека. Его память и психологические черты также меняются. Получается, что мы уже не можем говорить о полном тождестве. ТД лишена этого недостатка – душа как нематериальная субстанция не подвержена никаким изменениям и остается абсолютно одной и той же на всем протяжении своего существования.

[367] Swinburne R. Personal Identity: The Dualist Theory. // Shoemaker S., Swinburne R. Personal Identity. Oxford, Blackwell, 1984 pp. 1-67

[368]Madell G. The Identity of the Self. Edinburgh, Edinburgh University Press, 1981

Еще один довод, приводимый Ричардом Суинберном, касается эгоистического интереса в выживании. Для нас важно будущее существование не просто психологически похожего на нас человека, но существование именно нас (в этом Суинберн противоречит Парфиту). Мы переживаем за наше будущее, надеемся на что-то, страшимся чего-то, что может произойти с нами в будущем. Такое поведение является нормальным и распространено повсеместно. Однако только ТД может рационально обосновать наш эгоистический интерес: только существование души обеспечивает строгое тождество личности во времени. Я в данный момент (моя душа) буду тем же самым я (той же душой) и через десять лет, и через двадцать и даже после смерти (душа может существовать и после нее). Поскольку большинство сторонников ТД мотивировано религиозными соображениями, возможность посмертного существования и воскрешения из мертвых является для них важным преимуществом теории. Суинберн противопоставляет в этом отношении ТД и всех ее соперников. В соответствии с любой из редукционистских теорий «для меня надеяться на мое воскрешение, значит надеяться на будущее существование человека с моими памятью и характером, то есть человека, который будет способен помнить вещи, которые случились со мной и реагировать на обстоятельства примерно так же, как я. Но это не все, на что я надеюсь, надеясь на мое воскрешение. Я не надеюсь, что будет существовать некий человек подобного рода – я хочу, чтобы он был мной»[369]. Как мы уже говорили, некоторые редукционисты (Парфит) отвергают рациональную обоснованность эгоистического интереса: *наше* будущее существование не важно, нам следует переживать о наличии в будущем так называемого Парфитовского Выжившего, человека с нашими психологическими характеристиками, памятью и так далее. Кроме этого, очевидной слабостью ТД является сам ее главный тезис – существование некоей нематериальной субстанции. Субстанциальный дуализм в философии сознания представляет собой маргинальную позицию, имеющую мало сторонников.

Еще одна теория, приобретшая некоторую популярность в последнее время, получила название нарративной (НТ). Эта теория отличается от предыдущих тем, что сосредотачивает свое внимание на немного ином вопросе. Другие подходы заняты прежде всего проблемой реидентификации: что делает личность тождественной в разные

---

[369] Swinburne R. Personal Identity // Proceedings of the Aristotelian Society, New Series. 1974. №74. p. 244

моменты времени. Разные ответы на этот вопрос мы рассматривали в данной главе. Для НТ главный вопрос в проблеме тождества другой. Он получил название вопроса характеризации (characterization question). Каково значение нашего утверждения о том, что та или иная характеристика действительно принадлежит данной личности? Как все ее свойства и черты соединены в одно целое? Поскольку этими чертами личность может обладать в разное время, ответив на вопрос характеризации, мы поймем, что обеспечивает тождество личности во времени.

Ответ НТ на вопрос характеризации прибегает к понятию нарратива. Единство личности возникает, когда ее поступки, мысли, чувства, особенности, черты характера включаются в единый нарратив, в единое повествование. Для наглядности представим себе человека, пишущего автобиографию: он рассказывает в ней о прожитой жизни, о том, что он видел, чувствовал, совершил и так далее. В процессе написания разрозненные эпизоды из его жизни приобретают определенную целостность, встраиваются в единое повествование. Через подобный рассказ (не обязательно письменный) согласно НТ и возникает целостная личность. Как пишет известная представительница НТ Мария Шечтман: «разница между личностями и другими индивидами (я использую слово индивид для обозначения любого чувствующего создания) лежит в том, как они организуют свой опыт, а значит и свою жизнь. В центре данной точки зрения – утверждение, что индивиды конституируют себя в качестве личностей через осознание себя как пребывающих субъектов, которые обладали опытом в прошлом и будут продолжать обладать опытом в будущем, рассматривая некоторые переживания как свои собственные. Некоторые, но не все, индивиды составляют истории своих жизней, и именно это делает их личностями»[370].

Данный нарратив должен быть упорядочен определенным образом, обладать так называемой нарративной структурой. Хильде Линдеманн выделяет четыре признака наличия нарравтивной структуры[371]. Во-первых, нарратив всегда изобразителен (depictive). Причем его изобразительность не статична, как, например, у фотографии, а динамична. Нарратив изображает серию событий, которые разворачиваются во времени. Порядок событий в нарративе может не всегда

[370] Schechtman M. The Constitution of Selves. Ithaca, Cornell University Press, 1996 p. 94
[371] см. Lindemann H. Damaged Identities, Narrative Repair. Ithaca, Cornell University Press, 2001 p. 11-15

точно совпадать с их реальным порядком. Более поздние по времени, но более яркие и запоминающиеся события могут быть описаны раньше других, менее заметных. Во-вторых, нарратив избирателен (selective). Человеческая память не безгранична, он неизбежно запоминает лишь некоторые происшествия, а о других забывает. В-третьих, нарратив является интерпретативным (interpretive). В процессе рассказа о событиях человек всегда привносит в него свое отношение, осмысляет рассказываемое, выставляет его в определенном свете. Невозможно (или крайне трудно) передать содержание повествования объективно, не становясь на определенную точку зрения. В-четвертых, нарратив является связным (connective). Хаотичное нагромождение бессвязных событий не будет нарративом. В нем события должны быть согласованы не только между собой, но и с персонажами, окружающей обстановкой и так далее. Центральной для нарратива является каузальная связь. События, как правило, не просто следуют одно за другим хронологически, но и связаны как причины и следствия друг друга.

Как известно любому читателю, повествование может вестись как от первого, так и от третьего лица (в очень редких случаях – от второго). В зависимости от этого разные версии НТ можно поделить на две группы. Мы подробнее остановимся на тех философах, который полагают, что единство личности обеспечивает нарратив от первого лица. Среди них – Мария Шечтман, Хильде Линдеманн и Дэвид Деграция[372]. Эта версия НТ (НТ первого лица) обращает внимание на очевидный факт: сам человек, сама личность имеет наилучший и наиболее надежный доступ к своему сознанию, своим мыслям, эмоциям, поступкам. Его взгляд на самого себя обладает особым авторитетом, превосходящим авторитет окружающих. Из разрозненных элементов своей жизни личность собирает некое целое, создает свой собственный нарратив и тем самым создает саму себя. При этом ее жизнь приобретает единство и осмысленность, отдельные события становятся взаимосвязанными. Каждое новое событие затем оценивается и интерпретируется на фоне этого целого, интегрируется в него. В этом процессе играет роль не только активность самой личности, но и такие внешние факторы, как пол, раса, национальность и другие. Кроме того, по мнению Линдеманн, важную роль могут играть нарративы о данной личности, создаваемые окружающими ее людьми, то есть

[372] DeGrazia D. Human Identity and Bioethics. New York, Cambridge University Press, 2005

нарративы от третьего лица. Линдеманн приводит такой пример[373]: я работаю менеджером среднего звена и считаю себя весьма умелым управленцем, заслуживающим более высокой руководящей должности. Как кажется, это представление о себе может без проблем стать частью моего нарратива. Однако окружающие и (самое главное) директор фирмы с этим несогласны. Они видят меня по-другому: в нарративе директора обо мне, я являюсь надежным и исполнительным, но безынициативным работником, не подходящим для руководства людьми. При этом директор обладает реальной властью надо мной: он может меня понизить в должности или уволить. В такой ситуации представление о себе, как о перспективном менеджере, не сможет стать частью моего нарратива. Я могу думать о себе все, что угодно, но, если начальник скажет мне: «Вы не справляетесь, вы уволены», мне будет практически невозможно продолжать считать себя талантливым управленцем.

Как мы видим из этого примера, возможно несовпадение между нарративами от первого и третьего лица. Но что делать, если это расхождение слишком велико? Человек вполне способен создать нарратив о себе, в котором он является Наполеоном или жертвой всемирного правительственного заговора. Этот нарратив может обладать всеми признаками нарративной структуры, быть внутренне цельным и непротиворечивым. Даже не впадая в такие крайности, люди часто подвержены самообману: скупой человек может считать себя щедрым, агрессивный и жестокий рассматривать себя как жесткую, но справедливую личность и так далее. Сторонники НТ первого лица решают эту проблему по-разному. Линдеманн считает, что нарративы третьих лиц скорректируют возможные отклонения от реальности (если не брать случаи психических заболеваний). Деграция предлагает[374] внести ограничения в само определение личности: личность – это тот индивид, который реалистично описывает себя в нарративе от первого лица. Шечтман тоже предлагает[375] два ограничения для конституирующих личность нарративов. Во-первых, такой нарратив должен обладать способностью к локальной артикуляции (local articulation). Личность может объяснить, почему она делает то, что

---

[373] см. Lindemann H. Damaged Identities, Narrative Repair. Ithaca, Cornell University Press, 2001 p. 81

[374] DeGrazia D. Human Identity and Bioethics. New York, Cambridge University Press, 2005 p. 83

[375] Schechtman M. The Constitution of Selves. Ithaca, Cornell University Press, 1996 pp. 114-120

делает, верит в то, во что она верит, и чувствует то, что чувствует. Во-вторых, личностный нарратив ограничен реальностью. Он должен согласовываться с окружающим личность миром, хотя и не обязан воспроизводить его абсолютно безошибочно: мелкие отклонения допустимы, но большие расхождения – нет.

С учетом этих ограничений, НТ (по мнению ее сторонников) дает наиболее убедительную теорию личности и ее тождества во времени. Она может объяснить существование интуиций, поддерживающих психологическую теорию, существование моральной ответственности и особой заботы личности о своем будущем. Однако противники НТ указывают на ряд серьезных проблем. Например, Гален Стросон считает, что можно привести контрпримеры, опровергающие НТ, то есть такие случаи, когда подлинная личность не имеет своего нарратива. Для этого Стросон вводит различие между двумя типами личности. Первый тип он называет диахрониками. Они рассматривают себя как личностей, которые существовали в прошлом и будут существовать в будущем. То есть их существование, по их представлению, растянуто во времени и является чем-то длящимся. Второй тип личностей Стросон назвал эпизодиками. Они признают, что в качестве человеческих существ, организмов существовали раньше и будут существовать в будущем. Однако они не воспринимают собственные личности как протяженные во времени. Их личности – просто набор отдельных эпизодов. Стросон считает себя такой эпизодической личностью и пишет об этом так: «У меня есть прошлое, подобно любому человеческому существу и я прекрасно знаю, что у меня есть прошлое. У меня есть порядочный объем знания о нем, и я также помню некоторые из моих прошлых переживаний «изнутри», как говорят философы. И тем не менее я совершенно не ощущаю свою жизнь как оформленный нарратив или даже нарратив без формы. Абсолютно не ощущаю. Нет у меня и какого-либо большого или специального интереса в моем прошлом. Нет у меня и значительной заботы о моем будущем»[376]. Само существование таких личностей показывает, что не обязательно обладать нарративом от первого лица, чтобы быть личностью. Сторонники НТ по-разному пытаются ответить на критику Стросона. Шечтман, например, вводит[377] различие между сильной и слабой нарративностью. Наши повествования о наших жизнях могут иметь различную степень единства, связности и

[376] Strawson G. Against Narrativity // Ratio. 2004. №17. p. 433
[377] Schechtman M. Stories, Lives, and Basic Survival: A Refinement and Defense of the Narrative View. // Royal Institute of Philosophy Supplements. 2007. № 82. p. 160

так далее, то есть иметь разную степень нарративности, от слабой до сильной. У эпизодиков нарративность не отсутствует полностью, просто она не является сильно выраженной. Если же Стросон заявляет о полном отсутствии у него нарратива о себе, то он занимается самообманом. Стросон может ответить на это, что введение слабой нарративности делает НТ тривиальной – нарративом по определению будут обладать все личности, сколь угодно эпизодические.

Как мы видим, все теории личности и ее тождества сталкиваются с проблемами, и ни одна из них не получила всеобщего признания. Альтернативой всем этим теориям и спорам между ними может стать отрицание самого существования личности. У этого взгляда было несколько сторонников в истории философии, но ввиду его крайней контринтуитивности сейчас их практически нет. Нигилистические по отношению к личности утверждения можно встретить у Витгенштейна в Логико-философском трактате (5.631): «Не существует мыслящего, представляющего субъекта». Наиболее известным из современных защитников нигилизма был (позже он изменил свою точку зрения) Питер Унгер, написавший в 1979 году статью «Я не существую». В статье он пытается вывести из тезиса о своем существовании абсурдные следствия. Делает он это с помощью так называемого сорита декомпозиции, с которым мы уже встречались в главе 14. Этот сорит опирается на интуитивно верное предположение, что удаление всего лишь одной клетки из нашего организма никак не повлияет на наше существование (по факту, мы ежедневно лишаемся гораздо большего числа клеток, вместо которых возникают новые). Аргумент Унгера выглядит следующим образом:

1. Я существую.

2. Если я существую, то я состою из многих клеток, но конечного их количества.

3. Если я существую и состою из многих клеток, но конечного их количества, то удаление одной клетки, или только нескольких, наиболее безобидным и благоприятным способом, не даст разницу между моим существованием и его отсутствием[378].

Эти три положения, взятые вместе, ведут к абсурдным выводам. Последовательное удаление клеток в соответствии с третьим

[378] см. Unger P. I do not exist // MacDonald G. F. (ed.) Perception and Identity. London, Macmillan, 1979 p. 243

тезисом приведет в итоге к их полному отсутствию. Но никакой разницы (в отношении моего существования) между организмом из миллиардов клеток и пустым местом не должно быть. Это очевидно абсурдно. Мы должны отказаться от одного из трех тезисов. По мнению Унгера, два последних бесспорны и отказаться мы должны от первого. С этим выводом Унгера никто не согласился, и большинство предпочло отвергнуть тот или иной из последних двух тезисов. Например, мы можем сказать, что способность к мышлению или сознанию являются нашим необходимым свойством. Когда удаление очередной клетки лишит нас этой способности, мы перестанем существовать, а значит третий тезис неверен.

Список литературы

1. Garrett B. Personal Identity and Self-Consciousness. London, Routledge, 1998.
2. Noonan H. Personal Identity. London, Routledge, 2003.
3. Olson E. The Human Animal: Personal Identity Without Psychology. New York, Oxford University Press, 1997.
4. Olson, Eric T., "Personal Identity", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2021 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/spr2021/entries/identity-personal/.
5. Olson E. What Are We? A Study in Personal Ontology. New York, Oxford University Press, 2007.
6. Parfit D. Reasons and Persons. Oxford, Oxford University Press, 1984.
7. Snowdon P. Persons, Animals, Ourselves. Oxford, Oxford University Press, 2014.

Глава 19. Свобода воли

Вопросы о том, обладают ли люди свободой воли, а также что такое свобода воли, обсуждаются философами уже не одно столетие или даже тысячелетие. Обычно этот вопрос поднимался в контексте некоей угрозы, которая могла бы поставить свободу под вопрос. Эта угроза могла предстать в виде всемогущего и всеведущего Бога, который предвидит и предопределяет все события в нашем мире. Угрозой могли также стать безличные и универсальные законы природы, управляющие всеми мировыми событиями. В связи с этими угрозами и возникал сложный метафизический вопрос: можно ли примирить (и если да, то как) существование Бога или законов природы со свободой воли? В свою очередь, это приводило к ряду других проблем: например, как нам следует эту свободу определить? Мы расскажем в этой главе, как на эти вопросы отвечали философы, работающие в аналитической традиции.

Прежде всего следует дать определение свободы воли. Как и по многим другим философским проблемам, мнения философов здесь разделяются. Однако значительное число философов так или иначе

связывает свободу воли с моральной ответственностью человека за свои действия. В своем введении в проблему свободы воли «Свобода воли. Современное введение» Майкл Маккенна и Дерк Перебум определили свободу воли следующим образом[379] :

(СВ) Свобода воли: уникальная способность личностей осуществлять контроль в самом сильном смысле над своими действиями, необходимая для моральной ответственности.

Свободное действие в таком случае будет действием, которое вытекает из осуществления этого контроля. Схожие с этим определения, тоже связывающие свободу воли и моральную ответственность, даются многими другими авторами. Например, Альфред Меле связывает свободное действие с наличием всех условий, которые делают человека морально ответственным за это действие: «мой интерес в том, что может быть названо свободным действием на уровне моральной ответственности [moral-responsibility-level free action] – грубо говоря, в свободном действии такого рода, что если все независимые от свободы условия моральной ответственности для конкретного действия были выполнены, но не стали достаточными для того, чтобы агент был ответственен за него, добавление свободы действия к этому множеству условий повлечет за собой то, что он будет ответственным за него»[380]. То есть свобода действия – это то недостающее условие (при наличии всех остальных, какими бы они ни были), которое делает агента, действующее лицо ответственным за его совершение. Свобода воли будет способностью совершать свободные действия.

Майкл Маккенна в одной из своих статей также определяет свободу воли через ответственность: «Морально ответственные агенты – это личности, для которых уместны моральные требования. Они отвечают за свое поведение и являются подходящими объектами для моральной похвалы и порицания, также как и для награды и наказания. Они также являются подходящими объектами для моральных реактивных установок, то есть установок, раскрывающих межличностные ожидания должного уважения (морального и иного) к другим. Я понимаю свободу воли как выполняющую все то, что требуется для условия контроля [control condition] морально

[379] см. McKenna M., Pereboom D. Free Will. A Contemporary Introduction. London, Routledge, 2016 p. 6

[380] Mele A. R. Free Will and Luck. Oxford, Oxford University Press, 2006 p. 17

ответственного действия. Личности морально ответственны, только если они способны контролировать свое поведение. Свобода воли – это та способность, которая дает личностям соответствующий сорт контроля, требуемый для морально ответственного действия»[381].

Питер ван Инваген солидарен с этой позицией: «Без свободы воли нет моральной ответственности: если моральная ответственность существует, то кто-то морально ответственен за что-либо им сделанное или что-либо оставленное несделанным… Поэтому, если моральная ответственность существует, то кто-то обладает свободой воли. Поэтому, если никто не имеет свободы воли, то моральная ответственность не существует»[382]. То есть, по мнению Инвагена, свобода воли и моральная ответственность взаимно предполагают друг друга, одно не может существовать без другого.

Следует, однако, уточнить какая именно моральная ответственность имеется в виду при определении свободы воли. Как утверждает Дерк Перебум, мы должны обратить внимание лишь на один вид ответственности – моральную ответственность в смысле базовой заслуги (basic desert). Человек ответственен и заслуживает порицание за плохой поступок в этом смысле лишь потому, что он совершил этот поступок. Причем это заслуженное порицание не вытекает из каких-либо утилитаристских соображений.

Определения свободы воли, которые связывают ее с моральной ответственностью, нашли широкую и повсеместную поддержку главным образом потому, что они говорят мало чего содержательного и конкретного о ней. Однако существуют другие популярные, но не получившие всеобщего признания определения, которые пытаются это сделать.

Многие философы традиционно определяют свободу воли как способность поступить иначе, по сравнению с тем, как агент поступил на самом деле. Карл Гине, один из сторонников этого определения, пишет: «Под свободой воли имеется в виду свобода действия. У меня есть свобода действия в определенный момент времени, если более чем одна альтернатива открыта тогда для меня»[383]. Джон Мартин Фишер говорит об этом определении как традиционном и влиятельном: «Традиционно наиболее влиятельный взгляд на разновидность свободы, необходимой и достаточной для моральной

[381] McKenna M. Ultimacy and Sweet Jane // Trakakis N., Cohen D. Essays on Free Will and Moral Responsibility. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2008 p. 187
[382] van Inwagen P. An Essay on Free Will. Oxford, Clarendon Press, 1983 p. 162
[383] Ginet C. On Action. Cambridge, Cambridge University Press, 1990 p. 90

ответственности, утверждает, что эта разновидность свободы включает в себя доступность подлинных альтернативных возможностей в определенных ключевых точках жизни»[384]. Ван Инваген также разделяет эту позицию и пишет, что свобода воли включает в себя «обладание обеими из следующих способностей: способностью выполнить действие и способностью воздержаться от выполнения действия. (Из этого следует, что мы были в следующем положении: в отношении чего-то нами сделанного, мы были в некоторой точке, предшествующей выполнению действия, способны воздержаться от выполнения действия, способны его не делать)»[385].

Другой подход, менее известный, но набирающий популярность в последнее время, связывает свободу воли агента с тем, что агент является решающим или конечным источником (ultimate source) своих действий. Если агент совершил какое-либо действие свободно, то конечное, предельное объяснение того, почему он его совершил, не должно выходить за пределы самого агента. Конечно, на действие могут повлиять различные внешние причины, основания и поводы, но сам агент должен быть решающим фактором. Объединяя данный подход с предыдущим, Роберт Кейн пишет следующее: «Мы полагаем, что имеем свободу воли, когда мы рассматриваем себя как агентов способных влиять на мир различным образом. Открытые альтернативы или альтернативные возможности лежат перед нами. Мы размышляем и обдумываем [deliberate] их и делаем выбор. Мы чувствуем, что (1) от нас зависит, что мы выбираем и как мы действуем; и это значит, что мы могли выбрать или действовать по-другому. Как заметил Аристотель: если действие зависит от нас, то также и бездействие. Зависимость от нас предполагает, что (2) предельный контроль за нашими действиями находится у нас, а не вне нас, в факторах за пределами нашего контроля»[386].

По мнению сторонников определения свободы воли через моральную ответственность, вышеописанные определения смешивают простое определение термина и содержательную позицию в отношении определяемого понятия. Предполагает ли свобода воли способность поступить иначе или предельный контроль, является спорным вопросом, и предрешать этот спор через определение неправильно.

---

[384] Fischer J. M. Recent work on moral responsibility // Ethics. 1999. №110. p. 99

[385] van Inwagen P. How to think about the problem of free will // The Journal of Ethics. 2008. №12. p. 329

[386] Kane R. A Contemporary Introduction to Free Will. Oxford, Oxford University Press, 2005 p.6

Большая часть работ по проблеме свободы воли в аналитической традиции сосредоточено на вопросе (не)совместимости свободы воли и детерминизма. Роберт Кейн назвал его Вопросом Совместимости (The Compatibility Question):

Вопрос совместимости: совместимо ли существование свободы воли с истинностью каузального детерминизма?

Чтобы понять этот вопрос, нам необходимо выяснить, что в нем подразумевается под детерминизмом вообще и под его каузальной разновидностью в частности. В наиболее общей форме можно сказать, что детерминизм – это тезис о том, что в любое данное время только одно будущее возможно (индетерминизм можно определить просто как отрицание детерминизма). Возможность лишь одного будущего может проистекать из влияния разных факторов – логического, теологического, каузального и так далее. Теологический детерминизм, например, утверждает, что Бог предопределяет все события в мире, и поэтому в любой момент времени возможно лишь одно будущее – то, которое предопределено Богом.

Каузальный детерминизм представляет собой тезис о том, что в любой момент времени будущее всецело детерминировано конъюнкцией не реляционного прошлого и законов природы. Поясним это определение на примере. Возьмем пропозицию, которая полностью описывает состояние мира в определенный момент времени в отдалённом прошлом, но исключает временн**ы**е реляционные факты (такие как «быть за 5000 лет до смерти Петра I»). Назовем эту пропозицию «P». Рассмотрим еще одну пропозицию, выражающую конъюнкцию всех законов природы и назовем ее L». В таком случае детерминизм будет тезисом о том, что из конъюнкции P и L необходимо следует пропозиция, описывающая единственное, уникальное будущее мира. То есть у мира в любой момент (при условии действия законов) существует лишь единственное будущее. В терминах возможных миров (см. главу 9) можно сказать, что детерминизм – это тезис утверждающий, что совокупность всех положений дел, имеющих место в определенный момент времени в прошлом, соединенная с законами природы, однозначно определяет каким возможным миром является актуальный мир, то есть определяет все будущие положения дел в мире. Дэвид Льюис формулирует этот же тезис немного по-другому: «Действующие законы природы таковы, что не существует двух возможных миров, которые полностью идентичны вплоть до некоторого

момента времени, но которые различаются после него и в которых законы никогда не нарушаются»[387]. В детерминистичном мире возможно лишь одно будущее. Следует, однако, заметить, что детерминизм не предполагает предсказуемости будущего. Возможно, что детерминизм истинен, но никто в мире не может предсказать будущее, так как не обладает полным знанием пропозиций P и L или необходимыми интеллектуальными способностями, чтобы вывести из них будущее состояние мира.

Большинство философов согласны с тем, что истинность/ложность детерминизма является контингентной: детерминизм не необходимо истинен и не необходимо ложен. То есть вопрос о его статусе является эмпирическим вопросом, который можно решить лишь путем научного исследования окружающего нас мира, а не a priori через философские спекуляции[388]. Тем не менее истинность/ложность детерминизма будет иметь серьезные метафизические последствия. Например, из его истинности будет следовать, что законы природы не являются вероятностными, ведь если бы они таковыми были, то не могли бы предопределять уникальное будущее совместно с фактами о прошлом. Кроме того, истинность/ложность детерминизма будет иметь последствия для свободной воли, чему и посвящена данная глава.

В зависимости от ответа на вопрос совместимости мы можем выделить две главные позиции философов относительно свободы воли: компатибилизм отвечает на вопрос утвердительно, а инкомпатибилизм отрицательно. Следует сразу заметить, что эти позиции сами по себе ничего не говорят о реальном существовании свободы воли и детерминизма в нашем мире. Они касаются лишь совместимости детерминизма и свободы воли вообще.

Компатибилизм: метафизически возможно, что детерминизм истинен и кто-то обладает свободой воли.

Инкомпатибилизм: метафизически невозможно, что детерминизм истинен и кто-то обладает свободой воли.

Большинство философов, придерживающихся компатибилизма, в дополнение к этому признают реальность свободы воли, то

[387] Lewis D. Causation // The Journal of Philosophy. 1973. №70 p. 559

[388] Fischer J. Compatibilism. // Fischer J., Kane R., Pereboom D., Vargas M. Four Views on Free Will. Malden, Blackwell Publishing, 2007 p. 48

есть они являются реалистами в этом отношении[389]. Многие из них, кроме того, считают свободу совместимой и с индетерминизмом и являются так называемыми суперкомпатибилистами.

Инкомпатибилизм можно разделить на две позиции, в зависимости от признания или непризнания реальности свободы воли: либертарианство (не следует путать с позицией в политической философии) и жесткий детерминизм.

Либертарианство: инкомпатибилизм истинен, детерминизм ложен и по крайней мере одна личность обладает свободой воли.

Жесткий детерминизм (hard determinism): инкомпатибилизм истинен, детерминизм истинен, и в результате ни одна личность не обладает свободой воли.

Последняя позиция называется жесткой из-за тех контринтуитивных и трудных для принятия последствий, которые она влечёт: ни у кого нет свободы воли, и никто не несет моральной ответственности за свои поступки. Однако жесткий детерминизм представляет собой несколько устаревшую позицию, так как он связывает отсутствие свободы воли только с истинностью детерминизма. В противоположность этому, многие современные философы, например Дерк Перебум[390] и Ричард Дабл[391], полагают, что даже при ложности детерминизма свобода воли невозможна, так как индетерминизм в этом случае будет таким, что он исключит возможность свободы воли (например, индетерминизм на микроуровне вполне совместим с детерминизмом на макроуровне, который сделает свободу невозможной). Эта позиция получила название жесткого инкомпатибилизма.

Жесткий инкомпатибилизм (hard incompatibilism): свобода воли несовместима с детерминизмом и либо детерминизм истинен, либо истинна такая форма индетерминизма, которая несовместима со свободой воли, и в результате ни у кого нет свободы воли независимо от истинности/ложности детерминизма.

Данная позиция признает тем не менее метафизическую возможность свободы воли: метафизически возможен мир, где истинен

---

[389] см. https://survey2020.philpeople.org/survey/results/4838
[390] Pereboom D. Living Without Free Will. Cambridge, Cambridge University Press, 2001
[391] Double R. The Non-Reality of Free Will. Oxford, Oxford University Press, 1990

такой индетерминизм, который делает свободу воли реальной. Однако, в соответствии с жестким инкомпатибилизмом, наш мир таковым не является.

Существует еще одна, наиболее радикальная позиция в отношении свободы воли, которая отрицает даже метафизическую возможность ее существования.

Импоссибилизм (impossibilism): свобода воли не является метафизически возможной.

Сторонники этой позиции (к ним относится, например, Гален Стросон[392]) могут утверждать, что не только детерминизм, но и все возможные виды индетерминизма исключают свободу воли. Импоссибилисты могут пойти еще дальше и сказать, что само понятие свободы воли внутренне противоречиво, и никто не может обладать свободой воли, вне зависимости от истинности детерминизма.

Далее в этой главе мы подробно рассмотрим перечисленные позиции, основные аргументы за и против каждой из них, начав с инкомпатибилизма, как позиции наиболее близкой (даже по мнению некоторых его противников) к нашему обыденному пониманию свободы воли.

Все инкомпатибилисты утверждают несовместимость свободы воли и детерминизма, однако разные его сторонники предлагают различные объяснения этой несовместимости. Два наиболее популярных объяснения – несовместимость детерминизма со способностью агента поступить иначе и несовместимость детерминизма с тем, что агент является конечным источником своих действий (некоторые философы даже включают эти условия в само определение свободы воли, как мы говорили выше). Первого объяснения придерживается так называемый инкомпатибилизм возможностей (leeway incompatibilism), а второго – инкомпатибилизм источника (source incompatibilism).

Позицию инкомпатибилизма возможностей можно сформулировать в виде следующего простого аргумента:

1. Если личность действует свободно, то она могла поступить иначе.

---

[392] Strawson G. The Impossibility of Moral Responsibility. Philosophical Studies. 1994. № 75. pp. 5–24

2. Если детерминизм истинен, то никто не может поступить иначе.

3. Следовательно, если детерминизм истинен, то никто не действует свободно.

Первая из посылок представляет собой так называемый Принцип альтернативных возможностей (Principle of Alternative Possibilities), в котором мало кто сомневался до появления аргумента Гарри Франкфурта, о котором мы расскажем позднее, когда будем говорить о компатибилизме.

Наиболее спорной считалась вторая из посылок, и для инкомпатибилистов было важно предложить убедительный аргумент в ее поддержку, так как одних ссылок на интуитивную правильность этого положения явно недостаточно. Именно таким аргументом и стал Аргумент последствий (Consequence Argument) – один из наиболее известных и влиятельных аргументов в современной дискуссии о свободе воли. Разные формулировки аргумента были предложены Карлом Гине[393], Дэвидом Виггинсом[394], Джеймсом Лэмбом[395], Питером ван Инвагеном[396] и другими. В данной главе мы рассмотрим версию ван Инвагена, как получившую наибольшее распространение. Три варианта этой версии (мы остановимся на третьей) появились в работе ван Инвагена 1983 года «Эссе о свободе воли».

В наиболее общем виде Аргумент последствий можно сформулировать так: «Если детерминизм истинен, то наши действия являются последствиями законов природы и событий в отдаленном прошлом. Но от нас не зависит ни то, что происходило в отдаленном прошлом, ни то, какими являются законы природы. Следовательно, последствия этого (включая наши нынешние действия) не зависят от нас»[397]. Эту общую формулировку можно по-разному представить в более формальном виде. Инваген предлагает три таких представления, из которых наибольшую известность приобрела третья. Эта версия аргумента использует особый модальный оператор N, который

[393] Ginet C. Might We Have No Choice? // Lehrer K. (ed.) Freedom and Determinism. New York, Random House, 1996 pp. 87–104.

[394] Wiggins D. Towards a Reasonable Libertarianism. // Honderich T. (ed.) Essays on Freedom and Action. London, Routledge and Kegan Paul, 1973 pp. 31–62

[395] Lamb J. On a Proof of Incompatibilism. // The Philosophical Review. 1977. № 86. pp. 20–35

[396] van Inwagen P. An Essay on Free Will. Oxford, Clarendon Press, 1983

[397] ibid. p. 56

может модифицировать предложения, имеющие истинностное значение. Результат присоединения N к предложению p (то есть Np) аналогичен присоединению к p выражения «и никто не имеет и не имел какого-либо выбора относительно p», то есть истинность\ложность p никак не зависит от чьего-либо выбора, чьей-либо воли и является неизбежной. Например,

N Все люди смертны

аналогичен выражению

Все люди смертны, и никто не имеет и не имел какого-либо выбора относительно того, что все люди смертны.

Для этого аргумента ван Инваген использует два правила вывода, α и β:

$\alpha: \Box p \vdash Np$

$\beta: Np, N(p \to q) \vdash Nq$

Правило α утверждает, что из необходимости любого предложения следует отсутствие выбора у кого-либо относительно истинностного значения этого предложения, то есть его неизбежность. Правило β (правило переноса) говорит, что если предложение p неизбежно и из него с неизбежностью следует предложение q, то это предложение q также будет неизбежным, то есть утверждается возможность переноса неизбежности.

Полное описание актуального мира в отдаленный момент прошлого, когда людей еще не существовало, ван Инваген обозначает как P_0, а полное описание актуальных законов природы как L. Любое истинное предложение (им может быть предложение, описывающее чье-либо действие) обозначается как P. Теперь мы можем сформулировать аргумент таким образом:

1. $\Box ((P_0 \& L) \to P)$ тезис каузального детерминизма.
2. $\Box (P_0 \to (L \to P))$ из п. 1 в соответствии с правилами логики.
3. $N (P_0 \to (L \to P))$ из п. 2 в соответствии с правилом α.
4. $N P_0$ принцип неизменяемости прошлого (Fixity of Past).
5. $N (L \to P)$ из пп. 3 и 4 в соответствии с правилом β.

6. N L принцип неизменяемости законов природы (Fixity of the Laws).

7. N P из пп. 5 и 6 в соответствии с правилом β.

В результате мы приходим к утверждению, что N P, то есть никто и никогда не имел какого-либо выбора относительно P, причем P может быть любым истинным предложением. Ван Инваген рассматривает в качестве примера P предложение «Ричард Никсон был помилован за все преступления, совершенные им, пока он был президентом Соединенных Штатов». Как известно, помилование было совершено преемником Никсона Джеральдом Фордом. Однако из аргумента следует, что N P: Ричард Никсон был помилован за все преступления, совершенные им, пока он был президентом Соединенных Штатов и никто не имеет и не имел какого-либо выбора относительно того, что Ричард Никсон был помилован за все преступления, совершенные им, пока он был президентом Соединенных Штатов. Получается, что Форд никогда не имел выбора относительно своего же собственного действия – помилования Никсона. Поскольку P может быть любым, это отсутствие выбора распространяется на все действия всех личностей. Детерминизм оказывается несовместим со свободой воли, так как свобода воли требует наличия выбора. Несогласные с выводом аргумента философы (прежде всего компатибилисты) должны отвергнуть какую-либо из посылок. Первая посылка – всего лишь утверждает тезис детерминизма и компатибилистами отвергнута быть не может. Остаются 4 и 6 посылки, а также правило β (правило α слишком очевидно), которое используется в аргументе для получения 5 и 7 посылок.

Некоторые философы полагают, что неверен принцип неизменяемости прошлого N P_0, который утверждает, что никто не имеет выбора относительно того, что произошло в прошлом. На первый взгляд, это кажется крайне контринтуитивным и даже абсурдным: как человек может изменить прошлые события, ведь они уже произошли? Противники неизменяемости прошлого решают проблему путем различения двух способностей (это различие было предложено Дэвидом Льюисом): способности агента изменить прошлое и способности совершить такое действие, при совершении которого прошлое оказалось бы другим. Эти две способности были названы Томисом

Капитаном каузальной и широкой способностью соответственно[398]. Он определяет их следующим образом, сначала давая общее определение способности агента S осуществлять (bring about) ситуацию p:

Способность: агент S способен осуществить ситуацию p тогда, когда он способен совершить действие, следствием которого будет p.

Каузальная способность: агент S каузально способен в момент t осуществить ситуацию p, если и только если существует такой способ действия K в момент t, что (1) S способен выполнить K, (2) выполнение K агентом S сделает так, что p.

Широкая способность (broad ability): агент S широко способен в момент t осуществить ситуацию p, если и только если существует такой способ действия K в момент t, что (1) S способен выполнить K, (2) если S выполнит K, то p.

В определении каузальной способности выражение «сделает так, что» является по своей сути каузальным понятием и предполагает, что, выполняя K, агент S станет причиной p. Например, если K – «выстрелить из карабина», а p – «смерть Кеннеди», то путем выполнения K 22 ноября 1963 года в 12:30 Ли Харви Освальд мог сделать так, что наступила смерть Кеннеди, то есть он мог (и стал) причиной его смерти. Очевидно, что по отношению к прошлым событиям (P_0 в аргументе последствий) никто не может обладать каузальной способностью, никто не способен каузально повлиять на прошлое.

Но с широкой способностью дела, по мнению некоторых философов, обстоят по-другому. У нас вполне может быть широкая способность даже в детерминистичном мире совершать такие действия, при совершении которых прошлое оказалось бы другим. Чтобы лучше понять, как такое возможно, рассмотрим конкретный пример, предложенный Джоном Фишером. Фишер пишет следующее (при рассмотрении примера он предполагает ложность детерминизма): «Рассмотрим старого морского волка. Каждое утро в 9:00 (последние сорок лет) он звонит в службу погоды, чтобы узнать погоду в полдень. Если метеоролог говорит в 9:00, что погода будет ясной в

[398] см. Kapitan T. A Master Argument for Incompatibilism? // Kane R. (ed.) The Oxford Handbook of Free Will. Oxford, Oxford University Press, 2002 p. 134

полдень, то морской волк всегда отправляется в полдень в плавание. И если метеоролог говорит, что погода не будет ясной в полдень, морской волк никогда не отправляется в полдень в плавание. Морской волк обладает определенными и крайне регулярными схемами поведения и стабильными психологическими диспозициями … в то время как он любит ходить в плавание в солнечную погоду, он ненавидит ходить в плавание в плохую погоду. Сейчас полдень и в 9:00 этим утром морской волк позвонил в службу погоды и ему было сказано, что погода в полдень (и потом) будет ужасной, что будут проливные дожди. Морской волк здоров и полон сил, и его парусная лодка готова к отплытию. Держа в уме прогноз погоды, он решает в полдень не отправляться в плавание. Но *мог* ли он в этот полдень отправиться в плавание? Учитывая то, что морской волк никем не принуждается, не загипнотизирован, не манипулируем электроникой, не обманут и так далее … кажется, что морской волк определенно *мог* отправиться в плавание в полдень. Он просто *не* отправился в плавание в полдень: он сделал рациональный выбор не делать что-то, что он тем не менее имел *способность* [*power*] сделать»[399]. Теперь представим себе, что произошло бы в данной истории, если бы морской волк все-таки отправился в плавание в полдень. Учитывая его характер и привычки, это означало бы, что ранее (в 9:00) метеоролог предсказал бы ясную погоду (ведь если бы он предсказал ужасную погоду, то морской волк ни за что бы не пошел в плавание). По мнению Фишера, в данном примере верны следующие возвратные кондиционалы, второй из которых является следствием первого:

(C1) Если бы морской волк отправился в плавание в полдень, то метеоролог сказал бы ему в 9:00, что погода будет ясной в полдень.

(C2) Если бы морской волк отправился в плавание в полдень, то некоторый факт об определенном времени перед полднем не был бы фактом.

Если воспользоваться семантикой возможных миров (см. главу 10), то можно сказать, что в ближайшем к миру истории мире, где морской волк все-таки отправляется в плавание, прошлое является немного другим: метеоролог предсказывает не ужасную, а ясную

---

[399] Fischer J. The Metaphysics of Free Will: An Essay on Control. Oxford, Blackwell Publishers, 1994 p. 80

погоду. Получается, что у морского волка в полдень есть способность совершить такое действие (отправиться в плавание), при совершении которого прошлое оказалось бы другим (метеоролог дал другой прогноз). Причем такая способность совместима с детерминизмом, а значит люди в детерминистичном мире могут менять (в определенном смысле) прошлое. Будучи детерминирован к совершению какого-либо действия, человек в таком мире сохраняет способность действовать иначе, которой он в реальности не пользуется. Однако сама способность (широкая, а не каузальная) у него есть, и если бы он все-таки ей воспользовался, то прошлое мира оказалось бы другим.

Еще одним путем опровержения Аргумента последствий может быть отрицание принципа неизменяемости законов природы. На первый взгляд, это может показаться не менее странным и абсурдным. Но противники принципа и здесь могут воспользоваться различием между каузальной и широкой способностью. Никто не может стать причиной изменения закона природы, но он может действовать таким образом, что закон природы окажется другим. Эту позицию легче принять, если придерживаться определенных взглядов на законы природы. Например, компатибилисты могут воспользоваться юмовской теорией законов и свести их к регулярностям среди событий. Регулярности являются отражением последовательности событий, происходящих в мире; при другой последовательности и регулярности будут другими. У человека в детерминистичном мире может быть широкая способность действовать так, что при совершении действия история мира окажется другой, а значит и законы мира окажутся другими. Первым эту теорию предложил Дэвид Льюис[400], назвавший ее компатибилизмом локального чуда (local miracle compatibilism). В соответствии с ней человек не может нарушить законы природы, то есть не может стать причиной чуда. Но он может (в смысле широкой способности) действовать так, что законы природы окажутся другими. По сравнению с тем возможным миром, в котором на самом деле живет человек, это будет чудом, но в том возможном мире, где он «оказался бы» при совершении действия, никакого чуда не будет, все будет происходить в соответствии с «новыми» законами.

Третий путь опровержения Аргумента последствий – отвернуть правило переноса (правило β), на которое опирается аргумент. Правило само по себе может казаться интуитивно правильным,

[400] Lewis D. Are we Free to Break the Laws? // Theoria. 1981. № 47. pp. 113-121

однако, с помощью специальных аргументов и контрпримеров, мы можем, как кажется критикам, убедиться в его неверности. Томас Маккей и Дэвид Джонсон[401] в своей работе 1996 года «Переосмысление аргумента против компатибилизма» показывают, что это правило ведет к неприемлемым следствиям. По их мнению, из правила β следует агломеративность (agglomerativity) в отношении оператора N, а она в свою очередь имеет явные контрпримеры. Агломеративность для N означает, что из Np и Nq можно сделать вывод, что N(p&q). В своем аргументе Маккей и Джонсон используют логическую истину $p \rightarrow (q \rightarrow (p\&q))$. Она является истинной при любом истинностном значении p и q, а значит является необходимой: $\Box [p \rightarrow (q \rightarrow (p\&q))]$. Опираясь на это Маккей и Джонсон показывают, что правило β ведет к агломеративности:

1. Np (посылка аргумента).
2. Nq (посылка аргумента).
3. $\Box [p \rightarrow (q \rightarrow (p\&q))]$ (необходимость логической истины).
4. $N[p \rightarrow (q \rightarrow (p\&q))]$ (из п. 3 по правилу α).
5. $N(q \rightarrow (p\&q))$ (из п. 1 и п. 4 по правилу β).
6. Следовательно, N(p&q).

В соответствии с этим аргументом, из того, что никто не имеет и не имел какого-либо выбора относительно p и никто не имеет и не имел какого-либо выбора относительно q следует, что никто не имеет и не имел какого-либо выбора относительно p&q. Но этот принцип неверен, так как имеет явные контрпримеры. Маккей и Джонсон приводят следующий: представим, что у Петра в кармане лежит монета, которую он мог бы подбросить, но не подбросил. Теперь рассмотрим три пропозиции, каждая из которых истинна, так как монета осталась не подброшенной:

p – монета не упала решкой
q – монета не упала орлом
p&q – монета не упала решкой, и монета не упала орлом

Если Петр – самый обычный человек, не является фокусником, монета в его кармане – стандартная, то он никак не может

[401] Mckay T., Johnson D. A Reconsideration of an Argument against Compatibilism. // Philosophical Topics. 1996. № 24(2). pp. 113-122

повлиять на то, как именно упадет монета при подбрасывании, то есть мы можем сказать, что Np и Nq. Однако Петр имеет влияние на истинность/ложность p&q: пока монета лежит у него в кармане, p&q является истинным, но если он подбросит монету (что он сделать в состоянии), то p&q станет ложным, так как монета упадет либо орлом, либо решкой. В результате мы не можем утверждать, что N(p&q). Большинство как сторонников, так и противников Аргумента последствий признают правоту Маккея и Джонсона и полагают, что правило β действительно имеет контрпримеры. Тем не менее сторонники Аргумента пытаются найти замену правилу, которая могла бы выполнять ту же роль в Аргументе, но не была бы подвержена контрпримерам. Ряд философов, таких как Дэвид Видеркер[402], предложили заменить правило β на более сильное:

правило β*: Np, $\Box(p \rightarrow q) \vdash Nq$

Оно не подвержено агломеративности и может быть использовано в Аргументе вместо правила β.

Если попытки отрицать неизменяемость прошлого, законов природы или правило β окажутся неуспешными, компатибилисты могут просто отвергнуть, что из вывода Аргумента следует отсутствие свободы воли. Ведь это следование опирается на Принцип альтернативных возможностей, который тоже можно отрицать. Именно это и пытается сделать аргумент Франкфура, в соответствии с которым агент может быть свободным (или морально ответственным) за действие, относительно которого он не мог поступить иначе. Этот аргумент будет рассмотрен нами ниже, при изложении компатибилистских теорий.

Даже если принцип альтернативных возможностей окажется неуспешным, инкомпатибилисты могут доказывать несовместимость детерминизма и свободы воли по-другому. Детерминизм несовместим со свободой не потому, что лишает нас возможностей, а из-за того, что при детерминизме мы не можем быть подлинными, конечными (ultimate) источниками своих действий. Так думают сторонники инкомпатибилизма источника. Основную его идею можно представить в виде следующего аргумента:

---

[402] Widerker D. On an Argument for Incompatibilism. // Analysis. 1987. № 47 pp. 37–41

1. Если личность действует свободно, то она является конечным источником своих действий.

2. Если детерминизм истинен, то никто не может быть конечным источником своих действий.

3. Следовательно, если детерминизм истинен, то никто не действует свободно.

Первая посылка не вызывает слишком больших споров – многие компатибилисты согласны с ней и предлагают свои критерии для определения того, когда агента можно считать конечным источником (естественно, критерии совместимые с детерминизмом). Главная задача инкомпатибилистов – доказать вторую посылку. Для этого ими был предложен целый ряд аргументов, из которых мы рассмотрим два наиболее известных – Аргумент манипуляции Дерка Перебума и Прямой аргумент (direct argument) Питера ван Инвагена, начав с последнего из них.

Прямой аргумент был назван ван Инвагеном прямым, так как его цель – доказать несовместимость детерминизма и свободы воли напрямую, без доказывания несовместимости детерминизма с чем-то другим – со способностью поступать по-другому, например. По общей структуре Прямой аргумент сходен с уже рассмотренным нами Аргументом последствий, но он говорит не о переносе бессилия, представленного оператором N, с прошлого и законов природы на все действия личности, а напрямую о переносе отсутствия моральной ответственности (аргумент формулируется в терминах моральной ответственности, но его легко переформулировать в терминах свободы воли, как необходимого условия этой ответственности). Как кажется, оспорить отсутствие ответственности относительно далекого прошлого и законов природы гораздо труднее, чем отсутствие выбора.

Неформально аргумент можно сформулировать следующим образом:

1. Никто даже частично морально не ответственен как за факты далекого прошлого, так и за законы природы.

2. Никто даже частично морально не ответственен за тот факт, что факты далекого прошлого вместе с законами природы подразумевают только одно, уникальное будущее.

3. Следовательно, никто даже частично морально не ответственен за будущие факты.

Вывод аргумента относится ко всем фактам, в том числе и действиям людей, а значит ни один человек не несет ответственности за свои действия. В своей формальной версии Прямой аргумент использует особый оператор N* (Инваген называет этот оператор так же, как и в Аргументе последствий – N, но мы во избежание путаницы назовем его N*), который означает «и никто не был и не является даже частично ответственным за тот факт, что p», а также два правила, аналогичных правилам α и β:

A: $\Box p \vdash N^*p$
B: $N^*p, N^*(p \rightarrow q) \vdash N^*q$

Сам аргумент выглядит так:

1. $\Box((P_0\&L) \rightarrow P)$ тезис каузального детерминизма.
2. $\Box(P_0 \rightarrow (L \rightarrow P))$ из п. 1 в соответствии с правилами логики.
3. $N^*(P_0 \rightarrow (L \rightarrow P))$ из п. 2 в соответствии с правилом A.
4. $N^* P_0$ отсутствие ответственности за далекое прошлое.
5. $N^*(L \rightarrow P)$ из пп. 3 и 4 в соответствии с правилом B.
6. $N^* L$ отсутствие ответственности за законы природы.
7. $N^* P$ из пп. 5 и 6 в соответствии с правилом B.

Посылки 4 и 6 в этом аргументе обладают гораздо большей интуитивной силой (как может человек быть ответственным за далекое прошлое, когда он еще не родился?), и поэтому большая часть противников аргумента сосредоточила свою критику на правиле B, правиле переноса отсутствия ответственности. На первый взгляд оно кажется интуитивно верным и для подкрепления этой интуиции ван Инваген приводит несколько конкретных примеров:

«N* Джон был укушен коброй в свой тридцатый день рождения

N* (Джон был укушен коброй в свой тридцатый день рождения → Джон умер в свой тридцатый день рождения)

следовательно, N* Джон умер в свой тридцатый день рождения

и

N* Платон умер в античности

N* (Платон умер в античности → Платон никогда не встречался с Юмом)

следовательно, N* Платон никогда не встречался с Юмом»[403].

Чтобы опровергнуть правило B, его критикам необходимо подобрать такой случай, где было бы N*p и N* (p → q), но ¬N*q. Марк Равицца попытался сделать это с помощью следующего примера: «…представьте, что Бетти заложила свою взрывчатку в трещины ледника и подорвала заряд в T1, вызвав лавину, которая разрушила вражеский форт в T3. Бетти и ее командованию тем не менее неизвестно, что ледник постепенно тает, меняется и разрушается. Ели бы Бетти не заложила динамит в трещины, некоторое количество льда и камней отломилось бы и вызвало естественную лавину, которая разрушила бы вражеский лагерь в T3… Бетти действует свободно, и она ответственна за последствия своих действий. Это истинно, хотя присутствуют условия, за которые никто не был даже частично ответственен, которых было достаточно, чтобы произвести следствие, *что вражеский лагерь был разрушен лавиной в T3*. Таким образом, [данная история] является контрпримером к (B), поскольку:

(1) Ледник разрушается, и никто не был и не является даже частично ответственным за тот факт, что он разрушается;

(2) Если ледник разрушается, то есть лавина, которая разрушает вражеский лагерь в T3, и никто не был и не является даже частично ответственным за этот факт;

но, учитывая ответственность Бетти, *не* является истинным, что

(3) Есть лавина, которая разрушает вражеский лагерь в T3, и никто не был и не является даже частично ответственным за этот факт»[404].

По мнению Равиццы, эта история является контрпримером для правила B и опровергает его. Не все философы согласны с этим. Напрмер, Майкл Маккенна[405] и Элеонора Стамп[406] считают пример Равиццы неудачным, так как в примере присутствуют две каузальных цепочки (естественное разрушение ледника и действия Бетти по закладке взрывчатки), а в мире, где истинен детерминизм, одно

[403] van Inwagen P. An Essay on Free Will. Oxford, Clarendon Press, 1983 p. 187

[404] Ravizza M. Semi-Compatibilism and the Transfer of Non-Responsibility // Philosophical Studies. 1994. №75. p. 72-73

[405] McKenna M. Source Incompatibilism, Ultimacy, and the Transfer of Non-Responsibility. // American Philosophical Quarterly. 2001. №38(1). pp. 37-51

[406] Stump E. The Direct Argument for Incompatibilism. // Philosophy & Phenomenological Research. 2000 № 61. pp. 459–66

прошлое (вместе с законами природы) предопределяет существование единственного будущего. Между примером и ситуацией детерминизма отсутствует необходимая аналогия. Как пишет Маккенна: «Если детерминизм истинен, то манера, в которой факты прошлого и законы природы предопределяют одно единственное будущее *не* является аналогичной манере, в которой один набор независимо существующих каузально достаточных условий (например, эрозия) определяет последующее событие, определенное вдобавок *некоторым другим отличным* набором независимо существующих каузально достаточных условий (например, действия Бетти). В условиях детерминизма, соответствующие факты (состоящие в детерминистичном порядке вещей) не являются *независимыми* от оснований [reasons] для действий агента, *они составляют* [constitute] *их*»[407]. Сторонники контрпримера могут внести в него поправки и заменить два каузальных процесса на один, чтобы избежать возражения Маккенны. Споры по поводу данного контрпримера и Прямого аргумента в целом продолжаются до сих пор.

Из всех аргументов в пользу инкомпатибилизма источника наибольшую известность приобрел другой аргумент – Аргумент манипуляции Дерка Перебума, хотя более ранний его вариант предлагался Ричардом Тэйлором[408]. Задача аргумента – доказать отсутствие существенных для свободы отличий между случаем, в котором агентом манипулируют, лишая тем самым свободы, и случаем, где поступки агента предопределены обычным, детерминистичным ходом событий. Для доказательства приводится ряд сценариев (у Перебума их четыре), каждый из которых мало отличается от предыдущего. Тем самым происходит плавный переход от истории с манипуляцией к истории с детерминизмом. У читателей должна возникнуть интуиция, что эти истории ничем не отличаются в отношении наличия/отсутствия свободы у главного героя. В первой истории у агента явно отсутствует свобода воли, так как им манипулируют посторонние лица, однако агент в ней удовлетворяет всем критериям свободы воли, предложенным компатибилистами. В результате, из истории можно сделать вывод, что все совместимые с детерминизмом критерии свободы воли никак не предотвращают отсутствие этой свободы у героя истории. Затем, с помощью ряда промежуточных случаев, отсутствие свободы переносится на историю, где агентом уже никто не

---

[407] McKenna M. Source Incompatibilism, Ultimacy, and the Transfer of Non-Responsibility. // American Philosophical Quarterly. 2001. №38(1). p. 45

[408] Taylor R. Metaphysics. Englewood Cliffs, Prentice Hall, 1974 p. 45

манипулирует, но его поступки предопределены из-за детерминизма. В формулировке аргумента 2014 года Дерк Перебум приводит следующие четыре сценария, в которых профессор Плам решает убить некоего Уайта ради личной выгоды[409]:

Сценарий 1: команда нейроученых обладает способностью манипулировать нейронными состояниями Плама в любой момент с помощью радиопередающей техники. В данном конкретном случае они делают это с помощью нажатия кнопки непосредственно перед тем, как он начинает размышлять о своей ситуации, что вызовет в нем нейронное состояние, реализующее сильно эгоистичный процесс рассуждения, который, как известно нейроученым, детерминистически приведет его к решению убить Уайта. Плам не убил бы Уайта без вмешательства нейроученых, поскольку без этого его рассуждения не были бы в достаточной мере эгоистичными. В то же время, действующее желание Плама убить Уайта соответствует его желаниям второго порядка. Кроме того, процесс принятия решения, из которого последовало решение об убийстве, является отзывчивым к основаниям [reasons-responsive]; в частности, этот тип процесса привел бы к тому, что Плам воздержался бы от решения убить в некоторых ситуациях, в которых его основания были бы другими. Процесс его мышления согласуется с его характером, так как он часто бывает эгоистичным и иногда сильно эгоистичным. В то же время он не полностью эгоистичен, поскольку он иногда успешно регулирует свое поведение с помощью моральных оснований, особенно когда эгоистичные основания относительно слабы. Плам не ограничен в своих действиях, он не действует в силу непреодолимого желания, так как нейроученые не возбуждают подобных желаний.

Все характеристики Плама, приводимые в сценарии, необходимы, чтобы показать – Плам удовлетворяет всем компатибилистским критериям свободы воли: действующее желание совпадает с желанием второго порядка, процесс размышления является отзывчивым к основаниям, действие согласуется с характером, желание не является непреодолимым и так далее (эти критерии мы рассмотрим более подробно, когда будем говорить о компатибилизме). Однако, несмотря на выполнение всех этих условий, кажется, что Плам не действует свободно. Его свободе препятствует вмешательство нейроученых. Плам – жертва манипуляции.

---

[409] см. Pereboom D. Free Will, Agency, and Meaning in Life. Oxford, Oxford University Press, 2014 p. 76-79

Сценарий 2: Плам во всем подобен обычным людям, за исключением одного. При его рождении команда нейроученых запрограммировала его таким образом, что его мышление часто, но не всегда эгоистично и временами сильно эгоистично. Это имеет преднамеренное (со стороны нейроученых) следствие, что в текущих обстоятельствах он каузально детерминирован начать эгоистичный, отзывчивый к основаниям процесс размышлений, который вместе с его желаниями первого и второго порядков приведет к решению убить Уайта. Как и в первом сценарии, процесс его мышления согласуется с его характером, так как он часто бывает эгоистичным и иногда сильно эгоистичным. В то же время он не полностью эгоистичен, поскольку он иногда успешно регулирует свое поведение с помощью моральных оснований, особенно когда эгоистичные основания относительно слабы. Плам не ограничен в своих действиях, он не действует в силу непреодолимого желания. Нейронная реализация процесса его размышления и принятия решения точно такая же, как и в сценарии 1.

Вся разница между вторым и первым сценариями сводится, по сути, к разнице во времени манипуляции: во втором из них манипуляция произошла задолго до момента убийства. Но интуитивно кажется, что манипуляция должна лишать Плама свободы в любом случае, независимо от времени вмешательства. То есть между сценариями нет существенного для свободы воли различия. В обоих случаях отсутствие свободы происходит из каузальной детерминированности решения Плама вмешательством нейроученых.

Сценарий 3: Плам во всем подобен обычным людям, за исключением одного. Практики воспитания и обучения в его сообществе каузально детерминируют процесс его мышления таким образом, что он часто, но не всегда становится рационально эгоистичным (природа процесса размышления Плама ничем не отличается от первого и второго сценариев). Его воспитание завершилось до того, как он развил способность предотвратить или изменить подобные воспитательные практики. Благодаря особенностям характера, произведенным воспитанием, в своих текущих обстоятельствах он каузально детерминирован начать сильно эгоистичный, отзывчивый к основаниям процесс размышлений, который вместе с его желаниями первого и второго порядков приведет к решению убить Уайта. Нейронная реализация процесса его размышления и принятия решения точно такая же, как и в сценарии 1 и 2.

Разница между этим и вторым сценарием сводится к разнице в способе детерминации: в сценарии 2 это вмешательство нейроученых, а в данном сценарии – процесс воспитания. Однако в обоих случая Плам каузально детерминирован совершить убийство. Интуитивно кажется, что существенной для свободы разницы между сценариями нет.

Сценарий 4: всё, что происходит в нашей вселенной каузально детерминировано прошлым и законами природы. Плам во всем подобен обычным людям, воспитан в нормальных условиях и, как и раньше, процесс его мышления часто бывает эгоистичным и иногда сильно эгоистичным (как в сценариях 1-3). Его решение убить Уайта происходит из сильно эгоистичного, но отзывчивого к основаниям процесса размышления и желаний первого и второго порядков. Нейронная реализация процесса его размышления и принятия решения точно такая же, как и в сценариях 1-3. Он обладает общей способностью регулировать свое поведение с помощью моральных оснований и не действует в силу непреодолимого желания.

Разница между данным и предыдущем сценарием опять-таки сводится к разнице в способе детерминации: поступок Плама предопределен не особым процессом воспитания и обучения, а прошлым состоянием мира и законами природы. Интуитивно кажется (или должно казаться), что и в этом, как и во всех предыдущих, сценарии Плам не несет ответственность за решение убить Уайта и его последующую реализацию.

Дерк Перебум полагает, что во всех случаях мы должны интуитивно заключить, что Плам не несет ответственности. Но почему возникает такая интуиция? По мнению Перебума, в этих четырех сценариях ключевым моментом, лишающим Плама свободы, является каузальная детерминированность его решения факторами, находящимися вне контроля самого агента. Причем каковы именно эти факторы (вмешательство нейроученых, особое воспитание, прошлое плюс законы природы) не имеет значения. Наличие таких факторов будет наилучшим объяснением нашей интуиции. В сценариях подчеркивается, что Плам удовлетворяет всем компатибилистским критериям свободы – его желания первого порядка согласуются с желаниями второго, процесс размышления отзывчив к рациональным основаниям, он не действует в силу непреодолимого желания и так далее. Однако сценарии показывают, что всех этих критериев недостаточно. Детерминированность лишает человека свободы, несмотря на

все остальное. Отсюда следует инкомпатибилистский вывод – свобода и каузальный детерминизм несовместимы.

Как подчеркивает Перебум, в принципе мы можем предложить не четыре, а большее число сценариев, чтобы переход к обычной ситуации совершался более плавно. Независимо от числа сценариев Аргумент манипуляции следует одной общей схеме. Ключевым для всех сценариев является то, что в них агент (Плам) удовлетворяет всем компатибилистским критериям свободы, которые Перебум называет CAS – Compatibilist-Friendly Agential Structure, то есть дружественная компатибилизму агентная структура (КАС). Затем с помощью четырех случаев показывается, что агент с КАС в условиях детерминизма ничем не отличается в отношении свободы от агента, которым манипулируют и у которого явно нет свободы. Вывод – при детерминизме КАС недостаточна для свободы воли. Схематически аргумент можно представить так:

(АМ) 1. Если агент S под воздействием манипуляции X делает A, исходя из КАС, то S не делает A свободно и, следовательно, не является морально ответственным за совершение A.

2. Любой агент, который под воздействием манипуляции X делает A, не отличается ни в каком релевантном отношении от нормально функционирующего агента, каузально детерминированного к совершению A, исходя из КАС.

3. Следовательно, любой нормально функционирующий агент, каузально детерминированный к совершению A, исходя из КАС, не делает A свободно и, следовательно, не является морально ответственным за совершение A.

Следуя этой схеме, можно предложить разные варианты Аргумента манипуляции в зависимости от того, как они конкретизируют КАС и способы манипуляции агентом. Независимо от конкретного варианта, противники аргумента для его опровержения должны отвергнуть либо первую, либо вторую из посылок (АМ). Отвергнуть первую посылку – значит утверждать, не смотря на нашу противоположную интуитивную реакцию, что агент, которым манипулируют (даже в первом сценарии с Пламом), действует свободно. Главное, чтобы у него имелась КАС. Отвергнуть вторую посылку – значит признать, что манипулируемый агент действительно несвободен, но между ним и обычным агентом в мире с детерминизмом существует релевантная разница, из-за которой обычный агент свободен.

Некоторые противники воспользовались тем фактом, что аргумент полагается на наши интуиции о (не)свободе агента в разных ситуациях. Аргумент исходит из того, что в первом сценарии у нас возникает сильная интуиция о несвободе агента (ведь им непосредственно манипулируют посторонние люди), которая затем переносится с помощью промежуточных сценариев на обычного агента в мире с детерминизмом. Но этот перенос интуиций можно развернуть в обратную сторону. Именно это предложил сделать Майкл Маккенна[410]. По его мнению, мы должны рассматривать сценарии в обратном порядке. Прежде всего нам следует рассмотреть четвертый сценарий и обратить внимание на моральные и агентные свойства Плама. В сценарии он описан как самый обыкновенный моральный агент, ничем не отличающийся от нас с вами. Он способен испытывать те же эмоции – раскаяние в убийстве или, наоборот, чувствовать гордость по этому поводу. Мы можем предположить, что Плам обладает историей морального развития – его ценности и моральные нормы формировались в течение детства и юности. В общем, Плам является полноценным участником морального сообщества. Но в сценариях Перебума подчеркивалось сходство между разными сценариями. Значит все вышесказанное должно относиться к Пламу и в сценарии номер один.

Кроме этого, Маккенна утверждает, что наше изначальное отношение к четвертому сценарию должно быть нейтральным в вопросе наличия/отсутствия свободы воли у Плама. У нас не должно быть изначальной интуиции, что свободы в сценарии 4 у него нет. Конечно, компатибилист не может просто заявить, что Плам обладает свободой несмотря на детерминизм (ведь об этом и идет спор), но и инкомпатибилист не должен, по мнению Маккенны, утверждать ее отсутствие. Оправдано лишь нейтральное отношение.

Маккенна признает, что вывод Перебума об отсутствии свободы в сценариях обладает определенной силой. Если мы начинаем с первого сценария (как в аргументе Перебума) и обращаем внимание на манипуляцию, то у нас возникает интуиция об отсутствии свободы, которая затем переносится на все остальные случаи. Но, если мы обратим внимание на вышеописанные черты Плама в сценарии 4 и будем изначально нейтральны, то у нас должна возникнуть интуиция, что он ответственен за свои действия и обладает необходимой

[410] см. McKenna M. A Hard-line Reply to Pereboom's Four-Case Manipulation Argument // Philosophy and Phenomenological Research. 2008. №77(1). p. 142-159

для этого свободой. Эта интуиция может быть перенесена и на 1-3 сценарии. Даже в первом сценарии у нас должна возникнуть некая склонность считать Плама ответственным. Маккенна не берется утверждать однозначно, что в сценарии 1 Плам морально ответственен (действия нейроученых слишком сильно бросаются в глаза). Максимум, что мы должны сделать – это остаться нейтральными по вопросу наличия свободы у Плама. Как полагает Маккенна, такая агностическая позиция – это победа компатибилиста. Ведь она лишает Аргумент последствий его силы – начав с агностической позиции в сценарии 1, мы уже не сможем сделать вывод, что во всех остальных сценариях у Плама нет свободы. Аргумент опровергнут. Естественно, что Перебум несогласен с таким выводом. Он утверждает, что в сценариях 1 и 2 у нас должны возникать сильные инкомпатибилистские интуиции, которые затем переносятся на остальные случаи.

Два рассмотренных нами аргумента (последствий и манипуляции) пытаются доказать несовместимость детерминизма и свободы воли, то есть являются инкомпатибилистскими. Однако есть и другие аргументы (используемые как компатибилистами, так и жестскими инкомпатибилистами против либертарианцев и суперкомпатибилистов), чья цель – доказать несовместимость свободы воли с индетерминизмом. Наиболее известным из них является Аргумент удачи. Его главная идея в том, что индетерминизм лишает актора контроля над своими действиями и превращает их в случайные события, являющиеся продуктом простой удачи. В центре аргумента две основные идеи:

(1) Если событие недетерминировано, то оно – продукт удачи.

(2) Если событие – продукт удачи, то оно не является осуществлением свободы воли.

Разные версии аргумента по-разному развивают и конкретизируют эти тезисы. Также по-разному они трактуют само понятие удачи: некоторые оставляют его без определения, а другие определяют как отсутствие определенного вида объяснения. Для иллюстрации аргумента Иштияк Хаджи приводит такой пример[411]. Предположим, что у Джонса, живущего в индетерминистичном мире, есть основания за и против курения. После размышления он приходит к заключению, что, хотя в моральном смысле ему не следует курить, у

---

[411] см. Haji I. Control conundrums: Modest libertarianism, responsibility, and explanation // Pacific Philosophical Quarterly. 2001. №82 (2). p. 178–200

него есть более хорошие в целом основания для курения. После этого он сразу же решает курить в соответствии со своим лучшим суждением (то есть суждением, показавшимся ему наилучшим при учете всех оснований) и добровольно и преднамеренно курит. Поскольку его решение курить недетерминистически вызвано его лучшим суждением и другими его состояниями, то он мог решить и по-другому, даже несмотря на лучшее суждение. Теперь, сохраняя неизменным соответствующее прошлое Джонса, его процесс размышления и лучшее суждение, к которому он в результате пришел, рассмотрим ближайший возможный мир, в котором Джонс (или его двойник Джонс*) решает воздержаться от курения и затем добровольно и преднамеренно не курит. Оба мира вплоть до данного решения Джонса одинаковы. Получается, что какое именно решение примет Джонс, является случайным продуктом удачи. По мнению Хаджи, удача в данном случае заключается в отсутствии объяснения той разницы, которая возникла в этих двух возможных мирах. Как пишет Хаджи, здесь не выполнено условие контрастивного объяснения, которое он формулирует следующим образом:

(УКО) Агент S ответственен за решение или действие A, если только существует объяснение (которое не обязано быть детерминистическим) в терминах предшествующих оснований, почему S совершил именно A, а не что-то другое (воздержался от совершения A или совершил вместо этого B).

Именно такое контрастивное объяснение отсутствует в примере с Джонсом.

Для иллюстрации Аргумента удачи были предложены и другие мысленные эксперменты. Например, ван Инваген предложил эксперимент с откатом (rollback) и многократным повторением одной и той же ситуации[412]. Снова рассмотрим индетерминистичный мир, в котором Алиса решает, сказать ли ей правду или солгать. Она со всей серьезностью рассмотрела обе альтернативы и сказала правду, хотя была вполне способна солгать. Теперь представим, что сразу же после решения Алисы всемогущий Бог возвращает вселенную точно к тому состоянию, в каком она была за минуту до решения Алисы и снова «запускает» ход времени. Какое решение она примет теперь?

[412] см. van Inwagen P. Free Will Remains a Mystery: The Eighth Philosophical Perspectives Lecture // Philosophical Perspectives. 2000. №14. pp. 1–19

Поскольку мир, в котором она живет, индетерминистичен, то она может принять любое решение. Представим, что Бог проделывает подобный перезапуск мира 1000 раз подряд. Что мы можем ожидать от этого? Мы ничего не можем сказать наверняка, но вероятно, что в некоторых случаях Алиса солжет, а в некоторых скажет правду. То есть по мере увеличения числа случаев, возникнет некое определенное соотношение между двумя возможными исходами. Это соотношение может быть равным, например, 0.5. Ван Инваген просит нас представить, что мы просмотрели 726 перезапусков с таким соотношением исходов и готовимся посмотреть 727-й. Какое ожидание должно у нас возникнуть? Ван Инваген пишет следующее: «Мы столкнемся с неизбежным впечатлением, что то, что произойдет в семьсот двадцать седьмом воспроизведении, будет обусловлено просто случаем… Какое другое заключение мы можем принять относительно семьсот двадцать седьмого воспроизведения (которое вот-вот начнется), чем это: каждый из двух возможных исходов этого воспроизведения имеет объективную, базовую вероятность 0.5 – и ничего более сказать нельзя? И это, очевидно, означает, что, в самом прямом смысле какой только можно представить, исход воспроизведения будет делом случая»[413]. Противники аргумента не считают подобный исход проблематичным. По их мнению, он не должен вызывать интуицию того, что Алиса лишена свободы, и ее поступки – продукт удачи. Наоборот, такого распределения вероятностей и следует ожидать при свободных действиях. Представим, что во всех из 1000 воспроизведений Алиса бы солгала. Именно такое распределение скорее бы указывало на отсутствие свободы, чем распределение 50/50.

В целом, либертарианцы (и суперкомпатибиличсты) по-разному пытаются ответить на Аргумент удачи. При формулировке своих положительных теорий о том, как свобода возможна в индетерминистичном мире, большинство из них учитывают данный аргумент и стараются его опровергнуть. Мы рассмотрим эти попытки ниже, при изложении отдельных либертарианских теорий.

Мы рассмотрели наиболее известные аргументы в пользу и против инкомпатибилизма. Предположим, что аргументы за убедили нас, и свобода воли действительно несовместима с детерминизмом. Остается нерешенным вопрос – обладаем ли мы свободой воли? Есть ли свобода воли в нашем мире? В зависимости от ответа на этот

---

[413] van Inwagen P. Free Will Remains a Mystery: The Eighth Philosophical Perspectives Lecture // Philosophical Perspectives. 2000. №14. p. 15

вопрос инкомпатибилисты делятся на либертарианцев, признающих реальность свободы, и жестких инкомпатибилистов, ее отрицающих. Для либертарианцев главной задачей является предложить убедительную и жизнеспособную теорию свободы воли. Как именно возможна свобода воли при отсутствии детерминизма? Мы рассмотрим несколько попыток ответить на этот вопрос.

Либертарианские теории свободы можно разделить на две основные группы: либертарианство событий (event-causal libertarian) или событийно-каузальное либертарианство и агентное либертарианство (agent-causal libertarianism) или агент-каузальное либертарианство. В соответствии с первым из них, свободные действия агента, рассматриваемые как события с участием этого агента, имеют в качестве своих причин лишь другие события с участием агента. К таким событиям можно отнести обладание агентом определенным убеждением или желанием в какой-то момент времени. Причем каузальная связь между этими двумя типами событий – действием и убеждением или желанием – должна быть индетерминистичной. В результате этого, по мнению либертарианцев событий, действие и становится свободным.

Агентное либертарианство полагает, что этого недостаточно. Для свободных действий нужна особая причина, не сводимая ни к каким событиям. Этой причиной должен быть сам агент как субстанция. Кроме этого, действующий агент не должен быть детерминирован факторами, находящимися за пределами его контроля. Данная позиция опирается на понятие агентной причины и утверждает, что в каузальную связь могут вступать не только события, но и непосредственно субстанции. Для многих философов это является неприемлемым и даже невразумительным утверждением, граничащим с абсурдом.

Мы рассмотрим по одной, наиболее известной, теории из этих двух разновидностей либертарианства. Первой из рассмотренных станет теория Роберта Кейна[414], относящаяся к либертарианству событий. Как либертарианец Кейн полагает, что для свободы воли необходим индетерминизм. Он обеспечивает то, что актор является конечным источником своих действий.

Однако, по его мнению, не все свободные действия людей обязательно должны быть индетерминистичны. Вполне достаточно того, чтобы такими были лишь некоторые действия, время от времени

[414] Kane R. The Significance of Free Will. New York, Oxford University Press, 1996

случающиеся в жизни агента. Эти действия Кейн называет устанавливающими волю (will-setting) или формирующими личность действиями (self-forming actions). Такие действия (ФЛД) происходят в переломные моменты жизни и ставят человека перед выбором, который повлияет на его дальнейшую жизнь и приведет к формированию у него того или иного характера. Поскольку ФЛД не были детерминированы и были свободны, то человек будет нести ответственность не только за них, но и за сформировавшийся в результате свой характер. Впоследствии, он будет ответственен даже за те действия, которые детерминистически следуют из сформированного таким образом характера. В этом случае агент будет конечным источником своих действий, из чего и будет вытекать его ответственность за них.

Этот ход рассуждений Кейна можно представить следующим образом: свобода воли влечет за собой то, что действующий агент несет конечную ответственность (ultimate responsibility) за свою волю и свои действия. Это, в свою очередь, требует наличия устанавливающих волю действий в тот или иной момент жизни агента. Эти действия должны удовлетворять так называемым условиям множественности (plurality conditions) – в момент действия агент должен обладать способностью действовать рационально, добровольно и преднамеренно более чем одним образом. Для этого необходимо отсутствие детерминизма и наличие альтернативных возможностей. Вывод – свобода воли требует отсутствия детерминизма и инкомпатибилизм истинен.

Именно ФЛД, по мнению Кейна, удовлетворяют условиям множественности и являются свободными. Но почему агент совершает ФЛД свободно и несет за них ответственность? Как именно ФЛД удовлетворяют этим условиям? Чтобы понять ответственность агента, рассмотрим приводимый Кейном пример, но перед этим кратко охарактеризуем ФЛД.

Главнейшая характеристика всех ФЛД – наличие некоего конфликта, разорванности между двумя (или более) вариантами поведения, мотивами, желаниями и так далее. Например, между поступком в соответствии с моральной нормой и противоречащим ей эгоистичным поступком. Агент должен преодолеть искушение, выбрать одно из возможных действий и отбросить (несмотря на сильное желание) другое. В сознании человека, совершающего ФЛД, присутствует неопределенность, что отражено, по мнению Кейна, в определенных регионах его мозга, которые отклоняются от термодинамического равновесия, что делает их чувствительными к квантовым

неопределенностям на микроуровне. Именно этот повышенный уровень хаоса в отдельных участках мозга и ощущается человеком как нерешительность. В результате его выбор (каким бы он ни был) не будет детерминирован предыдущим состоянием вселенной и законами природы. Но не будет ли такой выбор простой случайностью? В ответ на это Кейн обращает наше внимание на характерную особенность ФЛД. Все возможные варианты действий, между которыми колеблется агент, обладают определенной притягательностью для него. Все из них он хочет и желает совершить. Именно поэтому выбор и является для него трудным. Пусть в итоге выбор будет сделан в результате квантовой неопределенности в его мозге. Он будет нести ответственность за любой выбранный вариант действий, так как он хотел совершить их все.

В качестве примера подобных действий Кейн приводит случай с некоей бизнесвумен. Однажды она идет на важную деловую встречу и видит, что на улице происходит нападение. В ней происходит внутренняя борьба между моральными побуждениями, совестью с одной стороны (совесть требует остановиться и позвать кого-нибудь на помощь) и эгоизмом с другой (который требует не опаздывать на важную встречу). Она должна сделать усилие воли, чтобы побороть искушение и помочь жертве или, наоборот, подавить голос совести и поспешить на встречу. В данном случае она одновременно желает попасть на встречу и помочь пострадавшему, из-за этого и происходит внутренняя борьба. У нее есть сильные основания для выбора каждой из альтернатив. В результате недетерминированного процесса она принимает определенное решение, например, помочь жертве. Данное решение, хотя и недетерминировано (при тех же условиях решение могло быть другим), тем не менее является для бизнесвумен рациональным (у нее есть сильные основания для его принятия) и добровольным (она желала принять его). Самое важное здесь, как утверждает Кейн, что и другое решение, например пойти на встречу, было бы рациональным и добровольным. Для любого из принятых решений бизнесвумен была бы конечным источником, а значит, решения были бы свободны. В данной ситуации, при совершении данного ФЛД, она обладает тем, что Кейн называет множественным произвольным контролем (plural voluntary control), то есть выполняются условия множественности, о которых мы говорили выше. Можно сказать, что бизнесвумен пытается выполнить одновременно два действия, каждое из которых является сознательным, добровольным и

целенаправленным. Но преуспевает она лишь в выполнении одного из них.

Как мы уже писали, одна из задач любого приверженца либертарианства – показать совместимость свободы воли и индетерминизма, то есть как-то ответить на Аргумент удачи. Кейн признает эту трудность и пытается преодолеть ее. По его мнению, удача, о которой говорится в аргументе, сводится к наличию некоторой вероятности, шанса неудачи или провала задуманного агентом действия. Но если агент преуспеет в его выполнении, несмотря на присутствие этого шанса, то он будет иметь контроль над данным действием (хотя шанс провала немного уменьшает степень контроля) и нести за него ответственность. Кейн приводит такой пример для пояснения своих рассуждений. Предположим, что в индетерминистичном мире киллер хочет убить премьер-министра, застрелив его из винтовки. Из-за присутствия индетерминизма есть небольшая вероятность, что в последний момент его палец дернется, он промахнется и убьет помощника вместо премьера. Эта вероятность не реализуется, и он убивает намеченную жертву. По мнению Кейна, у нас должна возникнуть интуиция, что киллер несет ответственность за свои действия, несмотря на присутствие индетерминизма. Если бы палец киллера дернулся, то получившееся действие (убийство помощника) не было бы свободным, но не из-за индетерминизма, а из-за того, что оно не было бы целенаправленным и преднамеренным. Эту интуицию можно перенести и на ФЛД, которые отличаются только тем, что в них оба возможных исхода являются целенаправленными и преднамеренными, а значит каждый из них будет свободным. Подводя итог этому рассуждению, Кейн утверждает, что при совершении ФЛД агент действует свободно и несет ответственность, так как (все пункты применимы к каждому из возможных вариантов ФЛД, какой бы агент ни совершил): 1. ему удается совершить действие, несмотря на вероятность неудачи, 2. ему удается совершить то, что он хотел и пытался сделать, 3. после совершения действия, он не считает его ошибочным или случайным, но соглашается с ним и считает своим.

Далеко не все философы находят теорию Кейна и либертарианство событий в целом убедительными и предлагают аргументы против него. Об Аргументе удачи мы уже говорили. Также мы видели, как Кейн пытался его опровергнуть. Однако есть еще один аргумент, направленный, по мнению большинства, именно против либертарианства событий. Он называется Аргументом исчезающего агента (disappearing agent) и представляет собой разновидность

Аргумента удачи. Предложен он был Дерком Перебумом, который с его помощью стремился показать, что в той картине свободных действий, какую рисует нам либертарианство событий, сам агент в совершении действия не играет никакой роли и, как следствие, не несет ответственности. Проблема либертарианства событий в том, что, согласно этой теории, причинами решения агента могут быть только события. Конечно, они должны как-то включать самого агента, то есть быть событиями с его участием – его мнениями, его желаниями и так далее. Здесь подразумеваются так называемые текущие (occurrent) мнения и желания, которые можно рассматривать как события, происходящие перед принятием решения. Но сам агент не может быть причиной чего-либо (это утверждает только агентное либертарианство). Эту особенность теории и пытается использовать аргумент Перебума. Ключевое понятие, на которое он опирается – определение (устанавливание) того, произойдет ли решение. Для того, чтобы нести ответственность за решение, именно агент должен определять (settle) произойдет ли оно или нет. Вооружившись этим понятием, Перебум пишет следующее: «Рассмотрим решение, которое происходит в контексте, в котором моральные мотивы агента благоприятствуют этому решению, а ее пруденциальные [связанные с заботой о личном благополучии] мотивы благоприятствуют воздержанию от решения, и силы этих мотивов находятся в равновесии. В соответствии с картиной событийно-каузального либертарианства, релевантные каузальные условия, предшествующие решению, то есть наличие определенных, включающих агента [agent-involving] событий, не определяют того, произойдет ли решение, а только делают его наличие вероятным на 50%. На самом деле, поскольку никакие предшествующие события не определяют того, произойдет ли решение, а каузально релевантными являются только предшествующие события, то *ничто* не определяет того, произойдет ли решение. Поэтому ни агент, ни что-либо связанное с ней, не определяет того, произойдет ли решение, и поэтому она лишена контроля, необходимого для связанной с базовой заслугой ответственности за него»[415]. Либертарианцы могут по-разному пытаться решить проблему исчезающего агента. Одна из стратегий – сделать самого агента причиной решения, то есть отказаться от либертарианства событий. Эту стратегию мы рассмотрим ниже, при описании агентных теорий. Другая стратегия – найти некое

---

[415] Pereboom D. Free Will, Agency, and Meaning in Life. Oxford, Oxford University Press, 2014 p. 32

событие, которое могло бы (оставаясь событием) представлять самого агента, а не быть просто событием с его участием. Ее сторонники пытаются редуцировать агента к одному из его ментальных событий или состояний. Они утверждают, что существует такое событие или состояние, которое: 1. играет функциональную роль самоопределяющегося агента, 2. можно отождествить с агентом. Некоторые представители этой стратегии, например, Дэвид Веллеман[416] и Кристофер Франклин[417], полагают, что таким состоянием является желание действовать на основании того, что агент считает своими наиболее сильными основаниями для действия. Это желание более высокого порядка, то есть оно направлено не на какой-то внешний объект, а на другие желания агента. С его помощью агент регулирует и рационально упорядочивает свое поведение, в связи с чем это желание можно отождествить с самим агентом. Оно (а через него сам агент) определяет, произойдет ли решение в приводимом Перебумом примере (хотя и остается некоторая неопределенность из-за неизбежного для всех либертарианцев индетерминизма). Впрочем, для сторонников аргумента, даже такое желание – всего лишь еще одно событие с участием агента, но не сам агент. Агент по-прежнему исчезает.

В ответ на эту и другие слабости либертарианства событий, некоторые философы предпочли обратиться к агентному либертарианству (АЛ), в котором роль агента в его действиях очевидна и несомненна. Однако сторонников этого подхода не слишком много, так как значительное число философов считает его противоречащим современной научной картине мира и в целом малопонятным.

Как очевидно из названия, центральным понятием для этой группы теорий, к сторонникам которой можно отнести Родерика Чизома[418], Рэндольфа Кларка[419], Тимоти О'Коннора[420], является понятие агентной причинности. Традиционно релятами каузального отношения считаются события (см. главу 12), поэтому введение еще одного типа релята (агента как такового) является весьма спорным

---

[416] Velleman D. What Happens When Someone Acts? // Mind. 1992. № 101 pp. 462–81

[417] см. Franklin C. E. Event-causal libertarianism, functional reduction, and the disappearing agent argument // Philosophical Studies. 2014. №170. pp. 413–432

[418] Chisholm R. The Agent as Cause. // Brand M., Walton D. (eds.) Action Theory. Dordrecht, D. Reidel, 1976 pp. 199–211

[419] Clarke R. Toward a Credible Agent-Causal Account of Free Will. // Noûs. 1993. № 27. pp. 191–203

[420] O'Connor T. Persons and Causes: The Metaphysics of Free Will. New York, Oxford University Press, 2000

шагом. Но по мнению приверженцев такого подхода, его достоинства перевешивают этот недостаток. Мало того, некоторые философы (например, Джонатан Лоу[421]) полагают, что агентная причинность является более фундаментальной в концептуальном смысле, то есть понятие событийной причинности может быть проанализировано в терминах причинности агентной (где агентами могут быть и неодушевленные объекты).

Агентная причинность представляет собой нередуцируемую субстанциальную причинность (substance causation). Агент в данном случае рассматривается как субстанция, которая проявляет каузальную активность, что и приводит к совершению действия. Это отличается от традиционного представления о действиях агентов, когда к действию приводит цепь каузально связанных событий, участником которых является агент. Поясним это на примере. Анна заходит в темную комнату и включает свет, поднимая руку и нажимая на выключатель. Традиционно мы бы сказали, что Анна стала причиной включения света, поскольку некоторая цепь ментальных событий Анны (ее текущее желание увидеть, что происходит в комнате и ее текущее убеждение в том, что выключатель исправен, и нажатие на него приведет к появлению света, заставили мышцы ее руки сократиться) привела к конечному результату. Но агентный либертарианец добавляет в эту цепь причин и следствий еще один элемент – Анну саму по себе. Причем ее каузальная роль не сводима к роли каких бы то ни было событий. Эту роль можно трактовать по-разному. Как замечает Лоу, в классической версии АЛ агент qua (как, в качестве) агент вызывает некоторое событие. Но в версии самого Лоу агент вызывает событие не сам по себе, а действуя определенным образом. Строго говоря, он является агентной причиной не действия, а результата действия. Поднимая руку, то есть действуя определенным образом, Анна является агентной причиной результата – события поднятия руки, а не своего действия по поднятию руки. Схожим образом Тимоти О'Коннор утверждает, что действие агента – это причинение, вызывание (causing) какого-либо события, то есть конечного результата.

Серьезной проблемой для АЛ является рациональность действий агента. Рациональный агент действует, руководствуясь определенными основаниями. В соответствии с популярной теорией Дэвидсона, эти основания являются причинами действия. Проблема в том,

[421] Lowe E. Personal Agency: The Metaphysics of Mind and Action. Oxford, Oxford University Press, 2008 pp. 3-5

что основания – это текущие мнения и желания агента, то есть события. При таком понимании рационального действия, его причинами (или причинами его конечного результата) будут события, и для агента опять не остается места. Сторонники АЛ по-разному пытались решить эту проблему. Рэндольф Кларк[422], например, предложил интегрированную теорию действий. В соответствии с его теорией, действие, за которое агент несет ответственность, вызвано сразу двумя типами факторов: с одной стороны, это имеющиеся у агента основания (мнения и желания), а с другой – сам агент как субстанция. Чтобы эта теория работала, необходимо интегрировать эти факторы, они должны действовать совместно. Для этого Кларк постулирует существование особого закона природы: предрасположенность оснований вызывать какое-либо действие совпадает с предрасположенностью агента вызывать это же действие. Очевидный недостаток такого решения – введение нового базового закона, который невозможно объяснить, так как он просто существует и является поэтому грубым фактом (brute fact). Еще одно решение было предложено Тимоти О'Коннором[423]. Он использует предложенное Фредом Дрецке[424] различие между структурирующей и запускающей (triggering) причинами. Например, при взрыве бомбы структурирующей причиной будет процесс изготовления бомбы, а запускающей – действия террориста, нажимающего на кнопку пульта. Аналогичным образом, при совершении действия структурирующей причиной будут основания, так как они формируют, то есть структурируют, предрасположенность агента к совершению тех или иных действий, а запускающей причиной – сам агент.

АЛ нашел себе мало сторонников и против него было выдвинуто множество возражений. В частности, Карл Гине утверждает, что АЛ не в состоянии дать контрастивное объяснение совершенным агентом действиям, то есть АЛ не может объяснить почему действие произошло именно в данный момент и было именно таким. Гине пишет следующее: «Агент per se не может *объяснить*, почему событие произошло именно тогда, когда оно произошло, скорее, чем в немного другое время. Только некоторое различие между агентом в

---

[422] Clarke R. Libertarian Accounts of Free Will. New York, Oxford University Press, 2003 pp. 133-150
[423] O'Connor T. Agent-Causal Power. // Handfield T. (ed.) Dispositions and Causes. Oxford, Oxford University Press, 2009 pp. 184–214
[424] Dretske F. Mental Events as Structuring Causes of Behavior. // Heil J., Mele A. (eds.) Mental Causation. Oxford, Oxford University Press, 1993 pp. 121-136

одно время и агентом в другие времена, некоторое расположенное во времени свойство может это сделать. К этому можно добавить, что агент per se не может объяснить, почему данный определенный вид события, а не какой-то другой вид, произошел именно тогда»[425]. Один из сторонников АЛ, Рэндольф Кларк[426], пытается решить эту проблему с помощью своей интегрированной теории действий. Он утверждает, что требуемое Гине объяснение может быть дано теми основаниями, которыми агент руководствовался при совершении действий. Очевидно, что это решение требует принятия теории Кларка со всеми ее недостатками.

Еще одно серьезное возражение против АЛ касается его (не)совместимости с физическими законами нашего мира. Это возражение является эмпирическим, то есть оно не ставит под вопрос метафизическую возможность АЛ и его внутреннюю непротиворечивость, но лишь сомневается в совместимости АЛ с современной научной картиной мира. Один из его сторонников – Дерк Перебум[427]. Он утверждает несовместимость АЛ с существованием физических законов. Ведь согласно АЛ агент при принятии свободного решения действует независимо и каузально не детерминирован к его принятию. Однако свободное решение может иметь (и очень часто или всегда имеет) физические последствия: события в мозге, движения тела и так далее. То есть агент влияет на события в физическом мире. Но этот мир управляется законами природы. Предположим, что они детерминистичны. Тогда при совершении свободных действий эти законы должны нарушаться, что противоречит научной картине мира и является чудом. Если же физические последствия свободных решений всегда совпадают с тем, что должно произойти в соответствии с законами природы, то получится совершенно невероятное и необъяснимое совпадение. Это будет не меньшим чудом. Однако некоторые сторонники АЛ полагают, что индетерминистичный характер законов квантовой механики дает возможность примирить их с агентной причинностью. Перебум с этим не согласен. В квантовой механике тоже существуют законы, пусть и носящие статистический характер. Представим, что некий класс действий человека, которые имеют физическую составляющую, обладает вероятностью 0.32 в соответствии с

[425] Ginet C. Freedom, Responsibility, and Agency // The Journal of Ethics. 1997. №1 pp. 93-4

[426] Clarke R. Agent Causation and Event Causation in the Production of Free Action. // Philosophical Topics. 1996. № 24(2). pp. 39-40

[427] Pereboom D. Determinism al Dente. // Noûs. 1995. № 29. pp. 21–45

законами квантовой механики. Реальный ход событий может и не совпадать с данной вероятностью, но чем большее число событий происходит, тем точнее они реализуют вероятность. Чтобы не произошло чудесного расхождения между свободным выбором действий и законами природы, человек должен свободно выбирать эти действия (при большом числе случаев) с вероятностью 0.32. Но такое совпадение будет не меньшим чудом. В принципе, сторонники АЛ могут признать наличие расхождений между результатами свободных действий и тем, что должно произойти в соответствии с законами природы. Родерик Чизолм[428] именно так и поступал, утверждая присутствие чудес в мозге человека при принятии свободных решений.

Последней из рассматриваемых нами инкомпатибилистских теорий станет жесткий инкомпатибилизм (ЖИ), который утверждает не просто несовместимость детерминизма (и индетерминизма) со свободой воли, но и реальное отсутствие свободы в нашем мире. Главная проблема для сторонников теории – это катастрофические (как кажется многим) последствия отсутствия свободы и моральной ответственности для нашего мировоззрения, самовосприятия и многих социальных практик и отношений (например, практики наказания преступников). Один из наиболее известных приверженцев ЖИ, Дерк Перебум[429], пытается доказать, что последствия эти не так уж и катастрофичны.

Первая составляющая позиции Перебума – доказательство несостоятельности всех альтернатив ЖИ. Большинство приводимых им аргументов мы уже рассмотрели. Компатибилизм он опровергает с помощью Аргумента манипуляции, либертарианство событий – с помощью Аргумента исчезающего агента, а агентное либертарианство – через указание на его несовместимость с существованием законов природы. Вторая составляющая – попытка доказать, что отвержение свободы воли не требует кардинальной перестройки всей нашей жизни. Перебум соглашается с возможностью того, что ЖИ предполагает отказ от суждений о моральном долге людей. Мы не можем сказать, что человек должен сделать морально правильный выбор, так как долженствование предполагает возможность («ought» implies «can»), которой человек без свободы воли лишен. Однако мы по-прежнему можем оценивать действия человека как хорошие или

---

[428] Chisholm R. Human Freedom and the Self. // Kane R. (ed.) Free Will. Oxford, Wiley-Blackwell, 2001 pp. 47-58

[429] Pereboom D. Living Without Free Will. Cambridge, Cambridge University Press, 2001.

плохие, что для Перебума является наиболее важной частью нашей моральной практики.

Еще одна проблема для ЖИ – ответственность людей за их плохое/хорошее поведение. ЖИ вынужден признать, что люди не несут ответственности за свои поступки в смысле базовой заслуги. Может показаться, что это лишает нас средств влияния на плохое поведение людей – мы не можем винить их в плохих поступках. Но основания для моральной ответственности могут быть разными: вместо базовой заслуги мы можем воспользоваться так называемыми дальновидными (forward-looking) основаниями. В соответствии с ними, человек считается морально ответственным, так как это помогает изменить его будущее поведение. Как утверждает Перебум, при столкновении с аморальным поведением мы можем подтолкнуть человека к критической оценке своих поступков (того, как они раскрывают его личность и характер), потребовать извиниться или поменять свое будущее поведение. Такая реакция обоснована, поскольку она стремится изменить человека и защитить окружающих от будущих аморальных поступков. Самое главное, она вполне совместима с детерминизмом и отсутствием базовой заслуги.

Но как быть с преступниками? Они тоже не несут ответственности за свои преступления в смысле базовой заслуги. Напомним, что заслуга является в терминологии Перебума базовой, когда агент заслуживает похвалы/порицания лишь в силу самого совершения поступка, независимо от его последствий[430]. Но одно из наиболее популярных обоснований практики уголовного наказания, ретрибутивизм, основывается именно на этом. Преступник должен быть наказан просто потому, что заслужил свое наказание. Очевидно, что приверженец ЖИ должен отказаться от ретрибутивизма. К счастью для него, существуют и другие обоснования наказания преступлений. Он может утверждать, что наказание нужно для исправления преступника или для устрашения и сдерживания других, потенциальных преступников; эти теории не лишены собственных недостатков, но совместимы с ЖИ.

Еще одна трудность для ЖИ связана с межличностными отношениями и так называемыми реактивными установками, то есть склонностью эмоционально реагировать на поведение других людей: например, испытывать негодование, когда они преднамеренно вредят

[430] см. Pereboom D. Living Without Free Will. Cambridge, Cambridge University Press, 2001 p. XX

нам. По мнению Стросона (и многих согласных с ним философов), такие установки являются центральной и неотъемлемой частью нашей жизни. Но ЖИ, как кажется, вынуждает нас от них отказаться: гневаться на человека, лишенного свободы воли, бессмысленно. Перебум согласен с тем, что при принятии ЖИ некоторые реактивные установки придется отбросить, но утверждает, что оставшихся установок вполне достаточно для полноценной жизни. Например, столкнувшись с аморальным поведением, мы можем выражать не гнев, а разочарование в совершившем плохой поступок человеке или показать ему, что испытываем грусть, горе и так далее в результате его действий. Такие реакции совместимы, как уверен Перебум, с ЖИ и могут заменить гнев и другие неприемлемые реакции.

В оставшейся части главы мы рассмотрим различные компатибилистские теории, а начнем наше изложение (как и в случае с инкомпатибилизмом) с наиболее известных аргументов в его пользу. Но перед эти кратко коснемся так называемого классического компатибилизма. Этой теории придерживалось много философов на протяжении столетий, однако в последнее время (с 60-х годов XX века) он вышел из моды и имеет мало приверженцев. Большинство считает теорию опровергнутой, хотя некоторые философы полагают, что ее модифицированные варианты могут оказаться жизнеспособными.

Классический компатибилизм (КК) можно свести к четырем главным тезисам: 1. свобода воли сводится, в конечном счете, к отсутствию внешних ограничений, 2. проблема свободной воли основана на иллюзии, неправильном употреблении понятий и терминов, 3. свобода воли на самом деле подрывается не детерминизмом, а индетерминизмом, 4. возможно объяснить, в каком смысле агент способен поступать иначе при детерминизме.

КК определяет свободу как способность действовать или воздержаться от действий без внешних влияний, которые могли бы этому препятствовать. Свободный агент делает то, что он хочет беспрепятственно, без принуждения извне. Можно сказать, что для КК существует лишь свобода действий агента, а понятие свободы воли объявляется внутренне противоречивым и бессмысленным. Свободен может быть лишь агент (когда ему ничто не препятствует), а не его воля. Один из приверженцев КК, Джон Локк пишет об этом следующее: «Свобода не присуща воле. Если это так (а так, полагаю, и есть), то стоит рассмотреть, не поможет ли это положить конец долго обсуждаемому и, на мой взгляд, невразумительному вследствие

непонятности вопросу о том, свободна ли человеческая воля или нет. Ведь если я не ошибаюсь, то из сказанного мною следует, что вопрос сам по себе совершенно неправилен и спрашивать, свободна ли человеческая воля, так же бессмысленно, как спрашивать, быстр ли человеческий сон или квадратна ли добродетель, ибо свобода так же мало относится к воле, как быстрота движения — ко сну или квадратность — к добродетели…И я думаю, что после надлежащего рассмотрения каждый с такой же очевидностью усмотрит и то, что свобода, которая есть лишь сила, присуща только действующим силам и не может быть атрибутом или модификацией воли, которая также есть лишь сила»[431].

Для более точного понимания свободы, КК проводит различие между свободой спонтанности (liberty of spontaneity) и свободой безразличия (liberty of indifference). Первая из них – свобода агента делать то, что он хочет без внешних препятствий. Именно эту свободу признает КК. Вторая предполагает способность агента действовать без каузальной детерминации какими-либо мотивационными состояниями (например, желанием). Очевидно, что она несовместима с детерминизмом и отрицается в КК.

Второй тезис КК утверждает, что вся проблема свободы воли покоится на иллюзии, смешении понятий. Если его устранить, то проблема решится сама собой, и всем станет ясно, что компатибилизм истинен. Проблема возникает из-за того, что мы смешиваем понятие причинности и такие понятия, как принуждение, ограничение, насилие и так далее. Когда человека принуждают к чему-либо, то он действительно лишается свободы и действует вопреки своим желаниям. Но когда человек каузально обусловлен, как это происходит при детерминизме, к тому или иному поступку, и при этом ничто не принуждает его извне, то его свобода никак не нарушается. Он делает то, что хочет. Большинство современных философов несогласны с этим диагнозом. Как показывают рассмотренные нами инкомпатибилистские аргументы, существует реальная трудность в согласовании свободы и детерминизма и недооценивать ее не следует.

КК также утверждает, что именно индетерминизм несовместим со свободой воли и моральной ответственностью. В этом он предвосхищает некоторые из рассмотренных нами аргументов (аргумент удачи). Сторонники КК полагали, что отсутствие детерминистской связи между агентом и его действиями превращает эти действия

---

[431] Локк Дж. Сочинения в трех томах М., Мысль, 1985 т. 1 с. 291-2

в продукт случая. Агент их не контролирует и не может за них отвечать. Юм формулирует эту мысль так: «Не предполагая необходимой связи между причиной и следствием в человеческих поступках, невозможно было бы налагать наказания, соответствующие правосудию и моральной справедливости, да и никакому разумному существу не пришло бы в голову налагать таковые. Постоянным и всеобщим объектом ненависти и гнева является лицо или существо, наделенное мышлением и сознанием; и если какие-либо преступные или вредные поступки вызывают один из указанных аффектов, то происходит это лишь вследствие отношения их к такому лицу или связи с ним. Но согласно доктрине свободы, или случайности, эта связь сводится на нет и люди не более ответственны за намеренные и предумышленные поступки, чем за наиболее случайные и невольные»[432]. Как мы уже видели, современные инкомпатибилисты пытаются решить эту проблему (например, используя понятие агентной причинности).

КК также утверждает, что можно дать анализ способности поступать иначе (которая считалась необходимой для свободы воли до появления работ Франкфурта), совместимый с детерминизмом. Таким анализом стал кондициональный анализ (conditional analysis), который сводит утверждение о наличии у свободного агента способности поступать иначе к условному утверждению о том, что произошло бы при контрфактических обстоятельствах. Например, агент в детерминистичном мире совершил в определенный момент некое действие А. В каком же смысле он мог поступить иначе и совершить действие В? Как кажется, детерминизм исключает эту возможность. КК утверждает, что эта возможность сводится к следующему утверждению: если бы агент захотел (выбрал, решил) совершить В в тот момент, то он совершил бы его. Конечно, при детерминизме агент не мог захотеть ничего другого, кроме А. Но если бы захотел, то мог бы совершить и нечто другое. Такой анализ совместим с детерминизмом. Детерминизм утверждает, что при данном прошлом возможно лишь одно будущее. Если бы прошлое было другим (у агента было бы желание совершить В вместо А), то и будущее могло бы отличаться от актуального.

Тем не менее большинство современных философов считает такой анализ неуспешным. Существуют контрпримеры, в которых анализ дает неверный результат: явно несвободный агент оказывается

---

[432] Юм Д. Сочинения в двух томах. т. 1 М., Мысль, 1996 с. 453-4

обладающим способностью поступать иначе. Ван Инваген приводит такой пример: «Рассмотрим пропозицию:

Смит мог съесть одну из красных конфет.

Эта пропозиция не эквивалентна

Если бы Смит захотел съесть одну из красных конфет, то Смит съел бы одну из красных конфет.

Предположим, что Смит патологически боится вида крови, а конфеты имеют кровавый цвет. Тогда вполне возможно, что Смит был неспособен захотеть съесть одну из красных конфет. И в таком случае он не мог съесть одну из красных конфет. Тем не менее мы можем предположить, что если бы он захотел съесть одну из красных конфет, то он сделал бы это»[433].

По общему мнению, этот контрпример успешен, а КК неспособен дать удовлетворительный компатибилистский анализ способности поступать иначе. Но нужна ли для свободы воли эта способность? Вплоть до 60-х годов XX века большинство отвечало на вопрос утвердительно. Однако затем эта ситуация поменялась.

Аргументом, который во многом перевернул всю дискуссию о свободе воли и начал современный ее этап, стал аргумент, предложенный Гарри Франкфуртом в статье 1969 года «Альтернативные возможности и моральная ответственность»[434]. В ней он предложил мысленный эксперимент, случай (этот и подобные ему гипотетические сценарии стали называть frankfurt-style examples, то есть примерами в стиле Франкфурта), который доказывает ложность принципа альтернативных возможностей (ПАВ). Как мы уже говорили в начале главы, ПАВ утверждает следующее:

(ПАВ) Агент действовал свободно (в смысле релевантном по отношению к моральной ответственности), только если он мог поступить иначе.

На этот принцип опираются многие аргументы в пользу инкопатибилизма – например, Аргумент последствий. Вплоть до конца 1960, когда появилась работа Франкфурта, значительное число философов считало наличие альтернативных возможностей необходимым условием свободы воли, то есть они были инкомпатибилистами

---

[433] van Inwagen P. An Essay on Free Will. Oxford, Clarendon Press, 1983 pp. 115-16

[434] Frankfurt H. Alternate Possibilities and Moral Responsibility. // The Journal of Philosophy. 1969. № 66(23). pp. 829–839

возможностей. Лишь позднее, как ответ на работы Франфурта, приобрел популярность инкомпатибилизм источника.

По мнению Франкфурта, ПАВ действительно обладает интуитивной притягательностью и может казаться очевидным: как агент может действовать свободно, если для него открыт один-единственный вариант действия? Но эта очевидность является иллюзорной. Чтобы рассеять иллюзию, достаточно провести различие между двумя типами факторов, связанных с действием агента, а именно между 1. факторами, которые делают действие агента неизбежным, то есть лишают его возможности поступить иначе и 2. факторами, которые реально объясняют действие. В связи с тем, что мы смешиваем эти два вида факторов и не замечаем разницы между ними, ПАВ и приобретает кажущуюся истинность. В большинстве реальных и воображаемых ситуаций, за неспособность агента поступить иначе отвечают те же факторы, которые и объясняют совершение действия. Возьмем, например, случай внешнего принуждения. Если человек поднял руку из-за действия вживленных в его мозг электродов, без всякого желания со своей стороны, то именно активность электродов объясняет поднятие руки, поскольку является его причиной, и она же делает действие неизбежным для агента. Но в сценарии, предложенном Франкфуртом, эти два вида факторов оказались разведены.

Один из примеров в стиле Франкфурта можно представить следующим образом. Нейроученый Блэк хочет, чтобы Джонс выполнил определенное действие, например, проголосовал за Демократическую партию. Блэк встроил в мозг Джонса (без ведома самого Джонса) дистанционно управляемое устройство, которое может заставить человека принять любое нужное решение. Нейроученый готов пойти на многое, чтобы добиться результата, но он предпочитает избегать прямого вмешательства без необходимости. Поэтому он ждет вплоть до того момента, когда Джонс должен принять решение о том, за кого он будет голосовать. Блэк будет вмешиваться в ситуацию только в том случае, если увидит (он может хорошо судить о таких вещах), что Джон собирается принять нежелательное для ученого решение (например, проголосовать за республиканцев). Тогда он включит устройство, и Джонс с неизбежностью сделает то, что нужно Блэку. Но на самом деле вмешательство не требуется: Джонс совершенно самостоятельно идет на избирательный участок и голосует за демократов. Устройство Блэка так и остается не включенным, а сам ученый – лишь пассивным наблюдателем.

В данной ситуации Джонс лишен альтернативных возможностей: он может проголосовать только за демократов. Принять другое решение он не смог бы, так как Блэк включил бы свое устройство и Джонс все-равно принял бы то решение, которое он принял в действительности. Тем не менее, по мнению Франкфурта, у нас должна возникнуть интуиция о том, что Джонс принял решение свободно и несет за него моральную ответственность. Вмешательство Блэка так и осталось гипотетическим, устройство не было включено, а Джонс решил проголосовать без какого-либо внешнего воздействия. В этом сценарии становится явным различие между теми факторами, которые лишают агента альтернативных возможностей (Блэк и его потенциальное вмешательство) и теми, которые объясняют его решение (обычный процесс принятия решения Джонсом). Из этого Франкфурт делает вывод, что для свободы и моральной ответственности релевантна лишь вторая группа факторов: если Джонс принял решение в результате обычного процесса, то он свободен и ответственен даже в случае, если некое потенциальное вмешательство лишает его альтернативных возможностей. Этот вывод Майкл Маккенна[435] представил в виде такого тезиса: моральная ответственность личности связана с тем, что она делает и ее основанием для этого, а не с тем, что еще она могла сделать. Значение имеет лишь актуальная каузальная история действия агента.

После публикации статьи Франкфурта, весь ход дебатов о свободе воли изменился. Внимание значительного числа их участников сместилось от наличия альтернативных возможностей к реальной каузальной истории действий агента, к их источнику. То есть многие философы (как компатибилисты, так и инкомпатибилисты) согласились с тезисом:

(Источ) Действие является свободным в смысле, релевантном для моральной ответственности, только если его каузальная история и особенно каузальный источник отвечают определенным требованиям.

Спор о свободе воли при принятии этого тезиса сводится к характеру данных требований. Франкфурт и другие компатибилисты предложили свои варианты требований (мы рассмотрим их ниже), не

[435] McKenna M. Frankfurt's Argument against Alternative Possibilities: Looking beyond the Example. // Noûs. 2008. № 42. pp. 771–74

связанные с обязательным отсутствием детерминизма. Инкомпатибилисты, напротив, включают отсутствие детерминизма в число требований. Но прежде, чем рассматривать компатибилистские теории свободы, нам следует рассказать о возражениях, выдвинутых против Франкфурта и модификациях его случаев, появившихся в ответ на эти возражения.

Философы, настаивающие на необходимости альтернативных возможностей, предложили два основных вида защиты ПАВ от примеров в стиле Франкфурта: защиту проблеска свободы (flicker of freedom) и защиту дилеммы.

Защита проблеска свободы признает, что в примере Франкфурта агент несет моральную ответственность за свой выбор, однако настаивает на наличии у него определенных альтернативных возможностей, которое и объясняют его ответственность. В любом из франкфуртовских сценариев обязательно присутствует некий фактор, который должен быть зарегистрирован устройством нейроученого. Появление фактора означает, что агент собирается поступить не так, как хочет ученый. При этом устройство включается и заставляет агента принять нужное решение. На самом же деле (в рамках сценария) этот фактор не появляется, а устройство бездействует. Присутствие/отсутствие этого фактора и является той альтернативной возможностью, которую использует данная защита. Таким фактором может, например, быть начало формирования у агента намерения, противоположного желанию ученого. На эту защиту сторонник Франкфурта может ответить, признав наличие подобных проблесков. Однако можно придумать такие примеры, где эти проблески никак не могут объяснить наличие свободы. Джон Фишер[436] приводит пример, где Джонс проголосует за демократов, только если он покраснеет перед этим. Отсутствие такого покраснения означает, что он не будет голосовать за них и это включает устройство Блэка. Интуитивно кажется, что присутствие такой альтернативной возможности (покраснеть или не сделать этого) никак не может дать свободу человеку. Такая альтернатива недостаточно полноценна (robust) для свободы. Полноценной была бы такая альтернатива, при которой агент мог бы добровольно и сознательно поступить так, чтобы избежать моральной ответственности. Отсутствие покраснения действительно избавляет Джонса от ответственности (так как включает устройство), но оно не является ни добровольным, ни осознанным.

---

[436] Fischer J. The Metaphysics of Free Will. Oxford, Blackwell Publishers, 1994 p. 145

Защита дилеммы была систематически разработана Дэвидом Видеркером[437]. Он рассуждал следующим образом. Если в примерах Франкфурта предполагается наличие детерминизма в актуальной цепи причин и следствий, приведших к действию, то у сторонника либертарианства не обязана возникать интуиция о наличии свободы у агента. Это было бы предрешением вопроса (begging the question) о совместимости свободы и детерминизма в пользу компатибилизма. Если же, с другой стороны, предполагается индетерминизм, то пример перестает работать. Как мы уже говорили, во всех примерах Франкфурата должен присутствовать некий знак (покраснение), который дает нейроученому понять, что все идет по плану и вмешиваться не надо. Но при индетерминизме этот знак может появиться и перед тем, как агент совершит действие, противоположное намерениям ученого. У агента возникает объясняющая свободу полноценная альтернативная возможность. Сторонники Франкфурта попытались обойти дилемму и предложить такие случаи, в которых отсутствует детерминизм, но агент тем не менее лишен полноценных альтернативных возможностей. Одним из наиболее известных стал сценарий Перебума об уклонении от налогов. Перебум формулирует его так.

«Джо обдумывает прошение о налоговом вычете за регистрационный сбор, выплаченный при покупке им дома. Он знает, что прошение об этом вычете нелегально, но что, вероятно, он не будет пойман, а если будет, то он может убедительно сослаться на незнание. Предположим, у него есть сильное, но не всегда перевешивающее, желание преследовать личный интерес, независимо от его цены для других, и даже если оно включает незаконную активность. Вдобавок, единственный способ, которым он может в данной ситуации избежать выбора не платить налоги, зависит от моральных оснований, о которых ему известно. Он не может, например, не выбрать неуплату налогов без всякого основания или просто импульсивно. Кроме того, для его невыбора неуплаты налогов в данной ситуации каузально необходимо, чтобы он достиг определенного уровня внимательности к моральным основаниям. Джо способен обеспечить этот уровень внимательности сознательно. Однако достижение им этого уровня внимательности не является каузально достаточным для невыбора неуплаты налогов. Если он достигнет этого уровня, он может, реализуя свою либертарианскую свободу воли, либо выбрать неуплату

[437] Widerker D. Libertarianism and Frankfurt's Attack on the Principle of Alternative Possibilities. // Philosophical Review. 1995. № 104. pp. 247–61

налогов, либо воздержаться от этого выбора (без наличия постороннего устройства). Однако, чтобы обеспечить его выбор уклонения от налогов, нейроученый без ведома Джо имплантировал в его мозг устройство, которое, если оно заметит требуемый уровень внимательности, электронно простимулирует нужные нервные центры таким образом, чтобы с необходимостью добиться от него этого выбора. На самом деле, Джо не достигает этого уровня внимательности к своим моральным основаниям, и он выбирает уклонение от налогов самостоятельно, в то время как устройство бездействует»[438].

Формулировка Перебума достаточно сложна для понимания, но его сценарий (цель которого – обойти защиту дилеммы) можно свести к следующему. Человек (Джо) может выбрать два варианта поведения, один из которых совпадает с желанием внешнего наблюдателя (нейроученого). Чтобы избежать первого рога дилеммы в сценарии отсутствует детерминизм. Развив внимательность к моральным основаниям (но лишь при этом условии), Джо может воспользоваться либертарианской свободой воли и уплатить налоги (или же не сделать этого). Ничто не препятствует ему развить чувствительность в любой момент. Джо не детерминирован к тому или иному поведению. Но при отсутствии детерминизма, все-таки существует знак, появление которого заставит ученого вмешаться – развитие у Джо чувствительности к морали.

Также у Джо имеются альтернативные возможности: либо развить эту чувствительность, либо нет. Но, по мнению Перебума, эти возможности недостаточно полноценны и не могут объяснить свободу воли. Этим избегается второй рог дилеммы. Но почему они недостаточно полноценны? Перебум объясняет, что единственный способ для Джо избежать моральной ответственности – развить чувствительность к морали. Тогда включится устройство и решение будет принято за него. Проблема в том, что Джо об этом устройстве ничего неизвестно. Однако о полноценных альтернативных возможностях агент должен знать.

Выводы аргумента Франкфурта были приняты многими философами, как компатибилистами, так и инкомпатибилистами. Последние в результате перешли от инкомпатибилизма возможностей к инкомпатибилизму источника. Спор о том, препятствует ли

[438] McKenna M., Pereboom D. Free Will. A Contemporary Introduction. London, Routledge, 2016 p. 113

детерминизм агенту быть конечным источником своих действий, стал более важным.

Однако, даже если аргумент Франкфурта успешен и доказывает правильность компатибилизма, его сторонникам нужно предложить содержательную теорию свободы, то есть показать, какие условия должны соблюдаться даже в детерминистичном мире, чтобы действие агента было свободным и его можно было считать конечным источником своих действий. Мы рассмотрим две наиболее популярных теории. Одна из них принадлежит самому Франкфурту, а вторая была предложена Джоном Фишером и Марком Равиццей.

Теорию Франкфурта и другие схожие с ней теории часто называют идентификационистской (identificationist theory) теорией или теорией координации (mesh theory). Фундаментальным понятием теории является понятие желания, которое подразделяется на несколько видов. Желания первого порядка (first-order desire) имеют своими объектами действия. Например, желание выпить стакан воды. Волей Франкфурт называет эффективное желание первого порядка, то есть такое, которое реально сподвигает агента на действие. Кроме этих желаний у личностей, в отличие от животных, есть способность рефлексировать по поводу своих желаний и занимать по отношению к ним ту или иную позицию. Отсюда появляется желание второго порядка (second-order desire) – желание иметь определенное желание первого порядка. Например, я могу желать желать выпить стакан воды. Но могу желать и не иметь такого желания, так как в данный момент вода будет мне вредна. Желания могут быть не только второго, но и более высоких порядков (higher-order desires). Их объектами будут желания более низкой ступени. Из всего этого многообразия желаний Франкфурт выделяет воление второго порядка (second-order volition) – желание, чтобы определенное желание первого порядка стало волей личности, то есть сподвигло бы ее на действия. Поясним это на примере. Человек знает, что для похудения ему нужно заниматься в тренажерном зале, но не хочет это делать. Желание заниматься у него присутствует, но оно слишком слабо. Однако человек является личностью и у него есть воления второго порядка. Он желает, чтобы желание первого порядка (желание заниматься) стало его волей, то есть вылилось в реальное действие (посещение тренажерного зала). В случае успеха у него это желание действительно появится, станет его волей, и он пойдет в тренажерный зал. Таким образом, в теории Франкфурта типичное действие человека выглядит так: воление второго порядка → воля → действие.

Используя эти различия, Франкфурт выделяет четыре типа свободы – два типа свободы относительно действий и два типа свободы относительно воли. Чтобы агент действовал свободно (acting freely), ничто не должно вмешиваться в актуальную связь между волей и действием (первый тип свободы относительно действий). Второй тип свободы требует, чтобы агент мог поступить иначе: если он захотел бы поступить не так, как поступил в реальности, то ему ничто бы не препятствовало. Свобода относительно воли подразделяется похожим образом. Первый тип свободы (acting of one's own free will) предполагает, что ничто не препятствует актуальной связи между волением второго порядка и волей, а второй (freedom of the will) добавляет возможность агента сделать другое желание первого порядка своей волей. Как мы видим, первые типы свободы затрагивают лишь актуальный источник действия, а два вторых типа предполагают наличие у агента выбора между альтернативами.

Опираясь на свой аргумент, Франкфурт утверждает, что два вторых типа свободы не нужны для моральной ответственности агента. Поэтому он не рассматривает вопрос их совместимости с детерминизмом. А первые два типа совместимы с ним очевидным образом, так как предполагают лишь отсутствие актуальных препятствий в цепи желаний, ведущих к действию.

Тем не менее, по мнению Франкфурта, чтобы агент действительно действовал по своей свободной воле, одного отсутствия внешнего вмешательства в цепочку воление второго порядка → воля → действие недостаточно. Ведь и среди желаний второго порядка возможны конфликты. Воление второго порядка, которое ведет к действию, может не одобряться самим человеком, противоречить его желаниям еще более высоких порядков. Для свободы необходимо, чтобы агент решительно идентифицировал себя (поэтому теорию Франкфурта и называют идентификационизмом) со своим желанием первого порядка посредством воления второго порядка. В таком случае это воление не будет противоречить всем остальным высокопорядковым желаниям и будет подлинным выражением личности агента.

Чтобы проиллюстрировать свою теорию, Франкфурт приводит пример добровольного наркомана. Этот наркоман не просто хочет принимать наркотики. Он идентифицирует себя со своим желанием первого порядка принимать наркотики посредством воления второго порядка, он хочет быть наркоманом. При таких условиях, когда наркоман действительно принимает наркотики, мы можем

сказать, что он делает это свободно. Тем не менее, из-за своей зависимости от наркотиков, он не может иметь другого первопорядкового желания. У него нет свободы воли (freedom of the will), но при приеме наркотиков он действует по своей собственной свободной воле (act of one's own free will) и несет за свои действия моральную ответственность. Эта свобода и ответственность исчезает, если наркоман сожалеет о своей зависимости и хочет от нее избавиться.

Исходя из этого, в идентификационистской теории Франкфурта можно сформулировать следующее условие свободы, достаточной для моральной ответственности:

(ИФ) личность действует по своей собственной свободной воле, если и только если ее действия проистекают из воли, с которой она идентифицирует себя посредством воления второго порядка.

Против теории Франкфурта было выдвинуто немало возражений. Одним из них стал уже рассмотренный нами Аргумент манипуляции Дерка Перебума. Он стремится показать, что в детерминистском мире агент не может быть подлинным источником своих действий, так как он ничем не отличается от агента, которым манипулируют. Это касается и агента, который идентифицирует себя со своей волей (своим действующим желанием первого порядка). Многим критикам, например И. Хаджи[439], кажется, что теория Франкфурта уязвима для данного возражения в связи с тем, что она является неисторичной (non-historical). В ней не имеет значения, как именно возникла идентификация личности со своей волей. В связи с этой особенностью Альфред Меле[440] предлагает рассмотреть случай двух агентов – Энн и Бет. Энн стала такой личностью, какой она является сейчас, сама по себе. Однако Бет, которая первоначально совсем не походила на Энн, была похищена группой нейроученых, которые быстро превратили ее в психологического двойника Энн. Теперь предположим, что действия Энн свободны, так как они удовлетворяют всем условиям свобдных действий в теории Франкфурта. Энн идентифицирует себя со своей волей. Но, после вмешательства ученых, о Бет можно сказать то же самое. Сторонник теории Франкфурта будет вынужден признать ее действия свободными, несмотря на внешнюю манипуляцию. По мнению Меле, это неприемлемо. Бет

---

439 Haji I. Moral Appraisability. New York, Oxford University Press, 1998 pp. 69-70
440 Mele A. Autonomous Agents. New York, Oxford University Press, 1995 pp. 145-146

явно не несет моральной ответственности за свои действия и не свободна при их совершении. Понятие свободы воли и моральной ответственности являются историчными – то есть важно, как именно возникли желания, мнения, воля агента и его идентификация с ней. Сам Франкфурт не принял этого возражения Меле и продолжает настаивать на своей неисторичной теории со всеми ее контринтуитивными выводами. По его мнению, при рассмотрении причин нашего поведения «несущественно, действуют ли они благодаря естественным силам, которые определяют наше окружение или они действуют через преднамеренные манипулятивные планы других человеческих агентов. Мы являемся такими личностями, какими являемся; важно то, какие мы есть, а не история нашего развития»[441].

Еще одно возражение против теории Франкфурта было выдвинуто Гари Уотсоном. Уотсон ставит под вопрос центральное понятие теории Франкфурта – понятие идентификации. По Франкфурту, через воления второго порядка агент идентифицирует себя со своими желаниями, которые тем самым становятся его подлинными желаниями. В связи с этим Уотсон задается вопросом: «Что дает этим волениям какое-то специальное отношение к нам самим? Бесполезно отвечать, что мы проявляем «решительную приверженность», хотя это всего лишь означает, что непрекращающееся восхождение к более высоким порядкам не будет позволено. Это является произвольным»[442]. В теории Франкфурта агент идентифицирует себя со своими желаниями посредством волений второго порядка, а все остальные, более высокопорядковые состояния в расчет не принимаются (считается, что они не будут противоречить волениям). Но почему именно второго порядка? Для Уотсона это выглядит слишком произвольным.

Франкфурт признал наличие этой проблемы и попытался дать более приемлемое объяснение идентификации. В работе 1992 года «Слабейшая страсть» он утверждает, что понятие удовлетворенности (satisfaction) лучше всего может объяснить идентификацию. Удовлетворенность – чисто отрицательное понятие, не предполагающее каких-либо положительных суждений, эмоций или желаний со стороны агента. Франкфурт пишет: «Удовлетворенность есть состояние всей психической системы – состояние, конституированное отсутствием какой-либо тенденции или склонности к изменению этого

---

[441] Frankfurt H. Reply to John Martin Fischer // Contours of Agency: Essays on Themes from Harry Frankfurt. Cambridge MA, MIT Press, 2002 pp. 27-8

[442] Watson G. Free Agency // Journal of Philosophy. 1975. №72 p. 218

состояния»[443]. Если человека все устраивает, и он не стремится изменить свое состояние, то мы можем сделать вывод, что он по-настоящему идентифицирует себя со своими желаниями и поступками.

Еще одна компатибилистская теория свободы воли была предложена Фишером и Равиццей в книге 1998 года «Ответственность и контроль. Теория моральной ответственности»[444]. Их теория относится к теориям, связывающим свободу с чувствительностью к основаниям (reasons-responsive theories). За точку отсчета они берут деятельность нормального, не встречающего препятствий и не подверженного посторонним влияниям агента. Между таким агентом и его действиями должна существовать рациональная связь. То есть агент в своих мотивационных состояниях и размышлении о своих действиях (делиберации), должен принимать во внимание рациональные соображения за и против того или иного действия. Подобная рациональная связь отсутствует у агента, подверженного компульсивным расстройствам, фобиям или наркотической зависимости. Наркоман будет принимать наркотики, даже если все рациональные соображения (вред здоровью, трата денег и так далее) будут против этого действия. Его действия не будут свободными, и он не будет нести за них моральной ответственности.

Свою теорию Фишер и Равицца называют полукомпатибилизмом (semicompatibilism). Они утверждают, что детерминизм несовместим со свободой возможностей (leeway freedom), но совместим со свободой источника (source freedom). То есть при детерминизме агент не может поступить иначе (при детерминизме у мира в любой момент времени есть лишь одно возможное будущее), но он вполне может быть источником своих действий. Именно это дает ему необходимую свободу и делает морально ответственным за свои действия. Этим двум типам свободы в теории Фишера и Равиццы (ТФР) соответствует два типа контроля: регулятивный контроль (regulative control), который требует возможности поступать иначе, и направляющий контроль (guidance control), который этого не требует. Только последний тип контроля необходим для моральной ответственности. Он состоит в наличии у агента рациональных способностей и, в частности, способности реагировать на основания, соображения за или против какого-либо действия.

---

[443] Frankfurt H. The Faintest Passion // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. 1992. № 66 (3) p. 13

[444] Fischer J., Ravizza M. Responsibility and Control: An Essay on Moral Responsibility. Cambridge, Cambridge University Press, 1998

ТФР соглашается с выводами аргумента Франкфурта: для моральной ответственности важна лишь актуальная последовательность событий, ведущих к действию, а наличие/отсутствие альтернативных возможностей значения не имеет. Агент из аргумента Франкфурта несет моральную ответственность и при отсутствии таких возможностей. Но каким образом агент может иметь направляющий контроль над своими действиями, если он не может поступать иначе (в аргументе Франкфурта этому препятствует устройство, импланированное в мозг агента ученым)? Для ответа на этот вопрос ТФР опирается на понятие механизма действия. Механизм – это те психологические состояния и процессы агента, которые приводят к действию. Чтобы агент обладал направляющим контролем, его механизм действия (а не сам агент в целом) должен обладать определенными свойствами (чувствительностью к основаниям), причем эти свойства могут быть диспозиционными или модальными. При наличии таких свойств мы можем сказать: если бы были достаточные рациональные основания поступить иначе, и если бы механизм действия агента функционировал беспрепятственно, то агент поступил бы иначе. Истинность подобного контрфактического кондиционала (о них см. главу 10) совместима с отсутствием альтернативных возможностей в актуальном мире, то есть совместима с детерминизмом. Вновь вернемся к агенту из сценария Франкфурта. Сам агент в целом не обладает чувствительностью к основаниям: вне зависимости от каких-либо оснований агент поступит так, как нужно нейроученому (это обеспечит устройство в мозге агента). Но почему с точки зрения ТФР агент несет моральную ответственность? Во-первых, устройство в сценарии так и не включается. Во-вторых, механизм действия агента (в отличие от него самого) чувствительностью к основаниям обладает. Устройство нейроученого является посторонним имплантом и не входит в состав механизма действия агента. Но без устройства, агент – самый обычный человек. В результате, контрфактический кондиционал оказывается истинным: если бы были достаточные рациональные основания поступить иначе, и если бы механизм действия агента функционировал беспрепятственно (то есть при отсутствии устройства нейроученого), то агент поступил бы иначе. Свобода (свобода источника) и детерминизм совместимы, полукомпатибилизм истинен.

Однако для моральной ответственности в ТФР необходимо выполнение еще одного условия. Механизм действия должен принадлежать самому агенту, а не быть чем-то внешним для него. Это условие должно помочь ТФР избежать возражения Альфреда Меле

(пример с Энн и Бет) против теории Франкфурта. ТФР является историчной теорией, для нее важно, как именно агент стал таким, каков он есть теперь. Теория требует, чтобы механизм агента не был результатом промывки мозгов, установки какого-либо устройства в мозг и так далее. Принадлежность механизма агенту предполагает выполнение трех условий: 1. действуя с помощью механизма, агент должен рассматривать себя как реального агента, вносящего изменения в окружающий мир, 2. агент должен считать себя подходящим адресатом для ответных реакций других людей: люди могут хвалить или порицать его. Они могут предъявлять к нему моральные требования, ожидать от него того или иного поведения, 3. убеждения агента из пп. 1 и 2 должны подтверждаться подходящими свидетельствами, доступными агенту. То есть они не должны быть произвольными.

Многие инкомпатибилисты находят эти три условия неудовлетворительными. Они полагают, что можно придумать случаи с явно несвободными агентами, где все три условия выполняются. По мнению Дерка Перебума, его сценарии из Аргумента манипуляции являются контрпиримерами к ТФР. Профессор Плам может обладать чувствительным к основаниям механизмом действия. Более того, он может считать этот механизм своим, рассматривать себя как действующего агента, подходящего адресата для реакций окружающих людей. Все это может базироваться на подходящих свидетельствах, доступных Пламу (ведь с точки зрения Плама он – самый обычный человек). Однако все это будет результатом манипуляции, лишающей Плама моральной ответственности.

В заключении главы мы рассмотрим еще одну известную компатибилистскую теорию, которая стоит несколько в стороне от главных споров и аргументов о совместимости свободы воли и детерминизма. Это теория, созданная Питером Стросоном (Peter Strawson). Его статья 1962 года «Свобода и обида»[445] оказалась весьма влиятельной и изменила дискуссию 1960-х годов о свободе воли. В отличие от других рассмотренных нами теорий, теория Стросона сосредотачивает свое внимание на межличностных отношениях людей, их практике похвалы и порицания друг друга. Стросон полагает, что моральную ответственность можно лучше всего понять именно в контексте нашей практической, повседневной жизни.

---

[445] Strawson P. Freedom and Resentment. // Proceedings of the British Academy. 1962. № 48. pp. 187-211

В процессе общения друг с другом люди эмоционально реагируют на поступки окружающих, обижаются на них или испытывают благодарность. Кроме этого, они ожидают от других определенного поведения или даже требуют его от них. Всем нам понятно, примерно какое поведение следует ожидать от школьника по отношению к учителю или продавца к покупателю. Мы знаем, как должны вести себя по отношению друг к другу друзья, супруги, родственники, коллеги и так далее. Во всех этих взаимоотношениях проявляется то, что Стросон назвал реактивными установками (reactive attitudes). Обида и благодарность – две наиболее важных из таких установок. Они являются центральными для нашей социальной жизни и моральной практики: мы обижаемся на зло и благодарим за добро.

Отличительная особенность теории Стросона заключается не в признании существования таких установок (их признают почти все), а в том, что моральная ответственность человека конституируется реактивными установками окружающих людей. Можно сказать, что Стросон переворачивает привычную взаимосвязь: на человека реагируют не потому, что он морально ответственен, а он морально ответственен потому, что на него реагируют. Но почему у нас есть реактивные установки по отношению к другим людям? Для ответа на этот вопрос Стросон проводит различие между двумя возможными позициями. Первая из них – объективная позиция. Это отстраненная позиция, занимая которую, мы не испытываем сильных эмоций и у нас отсутствуют реактивные установки. Такую позицию мы занимаем, прежде всего, по отношению к неодушевленным предметам: мы не будем злиться на камень, о который споткнулись, и считать его морально ответственным за такое поведение. Мы можем занимать эту позицию не только по отношению к вещам, но и по отношению к животным и некоторым категориям людей (младенцам, невменяемым и недееспособным или к совершенно безразличным нам людям). Вторая возможная позиция – межличностная. Ее мы занимаем по отношению к тем людям, с которыми мы вступаем в межличностные отношения – мужьям, женам, родителям, друзьям, знакомым, таксистам, продавцам и так далее. Мы считаем всех этих людей частью общего морального сообщества. Мы и они включены в единую практику или форму жизни, в рамках которой действуют определенные принципы. Из этих принципов и вытекает наличие реактивных установок.

По утверждению Стросона, вторая позиция (межличностная) является психологически неизбежной для всех нормально

функционирующих людей. При общении с другими мы не можем не занимать эту позицию и не проявлять реактивных установок. Если человек (взрослый и вменяемый человек) намеренно вредит нам, причиняет зло, предает нас, то мы неизбежно будем обижаться, негодовать, злиться, расстраиваться и так далее. Эти эмоции неустранимы из нашей жизни. На этом и строится один из аргументов Стросона в пользу компатибилизма. Это не прямой аргумент, доказывающий совместимость свободы воли и детерминизма, но аргумент косвенный, показывающий неэффективность и бессмысленность противоположных (инкомпатибилистских) аргументов. Суть аргумента Стросона можно свести к следующим четырем тезисам: 1. люди являются морально ответственными, так как по отношению к ним применяются реактивные установки, 2. межличностная позиция и соответствующие реактивные установки неизбежны, 3. даже если детерминизм окажется истинным, люди не смогут отказаться от межличностной позиции и применения реактивных установок, 4. люди будут морально ответственными и при истинности детерминизма.

Противники Стросона могут возразить на это, что психологическая неизбежность той или иной позиции не делает эту позицию правильной и уместной. Вполне возможно, что люди, даже признавая истинность детерминизма, будут эмоционально реагировать на окружающих и считать их морально ответственными. Из этого никак не следует реальное наличие моральной ответственности и ее совместимость с детерминизмом. Из этого следует лишь неизбежность иллюзии свободы и моральной ответственности. Именно такую позицию занимает Сол Смилянски[446], называющий свою теорию иллюзионизмом. В соответствии с ней, свобода воли – иллюзия, но иллюзия необходимая и (самое главное) полезная для людей и общества. Мы должны поддерживать эту иллюзию, так как на ней строится вся наша моральная практика и общественные отношения. Без нее все это окажется под угрозой.

Другие критики аргумента Стросона с этим несогласны. Многие сторонники уже рассмотренного нами жесткого индетерминизма полагают, что люди могут скорректировать свои взаимоотношения с окружающими в свете отсутствия свободы воли и моральной ответственности. Дерк Перебум[447] считает, что отказ от моральной ответственности в смысле базовой заслуги и связанных с ней похвалы и

---

[446] Smilansky S. Free Will and Illusion. Oxford, Oxford University Press, 2000

[447] Pereboom D. Free Will, Agency, and Meaning in Life. New York, Oxford University Press, 2014 pp. 175-199

порицания не предполагает отказа от многих других важных эмоций (грусть, разочарование от плохих поступков и радость от поступков хороших). Этих эмоций и установок вполне достаточно для полноценной жизни.

Еще один аргумент Стросона рассматривает нашу моральную практику изнутри. В теории Стросона поведение личности морально оценивается в зависимости от качества ее воли (quality of will), то есть того отношения к окружающим, которое проявляется в ее поступках. Если человек специально разбил дорогую нам вазу, то этот поступок показывает качество его воли: он нас ненавидит и стремится нам навредить. Однако в нашей моральной практике существуют обстоятельства, в которых мы извиняем людей и снимаем с них ответственность. Вместо межличностной позиции мы занимаем позицию объективную. Первая категория обстоятельств снимает вину за конкретное действие. Если человек разбил вазу, но сделал это лишь потому, что его самого толкнули, то он не виноват в том, что ваза разбилась. В поступке никак не проявилось качество его воли. Стросон пишет об этой категории следующее: «К первой группе относятся все те соображения, которые дают повод к использованию таких выражений, как «Он не то имел в виду», «Он не понимал», «Он не знал», а также все те, которые дают повод для употребления фразы «Он ничего не мог поделать», когда она дополняется такими фразами, как «Его толкнули», «Он должен был так поступить», «Иначе было нельзя», «Ему не оставили выбора» и так далее»[448].

Другая группа обстоятельств снимает с человека вину за все его действия. Если человек страдает тяжелым психическим расстройством или же он просто не достиг возраста, необходимого для моральной ответственности, то окружающие переключаются на объективную позицию и не винят его. Считается, что он вообще не может проявлять качество воли в своих поступках. Стросон описывает эту группу следующим образом: «Вторая группа соображений существенно отличается. Я разделю ее на две подгруппы, из которых первая куда менее важна, чем вторая. В связи с первой подгруппой можно подумать о таких высказываниях, как «Он был сам не свой», «В последнее время он испытывал сильное напряжение», «Он действовал под воздействием постгипнотического внушения»; в связи со второй мы можем подумать о таких высказываниях, как «Он всего лишь ребенок», «Он безнадежный

[448] Стросон П. Свобода и обида // Финиковый Компот. 2020. № 15 с. 208-209

шизофреник», «Его ум систематически развращался», «С его стороны это было исключительно компульсивное поведение». Такие оправдания, как эти, в отличие от оправданий первой группы, побуждают нас воздержаться от наших обычных установок в отношении деятеля – либо на время некоторого его действия, либо навсегда. Они не побуждают нас рассматривать действие деятеля как совместимое с полным сохранением обычных межличностных установок и несовместимое со всего лишь одной из них. Они побуждают нас увидеть самого деятеля в ином свете, отличном от того, в котором мы обычно смотрим на того, кто действовал так, как действовал он»[449].

На основе этих двух групп снимающих ответственность обстоятельств Стросон выстраивает еще один аргумент в пользу компатибилизма. Аргумент этот прост: детерминизм не принадлежит ни к одной из этих групп. То есть, исходя из внутренних правил нашей моральной практики, истинность детерминизма не снимает моральной ответственности с людей. Моральная ответственность и детерминизм совместимы. Критики аргумента с этим несогласны. Некоторые из них полагают, что детерминизм схож со многими обстоятельствами второй группы. Для либертарианцев, например, люди в детерминистичном мире (наш мир они таким не считают) были бы психически неполноценными именно из-за детерминизма.

Список литературы

1. Balaguer M. Free Will as an Open Scientific Problem. Cambridge, MA, MIT Press, 2010.
2. Clarke R. Libertarian Accounts of Free Will. Oxford, Oxford University Press, 2003.
3. Dennett D. Elbow Room: The Varieties of Free Will Worth Wanting. Cambridge, MA, MIT Press, 1984.
4. Ekstrom L. W. Free Will: A Philosophical Study. Boulder, Westview Press, 2000.
5. Fischer J. M., Ravizza M. Responsibility and Control: A Theory of Moral Responsibility. Cambridge, Cambridge University Press. 1998.

[449] Там же, с. 209

6. Kane R. A Contemporary Introduction to Free Will. Oxford, Oxford University Press, 2005.
7. Kane R. The Significance of Free Will. New York, Oxford University Press, 1996.
8. McKenna M., Pereboom D. Free Will. A Contemporary Introduction. London, Routledge, 2016.
9. Mele A. R. Free Will and Luck. Oxford, Oxford University Press, 2006.
10. O'Connor, Timothy and Christopher Franklin, "Free Will", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2021 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/spr2021/entries/freewill/.
11. Pereboom D. Living Without Free Will. Cambridge, Cambridge University Press, 2001.
12. Sartorio C. Causation and Free Will. New York, Oxford University Press, 2016.
13. Smilansky S. Free Will and Illusion. Oxford, Oxford University Press, 2000.
14. Steward H. A Metaphysics for Freedom. Oxford, Oxford University Press, 2012.